

TAMMARA

*In hoc signo
vinces*

ТАМПЛИЕРЫ

Исторические хроники

А. КОЛИН

КНЯЗЬ АРНАУТ

роман

Проекты «Тамплиеры», «Цивилизация»
являются исключительной собственностью
издательства «ОСТО PRINT»
и охраняются международным авторским правом.

Художник
Ю. А. Станишевский

В России печатается издательством
«ОСТО PRINT», г. Москва
телефон: (095) 202-84-01

- © А. Колин «Князь Арнаут», роман, 1998
все авторские права сохранены.
- © Ю. А. Станишевский, рисунки, 1998
все авторские права сохранены.
- © «ОСТО PRINT», «Тамплиеры»,
название, оформление, 1998
все авторские права сохранены.

ISBN 5-85686-039-X

КНЯЗЬ АРНАУТ

...War was the background to life in
Outremer, and hazards of the battlefield
often decided its destiny.

Sir STEVEN RUNCIMAN

...Война была неотъемлемой частью
жизни Утремера, и его будущее, его
жизнь или смерть, зачастую решались
на поле боя.

Сэр СТИВЕН РАНСИМАН

КОРОТКО ОТ АВТОРА*

Место действия: Утремер или Заморская Франция, государства, основанные крестоносцами в период крестовых походов на Ближний Восток.

Время действия: середина XII века от Рождества Христова, точнее, период с 1148 по 1160 год (за исключением первой части, которая является как бы прологом романа. В ней действие происходит в 1233 году).

Главный герой: шевалье Ренольд, молодой небогатый пилигрим из Центральной Франции — личность историческая и, по мнению подавляющего большинства современных историков, персонаж однозначно отрицательный. Между тем человек этот интересен уже хотя бы тем, что сделал головокружительную карьеру и, прожив на земле чуть более шестидесяти лет, заслужив у современников уважение своей храбростью и отвагой, умер, как подобает воину.

Целью автора данного произведения, помимо желания показать образ жизни средневековых европейских баронов-грабителей и других искателей приключений, отразить нравы их эпохи, в немалой степени является и намерение по мере сил и возможностей реабилитировать героя, кончавшего свои земные дни ровно восемьсот десять лет назад. Тем более вышло так, что год

* Текст печатается в авторской редакции.

написания этого романа совпал не только с условным юбилеем Москвы, но также и с 850-летием фактического начала Второго крестового похода, в котором принял участие Ренольд де Шатийон.

Другие герои: короли, князья, бароны, мусульманские эмиры и шейхи, храбрые и своевольные рыцари, духовные иерархи Утремера, магистры военных орденов, а также, разумеется, верные оруженосцы, преданные слуги и другой люд, как тогда выражались, подлого звания.

Используемое оружие: мечи, копья, луки и арбалеты, одним словом, весь подобающий средневековому джентльмену набор. Ну и, безусловно, хитрость, коварство, предательство и беспощадная месть — чем не оружие? Эффект его порой просто потрясающий! — средства более доступные дамам, но с не меньшим успехом применяемые и кавалерами.

Необходимые атрибуты романа о рыцарях средневековья, если можно так выразиться, приметы времени: кровавые поединки и сражения, погони и засады и, конечно же, любовь, а там, где любовь, непременно случится измена, а значит, предательство и... беспощадная месть.

Стоп, стоп, стоп! Об этом мы уже говорили, значит, пора переходить к делу. Ну что ж, тогда, желаю не скучать!

Александр Колин

Москва

4 июля 1997 года

Моей жене, Ярославе, с благодарностью за то, что она сумела с пониманием и даже теплотой отнестись ко всей этой беспокойной рыцарской «братве», словно поселившейся у нас дома на все то время, пока я писал этот роман.

Часть первая
СОКРОВИЩА КОМАНДОРА

A.D. MССХХХІІІ

I

Сегодня, находясь при кончине дней своих, в последний раз окидывая взором пройденный путь, я, коментур¹ братства Бедных Рыцарей Храма Соломонова, Иосцелин Антиохийский, спешу завершить мое сказание о славных рыцарях, что завоевали сей благодатный, сей райский уголок земли, о Священной Войне, которую они вели с полчищами исмаиловыми, о великой беде государству латинян в Святом Городе Иерусалиме и разрушении царства Левантийского, о доблестных королях его, князьях и о рыцаре Ренольде из Шатийона.

В повести своей расскажу я вам и о безбожных язычниках турках, и о вероломных схизматиках грифонах, и о других многих, кои недостойны ни имени христианского, ни слова доброго, а то и вовсе о них упоминания.

Конец мой близок, хотя, в благодарение Господу нашему Иисусу Христу, теперь, на восьмом десятке

лет, отпущенных Им мне, тело мое еще не оскудело силами, зрение все также остро, как и в годы юности моей, а рука не менее тверда, чем когда-либо раньше. Не без гордости говорю я вам это, ведь строки сии пишу я сам, не прибегая к услугам писца.

И все же ныне я, как и сказал вам уже, при последнем часе моем.

Но, стоя здесь, на пороге вечности, я ликую, ибо дело мое закончено, труд мой завершен. Тут в граде Антиохийском по воле Господа я впервые увидел свет тут и скончаю дни мои, встречая кривую старуху с косою не на смертном одре, а, как и подобает воину, с мечом в руке.

Но свет радости моей омрачен ныне тем, что недолго осталось собору святого Петра носить крест на куполе своем, граду моему цвести, а жителям его славить Христа. И хотя ныне дела воинов Божьих видимым образом повернулись к лучшему — ведь град, где претерпел Господь за грехи наши, вновь обретен для тех, кто славит имя его, — ведомо мне, что близок час, когда утрачен будет он навеки². И затем вскоре придет черед и граду сему, где впервые человек назвался христианином³.

Всю землю эту проглотят нечестивые сыны Агари, ибо несть им числа. Огнедышащая Преисподняя, имя которой Вавилон, изрыгнет тьмы их и тьмы. И поставит дьявол во главе их слугу своего, глумливого раба, что поднят будет до высот трона.

Но то есть промысел Божий, а наши дела суть человеческие. И потому я преисполнен радости. Ибо умру, не испив чаши позора.

Ныне еще возможно человеку уходить с честью; и хотя повадки франков теперь не те, что были в дни моей юности и совсем иные, что, как рассказывали мне люди, водились промеж наших дедов и их отцов, все-таки еще может один человек, пусть и не без опасения, повернуться спиной к соплеменнику и единомерцу. Хотя, как ни прискорбно признавать, такое видим мы все реже и реже.

Глупость, страх и предательство вскоре завладеют этой землей окончательно, и, как ни грустно мне,

всю жизнь служившему Господу, сознавать это, орды нечестивцев лишь выполняют то, что делает ливень, смывая грязь и нечистоты с лица земли, по которой ступала нога Спасителя. Как знать, может стать, земля эта только и ждет того, как ждет она дождя в долгое засушливое лето.

Ныне ушел последний достойный правитель страны и города, где я родился и где, хваление Христу, приму смерть. Ушел последний из тех, кто заслуживал право носить имя Боэмунда Великого⁴, князя Отрантского, самого замечательного из первых пилигримов, из тех, кто с сердцами, исполненными мужества и истинной веры, отправился в поход против неверных. Умер четвертый из правителей нашего государства, названный в честь великого пращура, умер Боэмунд Одноглазый, и с его уходом померкла былая слава.

И безмерно счастлив я тем, что вслед за ними настает и мой черед, ибо нет мне горше чести, чем узреть то, что суждено городу моему. Грядущее, как сказал я уже, несет скорую погибель этой земле, как и прочим государствам латинян в Леванте.

То, что пережили мы во время Карнеаттинского побоища⁵, чему покорный ваш слуга сам стал свидетелем в дни своей юности сорок и шесть лет тому назад, было лишь тяжелой раной, от которой королевство Иерусалимское, пусть и ценой невероятных усилий, оправилось. Теперь же силы христиан иссякают и, хуже того, тает вера. Рыцарская доблесть, то, чем прежде всего славились франки, отдается на поругание купцам: венецианцы, пизанцы и генуэзцы, они, как вороны на тело поверженного воина, слетелись уже, обступили обессилевшего вокруг и до смерти его рвут тело на части.

Но мой рассказ не об этом. Мне не дано написать истории последнего достойного господина сего княжества. У меня иной жребий. Благодарение Господу, Он судил мне рассказать о временах куда как более героических, чем те, что грядут, и те, что переживаемы нами ныне. Те годы, о которых повествует мое перо, были не в пример благодатнее, и те люди, о которых

я расскажу, несравненно более благородны. Хотя и они уступали в славе и чести первым пилигримам, своим дедам и прадедам.

Я давно мечтал свершить это дело, ибо задумал его еще в день смерти своего отца. Того человека, который и вправду был моим отцом, хотя и не мог признаться в этом пред всеми. Мне же то ведомо сделалось в дни тяжкие, когда мальчишкой-оруженосцем угодил я в плен к туркам и в темнице встретил его.

Он был не из тех, кто привык робеть перед неприятелем, но всегда искал встречи с врагом, пусть и численно сто крат превосходящим силы его отряда, а завидев, бросался в сечу, и верная дружина всюду следовала за своим сеньором.

Так всегда поступали первые пилигримы, и часто в битвах святые скакали рядом с героями: Георгий и Деметрий, облачившись в доспехи и белые плащи с красными крестами, прищипывали белых жеребцов. Сам Господь, с умилением глядя на деяния сынов своих, помогал франкам.

Но то, как я уже с великой скорбью сообщил вам, было раньше, и того ныне нет и в помине. Всевышний отвернулся от нас. Теперь за грехи одних Он казнит других, будит рыцарский дух в нечестивых вавилонянах, отнимая у латинских воинов победу в бою в наказание за неверие мирян и алчность купцов, за нечестие священнослужителей и нерадение мастеров.

Боже, Боже, чего ради оставил нас ты?!

Почему герои сделались похожими на женщин? Почему воины стали сторговываться с неприятелем, а священники продавать веру на ступенях храма? Что случилось с потомками великих пилигримов, принесших крест на эту землю? Почему Ты оставил их милостью своей?!

II

Сотрясавший все здание грохот медноголового «барана», без успеха «бодавшего» обитую металлическими пластинками дубовую дверь, вдруг прекратился. Стало тихо, но те, кто находился на улице, не оставили своих

намерений. Они лишь сделали паузу, отложили таран, собираясь с силами перед решающим штурмом.

Они уже пробовали поджечь дом, но это не получалось: обмотанные просмоленной паклей стрелы не причиняли никакого вреда свинцовой кровле, равно как и дубовым ставням, ставшими влажными от недавно обильно выпавшего дождя.

Там на втором этаже дома, сделавшегося объектом интереса собравшихся на улице вооруженных мужчин, возбужденных вином и смелыми речами, сидел за столом в темной и очень неуютной, освещенной всего тремя свечами комнате совершенно седой длинноволосый старик. Он, одетый поверх кольчуги и прочего рыцарского облачения в длинный белый плащ с красными восьмиконечными крестами, царапая пером пергамент, выводил последние строчки длинного повествования. Он знал, что успеет завершить свой труд многих последних лет раньше, чем те, кто жаждал расправиться с ним, ворвутся сюда, но все равно торопился.

Голоса на улице стали слышнее, судя по всему, к осаждающим подоспела подмога. Они, и без того многочисленные, возрадовались, надеясь теперь без труда захватить здание, обороняемое помимо крепких стен, дверей и ставен лишь горсткой молодых людей, оруженосцев и слуг старика.

— Эй, Жослен! — выкрикнули сразу несколько глоток. — Эй ты, нечестивый пес! Сейчас мы придем к тебе в гости!

Последние слова отчего-то особенно развеселили и без того уже подогретую предвкушением расправы и сознанием собственной безнаказанности толпу, собравшуюся под окнами старого дома, вполне достойного называться маленькой крепостью. Мужчины, задирая длинные черные бороды, выпячивая покрытые кольчужным плетением животы, дружно захохотали, сопровождая свой больше похожий на конское ржание смех звоном оружия.

На взлетавших к глубокому, черному, усыпанному мириадами звезд и звездочек сирийскому небу лезвиях длинных и острых мечей, как, впрочем, и на доспехах

и шлемах воинов, играли отблески тусклого лунного света, отражались пляшущие язычки пламени десятков факелов.

Услышав, как кто-то вошел в комнату, старик поднял голову и уставился на того, кто осмелился потревожить его, своим единственным глазом.

— Это ты, Филип?

Юноша в кольчуге и надетом поверх нее черным сюрко⁶ с таким же, как и на плаще старика, красным крестом почтительно поклонился.

— Да, мессир, это я,— произнес он хрипловатым голосом, в котором чувствовались нотки неложного волнения.— Там у них... к ним...

— Докладывай,— перебил его старик и добавил: — Впрочем, и без того ясно... Сколько еще их пришло?

— Более полудюжины, мессир,— сообщил молодой человек и не выдержал, сорвался на крик: — Грязные киликийские грифоны! Проклятые горцы! Как они смеют поступать так с вами?! Неужели они не страшатся кары от Господа?! Не боятся гнева князя?! Мести ордена, наконец?!

Старик усмехнулся.

— Ты еще молод, Филип,— сказал он, качая головой.— Ты очень молод. Нет, мальчик мой, они не боятся ни Бога, ни князя, ни ордена. Что до последнего, то... я больше не член братства. Мой сан командора, так же как и плащ, который я ношу,— криво улыбнувшись, он коснулся белой материи,— лишь декорация. Мне позволено пользоваться ей до тех пор, пока не истекнут последние часы моей жизни, а они уже истекли.

Юноша, конечно, не имел права перебивать старшего, как по возрасту, так и по занимаемому положению, но он не смог утерпеть. Возраст и нежелание смириться с несправедливостью служили ему оправданием.

— Как же так, мессир?! — вскричал он.— Как же так?! Мерзкий сброд осмеливается хулить благородного рыцаря, угрожать его жизни, и никто, никто не вступится? Разве не на рыцарях, тех, кто преданно служит государю своему, радеет святой церкви Христовой, разве не на них держится эта земля? Как же

патриарх, как же князь, как же великий магистр Храма допустят?

Старик поднял руку, жестом давая понять, что хочет тишины.

Филип умолк, но даже и в полумраке комнаты человек с пером в руке видел, как негодование, охватившее юношу, бьется в нем, ища выхода. Это проявлялось в нервном подрагивании мускулов лица, гневном поблескивании глаз, неровном дыхании.

— Присядь, Филип, — попросил командор и, когда юноша выполнил его просьбу, продолжал: — Насчет братства, мой мальчик, можешь не сомневаться, с тех пор как киликийские грифоны вернули им Бахрас, магистр сделался куда дружелюбнее к своим извечным врагам. С патриархом тоже все ясно, он давно ждал этого часа. Я ведь никогда не скрывал своей роли в смерти Петра Ангулемского. Его святейшество объелся масла из лампы и скончался в узилище. А что еще оставалось ему делать, если никто не приносил бедняге ни еды ни питья в течение нескольких дней?

— Но это было давно... — с недоумением проговорил оруженосец. Для него это действительно было давно: в ту пору, когда патриарху Петру пришлось нести ответ перед судом за попытку осуществления государственного переворота, имевшего целью посадить на трон Антиохии внука Боэмунда Заики — Раймунда-Рубена⁷, мать Филипа еще ходила под стол пешком. — И потом, теперь у нас уже давным-давно другой патриарх.

— Предшественники, с которыми не приходилось тягаться за должность, самые лучшие кандидаты на роль святых мучеников. Главное — вовремя вспомнить о *безвинно убиенных*, — с холодным безразличием ответил командор. В делах князей церкви он разбирался прекрасно и потому не ждал от них ничего хорошего. О властителях светских он все же держался лучшего мнения. — А что до князя... — вздохнул старик. — Князь наш слаб. Он только именем Боэмунд, а душой... душой, да и вообще всей сущностью своей, он ничем не лучше, чем любой из грифонов, собравшихся там под окном...

— Но как же он может забыть о ваших заслугах,

мессир?! — не сдавался Филип.— Разве не вы всегда сражались бок о бок с его отцом, Боэмундом?

Старик усмехнулся, отчего стали глубже шрамы и морщины, которые избородили его кожу, точно извилистые русла пересохших ручейков. Все лицо командора на миг стало чем-то напоминать окружающую огромный город территорию со множеством ее гор и пригорков, овражков и ложинок.

— Боэмунд? Боэмунд Четвертый, сын Боэмунда Заики и Оргвиллозы Гаренской. Я как-то сказал ему, что переживу его. Он так разозлился, что велел немедленно бросить меня в башню. Правда, потом, поостыв немного, велел послать за мной и спросил, отчего я так думаю. Я объяснил...

Старик обвел рукой вокруг себя. Там в темноте скрывалось множество разных таинственных предметов, точное предназначение которых было совершенно непонятно непосвященному. Однако люди богобоязненные содрогнулись бы, поспешив осенить себя крестом, дабы отринуть увиденное и отвратить чары дьявола. Ведь известно же, для чего могут потребоваться все эти черепа и кости, ступки и сосуды со странными смесями. Что же думать о личности того, кому все это принадлежит? Церковь не жалуется колдунов, все они независимо от того, что подчас их снадобья приносят облегчение больным, служат врагу рода человеческого.

Оруженосца не страшили увлечения господина, у молодого человека сложилось иное отношение к дьяволу. Пожалуй, Филип видел в нем не врага, а соседа, в общем-то враждебного, но способного до поры быть не только вредным, но и полезным.

Подобным образом христиане, уроженцы Востока, особенно те, что жили в приграничных районах, часто относились к мусульманам, не слишком-то отличая их от соседей-единоверцев. Старик, хотя и родившийся здесь, в Северо-Западной Сирии, никак не мог привыкнуть к такому падению нравов. Наверное, он унаследовал дух одного из тех рыцарей, о которых писал, которыми восхищался. Может статься, он видел в них нечто большее, чем они являли собой на деле, но он ни за что не пожелал бы расстаться с мыслью о благородном

величии пращуров, отцов-основателей Левантийского царства. Утремера⁸, как называли его они сами.

Юноша знал об этом и не видел ничего ужасного в том, что господин его общается с потусторонними силами. Филипу не раз приходилось убеждаться в том, что старик может многое. В частности, порою он оказывался способен необъяснимым образом приподнять толстое сукно занавеса времени, и пусть и на краткий миг, заглянуть в будущее. Что же касалось прошлого, то его командор исследовал досконально и, по мнению оруженосца, знал, как никто другой из живущих на земле.

— Я объяснил князю причины, заставлявшие меня полагать так,— повторил старик после некоторой паузы и с улыбкой, почти не покидавшей в этот вечер его лица, искалеченного равнодушным металлом и беспощадным временем, продолжал: — Но успокоил его, сказав, что и я не надолго переживу его. В конце концов он даже растрогался. Он вообще порой был склонен к проявлениям чувствительности. Как-то лет десять назад киликийские грифоны призвали к себе в правители четвертого сына нашего князя, его звали так же, как и тебя, Филипом. Поначалу он очень нравился им. Правда, потом они изменили о нем свое мнение и даже заперли в башню в своей варварской горной столице, в Сисе. Так наш князь бросил все и вместе с турками отправился его выручать. Даже пошел на уступки своим врагам. Однако все без пользы, сын уже умер от яда. Едва ли стоит скорбеть. Не думаю, чтобы Филип оказался лучшим князем, чем его брат, ныне воссевший на трон. Поверь, я знаю, что говорю, Боэмунд Кривой был последним, кто стоил престола Антиохии и вообще какого-нибудь престола. У нас с ним было немало общего. Ни он ни я, сказать по правде, никогда особенно не верили ни в Бога ни в черта...

Заметив, что юноша хочет что-то сказать, старик сделал предупреждающий жест:

— Да, да, я знаю, что говорю, и, стоя на пороге могилы, не страшусь кары. И в этом мы были похожи с князем. Или вот,— он снова улыбнулся,— взять хотя

бы глаза? Я, как и он, одним вижу куда больше, чем ты двумя. Нет, не тешь себя надеждой, никто не придет нам на помощь. Их непременно накажут... потом, если придет на то нужда. Тогда им припомнят *злодеяния*, совершенные над *верным слугой Господним*, братом Жосленом. Тогда спросят с них, тогда и вспомнят о том, что они — всего лишь жалкие грязные киликийские грифоны. Это непременно случится, просто потому, что так уже происходило и раньше, они обязательно заплатят за свое бесчинство, но не сейчас.

Речь старика звучала спокойно, но веяло от нее таким холодным безразличием к собственной жизни, какое и бывает только у тех, кто давно приготовился к смерти. Филип все еще не желал смириться с участью, ожидавшей господина. О собственной участи и участи четырех вооруженных слуг, что заняли посты на самых уязвимых участках обороны, он как-то и не думал.

— И все же, мессир, я не могу поверить в то, что франки не вступятся за одного из своих!

— Франки? — переспросил рыцарь. — Полно, мальчик мой, много ли франков осталось в этом городе? От доблести тех лангобардов⁹ и фризов, что пришли сюда сто тридцать пять лет назад с Боэмундом Великим и его племянником Танкредом, не осталось и следа. Франки, и без того малочисленные, истаяли сразу же после того, как Рутгер Салернский угодил в котел вместе со всем своим войском. С тех пор княжество только оборонялось. Турки в Алеппо скоро забыли о временах, когда со стен своих видели границы христианских владений. А ведь до того, что ни год, язычники платили все большие дани регенту княжества — Танкреду. Он только звался байи¹⁰, а на самом деле был самым настоящим князем. Одно это имя приводило в трепет неверных от Дамаска до Багдада. Рекой лилось в подвалы цитадели на Сильфиусе золото неверных. После каждой битвы толпы пленных гнали по улицам города. И что же? Всего несколько десятков лет понадобилось франкам, чтобы потерять все, что они имели. Счастье их, казалось, умерло вместе с Танкредом и дядей его, Боэмундом, вместе с первыми Бальдуэнами. Покупая мир ценой бесчестия,

их потомки заискивали перед властителями Алеппо и Дамаска, но ничто не могло отвлечь неизбежность.

Старик внезапно умолк. Он, единственным своим глазом уставившись на пергаменты у себя на столе, казалось, забыл о юноше. Филип все еще не желал верить горькой правде, заключавшейся в словах господина.

— Но... но... мессир... — несмело произнес оруженосец, глядя на повернувшегося к нему в профиль командора и словно бы все еще надеясь, что старик скажет что-нибудь ободряющее. Но тот молчал и юноша продолжал: — И все же, разве ради заслуг ваших перед прежним князем нынешний не пришлет вам помощи? Как же может сын забыть добрые деяния тех, кто служил его отцу?

— Поверь, Филип, поверь мне, — покачал головой командор. — Я достаточно прожил на свете, чтобы убедиться: ценить чужие заслуги — высокое искусство, владеть которым дано немногим. Я знал немало добрых рыцарей, баронов, князей и графов, которых Господь не наделил подобным даром. Даже и Боэмунд Кривой не часто вспоминал о благодеяниях, оказанных ему другими, — проговорил старик скорее с безразличием, чем с грустью. — А что до слабаков, каким вырос его сын, они и подавно не помнят добра. Таковые государи в одночасье забывают о своих ближайших помощниках. Такие не правят, ими правят другие.

Храм, Госпиталь, городская коммуна, венецианцы, пизанцы с генуэзцами, клир — как ревнители римского канона, так и ортодоксы, — патриарх и Папа через своих полпредов, все начнут тянуть каждый к себе. А когда увидят, что пожалованное им сегодня завтра передается более крикливым, возненавидят столь ничтожного государя. Они, забывая уже обо всем, кроме своих сиюминутных выгод, начнут рвать на части и этот город, и княжество, и того, кто сидит на троне...

Старик вдруг замолчал, но через секунду-другую, печально вздохнув, продолжал:

— Об этом я и написал, ведь уже видел такое я в дни моей молодости. Мне еще не исполнилось двадцати пяти, когда умер от проказы король Иерусалимский

Бальдуэн Ле Мезель. Добрый и способный юноша, он мог бы стать славным королем. Не раз дела государственные вынуждали его, пересиливая боль, подниматься из постели. Вынося ужасные мучения, которые причиняло ему любое движение, отправлялся он навстречу неприятелю, обращал в бегство турок и сарацин.

Командор вновь сделал паузу и, указывая на пергамент, сказал:

— В те далекие времена у меня было два глаза и две руки. Я не плачу по ним, как не плакал и лишившись их. Что ж плакать по волосам, была бы цела голова. Через два года по смерти Бальдуэна Прокаженного настали времена тяжкие. Государство расколосось надвое. Бароны Утремера не уставали печься о своих амбициях даже и перед лицом смертельного врага. Обман и предательство стали делом обычным, как и ныне. Благородные магнаты утишили распри свои не раньше, чем нашли себя и всю землю свою стоявшей на пороге гибели... Некоторые из тех, кто стоит там за окнами, достаточно молоды, чтобы дожить до страшного часа. То, что ждет этот город и всю землю франков, затмит собою позор и ужас Карнеаттина. Потому что тогда весь Запад всколыхнулся. Многие сотни храбрых рыцарей взяли крест и спасли Левантийское царство от полного уничтожения. А ныне... ныне никто, никто не придет на помощь. Государи Европы найдут более разумное применение силам своих вассалов, чем бросать их в битву за благополучие тех, в ком не осталось и капли чести, кто в погоне за торговыми выгодами готов продавать соплеменников и единоверцев...

Старик опять замолчал. Но и на сей раз тишина продлилась недолго. Он уже хотел открыть рот, когда с улицы вновь раздалось разноголосое:

— Эй, Жослен, что притих?! Думаешь, мы уйдем?!

— Думаешь дождаться подмоги? Не надейся! Ни князь, ни орден не станут возражать против того, чтобы поджарить тебе пятки!

— Может, ты рассчитывал на помощь патриарха? А, Жослен-нечестивец?!

Оруженосец не выдержал. Не желая спускать обид в адрес господина, он бросился к окну, чтобы открыть

его и прокричать в ответ что-нибудь не менее обидное, однако старик властным окриком заставил молодого человека отказаться от этого намерения. Горя негодованием, раздувая ноздри, как молодой жеребец, Филип повернул вспыхнувшее краской лицо к командору.

— Но мессир! — воскликнул он. — Раз дела обстоят так, как вы говорите, и никто не подаст нам помощи, раз все равно все погибнет, к чему тогда нам прятаться здесь?! Дозвольте нам атаковать! Нас пятеро, все мы умеем держать меч. Лучше умереть раньше с честью, чем удлинять жизнь ценой бесчестия! К чему ждать позора?!

Юноша вскочил, пальцы его сжали рукоять меча, который совсем недавно вернулся в ножны. Оруженосец ждал ответа, он почти не сомневался в том, каков будет приказ господина, но... Молодой человек ошибся, он услышал то, что менее всего ожидал услышать.

Командор кивнул в сторону плотно закрытых ставнями окон:

— Ты очень молод, Филип. Ты молод, а потому не знаешь, что жизнь не стоит ни удлинять ни сокращать. Хорошо умереть молодым, но лучше все же дожить до старости... Ведь и тогда не обязательно дожидаться последнего часа, лежа в кровати, среди зевающих родичей, только и мечтающих о моменте, когда можно будет, отбросив последние приличия, ринуться к сундукам, спеша исполнить заветное желание — поглубже запустить руки в сокровища ненужного более человека. Ненужного, Филип, никому не нужного.

Он набрал в легкие воздух и медленно, с расстановкой проговорил:

— Есть только один способ сохранить жизнь и не утратить уважения к себе...

— Какой же, мессир?! — воскликнул Филип. Он все еще думал, что слова старика — долгое вступление к чему-то очень важному, но вместе с тем понятному, как, к примеру, то, что только что предложил сам оруженосец.

— Делай не то, что хочешь, а то, что должен, — ответил командор. — Если Господь судил тебе долгий

путь свершений, ты проживешь долго, как я, если нет, с честью ляжешь в бою, не дожив и до первых седин. Так в свое время мечтал встретить смерть и я, но мне выпало иное, и я не жалею...

Он умолк, не желая говорить юноше всего, что знал, но и тот продолжал молчать, выжидаяще глядя на господина, пока не отважился наконец спросить:

— Но если вы не верите в Господа, мессир, как тогда узнаете, каков ваш путь?

Командор ответил не сразу, очевидно, любопытство молодого человека поставило его в тупик.

— Не знаю, как тебе и ответить,— проговорил старик со вздохом и, пожав плечами, добавил: — Наверное, я все же верю в Него. Просто я не нуждаюсь в посредниках для того, чтобы узнавать Его волю. Это, конечно, ересь. И прежде всего потому уже, что своим вольнодумством я подаю пример другим. Но никогда не стоит ничего принимать на веру сразу, даже Бога. Для того и даны человеку сердце, разум и чувства, чтобы с их помощью сам он отыскал свой путь... Наверное, я не смогу объяснить тебе толком, что чувствую, хотя, признаюсь, я и сам не раз задавался тем же вопросом. И этим, и многими другими...— Он снова улыбнулся и, показав сначала на потолок, а потом на пол, продолжал: — Может быть, там я узнаю это?.. Но...

Улыбка сползла с лица старика. Он нахмурился, прислушиваясь, и едва ли не с удовлетворением кивнул.

К тому времени собравшиеся на улице, устав оскорблять хозяина дома, поутихли. Негромкие звуки их голосов и звон оружия стали почти неслышными. Но затишье скоро кончилось, на сей раз уже навсегда. Вновь раздались радостные возгласы. Создавалось впечатление, что собравшиеся выражали ликование по поводу того, что наконец увидели того, кого им более всего недоставало.

«Что ж,— мысленно подытожил командор,— теперь все в сборе, ждать осталось недолго. Совсем недолго».

Заметив на лице юноши выражение недоумения, старик указал на пергамент и сказал:

— Это все, что я оставляю по себе, уходя в мир иной...

Он не успел договорить, в комнату ворвался взволнованный слуга.

— Простите меня, мессир,— воскликнул он.— Грязные грифоны там на улице задумали очень худое. Они отовсюду стаскивают вязанки хвороста, боюсь, как бы они не вознамерились поджечь нас.

— Тогда они обезумели,— покачал головой командор.— Кем бы ни был нынешний князь, он, как, впрочем, и любой другой властитель, не позволит запросто устраивать пожары в собственном городе. Впрочем, они только пугают,— уверенно проговорил он и спросил: — Верно ли я понял, Андрэ, к ним присоединился Баграм, мой старый ненавистник?

Слуга кивнул и, не скрывая удивления проницательностью господина, произнес:

— Да, мессир, он со свитой только что подъехал.

Однако более всего слугу волновала расстановка сил.

— С ним до дюжины народу,— проговорил Андрэ и, демонстрируя хорошие способности в счете, уточнил: — Итого, вместе с теми, кто уже был, их почти четыре десятка. Если они подожгут дом, нам...

— Они не подожгут дом,— без тени сомнения ответил командор.— Как раз то, что там находится Баграм, убеждает меня в этом лучше, чем чьи-либо страстные заверения. Он ненавидит меня больше других, хотя бы уже за то, что не без моей помощи многие из этих грязных киликийских грифонов были не раз выдворены отсюда и тридцать и тринадцать лет назад.

Вы были еще детьми тогда, когда нечестивые пещерные жители, эти варвары из гор Тавра, обманом захватили наш город, пользуясь отсутствием князя. Целых четыре года они бесчинствовали тут, но потом наконец горожане изгнали их прочь. Баграму и его присным больше некому мстить за свое бегство, кроме меня. Но несмотря ни на что, он все же достаточно разумен, чтобы понять: нынешнему князю не нужен лишний шум, как не нужны ему и пожары. Он у них, пожалуй, один из самых умных. Если эти горные варвары вообще

заслуживают того, чтобы оценивать их как цивилизованных людей. И чего уж точно нет у них и в помине, так это чести, у язычников — и у тех куда больше благородства.

Собравшиеся на улице мужчины не дали старику закончить. Один из них, обладавший несомненно очень зычным голосом, благодаря которому осажденные прекрасно слышали каждое слово, прокричал:

— Эй, Жослен! Эй, ты слышишь меня, старик?! Молишься там? Молись, потому что мы сейчас поджарим тебя!

Командор не удостоил врага ответом, но лишь велел оруженосцу и слуге внимательно выслушать приказы.

— Принеси ковчежец, Филип, и положи в него вот эти листки,— сказал старик и, когда молодой человек исполнил распоряжение, продолжил: — Это мое наследство. Я бы очень хотел, чтобы потомки прочитали мой рассказ о гибели первого королевства Иерусалимского, потому прошу тебя, мой верный и храбрый оруженосец, и тебя, мой лучший слуга, сохранить мое сокровище. Ибо это труд, которому я посвятил все те годы, что прошли со дня возвращения моего государя на престол Антиохии и до дня его смерти.

Он замолчал, и юноши осмелились задать вопрос.

— Но как же мы сможем исполнить вашу волю, мессир? — начал Филип, и Андрэ подхватил:

— Дом окружен, грифоны вот-вот бросятся на штурм, нам едва ли доведется уцелеть?

— Слушайте меня, отроки,— старик поднял палец.— Этот дом строили еще во времена второго владычества Византии в Сирии¹¹. В ту пору люди имели так же мало оснований доверять соседям, как и теперь. Сирийцы, киликийцы и прочие грифоны косились друг на друга, со дня на день ожидая наскока сарацин. Все искали момента открыть захватчикам ворота и в то же время очень боялись, как бы другие не опередили их с этим.

Он умолк, словно собираясь с мыслями или раздумывая, говорить или не говорить юношам того, что

собирался. В это время вновь послышался голос мужчины, который тщетно, но терпеливо дожидался ответа хозяина дома:

— Эй, Жослен, ты не умер там? Подожди умирать, старик. Не лишай нас удовольствия насадить тебя на вертел, облить маслом и как следует прожарить, а потом снять твою покрывшуюся аппетитной корочкой кожу и скормить нашим псам. Собаки ведь, не смущаясь, жрут своих!

Это заявление вызвало бурный восторг осаждающих, которые буквально зашлись от хохота и принялись громко кричать, потрясая оружием.

— Смеется тот, кто смеется последним, Баграм,— еле слышно проговорил командор, и единственный глаз его на миг вспыхнул зловецим светом.

«Посмотрим, как решит Бог... или дьявол,— добавил он уже мысленно.— Может статься, нам придется уже сегодня жариться вместе. Если речь идет об одной сковороде или котле для нас двоих, я не стану возражать против твоей компании, Баграм-победитель».

Старик продолжал:

— Я точно не знаю, но говорят, будто дом этот принадлежал оружейнику Пиру или Пиррусу, киликийцу родом. Когда сельджуки отняли Антиохию у базилевса грифонов, а произошло это всего лет за десять до того, как папа Урбан призвал к священной войне за освобождение Гроба Господня, Пир перешел в магометанство и принял имя Фируз.

Молодые люди понимающе закивали; кому же в Антиохии не было известно имя человека, чье предательство открыло крестоносцам дорогу в город, неприступные стены которого франки безуспешно осаждали в течение семи с лишним месяцев? И все же мысль о том, что в этом доме некогда жил столь знаменитый человек, казалась им чересчур удивительной.

— Неужели это правда? — не выдержал Андрэ, а Филип добавил: — Говорят, он знался с самим...

Оруженосец осекся, вовремя сообразив, что и его господин *знается* с тем, чье имя лучше все же лишний раз не произносить понапрасну. Он хотел перекрестить-

ся, но не сделал этого, боясь уподобиться святошам, которых, как юноша прекрасно знал, его господин очень не жаловал.

Командор, разумеется, заметил порыв молодого человека и прекрасно понял, какие мысли завладели сознанием Филипа.

— Да! — неожиданно весело воскликнул старик. — Именно так! А уж о тех, кто знается с самим... — он весело подмигнул Филипу единственным глазом. — О них известно, что они всегда оставляют себе кое-что про запас. — Он в одно мгновение сделался серьезным и продолжал уже без тени иронии в тоне: — Здесь есть подземный ход. Он ведет на другую улицу.

— Как? — удивился Андрэ.

— Я слышал о нем! — проявил осведомленность Филип. — Жан говорил мне об этом.

«Успел все же! — мысленно вознегодовал командор. — Когда только?!»

Жан был вторым оруженосцем старика Жослена. С полгода назад он поведал господину о своей находке. В подвале, где хранилось старое оружие, юноша обнаружил люк, задвинутый огромным, стоявшим там еще с незапамятных времен сундуком. Прежде никому не приходило в голову трогать неподъемный сундук. К тому же одному человеку, если только он не уродился таким детиной, как Жан, вообще едва ли под силу сдвинуть его хотя бы на полвершка. А так как Жану абсолютно некуда было девать свою силушку, то он от нечего делать решил переставить сундук на другое место.

Парень, как и полагается, сообщил о своем открытии господину. На следующий день Жан заболел лихорадкой и вскоре умер.

Впрочем, теперь его редкая болтливость едва ли могла повредить старику.

— Вы возьмете мой ковчежец, — произнес он. — Спуститесь в подвал, отодвинете сундук и благополучно покинете этот дом.

Юноши хотели что-то сказать, но господин жестом остановил их.

— Я еще не закончил,— продолжал он, поднимая со стола кожаный мешочек и протягивая его оруженосцу.— Это деньги. Вам должно хватить их надолго. Сумеете сохранить жизнь и распорядиться ими с умом, значит, возможно, доживете до старости и умрете не в нищете. Тебя, Филип, назначаю между вами старшим. Постарайтесь завтра же уйти из города. Отправляйтесь в Сен-Симеон, садитесь на корабль и плывите в Европу. Лучше всего куда-нибудь подальше, во Францию или даже в Англию. Наймите переписчиков, пусть размножат мой труд...— Командор хотел еще что-то сказать, но в это время вновь послышался голос Баграма:

— Эй, Жослен! Неужели ты так струсил, что лишился языка?! Молчишь? Ну тогда готовься, мы идем к тебе в гости!

Не успели отзвучать его последние слова, как медная голова «барана» вновь ударила в дубовую дверь. Здание загудело. Преграда выдержала... Пока.

— Ступайте! — старик нервно махнул рукой.— Чего ждете?

Андрэ явно горел желанием последовать приказу хозяина, но Филип медлил, а слуга не хотел уходить слишком далеко от кошель с деньгами. Андрэ, более крупный и старший годами, был готов беспрекословно признать старшинство оруженосца, по крайней мере до тех пор, пока звонкие безанты и динары¹² оставались под охраной длинного меча юного храмовника.

— Но, мессир,— воскликнул Филип.— Почему бы и самому вам не отправиться с нами?

Командор покачал головой. В это самое мгновение «баран» снова «боднул» дверь.

— Нет,— проговорил старик, сосредоточенно глядя перед собой,— у меня другие намерения. Я прикрою ваш отход. Кто-то же должен запереть подвал, так?

— Но... мессир,— оруженосец явно не спешил уйти,— мой долг...

— Забудь об этом. Я освобождаю тебя ото всех обязанностей как по отношению ко мне, так и к ордену. Ты ведь не рыцарь, а всего лишь сержант¹³, тут моего почетного командорского звания вполне достаточно,

сколь бы декоративным оно ни было.— Как бы в подтверждение своих слов, старик коснулся красного креста у себя на груди и подвел итог своим словам: — Плащ мой при мне.

Третий удар потряс здание, и Андрэ вдруг понял то, что давно понимал старик: на сей раз штурм увенчается успехом. И все же слуга медлил, ожидая, пока и Филип поймет это. Но тот оказался на редкость несообразительным.

— Но наш уход ослабит оборону,— проговорил он, точно старый воин и не подозревал об этом.

Андрэ решил не отставать от безмозглого оруженосца:

— Подвал могли бы запереть другие, мессир.

— Ступайте! — рыкнул на них командор.— Я сам знаю, кому что делать. Пошли вон!

За время службы оба юноши хорошо изучили своего господина; охота перечить ему у них прошла мгновенно. Они спустились в подвал и, поднатужившись, вдвоем не без труда отодвинули тяжеленный сундук. Наскоро простившись с командором и получив от него напутствие и благословение, они скрылись в узком затхлом проходе и прикрыли за собой люк. Когда юноши исчезли, командор вышел из подвала и запер дверь.

Поднявшись по лестнице он затворил также и двери, что вели в глубь дома из тех помещений, где занимали посты трое оставшихся участников обороны. Таким образом господин лишал их возможности искать спасения в бегстве и создавал на пути неприятеля дополнительную помеху.

Когда старик покончил с этим, таран атаковал преграду уже в девятый или десятый раз. Еще дюжина, может быть, две ударов, и она не устоит. Так или иначе, в запасе у командора оставалось около четверти часа. Для осуществления его намерений этого времени хватило бы с лихвой.

III

Старик немного ошибся в расчетах. Осаждающим понадобилось не менее получаса, чтобы окончательно сокрушить мощную входную дверь, перерезать слуг и, преодолев последние преграды, ворваться к тому, чьей крови они так жаждали.

Уже совсем рядом раздался громкий топот, ругань, звон оружия и доспехов.

— Он здесь! Он здесь! — на языке киликийских армян закричал воин, первым переступивший порог комнаты с низкими закопченными потолками, где всего несколько минут назад закончил колдовать над своими колбами старик в белом плаще с красными восьми-конечными крестами. — Скорее сюда!

Воин отодвинулся в сторону, пропуская в комнату вождей. Первым шел пятидесятилетний мужчина с посеребренной сединой густой когда-то черной бородой в открытом остроконечном шлеме, дорогой длиннорукавной кольчуге и наброшенном на плечи шелковом плаще. В руках этот благородный красавец держал длинный меч с едва различимыми в полумраке следами крови на тусклом лезвии.

— Здравствуй, брат Жослен, — весело поприветствовал он хозяина на распространенном в Антиохии и большинстве других областях Утремера наречии языка франков, старательно упирая на слово «брат». — Я вижу, ты заждался... — Окинув старика внимательным взглядом, он покачал головой: — Нет, похоже, ты не рад. Но ничего не попишешь, придется тебе принимать гостей.

Мужчины, стоявшие по правую и по левую руку от предводителя, заулыбались и энергично закивали.

— Я рад тебе, Баграм, — ответил командор на том же языке, прикладывая к груди руку. — Извини, что не предлагаю сесть. Поскольку я тебя не приглашал, ты, я думаю, простишь меня... — Он сделал маленькую паузу и спросил: — Если я не ошибаюсь, у вас, киликийских грифонов, не в обычае оказывать почести незваным гостям?

Улыбочка сползла с благородного лица Баграма, в миг сделав его злобным и жестоким. Остальные пода-

лись было вперед, но, поскольку самый знатный из них остался на месте, они лишь повернули к нему лица, ожидая приказа. Справившись с собой, предводитель сделал знак, и стоявший позади оруженосец протянул господину кусок ткани, которой Баграм, многозначительно глядя на старика, тщательно вытер свой клинок.

— Тебе ли, незаконнорожденный, обсуждать порядки моего народа, сыны которого не раз занимали трон Бизантиума? — надменно скривив рот и топорща великолепную бороду, проговорил Баграм.

— Не тебе, жалкий выскочка, так разговаривать перед лицом одного из знатнейших мужей могущественнейшего из подданных царя Малой Армении! — воскликнул один из мужчин, стоявших рядом с предводителем. — Немедленно поклонись господину, ты, жалкий червь.

Командор и ухом не повел.

— Вот именно, малой, Васил, — напомнил он надменно. — И не вам, грязным горцам, отдавать приказы командору ордена Храма. Забыли уже, как учили вас братья уму разуму? А уже если говорить о выскочках и незаконнорожденных, то где как не среди представителей ныне царствующих в Сисе Гетумянов их больше, чем в любом из самых зашудалых родов с задворков Европы.

Васил и все прочие, кто находился в первом ряду, приготовились уже броситься на старика и разорвать его на части. Но Баграм, предвкушавший веселье и еще не закончивший разговор, не позволил им этого.

— Тихо, тихо, друзья, — успокоил он недовольных. — Послушаем несчастного! Каждое произнесенное им слово делает его жизнь длиннее на мгновение. Да, да, именно длиннее, но главное здесь то, *каким* будет это мгновение! Он тысячу раз успеет пожалеть о своей дерзости.

— Тебе ли знать, что ждет меня, Баграм? — с сожалением в голосе спросил командор. — Не ведаешь ты сего, как закрыто для тебя и то, что будет с тобой самим уже скоро. И ты еще говоришь мне о том, что мне придется о чем-то жалеть? Глупец. Тебе ли пугать меня

пыткой? Тебе ли кичиться древностью рода? Тебе ли, жалкий раб жалких господ? Сорок лет я сражался с неверными. Лишился руки и глаза. Не раз меня сажали в башню, где ждал я казни. Я падал со штурмовых лестниц, тонул, погибал от голода. Как тебя видел я султана Саладина и короля Корделиона¹⁴...— старик скривился.— Они выглядели куда лучше, чем ты. Но ты ведь пришел не для того, чтобы пререкаться со мной, так ведь, Баграм?

Командор знал, что говорил, он ни минуты не сомневался, что, если бы задача предводителя врагов состояла только в том, чтобы поиздеваться над ним, Баграм давно бы уже позволил своим товарищам броситься на него.

— Ты угадал,— седобородый красавец кивнул.— Отдай нам свои драгоценности, и мы пощадим тебя,— пообещал он, но тут же добавил, хищно улыбаясь: — Зарежем быстро.

— Что ж,— немного помедлив, ответил старик,— это предложение достойно того, чтобы всерьез задуматься над ним. Как ты сказал? Прирезать быстро? Это — дело, это по-честному. Я готов выполнить твои условия.

Командор взял свечу и, повернувшись, сделал несколько шагов в глубь комнаты. Спутники Баграма заволновались, никому не верилось в то, что старый рыцарь запросто расстанется со своим сокровищем. Если бы это произошло, то предводителю армян удалось бы утереть нос извечным врагам храмовникам. Как только они не опередили киликийцев? Не знали про сокровища? Ждали смерти брата Жослена? Конечно, не знали. Да, как бы невероятно это ни звучало, но дела обстояли именно так.

Тем временем храмовник, встав на одно колено, опустился куда-то под стол со стоявшими на нем колбами и ретортами и, кряхтя, вытащил оттуда ковчег приблизительно таких же размеров, как и тот, в который упаковал самое ценное сокровище, свой труд «Gesta Rainaldi»¹⁵.

— Вот,— тяжело дыша проговорил командор, ставя сундучок на другой стол.— Вот то, что ты хотел

получить, Баграм. Открывай же крышку. Смелей! Чего ты испугался?

Нет, Баграм не испугался. Он боролся с собой, одна часть его сознания отказывалась верить в то, что коварный старик так легко сдается, а другая убеждала киликийца, забыв о мелочах, сосредоточиться на главном, ведь ненавистный Жослен ничем не мог повредить ему. И все же... Рука храмовника была пуста, оружия, которое он мог бы быстро схватить, чтобы исподтишка нанести подлый удар, поблизости также не наблюдалось.

— Открывай,— с видом побежденного предложил старик.— Здесь целое сокровище. Все, кто знал о его существовании, давно мертвы. Ума не приложу, откуда ты узнал о нем?

Баграм криво улыбнулся, как человек, сознающий свое превосходство.

— Да, все мертвы,— согласился он и уточнил: — *Теперь* уже да. Но *раньше*... существовал еще кое-кто, знавший твою тайну.

— Нет, не говори,— взмолился командор.— Дай мне угадать. Тот слуга ромей, что недавно ушел и не вернулся, это он? Как же его звали, Варнава? Прочие слуги звали его Головастиком, потому его настоящее имя я слышал всего лишь один раз, когда он пришел наниматься ко мне. А поскольку было это как раз тринадцать лет назад, когда вас, грязных киликийских грифонов, благополучно вышвырнули из Антиохии вместе с вашим князем полукровкой, то я уже успел изрядно подзабыть, как его звали в действительности. Так я угадал? Это он?

Предводителю пришлось сделать знак своим соплеменникам, которые при упоминании о «грязных киликийских грифонах» вновь изготавились броситься на старика. Баграм ухмыльнулся.

— Варлам его звали,— уточнил он.— Варлам, он был армянином, а не ромеем. Еще его отец служил моему отцу, а дед — деду.

— Не вижу большой разницы,— пожал плечами командор.— Все грифоны одинаковы, что ромейские, что киликийские. Впрочем, киликийские все-таки гаже.

Рыцарь лукавил, он прекрасно знал, кто прислуживал в его доме все эти годы. Варлам был отличным рабом, он один стоил десятка. Когда властитель Триполи и Антиохии лежал на смертном одре, Жослен, вот уже тринадцать лет не покидавший своего жилища, так разоткровенничался с Головастиком, что даже открыл ему страшную тайну про сундучок с сокровищами, много лет назад отбитый отрядом храмовников у сарацин.

Так уж вышло тогда, что из двух дюжин рыцарей и оруженосцев, налетевших как ветер с небес на ничего не подозревавших, уже расположившихся для ночлега турок, впоследствии уцелел лишь один Жослен. Хотя тогда судьба оказалась благосклонной к воинам Храма, почти никто из них не пострадал в бою, на пути в Бахрас их поразила какая-то неведомая болезнь за несколько часов выкосившая весь отряд до единого человека. Господь пощадил только командира и его оруженосца, который, однако, пал от сарацинской стрелы уже на следующий день.

На исходе своих дней старик храмовник как раз и признался своему «верному» слуге в том, что, полагая, что на сундучок с сокровищами наложено заклятие, он не стал сдавать в казну ордена добычу, о которой теперь никто кроме него не знал, а оставил у себя до лучших времен. Но через день или два слуга пропал. Господин искренне переживал.

Может быть, именно рассказ зарезанного по приказу Баграма Варлама, переданная им история старого тамплиера о чудесных свойствах этих сокровищ останавливали сейчас предводителя киликийцев? Что стоило ему сразу открыть сундучок?

— Открывай ты! — приказал он командору.

— Хорошо, — согласился тот, очевидно все еще рассчитывая на обещанную быструю смерть. — Только удовлетвори прежде мое любопытство, я уже понял, что Головастика послал ты, но для чего? Если из-за сокровищ, то как ты узнал? Ведь турок мы зарезали всех до единого, и товарищи мои умерли в поле, кто мог рассказать тебе?

— Напряги память, брат Жослен,— посоветовал Баграм и нехорошо улыбнулся, точнее оскалился.— Или ты уже настолько стар, что не помнишь подробностей того боя? Сорок лет — немалый срок.— Так как командор молчал, то киликиец продолжал: — Там ведь были не только турки, так? Они вели с собой пленных. Сначала их было с полсотни, но к тому моменту, когда вы набросились на язычников, осталось не больше дюжины. Большинство не выдержало тягот пути. Но те, кто уцелел, с ликованием встречали христиан, считая их своими избавителями. Так бы и было, если бы не проклятый сундук. Заглянув в него, предводитель *освободителей* приказал перебить всех, и, поскольку тамплиеры всегда повинуются приказам своих командиров, распоряжение было исполнено... Догадываешься теперь, откуда мне известно про сокровища?

Лицо командора скривилось в ухмылке.

— Так за что же ты ненавидишь меня, Баграм? — спросил он едва ли не с удивлением.— За то, что я не добил тебя тогда? Поленился лишний раз ткнуть мечом? Это даже как-то нелепо.

— Нет, не за это,— возразил киликиец,— а за то, что твои псы зарезали мою мать.

— Извини,— проговорил Жослен без тени скорби,— все, что бы ни делалось по воле Божьей,— к лучшему. Благодаря нам она избежала тяжелой и позорной участи рабыни.

Баграм посмотрел на старика так, что и без всяких слов становилось понятно, что хотел он выразить своим взглядом.

«Нет. Легкой смерти ты у меня не получишь!» — говорили глаза седобородого красавца, почти сорок лет назад уцелевшего после страшной резни, устроенной рыцарями Храма.

Вслух киликиец сказал другое:

— Открывай сундук.

Старик исполнил приказание. Заскрежетал ключ в замке, и пальцы храмовника приподняли крышку. Почти сорок лет никто не заглядывал в недра этого ковчежца. Все присутствующие как по команде придвинулись к нему, ибо зрелище, которое открылось им, не могло не

поражать. Сундук наполняли россыпи всевозможных драгоценных камней, алмазы, смарагды, рубины сияли, как звезды ясной ночью. Попадавшие между ними золотые безанты с изображениями богоподобных ромейских базилевсов и динары с ликами восточных государей на фоне блиставших всеми гранями камней казались жалкими оболами.

— Вот это да! — воскликнул кто-то в наступившей на миг тишине. А другой добавил:

— Да на это можно купить целый город!

— Целую страну! — не согласился третий.

— Тут хватит, чтобы нанять армию! — с восхищением произнес Васил.

— Клянусь муками Господними, никогда не видел ничего подобного! — словно в полусне проговорил сам Баграм.

Умей он смотреть на ситуацию с разных сторон, то, возможно, оправдал бы в какой-то мере своего смертельного врага. Того ведь в свое время ничуть не в меньшей степени поразило увиденное. Однако знатный киликиец не мог думать ни о чем, кроме мести. Он решительно захлопнул крышку ковчежца и повернулся к командору. С губ Баграма вот-вот уже готов был сорваться приказ, но он так и не прозвучал, словно бы застыв в горле человека. Глаза седобородого красавца встретились с единственным глазом старика.

Командор на миг показался Баграму таким, каким он увидел его много-много лет тому назад.

Длинные седые волосы исчезли под кольчужным капюшоном — остроконечный шлем рыцарь снял, утирая мокрое от пота безбородое лицо краем размотавшегося бурнуса. Хотя солнце уже заходило, проваливаясь куда-то за гряды гор, жара все еще стояла очень сильная. Вокруг, как всегда бывает в Сирии, быстро стемнело, но в свете факелов, которые зажгли победители, двенадцатилетний черноволосый мальчик, одетый в одну лишь превратившуюся в лохмотья рубашку, мог прекрасно разглядеть стоявшего перед ним воина. Особенно привлекали внимание длинные пшеничного цвета усы, кончики которых свисали ниже подбородка и черная кожаная повязка, закрывавшая

правый глаз, да еще хищный крест, словно бы сложенный из выкрашенных красной краской ласточкиных хвостов или капителей античных колонн, на пропыленной дотемна белой материи надетого поверх кольчуги сюрко.

Следующее, на что обратил внимание пленник сарацин, это то, что окровавленный меч воин держал в левой руке. Баграм оказался перед ним только потому, что первым откликнулся на вопрос: «Если уж среди вас нет франков, может быть, кто-нибудь из вас понимает наш язык?» Однако мальчик не успел представиться и сообщить спасителю о своем благородном происхождении, как того окликнули солдаты. Когда же, спустя несколько минут, командир отряда храмовников вернулся, положение пленников радикальным образом переменялось.

Последним, что видел в тот вечер Баграм, стало скривившееся в жутковатой гримасе лицо одноглазого тамплиера и его меч, взлетевший в небо и превратившийся на миг в тонкую черную полосу, разрезающую наискосок красноватое зарево заката. Отрок выжил, потому что на то была Господня воля, и вот теперь, спустя многие-многие годы он пришел, чтобы покарать убийцу своей матери.

Его Баграм встретил здесь, в этом городе, больше двадцати лет назад, но тогда командор Жослен находился в расцвете славы, не приходилось и думать о том, чтобы подступиться к нему. Впрочем, как раз думать-то никто никому запретить не может, и киликиец принялся вынашивать план мести. Казалось бы, удобный момент представлялся семнадцать лет назад, когда узурпатор, Боэмунд Кривой, не чуя беды, сидел в своем родовом графстве, в Триполи. Тогда армянам удалось проникнуть в город и сделаться в нем хозяевами. Они обложили засевший в цитадели гарнизон, и тот, лишенный подвоза продовольствия, сдался на милость победителей. В Антиохии утвердился законный властитель, Раймунд-Рубен. Как позже выяснилось, проклятому храмовнику удалось ускользнуть. В самый последний момент он бежал на побережье в неприступную Тортосу.

Баграм умолил сюзерена своего господина, царя Малой Армении Левона¹⁶, посодействовать ему в святом деле мести. Ситуация, казалось, вполне благоприятствовала, царь вернул тамплиерам Бахрас, что сделало великого магистра менее щепетильным в вопросах взаимоотношений одного из своих братьев с подданными щедрого горского владыки. Как-то неожиданно выяснилось, что у сира Жослена оказалось немало грехов, мириться с которыми братство не могло. Чернокнижие, общение с потусторонними силами, чрезмерное властолюбие, неразборчивость в средствах и прочая и прочая и прочая.

Однако хитрый старик нюхом почуял беду, из Тортосы он бежал в Триполи, под крыло к главному ненавистнику всех киликийцев Боэмунду Кривому. Впрочем, Жослен не долго оставался в стенах столицы графства, где каждую минуту мог ждать предательского удара кинжалом в спину (он еще не знал тогда, что враг его не мог позволить себе роскоши обратиться через госпитальеров к ассасинам). Граф направил его к сельджукскому князю Икониума Кайхаусу, и маленький отряд Жослена, присоединившись к турецким ордам, с полной отдачей посвятил себя грабежу западных провинций царства Левона.

В 1220 году Боэмунд вернул себе княжеский престол Антиохии, что вновь сделало Жослена недостижимым для мстителя. Впрочем, если бы последний имел целью лишь удовлетворить свою кровожадность, послав в дом заклятого врага наемных убийц, командор ордена Бедных Рыцарей Храма Соломонова уже давно был бы мертв. Жертвами безумных фидаев, посланцев Старца Горы¹⁷, становились и не такие личности: достаточно вспомнить новоизбранного короля Иерусалима Конрада Монферратского или совсем недавно павших от рук ассасинов, нанятых Госпиталем, чтобы уничтожить заклятых врагов ордена, — патриарха Альберта Иерусалимского и старшего сына князя Боэмунда Кривого, Раймунда, зарезанного не где-нибудь, а в неприступной Тортосе, оплоте храмовников.

Тринадцать лет ждал Баграм своего часа. Тринадцать лет служил жившему в уединении «почетному»

командору по-собачьи преданный своему настоящему господину Варлам. И вот, будто звезды сошлись, после смерти старого князя настала возможность посчитаться с врагом собственными руками, да к тому же, наконец, завершилась миссия Варлама. Возможно, было бы умнее, как советовал дальновидный Васил, сохранить слуге жизнь, он мог бы оказаться полезен, никогда не лишнее иметь своего человека в стане неприятеля, но Баграм боялся, что о сокровищах каким-нибудь образом пронюхают тамплиеры. Пришлось перерезать верному Варламу глотку.

Теперь цель достигнута, Баграму удалось заполучить возможность распоряжаться не только жизнью своего ненавистника, но и захватить столько лет скрываемое ото всех сокровище.

Еще не утихли всеобщие восторги, вызванные видом несметных богатств, а предводитель киликийцев уже начал подсчет свидетелей, которых придется устранить. Пятерых убили слуги Жослена, значит, считая самого Баграма и Василя, оставалось ровно тридцать три человека. Целый отряд! Большая часть в комнату не поместилась, но это ничего не значит, слух разнесется мгновенно...

Именно в этот момент, когда, покончив с арифметикой, Баграм пришел к выводу, что из всех тридцати трех, исключая, разумеется, его самого, придется оставить лишь троих — Василя и двух немых, — он посмотрел на командора, увидев его именно таким, каким был он тогда, сорок лет назад. Если не считать длинных, совершенно седых волос, отсутствия шлема, кольчужного капюшона и меча, все осталось как прежде. Даже усы точно так же, как и тем памятным летним вечером, свисали ниже подбородка. Изменился только их цвет, теперь из пшеничных они превратились в седые. И еще, тогда начинался июль, теперь заканчивался март. Впрочем, время года не играло ровным счетом никакой роли.

«Почему он в кольчуге, но без меча? — спросил себя Баграм, скользя глазами по фигуре врага. — Даже и кинжала у него нет... Надеется, что я пощажу безоружного? Ну уж нет! Он не пощадил ни меня, ни моей матери!»

Старик улыбнулся, словно прочитав мысли, вихрем промчавшиеся в голове своего ненавистника. Взгляд киликийца остановился на его руках. Кисть левой белела в темноте, а правая... перчатка! Кривой Жослен, Жослен Левша, так называли храмовника, но никто никогда не говорил однорукий Жослен! Прочитав по глазам смертельного врага одно — он понял! Понял! — командор, злобно оскалившись, выбросил вперед правую руку.

Скрытый в перчатке клинок вонзился прямо в не защищенный кольчужным плетением участок шеи. Лезвие вошло неглубоко, но...

Баграм выронил меч, схватился за горло и начал оседать. Он бы и упал, если бы кто-то из воинов не догадался подхватить неизвестно с чего потерявшего сознание господина.

— Что случилось? Что с господином?! — раздалось сразу несколько возгласов.— Он умирает!

И действительно, могучий воин, седобородый красавец на глазах своей дружины испускал дух. Он не мог произнести ни одного членораздельного звука, только хрипел и стонал. На губах его пузырилась розовая пена. Наконец заметили сочившуюся на металл кольчуги кровь. Кто-то закричал:

— Это старик!

— Он ударил господина! — подхватили другие. Мечи взметнулись к потолку.— Смерть ему!

— Нет! — вставая на пути воинов, устремившихся к командору, закричал Васил.— Пусть не надеется так легко отделаться! Мы сделаем с ним то, что собирался сделать наш господин!

Старика, казалось, ни на йоту не встревожила подобная перспектива. Он совершенно очевидно не страшился ни пыток, ни мук, ни медленной смерти на костре.

— Повремени, Васил,— проговорил он зловещим голосом.— Баграма больше нет, может, это и к лучшему? Теперь ты здесь главный. Тебе и делить добычу. Давай-ка подумай над тем, как уменьшить количество претендентов? Что ты так вытаращился на меня? Баграм не стал бы утеснять себя подобными сложностями.

Он решал проблемы просто, не так ли? Варлам послужил ему немало, но он не пожалел верного раба. А чем остальные лучше?

Под прокопченными сводами комнаты на несколько секунд зависла осязаемая почти физически зловещая тишина. Как бы ни были глупы солдаты, но и они сообразили, что в словах старика заключается печальная истина. Если бы предводитель остался жив, большинство из них прожили бы очень недолго. Пользуясь всеобщим замешательством, командор подошел к ларцу и поднял крышку. Казалось, от блеска драгоценностей рассеялся окружающий мрак.

Старик запустил в сундучок руку, точно решил перемешать камни, а может быть, просто взять полную пригоршню и бросить в собравшихся. Однако ничего подобно не произошло, храмовник отошел от сокровища, и все увидели вдруг, что драгоценные камни и золотые монеты... исчезли.

Воины, точно так же, как и в тот момент, когда впервые увидели содержимое ковчежца, невольно придвинулись ближе к столу, будто желая убедиться в том, что на их глазах произошло чудо. Но оно не принадлежало к разряду тех, которыми удивлял древних жителей Леванта бродячий философ, принявший жестокую смерть на кресте и увековечивший свое имя на тысячелетия. Его чудеса отличала доброта, чудо же кривого однорукого старика было злым, он словно бы обратил вино в воду. Кому нужны такие чудеса? Понятно, кому...

Все стали креститься.

— Дьявол...— прошептал кто-то.

— Нечистый...— подхватил другой.

Но прочим все же не давал покоя более практический вопрос.

— Куда?.. Где?..— вопрошали они.— Куда подевалось сокровище?! Где золото?! Камни?!

Нельзя не признать того, что интерес выглядел совершенно обоснованным. Вместо драгоценностей, которых, по мнению рачительного Василя, хватило бы для того, чтобы нанять целую армию, в ларце оказался неведомый никому черный порошок. Видимо, именно в

него, точно коснувшись волшебной палочкой, и превратил проклятый старик камни и золото, так радовавшие глаз.

— Золото? Камни? — переспросил командор с дьявольской улыбкой. — Я не то что ваш господин, я решил разделить все по справедливости!

— Как?! — разом выдохнули полтора десятка глоток.

— Эй ты! — прикрикнул на Жослена сделавшийся предводителем Васил, инстинктивно чувствуя, что настал момент, когда гнусный старец может повернуть ситуацию в свою пользу и не просто выйти сухим из воды, но и сделаться победителем. — А ну-ка посторонись!

Храмовник покорно отошел в сторону, а Васил, вновь обретая уверенность, приказал кому-то из оруженосцев:

— Посвети-ка мне факелом!

Отдав такой приказ, ближайший из подручников мертвого Баграта трижды перекрестился и смело протянул руку к ларцу. Услужливый оруженосец подвинул факел как можно ближе к лицу господина, что бы тот мог лучше разглядеть, куда же девалось сокровище — вдруг да окажется, что его еще можно вернуть?

— Ты что, ополоумел?! — зарычал на солдата Васил, отпихивая от себя факел, пламя которого чуть не обожгло ему бороду.

Больше ничего в своей жизни он сказать не успел. Судьба не оставила ни ему, ни большинству присутствовавших времени на то, чтобы осознать, что же произошло. Они так и не смогли понять, куда подевались вожаки камени и золото.

Одна из капель горящего масла с факела, столь решительным образом отстраненного от своего лица Василом, упала прямо на черный дьявольский порошок. Комнату озарила вспышка яркого, точно воссияли разом десять полуденных солнц, света. Раздался грохот, равный по силе грому тысячи барабанов, в которые разом ударили барабанщики неверных. Но самое страшное заключалось в том, что сокровища никуда не исчезли. Словно бы сам сатана, слугою которого — теперь

уж и сомневаться нечего! — был проклятый седой старик, вдохнул живую душу в спрятавшиеся в недрах ящика драгоценные камни, золотые безанты и динары. Обратившись в обезумевших ос, вылетели они из огня и принялись жалить всех без разбора. Столь велико оказалось буйство князя тьмы, что крошечные камешки и не столь уж большие монеты, ставшие его орудиями, со скоростью в сотни раз большей, чем скорость камня, выпущенного из пращи Давидом, смертоносным градом осыпали стоявших перед столом мужчин.

Сила, с которой обрушивались на людей сокровища, оказалась столь велика, что от нее не спасали ни шлемы, ни кольчуги, алмазы, рубины и смарагды, безанты и динары прошивали сталь, словно тонкую кожу, а в непокрытые железом части тел и вовсе входили, будто нож в теплое масло.

— Ну что, честно я все разделил? — спрашивал старик у обезображенных взрывом мертвецов, у стонавших раненых. — Честно?! — хохотал он, и приплясывая по комнате, вновь повторял: — Честно?! Честно?! Честно?!

Немногим из полутора десятков воинов посчастливилось выбраться из кровавой мясорубки. Обожженные и израненные, они выползали на лестницу, крича своим товарищам только одно:

— Дьявол! Там дьявол! Разверзлись ворота адовы! Бегите! Бегите скорее! Спасайтесь! Спасайте ваши души! Пришел враг рода человеческого! Конец света настает!

А в старика тамплиера словно бы и в самом деле вселился бес. Он и не думал, воспользовавшись плодами своей победы, искать спасения в бегстве, хотя мог бы уйти отсюда тем же путем, которым всего чуть более получаса тому назад покинули осажденный дом его слуга и оруженосец.

Невзирая на почтенный возраст, брат Жослен и не думал завершать свою дьявольскую пляску. Напротив, видимо для того, чтобы сделать свое жилище более похожим на владения князя тьмы, он стал хватать валявшиеся повсюду факелы и с дикими возгласами метать их прямо в свои колбы и прочие сосуды, занимавшие все пространство у самой дальней стены.

Звенело, разбиваясь, стекло, жидкости и порошки рассыпались и разливались повсюду, с шипением и рычанием вспыхивая одни желтым, другие красным или голубым пламенем. Вскоре огонь царствовал повсюду; его ручейки потекли по полу, достигая ног незадачливого мстителя Баграма. Сапоги и штаны киликийца задымились, а другие огненные струйки уже охватывали изувеченное, лишенное рук и головы тело Васи́ла.

Старик же, выкидывая немыслимые коленца, скакал по комнате, его белый плащ развевался точно флаг победителя. Пламя просто не могло упустить столь лакомый кусочек. И вот уже сам виновник всего дьявольского буйства превратился в огромный факел. Дикий хохот командора заглушал рев набиравшего силу пламени и страшные стоны заживо поджаривавшихся в своих доспехах раненых воинов.

IV

Несколькими минутами раньше оба юноши, которым по воле их господина была не только дарована жизнь, но и обеспечена возможность безбедного существования в какой-нибудь более благополучной земле, закончили свой утомительный и — чего греха таить? — страшный переход.

Они и сами не верили, что сумели выбраться на улицу. Кто же знал, где и как заканчивался длинный, извилистый, ужасно узкий и тесный туннель? Иной раз двигаться удавалось только на четвереньках, а в одном месте и вовсе пришлось ползти добрых пять-шесть туазов¹⁸, показавшихся молодым людям длиной в добрую милю.

Но вот наконец Филип, двигавшийся впереди, воскликнул:

— Все, дальше идти некуда!

— Что? — не понял Андрэ и, сплевывая уже не в первый раз набившуюся в рот землю, повторил: — Как некуда? Мы что, в тупике?

— Не знаю, — пробурчал оруженосец, которого все

сильнее раздражал пугливый слуга. Говоря по правде, юный тамплиер и сам с трудом превозмогал страх: одно дело погибнуть в бою с оружием в руках, другое — задохнуться в мрачном тоннеле.— Жан говорил, что выход есть.

— Откуда это ему известно?

— Он дошел до конца...— начал Филип, но спутник резко оборвал его:

— Ты что, хочешь, чтобы я поверил, будто такой буйвол смог протиснуться через этот проклятый лаз? Не болтай ерунды!

Оруженосец спорить не стал. Что тут скажешь? Как ни крути, этому трусу не откажешь в сообразительности, теперь-то Филип и сам понимал абсурдность своего заявления. Однако в планы господина ни в кое случае не могла входить гибель его посланцев. А значит, он знал, куда отправлял их, допустить противоположного молодой человек просто не мог. Его вообще отличала от спутника прямота и бесстрашие, свойственное большинству рыцарей и юных оруженосцев.

Жослен не случайно выбрал для исполнения задуманного им дела двух довольно разных людей: трусливого Андрэ и смелого Филипа, надеясь, что безрассудство и неумение обдумывать последствия собственных поступков одного компенсируется осторожностью и расчетливостью другого. Он от всей души желал юношам беспрепятственно добраться до Европы и выполнить поручение, которое он дал им. Молодые люди и представить себе не могли, насколько важным казалось оно ему. И уж ни в коем случае не поверили бы, если бы кто-нибудь рассказал им, что их старый господин самолично, дабы убедиться в его надежности, проделал путь из подвала собственного дома до руин квартала, где ютились нищие, а именно там и заканчивался туннель длиной не менее чем в полсотни туазов, прорытый добрых два века назад.

Да и говоря откровенно, рассказывать было некому, единственный свидетель этого, Жан, успел лишь походя шепнуть Филипу про подземный ход. Здоровяк, несомненно, со временем выдал бы товарищу тайну, но...

господин вовремя позаботился о том, чтобы этого не произошло.

Оруженосец собрался с духом, взял себя в руки и спокойно ощупал все, что его окружало. Факел, который они с собой захватили, давным-давно погас, и нельзя сказать, что отсутствие света прибавляло юношам храбрости.

— Есть! — закричал Филип, когда почувствовал, как подался под его рукой грубо сколоченный потолок из неровных шероховатых досок.— Мы спасены!

Произнеся это слово, он как раз и высказал то, что во время их короткого путешествия более всего волновало обоих. Именно спасены, потому что трудно представить себе что-нибудь менее приятное, чем перспектива оказаться заживо погребенными в мрачном подземелье.

Оказавшись наверху, они в первые минуты испытали такой прилив счастья, такую радость, что не сразу обрели способность двигаться дальше. А двигаться было необходимо, кто мог знать, какие гнусные типы притаились в зловонных пастях полуразрушенных зданий? Кто мог поручиться, что в головах нищих не вызревали планы поживиться за счет случайно забредших в их жутковатый квартал молодых людей? Что взбредет на ум подобным, лишь внешне напоминавшим человеческие создания существам, ведь терять им нечего, кроме своей жалкой жизни? Их не всегда остановит и добрый клинок.

Все эти мысли тревожили Филипа, пока юноша, не выпуская рукояти меча, внимательно оглядывался по сторонам. Оружие, священный металл, вот чему более всего доверял юный сержан Храма. Он напрягал глаза, надеясь заметить злоумышленников раньше, чем они, пользуясь темнотой, решатся обнаружить свои нечистые намерения. Тогда уж не зевай!

Однако было похоже, что даже и преступники предпочитают грабить в других, более пристойных местах.

Занятый своими мыслями Филип совсем забыл о своем товарище, да и чего беспокоиться, если кошельто у тебя на поясе? Уж кто-кто, а Андрэ по собственной воле от денег не сбежит. Да и зачем ему сбегать? Первое

препятствие они с честью преодолели, теперь оставалось найти гостиницу и, дождавшись в ней утра, отправиться в гавань Сен-Симеон. До нее примерно четыре лье¹⁹ пути в сторону моря, то есть на запад, столько же, но уже в северном направлении до так называемых Сирийских Ворот, на страже которых стоит злополучный замок Бахрас.

И замку и самой Антиохии, городу, где оба юноши родились и прожили один — пятнадцать, другой — девятнадцать лет, навеки предстоит остаться в прошлом, а в будущем... в будущем их ждал неведомый мир. Им предстояло открыть для себя мать-Европу, откуда, что ни год, приходили на Восток корабли, привозившие романтиков, искателей приключений или же любителей легкой наживы. Одни возвращались обратно, другие оседали в христианской Сирии, в Палестине и Галилее, иным удавалось разбогатеть, но большинству предстояло кануть в небытие, и кости их, обглоданные шакалами и омытые обильными зимними ливнями, высушенные щедрым солнцем Леванта, белели повсюду, где находила неугомных скитальцев смерть.

— Андрэ,— позвал оруженосец, поворачиваясь в ту сторону, где, как думал он, находился его товарищ. Трусливый слуга — не самая лучшая компания, но кто знает, сколько еще времени предстоит им провести вместе? Придется притерпеться, а может быть, даже и подружиться; чего только не бывает? — Андрэ? Что ты...

Рука Филипа сама потянула из ножен меч.

Все верно рассчитавший старик Жослен ошибся в двух вещах: не слишком-то утруждая себя наблюдением за жалким созданием, маленьким человечком, каким, несомненно, являлся слуга, командор переоценил его преданность и недооценил его же жадность. Андрэ вовсе не собирался ни выполнять поручение, данное ему господином, ни становиться товарищем мечтательного и благородного Филипа.

Пока оба они ползли по тоннелю, мужества слуги едва хватало, чтобы не закричать и, прикинув к земле, навеки не остаться лежать на ней, доедаемым живот-

ным страхом и крысами, которые нет-нет да и давали о себе знать, сверкая из темноты маленькими желтенькими глазками. Но едва оказавшись на воздухе, он куда скорее, чем оруженосец, пришел в себя и решил действовать, рассудив, что более удобный случай завладеть тугим кожаным кошельком ему вряд ли представится. Зная, что Филип ни за что на свете не отдаст его, пока жив, и понимая также, что, несмотря на разницу в возрасте, в честной схватке с оруженосцем ему не выстоять, Андрэ лишь ждал удобного случая, чтобы избавиться от товарища.

Пустырь — милое дело! Лучше и придумать нельзя. Даже если труп обнаружат, кто будет искать убийцу сержана, пусть даже и служившего Храму? Нечего беспокоиться. Убийство спишут на нищих. Он же в любом случае к тому времени будет вне пределов Утремера.

Обычная рыцарская кольчуга — добрая защита от рубящих ударов, от копья и стрелы она предохраняет куда хуже. Надежной преградой на пути кинжала мог стать кованый панцирь. Такие в ту пору еще только начинали входить в моду в Европе, главным образом в Германии.

Филип, вероятно, дожил бы до того времени, когда подобное оружейное новшество получило бы достаточно широкое распространение на Западе. Кто знает, возможно, не раз и не два пришлось бы ему, закованному с головы до пят в кованые латы, устремиться на врага?

Между тем ему не только не довелось увидеть дальние страны, о которых он уже мечтал, ему не удалось даже дожить до следующего утра. Трусливый слуга, избранный ему в напарники господином, вложив в удар всю силу, вонзил кинжал в бок пятнадцатилетнему оруженосцу.

— Предатель... — прохрипел Филип, разжимая пальцы и роняя меч. — Будь прок...

Юноша не договорил слов проклятия. Его безжизненное тело рухнуло на землю, туда, куда упало оружие, в которое он так верил, всецело полагаясь на его мощь.

Убийца, и сам поразившийся собственному хладнокровию, вытер лезвие о черное сюрко своей жертвы и ловко срезал с пояса мертвеца вожделенный кошель. Андрэ огляделся по сторонам и хотел было уже уйти, как вдруг взгляд его упал на ковчежец старого господина. Слуга, как и большинство трусов, имел склонность к суеверию и, зная о занятиях старого храмовника, не решился бросить его труд.

«Утоплю его в море,— подумал Андрэ.— А может быть, встречу какого-нибудь монаха и отдам эту писанину ему. Пусть разбирается, а то, что оно мне? Грамоте-то ведь не учен».

Подхватив ларец, внезапно, чудесным образом разбогатевший слуга зашагал прочь, стараясь как можно скорее удалиться от места преступления. Спеша к гостинице, он увидел зарево пожара, полыхавшего как раз в том месте, где находился дом, из которого он так благополучно улизнул.

Радость наполнила сердце Андрэ, заставив его на некоторое время забыть о реальности.

— Эй, человек! — раздалось совсем рядом. — Помоги нуждающемуся? Брось хоть медяк воину, лишившемуся ноги в битвах с неверными! Господь вознаградит тебя за доброту!

Андрэ резко обернулся; совсем рядом стоял одетый в лохмотья старик, опиравшийся на самодельный костыль. Оружия, как показалось слуге, при нищем не было. Это вернуло юноше немедленно улетучившееся самообладание.

— Пошел прочь, побирушка! — закричал Андрэ.— Стану я подавать всякому пьянице! Ступай своей дорогой!

Молодой человек зашагал дальше, как вдруг прямо перед ним выросла чья-то темная тень.

— Подайте убогому от щедрот ваших,— заблеял некто, чьего лица слуга не видел.— Сжальтесь, господин. Бог не оставит вас за вашу доброту. Помогите увечному, пострадавшему за братию свою...

— Прочь!

— Не гоните меня, господин,— взмолился нищий.— Я полной мерой претерпел от врагов Господа нашего,

неверных сарацин. Безбожники выкололи мне глаза. Но я вижу сердцем, у вас добрая душа, не прогоняйте меня, господин...

— Прочь!

Андрэ чувствовал, что не должен позволить нищим остановить себя. Слепой, безногий, но сколько их тут еще? Облепят со всех сторон, не отцепятся и, пока до нитки не оберут, не отвяжутся. Потом ищи свищи того, кто стырил кошель!

Но не успел слуга подумать так, как самые худшие его опасения начали сбываться.

— Помогите убогому! — закрипел кто-то третий противным голосом. — Не оставьте несчастного инвалида, лишившегося рук на полях сражений с неверными. Не дайте погибнуть страдальцу за веру!

— Не оставьте меня вашей милостью, господин! — захрюкал кто-то совсем рядом. — У меня все тело покрыто язвами, с тех пор как при осаде вражеской крепости турки облили меня кипящим маслом! Я ужасно страдаю, помогите мне хоть чем-нибудь ради Господа нашего Иисуса Христа!

Поняв, что его окружают, Андрэ швырнул в одного из попрошаек тяжелый сундучок. Снаряд сделал свое дело, раздались страшные ругательства, один из тех, кто еще секунду назад старался разжалобить Андрэ, заклиная его именем Божьим, припомнил всех чертей, от всей души желая ему и его ближайшей родне «самого наилучшего». Юноша обернулся и, увидев, что сзади никого нет, развернулся и налегке бросился бежать, куда глаза глядят.

Нищие, казалось, отстали. Вернее, поначалу они и не думали преследовать его, так как поспешили поживиться нежданной добычей. Не обнаружив, однако, в сундучке ничего, кроме пергаментов, убогие и увечные, изрыгая проклятья в адрес удравшей жертвы, поспешили вдогонку. Но они опоздали, Андрэ успел оставить их далеко позади, радуясь тому, как ловко ему удалось распорядиться писаниной хозяина. Решительно никто и никогда не использовал прежде с такой эффективностью литературной продукции.

Внимание молодого человека на секунду вновь привлекло все увеличивавшееся зарево.

«Неужели проклятый колдун сгорел?! — подумал он. — Дай то Бог!» И тотчас же повернулся, почувствовав неладное.

На пути Андрэ словно из-под земли выросла чья-то тень. Некто, грозивший нарушить его планы, не кричал, не причитал, не жаловался и ничего не требовал, он вообще молчал. Именно это-то и показалось юноше самым жутким. От тени впереди будто бы повеяло мраком и холодом преисподней.

Андрэ остановился как вкопанный, тревога в сердце молодого человека все возрастала. Слуга хотел обернуться, чтобы оценить обстановку, но не успел. Кто-то, неслышно подкравшись к нему сзади, очень сильно толкнул юношу прямо на столь пугавшую его тень. Потерявший равновесие молодой человек увидел, что во тьме, как раз там, куда он летел, не будучи в силах остановить падение, блеснула тусклая сталь клинка.

В следующую секунду услужливо выставленный незнакомцем длинный нож, пронзил тело Андрэ насквозь. Он так и не разглядел лица хладнокровного убийцы.

— Ого, Петр! — воскликнул тот по-гречески, наскоро обтирая оружие об одежду убитого и ловкими профессиональными движениями ощупывая мертвое тело. — У нас сегодня богатый улов! Мнится мне, что в этом кошеле найдется немало серебра! Господь нынче милостив к презренным рабам своим! Спасибо тебе, Боже!

— Поспешим, Гавриил, — не разделяя столь бурного веселья напарника, но все же радуясь удаче, поторопился Петр, видимо по натуре склонный к скептицизму. — Не будем искушать Его. Скорее, надо убраться подальше отсюда, пока нас никто не видел. Этот тип прикончил храмовника. Чего доброго, попадем в переплет. Снимут с нас кожу воины Господни. Пошли от греха!

— Пошли, — согласился Гавриил, и в мгновение ока оба исчезли, точно никогда не появлялись тут.

Когда, прихватив с собой сундучок — не пропадать же добру,— ушли столь фатальным образом упустившие богатую добычу нищие; туда, где минуту назад они дрались за обладание ларцом, из которого высыпали содержимое, выползло некое, отдаленно напоминавшее человека существо. Выглянувшая из-за туч луна не пожалела для него своего серебряного света, и потому, если бы кто-нибудь возжелал разглядеть это одетое в рубище создание, он без затруднений мог бы осуществить свое намерение.

Однако едва ли кто-либо, находясь в здравом рассудке, рискнул бы отважиться на это. Так легко было спятить от жалости или от омерзения, которые вызывало существо. Ей-богу, дьявол и тот, верно, выглядит лучше! Половину лица бедняги сожрала язва ожога, почти лишенная пальцев рука так же походила на месиво из сукровицы и гноя. Кисть же другой руки и вовсе отсутствовала.

Тем не менее зрение существо утратило еще не полностью, по крайней мере, один глаз у него точно наличествовал, иначе нельзя объяснить, почему оно, собрав некоторые из разлетевшихся листков пергамента — большую часть затоптали дерущиеся,— принялось внимательно всматриваться в письмена.

Несчастное создание, несомненно, знало язык, на котором и изложил свою историю старый храмовник.

Что было удивительнее всего, существо, казалось, совершенно не огорчалось тому обстоятельству, что не нашло какой-нибудь пищи — ибо чего еще всегда ищут такие бедолаги? Оно, как бы невероятно это ни звучало, радовалось пергаментам как дитя, жадно поедая единственным глазом строчки и теребя от возбуждения единственный же сохранившийся длинный седой ус, слегка обгоревший кончик которого свисал ниже подбородка.

Часть вторая

ПИЛИГРИМ ИЗ ШАТИЙОНА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Нет нужды изучать современные карты Ближнего Востока в надежде обнаружить на них Эдессу и Антиохию, два первых крупных приобретения христианства, сделанных крестоносным воинством на исходе одиннадцатого столетия от Рождества Христова.

Мы легко найдем на глобусе Дамаск и Багдад, Галеп (Алеппо) и, конечно, Иерусалим, Назарет и Наплуз — места, по которым ступала нога Спасителя. Есть там даже Триполи (просьба не путать с тем, что в Африке), Арзуф и Аскалон (новые их хозяева только слегка изменили звучание названий этих населенных пунктов), но нет двух городов, ставших столицами первых латинских государств на Ближнем Востоке. Вернее не так, сами города никуда не делись, но...

Сыгравший столь важную роль в истории Иерусалимского королевства в конце двенадцатого века Тир сделался эль-Суром. Богатая и славная Антиохия превратилась в Антакию, городишко на самых задворках богатой дешевыми тряпками Турции. Гордый Оронт — река, на которой стояла столица княжества, основанного честолюбивым Боэмундом Отрантским, сыном вели-

кого герцога норманнов Гвискара, стала чаще именоваться Нахр-аль-Аси. Эдесса тоже оказалась в Турции и скрылась под именем Урфы, названием своим словно в насмешку напоминая христианам о сказочном городе Уре.

Правители Эдессы, богатого города, населенного в те давние времена в основном христианами — армянами и греками, узнав о приближении крестоносного воинства, призвали их, единоверцев с Запада, на помощь в борьбе с турками.

Среди крестоносцев попадались всякие люди. Если говорить о князьях, или о *графах*, как именовала всех без исключения вождей кельтов, лангобардов и франков²⁰ величайшая писательница средневековья Анна Комнина, дочь Алексея Первого, то были в их рядах и просто желающие хорошенько подраться и пограбить, и истинно верующие, видевшие свой долг в совершении паломничества в Святой Город с оружием в руках и освобождении Гроба Господня из рук неверных, язычников, магометан, агарян, измаилитов... в общем, мусульман.

Попадались и другие, те, кто, кроме вышеназванных, ставил себе и иные — личные и сугубо практические цели. Таковы младшие сыновья, которым не досталось наследства, например будущий король Иерусалима Бальдуэн Первый, отправившийся вслед за старшими братьями, Годфруа Бульонским и Юсташем, или же Боэмунд Отрантский, получивший в наследство от отца лишь небольшую территорию на юге Италии («каблук» от «сапожка»), гордо именовавшуюся княжеством. Такие «графы» мечтали о землях на Востоке.

Графство Эдесское «само» отдалось в руки Бальдуэна. Жители требовали защитника, а престарелый правитель сказочного города не мог уже должным образом выполнять эту роль, и ему пришлось усыновить молодого честолюбивого «графа». Выполнив тем самым свою историческую миссию, старик вскоре погиб. Бальдуэн стал уже настоящим графом, а по смерти старшего брата, Годфруа Бульонского, и королем Иерусалима. Головокружительная карьера для человека, не имевшего еще вчера в кошельке лишнего денье, не правда ли?

Оккупированная турками за двенадцать лет до вторжения франков Антиохия сопротивлялась новым завоевателям более семи месяцев, но в ночь со 2 на 3 июня 1098 года армянский ренегат (богатый оружейник, ранее перешедший в ислам и принявший имя Фируз) помог небольшому отряду Боэмунда Отрантского пробраться в башню Двух Сестер. Утром огромный город, окруженный высокой стеной длиною в десять миль с четырьмя сотнями башен, оказался в руках христиан.

Резня длилась три дня.

Эмира Антиохии, Аги-Азьяна, захватили армянские лесорубы, которые продали Боэмунду голову несчастного (он выпал из седла во время бегства по горной дороге), его саблю и перевязь с ножнами всего за *сто восемьдесят золотых*. Когда самому Боэмунду, спустя недолгое время, «посчастливилось» угодить в засаду и попасть в плен к эмиру Себастии, доброхоты князя заплатили за его свободу *сто тысяч золотых!* (К слову заметим, базилевс Алексей предлагал вдвое больше, но турки уж больно не любили его и заявили, надо думать, что-нибудь вроде знаменитого: «Торг здесь неуместен!»)

Нет, едва основанное государство не погибло из-за неприятности, случившейся с его правителем: по счастью, в ту пору у франков Антиохии не ощущалось недостатка как в людских резервах, так и в сильных и умных вождах. Однако, несмотря на то что княжество не понесло серьезных территориальных потерь, миф о непобедимости Боэмунда оказался развеян. Между тем граждане самого мощного в ту пору государства латинян на Востоке не унывали и даже не слишком спешили вызволять из неволи своего господина. Они отнюдь не чувствовали себя беззащитными, так как, пока лишенный свободы Боэмунд от скуки заводил интрижки с женами эмира, когда тот отлучался из дома, чтобы повоевать с соседями, княжеством управлял достойный выученик — племянник князя. Жизнь сама выдвинула одного из самых замечательных деятелей своего времени Танкреда д'Отвилля, двадцатичетырехлетнего внука герцога Гвискара²¹.

Вот еще один пример блистательной карьеры, когда бесперспективный, как сказали бы мы теперь, юноша

(он был всего лишь сыном дочери Роберта Гвискара) за счет своих талантов и удачи (а как же без нее?) добрался до самых вершин социальной лестницы. Танкред не стал героем Европы, как его дядя, не удостоился королевского титула, подобно его товарищу-крестоносцу Бальдуэну, он носил титул князя Галилейского и, скромно именуясь регентом, практически безраздельно правил государством Боэмунда в течении двенадцати лет, вплоть до своей смерти в 1112 году.

Славные имена крестоносцев первого поколения, таких, как Боэмунд и Танкред, вообще очень часто вызывали ужас в сердцах их современников — турок и арабов. Но Танкред умер молодым, всего на год пережив дядю, скончавшегося в Италии в возрасте приблизительно шестидесяти лет.

Как ни печально сознавать это, но повесть наша не о героических временах Первого похода. Боэмунд Отрантский и Танкред д'Отвилль, Бальдуэн Булонский и Бальдуэн дю Бург или Жослен де Куртенэ — Тель-Баширский Волк, второй граф Эдесский, все они ушли, уступили свое место сыновьям, племянникам или другим родичам. Само по себе это естественно и понятно, но и досадно: прежде всего потому, что не было уже в тех, новых властителях наследий великих первых пилигримов былой славы. Новые правители Утремера, в большинстве своем увидевшие свет под жарким солнцем Леванта, приобрели богатые изобильные земли не силою меча, но вследствие взошедшей над ними счастливой звезды, по праву рождения или же по завещанию бездетных родственников. С опаской и недоверием смотрели они на пришельцев с далекого и неведомого им Запада, паломников *новой волны*, как выразились бы мы теперь. Нет, не простоят бы воздвигнутому латинянами Левантийскому царству столь долго, не удержаться бы ему и половины того срока, что продержалось оно в Святой Земле, если бы не новые пилигримы, молодые и неукротимые, жадные до добычи, неистовые в битве, удачливые на ловах и расточительные на пирах. О таком вот юном искателе счастья, что восемь с половиной столетий назад пришел на Восток, чтобы сражаться с ордами Вавилона, побеждать их и

завоевывать мир именем Христа, и пойдет речь в нашем рассказе.

Звался этот юноша Ренольдом из Шатийона.

Frère au seigneur de Gien-sur-Loire... N'étoit pas tout riche hom — брат сеньора Жьена* на Луаре, совсем не богатый человек — так отозвался о нем современник-летописец, но *haus hom et bons chevaliers* — благородный человек и храбрый рыцарь, наш герой отправился в вооруженное паломничество в свите молодого короля Франции, Людовика Седьмого. Ренольд де Шатийон прибыл в Левант, чтобы прожить там почти сорок лет и навсегда вписать свое имя в историю. Антиохия стала первым городом, который он увидел и который поразил и околдовал его. Здесь нашему герою суждено было испытать свой первый настоящий триумф и первое же настоящее и сокрушительное падение.

Он родился во Франции, но большую часть жизни провел на Ближнем Востоке, где и умер в возрасте шестидесяти лет. Произошло это в двенадцатом веке. В те давние времена мир был совсем иным, самым большим и самым богатым городом Европы по праву считался Константинополь, столица Византийской империи. Ей, недавно оправившейся от смут все того же одиннадцатого столетия, еще предстояло пережить пик своего могущества при базилевсе Мануиле. Властители государств франков в Леванте были сильны если и не духом, так хоть оружием своим, еще удавалось правителям поддерживать хрупкий мир между вассалами, и башни древней Антиохии еще гордо высились на высоких склонах Сильфиуса.

Те, кто жили тогда, любили, воевали, строили города и разрушали их, еще не умерли; их души, как, впрочем, и имена большинства из них, не успели пока что бесследно истаять в непроглядной мгле веков. Они, люди эти, еще молоды и им еще только предстоит, прежде чем состарятся они, совершить много поступков, как благородных, так и подлых, словом, прожить жизнь. Следовательно, и для нас наступает пора взглянуть на них поближе, задуматься о том, как жили они, что чувство-

* Или Жиан.

вали? Постараемся представить себе это, может быть чуточку отстранившись от нашей сугубо прагматической точки зрения современного человека, представителя *зрелой* цивилизации, ведь средневековье это хотя уже и не детство, но пока еще только отрочество ее.

Поскольку летопись, обладателем копии которой посчастливилось сделаться автору этих строк, дошла до наших дней в очень сильно усеченном виде, он, автор, просит прощения за некоторую многословность, ибо считал своей обязанностью предоставить читателю возможность познакомиться с ситуацией, сложившейся в Утремере к тому моменту, откуда берет свое начало повествование коментура Храма Жослена Антиохийского.

В этом городе Жослен родился, в нем и умер, и вполне можно счесть символичным, что описанная им история началась и закончилась именно там...

A.D. MCXLVIII—MCXLIX

I

Зарывшаяся в пышных подушках густая копна светло-русых волос шевельнулась. Широкоплечий и очень мускулистый молодой мужчина приподнял голову и всмотрелся в окружавший его, едва лишь начавший рассеиваться предрассветный полумрак. Догоравшая на столе свеча накренилась, пламя ее сильно коптило, точно не желая мириться с тем, что еще минута-другая и оно угаснет навсегда.

Человек, лежавший в постели, поморщился и оближал пересохшие губы. Даже и мельком взглянув на него, было нетрудно понять: накануне он очень перебрал. И хотя, судя по всему, он не чуждался вести разгульный образ жизни, все же столь скверное самочувствие поутру, похоже, оказалось ему в новинку.

Молодой человек вновь поморщился и решительно откинул одеяло, обнажая великолепные длинные ноги

с бугрившимися под покрытой кое-где светлыми волосами кожей мускулами и крепкий живот.

Впечатление немного портил шрам на бедре, но он же, по мнению мужчины, и украшал его, ибо известно, что воины — не женщины, им ни к чему иметь гладкое тело. Кроме того, молодой человек знал, что природа не обделила его самым главным, чем, за исключением, конечно, безграничной храбрости и удали, полагается обладать рыцарю. Те крестьяночки из окрестностей родного Жьена, которым довелось вкусить страстных ласк младшего из сыновей графа Годфруа, никогда не отказывались провести еще одну горячую ночку с молодым Ренольдом. Они стонали и плакали, они шептали ему на ухо как нежные, так и бесстыдные слова, никогда не оставлявшие его безучастным. Это очень нравилось юноше, и он отвечал женщинам, стараясь не отстать от них не только в страстном неистовстве, но и в изобретении новых слов, словечек и прозвищ для своих партнерш и обозначения того, чему они предавались.

Недостатка в женском внимании он никогда не испытывал. Девицы под благодатным солнцем Центральной Франции созревают быстрее, чем добрый виноград. Они очень рано начинают посматривать на мужчин с интересом. А если какая-нибудь из них и сохранит до четырнадцати целомудрие, подружки поднимут недотепу на смех, так как в этом возрасте женщине (если, конечно, Господь не создал ее безнадежной уродиной) положено уже хорошо разбираться в мужчинах. А как разбираться в них, не попробовав как можно больше? К тому же в каждом селении обязательно найдется «бабка» (иной из них и тридцати нет), которая научит сделать так, чтобы не осчастливить родителей ублюдочком, принесенным в подоле.

Знавал Ренольд и горожанок, эти держат очи долу, корчат из себя недотрог, особенно если у папаши-купца толстая мошна. Берегут себя для мужа. Зато уж отстояв положенное перед алтарем и заполучив мужчину в свои коготки, дамочки пускаются во все тяжкие. Тут молодым рыцарям особенное раздолье, они нарасхват и у молодежи, и у матрон со стажем. Оттого-то у ремеслен-

ников и у купцов в семьях полным-полно деток, которых только незрячий может назвать похожими на отца.

Так вот и растекается по свету крепкая как вино «голубая» дворянская кровь. Настоящий рыцарь знает, что его дело не только верно служить своему сюзерену, ценою жизни защищать интересы своего короля, но и заботиться об увеличении числа его подданных, а так же об улучшении их породы. Особенно когда речь идет о таких красавчиках, как Ренольд, младший сын Годфруа Жьенского, а уж о том, что он именно таков, ему случилось узнать уже очень давно.

Он и сам не помнил точно, сколько было ему тогда, когда он отважился вкусить от запретного плода. Воспоминания перепутались. Кажется, произошло это в то лето, когда ему, юному оруженосцу, еще оставалось года три до посвящения в рыцари. С тех пор утекло немало времени. Однако ту женщину он не забыл. Теперь, возвращая в памяти тот день, вернее, ночь в Шатийоне, куда дружина графа завернула по пути из дальнего похода в Жьен, Ренольд понимал, что инициатива целиком принадлежала партнерше, хотя тогда ему казалось, что это он *победил* ее.

Решительно во всем повезло Ренольду, он уродился здоровым, сильным и крепким, легко постигал рыцарскую науку: умел заставить слушаться буйного и норовистого жеребца, мог почти не целясь на полном скаку поражать мишень из маленького кавалерийского лука, и не раз побеждал более взрослых соперников в дружеском поединке.

Случалось ему и убивать, давить конем, рубить на скаку бегущих. Крестьяне и в отцовских владениях, и в землях иных баронов любили побунтовать, им, видите ли, поборы казались тяжелыми. Но кому как не им платить подати? Сказано же: рыцарь воюет, священник молится, а жалкий податной народец для того и существует, чтобы работать.

Что ж, у доброго хозяина и урожай ко времени, и гость ко двору, и мятеж кстати — есть на ком потренироваться дружине и сыновьям.

Во всем судьба благоволила к красавчику Ренольду, в одном ему не повезло, он родился после брата, а это

значит... Это значит, в лучшем случае ждала его судьба держателя крошечного фьефа, который нарезал ему любящий отец от наследства старшего брата. Не доволен — вообще ничего не дадут и ступай в монахи. Человек родовитый, знатный может достигнуть высоких постов, стать епископом или кардиналом. Да что кардиналом? Римским понтификом сделаться сможет!

Только вот... не шла в голову Ренольду книжная премудрость. Писал он с трудом, читая, быстро засыпал, зато любил слушать рассказы старых воинов о былых сражениях. Иной ведь так складно все обскажет, да кончиком кинжала нарисует на земле, где кто стоял, да кто откуда ударил на врага, и куда тот потом бежал без оглядки, что дух захватывает. А уж как начнут вспоминать, кто и где сколько добычи взял!.. Послушаешь, у иного короля в сундуках не сыщешь того, что побывало в руках у рассказчика. И был бы он знатен да богат, но вот беда, не держится в руках у рыцаря добро, слово сгорает оно, дымом обращается или утекает сквозь пальцы, как песок.

Ни о чем так не мечтал юный Ренольд, как о том, чтобы побывать на Востоке и самому сразиться с язычниками. Он частенько видел себя во сне королем или даже императором, сидящим на белом коне в позолоченных доспехах, в шлеме с серебряными крыльями, сжимающим в пальцах украшенную драгоценными камнями рукоять острого как бритва меча. Конь младшего сына графа Годфруа Жьенского стоял на пригорке, по которому, сгибаясь в учтивых поклонах, поднимались разодетые в шелка и бархат нобли. Они несли на подушечках драгоценные камни, волокли тяжелые сундучки, доверху набитые золотыми монетами. Они складывали свои сокровища под ноги его жеребца и уходили, а гора приношений все росла и росла, и вскоре Ренольд с удивлением обнаруживал, что конь его попирает копытами вовсе не землю, а вершину огромного кургана из драгоценных камней и монет.

Восторг охватывал душу молодого человека, он вдруг начинал казаться себе легким, казалось, стоит только взмахнуть руками и полетишь, белым лебедем воспа-

ришь над этой землей, из которой вместо травы прорастают смарагды, на кустах вместо ягод зреют алмазы и рубины, а на деревьях вместо спелых яблок или каштанов — золотые монеты. Ренольд очень хотелось потрогать все это великолепие, но он знал, что ему, как императору, полагается недвижимо сидеть на белом коне в роскошном наряде, потому что идет какая-то церемония, прервать которую не вправе даже он. Это ритуал, древний обычай, заведенный не отцом его, не дедом, а кем-то когда-то очень-очень давно.

Неизвестно, чем бы все кончилось, но Ренольду ни разу не удавалось досмотреть сон до конца. Жеребец всхрапывал, бил копытом и... юноша возвращался в реальность, где он был тем, кем был, младшим сыном одного из графов Центральной Франции, чьи более чем скромные владенья разбросаны среди лесистых холмов между двумя замками, выросшими — один на берегу Луары в пятнадцати с половиной лье вверх по ее течению от Орлеана, другой у маленькой речки Луан в восьмидесяти милях к юго-востоку от Парижа. Наш герой уже повзрослел достаточно для того, чтобы понимать, это, конечно, лучше, чем родиться купцом или — упаси Господь! — крестьянином, но, в сущности, не такая уж и завидная доля...

Ренольд осмотрелся, насколько позволяла дотлевавшая свеча. Он точно помнил, что вчера ложился спать с женщиной. Кажется, она назвалась одной из служанок госпожи Антиохии, двадцатилетней княгини Констанс²², супруги Раймунда де Пуатье.

«Куда же девалась эта ненасытная красотка? — спросил себя молодой пилигрим. — Убежала? Я бы мог поклясться, что она не горела желанием уходить отсюда!.. Эх, зачем я так вчера напился?»

Постепенно детали дня, вечера и, как и полагается, последовавшей за ними бурной ночи стали, всплывая в еще продолжавшем оставаться во власти хмельного тумана сознания, выстраиваться в стройную цепочку. Они занимали свои места, точно всадники на марше.

Девушка определенно была, и не просто была, она еще как была! Такой страсти Ренольду не приходилось встречать ни в родной Франции, ни в Византиуме, полном жадными до жарких ласк гречанками. Многие из них так не хотели расставаться с воинами, что тащились за ними в обозе. И где же теперь тот обоз? Достался язычникам. Где сладострастные гречанки? Услаждают новых хозяев в гаремах Икониума.

Самые искусные доберутся до Багдада и Дамаска, Каира и Алеппо. Им, прокащикам, все равно, что у солдата в сердце — крест или полумесяц. Им нет дела, как молится он — на воткнутый в землю меч или, расстелив прямо на траве плащ, бьет поклоны, оборотаясь на восток. Им главное, что у него в кошельке и хорош ли он в постели... С последним у Ренольда всегда все обстояло нормально, а вот первое... Благополучие пока что находилось от него на прямо противоположном полюсе. Ко двору Сирийской Наследницы он прибыл гол как сокол. Знаменитые герои Первого похода, такие, как Танкред и Бальдуэн Булоньский, успели все же награть хоть что-то по пути, наш же герой только истратил все, что имел, и потерял почти всех своих солдат.

По правде говоря, это огорчало его меньше всего; тот оборванный сброд, что чудом уцелел от сабли, стрелы или аркана язычника, и слова доброго не стоил. Куда больше неудобств доставляло отсутствие коня. Последняя, еще оставшаяся в распоряжении пилигрима кляча скончалась после Лаодикеи, уже на подходе к Адалии. Хорошо, что он тремя днями раньше получил в бою рану, это давало ему возможность ехать в возке, хотя наш молодой кельт вполне мог сидеть в седле. (И седло у него имелось, отсутствовала спина животного, на которую можно было возложить его.)

Встретивший в Сен-Симеоне гостей Раймунд де Пуатье хорошо знал об их бедственном положении²³. Он, уже давно освоившийся на Востоке, прислал королю лошадей, и одна из так называемых «заемных» кобыл досталась и Ренольду. Серая в яблоках кляча мало чем напоминала белого дистриера²⁴ «Ренольда-императора», являвшегося юноше во сне. Но тем не

мене в Антиохии и ее пришлось вернуть в княжеские конюшни. Правда, если у временного владельца возникла потребность поехать куда-нибудь в городе, он беспрепятственно мог взять ее оттуда.

Одолжив у венценосного сюзерена несколько золотых, молодой человек приободрился. Он даже снял номер в гостинице, где вши, клопы и тараканы вели себя вполне по-рыцарски — не злобствовали так, как, скажем, в Богом прокливаемой Адалии, откуда уцелевшие участники похода добирались до Антиохии морем. По крайней мере насекомые здесь понимали, что имеют дело с людьми благородными, а это еще раз доказывало превосходство «голубой» крови.

Антиохия, или приданое Сирийской Наследницы (так в описываемый период некоторые старые войны называли столицу княжества, основанного Боэмундом Первым), очень понравилась Ренольду. Она хотя и была меньше и малолюднее Бизантиума, но едва ли сильно уступала ему в роскоши двора, богатстве домов и... это уж как водится! — в распутстве своих дочерей.

При появлении пилигримов в Антиохии все, и гости и хозяева, дружно бросились в объятия друг друга.

Многие встречали своих родственников, ведь известно же, что Левант (если говорить о латинянах) едва ли не на девять десятых населен выходцами из различных областей Франции и Южной Италии. Даже и язык у всех практически один, благозвучный, хотя, по мнению некоторых, и чуточку резковатый, ланг д'эль²⁵. Лишь жители Триполи, графства, основанного Раймундом Тулузским (его крепость, Mons Pelegrinus, или Mont-Pèlerin, на века сохранила имя Калат Санджилль — замок Сен-Жилля), традиционно пользуются своим певучим, столь любимым поэтами ланг д'ок²⁶.

Одним словом, проблем с взаимопониманием не наблюдалось. В смысле общения особенно, конечно, усердствовала молодежь. На Рождество Христово и в начале следующего года едва ли не во всех и уж точно во многих семьях случилось прибавление. Не сказать, что всегда приносившее радость, но... дети есть дети, их, как говорится, Бог дает. Он дает, он и забирает.

Всем известно, что пути его неисповедимы. Одних вызывает он, других бросает в бездну...

«Куда же подевалась эта шлюха? — с некоторым раздражением подумал рыцарь, но тут же, рассудив, что она ему сейчас совершенно ни к чему, махнул рукой: — Да черт бы с ней! Но где же мой оруженосец?»

— Эй, Ротозей! — хриловатым баритоном позвал Ренольд. — Ты где, свинья проклятая?!

Вообще-то оруженосец, как и полагается христианину, имел имя, данное ему родителями и священником при крещении, но это не имело ровным счетом никакого значения для господина, привыкшего называть всех своих слуг по кличкам, которые самолично для них придумывал. Некоторым, особо одаренным, удалось удостоится сразу нескольких. Иногда рыцарь вдруг забывал все прежние, или же они просто переставали нравиться ему, и он, давал конюху, груму или оруженосцу другую и очень злился, если тот поначалу не откликнулся на нее. Особо нерасторопному слуге могло здорово достаться и из-за собственной забывчивости, и в том случае, если господин вдруг вспоминал какую-нибудь из прежних кличек, а носитель ее, услышав свое старое прозвище, не реагировал должным образом.

Вообще-то младший сын графа Годфруа Жъенского отличался добрым нравом, но мог иной раз под горячую руку и насмерть забить, особенно если речь шла о нерадивом конюхе, причинившем по своей оплошности какой-нибудь вред хозяйскому коню. Однако среди крестьян и слуг утвердилось мнение, что сир Ренольд человек широкий и щедрый, они искренне жалели, что возможностей проявлять столь любезные их сердцам качества (особенно последнее из упомянутых) у него имелось так мало.

Некоторые из подданных графа Жъена Годфруа искренне жалели, что не Ренольду, а старшему, Годфруа, в честь отца и прадеда названному так сыну графа, достались родовые земли. Шатийон — незавидное наследство, уж лучше ничего, чем эта маленькая деревушка да окруженный частоколом донжон на хол-

ме у реки. Крестьянам хотелось бы видеть нашего героя хозяином не только Шатийона, но и Жьена, однако честолюбивый юноша решил иначе. Двадцати лет он, изъявив желание взять крест, покинул Францию, прихватив с собой кроме благородного имени то малое, что смог получить, заложив брату свой скромный фьеф. Итак, фактически, как сказали бы мы, прагматики двадцатого века, в наследство молодому человеку, сыну своего времени, достались... боевой конь, мерин и несколько кобыл, залатанная старая, но зато очень удобная кольчуга, шлем, кольчатая броня для старшего оруженосца и, конечно, оружие — несколько добрых мечей для слуг, секир и копий. Без этого лучше уж и правда в монастырь. (Разумеется о мече, которым опоясали Ренольда при посвящении в рыцари речь не идет, с дедовским клинком наш молодой кельт, как и любой истинный дворянин в его время, не расставался даже ночью.)

Некоторые молодые простолюдины тоже взяли крест и последовали за графским сыном. Невзирая на то что граф Годфруа, отчасти следуя рекомендациям римского понтифика, отчасти опасаясь, как бы и другие рабы сдуру не бросили землю (ведь паломники получали свободу), уменьшил поборы не только для семей тех, кто взял крест, но и для прочих, матери плакали, не надеясь когда-либо увидеть своих сыновей, а отцы, вздохнув, напутствовали их возвращаться с богатой добычей или уж не возвращаться вовсе.

— Эй, Проходимец! Ты где, скотина?! — прочистив горло, уже громче прозвал рыцарь. — Я отрежу тебе то, чем ты так дорожишь, мерзавец!

Угроза возымела действие. Откуда-то снизу донесся голос не на шутку перепуганного парня:

— Нет, мессир, только не это! Не лишайте своего верного раба последней радости!

Поняв, откуда слышится речь, Ренольд передвинулся к краю кровати, посмотрел вниз и увидел... роскошный с любой точки зрения женский зад. Если бы рыцарь не поленился сделать это раньше, то без каких-либо колебаний смог бы ответить на вопрос: куда же подевалась его сладострастная фея?

Кличку «Ротозей» применять к оруженосцу определенно больше не следовало, прозвище «Проходимец» подходило куда больше. Ибо кто, как ни проходимец, мог так поступить со своим господином? А красotka-то какова? Не она ли пол ночи шептала рыцарю, что такого безумца, такого жеребца не встречала отроду? А он-то, дурень, так старался, что, чего доброго, использовав свою энергию в других целях (в тех самых, ради которых последовал за благочестивым сюзереном), в одиночестве взял бы какую-нибудь средних размеров сарацинскую крепость. Этим, думается, он, несомненно, куда больше послужил бы на благо Господа, нежели тем занятием, что избрал на прошедшую ночь.

Ну и хитры же на Востоке девицы! Ну и вероломны же! Отвернешься, а она уже оседлала твоего оруженосца!

Это открытие вызвало в душе рыцаря негодование.

— Ах ты распутница! — закричал он и с размаху хлопнул широкой ладонью по нежной коже подружки. — А ну вон!

Девушка завизжала и, проворно вскочив, бросилась в угол комнаты, предоставив «почетную» возможность отвечать за проказы партнеру. Последний понял, что попал в переplet. И поделом — спать надо крепче, а пить меньше! Хотя причина гнусного деяния, совершенного оруженосцем, крылась не в злом умысле последнего, а в том лишь, что он, согласно уже установившейся традиции, частенько спал в одной комнате с господином. Нет, конечно, не в одной с ним кровати, а где-нибудь на тюфячке или, если везло, на лавке у двери.

Такой чести Ангерран, незаслуженно прозванный растяпой и заслуженно проходимцем, удостоился и в эту ночь. Господина мало заботило присутствие слуги, ему полагалось спать и ничего не слышать. Что тот и делал, понимая, что, хотя в марте в Сирии теплее, чем на берегах Луары в мае, ночевать на улице или в конюшне не слишком приятно. В конце концов стоны красотики и рычание господина даже убаюкали его. Ангерран пробудился примерно тогда, когда Ренольд уснул и... Оруженосец еще не вполне протрезвел, а

ночная гостья недостаточно насладились ласками заморского рыцаря. Вторую половину ночи она решила посвятить Ангеррану.

Пробуждение благородного господина застало их в момент передышки, столь долгожданной для оруженосца. В ожидании, когда огонь вновь вспыхнет в утомившемся партнере, девица, не слезая с оседланного жеребца, шептала бесстыдные слова и гладила его волосы и плечи. Услышав, как заворочался наверху Ренольд, парочка замерла в надежде, что он спросонья не разглядит их, примостившихся на половичке возле высокой кровати, и уснет вновь, что даст им возможность замести следы своего преступления.

Вообще-то оруженосец не считал свое поведение предосудительным; Ренольда, как уже говорилось, отличала щедрость, он не раз позволял Ангеррану потешиться со своими случайными подружками, таким образом оба не раз становились молочными братьями не только в прямом смысле (мать Ангеррана как раз и кормила грудью младшего сына графа Годфруа Жьенского), но и в переносном. Однако в данном случае Маргариту, так звали ненасытную служанку княгини, Ангерран взял по собственному почину. Точнее уж сказать, по ее инициативе, но... разве честный мужчина станет в такой ситуации прятаться за спину женщины? Тем более рассерженный господин все равно не станет слушать оправданий.

Всю сонливость и утреннюю слабость изрядно погулявшего накануне и почти не спавшего ночью Ренольда точно ветром сдуло. Он, как был совершенно голым, так и вскочил и принялся пинать оруженосца, стараясь попасть в натруженное, скукожившееся орудие греха.

Крики о помощи и неистовый визг Марго сделали свое дело. Темнота за маленьким оконцем «роскошных» покоев благородного пилигрима постепенно рассеивалась, пробили первую стражу дня и добропорядочные подданные князя Антиохийского не стали покорно терпеть буйство постояльца. Девица, сумевшая одеться, выскочила в коридор, и не успел разгневанный господин завершить экзекуцию, как в комнату ворвались люди с оружием.

Ренольд мгновенно забыл про якобы нанесенное ему Ангерраном оскорбление, тем более что на деле оно вовсе и не являлось оскорблением — слуга не уставал повторять, и господин в конце концов вспомнил, что сам говорил, будто не станет возражать, если оруженосец займется девицей после него. Словом, рыцарь решил, что самое время переключиться на незваных гостей.

— А ну вон! — зарычал он. — Марш отсюда, холопы! Вон из моих апартаментов, мерзкие грифоны!

— Осмелюсь заметить, сеньор, — произнес вышедший вперед из-за широких спин трех вооруженных мужчин кругленький лысоватенький господинчик лет сорока с воровато бегающими глазками и крючковатым носом, — что *ваши* апартаменты находятся в *моей* гостинице, и я...

Лицо Ренольда налилось кровью.

— Что?! — заревел он. — Грязный грифон! Ты еще смеешь указывать мне! Ангерран!

Поднявшийся с полу оруженосец, такой же голый, как и его господин, без лишних слов понял, чего хочет от него молочный брат.

Совершенно забывая о том, что он, мягко говоря, не одет подобающим образом для выяснения отношений, то есть вообще не одет, Ренольд, приняв от слуги меч — у доброго рыцаря оружие всегда под рукой, — бросился на хозяина постоянного двора.

Тот поспешил вновь укрыться за спинами своих спутников.

Опешив поначалу, они в следующее мгновение, отступив на пару шагов, подняли мечи, дабы иметь возможность лучше отразить неожиданную атаку. Недаром поговаривали, будто мать Ангеррана нагуляла его от одного из друзей графа: характер у оруженосца оказался бойцовский. Наверное, потому и приблизил к себе его молочный брат, сам обожавший лихую сшибку.

— Эй, мессир рыцарь! — встревоженно воскликнул один из спутников трактирщика на наречии северных франков. — Полегче на поворотах!

Но на Ренольда любые слова незваных гостей действовали похлестче, чем красная тряпка на быка.

— Шати-ий-о-он! — завопил он, обрушивая клинок прямо на голову говорившего.— В атаку!

Тог, хотя и ни в коем случае не ждал ничего подобного, успел-таки кое-как отразить удар. Клинок рыцаря, пройдя вскользь, не причинил противнику никакого вреда.

— Гнусный схизматик! — Ренольд оскалился, отскакивая назад и вновь замахиваясь.— Получай!

По одежде, оружию и акценту пилигрим уверенно опознал в ворвавшихся к нему мужчинах ромеев.

Снова сталь с лязганьем встретила сталь. Товарищ теснимого франком воина попытался прийти ему на помощь, но Ангерран не зря ел хозяйский хлеб. Схватив рукоять своего меча обеими руками, он поднял оружие над правым плечом, насколько позволял низкий потолок, и обрушил клинок на противника, заставив того думать уже не о помощи приятелю, а о собственном спасении.

Ромею удалось отразить атаку оруженосца. Однако натиск франков оказался так силен, что, прежде чем корчмарь и третий из солдат успели как-либо помочь своим, все они оказались вытесненными в коридор, где не на шутку расходившиеся заморские гости с новой силой набросились на хозяев.

Некоторые из постояльцев, снимавших комнаты на втором этаже, попытались было выйти на шум, но тут же почли за благо вернуться восвояси, потому что клинок Ренольда Шатийонского чуть не оттяпал одному из них любопытный нос. Корчмарь же поспешил бесславно покинуть поле боя, спасшись бегством.

Несмотря на то что на ромеях в отличии от голых франков были кольчуги и числом грифоны также превосходили пилигримов, последним удалось сбросить всех троих с лестницы. Один из отступавших ухитрился очень неудачно упасть с высоты и теперь лежал на полу не подавая признаков жизни, что вызвало бурное ликование молодых буянов и злобные угрозы двух оставшихся в строю противников.

— Мы подданные базилевса Мануила! — закричал один из них, тот, что поначалу не принимал участия в схватке, а теперь оказался один на один с рыцарем.— Вы ответите за ваше бесчинство!

— Заткни пасть, грязный грифон! — посоветовал Ренольд и так удачно рубанул говорливого воина по голове, что тот, лишившись шлема и уронив меч, вцепился пальцами в черные, слипшиеся от пота волосы. Внизу в зале корчмы было гораздо светлее, и победитель увидел, как руки византийца потемнели от крови, вид которой наполнил восторгом сердце рыцаря. Он, не теряя времени, взмахнул оружием и обрушил его на шею ромея: — Получай!

Пилигрим досадливо поморщился; голова проклятого грифона не отлетела, как бы того хотелось Ренольду: он попал чуть выше и лишь прорубил череп византийца. Вырвав клинок, застрявший в мякоти мозга, победитель огляделся в поисках новой жертвы, но не нашел ее. Последний из ромеев, увидев, что случилось со вторым его товарищем, не стал испытывать судьбу и, отразив выпад Ангеррана, бросился бежать, как ранее поступил благоразумный корчмарь.

— Ладно, Ангерран, мы неплохо поразмялись,— подвел итог Ренольд.— Пойдем-ка одеваться.

Он бросил меч оруженосцу, приказав: «Вытри!», и не глядя на него, зашлепал босыми ногами по деревянным ступеням, отполированным до блеска сотнями, а может быть и тысячами ног.

Одеться им так и не удалось.

Следовало сперва умыться, но этого-то делать двум молочным братьям как раз и не хотелось. К тому же исполнительный оруженосец не только вытер хозяйский меч, но и умыкнул мех вина из хозяйских запасов.

А как же? Добыча на войне — святое дело.

Корчмарь проиграл, значит, вполне законно должен был понести не только моральные, но и материальные потери. Пускай еще радуется, что так дешево отделался, могли бы и большую дань на него наложить. К тому же не взять мех, словно специально оставленный на одном из столов, мог только святой, да и то не всякий, тут, с точки зрения обоих уроженцев Шатийона, требовалась поистине ангельская чистота помыслов и поступков, о каковой господину, а уж оруженосцу-то и подавно, приходилось пока только мечтать. Но разве не

для того отправились они в паломничество, чтобы приобщиться святости? Вот дойдут до Иерусалима, а там... там уж точно станут вести себя как кроткие агнцы Божьи. А пока...

Оруженосец хорошо знал своего господина и не сомневался, что ему непременно захочется промочить горла и не студеной водой, а, как и полагается после битвы, чаркой доброго вина. В сущности, для трактирщика было даже хорошо, что на глаза Ангеррану попался этот мех, а то бы оруженосец, не смущаясь, забрал целый бочонок. Данное обстоятельство шло на пользу также и франкам, ибо слишком большое количество вина могло бы существенно и негативным образом повлиять на здоровье рыцаря и его храброго слуги.

Подумать о том, для кого предназначалось вино, им даже и в голову не пришло. Ополовинив мех под добрую закуску (ее также конфисковал у корчмаря Ангерран), оба задремали. Слуга на тюфячке, а рыцарь на своем ложе.

Ему вновь приснился сон, которого не видел он уже по крайней мере с того момента, как они покинули Бизантиум. И вновь в самый неподходящий момент белый жеребец, на котором восседал Ренольд-император, принялся мотать головой, всхрапывать и бить копытом гору драгоценностей, которую сложили у ног коня своего государя подданные.

— Мессир,— услышал пилигрим, нехотя возвращаясь в реальность,— мессир! Проснитесь, мессир!

Осознав, что слова эти произносит не кто иной, как его собственный слуга, Ренольд открыл глаза и, приподнявшись, увидел, что в комнате вновь находятся посторонние люди. Тут победитель вспомнил, что, топя возбуждение схватки в хозяйском вине, они даже не удосужились запереть дверь. Впрочем, как скоро понял рыцарь, это вряд ли что-либо изменило бы, новым визитерам все равно пришлось бы открыть. Разве что Ангеррана разбудил бы не пинок кованым сапогом в задницу, а стук в дверь, но оруженосец получил сегодня уже столько тумачков, что один-два лишних ничего не меняли.

— Одевайтесь, мессир,— проговорил слуга, успев-

ший уже натянуть рубаху. — Это городская стража, они хотят, чтобы мы шли с ними.

Ренольд и сам видел, кто перед ним, и понимал, что, хочет он того или нет, идти придется. Однако для порядка он решил поупираться.

— Никуда я не пойду! — заявил он. — Кто смеет здесь указывать благородному рыцарю? Кто вы такие?

— Собирайтесь, шевалье, — бросил облаченный в кольчугу и шлем воин. По выговору и внешнему виду в нем легко можно было признать потомка одного из тех воинов, кто пришел сюда еще с Боэмундом Первым. Диалект норманнов в Англии и Франции отличался от того, на котором говорили их сородичи в Италии, а тот в свою очередь — от антиохийского. — Я — Орландо, начальник городского патруля его княжеского сиятельства Раймунда.

— А я вассал *его величества* короля Франции Людовика, — надменно заявил Ренольд. — Известно вам, кто это такой?

— Известно, — Орландо кивнул и в свою очередь спросил: — А вам известно, что по соглашению между его сиятельством князем Антиохии Раймундом с его величеством королем Франции Людовиком все нарушители порядка и уголовные преступники, совершившие свои деяния на территории княжества, подлежат суду князя?

— Я — человек короля, — взъерепенился пилигрим. — И только король может судить меня! Ваши законы мне не указ! Я ничего не сделал! Убирайтесь отсюда!

Не реагируя на оскорбительный тон возмутителя спокойствия, начальник караула возразил:

— Король Франции Людовик, несомненно, будет оповещен о том, что его человек вместе со своим слугой убил двух солдат, охранявших купцов, подданных императора ромеев. Но сейчас третий час дня²⁷, не думаю, что стоит беспокоить его величество в такое время.

— Все-таки двоих?! — не без радостного возбуждения в голосе воскликнул Ренольд, игнорируя упоминание о времени, как, впрочем, и о короле. — Что ж, это

хорошо. Хотя жаль, что третий ушел. Но ничего, все равно можно сказать, день прожит не зря!

Орландо покачал головой, причем сразу стало ясно: лично он не возражал бы, чтобы беспокойный гость прирезал еще парочку грифонов, но... порядок — есть порядок.

Тут из-за спин стражников высунулся известный своей смелостью корчмарь. Как оказалось, храбрость его ни в чем не уступала его же правдивости.

— Они ко всему прочему еще ограбили меня! — слезливо заскулил хозяин постоянного двора. — Они украли два меха вина, два окорока, два свежих хлеба и большую голову сыра...

— Помолчи, — цыкнул на него начальник стражи.

— Но добрейший сеньор Орландо... мессир... — корчмарь с негодованием уставился на остатки трапезы. От вина и съестного осталось немного, в основном крошки и не совсем обглоданная кость. Сообразив, что нигде нет ни второго меха вина, ни второго окорока, или хотя бы обглоданной кости, он испугался собственной жадности, но тут же решил идти напролом: — Они, наверное, спрятали остальное. Велите вашим людям поискать...

— Почему сыра только одна голова? — неожиданно спросил Орландо, обращаясь не к пострадавшему, а к Ренольду, обладавшему, если верить корчмарю, кроме буйного нрава еще и незаурядным, можно даже сказать чудовищным, аппетитом. В таком случае следовало бы снять шлем и обнажить головы перед сказочными едоками уже только за то, что они остались живы после столь невероятного приступа чревоугодия.

— Потому что было только полголовы, — ответил Ренольд и вдруг расхохотался. Причем смех немедленно передался стражникам. Даже Орландо и тот улыбнулся, правда лишь одними губами, ему, как старшему, полагалось сохранять серьезность.

Воины же веселились от души, немислимая прожорливость буянов и лживость корчмаря забавляли их. Кроме того, они знали о причинах, вызвавших кровопролитное побоище.

«Видно, жаркая попалась девка, если мужики так зверски проголодались», — думали они.

Вообще говоря, местные жители не слишком-то радовались пришельцам. Пограбить с их помощью язычников, это бы ничего, можно было бы даже взять Алеппо, как по слухам, предлагал заморским рыцарям князь. Но пока те думают, принимать или не принимать заманчивое, хотя и рискованное предложение, цены на продукты поднялись вдвое, а отцы семейств не могут спать спокойно, всерьез опасаясь за честь жен и дочерей.

Но вместе с тем немногочисленные антиохийские франки ромеев недолюбливали, особенно вооруженных. У многих не стерлись в памяти обстоятельства похода базилевса Иоанна, и мало кому пришлось по нраву его притязания на сюзеренитет. Не забыли франки и того, как подняли головы местные грифоны, когда прослышали о походе ромейского самодержца. Но больше всего злили латинян поползновения Бизантиума поставить на патриаршую кафедру грека. Поскольку сам Орlando и четверо его солдат были латинянами, заморские возмутители спокойствия в данной ситуации скорее вызывали у них симпатию, чем раздражали.

Однако служба оставалась службой. Солдаты ждали приказа командира, они не сомневались, что придется брать рыцаря и его слугу силой, но... распоряжения на сей счет не последовало, Орlando просто не успел отдать его.

— Хорошо, — неожиданно сказал Ренольд, отсмеявшись. — Я иду с вами. Но с одним условием, я поеду на лошади. Я сеньор Шатийона, что на Луане, брат графа Жъена-на-Луаре, одного из главных вассалов короля Людовика! — Ну почему бы не приврать? Откуда эти ребята знают, где находится Жъен или Шатийон? — Отправляться пешком даже в тюрьму — умаление моего достоинства. Я настаиваю на том, чтобы ехать на коне!

— Но у нас нет коня... — озадаченно проговорил Орlando.

— Не беда, — махнул рукой буйный пилигрим. — Пошлите одного из своих солдат в конюшни вашего князя. Сыщите там грума сеньора Ренольда Шатийонского, пусть приведет мою кобылу, и все будет улажено.

— Хорошо, шевалье, — согласился начальник стра-

жи.— Но пообещайте мне, что не попытаетесь ускользнуть.

Рыцарь нахмурился и, сурово посмотрев на норманна, проговорил:

— Не портите мне доброго утра, милейший шевалье Орландо.

— Хорошо,— согласился тот и, махнув солдатам, добавил: — Мы ждем вас внизу.

II

Молодого сеньора Шатийона, одержавшего свою первую решительную и полную победу над наглыми грифонами, осмелившимся дерзить ему в корчме, Господь жаловать не спешил. В сопровождении нагруженного барахлом Ангеррана под охраной одного из людей Орландо (начальник стражи полностью доверял благородному буяну и приставил к нему солдата исключительно для того, чтобы рыцарь ненароком не заблудился) Ренольд проследовал в тюрьму.

Сидя на серой в яблоках заемной кобыле, он торжественно шествовал по освобождавшимся ото сна весенним улицам вотчины Сирийской Наследницы, размышляя о том, как прекрасен этот город, и прикидывая, как бы использовать свое нынешнее положение, чтобы попросить у короля Луи еще десяток-другой золотых (разумеется в долг, разумеется с отдачей... в будущем). Несмотря на то что направлялся он не на званый обед, Ренольд совершенно не переживал, и будущее (то самое, в котором он непременно возвратит сюзерену долги) рисовалось рыцарю в розовых тонах.

Совсем иначе представлялось оно хозяину постоялого двора. Что уж говорить о будущем, когда настоящее так ужасно?

Как раз в тот момент, когда возмутитель спокойствия, подъехав к месту своего (конечно же, очень недолгого) заточения, отдавал оруженосцу (ему места в тюрьме не полагалось) распоряжения относительно поклажи, в одной из внутренних комнат таверны, предназначенных для особо важных гостей, происходила неллице-

приятная беседа. С корчмарем говорила молодая женщина с острым, не слишком красивым, скорее даже очень некрасивым, но, вне сомнения, благородным лицом.

Если бы молодому кельту довелось встретить ее, он бы, скорее всего, лишь брезгливо поморщился: какая тощая! И откуда взялась такая в райском уголке, дочери которого словно бы сами собой наливаются соком, расцветают, как диковинные плоды в прекрасных сирийских садах? Порченная — сказали бы в родных краях Ренольда. Тем не менее это не мешало женщине чувствовать свою власть. Трактирщик, и без того немало переживший за сегодняшнее утро, казалось, боялся ее куда больше, чем меча своего психованного постояльца.

— Но... но, божественная Юлианна, — подобострастно поедая даму маленькими черненькими глазками киликийского горца, в который раз уже шептал он. — Звезда моя! Я же не знал, что все так получится, я не виноват... Я ни в чем не виноват, моя...

— Хватит причитать, раб! — воскликнула женщина неожиданно низким голосом, в котором в то же время проскальзывали и странно высокие нотки. — Кто же, кто же, как не ты, Аршак? И какого дьявола понадобилось тебе, презренный, наверху?

— Но... но... божественная Юлианна, — ломая пальцы сложенных на груди рук, залебезил корчмарь, невзирая на предупреждение. — Этот рыцарь — страшный буян. Он в первый же день, не успев поселиться, нанес моей скромной гостинице великое разорение: так поколотил одного богатого постояльца, что тот в негодовании съехал. Будучи купцом, он подал жалобу в суд. Так этот варвар, что избил его до полусмерти рукоятью своего ужасного меча, заявил, что он плевать хотел на наши законы и не явится ни на какое разбирательство. Мол, нет у черни в христианских землях прав судить благородных рыцарей. Добропорядочные торговцы — чернь, а этот голодранец — благородный господин?! Каково?! Иные купцы, узнав о таком произволе, съехали от меня, и мне пришлось сдавать комнаты за полцены, только бы не разориться вовсе.

Тут, едва ли не впервые в жизни, корчмарь сказал чистую правду, почти чистую, съехали от него всего двое: оскорбленный Ренольдом никеец (франк заявил, что не хочет марать свой клинок кровью грязного грифона, поэтому-то купец и сохранил жизнь) и его товарищ из Салоник. А вот что касается жалобы первого, поданной в соответствии с законами княжества в *Cours des Bourgeois*²⁸, виконт, искренне посочувствовав пострадавшему, дал понять, что беспокоить дуку бессмысленно — князь разбирательства не потерпит.

Оскорбленный заявил, что ноги его не будет больше в Антиохии и что по всему свету расскажет он, каково на деле искать справедливости в стране франков, что ложно то мнение, будто даже язычники судятся в Леванте по справедливости, и напрасно уверяют, что даже простой скорняк-турок не подсуден князю прежде принятия решения Градской Курией. Какое уж там?! Если даже христианину не сыскать правды за обиду.

Солунянин также съехал из солидарности с приятелем, однако вовсе из города они не убрались, не желая упустить выгоду — товары шли бойко. Другие купцы пошумели, но остались: еще бы, гостиницы переполнены, корчмари и фуражиры, поднимая цены, «ковали» звонкую монету.

— Тебе мало того, что я плачу тебе, червь? — глаза Юлианны пылали гневом. — Да у тебя во дворе зарыто столько золотых, что хватит купить две твои халупы с потрохами!

Корчмарю бы помолчать, но жадность его превосходила его трусость и лживость, хотя последняя, казалось, не знала границ.

— Он нет, нет, божественная! — воскликнул он. — Тех денег, что твоя милость дает мне, едва хватает, чтобы заплатить подати. Ведь тебе прекрасно известно, что князь поднял налоги. Не мудрено, на какие средства ему кормить всю эту ораву?! Еще месяц-другой таких пиров и празднеств и ему придется заложить саму Антиохию!

— Тебе, Аршак?

— Моя божественная шутит, — тая от притворного умиления, пропел трактирщик. — Откуда же у меня...

— Ну так займешь у своих родичей из Киликии,— жестко проговорила женщина.— Они только что не купаются в злате, а от серебра у них и холопы носы воротят.

— Кто сказал тебе такое, о госпожа? — восклицал корчмарь.— Боговенчаный базилевс Иоанн так разорил Киликию, что люди там рады хоть раз в неделю поесть досыта постной каши.

— Поделом! — без тени жалости ответила Юлианна.— Вольно вам изменять своему повелителю? Впредь будут знать твои соплеменники! — Она сузила глаза и добавила со злостью: — И еще кое-кого давно пора привести в ум. Забыл, видно, князюшка, как валялся в пыли перед самодержцем?

Уловив в голосе властной дамы намек на прощение, корчмарь вновь вспомнил о проторях и убытках, казалось, кроме этого он не мог всерьез думать ни о чем другом. При этом киликиец сделался очень похожим на виляющего хвостом дворового пса.

— Да, да, божественная Юлианна! — с жаром подхватил он.— Эти варвары! Они не понимают законов цивилизованных людей! Они протягивают руку к тому, что им нравится, и хотят взять это, не давая денег. Они-де, сражаются за веру, могут погибнуть в любой день и потому им нельзя отказать. Это же дикость! О, если бы божественный Мануил, да продлит Господь его царствование, взял этот город под свою руку?

Трактирщик знал, что говорил, он мог не сомневаться, что слова его придутся по душе разгневанной даме. Однако, начав, что называется, за здравие, закончил киликиец за упокой. Тон его сменился, негодование обиженного торгаша вытеснило в нем патетику патриота Второго Рима.

— Представляешь, моя госпожа, они не заплатили?! — пожаловался он.— Жили, пили, ели и все за мой счет! Я пожаловался Орландо, но он сказал, что арестованные не платят, представляешь? Вернее, он сказал, что этому человеку скорее всего присудят штраф за резню, которую он учинил в моей гостинице. И что, мол, поскольку штраф пойдет в городскую казну, а часть князю, то я смогу требовать уплаты убытков

только после этого, да и то, если вовремя обращусь к виконту. Что ж это за порядки такие, а? Меня наказали, почитай, на добрых две дюжины золотых, а когда я получу их назад? И с кого? Все имущество этого негодяя не стоит и малой части того, что он задолжал мне. Что у него есть? Ничего! Даже и конь чужой. Кольчуга франкской работы здесь цены не имеет. К тому же после войны кольчуг будет столько, что они пойдут едва ли не по весу железа...

— А ты бы хотел получить цену золота? — сверкнула глазами Юлианна. Она вовсе и не собиралась забывать о провинности трактирщика. — Ты, грязный раб, смеешь произносить имя базилевса?! Ты?! Ты, который испортил мне все дело своей жадностью?! Кого теперь отправлю я в степь? И где донесение, которое Кифора должен был отвезти эмиру? Я уже не говорю о том, что по твоей милости погиб он сам! Где оно? Молчишь, раб?! Все думаешь о своей мошне? Напрасно, — голос женщины вновь зазвучал зловеще, — напрасно! — Она показала рукой на засыпанный соломой пол комнаты. — Там тебе деньги не понадобятся!

— Что ты, что ты, госпожа?! — перепугался трактирщик. — Ты же знаешь, оно осталось в том мехе вина, что украли эти проклятые варвары. Я хотел взять его, но Орландо не позволил. Ведь он и его солдаты тоже франки, а они всегда рады поживиться за счет несчастного труженика...

— Придется мне прирезать тебя, — проговорила Юлианна почти без угрозы, но слова ее вызвали настоящий трепет в сердце трактирщика. Однако женщина, не дав ему раскрыть рта, продолжала: — Мех ты найдешь, если не хочешь подохнуть. Кроме того, найдешь новых верных людей, чтобы скакали на восток. А старшим с ними поедет... твой сын, Нерзес.

— Только не он! — воскликнул корчмарь, ломая руки в неподдельном горе. Надо признать — существовало на земле что-то, вернее, кто-то, кого жадный трактирщик любил больше денег. — Только не Нерзес, только не он, божественная госпожа! Он — мой первенец, моя надежда! Не лишай несчастного отца последней радости! Не губи любимое дитя. Он наверняка погибнет в

поле. Язычники убьют его, ведь у него не будет с собой знака. А он совсем еще ребенок, ему нет и семнадцати!

Однако Юлианне, похоже, были незнакомы родительские чувства.

— Семнадцать, говоришь? Знаешь, почему франки, несмотря на то, что их всего лишь горсть, жалкое меньшинство, до сих пор господствуют здесь? — оборвала она причитания корчмаря. — Потому что тот варвар с Запада, который убил двух моих лучших людей, впервые сел на коня в пять или шесть лет. А настоящий меч получил в двенадцать. В пятнадцать он уже присягнул на верность своему господину и почтет за честь умереть за него, сражаясь с врагами, как бы много их ни было. А когда у него родится сын, отец в свою очередь посадит его на коня в пять лет и все повторится...

— У варваров нет человеческих чувств! — воскликнул корчмарь. — Им неведомо сострадание! В ярости они убивают даже младенцев!

— Нет, Аршак, — отрезала Юлианна, — не стоит считать людей животными только потому, что они твои враги.

Сказав это, она вдруг замолчала, словно бы задумавшись о чем-то своем, неведомом и недоступном пониманию хозяина постоянного двора.

Тот тоже хранил молчание из опаски еще сильнее прогневить даму, но наконец осмелился открыть рот:

— Я сам найму людей, госпожа. Найду и толкового человека, чтобы поставить над ними старшим. Заплачу им из... из... из своих, из тех денег, что отложил на черный день. Только не отбирай у меня Нерзеса, хорошо? — спросил он и, вдруг просияв, добавил: — Да и зачем искать кого-то? Пусть поедет Рубен, от него все равно нет никакого проку!

— Я подумаю, — медленно кивнув, ответила Юлианна и неожиданно спросила: — Может быть, послать Нерзеса в Константинополь?

— Зачем, госпожа?..

— Такие, как ты, не спрашивают зачем, раб, — кривя тонкие губы, произнесла дама. — Безмерная честь для сына столь презренного червя — оказаться при дворе базилевса. Неужели ты не хочешь видеть своего первенца придворным?

Трактирщик, казалось, сжался.

— Я не предаю тебя, госпожа,— прошептал он, становясь на колени.— Не бойся. Вернее меня слуги у тебя не будет. Поверь мне и не посылай Нерзеса в Константинополь! Возьми Рубена!..

Он хотел добавить «в заложники», ведь именно это и имела в виду Юлианна, говоря о великой чести.

— Не заставляй меня жалеть, что я не сделала этого раньше,— ответила женщина.— А если тебе вдруг захочется шепнуть словечко Орландо или кому-нибудь из его товарищей, которые несут стражу в городе, знай, схватить меня они не смогут, а вот твоего любезного Нерзеса зарежут тупым ножом у тебя на глазах. Ты получишь полное удовольствие, наблюдая за его муками, прежде чем самого тебя насадят на вертел и изжарят на медленном огне, как изжарил один христианнейший владыка мою сестру и ее лучшего друга.

Корчмарь молчал, онемев от ужаса. Юлианна поднялась.

— Все должно быть готово к утру. И на сей раз чтобы никаких... *неожиданностей*. Пусть будет так, старшим поедет Рубен, он хоть и младше Нерзеса, но с головой.— произнесла она, кривя рот в усмешке.— И не спорь, Аршак. Если не вернешь мех сегодня же, я позабочусь о том, чтобы твой сын никогда уже не мог *потерять* то, что так глупо утратил его отец. Крепко помни, что я сказала тебе, ничтожество,— закончила дама.

Окинув презрительным взглядом коленапреклоненного и не решавшегося открыть рта трактирщика, она покинула комнату.

Юлианна вышла через черный ход во двор. Дойдя до дальней стены, она вскарабкалась на будто специально поставленный там бочонок и, подобрав юбки, с неженской ловкостью перепрыгнула через забор.

III

Уже двенадцать лет прожил в Антиохии Раймунд де Пуатье²⁹ дядя обольстительной Алиеноры Аквитанской, жены короля Франции Людовика Седьмого. Многому научился тут голубоглазый светловолосый галл. Познал

на собственном опыте, сколь тяжело есть бремя власти. Обвенчавшись с восьмилетней Констанс, он не оставил ее матери выбора: обманутая в лучших надеждах, Алис отбыла вдовствовать в Латтакию. Он не часто вспоминал о ней, не до того было, жизнь властителя норманнского княжества в Северной Сирии не назовешь скучной, врагов хватало, только успевай поворачиваться!

Однако теперь, по прошествии всех этих лет, Раймунд вспомнил письмо, полученное им на следующий день после того, как Алис навсегда покинула Антиохию. Послание, несомненно, принадлежало перу поэта, но оказалось слишком коротким, чтобы дать Раймунду шанс хотя бы строить предположения относительно личности автора.

Впрочем, о том, кто стоял за спиной последнего, князь догадывался и поэтому не стал советоваться с мастерами в области стихосложения.

Тринадцать лет. Тринадцать лет
Пройдет, и ты
Лишишься власти и жизни.
В железной клетке
Вспомнишь ты о НЕЙ.

Алис отошла в тень, но... Перед внутренним взором Раймунда против его воли встал образ ее старшей сестры. Мелисанда, дочь Бальдуэна Второго, супруга, а точнее, вдова короля Иерусалимского.

Теперь, когда минуло шесть лет после нелепой гибели Фульке — король упал с лошади во время охоты на зайцев, — Раймунд утратил последние сомнения относительно того, кто заставил властителя Утремера дать ему тогда столь нерыцарский ответ на просьбу о помощи. Осажденный базилевсом Иоанном князь послал за подмогой к Фульке и что же? «Старики учат нас, что Антиохия в веках была частью великой империи Константинополя... что же нам отрицать очевидное и противиться договорам отцов и дедов?» Что за чушь, в самом-то деле?! Кто мог написать такое? Христианский король или проклятый Богом схизматик?! Фульке был добрым католиком, так кто же нашептал ему на ухо эти строки?

Поговаривали, что королева заключила сделку с дьяволом, будто бы обещавшим ей отдать власть в Леванте в обмен на... сам Левант. Ходили слухи, будто враг рода человеческого сказал Мелисанде, что отвел Утремеру восемьдесят восемь лет, сорок четыре из которых истекут в год смерти Фульке. А еще через год он явит свидетельство своего могущества, и уже не одна христианская душа, пусть даже и королевская, станет платой ему, а многие сотни и тысячи. По Святой Земле странствовала блаженная, утверждавшая, что слышала, как дьявол сказал Мелисанде: «Первым будет город, где ты родилась». Эдесса как раз и пала ровно через год, после гибели короля.

Никто как-то не задумывался над тем, что «святая» со своими пророчествами опоздала, так как сделаны они были уже после взятия Эдессы войсками Зенги. Однако простой народ не силен в счете и готов верить любым лжецам, лишь бы они говорили ему то, во что он готов поверить. А с другой стороны, как еще объяснить, что Бог все чаще и чаще отворачивается от потомков тех, кто не жалея живота своего шел освобождать Святой Гроб Его?

Простолюдины не слишком-то понимали в цифрах, зато в них неплохо разбирался князь Антиохии и в последнее время нет-нет да и думал о тринадцати годах — явно не угодное Господу число,— отведенных ему неизвестным поэтом. Теперь, когда, как казалось, наступила передышка, он все чаще вспоминал о мрачном пророчестве. Раньше-то было не до размышлений. Но, хвала Господу, что по воле Его ничто не длится вечно, а полгода-год без войны, без ожесточенных интриг знати и купечества и не менее яростных церковных споров, без кровопролитных ссор между вассалами здесь, в Антиохии, как, впрочем, и повсюду в Леванте, это уже почти вечность.

И ведь неизвестно, что лучше. Теперь князь вдруг начал казаться себе старым. Ему порой чудилось, будто бы с того апрельского утра 1136 года прошло не двенадцать лет, а все двадцать четыре года, потому что он, совсем еще недавно бодрый и веселый, молодой душою и телом человек, словно бы проживал за один день два.

В следующем году князь, если повезет, должен был встретить полувековой юбилей. Не самый преклонный возраст для жителя Европы, но весьма солидный для здешних мест. В Сирии смерть постоянно подстерегала правителя: если не случалось ему пасть от вражеской стали в бою, как Рутгеру Салернскому или Боэмунду Второму, он запросто мог скончаться от неведомого мора, как Танкред, или от яда, а то и от кинжала ассасина. И не то чтобы князь боялся смерти, нет, рыцарей с детства учили тому, что сложить голову за правое дело — честь и слава, что лучше умереть в бою, чем в постели, страшил его позорный плен, а что еще означали эти слова: «В железной клетке вспомнишь ты о НЕЙ»? Догадывался князь, — случись ему угодить в плен, тридцатилетний наследник западных владений Зенги, Нур ед-Дин, никогда не выпустит его.

Что ж, пусть смерть, пусть даже пожизненное заточение в башне в Алеппо, главное — вовремя. Надо успеть произвести на свет добрых сыновей, потом еще вырастить их, наследников, а уж потом... Поздно, поздно женился Раймунд, дети еще маленькие, первенцу, Боэмунду, всего три годика, первой дочери Филиппе — два, Марию еще и не отняли от груди кормилицы. Нужен еще мальчик и хотя бы десять лет, чтобы обеспечить престол за наследником, а потом можно и... Вот покойный Фульке — нарожал детей во Франции, всех так удачно переженил, а потом... Анжу свое отдал сыну и поехал в Святую Землю. Женился на Мелисанде, ревновал ее ко всем (еще бы, ей шестнадцать, а он пятый десяток разменял). Готов был даже убить ее родственника Юго дю Пьюзе.

Готов был? Или все-таки убил?

Юго действительно убили. Рыцарь, совершивший это, под пыткой несколько раз повторил, что действовал по собственному почину, желая угодить королю, но Мелисанда не поверила.

Мелисанда. И снова и снова она...

Раймунд предпочел бы не думать о ней. Ему хотелось совсем другого. Как хорошо было бы хоть ненадолго очутиться дома, в Пуатье! Года полтора назад им овладела мечта: съездить в Лондон, а лучше в Париж,

посмотреть, каков теперь муж у племянницы Алиеноры, король Луи Седьмой, сын Людовика Толстого. Когда Раймунд уезжал в Англию, откуда потом и прибыл сюда, оба еще были в сущности детьми, принцу Луи едва исполнилось шестнадцать лет. Они и сейчас дети. Нет, они уже *не* дети, Алиеноре двадцать шесть, ее супругу двадцать восемь. Прошло одиннадцать лет, с тех пор как они, опекаемые мудрым Сугерием, правят Францией.

Слухи о приближении крестоносцев существенно опередили их самих, и целый год князь жил ожиданием приезда родственников. Когда он увидел их в Сен-Симеоне, ощущение счастья, охватившее его, не знало границ. Он не радовался так уже, наверное, пять лет, с тех пор как узнал о смерти базилевса Иоанна, даже появление на свет первенца, Боэмунда малыша, не доставило Раймунду столько счастья.

Он забыл едва ли ни обо всем на свете, выкраивая каждую свободную минутку, чтобы провести ее с племянницей. На пороге зрелости она чудо как расцвела, и Раймунду казалось, что во всем сотворенном Господом мире нет и не может быть женщины красивее. Алиенора оказалась в не меньшей степени поражена манерами и благородной красотой князя.

Дорога изрядно утомила молодую женщину, слуги, свита, даже трубадуры и поэты раздражали ее. К тому же путешествие оказалось трудным не только для простолюдинов, рядовых воинов и бедных рыцарей, но и для знати. Взять хотя бы уж тот случай, когда сам ее Луи чуть не угодил в плен к язычникам. Новый день, наступая, уже не сулил прежней радости, как бывало прежде. К тому же капризность ее, подогретая тяготами похода, заставила пытливого, склонного к анализу разум Алиеноры посмотреть под другим углом на многие привычные вещи. Она вдруг увидела, что *ее* Луи вовсе не такой уж великий герой и воин, и совсем не монарх. Разве можно назвать добрым правителем того, кого банальные чинуши-казнокрады и простые купцы способны запросто обвести вокруг пальца?

Она, конечно, была далеко не объективна, эти самые *банальные чинуши и простые купцы* не раз, не боясь

жутких пыток, ввали в глаза самим божественным базилевсам Второго Рима. Где уж с ними справиться неискушенному правителю молодого королевства? Разве сравниться королю Франции и его дворянам в искусстве дипломатии с велеречивыми греками? А ведь даже и Алексей Комнин, опытной царедворец, сумевший пройти по трупам к трону и императорской диадеме, иной раз со вздохом закрывал глаза на лихоимство вельмож, не находя в себе сил для борьбы со всеми лживыми казнокрадами.

Алиенору и саму обманывали — фрейлины, служанки, бойкие на язык стихоплеты и сладкоголосые трубадуры, но она не замечала этого или замечала, но, как и полагается женщине, переваливала ответственность за все собственные промахи на мужа. Логично — раз он все равно грешен, так несколько лишних «соринки в его глазу» ничего не изменят. В общем, страстная дочь Гиени испытывала глубокое разочарование, она возмечтала, чтобы с ней рядом оказался умудренный опытом правления государственный муж, к тому же храбрый воин, рыцарь без страха и упрека. Таким и виделся ей дядя Раймунд, благородный красавец с темно-русой бородой, в которой пробивалась седина, со столь же мудрыми, сколь и печальными голубыми глазами.

На деле князь Антиохийский вовсе не обладал всеми вышеперечисленными качествами. Годы правления научили его многому, но в действительности не был он сверх меры мудр. Силен, мужественен и храбр — это да, но сила его начинала иссякать, а мужество и храбрость... он и правда расточал их в таких количествах, точно знал, что они и есть как раз то, чего Господь в щедрости своей отмерил ему двойной мерой.

Они полюбили друг друга. Для него она была прекрасной птичкой, еще вчера порхавшей над полями благодатного французского Юга, цветком, который послала судьба пленнику, осужденному на медленное угасание в темнице. Он для нее, как уже говорилось, олицетворял образ рыцаря без страха и упрека. Он отличался от всех, кого умная, но ветреная и непостоянная капризница встречала в последние годы, и осо-

бенно за то время, что провела в пути. Дядю и племянницу очень часто видели вместе. Они безоглядно наслаждались обществом друг друга, а когда выпадал случай, гуляли вдвоем в саду возле княжеского дворца. Слуги не раз заставляли Алиенору в объятиях Раймунда, нередко видели, как дядя и племянница дарили один другому страстные поцелуи.

Можно было бы, пожалуй, счесть эти нежности чуть более вольными, чем допускали правила приличия в отношениях между родственниками. И, хотя рамки этих правил в двенадцатом веке отличались большой растяжимостью, при желании усмотреть в близости князя и французской королевы греховное начало не составило бы труда, особенно учитывая репутацию, утвердившуюся за дамой... да и за кавалером тоже.

Всегда ли романы прекрасной дочери Гиени завершались тем, на что намекали хронисты, а впоследствии и романисты, или же отношения ее с мужчинами чаще оставались в большей мере платоническими, такими, какими часто рисовали авторы средневековых баллад и романов любовь благородной дамы и храброго рыцаря? Сказать трудно — столько веков прошло. Известно, бывало с людьми в ту, как, впрочем, и в любую другую пору, всякое: и возвышенные чувства, воспетые поэтами, и жаркая, но не жалуемая ни певцами-романтиками, ни церковью страсть, находившая свое удовлетворение в конюшне под лошадиное ржание.

Доподлинно известно лишь то, что Алиенора влюблялась и, вполне возможно, ей случалось оказываться в постели с мужчинами, от которых, по здравом размышлении, следовало бы держаться подальше не только благородной даме, но и вообще любой женщине. Однако молва, рождавшаяся в недрах ее окружения, так исказила истинное положение вещей, что уже и при жизни королевы двух королей, бабушки Европы, становилось решительно невозможно понять, где истина, а где вымысел злобных проходимцев и досужая болтовня кумушек.

Наш хронист, который в то время еще не родился, не дает точного ответа на этот вопрос, он, как и большинство писателей-современников, повторяет то, что

слышал. К чести его, заметим лишь, что и сам он, стремясь сделать свое повествование как можно более правдивым, не скрывает, что порой ссылается на слухи.

Так или иначе, Алиенора и Раймунд безоглядно наслаждались обществом друг друга, совершенно не задумываясь о том, как уже в ближайшее время повернется их судьба, какую цену придется заплатить одному из них за свою любовь. Другому же то, что случилось в дальнейшем, поможет разобраться в собственной жизни и, сделав решительный шаг, изменить ее.

Неизвестно только, к лучшему ли?

Этого никто не знает и не сможет узнать никогда. Как нельзя ответить с точностью, что лучше: умереть молодым, с оружием в руке сражаясь с врагами, или скончаться в старости, окруженным сонмом родственников, возможно даже и искренне оплакивающих кончину своего отца, дяди, деда.

Впрочем, существовало и еще одно обстоятельство: Алиенора не желала никуда ехать из Антиохии, потому что ей смертельно надоел поход. Раймунд же, кроме того, что не хотел, чтобы она покидала его, стремился также как можно на более долгое время задержать в своем княжестве венценосного супруга своей племянницы и особенно рыцарей, которых тот привел с собой.

С первых дней Раймунд начал вести агитацию среди пожаловавшего к его гостеприимному двору западного рыцарства. Он даже совершил с некоторыми из них, особенно охочими до драки, набег в ближайшие области столицы Нур ед-Дина, чтобы возможные будущие соратники сами убедились в том, сколь громадную добычу смогут они захватить, если примут его предложение и останутся в Антиохии.

К тому же Алеппо — рядом, можно сказать, рукой подать, и двадцати лье не наберется, не то что до Дамаска, путь до которого раза в четыре длиннее. Идти на Дамаск Луи склоняла все та же Мелисанда и тезка ее покойного мужа, ставленник королевы, крепко державшей в руках узды духовного правления в Святом Городе, патриарх Фульке Ангулемский, назначенный на эту должность после смерти Гвильома Мессинского всего за год до прибытия крестоносцев в Левант.

Были и другие предложения.

Жослен Второй Эдесский³⁰, потерявший столицу своего графства, надеялся, что король поможет ему отвоевать ее у турок. Разве не весть о ее падении подняла западное рыцарство на новый поход против язычников? Раймунд Второй Триполийский искал поддержки для возвращения важного стратегического пункта Монферрана, с такой неосмотрительной поспешностью обменянный одиннадцать лет назад королем Фульке на свою свободу.

Король Франции колебался, что день ото дня все сильнее раздражало Раймунда Антиохийского. Теперь, когда патриарх Иерусалимский заявился в город собственной персоной, князь, уже знавший, какую песню запоет добрый *друг* венценосной вдовы, *благочестивой* королевы Мелисанды, сказавшись больным, поручил возглавлять церемонию встречи своему патриарху и недавно оправившейся от родов княгине. Мало того, что Фульке просто бесил Раймунда, князь вдвойне злился от того, что не может отказать в приеме человеку, который прибыл затем, чтобы нарушить наметившиеся уже хрупкие договоренности с нерешительным Людовиком.

Алиенору святоши всегда как минимум утомляли. Причину своего отношения к служителям Божьим она видела в том, что зачастую священниками становились недалёковидные люди, лишённые элементарной фантазии, способные только, заучив тексты священных книг, повторять написанное там к месту и не к месту. Не удивительно поэтому, что королева, к тому же еще и прекрасно осведомленная о настроении Раймунда, также уклонилась от церемоний, решив, что потратит время с большей пользой, если проведет его в беседах с дядей, который, она прекрасно видела это, более всего на свете нуждался в ее утешении.

Они уединились в саду, наслаждаясь беседой и вдыхая свежие ароматы цветения пышного сирийского апреля.

— Вы так напряжены, мой друг, — с легкой укоризной проговорила Алиенора, склонившая прекрасную головку на могучую грудь Раймунда, который нервни-

чал, возможно уже ругая себя за то, что не пошел встречать патриарха. С монсеньером Фульке все равно придется говорить, улыбаться, получать от него благословения. Не встретиться с ним означало бы бросить открытый вызов церкви. — Не стоит изводить себя. Вы поступили правильно, дав почувствовать этому выскочке свое отношение к нему. Все равно вы не сможете скрыть того, что думаете, хотя бы уж потому, что ваши интересы и интересы... — она замялась и, решив обойтись без имен, продолжала: — Интересы королевства Иерусалимского входят в противоречие с вашими.

Как ни старалась Алиенора облекать свои мысли в наиболее обтекаемую форму, Раймунд прекрасно понял, что она хотела сказать, чье имя так старательно избегала произносить.

— Да не королевства, не королевства, милая Нора, — воскликнул он с горечью. — Не королевства, а *королевы*. А это, увы, не одно и то же. Бальдуэну нет еще и восемнадцати. Дай ему Господь вырасти добрым правителем и поскорее избавиться от дурного влияния ма-тушки.

— Боюсь, — вздохнула Алиенора, — боюсь, если ему даже и удастся избавиться от ее влияния в светских делах, в духовных вопросах она сохранит приоритет принятия решений. А этого никак нельзя сбрасывать со счетов, как нельзя не признать, что она тщательно отбирает сановников. Они не перестают слушаться ее сразу же после того, как получают назначение. Думается мне, есть у нее своя уздечка для каждого из них. Она неглупая женщина...

Чтобы там ни говорили про Алиенору Аквитанскую, каких бы небылиц ни плели про ее детские «приключения» с конюхами в стойлах, в наблюдательности французской королеве не отказывали даже самые лютые ее ненавистники. Однако высказанное ею мнение не могло обрадовать князя.

— В чем же вы видите ее ум? — спросил он едва ли не сердито, пытаясь заглянуть в глаза племяннице. — Идти походом на Дамаск — безумие! Байи этого города, князь Онур — единственный друг франков на Востоке. Он так же ненавидит Нур ед-Дина, как... как...

— Как вы, дядюшка? — как можно мягче проговорила женщина и, отстранившись так, чтобы он мог видеть ее лицо, погладила рыцаря по руке. — Да, я понимаю, и Луи тоже понимает, что сейчас самый благоприятный момент, чтобы обрушиться на Алеппо...

Она сделала паузу, чтобы не говорить того, что, вне сомнения, сейчас скажет он.

— Другого такого момента не будет! — воскликнул князь. — Никто сейчас не сможет подать Нур ед-Дину быстрой помощи! Мосул исключается, поскольку Сайф ед-Дин увяз по уши со своими врагами на севере. Онур скорее пошлет подмогу мне, чем такому соседу, а вернее всего, не пошлет ее никому, но нам и того довольно. Неверные из Икониума и их соседи, Данишменды, воюют то между собой, то объединяются друг с другом против грифонов. Одному Нур ед-Дину ни за что не выдержать натиска нашей с королем объединенной дружины!

Раймунд умолк, картина казалась ему такой ясной, он никак не мог взять в толк, почему кто-то из приезжих может думать иначе.

— У короля не так уж много войск, — напомнила Алиенора. — Вассалы могут не поддержать его. Брат Луи Робер де Дрё, Тьерри Фландрский, Анри Шампанский, Юго Лузиньянский и Гвильом де Куртенэ, родственник вашего соседа, Жослена, очень набожны, — женщина фыркнула: — Во всяком случае считают себя таковыми. А потому их уши открыты для слов проповедников.

— Атаковать Дамаск — безумие! Онуру некуда будет деваться, он обратится к Нур ед-Дину, а их объединенные силы нам одолеть не удастся. Во всяком случае быстро. Пока мы будем как молодые бычки бодать старый дуб на полянке, дерево пустит новые побеги. Язычники объединятся, и нам тогда придется думать не о том, на кого нападать, а о том, от кого обороняться.

Такая перспектива казалась слишком мрачной даже умной Алиеноре.

— У вас, дядюшка, пятьсот рыцарей, — начала считать она. — У Луи вместе с братом, Тьерри и Анри даже

чуть больше. Уже тысяча. У Бальдуэна, — она старательно избегала упоминаний о матери Иерусалимского короля, — не менее пяти сотен. Потом еще братства Храма и Госпиталя, вместе они могут выставить в поле полтысячи всадников. Итого, уже две тысячи. Это не считая дружин графа Жослена, да другого вашего соседа и тезки, Раймунда Триполийского. Я еще не назвала Альфонсо-Журдена с его провансальцами, а они — хорошие воины. К тому же Конрад Германский, он потерял всю пехоту, но кому был бы нужен этот сброд? Они лишь путаются под ногами у рыцарских дестриеров. У Конрада с вассалами — тоже, верно, наберется сотен пять? Не так ли? Три тысячи рыцарей! Такой силы, насколько мне известно, никто еще не видывал в здешних местах со времен Первого похода!

Алиенору так воодушевили собственные подсчеты, что гладкие яблочки ее нежных щечек покрылись густым румянцем. Раймунд не выдержал, он привлек к себе племянницу и страстно поцеловал ее в губы. Она не отстранилась, наоборот, обхватив руками его могучую шею, ласкала ее грубоватую кожу маленькими пальчиками.

Раймунд совсем потерял голову. Он не стал говорить ей, что был бы счастлив, если бы один только ее супруг с братом и их дружины остались здесь. А уж если бы удалось переманить десяток другой людей Тьерри и Анри, он заставил бы трусливого Жослена собрать все силы, и тогда, глядишь, под знаменами франков оказалось до десяти сотен тяжелой конницы. Пехоты тоже удалось бы набрать тысяч семь-восемь. Относительно пеших войск племянница не права, кавалерия хороша на ровной местности. Штурмовать многолюдные города без жадной голоштанной массы простолюдинов трудно, если вообще возможно.

Впрочем, на Востоке к пешим солдатам относились иначе, чем в Европе. Здесь, в Леванте, их далеко не всегда считали ненужным балластом даже в поле. Одетые в гамбезоны, длинные камзолы из толстой кожи с нашитыми на них металлическими кольцами, держа в руках высокие щиты, пехотинцы прикрывали рыцарских жеребцов от смертоносных стрел языческой кон-

ницы. Кроме того, из-за спин копейщиков и щитоносцев арбалетчики и лучники довольно успешно стреляли по туркам.

Калькуляции королевы Франции, несомненно, имели под собой основания, однако существовали важные обстоятельства, которых прекрасная Алиенора не учитывала. Да, трех тысяч рыцарей хватит, чтобы разгромить в решительной сече и Онура, и наследников Зенги, но... беда в том, что эти три тысячи никогда не соберутся вместе. Бальдуэна не пустит на север мать. Магистры братств Храма и Госпиталя, Эврар де Барр и Раймунд дю Пюи, так же прислушаются к песням патриарха, а нет, так дадут себя уговорить щедрыми земельными посулами и пожертвованиями из королевской казны. К тому же, пока на Востоке будет находиться сын Раймунда де Сен-Жилля, Альфонсо-Журден (ох, лучше бы он сюда и вовсе не приезжал!), нынешний правитель Триполи, внук бастарда все того же Сен-Жилля, Раймунд Второй не выйдет никуда дальше стен собственной столицы. К тому же он — муж Одьерн, сестры Мелисанды. Итак, от обоих потомков великого крестоносца первого похода во втором толку не жди, не было бы вреда.

Германцы, те — сущие дети на Востоке, с ними у Мелисанды хлопот не будет. Фульке скажет Конраду, что Алеппо — пустой звук, а Дамаск — город, упоминаемый в Священном Писании, и освобождение его из рук неверных — дело угодное Господу. Конрад, который очень смутно представляет себе, что вообще упомянуто в этом самом писании, а что нет, первым ринется *освободить* Дамаск.

«И никому, никому не придет в голову, что, угрожая таким образом Богу, они играют на руку дьяволу! — мелькнуло в голове у Раймунда. — Мелисанда! Мелисанда! Мелисанда! За всем она! Так значит — правда?! И никто ничего не может сделать?! — спросил себя князь и сам же ответил: — Никто!»

Рыцарь вдруг понял, что все, что говорила та блаженная, — истинная правда. Что же получается, если посчитать? В июле 1099 Годфруа Бульонский и Танкред д'Отвилль первыми ворвались в Святой Город. В ноябре

1143 свалился с коня Фульке Анжуйский, вот они — первые сорок четыре года! Через год пала Эдесса,— сатана явил королеве свою власть. Значит... правда и то, что через тринадцать лет...

Князь подумал о том, что его первенцу, Боэмунду, в 1187-м, когда истекнут отпущенные врагом рода человеческого вторые сорок четыре года, исполнится сорок два. Что ж, зрелый муж сам примет решение, как поступать, а дочек... дочек надо просватать куда-нибудь за море, пусть даже за кого-нибудь из грифонов, пусть даже за диких князей из гиперборейских степей.

«Тринадцать лет. Уже прошло двенадцать! Год! Всего год!..— стучало в голове Раймунда.— Констанс одной не справиться без меня. Ей придется выходить замуж. Захочет ли новый муж потом отдать власть Боэмунду? Нет, не захочет...»

Мысли о будущем детей захлестнули сознание князя. Он, сам не понимая, что делает, только крепче прижимал к себе племянницу и вновь и вновь целовал ее капризные губки и розовые щечки. Алиенора не отстранялась, она вдруг почувствовала, он знает нечто такое, что не хочет доверить ей. И не потому, что считает ее глупой и не способной понять его, а потому, что ему, как любому рыцарю, никогда не придет в голову позволить женщине сесть на коня и вместе с ним очертя голову броситься в пасть огнедышащего дракона. Потому что, если воин сумеет одолеть чудище в неравной схватке, он положит к ногам своей дамы его отрубленную голову, если нет — погибнет, а она так никогда и не узнает, что было у него на душе в тот последний день перед роковой битвой. Не узнает, если не почувствует... А Алиенора чувствовала.

Но... почему же последний? Да, последний, последний, она чувствовала и это!

В тот момент королева поняла, что нужна князю не только как дама сердца. Кроме того, ей стало ясно, что, несмотря на страстные поцелуи, этот несомненно храбрый и безусловно благородный рыцарь не осмелится пойти с ней дальше, хотя Алиенора и не сомневалась в том, что с другими дамами он робости не проявлял. Даже в Париже она, спустя долгие годы после дядиного

отъезда на Восток, немало слышала о его подвигах при дворе английского короля. Да что Англия? Во Франции, особенно в Гиени, не говоря уж о Пуатье, тоже прекрасно помнили похитителя женских сердец.

Неожиданная дядюшкина робость в свою очередь подталкивала женщину к рискованным действиям. Она принялась ловко распутывать завязки его камзола³¹, ее пальчики забирались к нему под рубашку, спускались ниже.

Воодушевленный ее безрассудством, Раймунд стал смелее. Закрыв глаза, точно надеясь обмануть себя, заставить забыть, кого он так жарко обнимает и столь страстно целует, князь проник под юбку племянницы и гладил нежную кожу голеней, ласкал круглые, казавшиеся ему детскими, коленки.

Грубые пальцы воина, привыкшие более к древку копья и рукояти меча, поднимались все выше и выше, и скоро он уже мял ее крутые бедра и упругие ягодицы.

— Нора, Нора, Нора,— едва успевая перевести дыхание, шептал князь в те мгновения, когда губы его отрывались от ее сахарных уст.— Нора, милая моя Нора, кто есть на свете лучше тебя?!

— Возьмешь меня прямо здесь? — спрашивала она, страстно дыша.— Да?

Нет, этой женщине решительным образом нельзя было отказать в практичности. Даже и в такой момент королева не забыла о том, что она и князь выбрали не самое подходящее для любовных утех место.

Тут, в самой глубине сада, куда никогда не заходили слуги, ухаживавшие за деревьями, по ромейской, сплошь построенной на стремлении произвести внешний эффект, традиции содержавшие в порядке наиболее близко расположенные к дворцу растения, находился маленький, никогда на памяти Раймунда не работавший фонтанчик, устроенный здесь, надо полагать, римлянами. Хотя, кто знает, возможно, даже и не ими, может статься, он был сработан руками еще первых поселенцев Антиохии, древних македонян и греков. Ни князь, ни его гостя не разбирались в античной скульптуре.

Обломки статуй лежали тут и там так, как, вероятно, оставили их какие-нибудь из очередных завоевате-

лей. Может, арабы, а может, дикие варанги³², наемники грифонов, или турки, или пришедшие следом за ними крестоносцы Первого похода, которые забрались сюда, рассчитывая встретить тут если уж не амфоры с золотыми монетами, то хотя бы красивых рабынь, затаившихся в зарослях и надеявшихся там пересидеть буйство захватчиков.

Кроме статуй подле фонтана находились мраморные лежа или скамьи. На них так любили возлежать древние, прячась в тени от дневного зноя, отпивая неторопливыми глотками выдержанное вино и наслаждаясь философской беседой. Камень почти всюду потрескался, время и люди пощадил только одно ложе, где, на уложенных слугами подушках, и устроились Раймунд с Алиенорой. Место это, хотя и очень уединенное, трудно было счесть самым удобным для занятий любовью. Несмотря ни на что, мужчина не хотел прерывать объятий и ласк. Впрочем, и дама тоже.

— Да, Нора, да,— прошептал он.— Здесь! Сейчас!

— Хорошо, милый,— ответила женщина, забыв добавить привычное «дядюшка», и обеими руками настойчиво надавила на плечи рыцаря, укладывая его на ложе.— Мне нельзя испортить платье, слуги могут заметить. А вы в случае чего скажете, что упали...

Раймунд не стал спрашивать, почему она не могла бы сказать того же. Как и для всякого рыцаря, желание дамы являлось для него законом.

В тот момент, когда утешительница уже собиралась оседлать своего партнера, она, не совсем еще утратившая от страсти рассудок, вдруг услышала в глубине зарослей какой-то шум. Чей-то злобный шепот, потом словно бы удивленный возглас, и сразу вслед за ним тихий стон.

Так и не успевшие превратиться в любовников дядя и племянница немедленно забыли о своих намерениях. Страсть тотчас же улетучилась из их сердец, уступив место страху разоблачения.

— Оставайтесь здесь, Нора,— строго приказал Раймунд.— Вашей жизни в моем саду угрожать ничто не может. Я боюсь другого...

Он не договорил, да слов и не требовалось. Алиенора прекрасно поняла, что все это время или какую-то часть его, пока они, столь неосмотрительно забыв обо всем, предавались страстным объятиям, некто внимательно наблюдал за ними. Главное сейчас заключалось в том, чтобы выяснить, кто стонал, если враг — замечательно, если друг...

Королева обо всем догадалась по лицу князя, едва тот вернулся.

— Мой оруженосец, лучший из лучших и вернейший из верных... — проговорил Раймунд озабоченно. — Он мертв.

— Он ничего не сказал перед смертью? — с надеждой спросила Алиенора. — Кто мог напасть на него?

Раймунд покачал головой.

— Одно, я думаю, несомненно, — произнес он, немного подумав. — Это была женщина.

— Женщина? — удивилась королева. — Почему вы так решили?

Впрочем, она и сама поняла причину уверенности князя, увидев клочок тонкой ткани в руке рыцаря.

— Дайте мне платочек, — попросила Алиенора.

— Бесплезно, — хмуро ответил князь, однако все же исполнил просьбу племянницы. — Тут нет никакого намека на владельца, кроме вот этого. Одно ясно, это первая буква имени, но какого? — Королева естественно думала так же, но что означала эта большая буква «I»? Изабелла? Изольда? Ивонна? Илона? Иоанна? — Дама. Скорее всего из приближенных... княгини.

Князь намеренно не стал называть жену по имени. Он думал, что любил ее, но понял сегодня, что никогда не испытывал к ней ничего похожего на чувство, которое вызвала в нем племянница. Он привык заботиться о супруге, однако мысли о скорой смерти заставляли его беспокоиться в первую очередь о детях, а потом уже о Констанс, причем прежде всего как о матери Боэмунда и девочек.

— Да, — королева задумчиво кивнула, — у французских дам не в обычай метить таким образом предметы туалета. Это здешнее изобретение. Вероятно, оно

происходит из необходимости все время вести учет добра, вследствие большого количества слуг-грифонов и их необыкновенной вороватости.

Раймунд сделался еще мрачнее, умозаключение королевы Франции относительно слуг его не радовало, но куда сильнее удручало другое: он и представить себе не мог, чья рука сразила оруженосца.

— Зарезан тонким кинжалом,— нехотя проговорил князь.— Я бы даже подумал, что это ассасин³³... Но они предпочитают убивать, вонзая клинок в спину, кроме того...

— Ассасин? — удивилась Алиеонора.— Я слышала, они охотятся только за высокими особами. Может быть, он имел целью напасть на вас?

— Но это же женщина? — не слишком уверенно произнес князь.— Вот же платок? Да и господин ассасинов, курд Алиб Вафа, хотя и молится Аллаху, ненавидит Нур ед-Дина больше всех на свете. Нет, Али нет резона убивать меня. К тому же незнакомый мужчина не смог бы пробраться сюда, стражники заметили бы его и обязательно остановили.

— Надо спросить их, кого они видели выходящим отсюда! — просияла королева.— Идемте скорее. Мы все узнаем! Ваш слуга был знаком с тем, кто убил его!

— С чего вы так решили? — с недоумением осведомился дядя.

— Он был силен, ваш слуга?

— Да. Конечно. Очень силен, он — настоящий воин.

— Я слышала нечто похожее на возглас удивления! — с жаром воскликнула племянница.— Он сказал что-то вроде: «Это ты?» или «Это вы?». Больше того, потому его и убили. Он видел ту, которая шпионила за нами, но не ожидал, что она нападет на него. Иначе, как объяснить то, что женщине удалось справиться с сильным мужчиной? Ведь если бы это и правда был ассасин, он напал бы сзади и постарался бы уничтожить неожиданную помеху тихо, чтобы иметь возможность подобраться к вам. Кроме того, я слышала, что они отправляются вершить свои дьявольские дела чаще группами, чем в одиночку. Нет, все было так, как я

говорю! Идемте скорее, расспросим стражников, и все узнаем!

Стражу они расспросили, но... не узнали ничего. В сад кроме слуг, которым полагалось заниматься обхаживанием деревьев, не заходил никто. Допрос садовников тоже ничего не дал, была парочка новых мальчиков, совсем еще отроков, но одного в тот день посылали зачем-то на базар, а другой просто исчез, даже родители не знали, где он мог быть. Никаких женщин, тем более посторонних, ни стража ни слуги не видели. И все-таки то, что кто-то определенно проник в сад, чтобы шпионить за князем и королевой, ни у нее ни у него сомнения не вызывало.

IV

Молодой человек в дорожном платье, весьма смахивавшем на то, которое носили мусульмане, опустился на колени перед сидевшим на походном стульце высоким, темнокожим, почти безбородым мужчиной.

Определить, сыном какого народа был юноша и какому богу молился он, по внешности решительно не представлялось возможным. Худой, чернобровый и черноглазый, еще безусый, но с уже заметным темным пушком, пробивавшимся над верхней губой, он мог оказаться как ромеем, так и уроженцем Киликии, или происходить из армян, населявших земли между Евфратом и Балихом, совсем недавно отвоеванные у христиан войнами ислама.

Однако он мог быть и далеким потомком аборигенов, живших здесь еще за многие века до прихода воинственных аравийских бедуинов, ведомых неутомимым Мухаммедом. Они все еще обращаются к своему распятому богу на языке, которым пользовался он сам (мусульмане его таковым не считают, но чтят как одного из пророков). Теперь уже люд этот называют сирийцами, а франки, по невежеству, именуют вавилонянами.

Хозяин шатра прожил на свете всего тридцать лет. Он редко смеялся, даже улыбался не часто. Подданные

привыкли видеть на лице его грустное выражение, словно бы он, тяготился великой властью, возложенной на него судьбой, и предпочел бы вести частную жизнь обычного человека, нежели повелевать всеми этими взбалмошными курдскими и турецкими эмирами, вечно сорившимися друг с другом, и заставлять их слушаться его.

И тем не менее, как часто случается, именно он, более чем кто-либо из современников в середине двенадцатого века в стране, называемой пришельцами с Запада Вавилоном, подходил для того дела, для которого выбрал его Аллах. Звался этот человек атабеком³⁴ Нур ед-Дином Абу Аль-Касим Махмудом и был вторым сыном неистового Имад ед-Дина Зенги³⁵.

Теперь же, весенним вечером 1148 года от рождения пророка Исы, в начале месяца зу-ль-хиджжа 542 года лунной хиджры, Нур ед-Дина не интересовали ни национальность, ни даже вера юноши, преклонившего перед ним колени. Повелитель Алеппо и Эдессы хотел знать другое.

Молодой человек не так уж плохо говорил по-арабски и сумел без переводчика объяснить, что род его происходит из Киликии, но давно уже обосновался в Антиохии, откуда и ехал он, Рубен, когда мусульманские конники скватили его. Парень уверял, что специально искал встречи с самим атабеком. И не видать бы армянину «справедливого короля» Нур ед-Дина как своих ушей, если бы не его настойчивость и не сообразительность сотника, отряд которого захватил трех всадников (юношу и двух его спутников), уверявших, что они посланы с важным известием лично к Нур ед-Дину.

А тот ждал, очень ждал известий с запада.

— Ты говоришь, что ты гонец моего человека из Анатакии? — произнес атабек. — Но почему же при тебе не оказалось тайного знака? И где послание, которое ты должен мне передать?

— Послание со мной, о великий из великих, — проговорил юноша. — И знак тоже.

— Называй меня просто эфенди, не надо громких слов, — поморщился «справедливый король» и, не без

удивления, спросил: — Почему же ты не показал знак моим воинам? Ведь они могли бы убить тебя.

— Напрасно,— ответил Рубен.— Тогда бы ты не услышал важных новостей, потому что послание, которое я привез тебе, здесь.— С этими словами гонец коснулся пальцами серого от пыли тюрбана у себя на голове, а затем размотал пояс и, подняв рубаху, указал на темное пятно, находившееся на несколько вершков ниже левого соска.— Вот твой знак, о великий... эфенди.

Пятно, если посмотреть на него повнимательнее, напоминало что-то вроде кольца, больше похожего на овал, с заключенными в нем двумя неровными полумесяцами. Оказалось, что свежее, еще не успевшее зажить клеймо просто выжжено на теле Рубена. Оно и заменило утраченный его отцом, Аршаком, знак.

То, с каким достоинством отвечал юноша, и то, как он держался, понравилось атабеку. В гонце чувствовалось презрение к смерти, свойственное настоящим солдатам.

Приказав ему подняться и удалив стражу, Нур ед-Дин велел гонцу говорить. Внимательно выслушав донесение о численности войск собравшихся в Антиохии пилигримов и мысленно сопоставив цифры с уже имевшимися у него, атабек удовлетворенно кивнул. Все сходилось. Когда юноша сделал паузу, Нур ед-Дин неожиданно спросил:

— Твой отец воин?

— Нет,— со вздохом ответил Рубен.— Мне не повезло, мой отец всего лишь корчмарь...

Видя, что юноша хочет что-то сказать, повелитель Алеппо не стал торопить его. Гонцу требовалось время, чтобы перевести свои мысли на язык, понятный собеседнику, думать по-арабски он не умел.

— Но говорят, что мама... светлая ей память,— он наскоро перекрестился.— Говорят, что я появился на свет, потому что она согрешила с одним из людей правителя Армении, который приезжал в Антиохию от князя Левона, когда мой отец ездил по торговым делам на Кипр. Тогда еще был жив дедушка, он заправлял в корчме и на постоялом дворе. Он и старший брат отца... Конечно, нехорошо так говорить о своей матери, тем более что она умерла... Но папа и при ее жизни не раз

называл меня ублюдком. Он... не любит меня, никогда не любил, не то что Нерзеса...

— Это, верно, твой брат? — спросил Нур ед-Дин и продолжал почти с утвердительной интонацией: — Поэтому тебя и послали?

— Да. Отцу все равно, если я погибну. Он даже обрадуется!

— Мне показалось, что ты не очень-то страшишься смерти.

— Нет, эфенди! — вскинулся юноша. — Я не боюсь умереть в бою, как воин, но... просто так мне умирать не хочется.

«Никому не хочется умирать просто так, — подумал атабек, и лицо его стало еще более печальным, чем обычно. — И все равно умирают...»

Он спросил:

— А что стало с настоящим гонцом?

— Он погиб... — немного помедлив, ответил Рубен. По дороге он придумал совершенно фантастическую историю относительно обстоятельств, имевших место на постоялом дворе отца. Однако Юлианна не советовала врать, да юноша и сам почувствовал, что Нур ед-Дин не тот человек, перед которым стоит лукавить. — Его зарубил рыцарь, снимавший лучшую комнату у нас наверху.

— Вот как? Как же это случилось?

Рубен подробно пересказал все известные ему подробности схватки в корчме, произошедшей накануне того, как на него возложили нежданную миссию.

— Но они же могут обнаружить послание? — спросил Нур ед-Дин с беспокойством. Ему вовсе не хотелось потерять ценного информатора, тем более что сведения, поставляемые Юлианной, всегда оказывались верны. — Когда вино кончится, они поймут, что внутри меха что-то есть?

— Не думаю, — покачал головой гонец, — они либо вновь наполнят его, либо выбросят. Они воины, а не...

И хотя молодой человек не договорил, собеседник прекрасно понял, что он хотел сказать. От атабека не укрылось восхищение, с которым Рубен говорил об убийце гонца.

Он вообще заметил, что юноша, когда ему не хватало арабских слов, часто пользовался греческими или франкскими, особенно для обозначения вещей, более свойственных системе понятий тех народов. В частности, Нур ед-Дин сразу же обратил внимание на то, что, открывая ему пикантные подробности своего появления на свет, Рубен назвал своего предполагаемого отца «l'hom di princers», что на языке франков означало: «человек князя», но имело смысл, ставший понятным всем и каждому на Востоке за те пятьдесят лет, что прошли с момента появления здесь вооруженных паломников с Запада. Слово «человек» в том значении, в котором его употребил молодой армянин, означало — «вассал», а это в свою очередь показывало, что в сознании большинства жителей, по крайней мере из числа христианского населения, утвердилась принесенная европейцами модель взаимоотношений между представителями знати и правителями. *Человек* служил только своему сеньору, но никак не его господину.

Большинство защитников Эдессы были армянами по происхождению, но они считали себя рыцарями, сражались, как полагалось рыцарям, и умирали с улыбкой на устах. Их доблесть не могла идти ни в какое сравнение с той, которую пришлось встречать туркам накануне прихода крестоносцев, тогда христиане едва сопротивлялись, они скорее спешили предать один другого, стараясь заслужить этим благосклонность сильного врага. Турки тогда были так же сильны, как и франки Первого похода. Но, Нур ед-Дин не мог не отметить этого отрадного обстоятельства, наблюдался и обратный процесс. Потомки неистовых пилигримов, перед которыми трепетали турецкие эмиры, не имели уже и половины доблести отцов. Все, чего хотели они — торговать и богатеть, наслаждаясь жизнью на благодатном Востоке.

Если бы ни помощь с Запада, если бы ни пришельцы, словно бы подпитывавшие молодой горячей кровью застывшие в неге тела «разжиревших» на ласковом левантийском солнышке соплеменников, борьбу с ними стало бы возможным завершить при жизни одного поколения, при его, Нур ед-Дина, жизни. По крайней мере здесь, в Северной Сирии. Но он не тешил себя

надеждой, зная, что франки еще сильны и будут оставаться опасными, пока не иссякнет поток искателей приключений с Запада.

Все эти мысли частенько приходили в голову повелителю Алеппо и возвращенной Эдессы. Сейчас же он внимательно слушал юношу, которому велел не спеша и ничего не упуская изложить самые свежие новости, ставшие известными Юлианне буквально накануне отъезда Рубена. Вести обнадеживали. Что ж, будет просто замечательно, если франки и в самом деле не послушаются Раймунда. А они его, скорее всего, не послушаются! Да, после того, что сделали князь Антиохии и французская королева, едва ли у него есть какие-нибудь шансы сохранить благорасположение короля.

«Странные порядки у этих франков,— подумал атабек в который уже раз.— Что бы я сделал с эмиром, решившимся посягнуть на честь одной из моих жен? А если бы мне сказали что-нибудь похожее о моей любимой жене?»

Нур ед-Дин так ни до чего и не додумался, он просто не мог себе представить, что кто-то может так жить и искренне посочувствовал мелику Луису, а то время как эмир Анатакии Рамон показался ему еще гаже, чем раньше. Мысли атабека вернулись к происшествию в гостинице.

— Скажи-ка мне, Рубен,— начал он после некоторой паузы.— А как зовут рыцаря, который убил гонца Юлианны?

— Ренольдо, эфенди,— охотно ответил гонец.— Мой отец... вернее, корчмарь Аршак... он называл этого господина Арнаутом или Арно и говорил, будто так на языке наших предков именовался один из злых духов, волков-оборотней, в которых верил мой народ, пока не принял Христа.

— Арно? — повторил повелитель Алеппо и подумал вдруг, что еще услышит это имя.— Арно...

Однако он тут же забыл о молодом буяне. Отослав гонца, атабек вышел на улицу и посмотрел в черное, глубокое, усыпанное мириадами звезд сирийское небо.

Марс сиял на небосклоне рубиновым зраком, и Нур ед-Дин понял — настало его время.

Пусть же взойдет звезда правоверных!

Утром, когда все собрались на ассамблею, где Раймунд с Алиенорой просто не могли не присутствовать, дядя, едва взглянув на племянницу, сразу понял, что той пришлось пережить немало неприятных минут.

Впрочем, как это частенько бывает, до князя, как до одного из самых заинтересованных лиц, главные новости долетели в последнюю очередь. Уже вечером все слуги во дворце только и судачили о том, как французский король, словно простой горожанин или солдат, выучил жену. Иные смаковали подробности, кое-что придумывали, но в основном передавали историю правдиво.

Алиенора так и не узнала, кто информировал мужа. Она, конечно же, все отрицала и требовала очной ставки с клеветником. Как и следовало ожидать, Алиенора ее не удостоилась и тотчас же заявила, что ревность супруга необоснованна, за что и получила звонкую пощечину. Луи на этом не остановился, он высказал жене все, что думал о ней, она ему тоже. В итоге король в бессильной злобе оттащил королеву за волосы.

Слуги были абсолютно правы, сравнивая этот скандал в благородном семействе с выяснением отношений между каким-нибудь шорником или плотником с их супругами. Разница заключалась в последствиях. Колесания Людовика кончились еще до начала ассамблеи. Но Раймунд слишком поздно понял это. Ревность короля Франции качнула маятник времени, — отныне часы и минутки, слагавшиеся в дни и месяцы, побежали быстрее, и все, чтобы ни делалось теперь на Востоке, не могло отвлечь неизбежного. Виной же великих перемен стал каприз Алиеноры Аквитанской³⁶.

Патриарх Фульке, человек не достаточно грамотный в вопросах военной стратегии, прекрасно понимал, что, сохранит он свой нынешний пост или нет, целиком и полностью зависит от покровительницы, королевы Иерусалимской.

Кроме того, он, как и предполагал Раймунд, не сомневался в том, что цель похода — освободить святыне для христианства места.

Как объяснить такому человеку, что Дамаск давным-давно уже не нуждается ни в каких освободителях, так как чуть ли ни полтысячелетия находится в руках мусульман, а местные христиане, веками живущие рядом с последними, научились ладить с ними? Как объяснить ему, что, напав на эмира Онура, франки неминуемо толкнут его в объятия северного соседа, заклятого врага — Нур ед-Дина?

Как объяснить человеку, которому кажется, что достаточно соблюдать церковные предписания и хорошо молиться, угождая тем Богу, который немедленно дарует победу правому, что не в храме, а на поле боя решаются исходы баталий? Да и какой смысл, ведь монсеньер патриарх Иерусалимский и так прекрасно знает, куда следует вести войска, а еще лучше знает это его *набожная покровительница, христианнейшая Мелисанда*.

Фульке, похожий на ромея и лицом, и статью, и манерами, вышел вперед и заговорил, обращаясь ко всем присутствовавшим тоном председателя суда, ведущего процесс.

— Мы все выслушали сиятельного князя, нашего гостеприимного хозяина, — произнес патриарх Иерусалимский. — Он убедил многих рыцарей, в том числе и весьма знатных, в том, что напасть на Дамаск — означает оттолкнуть *друга*.

Поскольку Фульке сделал паузу, князь счел нужным внести уточнение.

— Я говорил не о *друге*, а о *союзнике*, — твердо начал он и, окидывая тяжелым взглядом собравшихся, продолжил: — Но простим его святейшеству *оговорку*, коль скоро он не очень разбирается в правилах ведения войны. Тем не менее речь идет о нашем единственном союзнике в лагере магометан. Эмир Онур очень опасается усиления Нур ед-Дина и заинтересован в балансе сил...

— О каком балансе говорить, светлейший князь?! — закричал безвкусно, но очень ярко и богато одетый молодой человек, вскакивая со скамьи. — Разве христианин может выбирать между своим долгом и выгодой?!

— Да! Верно, верно говорит граф Робер, брат их величества! — закричали многие. — Его святейшество прав, наш долг идти на Дамаск, как и предлагают их величества король Бальдуэн и королева Мелисанда!

«Бальдуэн? — с горечью подумал Раймунд. — Как бы не так! Бальдуэн пока что во всем слушается своей добродетельнейшей матушки! Но что же случилось? Робер был одним из тех, кто еще несколько дней назад во всю глотку вопил: “На Алеппо! Раздавим неверных! С корнем вырвем языческое семя!” Неужели... Неужели они не понимают?»

Патриарх примирительно поднял руки, как никак слово принадлежало ему. Когда рыцари уgomонились, он спросил Раймунда:

— А не скажет ли нам ваше сиятельство, почему вы так опасаетесь союза князя неверных Онура с другим их князем Нур ед-Дином, в том случае, если богоспасаемое воинство пилигримов и баронов Утремера атакует первого?

Фульке сделал многозначительную паузу и продолжил:

— Но совершенно не страшитесь союза князя неверных Онура с князем неверных Нур ед-Дином, если атакован будет последний? Ответьте нам, любезный наш хозяин.

Вопрос вызвал бурную реакцию со стороны собравшихся, судя по их поведению, Раймунд мог сделать вывод, что сторонников его предложения почти не осталось, даже некоторых из его вассалов каверзный вопрос патриарха поставил в тупик. Ох, скоры рыцари на решения!

— Извольте, — князь поднялся. — Я готов объяснить и вам, ваше святейшество, и другим, хотя, признаться, не понимаю, почему столь очевидная вещь вызывает вопросы у тех, кто держит меч. Байи Дамаска предпочтительней союз с нами против смутьяна из Алеппо, а именно таковым он считает Нур ед-Дина, чем с последним против нас, потому что наше поражение принесет больше выгод Алеппо, чем Дамаску. Точно так же и нам куда важнее уничтожить силы сильного Нур ед-Дина, нежели слабого Онура. Кроме того, если завтра

пилигримы и бароны Утремера атакуют *упомянутый в Писании* город, многочисленное население единодушно выйдет на стены, чтобы отразить нападение неверных, то есть нас с вами. Если же следом на помощь к городу придет Нур ед-Дин, где гарантия, что среди жителей не сыщутся желающие тайно распахнуть перед ним ворота? И что тогда? А вот что! Вся Сирия объединится под скипетром одного правителя! Онуру не нужен Алеппо, зато Дамаск Нур ед-Дину необходим. Он алчет власти, равной королевской! Хочет сделаться султаном!

Зал молчал, а Раймунд, пользуясь тем, что все его внимательно слушают, хотя некоторые, как он видел, не вполне понимали, куда он клонит, дав им подумать, продолжал:

— Одним словом, ясно же, что Нур ед-Дин на зов Онура придет, вернее, примчится, а вот Онура едва ли станет спешить, хотя северный сосед, подвергнувшись нашей атаке, безусловно пошлет к нему гонцов. Если мы нападем быстро, то сможем сокрушить Нур ед-Дина, взять Алеппо, вернуть Эдессу и другие крепости, завоеванные неверными за последние годы.

Раймунд сел. Он видел, что достиг немалого успеха своей речью.

Однако патриарх вовсе и не собирался сдаваться. Князь недооценил уровня подготовки посланца Высшей Курии, главного законодательного, исполнительного и судебного органа Иерусалимского королевства, председателем которого, разумеется, являлся ныне здравствующий король и... его матушка. Фульке имел инструкции на все случаи жизни.

— Хорошо, — согласился он. — Забудем о христианском долге. Забудем о том, в чем напутствовал предприятие пилигримов римский апостолик, отмахнемся от проповедей святого Бернара Клервоского. Что они нам?.. Представим себе, что наши уважаемые гости пришли только за тем, чтобы помочь какому-нибудь из князей здешней земли справиться с соседями. Поговорим о стратегии. Признаюсь, мне понятно беспокойство нашего гостеприимного хозяина. Нур ед-Дин и его столица всего в двадцати лье от сего богоспасаемого града, где ныне по воле Божьей собрались мы. Какой из власти-

телей не хочет отодвинуть границы своих земель по-дальше? На двадцать лье? На пятьдесят? На сто? А почему не на сто пятьдесят?

Патриарх, как и князь в свою очередь, выдержал паузу.

— Соблазнительная мысль, особенно когда под рукой столько добрых воинов, готовых биться с язычниками, — подняв палец к потолку, вновь заговорил он. — Того же, не стану скрывать от вас, хотел бы и король Бальдуэн. Его величеству точно так же, как и его сиятельству, не нравится, что от языческого Дамаска до ближайших городов Святой Земли, таких, как Назарет и Вифлеем, одни имена которых уже сами по себе святы для любого христианина, рукой подать. Они даже ближе, достаточно дневного перехода, чтобы достичь их стен.

Святейший, конечно, бессовестно врал, его красноречие ориентировалась на пилигримов, никогда прежде не бывавших в Палестине и Галилее и не знавших, что Назарет, Иерусалим и Вифлеем отстоят от Дамаска на сто, сто сорок пять и сто шестьдесят миль соответственно. Подойти к ним незамеченными войска Онура, если бы он захотел напасть, ни за что бы не смогли, а от набегов туркоманских³⁷ орд, не подчиняющихся ни Нур ед-Дину, ни правителю Дамаска, не спасут никакие завоевания, никакие продвижения границ дальше на восток. Кроме того, Онур и не хотел ни с кем воевать. Он хотел одного, жить, и по возможности спокойно. Того же хотели и граждане Утремера. Но гости желали подраться. Это бы еще полбеды, объектов для применения их сил хватало, но они непременно хотели кого-нибудь освободить.

Раймунд не спешил уличать оратора во лжи, полагая, и не без оснований, что это ничего бы не дало, Фульке все равно вывернулся бы, завел бы речь о других городах, действительно находившихся в опасной близости от границ.

Гораздо интереснее было то, что сказал патриарх дальше.

— Сокрушив Алеппо, что же получим мы? — спросил он и сам же себе ответил: — Передвинем границы

Антиохийского княжества, которое будет тогда иметь дело с Мардином, Мосулом, с самим Багдадом, наконец! Чтобы одолеть их всех, нам понадобится перевезти сюда половину подданных, скажем, короля Франции.

Князь не мог не отметить, как встрепенулся при этих словах Луи.

Патриарх Иерусалимский продолжал:

— Сокрушив же Дамаск, мы не только отвоюем упомянутый в Священном Писании город, чем нанесем серьезный урон неверным, показав им, в каком мраке пребывают их умы и души, но мы также поднимем престиж христианского оружия на высоту, на которую вознесли его пилигримы Первого похода.

Сравнение с крестоносцами Первого похода вызвало всеобщий восторг гостей. Свои, как отметил князь, реагировали куда спокойнее.

«Не пойдут, — понял он с облегчением, но тут же помрачнел: — Но и эти не останутся».

Однако у Фульке за пазухой имелся и еще один камешек, который монсеньер был готов бросить в огород *гостеприимного* хозяина.

— Но я обещал отбросить рассуждения о долге, — напомнил он, вновь обретая контроль над расшумевшейся аудиторией. — Стратегия — вот что, как уверяют нас некоторые, главное. Внимание. Захватив Дамаск, мы не только совершим богоугодное дело, но и отрежем северных варваров от их единоверцев на юге, мы разрубим Вавилонию пополам. Вот в чем настоящая стратегия, мессиры рыцари! Это не мои слова, это слова христианнейшего властителя, правящего в Святом Городе и в Святой Земле, избранного баронами Утремера, короля Бальдуэна!

Едва Фульке закончил, поднялся всеобщий гвалт, рыцари вскочили и принялись размахивать руками, делая вид, что рубят что-то мечами или секирами.

— На Дамаск! На Дамаск! На Дамаск! — ревели десятки глоток. — На Дамаск! На Дамаск! На Дамаск!

Вопили все. В основном, конечно, молодежь, но больше всего внимание Раймунда привлек молодой безбородый красавец с длинными пшеничными усами и чуть более светлой шевелюрой. Локоны волос кавалла-

рия выглядывали из-под шапочки, не желая ютиться под цивильным головным убором, который явно был привычен рыцарю куда меньше, чем шлем. Раймунд узнал рыцаря; именно его городская стража арестовала на днях за учиненную в гостинице резню. Князь выслушал сообщение и велел передать смутьяна на суд его сюзерена.

— На Дамаск! — Ренольд и правда усердствовал чуть не больше всех. — На Дамаск!

Да и отчего же не покричать? Из тюрьмы его выпустили на следующий же день, и он удостоился беседы с Людовиком. Король находился в обществе брата, Роберта, графа Перша и Дрё, Тьерри Эльзасского, Тибальта де Блуа и Гвильома де Куртенэ. На поддержку последнего Ренольд особенно надеялся — все-таки соседи, Шатийон всего в каких-нибудь семи лье от столицы вотчинных французских владений Куртенэ, весьма известного на Востоке рода³⁸.

Присутствовала даже Алиенора. При ней король, конечно, напустил на себя строгости, решив пострадать вассала за произвол. Однако Луи оказался плохим лицедеем, к тому же Ренольд скоро почувствовал, что и прочие рыцари скорее сочувствуют ему, чем осуждают. Королеве же буян явно понравился, и она, нахмурив бровки, попеняла ему за поведение, недостойное гостя, а потом со вздохом заметила, как бы ни к кому особенно не обращаясь: «Господи, эти ужасные грифоны способны вывести из себя даже святого. Что уж говорить о рыцарях?» Тут уж никто не стал долее скрывать своих подлинных чувств. Таким образом Ренольд был полностью оправдан и... воспользовался удобным случаем, чтобы попросить у короля в долг несколько золотых. Последний, конечно, не отказал, и прежде всего из-за присутствия супруги, ему не хотелось показаться перед ней скрягой.

Теперь Ренольд, который, как и все прочие придворные, прекрасно знал о ссоре венценосной четы, искренне сочувствовал Алиеноре. Лицо ее побледнело и выглядело очень грустным, отчего, правда, лишь сделалось красивее. Оно стало просто прекрасным, хотя в том, что касалось форм... Если признаться, то на вкус нашего

кельта, жена его сюзерена была — так себе. Слишком худа, но королю, видно, нравились такие. Что ж, это его дело. И его забота терпеть всех этих трубадуришек, что увиваются вокруг его супруги, превознося ее красоту. В том, какой на деле это гнусный народишко, молодой рыцарь убедился еще во Франции.

Такие смотрят тебе в глаза, и уста их льют мед. Послушать их, так у тебя лицо баловня судьбы и по нему сразу видно, какой ты доблестный воин: такой уж верно побывал в славных сечах, соблазнил тысячу красавиц, сразил своим мечом целую тьму сарацин, а богатство, захваченное у них, расточил на пиры с добрыми друзьями. Так говорят труверы, словно мед льют. А что же на самом деле? На самом деле все, что им нужно, выпить за твой счет, а потом же тебя и обсмеять. Вот и с Алиенорой тоже самое. Получил тычка иной не в меру распустивший руки и язык поэтишко, и пошла слава о супруге Людовика. Хотя... если служанкам, вроде Марго, можно, то чем королева хуже? Она ведь тоже женщина.

Рыцарь вспомнил задницу проказницы-служанки княгини Констанс и подумал о том, что, если бы Алиенора была не женой его сюзерена, не королевой, а просто, скажем, дочерью герцога Аквитании или даже женой какого-нибудь другого монарха, он не отказался бы попробовать ее на вкус, пусть даже за такое могут оттяпать голову.

Хотя уж если бы Господь призвал его к себе и велел, к примеру, занять место Адама, при этом дав возможность выбирать себе Еву, Ренольд скорее предпочел бы не Алиенору, а Марго. И не только из-за форм. Как знать, чего захочется своевольной гиеньской красотке? Вдруг да потянет она за собой в Эдем всю свою бойкую и языкастую свору? Нет, если бы он, Ренольд, оказался в раю или стал бы вдруг хотя бы графом (последнее предпочтительнее), то велел бы взащей гнать из своих владений всех болтунов — поэтишек и попов. И от тех и от других никакого прока. Впрочем, жонглеры и труверы проживаются милостью властителей, королей или графов, а святоши... этих голыми руками не возьмешь!

«И как им удастся собирать такие богатства? — недоумевал молодой пилигрим. — Им не надо ни с кем сражаться, чтобы разбогатеть. Людишки сами несут им деньги. Барону своему небось так не отдадут?! Все жалуются на неурожаи, да что, мол, скот не родит и всякое такое, а в церковь вырядятся, как сеньоры, и попу тащат кто серебряник, кто золотой! Лукавые черти! Вот бы заставить святош поделиться с рыцарями! Это ж какие дружины можно снарядить?! Хватит, чтобы завоевать и Бизантиум и Вавилон!»

Вавилон Ренольд пока что не видел, но Бизантиум поразил его воображение. Молодой человек резонно полагал, что если уж столица базилевса ромеев так велика и богата, то Вавилон, надо думать, еще больше и еще богаче. Если бы младшего сына графа Годфруа спросили, где он, тот самый Вавилон, то, по здравом размышлении, сеньор Шатийона, пожалуй бы, лишь указал на Восток и ответил: «Ну... там где-то... наверное...»

Тут тоже выстраивалась своеобразная, хотя и вполне привычная по меркам средневекового рыцарства лестница: простой миль³⁹ думал, что кастелэн⁴⁰, которому он служил, знал, где находится Вавилон. Владелец замка в свою очередь полагал, что география — не его ума дело, и указывал любопытным на своего барона или графа, мол, видите того знатного сеньора на хорошем коне? Вот у этого господина и спрашивайте. Барон же искренне считал, что раз король и прелаты позвали его на войну, то им наверняка ведома ее конечная цель. А как же, не на то ли и сюзерен, чтобы знать, куда вести своих вассалов? Конечно, Папа с его епископами, а так же короли все знают, так нечего и думать!

Найдя для себя такой ответ, раз и навсегда упразднивший необходимость задаваться ненужными вопросами, Ренольд успокоился. Он решил, что раз уж ему удалось добраться до Святой Земли целым и невредимым, то будущее в большей или в меньшей мере определено. На Дамаск, так на Дамаск, он ничем не лучше и не хуже, чем Алеппо. Главное досадить этому самодовольному типу, князю Раймунду, за то, что он так подло повел себя в отношении короля Луи! Всякий раз

думая об этом, паломник из Шатийона невольно сравнивал жену властителя Антиохии и супругу своего сюзерена и всякий раз все дольше и дольше не мог отвести глаз от Констанс. Да, госпожа любвеобильной Марго была хороша, чудо как хороша!

— На Дамаск! На Дамаск! — гремело по залу.

Они могли бы и не надрывать связки, Раймунд и без того понял, что проиграл. Неоднократные его упоминания о том, что, нанеся решительно поражение Нур ед-Дину, пилигримы смогут без особого труда вернуть и Эдессу, канули, не затронув ничьего ума, словно провалились в бездонный колодец, все труды и чаяния пропали втуне. Точно и не из-за падения столицы графства, основанного Бальдуэном Первым, собрались они тут. Вряд ли что-нибудь изменилось бы, даже если он сейчас встал и сказал: «Господа, но почему же нам не сделать два дела сразу? Мы могли бы атаковать Алеппо, а когда город будет нашим, оставить там гарнизон и двинуться на юг к Дамаску и при поддержке войск короля Иерусалимского взять и его?»

Впрочем, князь не хотел лгать тем, кому пришлось бы по вкусу его предложение. Если бы им удалось захватить Алеппо, о Дамаске пришлось бы забыть. Танкреду понадобилось несколько лет, чтобы завоевать крепости, прилегавшие к нынешней столице Нур ед-Дина. Теперь пришлось бы потратить время на то же самое, так как турки по смерти Рутгера Салернского отняли у христиан большинство завоеваний Танкреда. Не говоря о простых крепостях, на пути к Дамаску остались бы еще Шайзар, Хомс и Хама, владетельные эмиры которых не пожелали бы сдаться без боя.

«Попробую, попробую уговорить Луи,— повторял себе сделавшийся мрачнее тучи Раймунд.— Я должен убедить его...»

Бросив взгляд на встревоженное личико Алиеноры, князь понял — не получится. Он даже знал, что скажет ему Людовик: «Ваше сиятельство, я не могу начинать священной войны, не поклонившись Гробу Господню. Отправляйтесь со мной в Акру на ассамблею к брату нашему, христианнейшему королю Бальдуэну. Там мы

и решим все вместе, какое направление избрать приложения наших сил».

Да, именно так он и ответит, Раймунд знал это потому, что Людовик и раньше высказывал подобные мысли, но как-то несмело, теперь же у него достаточно оснований для того, чтобы исполниться решимости.

«Неужели он не видит, что она не пара для него?! — подумал князь, глядя на Людовика и Алиенору. — А я? Я был бы ей парой?... Что за кощунство?!»

Раймунд заставил себя не смотреть на племянницу, тем более, что видел, Луи следит за его взглядом. Самому же князю неожиданно пришло в голову спросить себя, куда же обращен взор того самого молодого рыцаря с длинными усами, смутьяна, который так неожиданно привлек его внимание. Неслыханная наглость! Светловолосый пожирал глазами... Констанс!

Внезапно Раймунд почувствовал, как почва уходит из-под ног, а сам он, облаченный в доспехи, падает с коня и...

Лицо молодого рыцаря вдруг стало старше, рот приобрел хищный оскал, осанка сделалась властной. Во всем облике наметилась надменность, какая-то дьявольская решимость драться, драться во что бы то ни стало. Она присутствовала и в молодом, но в заматеревшем муже качество это, более свойственное юнцу, становилось едва ли не зловещим.

Что-то заставило Раймунда повернуться и посмотреть на свою княгиню. Он как-то никогда не задумывался над тем, что и она красива, она была женой, и этим все сказано. Но она же дочь Алис, племянница Мелисанды, как мог он забыть об этом? Кровь, кровь...

Он только сейчас понял, что не один Луи, но и Констанс прекрасно знает про вчерашнее происшествие в саду.

Глаза добродетельной супруги горели огнем, щеки разругались, она ни капельки не огорчалась дипломатическим поражением мужа, словно бы и не понимала, чем это для него грозит. Констанс, не скрывая симпатии, смотрела на того самого молодого рыцаря с длинными усами.

«А ведь они ровесники... — Крыльями птицы судьбы прошелестело в мозгу князя. — Он лишь немного старше. Как он смотрит на нее?! Неужели?.. Нет! Только не он, только не он!»

Глаза Раймунда словно бы застлал туман, князь увидел вдруг приземистого бородатого курда с наголо выбритым черепом. Им ни разу не доводилось скрестить оружие, но они прекрасно знали друг друга. Язычник, правая рука атабека, звался Асад ед-Дином Ширку; он, сразу видно, праздновал победу и, широко улыбаясь, скалил желтые клыки, поднося к губам чашу... сделанную из человеческого черепа.

«Молодец, Ширку! — приветствовал его кто-то, и Раймунду показалось, что слова эти произнес Нур ед-Дин. — Молодец! Теперь нас ждут еще более великие дела! Перед нами Дамаск и Каир. Мы соединим их под одной властью, под моей рукой, превратим ее в кулак, который сметет с лица земли всех неверных!»

Бородатый курд расплылся в улыбке, а потом с удовольствием (словно бы и слыхом не слыхивал о заветах пророка Мухаммеда) выпил вино и, подмигнув князю одним единственным глазом, многозначительно подкинул на ладони череп-чашу.

«Итак, многоуважаемые гости, — поднимаясь с земли, проговорил Ширку неожиданно на языке франков. — С позволения его величества короля Франции Людовика и его святейшества патриарха Иерусалима Фульке, разрешите считать ассамблею закрытой».

Тут только до Раймунда дошло, что это *он* стоит и *он*, а не какой-то язычник произносит, точнее уже произнес формальные, положенные по этикету слова.

Но и курд никуда не исчез. Подмигнув князю с того места, где стоял рыцарь с длинными усами, Ширку вновь подкинул на ладони череп-чашу и спросил:

«Знаешь, старый друг, чьей головой это когда-то было?»

«Так все-таки не плен?» — спросил себя Раймунд и, прежде чем ответить на вопрос курда, кивнул. Затем произнес:

— Да.

Он и правда знал.

Никакие уговоры ни к чему не привели.

Людовик ни в чем не обвинял дядю супруги, но, приняв решение, оставался непреклонным: он лишь выполнял взятые на себя обязательства, свой долг христианина, как он, суверен Франции, понимал его.

Не помогли и угрозы Алиеноры развестись с мужем, если он не позволит остаться в Антиохии по крайней мере ей. Она поняла, что супруг сдержит обещание и не остановится даже перед тем, чтобы везти жену в Иерусалим узницей. Между тем король не препятствовал общению дяди с племянницей, однако они не решались уже больше уединяться в каком-нибудь укромном месте дворца или в саду, а старались, напротив, больше быть на виду.

Имя шпиона и убийцы так и осталось неузнанным.

Понятно было только одно, кто бы ни затаился тогда там в саду, он, несомненно, имел сообщника. Именно он и открыл маленькую калиточку в глубине сада, оставшуюся незапертой после происшествия. Вероятнее всего, роль помощника сыграл тот самый отрок, который пропал, — один из подмастерьев садовника.

Князь показал найденный на месте преступления платочек особо доверенным слугам и велел произвести тайный розыск, посулил счастливицу, которому удастся обнаружить владельца, сначала десять, потом двадцать старых безантов, потом поднял награду до баснословного уровня в пятьдесят золотых. Как известно, почти столько же заплатил в свое время за голову несчастного Аги Азияна, последнего мусульманского правителя Антиохии, Боэмунд Первый.

Однако все было без толку. Загадочный соглядатай словно бы издевался, то и дело слуги обнаруживали точно такие же платочки все с той же большой «I» в уголке, но саму преступницу поймать никому не удавалось. Все Изабеллы, Изольды, Ивонны, Илоны, Иоанны и даже гречанка Ирина испытали на себе пристальное внимание охотников за наградой.

По понятным причинам слугам и оруженосцам князя, то есть мужчинам, самим не легко было следить за

дамами, потому к делу привлекались сестры, жены, любовницы. Соискатели приза из тех, что помоложе действовали сами, соблазняя несчастных Изабелл, Изольд, Ивонн, Илон и Иоанн, а наутро, ничего не найдя в гардеробе жертв своей жажды к наживе, бросали их без жалости. Повезло одной только Ирине, ей удалось выйти замуж за соблазнителя, который, уверившись в том, что княжеская награда — дьявольский мираж, утешился с пышногрудой и широкобедрой гречанкой. Она, кстати, вспомнила, что среди прачек была одна женщина, маленькая, незаметная, но очень сильная. Ирина как-то видела у нее такой платочек. Хотя, возможно, прачка просто подобрала его. Разумеется, подобрала, откуда бы еще взяться дорогому платочку у простолюдинки?

Следовало бы спросить саму Жоветт, так звали ту женщину, но ее уже и след простыл. Она пропала, просто ушла как-то в город и исчезла. Произошло это как раз во время дикой суматохи, связанной с отъездом заморских гостей. Потому после стали поговаривать, что прачка увязалась за солдатами, хотя, по мнению мужчин, позариться на такую мог бы только слепой и безрукий, а таких, как известно, ни в одну армию не берут.

Раймунда мало помалу вообще перестала интересоваться канувшая в прошлое история, ему все чаще было не до этого. Нур ед-Дин несомненно ждал исхода военных действий под Дамаском и потому серьезной атаки на Раймунда не предпринимал. Однако рейды язычников на территорию княжества, скукожившегося со времен регентства Танкреда, точно кусок брошенной в огонь сырой кожи, не прекращались ни летом ни осенью.

Пока Раймунд и его вассалы метались вдоль границы, отражая наскоки отдельных отрядов повелителя Алеппо, события на юге разворачивались полным ходом.

Мелисанда могла праздновать победу. Двадцать четвертого июня она и Бальдуэн встречали гостей в столь

любезной королеве Акре. Не обошлись там и без веле-речивого патриарха Фульке, архиепископов Кесарии и Назарета, священнослужителей рангом пониже, ну и конечно, магистров обоих военных орденов. Само собой разумеется, что кроме ведущих прелатов присутствовали также и все бароны королевства.

Среди гостей находились оба короля, французский и германский⁴¹, со своими родственниками и наиболее значительными вассалами, принявшими участие в походе. С Конрадом был сводный брат Генрих Австрийский, Отто фон Фризенген, Фридрих Швабский и Вельф Баварский. Лотарингию представляли епископы Метца и Туля. Свита Людовика в полном составе последовала за ним из Антиохии. Присутствовал также и молодой Бертран, бастард Альфонсо-Журдена, недавно скончавшегося в Кесарии на пути из Акры в Иерусалим⁴².

Через месяц все крестоносное воинство уже разбило лагерь под стенами столицы владений безмерно озадаченного таким поворотом событий Онура.

У него не было осведомителей ни при Антиохийском ни при Иерусалимском дворе или даже среди приближенных какого-либо барона франков, а потому эмир ждал чего угодно, только не того, что нападут на него. Подобная пакость очистила его мусульманскую душу от малейших остатков благорасположенности к христианским соседям.

На первых порах положение для дамаскцев складывалось едва ли не трагическое. Они уже баррикадировали улицы, готовясь, как и предсказывал Раймунд де Пуатье, биться не на жизнь, а на смерть. Правда, в одном ошибся князь Антиохии: для того, чтобы избавиться от нашествия, Дамаску не понадобился даже Нур ед-Дин. Онур, конечно, послал с просьбой о помощи на север, но события разворачивались так стремительно, что властитель Алеппо и Эдессы достиг лишь Хомса, когда доблестное войско пилигримов повернуло вспять.

Единство руководителей кампании лопнуло уже на второй или третий день осады. Предводители похода заранее решили, что если Дамаск падет, то будет отдан сеньору Бейрута, Гюи Брисбарру. Его кандидатуру поддерживала Мелисанда и коннетабль Иерусалимско-

го королевства Манасс д'Йерж, но Тьерри Эльзасский, граф Фландрии, сделал предложение, которое показалось весьма привлекательным всем трем королям. Он выдвинул собственную кандидатуру на роль правителя Дамаска, в том случае, если руководители похода согласятся превратить завоеванный город и его освобожденные от владычества неверных окрестности в полунезависимое графство вроде Триполи.

Трогательное единодушие правителей привело в тихое бешенство баронов Утремера. Протест их был, как сказано, именно тихим. Многие из местных магнатов лично знали *нужных* людей в Дамаске, некоторые не раз встречались и с самим Онуром. Скоро среди войска ползли слухи о колоссальных взятках, выплаченных князем неверных известным своим благочестием пэрам Иерусалимского королевства.

Каковы были истинные размеры платежей Онура, сказать трудно, однако «в меню», вне всякого сомнения, входили и десятки тысяч туркоманских стрел, которыми служившие эмиру дикие, низкорослые всадники из безводных приаральских пустынь щедро осыпали отступавших пилигримов. Сотни и тысячи их остались лежать на земле так и не завоеванного Вавилона, на холмах близ Дамаска, который, как заявлял языкастый патриарх Фульке, следовало захватить, *расколов* тем самым пополам земли язычников. Единственное, чего добились франки-аборигены и гордые паломники, добравшиеся сюда из далекой Европы, ценой невероятных лишений и десятков тысяч жертв,— это окончательно наметившийся раскол между сторонниками мира с мусульманами и приверженцами прямо противоположной точки зрения.

Безумные действия крестоносцев, напротив, лишь подтолкнули их врагов к объединению. И хотя многие из их властителей всеми силами сопротивлялись этому, они могли только оттянуть момент его наступления, не будучи в силах помешать глобальному процессу. Франки между тем едва ли в полной мере сумели понять, что означало для них поражение.

Как часто бывает, река судьбы совершила свой очередной, как правило незаметный для большинства

современников, поворот. словно бы солнце, до сих пор светившее им ярко, несмотря на отдельные облачка и тучи то и дело появлявшиеся на небосклоне, перевалило за полдень, неуклонно двигаясь теперь к закату.

Для латинских государств, основанных пилигримами Первого похода, словно морем выплеснутых на побережье Леванта, начался отлив. Иерусалимское королевство медленно, но верно, двинулось к катастрофе, к фатальному восьмьдесят восьмому году своей истории.

Ренольд Шатийонский и его молочный брат и приятель по лихим делам Ангерран худо знали историю, первый, как мы уже говорили, кое-как умел читать и писать, второй и вовсе этих премудростей не постиг. Да и к чему? Не зря же говорят: «Кто до двенадцати лет остается в школе и не садится в седло, годится только в священники». Зато оба прекрасно умели орудовать мечами, что трое подручников Юлианны испытали на своей шкуре. Да и не только они...

Выйдя из тюрьмы в Антиохии, Ренольд, как мы помним, перво-наперво попросил у короля Луи денег в долг на обзаведение, с обидой заявив, что серая в яблоках кляча, на которой он проследовал в заключение и на которой приехал сейчас к своему сюзерену, оскорбляет достоинство доброго рыцаря. Так юный кельт обзавелся неплохим конем и даже позволил себе роскошь приобрести лошадь для оруженосца. Кроме того, взбодрившийся пилигрим велел безмерно ошастливленному Ангеррану нанять несколько слуг, «каких-нибудь самых последних сукиных детей», «ублюдков грязной портовой шлюхи» и «отъявленных негодяев, по которым плачет веревка, но для которых и ее жалко». Так у младшего сына графа Годфруа вновь появилась собственная свита, или дружина из двух с половиной дюжин особей мужского пола, вполне удовлетворявших требованиям, предъявляемым к ним нанимателем.

Еще одна особенность Второго похода состояла в том, что никому из его руководителей, кроме разве что короля Конрада и его дружины, сумевших захватить стратегически важный пункт на реке Барада, прямо под

стенами города, вообще не удалось покрыть себя славой добрых рыцарей.

В первый день осады, когда армия франков нанесла чувствительный урон сделавшим вылазку дамаскцам, вожди экспедиции двинули Иерусалимский корпус на захват садов, которые уже к полудню оказались в руках христиан, которые принялись рубить засеки прямо из прекрасных плодовых деревьев. (Что поделаешь? Война.)

Ренольд, у которого руки чесались, мечтал о хорошей драке и попросился добровольцем на уничтожение засевших в особо густых зарослях смертников — тех из жителей, которые так дорожили свободой своего города, что были готовы отдать за нее жизнь. Они и отдали ее; Ренольд и его «сукины дети» вволю потрудились, рубя мечами и секирами деревья и кусты вместе с головами язычников. Правда, и дружина «графа воров», как за глаза окрестил молодого рыцаря из Центральной Франции чей-то острый язычок, понесла потери. Тела до десятка «сукиных детей» остались разлагаться под жарким солнцем среди поваленных стволов и густого крошева из веток и листвы.

Однако то было лишь началом.

Нет, Бог не судил Ренольду Шатийонскому стать новым Тафюром, подобно легендарному «королю нечисти» и «князю мрази», так прославившемуся у стен Антиохии в Первом походе. Войско Ренольда вновь поредело, а во время отступления, уже на подходе к Иерусалиму и вовсе растаяло.

Сказать по правде, это не слишком-то заботило нашего молодого кельта, главное — им с Ангерраном удалось сохранить обеих лошадей, кроме того, прежде чем славное воинство начало позорное отступление, произошло событие, ставшее судьбоносным для Ренольда. Пьеру удалось поймать чужую лошадь, причем такую, за которую любой рыцарь с радостью отдал бы не то что две — пять, десять, сорок дюжин сброда подобного тому, что составлял дружину «сукиных детей». Находку заметили сразу, и кое-кто даже попытался отнять у Ренольда его приобретение. К десятку язычников, отправленных им и оруженосцем на встречу с

Ариманом, добавились пятеро единоверцев. «Воры», в то время еще представлявшие ощутимую силу, дрались как звери, но едва ли бы все закончилось благополучно для чужака, сцепившегося с аборигенами, если бы те вдруг разом не прекратили сражаться.

Ренольд сразу же понял причину. Заслышав звучные рулады рожков, он велел и своим опустить мечи. К шатийонскому забияке и его мокрой от пота, пропыленной и перепачканной кровью дружине скакали всадники. Хватило и одного взгляда, чтобы понять — шутить с ними не стоит. Их было не меньше дюжины, рыцари на отличных конях в дорогих доспехах, не считая как минимум трех десятков оруженосцев. Уж кто-кто, а Ренольд отдавал себе отчет в том, что им ничего не стоит в буквальном смысле раздавить как его, так и его противников в какие-то считанные мгновения.

Однако всадники, похоже, не собирались нападать сразу. Самый знатный из них скакал впереди.

— Что здесь происходит? Именем короля Иерусалимского, приказываю прекратить беспорядки! — прокричал он, подъезжая, громким, но, пожалуй, чуть более высоким голосом, чем подобало мужу столь могучего сложения. — Я — Манасс д'Йерж, коннетабль Иерусалимского королевства. А это, — он указал на рыцаря лет сорока — сорока пяти, ни величественным видом, ни богатством снаряжения не уступавшего командующему войсками Бальдуэна и Мелисанды, но державшегося на пол лошадиной головы сзади, — Онфруа де Торон, один из достойнейших баронов Утремера, если кто не знает. Известно ли вам, что схватки с кем-либо, кроме неприятеля, в военное время считаются преступлением? Есть среди вас люди благородного звания? Мы требуем ответа в ваших действиях. Объяснитесь, или нам придется всех вас взять под стражу до суда!

Молодой пилигрим, которого не смутили громкие имена и титулы предводителей отряда, гордо, едва ли не надменно произнес:

— Мессир, я — Ренольд, сеньор Шатийона-на-Луане, сын покойного графа Жьенского и брат нынче нездоровящего господина сего богоспасаемого места, вассал его величества короля Франции Людовика. Этот сброд, —

он указал на сбившихся в кучку вояк,— попытался отнять у меня мою добычу. Мне пришлось схватиться с ними. Такова правда. Скажу вам откровенно, я совершенно не стану возражать, если вы их всех повесите прямо сейчас. Любой рыцарь во Франции сделал бы то же самое, если бы столкнулся с чем-нибудь подобным на своей земле!

— Шевалье,— ответил коннетабль строго.— Здесь вы не во Франции и не на своей земле. Тут, если уж разобраться, пока что ничья земля. Однако в любом случае не вам решать, кто здесь прав, а кто виноват.

Уроженец Жъена, не раз справлявшийся с самими дикими и неукротимыми жеребцами, чуть не свалился с лошади, словно бы на турнире копьё противника угодило ему прямо в лоб, закрытый металлом шлема. Мало того, что коннетабль назвал его просто шевалье, так Ренольда Шатийонского, сына французского графа, какие-то зажавшиеся выскочки, неспособные сами защитить своих владений, осмеливались ставить в один ряд со своим безлошадным сбродом!

Ренольд, конечно же, был не прав. Защищать свои владения здешние бароны умели, а вот нападать на тех, кто мог оказывать серьезное сопротивление, им не очень-то хотелось. Все они имели неплохие вотчины: их крестьяне-мусульмане и греки ортодоксального толка, собирали неплохие урожаи и через своих раисов⁴³ исправно отдавали положенное иноземным сеньорам (те брали не больше прежних господ-единоверцев). В городах жизнь была ключом, торговля процветала, налоги позволяли баронам жить с роскошью невиданной и при иных королевских дворах Европы.

Все эти буйные защитники, спасители и освободители (а на деле такие же охотники за богатством, какими были отцы и деды нынешних хозяев Востока) не приносили владетельным сеньорам Иерусалимского королевства по большей части ничего, кроме головной боли и умаления доходов. Знают ли чужаки, во что обходится эта кампания местным магнатам, не говоря уж о торговых убытках?

Нет, не знают! Они вообще ничего не знают! И знать не хотят!

— Эта лошадь, мессир,— процедил сквозь зубы Ренольд, багровея и весьма выразительно глядя на командующего войском Бальдуэна.— Эта лошадь поймана *моим* конюхом, Пьером, и по праву принадлежит *мне*. Так же как тот конь, который под вами,— вам. Любой, кто станет оспаривать мои права, спознается с клинком Ренольда де Шатийона! Уверю вас, я умею держать в руках оружие. Мой меч снес уже не один десяток голов...

Гордый кельт несколько преувеличивал, голову его меч снес всего одну (никак не удавалось, не отрубались они, хоть ты тресни!), однако душ шатийонское железо в руках нынешнего владельца загубило и правда уже за дюжину. Ренольд так разгорячился, что даже не заметил, как рыцари и оруженосцы Манасса д'Йержа стали потихоньку окружать всех участников недавней потасовки.

Не понять, что ему бросают вызов, коннетабль не мог, не ответить на него — тоже. Что ж, он с удовольствием выучит уму разуму зарвавшегося юнца. Одним словом, Манасс д'Йерж мгновенно забыл, что он не просто рыцарь, а должностное лицо, занимающее после своего сюзерена высший пост в военной иерархии королевства. Не известно, чем бы все закончилось, что одержало бы верх, удаль и молодость или опыт закаленного в рубках воина, но в короткий, хотя и весьма энергичный обмен мнениями вмешался пожилой (по меркам Ренольда) знатный спутник коннетабля.

— Остановитесь, милейший мой сир Манасс.— Онфруа Торонский начал со старшего.— Или вы забыли, что мы на войне?

Выиграв несколько секунд у несколько смутившегося коннетабля, Галилейский барон взялся за ретивого чужака, уже стягивавшего с руки кольчужную рукавицу.

— И вы, шевалье Ренольд,— проговорил миротворец,— также вспомните, зачем вы сюда явились? Исполнять свой долг христианина или гоняться за лошадьми? Стыдитесь!.. Хотя вы молоды, и это в какой-то степени извиняет вас.

Как ни странно, но на Ренольда отеческий тон барона подействовал умиротворяюще. Кроме того, каким-то чутьем молодого зверя, угодившего в переплет, забияка уловил, что старик, насколько это возможно, держит его сторону⁴⁴.

— Стыдитесь,— повторил тот, строго глядя на молодого драчуна.— Я уверен, что вы слишком разгорячились и не сумели правильно выразить своих мыслей. Уверен, что вы просто *не смогли объяснить* мессиру Манассу, что не собирались возражать ему. Во-первых, потому, что он исполняет свои обязанности, во-вторых, потому, что он прав. Да, да, и не спорьте! Как я заметил, вы среди них,— Онфруа указал на жавшихся друг другу недавних противников, окруженных всадниками коннетабля,— единственный благородный рыцарь. С вас и спрос. Ваши действия вредят общему делу. Уверен, что его величество король Людовик не придет в восторг...

— Это моя добыча...— не столь уверенно, но все еще упрямо повторил Ренольд и мотнул головой, при этом его мерин в точности повторил телодвижение хозяина.— Мой конюх...

— Да,— согласился Онфруа.— Но это — чистокровный арабский конь. Ума не приложу, как здесь оказалось это животное. Вы — невероятный счастливчик, а ваш конюх заслуживает хорошей награды...

«Арабский?! — молодой кельт вновь чуть не свалился со своего мерина, отчего-то забеспокоившегося под его седлом.— Арабский конь?! Это же целое состояние!»

Ренольд немедленно вспомнил, что кто-то рассказывал ему, будто в старину Танкред такими вот конями брал дань с тогдашнего эмира Алеппо. Дюжина коней составила дань за пять лет, вот так удача! Однако... как ни возбужден был младший сын графа Годфруа, он все же заметил, наконец, что его люди окружены. Коннетабль не станет с ним драться, потому что на войне...

«Нанесенное ему оскорбление это все равно, что пощечина самому королю Бальдуэну! Тут и сам Луи не спасет! Вот это да! Вот так влип! Что же делать?!»

От растерянности Ренольд обронил только одно:

— Конь?

— Точнее, кобыла,— произнес Онфруа и добавил без ехидства: — На случай, если у вас не было времени это заметить.

Раздался дружный взрыв хохота. Не только рыцари и оруженосцы коннетабля и барона, но даже и Ангерран с Пьером и все перепуганные бойцы, участвовавшие в конфликте, тряслись от смеха. Ржали даже кони. В том числе и тот, вернее та, которая стала причиной позора отважного пилигрима. Вот так-так, рыцарь, который не сумел отличить жеребца от кобылы! Все, конечно, понимали, что молодой крестоносец прекрасно разбирается в данном вопросе, но все же... «На случай, если у вас не было времени это заметить!» Это ж надо так поддеть?!

Кровь ударила в голову Ренольду. Что делать? Драться с этим симпатичным стариком? Или со всеми сразу?

— Эта лошадь, шевалье,— продолжал барон,— украсит конюшню любого монарха. Вы можете взять ее, но сумеете ли вы теперь дать ей достойное содержание? Думаю, что на сегодняшний момент это вам не под силу. Разумеется, после похода вы, как и подобает храброму воину, разбогатеете, но что к тому времени станется с этим прекрасным животным? Подумайте о нем, шевалье, прежде, чем что-либо предпринять.

Галилеянин говорил так проникновенно, так плавно и баюкающе лилась его речь, что молодой человек невольно попал под обаяние его слов. К тому же Ренольду вдруг пришло в голову, что такая лошадь стоит десятка добрых жеребцов. Тем временем воевать сидя на ней он все равно не сможет, она долго не выдержит его в доспехах, а тогда...

Барон несомненно понял, о чем думал рыцарь.

— Я готов купить ее у вас, шевалье Ренольд,— громко произнес Онфруа де Торон.— Назовите цену. Я куплю ее не для себя, так как не считаю себя вправе владеть такой драгоценностью, я подарю ее нашему королю...

«Королю? Нашему королю?..— мысленно повторил кельт.— А почему бы мне не подарить ее *своему* королю?»

Он так никогда и не понял, почему вдруг сказал то, что сказал. Губы сами шевельнулись и...

— Я, Ренольд, сеньор Шатийона, желаю подарить эту лошадь, доставшуюся мне в бою! — воскликнул он звонко.— Его христианнейшему величеству королю... Бальдуэну Иерусалимскому!

На какое-то время вокруг наступила тишина, полная почти физически ощутимой напряженности. Может быть, причиной тому была жара? В такое время даже бывалые жители этих мест предпочитают полеживать в прохладе, а не сражаться в доспехах весом в сорок или даже шестьдесят фунтов⁴⁵.

Молчание, каким бы длинным ни показалось оно пилигриму, продлилось не больше секунды или двух и кончилось ревом десятков глоток:

— Да здравствует мессир рыцарь! — закричали оруженосцы и их господа.

— Да здравствует мессир Ренольд! — подхватили Ангерран, Пьер и все «сукины дети», которые быстрее всех почувствовали, что воображаемая (почти уже осязаемая) веревка больше не стягивает их шеи, и потому орали во все глотки: — Да здравствует мессир Ренольд!

— Да здравствует! — негромко подхватили их бывшие противники.— Да здравствует!

Не горланили только старшие, Онфруа де Торон и коннетабль. Последний метнул в барона злобный взгляд, но тот сделал вид, что ничего не заметил из-за светившего в глаза солнца, и внезапно зычным голосом закричал:

— Да здравствует король Бальдуэн! Да здравствует наш король!

— Да здравствует король! — ревели с полсотни глоток.— Да здравствует король!

VII

В ту ночь в лагере под стенами Дамаска Ренолду снился давно уже подзабытый сон. В последний раз наш молодой пилигрим видел его лежа в постели после ассамблеи в Антиохии, когда вдруг перехватил обращенный к нему волнующий взгляд княгини Констанс.

Она показалась ему ангелом, божественным существом. Впервые беспутный гуляка подумал вдруг о том, как хорошо иметь дом, красавицу жену и детишек. Как здорово осесть где-нибудь. Время от времени отправляться на войну, в набег или, например, поохотиться на зайцев, кабанов и волков. Чудесно было бы спускаться поутру в собственные конюшни, проверять добро ли грумы и конюхи смотрят за конями — молодому кельту виделись десятки или даже сотни коней со множеством слуг. Собаки, соколы, все было свое, собственное.

Но... белый конь ударил копытом и по обыкновению всхрапнул... Сон кончился. Исчезла гора драгоценностей, пожухла смарагдовая трава, увяли ягоды-рубины, алмазы превратились в стекляшки.

И все же... как она смотрела, как смотрела?!

Ренольд не мог не заметить, как князь перехватил его взгляд. Молодой человек каким-то образом сообразил, что старик (а таковым, безусловно, виделся ему Раймунд Антиохийский) все понял. Пилигрим испытал вдруг острое, хотя не вполне еще осознанное чувство ненависти. Князь мешал ему. Как? Каким образом? По крайней мере тем уже, что негодовал по поводу того, как он, Ренольд, позволил себе смотреть на княгиню. А она была как раз во вкусе молодого кельта. Не такая пышная, как Марго, но зато уж точно не такая пигалица, как эта *ангелоподобная* Алиенора.

Но признаваться даже себе в том, что он нарушает заповедь Господню, совершая грех уже тем, что возжелал жены ближнего своего, паломник не хотел, зато мог сколько угодно сопереживать оскорбленному сюзерену. Людовик вдруг показался Ренольду ближе родного отца (хотя по возрасту король годился ему разве что в братья), отца, которого оскорбил злобный нечестивец! Вызвать его на поединок рыцарь не мог, а трубы турниров уже отгремели, прошло время веселья и безоблачной радости. Единственное, что мог сделать Ренольд, это, не смущаясь, разглядывать княгиню и, рдея от гордости, ловить ее ответный заинтересованный взгляд, не боясь гнева князя. И, когда все поддерживали патриарха Иерусалимского, передавшего собранию предложение короля Бальдуэна и королевы Мелисанды,

Ренольд громче всех кричал: «На Дамаск! На Дамаск!», наслаждаясь поражением князя, покусившегося на честь его сюзерена.

А после ассамблеи он, проходя по коридорам дворца, слышал, как рыцари, собиравшиеся в группки и шептавшиеся между собой, отводили взгляды при его появлении. Время от времени до ушей Ренольда долетало: «Это тот юноша из Шатийона?» — «Да, сын покойного Годфруа, графа Жьена, Ренольд его имя». — «Молодец! Молодец! Показал этому выскочке!» — «Будет еще большим молодцом, если заберется в постель к их сиятельству княгине!»

Это было, пожалуй, слишком.

Однако дня через два поздно вечером Ангерран вдруг прибежал к господину взволнованный: «Мессир, пришла Марго. Она хочет говорить с вами наедине». Пилигрим вздрогнул. Он не слишком-то привык ухаживать за дамами, но сообразил, что если бы пышнотелая Маргарита возжелала его ласк, то она не стала бы столь торжественно приглашать его в постель. Когда служанка стремится к тому, чтобы ее осчастливил дворянин, она не говорит его слуге, что ей нужно поговорить с сеньором наедине.

Случилось чудо! Марго пришла как гонец от княгини Констанс, которая хотела *видеть его!* Они встретились.

Впрочем, встреча эта прошла далеко не так, как хотелось бы Ренольду. Как выяснилось, красавица княгиня пригласила рыцаря к себе в покои в начале первого часа пополуночи только затем, чтобы, как настоящая хозяйка, узнать, хорошо ли устроен гость. Они проговорили около часа, а потом рыцарь, чувствовавший себя полным идиотом, покинул спальню дамы не то что не *завравшись к ней в постель*, а даже и не коснувшись прекрасной белой кожи ее пухленькой маленькой ручки.

Несколько дней он ходил как оплеванный, будто, попав в незнакомый город, забрел в какой-нибудь бедняцкий квартал, у обитателей которого считалось хорошим тоном опораживать содержимое ночных горшков прямо на головы случайным прохожим. Наконец, не

выдержав, он пожаловался Ангеррану (со своими приятелями-рыцарями Ренольд делиться боялся, опасаясь как бы не обсмеяли). Оруженосец оказался мудрее господина и сказал: «А чего бы вы хотели, мессир? Чтобы она указала вам на кровать и сказала: “Милости прошу в мою постель, мессир рыцарь, а на утро раструбите всем про то, как легко отдалась вам сиятельная княгиня!” Этого вы хотели?»

Здесь не на шутку умный слуга напомнил сеньору, какие санкции может применить к уличенному в прелюбодеянии Раймунд. «Он может потребовать от короля Луи вашей выдачи, — напомнил Ангерран. — А потом сделать с вами все, что захочет, не дай-то Бог, изувечить вас, ослепить или, упаси Господи, отрубить вам голову».

Тут оруженосец, пожалуй, хватил лишнего: конечно, по закону все так, но Раймунд едва ли стал бы требовать от короля головы обидчика, сам замазан по уши. «Не скажите, — возразил слуга, — как раз наоборот. Не думаю, что его величеству королю Людовику приятны разговоры о проказах супруги. Ему, чаю я, хотелось бы сделать вид, что между князем и королевой ничего не произошло. Выдать вас их сиятельству, сиру Раймунду, — значит дать понять, что сам он не имеет к князю претензий. Кроме этого, не стоит забывать о чести княгини. Она ведь, простите меня, не Марго, которой терять нечего».

Тут Ренольд не впервые уже подумал, что Ангерран слишком умен для слуги.

Констанс снова пригласила молодого пилигрима спустя несколько дней, когда заморские гости уже, как говориться, снимались с якоря. На сей раз он не ждал ничего, и встреча прошла в совершенно иной, самой настоящей дружеской атмосфере. Правда, провожая его по темным коридорам, Марго, шедшая впереди со свечой, споткнулась так, что рыцарь невольно схватился за самую роскошную часть ее тела. У него не было времени на размышления, подсознание само дало команду нужным железам и мышцам. Те в свою очередь привели в действие соответствующие органы тела молодого человека.

Ренольд задрал Марго юбку и под восторженные крики и страстные стоны женщины с удовольствием овладел ею. «Возвращайтесь, мессир,— сказала служанка, целуя его на прощанье.— Госпожа моя будет рада видеть вас. Если вы не найдете себе нового сюзерена в Святой Земле, приезжайте к нам. Князю Раймунду нужны добрые рыцари. У него найдется небольшой фьеф для хорошего воина. Ее сиятельство княгиня будет рада видеть вас своим человеком».

Конечно, формулировка «своим человеком» означала в данном случае лишь обещание сюзеренитета — становясь вассалом князя, Ренольд стал бы, разумеется, одновременно и вассалом его супруги. Но рыцарь понял, что за этими словами кроется что-то большее. «Что ж,— пилигрим кивнул,— передай ей, что я с радостью принесу ей омаж».

С того дня прошло больше года.

Уже давно король Конрад, оскорбленный в лучших чувствах двурушничеством палестинских магнатов, так называемых товарищей-крестоносцев, сел с родичами и остатками своей германской дружины на корабль в Акре и покинул Святую Землю. Приняв любезное предложение базилевса Мануила, он высадился в Салониках и проследовал в Константинополь, где с большой помпой сыграли свадьбу Генриха Австрийского и племянницы повелителя Второго Рима Феодоры.

Придворные открыто радовались альянсу, ведь он подкреплял намерения Конрада вступить в войну с Рутгером Сицилийским на стороне Византии. Простые же ромеи, особенно женщины, горько оплакивали судьбу красавицы, ради политических выгод приносимой в жертву дикому зверю с Запада⁴⁶.

В то время как рубака Конрад наслаждался почестями, оказываемыми ему при дворе базилевса, венценосный собрат храброго германца и менее удачливый товарищ по вооруженному паломничеству, король Франции Людовик, все чаще пребывал в скверном располо-

жении духа. Он не спешил уезжать, хотя Рутгер и бомбардировал его письмами, склоняя к союзу против вероломного государя Второго Рима. Из Рима первого между тем тоже писали, недоумевая, что задержало французского монарха в Палестине на столько месяцев, ведь поход уже давным-давно закончился?

Луи отвечал сначала уклончиво, а позже, когда вопросы уже изрядно надоели ему, начал едва ли не огрызаться. Может независимый властитель и христианин исполнить хотя бы одно свое желание? Может он хоть раз в жизни встретит Воскресенье Господне в городе, где Спаситель претерпел муки за род людской?!

Однако Пасха прошла, а король все не уезжал.

Он упорно не хотел покидать Святую Землю, прекрасно понимая, что Алиенора настроена серьезно, и во Франции его ждет развод. Может быть, она и забыла бы выволочку, полученную от мужа, но, как всякая женщина, не могла простить ему, что он до сих пор не открыл ей источника своей информации. Королева, как и прежде, все отрицала, но наедине с собой не могла, конечно, не признаться, что неведомая шпионка обладала не только вызывавшей зависть наблюдательностью, но и прекрасным талантом рассказчика. По редким, оброненным мужем фразам, Алиенора понимала, что ему известны все детали. И все же если между супругами так или иначе заходила речь о том, давнем уже, но не забытом и не забываемом происшествии в Антиохии, то, на какие бы ухищрения ни шла королева, ей не удавалось вытянуть из Луи правду.

Наконец наступило лето, и сам король понял уже, что дальнейшие проволочки просто неприличны.

Бальдуэн оказывал своему царственному собрату все меньше и меньше внимания, и, как бы это ни было неприятно Людовику, он не мог не признать, что и сам поступил бы так же, загостись у него так какой-нибудь другой монарх. Кроме того, среди придворных пошел шепоток о том, что раз Пасху встретили, надо бы отпраздновать и еще одно Рождество Христово, а потом славно бы и еще одну Пасху. Многие мелкие вассалы попросили у Луи разрешения сложить с них данную ему клятву и перейти на службу к иерусалимскому

королю. Некоторые сделали это без спросу, как, например, Ренольд Шатийонский, забывший между прочим вернуть сюзерену заемные золотые.

И вот Луи не выдержал, он дал приказ собираться.

Во второй половине июня сам король, королева и их поредевшая свита прибыли в Акру, со дня на день собираясь отплыть в Сицилию.

Алиенора поняла, что наступает ее последний шанс удовлетворить свое жгучее любопытство. Женщина была готова *заплатить* за информацию.

Больше года между ней и королем отсутствовала близость. Если он заводил речь о долге, она надменно отвечала: «Ваше величество, вы держите меня возле себя силой. Можете так же и взять меня». — «Но мы не простолюдины, ваше величество, — возражал Людовик. — Страна ждет наследника». — «Если бы вы разрешили мне уехать, — не сдавалась Алиенора, — вам пришлось бы *делать наследников* с фрейлинами королевы Мелисанды. Что вы, впрочем, и делаете, словно бы меня тут и нет. Так что продолжайте в том же духе!»

Правда столь резкие объяснения происходили только, когда королеве не удавалось найти более мягких аргументов. Что получалось не всегда, ведь, согласитесь, нельзя же на протяжении года только и делать, что болеть, хворать и недомогать?

Неприятные сцены, схожие с описанной выше, обычно влекли за собой упоминания о происшествии в саду дворца правителя Антиохии и, как следствие, встречный вопрос о шпионе. «Что дает вам право подозревать меня? — спрашивала Алиенора, надменно вскидывая голову. — Князь Раймунд — мой родственник. Я помню его маленькой девочкой. Он всегда обнимал и целовал меня, дарил подарки. Что страшного в родственных объятиях и поцелуях? Какое в этом умаление вашей чести?»

Объяснение, происходившее в самом начале лета 1149 года в Акре, поначалу мало отличалось от происходивших раньше сцен и развивалось по уже привычному сценарию.

— Это были совсем *не* родственные объятия и поцелуи! — ярился Людовик.

— Что дает вам право заявлять так? — упрямо повторяла королева. — А если ваш информатор лишь клеветник? Может быть, он подослан, чтобы посеять раздор между мной и вами? Между вами и князем?

— Нет, черт возьми! Нет! — восклицал король. — Все правда! Правда!

— Почему же, почему вы так уверены?!

— Кому надо ссорить нас с вами? — возражал Луи. — А Раймунд, Раймунд... он просто старый дурак и интриган. Он хотел использовать нас в своих целях!

Тут Алиенора многозначительно рассмеялась.

— *Нечестивый* Раймунд хотел, а *благочестивая* Мелисанда использовала, да? — глядя на короля едва ли не с жалостью проговорила женщина. — Что нашли вы в Дамаске? Что нашли там ваши подданные? Половина их погибла, половина из тех, кто уцелел, разбежалась...

— Это сброд! — закричал король. Разгоряченные ссорой, оба давно уже забыли называть друг друга «величествами». — Мне ни чуточки не жаль их! Неблагодарные свиньи, как этот Ренольд из Шатийона. Редкостная скотина!

Королева со вздохом проговорила:

— Если бы вы приняли предложение моего дяди, то, возможно, даже такая скотина, как ваш Ренольд, имел бы возможность заплатить вам долги. Вы не находите, что у ваших вассалов есть основания обижаться на вас? Ведь вы не привели их к победе...

— А он привел бы, да? Привел?! Ваш дядя привел бы?!

— Вы могли бы сделать это, — возразила Алиенора. — Вы, ваше величество. Слава досталась бы вам, а владения... что ж, владения — Раймунду и земельные наделы беднейшим из *ваших* рыцарей, которым все равно нет места в *вашем* королевстве. Как раз таким, как *эта скотина* Ренольд.

Король, до последней минуты притворявшийся, что он убежден в своей непогрешимости, вдруг заколебался. В словах жены явно наличествовал смысл. Пусть она и не всегда верна ему, но... до чего же хороша и какая умница! Она права, у рыцарской бедноты есть основания жаловаться на своего господина. И...

«Раймунд, он был не так уж не прав...— мелькнуло в голове Людовика.— Черт бы взял его, этого старикашку! Проклятый Раймунд! Все из-за него!»

Но более всего обескураживала короля мысль о том, что Алиеонора прощалась с ним. К чему иначе все эти: *ваши* рыцари, *ваше* королевство? Будто это не *ее* рыцари и не *ее* королевство?!

— Я не знаю...— растерянно произнес вдруг Луи.— Не знаю...

— Зато я знаю,— вкрадчивым голосом проговорила королева.— Знаю, какую цель преследовал этот клеветник. Этот шпион, подсланный князем неверных, на которого *вам* предлагал напасть...

Король резко поднял голову и внимательно уставился на супругу. Боже мой, какой обворожительной казалась она ему!

— Да, да,— продолжала королева почти шепотом,— он понимал, что его власть неизбежно падет под вашим победоносным мечом, а сам он, проклятый язычник, погибнет. Потому-то он в отчаянии и осмелился пойти на столь бесчестный трюк. Но у неверных ведь нет чести и благородства! Скажите мне, кто оклеветал меня, и мы убедимся в том, что я права! Скажите же, ваше величество! Мой милый король! Скажите, и вы облегчите свою душу...

Она сделал паузу и, бросив на супруга полный страсти взгляд, прошептала, кладя ему на плечи свои нежные и ласковые руки.

— Откройтесь, мой король. Откройтесь... и... я первая сделаю шаг вам навстречу. Простите меня, если я причинила вам боль, простите, я так страдаю при одной только мысли об этом...

Женщина умолкла, видя, что муж хочет сказать что-то. Она ожидала, что он сейчас заключит ее в объятия и... назовет имя.

И он назвал его.

— Я...— проговорил он, прижимая ее к себе.— Я... я, любовь моя, был в тот день в саду. Кто-то прислал мне записку со слугой отроком. Он же, этот мальчик, и проводил меня в сад через потайную калитку. Я не видел его с тех пор...

— Как его имя? — с той же интонацией, с которой произносила: «мой король», спросила Алиенора. — Кто послал его?

— Не знаю, — прошептал Людовик, нетерпеливо теребя многочисленные завязки, чтобы расстегнуть пуговицы платья королевы, — письмо было подписано только буквой...

— Какой же?! — воскликнула она, целуя супруга и помогая ему освобождаться от одежды.

— Там было только латинское «I», — бросил Людовик. — Какое значение это имеет теперь?!

— Никакого, мой властелин!

Людовик почувствовал призыв. Отчаявшись справиться с непослушным платьем, он бросил королеву на диван, задрав подол юбки, в нетерпении порвал завязки панталончиков и овладел Алиенорой, точно служанкой.

Весь тот вечер и всю ту ночь королева служила своему королю, с готовностью угождая, исполняя все его прихоти и находя в том какое-то особенное удовольствие. Страсть была такой, какой и должна была быть между двумя замечательными любовниками, в глубине души понимавшими, что этот раз — последний.

Это и вправду был последний раз.

Утром вся свита его величества короля Франции садилась на корабли.

Согласно правилам, супруги ехали на разных судах. Король и его ближняя дружина вместе с конями грузилась на норманнский юиссье, Алиеноре с ее фрейлинами и служанками предстояло подняться на галиот⁴⁷.

Но прежде чем ее царственная ножка коснулась просмоленных досок шаткой палубы поскрипывавшего оснасткой судна, из Акры в Триполи отплыла галера. Одному из пассажиров ее надлежало сразу же по прибытии в столицу Заморского Лангедока, не мешкая, отправиться морем дальше в Сен-Симеон, а если не случится оказии, купить пару коней и скакать в Антиохию сушей.

В письме, которое вез гонец, было всего несколько строчек: «Милый князь! Ищите I также среди мужчин. Берегитесь его, он очень опасен. Никогда не забуду вас. Ваша N».

Ваша N! Каково?! Согласитесь, и в остроумии (впрочем, так же как и в осторожности) этой замечательной во всех отношениях даме не откажешь?! Имени убийцы лучшего из оруженосцев Раймунда Алиенора ему не назвала. К чему?

VIII

Фортуна, античная богиня, о существовании которой Ренольд и не подозревал, эта капризная дама, улыбавшаяся ему не протяжении почти целого года, вдруг резко отвернулась от молодого кельта.

А как хорошо все шло!

Бальдуэн, конечно, как и полагалось лицу, называвшемуся в Иерусалимском государстве: «*primus inter pares*», или первый среди равных, щедро вознаградил бедного пилигрима за подарок. Забияка из Шатийона купил жеребца и четырех кобыл, так сказать, «на развод», не говоря уже о вьючных животных. Лошади и даже ослы продавались недешево, скот, как всегда в походах, пострадал во время бездарного рейда на Дамаск ничуть не меньше людей.

Юный Бальдуэн велел грумам поместить животных, приобретенных новым вассалом (правда, формально присяги Ренольд еще не принес), в свои королевские конюшни в Иерусалиме, где наслаждался жизнью храбрый пилигрим.

Оставшийся в далекой Антиохии, так и не получивший ни гроша от своего буйного постояльца и давно забытый им корчмарь Аршак не ошибся в своих прогнозах. После войны сработанные в Европе кольчуги, кольчужные чулки, шлемы, мечи и седла шли если и не по цене материала, из которого были сделаны, то продавались невиданно дешево. Однако новые добрые доспехи работы восточных мастеров, славившихся своим искусством, стоили по-прежнему дорого. Именно такие и приобрел себе Ренольд, а старую кольчугу и шлем подарил Ангеррану. Сеньор нет-нет, да подумывал, не озаботиться ли тем, чтобы произвести молочного брата в рыцари? Младший сын графа Годфруа Жьенского все

реже и реже вспоминал родную Францию и все чаще и чаще подумывал о том, как бы обзавестись земельным наделом на Востоке. Жизнь тут нравилась ему.

Можно было жениться на наследнице какого-нибудь фьефа, даже на вдове. Не страшно, если невеста окажется не слишком хороша собой, главное, чтобы была здорова, чтобы родила хороших сыновей, которые со временем встанут на место отца. Сыновья, они надежда каждого мужчины. Не завидна участь вдовы или оставшейся единственной наследницей дочери умершего или павшего в битве барона: или в монастырь, или под венец с претендентом на отцовское добро. Иного пути нет. Землю держать может только мужчина, защитник, который в свой час выйдет с дружиной на зов короля или графа (кому уж служит). А сюзерену покойного родителя все равно, если жених стар или уродлив. Что за беда?! Главное — доблесть и верность присяге, а там — стерпится, слюбится.

Таких строптивниц, как Алиеонора, в веках искать не переискать. Чтобы мужу перечить? Да какому?! Королю французскому! Где это видано?! Да еще разводом стращать! Со времен Матильды Каносской никто не слышал о таком своеволии. Правда, знаменитая графиня сама, облачившись в доспехи, садилась на коня и плечо к плечу с мужчинами бросалась в атаку на врага; строптивая аквитанка предпочитала другое оружие.

Нет, такие дамы не для него, Ренольда Шатийонского. Да и вообще, нет для него в Утремере богатых наследниц. Тех, что победнее, вдовых и осиротевших, конечно, пруд пруди, но...

«Женитьба дело серьезное, — думал молодой пилигрим. — Тут торопиться не стоит!»

И правильно, чего торопиться? Деньги есть, значит, и доброго вина, охлажденного жарким летом снегами Гермона, и страстных, горячих женщин — будет вдоволь.

Рыцарь снял в Иерусалиме целый дом со слугами и конюшней, куда перевел часть своих лошадей. На них он выезжал со свитой на прогулку или в гости, а иной раз и во дворец к королю. Ангерран с Пьером, последние из тех, кто вместе с господином покинул пределы

родовых владений отца на берегах Луары и Луана два года назад, приодевшись и заматерев, приняли важный, хотя и несколько комичный вид. Их сеньор внял совету мудрого Онфруа Торонского и щедро наградил конюха серебром и даже золотом, а также повысил в звании, сделав его своим громом.

Тем не менее все трое были еще в сущности совершенными новичками, они выглядели на Востоке примерно так же, как провинциал, непроходимый деревенщина при дворе короля Франции. Ни господин, ни его слуги совершенно не понимали, в какую страну пришли. И не только они одни.

Многие франки, впервые оказавшись тут, думали, что единственное, чего заслуживали жившие здесь веками греки и арабы-ортодоксы, возделывавшие землю бок о бок с мусульманами, возвращавшие урожаи злаков, лелеявшие плодовые деревья,— это кнут. Рыцари верили в меч и в ратную удачу, они не замечали разницы между здешним податным народишком и крестьянами Европы. Может, так оно и было, только Восток, много чего повидавший на своем долгом и бурном веку, переживший немало завоевателей, по сравнению с которыми крестоносцы второго поколения уже не представляли внушительной силы, точно мудрый длиннородый старец, ведал, сколь краток здесь их век.

Государства франков занимали хотя и довольно длинную — миль в четыреста, но весьма узкую — глубиной от двадцати до пятидесяти — пятидесяти пяти миль — полоску земли на побережье, да еще территории к востоку от Мертвого моря и к югу до залива Акаба и процветали главным образом за счет морской торговли. Чтобы выжить, им приходилось или ладить с соседями, или вести непрерывные завоевательные войны. В первом случае они были обречены со временем пасть жертвой умного, хитрого и многонаселенного Востока, для второго у них уже не оставалось сил.

Ни Ренольд, ни большинство из тех, кто пришел в Левантийское царство в середине двенадцатого века, не осознавали, сколь невелик выбор и сколь печальна судьба Заморской Франции. Они так и не поняли этого, даже дожив до глубоких седин. Превратившись в благород-

ных старцев, пройдя через многие битвы, через удачи и поражения, через триумфы и унижения, до конца дней своих оставались они, по сути дела, буянами и забияками, мальчишками, какими покинули отчий порог. Молодой Ренольд ни на минуту не сомневался, что впереди его ждет еще очень длинная и счастливая жизнь. Насчет того, что она будет длинной, это, пожалуй, правда, тут судьба отпустила двадцатитрехлетнему сеньору Шатийона еще целых тридцать восемь лет, а что касается счастья...

Как мы уже говорили, он не знал, кто такая Фортуна, наверное потому никогда и не ждал ее милостей. Он, неутомимый и жадный, добивался всего сам, стараясь не упустить свой шанс, не проворонить один-единственный миг, когда можно будет схватить за хвост птицу-удачу. И вот он, уверенный, что уже схватил ее, оказался в дураках. Молодой кельт не знал еще, как коварно порой может поступать судьба! А он-то считал, что коварная дама решила исправить несправедливость, которой можно было бы назвать его позднее рождение, но... ошибся. Невероятное счастье, свалившееся на него под Дамаском в виде арабской кобылы, сущая милость Господня, оказалась лишь зигзагом удачи.

Как раз в тот момент, когда король Людовик и его ангелоподобная королева отбыли в Акру, на голову молодого кельта словно бы обрушился ушат холодной воды. Когда Ренольд в очередной раз собрался во дворец, ему вдруг было отказано в приеме под тем предлогом, что он, злоупотребляя милостью своего сюзерена, недостаточно радел ему. К Бальдуэну рыцарь не попал, зато встретился с чрезвычайно любезным коннетаблем Манассом, который и взял на себя труд объяснить молодому рыцарю, что никто не станет всерьез доверять человеку, не возвратившему долга своему сюзерену и, покинувшему его, даже не испросив у него разрешения поступить на службу к другому.

Формально коннетабль был абсолютно прав. Но его притворно отеческий тон и показная доброжелательность, совсем непохожие на те, которые продемонстрировал в сложной ситуации у стен Дамаска Онфруа де Торон, даже прямолинейного Ренольда убедили в том,

что в Святой Земле среди его врагов далеко не все остались по другую сторону границы.

Мудрый, но суеверный Ангерран имел на сей счет свое мнение.

— Это все из-за той штуки, — заявил он уверенно. — Из-за той штуковины, что ваша милость отнесла во дворец на прошлой неделе.

— Какая еще штуковина? — рассердился Ренольд, не понимая, к чему клонит оруженосец. — Что ты несешь? При чем здесь это... этот... эта вещь?

Речь шла о недавней находке нового слуги, грека из Иерусалима. Тот обратил внимание Ангеррана на то, что в опустевшем мехе вина лежал какой-то предмет.

«Что может лежать в пустом бурдюке? — подумал оруженосец. — Какая-нибудь дрянь!» — но велел слуге достать неведомую вещицу, которая оказалась свинцовой пластинкой с начертанными на ней письменами. Слуга уверял, что сделаны они на арабском языке. Ангерран кое-что вспомнил. Он принес пластинку сеньору и сказал: «Мессир, эта штука была в мехе, которую я отобрал у проклятого грифона корчмаря».

Ненавидимый отцом Рубен ошибся, когда сказал, что рыцарь прикажет или выбросить опустевший мех или велит вновь наполнить его. Пока Ренольд сидел в башне и ждал освобождения, Ангерран, чтобы где-нибудь пристроить пожитки господина, пришел в княжескую конюшню, где за неимением другого места обрелись конюхи Пьер и Жак (остатки шатийонской дружины). Орlando сделал широкий жест и позволил слуге нарушителя спокойствия оставить бурдюк себе. Щедрый оруженосец поделился с ними горем — ни за что, можно сказать, увели господина — и вином. Как ни странно, но они его не допили, и запасливый Жак куда-то спрятал гостинец. С тех пор Ангерран забыл о нем, но помнил, что видел бурдюк уже после отъезда из Антиохии, причем полным.

Под Дамаском Жака убили, а его пустой мех оказался среди прочей поклажи, которую везли на вьючном ослике. Теперь вот слуга грек вознамерился вновь налить в мех вина и, как говорится, — на тебе! Ренольд, чтобы не ломать себе голову, отнес находку в

королевскую канцелярию и забыл о ней. Было это с неделю назад.

— Тогда я говорил вам, мессир, и теперь повторю,— набычась произнес Ангерран.— Это все дьявольские проделки того трактирщика! Может, он эту штуку туда подложил, чтобы на добрых христиан порчу наводить?

— Да чушь все это! Какую еще порчу? Какой вред человеку может сделаться от свинца? — досадливо отмахнулся рыцарь.— То-то, дурень! С чего ты вообще решил, что это тот мех? Год прошел! Целый год! Даже больше.

— Вы за имуществом не смотрите, а я смотрю,— настаивал оруженосец.— Я его Жаку с Пьером отдал, когда вас в башню отвели... То есть когда вы туда приехали на коне. Поскольку Пьер терпеть не может здешнего вина и даже зеленеет от него, если много выпьет, то все, почитай, тогда отошло Жаку. А потом я там видел слуг того трактирщика с сыном его старшим, Нарсизом или как там его звали.

— Ну и что?

— Ничего. Какого, спрашивается, лешего им понадобилось в княжеских конюшнях?

— Откуда мне знать? — Ренольд только пожал плечами, он никак не мог уловить связи между неожиданной опалой, бурдюком и странными передвижениями слуг и родственников трактирщика. Пилигрим давным-давно забыл даже как тот выглядел. Для него корчмарь являлся презренной тварью, не заслуживавшей того, чтобы о ней вообще помнить.— Может, они привезли корма?

Его молочный брат смотрел на жизнь под другим углом.

— А потом еще там вертелась эта чертова прачка,— продолжал Ангерран.— Она все пристраивалась к Пьеру... Вот дьявол! Забыл, как ее звали!

— Какая разница? — спросил рыцарь, не понимая, зачем вообще слушает его.— Ну и что же Пьер?

— Эй, мессир! Да кто ж позарится на такую? — ухмыльнулся оруженосец.— Уж кого-кого, а баб в Антиохии всем хватало. И даже Жак ее послал подальше, мол, ступай себе! Она им сразу не понравилась...

хворь-холера! Пьер вообще уверял, что в такую бабу, если меч свой воткнуть, то потом сам испортишься, высохнешь и умрешь. А уж что до Жака, так тот, мир душе его, так он, на мой разум, больше кобыл любил, чем баб. Он эту сразу погнал, говорит, такая, мол, всех коней перепортит. Увидят ее рожу и есть перестанут.

— Что ты все несешь мне про каких-то... селедок сушеных?! Причем тут прачки и кони?!

— А при том, мессир, что раньше я ее в корчме видел,— заявил Ангерран.— Но только там она какая-то другая была! Точно и не из простых, вроде из благородных или из торговых, но не служанка и уж точно не прачка. Дама. По-моему, они — соглядатаи язычников.

Умствования оруженосца не на шутку злили Ренольда.

— Ну и плевать мне на нее! — зарычал он.— До Антиохии триста миль! И вообще, когда это было?! Причем здесь твоя прачка и... и... какие-то там соглядатаи неверных?

Сопоставление сформировавшегося в сознании неприятного образа какой-то там прачки или даже дамы из Антиохии и вставшей перед мысленным взором рыцаря глумливой ухмылки, не сходявшей с физиономии коннетабля Манасса, во время их недавнего с Ренольдом разговора, совершенно расстроили пилигрима. Что за вздор? Как могут быть связаны с коннетаблем Иерусалимского королевства угнездившиеся в Антиохии шпионы язычников?! Чушь!

Увидев, что Ангерран хочет сказать еще что-то, сеньор пригрозил:

— Заткнись или я тебя поколочу.

Предупреждение возымело действие, оруженосец оставил свои рассуждения при себе. А Ренольд — расстраиваться так расстраиваться — спросил:

— Сколько денег у нас осталось?

— Деньги все, что у вас,— хмуро отозвался оруженосец.— Других нет.

— Черт собачий! Куда же они подевались?

— Так ведь вольно было швырять направо и налево? — пробурчал оруженосец себе под нос.— На храм сколько пожертвовали, да и нищим ваша милость без

счета разбрасывала. За дом вперед заплатили, могли бы и половину дать.

Ренольд и сам поражался, до чего довели его приступы необузданной щедрости. Никогда с ним не случалось такой промашки. В прежние времена он мог и вовсе не заплатить. Впрочем, причины столь неожиданного благонаравия заключались в том, что молодой кельт, искренне недолюбливавший попов и торгашей (дом, где он жил, как раз и принадлежал одному из таких толстосумов, даже и не французу по происхождению), подсознательно чувствовал, что, как гласит поговорка: «В Риме соблюдай обычаи римлян». Он понимал, что дружба с королем ко многому его обязывает, теперь он мог грабить и драться только на войне, неважно с кем она будет вестись, а в мирное время... «С волками жить, по-волчьи выть», — как-то само собой приходило на ум.

Ренольд гнал от себя подобные сравнения и ждал войны. Но ее не было. Оставалось одно, продавать потихоньку лошадей и переезжать в жилище поскромнее, в полную клопов и прочей нечисти гостиницу.

Ох, как ему не хотелось этого! Он пришел к выводу, что должен во что бы то ни стало прорваться к королю, а уж потом решать, что делать. Может, и правда, отправиться в Антиохию и попроситься под руку Раймунда и его жены? Имея лошадей, можно собрать небольшую дружину и уже с ней наниматься на службу. Ренольд понимал, что князь скорее всего не откажется от его услуг и, возможно, даст землю или денежный фьеф...

Пилигрим почти уже принял решение. Он даже подумал, не следовало ли показать королю Бальдуэну, что он не нуждается в его милости, и подумывал о том, чтобы уехать поскорее, как вдруг прибыл гонец из дворца.

Ренольда желала видеть сама королева Мелисанда.

Прежде пилигриму не доводилось видеть вблизи ту, что являлась действительным правителем главного Утремера.

Старшей дочери короля Бальдуэна Второго, вдове короля Фульке и матери короля Бальдуэна Третьего, не исполнилось еще и сорока⁴⁸, однако в мыслях она представлялась Ренольду этакой ужасно старой дамой. На деле все оказалось совсем по-другому. Перед юным кельтом предстала не молодая, но весьма эффектная и вполне еще способная нравиться мужчинам женщина.

Кровь холодного Севера, смешавшись с горячей кровью горцев-армян, дала весьма впечатляющий результат. Властолюбие, сочетавшееся с запрятанной в глубины души, но упорно не желавшей мириться с таким положением природной страстностью, придавало облику королевы одновременно и хищную властность, и мягкую женственность. Ренольду ни разу в жизни не встречались подобные люди, но инстинкт самосохранения сигнализировал молодому человеку, что от них ему стоит держаться подальше.

Как женщина, королева не вписывалась в рамки системы, применявшейся сеньором Шатийона для оценки дамских прелестей, она казалась ему худой. Впрочем, пилигрим не измерял ее теми мерками, какими пользовался в отношении Алиеноры или княгини Констанс. Одним словом, хотя Ренольд и был на целых пять лет старше Бальдуэна, разговаривая с королевой, рыцарь чувствовал в ней материнскую снисходительность. Она задавала вопросы, он отвечал.

— Коннетабль Манасс доложил мне о вашей встрече, — сказала королева, чтобы разъяснить гостю причины ее интереса к нему. — Скажу вам прямо, он не очень хорошего мнения о вас. Но я всегда предпочитаю составить свое, чем принять чужое, пусть даже это и мнение человека, которого я очень хорошо знаю и ценю. Вы должны понять его, мессир Ренольд. Он бы сам с удовольствием сделал королю такой подарок, какой сделали вы. Наш бедненький сир Манасс как будто немного ревнует, — добавила королева и, словно бы слегка смутившись, закончила: — Иногда он ведет себя в отношении меня и особенно моего сына так, точно мы оба его дети. Не злитесь на него.

— О, ваше величество! — воскликнул пилигрим. — Я ничуть не сержусь на коннетабля! Скорее это он... вы

правильно сказали, я и сам заметил, что он меня невзлюбил. Но мне кажется, что дело не только в той кобыле, он... он...

Королева вздохнула, и это заставило визитера умолкнуть. Воспользовавшись паузой, она произнесла:

— Конечно, речь не только об этом. Коннетабль — государственный служащий, он командует дружиной моего сына. Сир Манасс очень серьезно относится к выполнению своих обязанностей.

— Я знаю, ваше величество, — Ренольд кивнул. — Я несколько... м-м-м... я нарушил правила... Мой долг его величеству королю Луи... Я право не ждал, что он так быстро уедет... Да, кроме того, как мне показалось, после Дамаска он не очень-то жаловал меня. Вот я и оттягивал свой разговор с ним, а потом король уехал...

Говоря так, пилигрим лукавил как нашкодивший мальчик перед доброй тетей. Ему хотелось, чтобы Мелисанда верила ему, сам себе он, разумеется, верил безгранично и даже удивлялся, что не сообразил дать столь толковое объяснение своего поведения в разговоре с коннетаблем. Вероятно, потому, что чувствовал недоброжелательность последнего. Королева же явно симпатизировала своему гостю.

— Я понимаю вас, мессир Ренольд, — доверительно улыбнувшись, произнесла Мелисанда. — Думается, это всего лишь недоразумение, которое легко устранимо. Мы напишем его величеству королю французскому и все уладим. Тогда мой сын, ведь он еще молод и порой скор на решения, призовет вас к себе.

«Мы?! Она сказала мы?!» — Пилигрим готов был подпрыгнуть до довольно высокого сводчатого потолка небольшой комнатки перед спальней королевы, служившей ей кабинетом. Тут бы рыцарю и задаться вопросом: «А к чему все эти разговоры? Что я, единственный, кто остался должен Луи? Да и вообще, я — свободный человек, могу служить кому хочу. Присяга — формальность, если бы король Людовик имел ко мне претензии, он велел бы разыскать меня и сам предъявил бы их мне. Какое до всего этого дело королю Иерусалима, а в особенности его коннетаблю?!»

Однако не раз уже рассуждавший подобным образом Ренольд и не подумал спросить об этом не то что королеву, а даже и себя. Вместо этого он воскликнул:

— Я бы хотел повидать его величество короля Бальдуэна! Я бы хотел объяснить все ему...

— Король Бальдуэн сейчас в Яффе, гостит у своего брата Амори́ка. Но вам нет нужды ехать туда. Скоро король вернется, и я сама все расскажу ему. Поверьте, я — ваш друг. Положитесь на меня, я все устрою. Расскажите мне теперь о походе, о том, как вы ехали через все эти земли, населенные варварами и язычниками.

— Спасибо, ваше величество! Я так благодарен вам! — искренне обрадовался Ренольд. — А что же касается похода, то... он длился так долго, с чего же начать?

— С чего хотите, — пожала плечами Мелисанда. — Впрочем, мне никто не рассказывал про Антиохию. Между тем говорят, что вы там здорово проводили время.

Что имела в виду королева, употребляя местоимение «вы»? Хотела ли она узнать о том, как проводила время во владениях ненавистного ей князя Раймунда вся крестоносная братия или же интересовалась исключительно подвигами своего сегодняшнего гостя, было не ясно. Молодой кельт, как, к слову заметить, и обычно большинство людей его возраста, полагал, что окружающих прежде всего должны интересовать исключительно их дела. Вследствие этого, Ренольд завел длинный рассказ, в котором, сам не зная зачем, может быть желая угодить королеве (он, как и многие, слышал про ее натянутые отношения с князем), упомянул о том, что Раймунд посадил его в башню, правда через день уже выпустил. Конечно же, благодаря вмешательству короля Луи.

Мелисанда оказалась прекрасной слушательницей, она, явно сочувствуя рассказчику, задавала вопросы и смеялась над трусливыми грифонами.

— Да вы — герой, мессир Ренольд, — похвалила она рыцаря.

— Ну что вы, ваше величество?! — заскромничал

он.— Это же были всего лишь жалкие грифоны. Честно говоря, я ненавижу их куда больше, чем язычников.

— Не говорите никому,— заговорщически прошептала королева,— у нас дружба с базилевсом Мануилом, но я не люблю ни его самого, ни его подданных... А что за пластинку вы отдали в канцелярию?

Ренольд и тут подробно все рассказал. Ему очень хотелось как можно лучше удовлетворить интерес Мелисанды, и потому он сообщил ей даже и о странных подозрениях Ангеррана. Тут королева оказалась полностью солидарной со своим собеседником.

— Какая чушь! — заявила она.— Это письмо могло пролежать там уйму времени, и никто даже и не узнал бы о ней. Вот и вы обнаружили ее спустя целый год. Хозяину ведь могли продать вино уже с этой пластинкой. Потом, почему ваш слуга думает, что это именно тот бурдюк?

— Я так и сказал ему,— Ренольд энергично закивал.— Так и сказал. А он — мол, это приметный бурдюк. Я пригрозил, что поколочу его, я имею в виду Ангеррана, и он враз оставил свою болтовню.

Они поговорили еще немного, и Ренольд, окрыленный как никогда, чуть ли не вприпрыжку отправился домой, думая о том, что все повернулось самым наилучшим образом и что непроглядная тьма, нависшая над ним, оказалась лишь тучкой на небосклоне его удачи.

Проходя по огромной территории Иерусалимского Храма, пилигрим так увлекся собственными мыслями, что не заметил, как отстал посланный с ним королевой провожатый, не обратил внимания на мелькнувшую в темноте тень. Он вообще понял, что ему угрожает опасность, когда почувствовал, как кто-то очень сильно ударил его под лопатку каким-то твердым предметом.

Удар был настолько силен, что рыцарь потерял равновесие и по инерции пролетел несколько шагов вперед, но не упал. Поскольку на прием к Мелисанде Ренольд отправился в гражданском облачении, он также не взял с собой боевого длинного меча, предназначенного для того, чтобы рубить им, сидя на коне. При рыцаре оказался лишь короткий меч, более похожий на кинжал.

Молодому человеку казалось, что такого оружия вполне достаточно для прогулки по улицам города, и он никогда бы не подумал, что оно могло бы пригодиться ему даже во дворце Иерусалимских правителей.

Ренольд выхватил клинок и развернулся, чтобы встретить противника, но тот словно сквозь землю провалился. Пилигрим все же шагнул вперед. Это и спасло его. Если бы он, что более естественно, попытался посмотреть, нет ли кого-нибудь у него за спиной, то получил бы удар кинжалом в шею, а так острый металл лишь разорвал ткань дорогого камзола, не причинив никакого вреда владельцу.

Нападавших оказалось как минимум двое. Поняв, что попытка зарезать рыцаря не удалась, один из них крикнул по-гречески:

— Он в кольчуге! Бежим!

Познаний Ренольда в языке ненавистных ему грифонов оказалось вполне довольно, чтобы понять, о чем говорили неудавшиеся убийцы, но вот для того, чтобы догнать их, резвости его ног оказалось явно недостаточно. Какое-то время он преследовал их, потом споткнулся и упал, а поднявшись, понял, что продолжать погоню не имеет смысла.

Поначалу он хотел вернуться к Мелисанде и доложить ей о том, что по ее дворцу шляются вооруженные грифоны, но вдруг передумал. Никому ничего не сообщая, он добрался до конюшни, сел на коня и отправился домой, внимательно поглядывая по сторонам.

Ангерран все понял без слов и, не произнеся ни звука, так посмотрел на хозяина, что тот прочитал по глазам слуги:

«А вы, мессир, еще фыркали на меня, когда я заставлял вас надеть под камзол кольчужную безрукавку! Знаете, почему она такая толстая, какой бывает и не всякая боевая? Знаете, почему нигде в Европе не делают таких? Потому что там благородных рыцарей не режут на улицах!»

Вслух же оруженосец, теперь уже не опасавшийся, что сеньор сдержит свое недавнее обещание и поколотит чересчур болтливого слугу, сказал:

— Мессир, я еще почему вспомнил обо всем этом... Только не сердитесь, сегодня я видел младшего сына того трактирщика здесь, в Иерусалиме.

Ренольд, чуть не ставший жертвой неведомых убийц, проникших в королевский дворец, все еще не хотел верить в очевидное.

— Ты хочешь сказать, что кто-то призвал его сюда сразу же после того, как я отнес ту чертову табличку в канцелярию короля? — спросил он. — Но никто не мог бы доехать из Иерусалима в Антиохию и вернуться обратно за такой короткий срок. Это же целых полторы сотни лье!

Ангерран покачал головой.

— При благоприятном стечении обстоятельств галера из какого-нибудь приморского города, например, из Яффы может достигнуть Сен-Симеона за половину этого срока, — сказал он. — А если часть пути пройдет при попутном ветре под парусом, то и быстрее...

«Король Бальдуэн сейчас в Яффе, гостит у своего брата Аморика, — вспомнились рыцарю слова королевы. — Не может быть! Король, Яффа, галера...»

Ренольд готов был поверить во все, что угодно, только не в то, что столь симпатичный юноша, каким казался король Иерусалимский, занимался грязным двурушничеством. Да и потом, что же это за табличка, из-за которой пойдут на такие траты? Судно ведь придется посылать специально, а это немалые расходы!

Оруженосец продолжал:

— К тому же, если передвигаться по суше почти не останавливаясь, постоянно меняя коней, как делают это дикие туркоманские кочевники, можно успеть обернуться за неделю.

«Но вам нет нужды ехать туда. Скоро король вернется, и я сама все расскажу ему. Поверьте, я ваш друг... — перед мысленным взором пилигрима вновь возникло лицо Мелисанды. Теперь оно уже не казалось ему ни благородным, ни добрым. — Положитесь на меня, я все устрою. Расскажите мне теперь о походе... — Ренольд не нашелся, что возразить Ангеррану, а лишь подумал: — Я рассказал, а она все *устроила!* Вернее *чуть не устроила!*»

Осмелевший слуга развивал свои теории:

— Но есть способ сократить дорогу вдвое, почти вдвое. То есть не саму дорогу, а время в пути...

— Что? Как это?

Ренольду начинало казаться, что Ангеррана следовало отдать в монахи. Из него, несомненно, вышел бы очень неплохой ритор.

— У язычников есть такая штукавина...— продолжал оруженосец.— Они нарочно приучают голубей носить маленькие письмаца в специальных мешочках, которые привязываются к лапкам птицы. Она летит туда, где ее дом. Как она это узнает, мне не известно, но это так. Я припоминаю, что как раз видел таких вот птиц у нашего доброго трактирщика. Конечно, особо важное донесение таким образом посылать опасно, птицу могут подстрелить, или она станет добычей ястреба или каким-либо образом потеряет мешочек. Однако вызвать нужного человека из Антиохии сюда вполне возможно. Птица будет там куда быстрее гонца, независимо от того, поедет ли он по морю или посуху... Вот и все, мессир...

Ангерран закончил смазывать мазью огромный кровоподтек как раз под левой лопаткой господина:

— Это снадобье продала мне одна тутошняя старуха, еще когда мы уходили к Дамаску. Меня, если вы помните, зацепило сарацинской стрелой, так вот, я всего трижды помазал рану, и через несколько дней она уже не беспокоила меня.

— М-да...— только и ответил Ренольд.— Это, конечно, хорошо...

Говорили они долго, почти до рассвета, и оба, и сеньор и его оруженосец, обсудив все детали происшествия и предшествовавших ему событий, пришли к единодушному выводу: им надо поскорее уносить ноги из города.

Через два дня, не трогая лошадей, оставшихся в конюшнях дворца, Ренольд, Ангерран и Пьер в колоннах рыцарей Бертрана Тулузского покидали Святой Город.

Они еще и сами не знали, куда направлялись. Дружина лангедокцев, как сказал Ренольду сам ее предводитель, шла в Акру, чтобы сесть на корабль и отплыть в Европу. Забияку из Шатийона вполне устраивала компания южан. Однако Ренольд и его свита вскоре поняли, что Бертран ставил себе совершенно иные цели. Он вовсе не торопился покидать Утремер, о чем не таясь и сообщил Ренольду, когда Иерусалим остался достаточно далеко позади.

— Присоединяйтесь к нам в нашем святом деле, мессир Ренольд, — предложил Бертран за чаркой вина вечером третьего дня пути, когда, собираясь на ночлег, они разбили лагерь в виду крепости Атлит. До Акры оставалось не более шести лье, и никто не сомневался, что завтра к вечеру путники заночуют в стенах второго по значению города королевства и главного его порта. — Я знаю вас как доброго рыцаря. Если Господь пошлет мне удачу, я щедро вознагражу вас за помощь.

— Что ж, мессир Бертран, — выслушав провансальца, недолго думая кивнул Ренольд. — Всегда рад помочь хорошему человеку в добром деле. — Он поднял кубок: — За удачу!

— За удачу! — подхватил Бертран и другие рыцари-лангедокцы.

IX

Уже к концу осени 1148 года Антиохия и Алеппо принялись обмениваться взаимными ударами. Нанеся в союзе с ассасинами тяжелое поражение Нур ед-Дину, Раймунд уже в следующем сражении спустя всего полгода сам был разбит и вернулся в Антиохию⁴⁹ с остатками свой изрядно потрепанной дружины, нагнавшей его уже под стенами города.

Под Бахрасом рыцарям досталось, самого князя едва не взяли в плен, спасла его лишь доблесть самых верных рыцарей и оруженосцев. Некоторые из них легли, грудью заслонив господина, а один, новичок по имени Жюль, рискуя собой, вывел Раймунда из сечи. Спасаясь от погони, парнишка (оставшийся сиротой сын одного

небогатого рыцаря из Латтакин) отдал сеньору своего коня, невесть как доставшуюся оруженосцу поместь настоящего арабского жеребца с серой турецкой лошадкой. Столь неказистое животное высоко цениться не могло, однако Раймунд убедился на деле, что оруженосец, над которым многие смеялись, не зря похвалялся достоинствами своего коня.

Давно уже было ясно, что битва проиграна. Князю, прекрасно понимавшему, что враг не отпустит его даже и за самый щедрый выкуп, оставалось только спастись бегством, бросив своих рыцарей на произвол судьбы. Часть их сумела уйти невредимыми, часть погибла, часть попала в плен к победителям. Спустя какое-то время, кому-то позже, кому-то раньше, большинству из них, тем, кому посчастливилось не умереть от ран в плену, удалось получить свободу.

Сам Раймунд, как уже говорилось, мог рассчитывать тем майским днем только на быстроту ног коня. Однако дестриер князя утомился, таская на спине столь крупного всадника, облаченного к тому же в дорогие и тяжелые доспехи. Запасной конь пропал вместе с грумом, никто даже и не заметил как, очевидно зазевался и стал добычей победителей, умевших ценить хороших лошадей.

Бывают случаи, и они не редки, когда главным достоинством коня оказывается не красота, стать и чистота крови, а скорость.

От отца, араба, Микроцефал, так из-за маленькой головы прозвали животное Жюля, унаследовал хотя и не длинные, но зато очень быстрые, *легкие* ноги, от матери, туркоманки, — выносливость и неприхотливость. Впрочем, при внимательном взгляде делалось возможным предположить, что у Микроцефала имелись и европейские предки. Ни дать ни взять бабушка его родительницы согрешила с каким-то жеребцом с севера, оттого-то и отпрыск их вырос несколько более крупным, чем можно было ожидать от такого союза.

И все равно, ноги у Раймунда свисали ниже конского живота почти на локоть. Однако, последовав совету оруженосца, князь согласился снять с себя дорогие доспехи и, нимало не смущаясь неказистым видом конька,

поскакал в Антиохию, забыв об оруженосце. Парень неминуемо должен был или погибнуть, или угодить в плен к преследователям. Княжеский дестриер так устал, что, несмотря на скромные габариты Жюля, не мог бежать достаточно быстро, чтобы унести своего нового всадника от быстрых лошадок кочевников.

Раймунд вернулся в свою столицу в самом конце мая в сопровождении не более двух дюжин рыцарей. Всего же их уцелело около полусотни, немногим меньше ста легли на поле битвы под Бахрасом — огромные, но пока еще ни невосполнимые потери. Кроме того, каким бы печальным не выглядел исход битвы, княжество все же сохранило возможность собрать новую армию и, главное, признанный предводитель ее уцелел. Но, что еще более важно, прошел срок, отмеренный неизвестным поэтом в начале княжения Раймунда. Тринадцать лет его правления истекли в апреле, а князь оставался живым и здоровым. Подобное обстоятельство не могло не внушать ему оптимизма. И еще, к большому удивлению и радости Раймунда, его спаситель также уцелел и даже привел хозяину его драгоценного дестриера целым и невредимым.

Как выяснилось, едва господин, оседлав Микроцефала, поскакал к столице, Жюль, чтобы сбить с толку преследователей, надел плащ и шлем сеньора, благодаря чему часть турок, клюнув на приманку, погналась за оруженосцем. Ему посчастливилось встретить на своем пути овражек. В пышной листве росших там деревьев и кустарника юноше и удалось найти укрытие. Он «уговорил» коня лечь, и тот, проявив понимание и покладистость, пролежал не шевелясь все то время, которое турки потратили на поиски столь ценного пленника. «Как же они не нашли тебя?» — удивился тогда князь, на что оруженосец, хитро улыбаясь, ответил: «Я бросил ваш плащ, мессир, в болотце. Язычники решили, что вы, упав с пригорка, скатились вниз и утонули. Для того чтобы они вернее всего могли поверить в мою хитрость, я бросил около болота ваш шлем. Он приметный, таких у наших рыцарей мало, так как они не очень-то жалуют европейские новшества. Оттого, увидев шлем и плащ, турки решили, что погибли именно вы».

«А конь? — Князь все никак не желал оставить сомнений.— Они не удивились, что его не оказалось рядом?» Тут оруженосец мог только пожать плечами. «Наверное, они решили, что он убежал,— сказал он.— Или нашли какой-нибудь другой объект для преследования. Мы,— добавил он, похлопав коня по холке,— не очень-то рассуждали, лежа там, только молили Господа, дабы он пожалел нас и укрыл от глаз язычников».

Так или иначе, Раймунду пришлось удовлетвориться подобным объяснением. К тому же его очень впечатлило то, как юноша сумел использовать господский шлем⁵⁰, да еще и сохранить его. Он и верно очень отличался от тех, которые носили в Антиохии и вообще в Утремере. Но почему, почему князь не поинтересовался у оруженосца, отчего же, по его мнению, турки не захотели взять шлем, ведь он во всяком случае представлял собой недурную добычу? Не спросил, так уж не спросил, да и мало ли что там было в голове у язычников? Чего зря тиранить спасителя вопросами, подвергая сомнению его рассказ, а значит, и доблесть.

Раймунд, как и большинство левантийских ноблей, не стремился к приобретению модного на Западе шлема, по виду напоминавшего горшок, но получил его в подарок от короля Людовика вместе с византийской работы длиннорукавной кольчугой тройного плетения. Поскольку даже такой важный господин, как князь Антиохии, не мог запросто разбрасываться дорогими доспехами, после Бахраса подарок Луи сразу стал его лучшим боевым облачением.

Одно важное преимущество «горшка» Раймунду пришлось оценить еще в битве при Фамийе, когда старший оруженосец сменил сбитый с головы сеньора шишак на ранее прозябавший в тороках подарок Людовика. Не прошло и нескольких минут, как стрела какого-то из уносивших ноги язычников ударила прямо в прикрытое металлом лицо князя.

Таким образом, с учетом трюка, проделанного Жюлем, получалось, что королевский подарок уже вторично спас жизнь Раймунду.

Внезапность нападения — гарантия, как минимум, половины успеха.

Несмотря на то что от Бейрута дружина Бертрана двигалась не привычной, пролежавшей через все прибрежные города дорогой, а горными тропами, минуя заставы и крепости графа Раймунда Триполийского, ей все же удалось довольно быстро достигнуть пункта назначения. Когда маленькая армия лангедокцев оказалась в том месте, где равнина Букайи спускалась к морю, Бертран отдал приказ поворачивать на восток.

Куда и зачем они направляются, в дружине бастарда графа Тулузского было известно только самым приближенным, среди которых оказался и Ренольд де Шатийон. Впрочем, солдаты и рыцари, не знавшие планов своего вожака, все же догадывались о них. Воины почти единодушно поддерживали Бертрана, горевшего, как справедливо полагали они, жаждой праведной мести. Как никак хозяин графства, в пределах которого они теперь находились, нанес смертельную обиду их предводителю тем, что подло отравил его отца, знаменитого Альфонсо-Журдена.

Несмотря на то что Бертран был незаконнорожденным, а может быть и вследствие этого, он очень хорошо разбирался в родословной предков. Узнав о согласии Ренольда, участвовать в предприятии, молодой человек поведал новому товарищу их историю начиная, разумеется, со знаменитого Раймунда де Сен-Жилля, графа Тулузы и маркиза Прованса. По всему выходило, нынешние узурпаторы, засевшие в родовых владениях Бертрана, самые что ни на есть гнусные создания, которых с момента сотворения мира рожала женщина.

«Кому как не мне властвовать здесь, мессир Ренольд? — то и дело спрашивал молодой южанин своего нового приятеля. — Дед завещал графство моему отцу. Хоть кого спросите. Регент, Гвильом Серданский, берег владения моего родителя до тех пор, пока тот не вошел в возраст. А этот похититель чужого добра, что спрятался в Триполи, еще и запятнал себя грязным подлым убийством!»

Вообще-то все было несколько не так⁵¹, однако ни его, ни удалого уроженца Жьена всякие маловажные тонкости не волновали. Да, к слову заметить, Ренольд и не знал о них, он верил Бертрану. Не зря позже он получил прозвище «Князь-волк». Зверь учуял запах крови и добычу.

Не чаявший беды замок Арайма, выбранный ими в качестве объекта приложения сил, сдался быстро. Надо сказать, что совет нашего молодого кельта (он как раз и рекомендовал захватить именно эту крепость) пришлось Бертрану очень кстати. Взяв Арайму, они немедленно становились хозяевами дороги, соединявшей два самых больших города графства — его столицу и Тор-тосу. Бертран, к большому неудовольствию своих вассалов, пообещал, в случае, если ему удастся изгнать из Триполи «узурпатора» и утвердиться в графстве, отдать Арайму Ренольду.

Находился этот стратегически важный населенный пункт всего в шести-семи лье к западу от Хомса, или области Ла-Шамелль, как называли эти территории еще первые крестоносцы. Раймунд де Сен-Жилль в свое время собирался завоевать ее, но увяз в осаде Триполи и не успел совершить задуманного. Теперь такой шанс мог представиться его незаконнорожденному внуку и будущему вассалу последнего. Правда, оставался еще один маленький нюанс: Раймунд Второй не собирался уступать своих прав какому-то там бастарду. Последнего, разумеется, нисколько не волновали и уж точно не смущали щекотливые обстоятельства его появления на свет. Кто не помнит, сам Вильгельм Завоеватель был бастардом!

Раймунд послал дружину, но, как выяснилось позднее, этим шагом он не ограничился.

То была славная рубка.

Примерно по полсотни закованных в железо всадников и сотни по полторы-две пехоты от каждой из сторон — участниц конфликта столкнулись на небольшом зеленом лугу неподалеку от замка. Треск ломавшихся копий, звон мечей, лязг доспехов скоро слились в еди-

ный гул с ликующими возгласами победителей, криками и стонами раненых, ржанием коней и пением боевых рыцарских рожков.

Отряд Бертрана попятился под натиском войска законного владельца, а правый фланг, который держал Ренольд со слугами, дюжиной всадников и тремя дюжинами пехотинцев, обратился в бегство. Солдаты Раймунда Второго возликовали и, возблагодарив Господа за милость к правым, с новой силой ринулись преследовать врага.

Бегущее войско — это уже не войско. Хотя, сказать по чести, та пехота, что вел с собой Бертран, и так по большей части представляла из себя малоэффективную боевую единицу⁶².

Рыцари принялись рубить убежавших, а пехотинцы — шарить в лохмотьях убитых и раненых, сдирать с них еще приличную одежду и воинское облачение. В общем, победители занимались своим обычным делом, а побежденные...

Не проскакав и полмили, Ренольд, видя, что противник отстал, свернул за пригорок, где круто остановил и развернул коня, затем обтер и спрятал меч, а потом подал знак Ангеррану. Тот тоже убрал клинок. Оба, перекинув щиты за плечо, схватились за висевшие на груди рожки и что было духу затрубили в них.

Тем временем Пьер, не принимавший участия в схватке, достал из специальных длинных и узких корзин, висевших на спине вьючного мула, которого держал под уздцы, новые боевые копыя и подал одно сеньору, другое его оруженосцу. Ренольд и Ангерран вновь прижали к губам рожки, подавая сигнал сбора. На зов откликнулись около десятка рыцарей и несколько конных оруженосцев. Когда небольшой отряд собрался, пилигрим из Шатийона, не дожидаясь остальных желающих, указал вперед острием копыя и тронул поводья.

Левый фланг и центр Бертрана, вопреки обыкновению, продолжали держаться, и части победителей пришлось отвлечься от столь любимого занятия, как грабеж и преследование бегущих, чтобы сделать победу

окончательной. Отряд Раймунда уже почти завершил окружение противника, как вдруг в спину триполитанцам ударила дюжина рыцарей Ренольда.

Несмотря на свою популярность на Востоке, маневр вполне удался, прежде всего тем, что явился для противника полной неожиданностью⁵³. Выбивая врагов из седел длинными копьями, давя конями тех, кто успел повернуть и броситься им навстречу, рубя мечами застигнутого врасплох неприятеля, вновь вступившие в битву воины словно бы переломили ход сражения пополам. Паника и смятение, охватившие триполийский отряд, предрешили исход битвы под Араймой. Ничего не поделаешь, даже и бывалым командирам, не раз приводившим своих воинов к победе, случалось лишь горестно развести руками в ситуациях подобных этой — охваченное страхом войско — уже не армия, а не способная повиноваться приказам, ни на что не годная толпа.

Часть беглецов повернула к Тортосе, другая — к Триполи. Сам Ренольд, Ангерран и те, кто вместе с ними участвовали в обходном маневре, преследовали разгромленных триполитанцев до самых стен столицы графства. Молодой паломник так разгорячился, что, проскакав по длинному каменному мосту, подъехал к самым стенам города и погрозил окровавленным мечом сгрудившимся на стенах защитникам, среди которых по богатству одеяния угадал самого «узурпатора» Раймунда Второго.

Пообещав последнему содрать с него кожу, если тот добровольно не уберется восвояси, победоносный пилигрим, не объяснив, разумеется, в какие такие «свои» должен убираться владетельный граф из своей столицы, позволил не на шутку встревоженному Ангеррану увести себя обратно к Арайме. Благоразумный оруженосец не без оснований опасался, что из ворот, куда улизнули последние беглецы, запросто могли появиться с десятков хорошо вооруженных рыцарей на свежих дестриерах и в два счета захватить преследователей, которых, включая Ренольда и его оруженосца, осталось всего четверо на совершенно изможденных многомильной погоней конях.

Но никто, по счастью, не догадался или не решился (смятение охватило гарнизон Триполи) сделать вылазку. Ведь верно говорят, что с победителями сам Бог.

К слову заметить, эти последние четверо гнали более полудюжины врагов. Бегущий воин, как мы уже говорили, — не воин.

* * *

Мудрый вельможа, опытный военачальник, эмир Муин ед-Дин Унур, или, как называли его франки, Онур, правивший в Дамаске от имени внука знаменитого Тохтекина, эмира из династии Буридов, Муджир ед-Дина, не любил воевать, зато любил пожить в свое удовольствие. Он никогда не скучал по неожиданностям, а если уж говорить откровенно, терпеть их не мог. Просто так получалось, что они его мало радовали.

Очень беспокоили его своей непредсказуемостью западные соседи, но пуще всех тревожил, даже страшил — северный, зять Нур ед-Дин, один из наследников буйного и при жизни всегда опасного Зенги, которого эмир ненавидел куда больше, чем всех христиан, вместе взятых. Теперь Зенги, хвала Аллаху, упокоился, однако дело его не умерло вместе с ним, сыновья оказались достойны отца. Онур предпочел бы никогда не встречать никого из братьев Зенгиидов, а в особенности Нур ед-Дина. Хотя правитель Дамаска и отдал за него в прошлом году замуж дочь, но ни минуты не сомневался — случись что, зятек и не вспомнит о родстве. Покойный отец завещал ему не только Алеппо, но и джихад — войну с неверными, с франками.

Последних, если уж честно признаться, Онур жаловал куда больше, чем непримиримых единоверцев с севера. Да и как не жаловать, если торговля с христианами приносила очень недурной доход весьма широкому кругу лиц от самого законного наследника Дамаска до самого последнего погонщика верблюдов? Многие богатели от выгодных сделок, не плошал и Онур, так кому же нужна война? Без приморской торговли, доходами с одних только караванов из Египта в Персию и обратно не проживешь.

Коль скоро предки полстолетия назад не смогли сдержать натиска пришельцев и в первые же годы, последовавшие за взятием Святого Города, один за одним отдали ненасытным чужакам едва ли не все морские крепости, так значит, Аллах так и судил, его воля. А по здравому-то размышлению, не все ли равно, кому платить пошлины, своим или чужим? Свои-то они свои, да только в мечети, а не на торгу. Так, если разобраться, всегда ли чужие хуже своих? Всегда ли друг предпочтительнее врага? Нет уж, иной раз, пожалуй, лучше иметь дело с последними, они по крайней мере не прикроются щитом благочестия и радения исламу.

Так размышлял правитель Дамаска. Нет, он не видел особой нужды воевать с неверными, и многие франки из тех, кого он хорошо знал, думали точно так же. Они вообще могли бы прекрасно ладить, если бы не свои (опять это слово!) и чужие буяны.

Как и полагалось, христианские любители помахать мечом приходили с голодного Запада, мусульманские маргиналы являлись из засушливых и тоже голодных степей Приаралья, со скудных почвой гор окраинной Персии. И те и другие имели одну цель — личное обогащение и власть, опять же личную и, по возможности, безграничную. И те и другие смущали народы болтовней о священном долге, об унижении неверными соплеменников и единоверцев. Однако из всех своих возможных врагов Онур более всего опасался как раз этих самых единоверцев. Жители Дамаска, как один вставшие против кафиров-франков, доведись на месте последних оказаться Нур ед-Дину, вполне могли бы открыть ему ворота во имя Аллаха, во имя джихада. И так уж что ни день доносят эмиру о болтунах, которые подбивают народ против своего законного властителя, он-де не слишком усерден в вере.

Ясно, кому это выгодно: наймитам северного соседа, да нищим побирושкам, рассчитывающим пограбить богачей, которые попадут в опалу при смене власти. Таковые всегда были, есть и будут.

Эмир, чтобы не слишком раздражать прочих жителей, позволял болтунам до поры сеять смуту. Потом одних как бы невзначай прирезывали на улицах слу-

чайные разбойники, других хватали по обвинению в каком-нибудь незначительном преступлении, не имевшем ничего общего с истинными причинами ареста. Голоса одних умолкали, но вместе с тем, правитель Дамаска не мог не видеть, что, несмотря ни на что, находились другие смельчаки, и смута в городе росла и ширилась изо дня в день, из месяца в месяц.

В немалой степени насолили Онуру своим недавним походом франки. Хотя он и сумел обратить их нашествие себе на пользу, среди жителей нашлось немало таких, которые утверждали, что, если бы их эмир действовал решительнее, от армии неверных не осталось бы и следа. Смутьяны, группировавшиеся вокруг нищих дервишей, заявляли также, что, если бы не их повелитель, они могли бы полностью разгромить железных шейхов, захватить меликов пришлых франков и мутамелека Будуина, а потом пойти и освободить священный город эль-Кудс и уничтожить всех захватчиков.

Ну и зачем это нужно? Чтобы через четверть века, когда подрастут сыновья тех, кто станет держать освобожденные от франков территории, начать насмерть резаться с ними? Нет, такая политика до добра не доводит.

«Как хорошо, — думал он, — все шло, пока не погиб мелик Фульхр. Я, он и эмир Раймон смогли бы держать в узде бесноватого наследника Зенги, как прежде умели обуздывать аппетиты отца!»

Онур, как уже говорилось, доброй ссоре предпочитал худой мир. Вместе с тем такой пацифизм не означал, что эмир вовсе не любил подраться и дать войскам поживиться за счет соседей, если заранее предугадал, что задуманное предприятие не повлечет за собой негативных последствий.

Так или иначе, в свете недавно произошедших событий, о которых напоминали испакощенные и наполовину уничтоженные прекрасные плодовые сады к югу от городских стен, эмир Дамаска стал внимательнее присматриваться не только к делам на севере, но и на западе. Узнав о прибытии человека из столицы франков, Онур велел не мешкая проводить его к себе.

Гонец оказался молодым человеком, можно сказать юношей, но вести, которые он принес, заслуживали награды, достойной славного мужа. Ни он, ни его сиятельный собеседник ни разу не назвали того, кого представлял посланец, но оба прекрасно знали, от чьего имени тот уполномочен говорить.

— Итак,— произнес эмир, подводя итог беседе,— итак, ты говоришь, что франкам противны деяния этого человека?

— Да,— кивнул юноша,— он нарушил законы гостеприимства. Посягнул на владения единоверца. Он заслуживает самой суровой кары.

— Конечно, конечно,— энергично поддержал его Онур, подумав о кое-ком другом, кто, по сути дела, вел себя так же, как и тот неверный, что сделался неугоден Иерусалимскому двору: «О, Аллах! Но почему ты помогаешь не мне, а этому бесноватому?!» Мысленно спросив Всевышнего и, по понятным причинам, не получив ответа, эмир обратился к своему земному собеседнику: — Однако я должен иметь веские гарантии того, что это не западня. Согласись, такого еще не было.

— Ну почему же, сиятельный владыка? — возразил гонец.— Разве когда франки пришли к твоему городу, твои друзья не прислали тебе известия, чтобы ты приготовился?

— Но слишком поздно! — воскликнул Онур.

— Гонец, отправленный к тебе, погиб,— сказал юноша.— Шейх диких бедуинов из Аравии, что разбойничают тут и там в твоих землях, напал на нашего человека и его сопровождающих и всех перебил. Потому-то ты и не получил вовремя столь важных известий. Но, несмотря на это, мой хозяин сделал все, чтобы ослабить удар франков. Тебе, о величайший из великих, известно почему они оставили выигрышные позиции и ушли к восточной стене, самому крепкому участку твоей обороны, где не только оказались совершенно бессильны что-либо сделать, так как не имели достойной осадной техники, но и уже к концу дня стали испытывать недостаток в воде и корме для коней. Твои же воины вновь проникли в сады, оставленные франками, и смогли под прикрытием зарослей наносить не-

ожиданные удары врагам, чем не только отвлекали их от осады, но и сеяли панику в их рядах.

— Все это так, — вынужден был согласиться Онур. — Не могу не признать, твой господин мне очень помог, но все же...

— Дозволь сказать, о несравненный, — воспользовавшись паузой, вновь заговорил гонец. — Прости, что я, недостойный, смею давать тебе советы, но я — лишь раб, и устами моими говорит тот, чье положение среди сильных мира сего не чуть не ниже твоего. А он считает себя вправе подсказать тебе один весьма дельный способ, как утишить недовольных в твоём царстве.

— Какой же? — удивленно воскликнул эмир, который, как известно, не раз ломал голову в поисках какого-нибудь действенного решения этой проблемы. — Говори без опаски, я слушаю тебя.

— Ты можешь очень угодить своему соседу, атабеку Нур ед-Дину, если пригласишь его...

— О проклятье!

— Прости меня, о великий, но ты сам велел мне говорить, — вкрадчивым голосом проговорил юноша. — А раз уж так, то позволь мне закончить.

— Продолжай.

— Пригласи его, о великий, принять участие в этом предприятии, — сказал посланец из Иерусалима. — Так ты покажешь всем, что не кто иной, как ты, стремишься к союзу единоверцев против христиан. Возьми в поход побольше своих горожан, и пусть солдатам атабека достанется львиная доля добычи. Тогда твои тотчас же вспомнят, что он — кровь от крови Зенги, девять лет тому назад вероломно распявшего сдавшихся на его милость солдат гарнизона Баальбека. А кто считал, у скольких дамаскцев там погибли друзья или родичи? Вот твои подданные и станут роптать не на тебя, а на повелителя Алеппо. После того сделай несколько набегов в области королевства франков, тебе подскажут, куда лучше направить свои силы. Твои воины легко обогатятся и найдут, что им ни к чему беспокойный и несправедливый сосед. Бедные станут богаче и на время забудут негодовать на тебя... Согласись, о владыка, что такой совет не может дать коварный враг, умысливший заманить тебя в ловушку.

— Это очень дельный совет, юноша,— оставив сомнения, проговорил Онур.— И хотя ты — лишь уста твоего господина, все же я награжу тебя за хорошую весть. Как тебя зовут и сколько тебе лет?

Последние слова вовсе не означали, что все это время правитель Дамаска не знал имени того, с кем говорил, просто уж таковы правила этикета.

— Меня зовут Рубен, о великий,— проговорил гонец с достоинством.— Скоро мне исполнится семнадцать, и мне не...

— Я вижу, что ты мудр не по годам,— не дослушав, перебил эмир, он хлопнул в ладоши, и, раньше, чем гость успел что-то сказать, в комнату вошел слуга. Онур бросил ему несколько слов по-турецки и тот с поклоном удалился, а хозяин продолжал: — И хотя ты не очень хорошо говоришь на языке правоверных, все же сумел самым превосходным образом передать мне слова своего господина.— Не успел эмир закончить фразу, как в комнату, где проходило свидание, вернулся слуга. Он вновь поклонился и подал повелителю увесистый кожаный кошель, который Онур протянул молодому человеку со словами: — Бери, ты заслужил это.

Реакция гонца немало удивила эмира.

— О, владыка,— проговорил тот, не притрагиваясь к награде.— Благодарю тебя, величайший из великих, но я как раз хотел сказать тебе, что не нуждаюсь в твоих деньгах, как и вообще в деньгах...

— Что? Что ты говоришь? Я, наверное, плохо понял, что ты сказал? Ты говоришь, будто не нуждаешься в награде?

— О, великий,— юноша приложил руку к груди,— каждый человек, да что там человек, животное нуждается в ней, так же и я. Но я служу своему господину не из-за денег, а из чести.

«Честь — замечательная вещь,— мог бы возразить Онур.— Но деньги все же лучше. Хотя бы уже потому, что на них можно купить все. В том числе и честь. Хотя, конечно, при определенной ситуации может понадобиться очень много денег, чтобы сделать это неосязаемое, но в определенных случаях очень ощутимое приобретение».

Однако сказал эмир другое.

— Из чести, ты говоришь? Что ты понимаешь под этим? — спросил он.

— О великий владыка! Я — сын благородного отца! — воскликнул юноша.— Но... жестокосердая судьба лишила меня возможности носить его имя. Мой хозяин обещал помочь мне восстановить справедливость. Это все, что мне нужно. Когда же я стану благородным рыцарем, то завоюю себе столько золота, сколько мне будет потребно. А сейчас оно не нужно мне!

Онур, конечно, обратил внимание на франкское слово «chevaliers», произнесенное гонцом, и, покачав головой, спросил:

— Ты — христианин?

— Да.

— Франк по рождению?

— Я — армянин,— гордо ответил Рубен.

— Ну что ж,— продолжил Онур после некоторой паузы, понадобившейся, чтобы позвать слугу и распорядиться, чтобы тот унес кошель.— Раз так, то прежде, чем уйти, прими вот это.

С этими словами эмир снял с пальца перстень и протянул его посланцу из Иерусалима:

— Бери. Это носят все наши благородные шейхи и кавалларии-франки.

— Благодарю, великий,— юноша с поклоном принял подарок.— Разреши мне отправляться в обратный путь.

— Ты не хочешь отдохнуть?

— Нет.

— Хорошо,— Онур хлопнул в ладоши, вызывая слугу, чтобы тот проводил гонца.— Передай господину, что я выступлю, как только получу ответ с севера.

* * *

Итак, если забыть о Дамаске и сражении с превосходящими силами ромеев на постоялом дворе, Ренольду за свое сравнительно недолгое пребывание в Утремере вторично посчастливилось одержать блестящую победу над врагом. Жаль только, что враг этот не только верил

в того же Бога, что и Ренольд, но даже и молился по одному и тому же, принятому в епархиях римско-католической церкви, канону.

Новую победу праздновали три дня, благо в подвалах замка нашлось вдоволь вина.

Прачки и крестьянки из деревень с населением, исповедывавшим ортодоксальное христианство, прислуживавшие в крепости солдатам гарнизона, переживали необычайный подъем интереса к своим прелестям. Захватчики щедро расплачивались с дамами из награбленного у их прежних кавалеров, конфискованного у побежденных и из полученного от графа (так теперь все чаще называли Бертрана) жалования.

Рыцари не были бы рыцарями, если бы после победы у них не нашлось времени для излюбленного занятия — грабежа окрестных селений. Начатые ими сразу же после захвата Араймы продовольственные «экспедиции», прерванные на время сражения и бражничанья, возобновились с новой силой. Как ни прятали местные крестьяне (главным образом презренные язычники и схизматики) годами нажитое добро, как ни хоронили в укромные убежища своих жен и дочерей, ничего не помогало. Поднаторевшие в столь богоугодном деле, как сбор особого налога — на меч, — рыцари все равно добивались до большинства тайников. Под стоны и плач лишались женщины своих береженных украшений, а дочери их навсегда утрачивали шанс подарить будущему супругу девственную чистоту.

Франки знали свое дело.

Утомившись грабить и гоняться за крестьянками, войско вновь ринулось в подвалы.

Ренольду пьянка надоела быстро. В грабежах он почти не участвовал, а когда все же врвался с полдюжиной или десятком конников в ту или иную деревеньку, смотрел, чтобы кто-нибудь не награбил слишком много, и с неприязнью и нетерпением подумывал о том, что бы такое сделать, дабы прекратить бессовестный грабеж «собственной» земли? Он понимал, что говорить что-нибудь Бертрану сейчас бесполезно, тот пока что целиком и полностью зависел от своих солдат. К тому же унять их могла только сила, а единственной

силой, находившейся в распоряжении их вождя, являлись они сами. Юная сестра Бертрана, цветок благодатного Лангедока, Оргвиллоза (так называл ее брат), которую тот очень любил и всюду возил с собой, попыталась взывать к христианскому милосердию, дабы утишить разгул, смягчить дикость нравов воинов брата, но солдаты оказались глухи к слабому голосу женщины. Внешние же факторы — общая угроза — отсутствовали, по крайней мере до тех пор, пока граф Раймунд не соберется послать очередной отряд, который, никто не сомневался, будет разбит.

Если же придет с войском сам король, а какой-то судья все же в конце концов должен появиться, тогда можно будет и обсудить права наследования. Бертран отчего-то считал, что Бальдуэн пожалует ему Триполи, а соперника заставит переехать в Тортосу⁶⁴.

Нечто подобное уже случалось сорок лет назад, когда из-за власти в графстве чуть не передрались Гвильом-Журден, родич деда ныне правившего графа, Раймунда Второго, и сам дед, Бертран. Тогда конфликт разрешали мужчины, тот же Танкред и король Бальдуэн Первый, теперь реальной силой, способной сыграть роль судьи-миротворца в Левантийском царстве, являлась лишь та сила, которую представляла королева-мать.

Посылая дружину к захваченной Арайме, Раймунд предпринял нечто куда более важное и действенное, он пожаловался сестре жены. Мелисанду, как известно, отличала большая любовь к своей родне, особенно к той ее части, с которой не приходилось делиться владениями и доходами...

Не желая видеть, как предается разграблению обещанная ему земля, Ренольд, оставив Пьера с лошадьми, в компании Ангеррана и двух воинов из числа тех, что изъявили желание служить новому сеньору, отправился на разведку. В голове рыцаря постепенно зрела довольно смелая, если не сказать безрассудная идея — сделать то, что из-за отсутствия времени не удалось основателю графства Триполи, потрогать за «вымя» новую «дойную корову», называвшуюся Ла-Шамелль. Сегодня во время скачки мысль наконец оформилась в реальный проект, и рыцарь уже хотел дать кому-нибудь

из воинов приказ повернуть коня и скакать в Арайму, чтобы собрать желающих отправиться в разведывательный набег во владения язычников, как вдруг передумал, решив, что для разведки хватит и их четверых. Он пришпорил своего жеребца, все дни после битвы с триполитанцами отдохавшего и нагуливавшего вес, и конь радостно помчал своего господина вперед.

Поднявшись на вершину холма, Ренольд даже сразу и не понял, что произошло и отчего вся равнина внизу шевелится, как покрытый тараканами потолок в комнате на втором этаже захудалой придорожной корчмы.

Заканчивался июнь, и солнце, несмотря на очень ранний час, стояло уже высоко. Оно светило в глаза рыцарю, которому вследствие этого понадобилось довольно долгое время, чтобы сообразить, что перед ним... стан врагов. Ренольд мгновенно уразумел, что на земли со столицей в Арайме он может больше не рассчитывать. Он еще только собирался в Ла-Шамелль, а она сама решила навестить его и уже шла, спешила к нему. Причем, что самое неприятное, «дойная корова» из абстракции превратилась в реальность, явленную сонмищем всадников, часть из которых отправилась на водопой к речушке, протекавшей совсем рядом, не более чем в полумиле от того места, где стоял вороной дестриер рыцаря.

Все было, как во сне, только конь не белый и горка не из золота и драгоценных камней. Жеребец захрапел, издали учуяв кобыл, мотнул головой и принялся бить копытом. Тут-то обычно все и кончалось, Ренольд просыпался, но... наваждение не исчезло. Повсюду пилигрим видел шатры и копошившихся возле котлов людей. Ему даже показалось, что он почувствовал запах кипящего в них варева. Судя по размерам лагеря, в нем находилось больше пяти тысяч воинов.

«У мессира Бертрана будет прекрасная возможность повторить подвиг деда, — без всякой жалости подумал пилигрим. Уж очень надоели ему хвастливые рассказы несостоявшегося сюзерена про великих предков. На протяжении всего пути от самого Атлита до Араймы и потом, в особенности после битвы, Ренольду ежевечерне приходилось выслушивать одни и те же, давно набив-

шие оскомину истории про этих чертовых предков.— Эх, жаль коней, добра и... Пьера!»

Тем временем спутники Ренольда нагнали его, Ангерран, а за ним и двое других воинов, так впоследствии и оставшихся для хозяина безымянными (оруженосец говорил, что одного из них звали Челюсть, а другого Мишель), достигли вершины холма. Но, что куда хуже, турки внизу еще раньше (солнце светило им в затылки) поняли, кто перед ними.

— Что это, мессир? — воскликнул Челюсть, воин походивший на коня больше, чем сами кони.— Откуда они?

— О дьявольщина! — подхватил Мишель.— Сколько же их тут?!

Задержись Ренольд на полчаса, и все они успели бы напоить своих лошадей, благодаря чему сделались бы неопасными, но рыцарю не повезло. С десятка или даже полтора язычников вскочили на спины еще не оседланных коней, прихватив луки, главное свое оружие, с которым не расставались никогда, и помчались навстречу четверке христиан. Ренольд оказался настолько далек от мысли схватиться с ними тут же на виду у всей орды, что, будто отвечая на вопрос солдата, крикнул, разворачивая коня:

— На нас хватит! В галоп!

Когда все четверо уже спустились с пригорка, он добавил:

— Скачем на север к Тортосе! Дай нам Бог не попасться в лапы к Раймунду! Хотя, мнится мне, все лучше, чем к ним!

Говоря это, он оглянулся на скакавшего на полкорпуса позади оруженосца. словно в подтверждение сказанных рыцарем слов, на вершине, которую они только что оставили, появились первые преследователи.

— А как же Пьер, мессир? — спросил Ангерран, но господин не ответил.

«Даст Господь, уцелеет. Может, сумеем выкупить,— подумал он, вновь вспоминая о родной Франции и невольно отмечая, что теперь Ангерран — единственный оставшийся с ним земляк.— Надо произвести его в рыцари!»

Впрочем, сначала надо было унести ноги.

Не тратя понапрасну слов и не оглядываясь, Ренольд, возглавлявший четверку беглецов, прищипоривал коня.

«В Антиохию! В Антиохию! В Антиохию, больше некуда! — топотом копыт жеребца отдавалось в его висках.— В Антиохию! Если уйдем!»

Х

Еще в середине июля 1149 года, когда племянница князя прекрасная Алиенора садилась на тяжелый и неповоротливый, но зато вместительный и весьма устойчивый на плаву галиот, а сержанты и грумы ее ревнивого супруга заводили коней дружины в чрево сицилийского юиссье, князь узнал, что Нур ед-Дин осадил Инаб. Раймунд (кстати, письмо племянницы он получил, но практически сразу же забыл о нем, не до того было) ни за что не хотел мириться с мыслью, что ему придется потерять этот едва ли не последний стратегически важный опорный пункт обороны княжества на правом, восточном берегу Оронта.

Надеясь на помощь, но будучи почти уверенным, что не получит ее, князь отправил гонца в Иерусалим и, не дожидаясь ответа, призвал единственного своего настоящего и способного к решительным действиям союзника Али ибн Вафу принять участие в предприятии. На сей раз ассасины не опоздали, и уже в двадцатых числах июня триста рыцарей Антиохии, последний резерв князя, перешли реку по Железному мосту.

Никто как-то и не подумал, что поход начался тогда же (едва ли не день в день), когда тридцать лет назад Рутгер Салернский тем же путем повел свою дружину к печально известному месту, получившему впоследствии скорбное имя «Ager Sanguinis», или «Поле Крови». Теперь с князем Антиохии шло более чем вдвое меньше рыцарей, чем последовало за его давним предшественником. Кроме того, у Рутгера тогда было четыре тысячи пехоты, у Раймунда же всего одна, но зато за Оронтом к нему присоединились более тридцати сотен легкоконных мусульман.

Сведения об их приближении к Инабу заставили Нур ед-Дина отступить. Он собирался подождать возвращения своих всадников, отправившихся по просьбе Онура в совместную с дамаскцами экспедицию против Бертрана Тулузского.

Князь, разумеется, не знал всех тонкостей, однако понимал, что замок спасен лишь на время, и успокаиваться рано, поскольку угроза осталась. Пользуясь тем, что неприятель далеко, Раймунд решил разместить часть пехоты в крепости, чтобы усилить ее гарнизон. Али ибн Вафа советовал князю не делать этого, однако все же последовал за ним со своими конниками. Двадцать восьмого июня, спустя всего несколько дней после того, как Ренольд Шатийонский, вынашивавший столь же смелые, сколь и безрассудные планы относительно рейда в Ла-Шамелль, увидел с горы шатры неверных, князь Антиохийский велел разбить лагерь между Инабом и болотом Хаб в лощинке, где протекала речка, называвшаяся Мурадовым источником.

Отсутствие у франков разведки, а так же склонности анализировать опыт побед и поражений предшественников сделали свое дело, Раймунд повторил все те же ошибки, которые совершил в свое время Рутгер. Разница заключалась, пожалуй, лишь в том, что галл, получив поутру донесение о том, что окружен (оно так же, как и для Рутгера, явилось для него полной неожиданностью), не отправился охотиться, как ветреный лангобард. Может быть, просто потому, что охотиться ему было негде, поскольку шесть тысяч конников Нур ед-Дина перекрыли все пути из лагеря франков и их союзников. Словом, Раймунд и вождь ассинов еще до всякой битвы фактически оказались в котле⁵⁵.

Поскольку они знали, что им пощады не будет, у них остался один единственный выход — пробиваться. Шанс выйти из окружения выглядел вполне реальным, несмотря даже на неудобство позиции, занимаемой франками и исмаилитами. Чтобы прорвать кольцо неприятеля, им требовалось хотя бы несколько стадий⁵⁶ ровного поля, чтобы рыцарская конница смогла набрать достаточную скорость. Неприятность состояла в

том, что разгоняться им приходилось, поднимаясь по не слишком отлогому склону холма.

Однако, принимая реальность такой, какой она была, Раймунд построил своих рыцарей — решили, что они будут как бы головой тарана. В сопровождении маленькой свиты, состоявшей из священника, оруженосцев и трех самых важных баронов (в число которых входил и коннетабль Рутгер де Монтибус, и сеньор Ренольд де Мараш, владелец самой северной территории княжества), князь выехал вперед и, стараясь перекричать начавший усиливаться ветер, обратился к войску с короткой речью.

— Мои друзья! — начал он. — Я не говорю: мои вассалы, мои рыцари, мои солдаты, я говорю именно *мои друзья!* Не стану скрывать от вас, что шансов у нас немного. Неприятель превосходит нас числом, и позиция, которую он занял, лучше. Большинство из вас не новички в военном деле, вам случалось бывать в переделках. Но эта — особенная...

Князь сделал паузу и посмотрел на жавшихся к коням оруженосцев, грумов (далеко не все они имели лошадей) и пеших воинов. Слова его из-за ветра, дувшего в лицо солдатам, разносились далеко и были прекрасно слышны даже тем, кто стоял в глубине строя.

— Мы или прорвемся или погибнем. Потому что язычники не хотят победить нас, они хотят нас уничтожить, чтобы голыми руками взять наш город, разграбить наши дома, надругаться над нашими женами, увести в плен дочерей и зарезать сыновей. Многие из вас не раз бывали со мной в деле, — он невесело усмехнулся. — И то, что мы с вами снова вместе, внушает мне надежду. Если Господь проявит к нам милость и поможет нам победить, мы, с его попущения, еще увидимся и еще повоюем! А теперь давайте помолимся.

С этими словами князь спрыгнул с коня, воткнул в землю меч и, встав на колени, прочел молитву. Все рыцари и пехотинцы повторили его действия и, когда он закончил, всадники вслед за ним вскочили в седла. Священник благословил дружину, и теперь все готовились победить или умереть.

— *Deus le volt*^{57!} — воскликнул Раймунд и добавил: — Трубите в рога!

Поднялся невообразимый гвалт.

— Deus le volt! Deus le volt! Deus le volt! — вопили пехотинцы, словно соревнуясь с рыцарскими трубами, стараясь перекричать их рев.— Deus le volt! — разносился по равнине клич прославленных крестоносцев Первого похода.

— Шлем,— приказал Жюлю Раймунд, когда они вернулись в строй. Оруженосец ничего не услышал, но прекрасно понял, что имел в виду господин, и в точности исполнил распоряжение.

Князь поднял руку, и шум мгновенно стих. В наступившей вдруг тишине стали вдруг явственно слышны показавшиеся особенно зловещими всхлипывания и стоны ветра. Небо потемнело, стало свинцово-черным. Впрочем Раймунд, когда на голове у него оказался толстый металлический «горшок», этого уже не слышал, да и почти ничего не видел. Он раздраженно поморщился и, не поворачивая головы, протянул руку в кольчужной рукавице, в которой немедленно почувствовал копейное древко.

Оруженосец не зевал, он платил своему господину за милость и благорасположение, за то, что тот отметил и приблизил к себе больше всех прочих не кого-нибудь, а его, всеми презираемого мальчишку-сироту. Если бы Раймунду вдруг вздумалось дать юноше прозвище, сколько бы ни думал, не нашел бы князь лучшего, чем «Верный».

Предводитель качнул копьем и, опирая его тыльный конец на правую шпору, тронул поводья, сжимая твердыми шенкелями бока жеребца.

— Вперед,— произнес Раймунд.— Пошли.

И хотя никто не слышал его команды, все войско медленно двинулось вперед, шаг за шагом набирая скорость, к ожидавшим на вершине холма туркам. Все быстрее и быстрее. Вот уже державшиеся за стремена господских коней оруженосцы, грумы и пешие воины перестали чувствовать под собой ноги, вот они начали отставать.

Рыцари набрали нужную скорость за три-четыре десятка туазов до противника. Турки натянули луки, и на наступавших франков обрушились тучи стрел. Кто-

то, прервав бег и сделав по инерции несколько неверных шагов, растянулся на сухой каменистой почве, закончив свой земной путь, кто-то упал с коня, лишившись надежды сохранить свободу. Впрочем, последних оказалось не так уж много (атаку, как обычно, возглавляли рыцари в наиболее дорогих, а значит, и крепких доспехах. Становившийся все более сильным ветер помогал мусульманам не только тем, что позволял стрелам лететь дальше и быстрее, но и тем, что сдерживал скорость атакующих.

Пора!

Раймунд опустил копьё, нацеливая его на язычников, и все три сотни всадников, издав дикий гортанный крик, сделали то же самое. Мусульмане, как частенько случалось, не стали дожидаться неминуемой гибели под копытами лавины дестриеров и, осыпав рыцарей новыми тучами стрел, начали спешно поворачивать коней. И все же не все турки успели как следует разогнаться, некоторые замешкались и оказались добычей острых жал длинных копий тяжелой франкской конницы, сминавшей, давившей, разившей, уничтожавшей все на своем пути.

Стрела ударила в голову князя, но, отскочив от шлема, не принесла всаднику никакого вреда, а вот турок, выпустивший ее, поплатился за свою смелость. Копьё Раймунда так ударило лучника в прикрытую круглым щитом спину, что сарацин, подлетев над лошадь, замертво упал на землю. В следующую секунду оно нашло себе еще одну жертву, потом еще. Третий удар оказался последним, дерево не выдержало, копьё с треском переломилось пополам, оставив острие в теле правоверного мусульманина. Раймунд бросил ставшее бесполезным оружие и, выхватив меч, принялся рубить подворачивавшихся под руку язычников.

Турки не бойцы в рукопашной схватке, они прекрасные лучники и наездники, но никто и никогда не слышал, чтобы в поединке один на один кочевник одолел франка.

Жеребцы, скаля зубастые пасти, сминали маленьких лошадок, кусали и били всех, кто попадался на пути, специальными стальными шипами, прикреплен-

ными к копытам спереди. Длинные рыцарские мечи, не зная устали, отсекали головы, руки, разрубали крупы и морды лошадей, разваливали всадников «на полы». Те из сарацин, в ком не оказалось должной ловкости и проворства, дорого заплатили за стычку с озверевшими от крови франками и их не менее безумными конями.

Все было как в старые времена, воины ислама не выдержали и побежали, поворачиваясь на скаку и не глядя пуская в преследователей стрелы, не приносящие христианам уже почти никакого вреда. Франки, издавая победные вопли, трубя в рожки и размахивая окровавленными мечами, устремились вперед. Теперь рыцари скакали вниз по склону, и туркам не всегда удавалось уходить от погони, враги настигали их. Некоторые из сарацин бросались врассыпную, надеясь найти спасение на флангах, но там многие из них попадали под град стрел ассасинов. Однако основной массе кочевников все же удалось уйти от преследователей, когда те вновь оказалась перед необходимостью взбираться на пригорок на уже довольно утомленных конях.

И вот из перекрестия смотровой щели шлема князя исчез последний турок. Склон, ложившийся под копыта коня Раймунда, оказался хотя и более пологим, чем первый, но гораздо более длинным. До вершины оставалось еще не менее полумили, когда князь почувствовал, что жеребец все больше и больше устает. Причиной тому был ветер, который усилился настолько, что, с легкостью взметая в воздух тучи песка и пыли, бросал их в лицо рыцарям. Точно сама стихия не хотела, чтобы они, догнав, сокрушили неприятеля и добились не только спасения, но и победы, означавшей для массы пеших единственный шанс уцелеть.

Те из них, кто оказался попроворнее и поудачливее, ловили разбежавшихся коней, как своих, так и сарацинских, и присоединялись к «голове тарана». Впрочем, ядро войска Раймунда и Али ибн Вафы давно перестало напоминать единое целое, некое подобие кулака, «пальцы» его разжались, франки скакали, рассыпавшись по широкому склону. Не успел князь подумать о том,

какую же пакость приготовили ему воины Нур ед-Дина, в окружении нескольких сотен отборных солдат ускакавшего далеко в сторону и скрывавшегося в рощице, как произошло нечто непонятное. Вершина склона, до которой оставалось всего каких-то сто — сто двадцать туазов, внезапно исчезла, превратившись в черную стену, соединившую собой свинцово-черное небо и коричнево-черную землю.

Но самое страшное заключалось в том, что стена эта не стояла на месте, она двигалась, с каждой секундой приближаясь к скачущим рыцарям.

Многие из них в отчаянии принялись натягивать поводья коней.

— Божья кара!!! — стыл в глотках, скрипел вместе с песком на зубах крик.— Божья кара!!! Бич Господень!!!

«За грехи наши! — иглами вонзаясь в сердца, пульсируя жилками на висках, звучало в умах сотен и тысяч охваченных ужасом христиан.— Господи, прости нас! Господи, прости нам грехи наши, ибо грешны без меры мы!»

«Аллах, будь милостив! — взывали к своему Богу ассасины.— За что ты прогневался на нас?!»

Ответ и тем и другим был один:

«За то, что ликуетесь с безбожниками и нечестивцами! За то, что погрязли в грехах и пороках! За то и сами стали грязнее грязи, за то в грязи и подохнете!»

Стена клубившейся грязи и поднятых ураганом камней обрушилась на франков и их союзников.

— Скорее, мессир, скорее! — кричал кто-то из дальнего далека, так что крик делался больше похожим на шепот.— Скорее, пока язычники не окружили нас!

Раймунду вдруг показалось, что голос, долетавший до него неизвестно откуда, на самом деле не существует, а эти страстные слова сами рождаются у него в мозгу, словно он провалился на сорок лет назад в прошлое, когда мальчишкой служил, как и полагалось всякому будущему воину⁵⁸, пажом у одного знатного рыцаря, своего родственника.

Паж... дитя... слуга дяди в далекой, затерявшейся где-то во времени и пространстве Аквитании. Да, именно так и случилось, князь вдруг неведомым образом, не иначе как в результате колдовства стал маленьким, перенесся в прошлое, в самое начало столетия, оказавшись в родных местах, там, куда так хотел попасть все последнее время.

«Скорее, мессир, скорее! — Эти слова произносит он сам, торопя рыцаря, которому служит. — Скорее, мессир, скорее!.. Но... причем тут язычники? Откуда они во Франции?»

Может быть, речь идет о ленивых крестьянах, которым надо втолковать что к чему с помощью хорошей трепки, чтобы впредь знали, каково бездельничать да не радеть в вере Христовой? Поначалу Раймунда не смущало то обстоятельство, что, оказавшись в прошлом, он утратил возможность видеть, что происходило вокруг. Ведь что-то же происходило? Но, услышав очередной раз: «Скорее, мессир, скорее!» — задумался: «Где я? Что со мной?»

С уверенностью князь мог сказать лишь одно, он сидел на коне, которого кто-то держал за повод. Тот, кто делал это, очень торопился поскорее уйти куда-то, о чем свидетельствовала поспешность, с которой они двигались.

— Что происходит? — громко спросил Раймунд и, поскольку ответа не получил, попытал счастья вторично. — Что происходит, черт меня дерь?! — закричал он. — Что за дьявольщина?!

— Мессир! Ваше сиятельство! — воскликнул приглушенным голосом тот, кто вел коня. — Все потеряно, государь! Господь отвернулся от нас! Все погибло!

— Что случилось? Где армия? Где коннетабль Рутгер? Где Ренольд, барон Мараша? Где остальные? — князь кричал, сознавая, что иначе нельзя — собеседник отчего-то не слышал его. — Кто ты?!

Впрочем, Раймунд знал кто. Его оруженосец снова пришел к нему на помощь.

— Жюль, ваше сиятельство, — слышалось справа. — Это я, государь, ваш верный слуга.

— Почему я ничего не вижу?! — спросил князь, хотя и сам уже знал ответ, песок и грязь забились в смотровую щель «горшка», временно ослепив рыцаря.— Проклятье!

— Страшная буря обрушилась на нас,— продолжал Жюль.— Я, благодарение Богу, успел спрыгнуть с коня и лечь на землю, когда увидел, что творится. Так я и спасся и, благодарение Христу, смог помочь вам. Остальным Господь не послал счастья, и они, кто упав с коней, кто и с конями, сделались беззащитными. Я не знаю, что с ними случилось, чаю, худая доля выпала им. Язычники знали о надвигавшейся буре, и многие из них успели скрыться, наши же нет. Теперь все дело в том, как скоро неверные прискачут, чтобы добить их...

Задавать вопросы было бессмысленно.

— Сними с меня шлем! — закричал Раймунд.— Скорее!

— О мессир! — воскликнул оруженосец.— Обождите минутку, мне не хотелось бы терять времени. У нас есть шанс ускользнуть. Мы в лощинке. В конце нее есть лесок. Вы схоронитесь там, а я поднимусь на пригорок и посмотрю, что делается вокруг. Совсем скоро я помогу вам.

Не найдя, что возразить своему спасителю, князь попытался освободиться от шлема самостоятельно, но комья грязи и пыли так плотно забили пространство между кольчужным капюшоном, покрывавшим голову рыцаря, и стенками горшка, что достигнуть желаемого результата оказалось не так просто, как думалось всаднику. Прежде чем ему удалось избавиться от шлема, пришлось как следует повозиться. Но вот наконец Раймунд в сердцах отшвырнул ненавистный «горшок». Железная клетка!

Оруженосец сказал правду, как раз когда князь обрел возможность хоть что-то видеть, они достигли лесочка, о котором говорил слуга. Справедливости ради следовало сказать, это был даже не лесочек, не рощица, а так, заросли кустарника. Однако у того, кто забрался бы в них поглубже, появлялся шанс укрыться от не слишком внимательного ока.

Именно этого и добивался Жюль. Он помог сеньору слезть с коня и, поглаживая и шепча на ухо какие-то слова, уложил животное на траву.

— Теперь вы, государь, — проговорил он требовательно. — Ложитесь и ждите. Я поеду и посмотрю, как обстановка вокруг. После того как нам с вами удалось так удачно избежать всеобщей участи, было бы совсем обидно попасться теперь в лапы презренным язычникам.

— Хорошо, — кивнул князь, — ступай.

Он нехотя лег на траву и, чтобы чем-то занять себя, принялся вытирать лицо платком, который, прежде чем уйти, дал ему Жюль. Правда, платок этот только назывался платком, так, смятая в комок грязная тряпица, но Раймунд и ей был рад, проклятая пыль словно бы въелась в кожу, а что было всего хуже, немилосердно щипала глаза. Старания князя не приносили существенных результатов. Тогда он осмотрелся и, увидев поблизости маленькую лужицу, принялся полоскать в ней платок. Прополоскав его, Раймунд расправил материю и с удовольствием приложил ее к лицу.

Проделав эту процедуру несколько раз, он вдруг обратил внимание, что платок не простой, а шелковый, а значит, дорогой, кроме того, на нем имелись какие-то письмена. Поскольку Жюль все не появлялся, князь, расстелив платок, постарался прочесть то, что было написано на его покрытой бурными пятнами поверхности.

Тринадцать лет. Тринадцать лет
Пройдет, и ты
Лишишься власти и жизни.
В железной клетке
Вспомнишь ты о НЕЙ.

— Что? Что это такое?! — воскликнул Раймунд. — Что за чертовщина?! Откуда здесь это?! Что за дьявольщина?!

Он несколько раз перекрестился, закрыл глаза, потом открыл их. Надпись не исчезла, напротив, теперь, взглянув на платок внимательнее, князь увидел стоявшую в уголке большую латинскую «I». Получалось, что стихи неизвестного поэта принадлежали перу загадочного «I», на безуспешные розыски которого потратили несколько

месяцев едва ли не все мужчины и половина женщин, обитавших в дворце правителя Антиохии.

«Дьявол, но что же тогда выходит? — спросил себя Раймунд. — Не может быть! Зачем же тогда он спас меня под Бахрасом?! Нет, платок попал к нему случайно! Достался от какой-нибудь девицы. Да и не обязательно даже от той. Сколько их находили по всему дворцу?! Некоторые, случайно подобрав такой, шли на пытки. Конечно же, у Жюля платок оказался случайно!»

Князь был так поглощен своими размышлениями, что не замечал ничего вокруг. Тревожно всхрипнул конь, и это заставило хозяина приподняться и оглянуться.

Со всех сторон на него сверху вниз смотрели несколько десятков человек, неведомо как оказавшихся возле его убежища. Лицо одного из них сильнее прочих привлекало внимание Раймунда. Бородатый и широкоплечий, но очень низкорослый воин в короткорукавной кольчуге и металлическом шлеме, скрывавшем совершенно лишенную волос (князь знал это наверное) голову, широко улыбнулся и, коверкая язык франков, проговорил, сверля князя единственным глазом:

— Сдрастый кнас? Не аждал? Вставай! Хватыт ползат!

Раймунд с трудом поднялся:

— Ширку?

Услышав свое имя, воин расплылся в улыбке и обратился к кому-то, стоявшему у него за спиной, по-турецки, точнее, по-курдски, хотя, в общем-то, Раймунд большой разницы не видел, так как в отличие от большинства франков, долго проживших на Востоке, знал на языке врагов всего несколько слов. Однако то, что случилось дальше, поразило его до немоты. Вперед вышел... его оруженосец.

— Ты? — с трудом обретая дар речи, спросил князь. — Но зачем все это? Зачем тогда ты спас меня в той битве?

— Если бы тебя тогда взяли или убили, оставшиеся рыцари заперлись бы в Антиохии. Они смогли бы организовать оборону, и взять город оказалось бы куда труднее. А так, — Жюль удовлетворенно улыбнулся,

указывая куда-то в сторону,— почти все легли там. Некоторых повязали, сбежали десятка два, не больше. И твой дружок Али, гроза всего Востока, он тоже лежит вместе со всеми. Аллах отвернулся от него и предпочел помочь Нур ед-Дину, а Христос, похоже, и вовсе забыл о франках.

— Предатель!..— Раймунд схватился за меч.

— Я не предатель. Я — мститель!

— Но за что? За что ты мстишь мне?!

Жюль улыбнулся.

— Моя сестра служила королеве Мелисанде,— начал он.— Ее звали Аспазией, но она завидовала мне и хотела стать мальчиком. Она стала им. У нее был дружок, он так любил ее, что сумел превратиться в девочку. Он был ей вместо меня, потому что она всегда хотела, чтобы девочкой был я. Однако Бог пожелал разлучить нас, он решил, чтобы я служил княгине Алис, той самой, которую ты столь подло обманул. Мне в ту пору было девять, как Констанс, только что обвенчанной с тобой. Я видел, как мучалась моя госпожа, бедняжка угасала на глазах, удаленная в свой вдовый удел, и поклялся отомстить за ее страдания, а потом и за смерть сестры и ее дружка. Я стал Жюлианой и Жюльеном одновременно, я страдал за двоих как мужчина и как женщина. Мне было шестнадцать, когда королева Мелисанда отомстила мужу за то, что его палачи зверски пытали ее верных, ее любимых слуг. Я чувствовал мучения, которые пришлось вынести моей сестре и ее другу, и тело мое и душа содрогались от ужаса. Знаешь, как они умерли? Благочестивый король Фульке приказал насадить их на огромный вертел, специально сработанный ромейским механиком, и изжарить на медленном пламени костра. Час Фульке давно пробил, а теперь вот настала твоя очередь. Тринадцать лет истекли, звезды ни в чем не солгали...

— Но при чем здесь я? — спросил Раймунд ошарашенный так, будто во время осады со стены крепости ему на голову уронили огромный камень.— Я слышал о таких... уродцах, которые не хотят быть мужчинами, и наоборот. Народ зовет их бифорис или биформус и презирает.

— Тебе дорого обойдется презрение твоего народа, — ухмыльнулся оруженосец. — Хотя, если ты думаешь, что эти подлые скоты лучше относятся к тебе, ты заблуждаешься!

Однако Раймунда волновало другое.

— Но я же видел тебя в реке?.. — спросил он, не будучи в силах совсем побороть изумления. Вместе с тем князь не утратил и чувства юмора, так свойственного ему в молодые годы. — Хотя с таким клинком, как у тебя, пожалуй, лучше уж быть женщиной.

Жюльен лишь злобно фыркнул, а князь спросил:

— Скажи... это ты был тогда в саду?

— Я, — согласился оруженосец. — Я и король Франции. Как ты понимаешь, после того, что он видел, ни о каком походе на Алеппо не могло быть и речи. И это все устроил я, один только я! Я погубил тебя, князь Раймунд, я! Тринадцать лет я носил эту ненависть в себе, и вот я праздную победу.

— Так это ты подбросил платок? Решил сбить всех с толку?

— Ты догадлив, князь, — усмехнулся Жюльен. — Так догадлив, что спасу нет. Я хохотал, когда вы трясли всех этих Изабелл, Изольд и прочих дурочек, и никому, ни одному из вас не пришло в голову прижать прачку Жоветт. А ведь все эти имена на латыни пишутся с заглавной «I», как и Жюльен и Жюлиана, иначе Юлианна.

Пока шла беседа, турки стояли неподвижно, но Ширку все больше хмурился, его лицо начало принимать угрюмо-злой вид. Ему явно надоел длинный разговор на малопонятном языке франков. Курд что-то сказал Жюльену, тот ответил и вновь обратился к Раймунду:

— Прощай, князь. Я наслаждался твоим позором, и теперь буду жить, зная, что ты гниешь в тесной башне, в железной клетке, вспоминая меня, Алис и ее сестру, королеву Мелисанду. Ты будешь выть от злости, досады и отчаяния, что не можешь предупредить своих единоверцев, сказать им, кто их главный враг!

Ширку сделал знак воинам, и они начали спускаться.

«Ну нет! — подумал князь. — Какой смысл сдаваться в плен? Чтобы сидеть в башне, зная, что тебе никогда

оттуда не выйти? Никогда не сесть на коня, не повести рыцарей в атаку... Никогда, никогда не бывать этому, как никогда не шагнуть нам к прежним рубежам, что были при Танкреде и других первых крестоносцах. В свое время они не позаботились, не приложили достаточно сил, чтобы взять Алеппо и Дамаск. И мы не смогли сделать этого, предпочитая богатые откупы да дани настоящей победе. Если мы не смогли двинуться дальше на восток, значит, те, кто правит там теперь, или дети их, или внуки сбросят нас, или наших детей, или внуков в море. Впрочем... я даже знаю, когда это произойдет! Пророчество сбывается... — он вдруг вспомнил сегодняшнюю битву: — А какая славная была сеча!»

Последняя, последняя схватка! Последняя? Ну нет!

— Пу-а-а-тье! — закричал вдруг Раймунд и, свирепо оскалившись, устремился на врага. — Пу-а-а-тье!

Сарацины попятились в замешательстве, но Ширку так заорал на них, что они очертя голову бросились на князя.

Немало их пало в той неравной схватке, а когда Раймунд в рваной кольчуге, уже окровавленный и умирающий, прорвался на вершину склона лоцинки, последнее, что увидел он, было ухмыляющееся лицо подручника Нур ед-Дина.

Ширку, сделав знак своим, чтобы посторонились, поднял клинок.

В руке Раймунда оставался лишь жалкий обломок меча, того, которым опоясали его в самый памятный в жизни рыцаря день тридцать пять лет тому назад. Глядя в глаза противника, князь улыбнулся и стремительно выбросил вперед руку. Ему не хватило какой-то доли секунды. Свежий, отдохнувший противник оказался проворнее. Пропела сталь, и голова князя покатилась по траве. Из лоцинки донеслось тревожное ржание осиротевшего коня.

Все дальнейшее очень напоминало то видение, которое было Раймунду в день бесславной ассамблеи, когда рыцари Луи с тупым остервенением вопили: «На Дамаск! На Дамаск!» Из черепа князя Антиохии победи-

тель его, Ширку, приказал слугам сделать кубок, оправить в золото и послать в подарок халифу Багдада.

Весть о гибели князя достигла его столицы почти одновременно с появлением у ее стен победоносных войск Нур ед-Дина.

В те дня княгиня Констанс разрешилась от бремени четвертым младенцем. Им оказался мальчик, которого спустя несколько дней нарекли Бальдуэном, в честь поспешившего на помощь единоверцам короля Иерусалима. Дитя выросло и в свой черед сделалось рыцарем. Он прожил на свете двадцать семь лет и геройски погиб в страшном сражении армии базилевса Мануила с ордами султана Икониума у заброшенной крепости Мирюкефалон.

Но все это случилось куда позднее, а в те дни...

В те дни, когда отряды Нур ед-Дина разоряли княжество, а патриарх Эмери, не дожидаясь прибытия королевской дружины, пытался организовать оборону столицы, в город стекалось немало разного люда. Там же оказались и два молодых человека, рыцарь и его слуга, чудом ускользнувшие от преследования язычников под Араймой. Никто тогда не знал, что первому из двоих предстояло сыграть в жизни Антиохии далеко не последнюю роль.

Но это, как говорится, уже другая история. Следующая.

Часть третья
СИРИЙСКАЯ НАСЛЕДНИЦА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Все имеет обыкновение кончаться. И уже грядет день и час, когда (в который раз уже и не счесть) перевернется стоящая на столе у Господа Бога гигантская клепсидра. Уже исчезают в водовороте времени последние мгновения первой половины двенадцатого столетия, унося с собой сотни и тысячи безымянных душ. Уходит навсегда слава великих пилигримов прошлого, ибо на весах своих Бог с холодным безразличием машины отмерил и их век.

И вот-вот застучат мелкими капельками минуты, часы и месяцы первых лет второй половины двенадцатого столетия от рождества Христова. Потекут, полетят, помчатся они, набирая силу, отнимая ее у потомков тех, кто по зову святителей пришел сюда с крестом пятьдесят лет назад.

Годы? Века? А ведь у всех они свои, поскольку у каждого народа свой календарь.

В Европе и в Центре Мира, в Святом Городе Иерусалиме, где на отцовском троне правит юный король Бальдуэн Третий, годы исчисляют от Рождества Христова. В соседнем Дамаске доживают свой век потомки

эмира Бури. В страхе поглядывают они на север — что-то удумал там опасный сосед единоверец? Тут, следуя завету пророка, измеряют время по лунной хиджре, и потому у них середина четвертого десятилетия пятого века. Впрочем, в Алеппо у атабека Нур ед-Дина, которого так боятся в Дамаске, год и месяц те же. Еще севернее кое у кого, несмотря на общую с соседями веру — Аллаха с Муххамедом — век тот же самый, пятый, но десятилетие *третье*, и оно уже перевалило за половину, можно сказать, близится к концу.

В Византии и в утопающих в кровавых междоусобицах княжествах духовной ее наследницы — Руси годы считают от сотворения мира. И тут и там все, и тысячелетие, и век, и десятилетие — шестые, только в Константинополе императорские хронисты привыкли исчислять время мудренными индиктами, и год начинается осенью, а в Киеве, как повелось с еще дохристианских времен, — весной.

Однако, несмотря на различие или, наоборот, сходство религий, на близкое или дальнее родство, все воюют между собой, лишь время от времени заключая короткие или более длительные перемирия. Делается это только для того, чтобы, передохнув или пововав с другим соседом, вновь разорвать «вечный мир», нарушить крестное целование или другие, не менее суровые клятвы, преступить которые — страшный грех. Что поделаешь? Грешен человек. Грешит он и кается, а потом снова грешит, так уж повелось.

На далеком хмуром Северо-Западе, в Лондоне грядут перемены, здесь уже практически отжила свои последние дни нормандская династия, последний представитель которой, король Стефан, внук Вильгельма Завоевателя, вот-вот уступит английский трон герцогу Нормандии, сыну «императрицы» Матильды и Годфруа Плантагенета. Сосед их, король Франции Луи Седьмой, так и не добывший славы в крестовом походе, прибыл в Париж в расстроенных чувствах. Он никак не мог решить, с кем ему помериться силами, с вероломным Мануилом и его льстивыми вельможами или с занявшим престол Нормандии Анжуйцем Анри, будущим королем Англии (английские историки скоро станут

называть его Генри Плантагенетом, все прочие Генрихом Вторым Английским).

Но все решилось само собой, уже очень скоро Людовику стало не до Мануила. Да и то сказать, где уж тут вспоминать прошлые обиды, когда под боком такое творится?! Мало того, что под контролем островного суверена вскоре оказалась половина Франции (у Анри теперь больше земли, а значит, больше вассалов и воинов, чем у Людовика!), он еще и не побрезговал взять себе в жены «разведенку» наследника Капета, резонно рассудив, что такие дамочки на улицах Лондона не валяются.

В Испании христианам не до серьезных усобиц, им ближе единство, формирующаяся нация в кровавой борьбе отвоевывает себе территории у размякших и ослабевших мусульманских владык. Правда, орды язычников берберов, альморавидов, остановили было реконкисту, но, спасибо их единоверцам и соплеменникам альмохадам, последние изрядно потрудились над тем, чтобы избавить христиан от хлопот с первыми. Тем временем английские и фламандские крестоносцы по пути в Палестину помогли графу Оporto превратить свое государство в королевство Португальское со столицей в Лиссабоне. Бедные рыцари с берегов Ла-Манша так и не добрались до Святой Земли, отныне стали они португальцами, подданными новоиспеченного короля Альфонсо-Энрико. Что ж, их трудно упрекнуть в нерадении делу христиан, ведь в Испании мавров ничуть не меньше, чем в Сирии и Палестине.

Норманнский король Обеих Сицилий Рутгер Второй, продолжая традиции отца и дяди, великого Роберта Гвискара, не дает покоя схизматикам ромеям. Базилевс Мануил, призвав в помощь схизматика (от схизматика слышу!), императора Священной Римской империи, Конрада Германского, готовит ответный удар. У христианнейшего короля Конрада свой резон не любить правоверного христианина Рутгера, последний уж больно осильнел, вон как много земли нахватал, этак всю Италию проглотит, а она — вотчина императоров.

К слову заметим, немного еще лет-песчинок осталось на долю славного немецкого крестоносца во второй

половине двенадцатого столетия. Конрад умрет в 1152 году, немного не дотянув до шестидесяти, и уступит престол Фридриху Рыжебородому. То же и Рутгер, он всего на два года переживет Конрада.

На Руси Киевской все не утихает смута, брат восстанет на брата. По примеру римских императоров древности, не брезговавших штурмовать Вечный Город, как девку силой берут князя Мать городов русских. Но сила — она и есть сила; народу еще не совсем все равно, кто им правит, за кем правда, а потому не сидится на отнем столе мономашичу Георгию Долгой Руке. Гонят сородичи и сограждане старика вон из Киева, иди, мол, к себе в Суздаль, там твое княжество. А он не идет, серчает, не милует, головы сечет.

Да и что Георгию Суздаль да вновь «открытая» Москва (тоже еще городишко!)? Князю великий стол подавай — киевский!

Между тем повесть наша не о них, а о том, что в уже упомянутую нами пору происходило с одним из блудных сыновей старушки Европы.

Напомним, что искателя счастья звали... а вот тут-то сразу и возникает проблема — как его на самом деле звали? Ренольд? Да. Или Райнальд, то есть Райнальдус? Или Регинальд? А может быть, Реджинальд? Или Рено? Да, Рено! Именно Рено, ведь он же француз! У современных нам авторов встречается даже совсем уже невесть откуда взявшийся Рене. (Кто такой? Почему не знаю?)

Впрочем, с наших современников спрос не велик, а вот один из летописцев эпохи, в которую жил наш герой, упоминая о нем пренебрежительно называл его *Ренаλδωτινι* — некий Ренольдо. Автор известной хроники двенадцатого столетия, слуга барона Утремера Балиана Ибелинского, Эрнуль, не слишком заботясь о правилах правописания, иной раз называет Ренольда *Renaut*, в другом случае (буквально в следующей строке) — *Renaud*. У иных летописцев встречается даже вариант — *Renauz*. Сам же рыцарь на печати своей вокруг изображения лебедя велел выбить — Ренальдус (*Renaldus Montis Regalis Dominus*). Враги величали его Арнаутом,

принцем Арно. (Скажем по секрету, иные из них уверяли даже, что не человек он, а волк-оборотень.)

Мы же, перебрав все вышеприведенные варианты звучаний этого имени, нашли, что правильнее всего остановиться на Ренольде, так в дальнейшем и будем называть храброго искателя приключений из Шатийона.

Видно, лебедь в гербе не давал ему покоя, звал рыцаря к далеким странствиям. Как и всякий честолюбивый молодой человек, он надеялся, что именно его и поджидает великое счастье, грандиозная удача. Но Фортуна, едва поманив его пальчиком, снисходительно, едва ли не презрительно даже, улыбалась и отворачивала от пылкого юноши лицо. Сказочные видения, гордые мечты будоражили ум и душу Ренольда. Взлеты и падения стали уделом неутомимого искателя счастья.

Он изведal на себе и на своих соплеменниках коварство подданных базилевса Мануила: подлые грифоны научили Ренольда и многих других пылких сердцем, горячих и скорых на решения идеалистов с Запада всей душой ненавидеть лстивых рабов боговенчанного самодержца Второго Рима. Ренольд зачастую видел в них, куда больших врагов, чем в неверных, воевать с которыми за идеалы христианства и отправился на Восток.

Но оставим до поры до времени Византию и вернемся в столицу княжества сирийской наследницы. В начале июля 1149 года жителям Антиохии, куда только что долетела весть о гибели ее князя Раймунда де Пуатье и куда, едва спасшись от преследования турок, из пределов соседнего Триполи, прибыл в сопровождении своего верного оруженосца Ангеррана Ренольд, было не до симпатий и антипатий. Настоящей смертельной угрозой им стал восточный сосед.

A.D. MCXLIX—MCLII

I

Нанеся сокрушительное поражение Раймунду, Помощник Аллаха, Звезда Ислама и Заступник Правоверных, аль-малик аль-адиль, атабек Нур ед-Дин Абу Аль-

Касим Махмуд ибн Имад ед-Дин Зенги спешил поскорее прибрать к рукам и его владения.

Победоносные орды турок и курдов наводнили пределы княжества. Сметая все на своем пути, они прошли вдоль и поперек его территорию от восточной границы до побережья с гаванями Сен-Симеон и от самых Сирийских Ворот до замков Арзхан и Тель-Кашфаан, которые немедленно пали. Страшная участь превратиться в мусульманских рабов грозила жителям Латтакии и Джабалы. Города устояли, но что они без Антиохии? Главным объектом приложения сил мусульманского полководца оставалась, конечно, столица.

Горько было видеть, как толпы беженцев единоверцев (они в те дни отовсюду стекались в еще не захваченные врагом города), оказавшись перед запертыми воротами, в панике метались под стенами, невыносимо было слышать их плач, их мольбы. «Пустите, пустите нас! Отворите нам ворота! Или вы не веруете в Господа?! — кричали они. — Или вы язычники, чтобы обречь христиан на муку?! Пустите нас!»

Но те счастливы, что оказались за мощными стенами, зажимали уши, зажмуриваясь, закрывая сердца свои для жалости, ибо, уже переправившись через Оронт, скакали к обреченным одетые в войлок бородатые всадники на маленьких лошадаках. Иные женщины, прижимая к груди младенцев, бросались под копыта коней победителей, предпочитая смерть бесчестьем, другие становились на колени, смирившись с участью, за грехи уготованной им Богом.

Впрочем, для некоторых шанс все же оставался, они успевали схватиться за веревки, сброшенные с высоких стен. Самым выносливым удавалось добраться до верха. Но другие, истощенные изнурительным переходом, жаждой и голодом, никак не желали верить, что им не по силам спасенье. Они десятками, отпихивая друг друга, хватались за канаты и висли на них виноградными гроздьями.

Порой веревки не выдерживали, и несчастные падали вниз, разбиваясь насмерть или становясь беспомощными калеками. Турки, отогнав пленных подальше, подъезжали к самым стенам и, спешившись, деловито

обшаривали лохмотья мертвых и раненых, не отказывая себе в удовольствии прирезать тех, кто еще дышал. Захватчикам никто не мешал, и они, покончив с делами, смеялись и грозили перепуганным защитникам, обещая вскоре быть у них в гостях, при этом медленно, но выразительно проводя кинжалами возле горла.

Это не оставляло безучастным как знатного горожанина, приведшего на стены свою вооруженную дворню, так и простого воина, командовавшего десятком горожан победнее. Стоя плечом к плечу, они нет-нет да и задумывались о том, как близки неверные к тому, чтобы выполнить свои угрозы. Настоящих бойцов в городе оказалось не больше полутысячи, это на десятимильную-то стену! Тех, что оставались в цитадели, считать не приходилось — их долг оборонять княгиню с детьми, перебравшуюся в замок сразу же по получении известия о смерти мужа.

Однако, как ни печально бывает положение, все же и в такой критической ситуации найдется место пусть и нервному, но веселью.

— Эй! Эй, смотри, Орlando! — крикнул один из христиан, указывая на раскачивавшегося на веревке человека (такая пыль поднялась вокруг, что и не поймешь по лохмотьям, кто это, мужчина, женщина или подросток).— Вот дает!

И правда, зрелище стоило того, чтобы привлечь внимание хмурого начальника, которому, как специалисту в области поддержания порядка в городе, и в мирное время хватало хлопот, а теперь и вовсе не приходилось вспоминать об отдыхе.

Начальник караула посмотрел туда, куда указывал солдат. Некто, пока не опознанный, оказался первым, кому удалось вскарабкаться до середины последней из сброшенных со стены веревок. За ним лезли другие — не менее дюжины. Защитники стен, как будто бы пожалев о своей несвоевременной доброте (турки ведь тоже могли воспользоваться канатом), хотели уже обрезать веревку, как вдруг она сама оборвалась, причем так, что на ней остался один-единственный человек.

Он, цепляясь за конец, раскачивался в разные стороны и смешно дрыгал ногами. Однако сил у несчаст-

ного беженца оставалось мало, и как-то не верилось, что ему удастся спастись. К тому же турки, оставив мертвецов и раненых, валявшихся на земле, начали пускать в него стрелы. Пока они не попадали в цель, но лишь пока.

— Собаки язычники! — проворчал Орlando, едва сдерживавший бешенство.— Сволочи! Нечестивцы!

Однако, увидев, что один из его воинов поднял свой арбалет, собираясь выстрелить, начальник караула строго прикрикнул на него:

— Нет! Нельзя!

— Что ж? — с негодованием спросил воин.— Пусть пропадает христианская душа? Ведь они убьют его!

— Патриарх, княгиня и главнейшие мужи города не велели вступать в перестрелки с неверными,— нехотя напомнил Орlando.— Они надеются откупиться от нечестивого магометанского пса.

— А если он потребует открыть ворота? — воскликнул солдат, который руководил горожанами, оборонявшими тот самый участок стены, куда пришел с проверкой Орlando.— Мы тоже вот так запросто согласимся, чтобы эти собаки перерезали нас и наших детей?!

— А тех тебе не жаль, Кармино? — спросил начальник стражи, указывая на упавших вниз из-за оборвавшейся веревки.

Некоторых, приземлившись менее удачно, турки прикончили, а других погнали прочь от стены, навсегда лишая шанса на спасение.

— Им уже не помочь,— хмуро отозвался солдат.— А вот он...

У человека, чья судьба так взволновала оборонявшихся, такая возможность еще оставалась. Ему как раз удалось подтянуться и уцепиться ногами за конец веревки. Он начал продвигаться дальше. Большинство всадников оставили христианина в покое, кроме двух, видимо побившихся об заклад, кто из них скорее попадет в мишень.

— Господь да поможет ему,— вздохнул Орlando, собираясь спуститься по ступенькам вниз, в город. Сделать это он, однако, не успел. Лука у Кармино не

было, зато имелся меч. Потрясая им, воин закричал по-арабски:

— Эй вы, сволочи! Оставьте его! Мало вам остальных? Не насытились нашей кровью?! Хватит вам, собачьи дети! Убирайтесь! Подите вон, шакалы!

Свистнула стрела, потом другая. Кармино (ему, видимо, не впервой случалось оказаться в переделке) ловко прикрылся щитом, но кого-то из не имевших опыта горожан, высунувшихся из-за каменных зубцов, ранило. Он с криком упал на камни стены. (Она была настолько широка, что говорили, будто в старину правители в праздничные дни ездили по ней на колеснице, запряженной квадригой лошадей.)

Пользуясь тем, что сарацины-спорщики отвлеклись, прежний объект их внимания, яростно работая руками и ногами, уже почти добрался до спасительных зубцов. Тут он, однако, посмотрел вниз, чтобы удостовериться, что турки совсем забыли он нем, и чуть не упал.

Это обстоятельство заставило Орlando мгновенно забыть о своем вынужденном миролюбии. Он и некоторые из его стражников бросились к бойницам, натягивая тетивы, но выстрелить не успели. Оба сарацинских лучника один за другим сползли с коней, а в башне, расположенной шагов за сто от места событий, раздались чьи-то радостные вопли.

— Нашелся кто-то посмелее тебя, Орlando! — не скрывая радости и восхищения удалью стрелка из башни, закричал Кармино. — Молодец! Молодец, друг! Молодец, кто бы ты ни был!

Тем временем, не успев счастливым, цеплявшийся за веревку, вскарабкаться на стену, как язычники, товарищи тех двух конников, которых убил неизвестный нарушитель приказа патриарха и Высшей Курии княжества, устремились к стенам, осыпая обидчиков градом стрел. Однако защитникам города, которым теперь никто уже не мог запретить ответную стрельбу, старания врагов вреда причиняли мало. Зубцы надежно закрывали арбалетчиков-франков и лучников из числа сирийцев и греков. Почти никто из них не пострадал, чего нельзя сказать о сарацинах. Некоторые из них попадали с коней, остальные, не желая подвергать себя

опасности, поспешили, на ходу опорожняя колчаны, покинуть поле битвы, бросив раненых товарищей. Оборонявшиеся не могли отказать себе в удовольствии поупражняться в стрельбе, избрав мишенями оставшихся лежать под стенами турок.

Личность стрелявшего из башни для многих осталась неизвестной. Зато чудесным образом спасенный смельчак сделался настоящим героем дня. Каждый хотел посмотреть на него, коснуться того, кому помог сам Господь. А как иначе объяснить такое везение? Ведь все прочие его спутники стали жертвами злобных язычников. Оборвись веревка всего на локоть выше, точно такая участь постигла бы и его. А если бы не храбрец стрелок из башни, начавший перестрелку, несчастного точно убили бы.

Вместе с тем облик спасенного не мог не разочаровывать. Маленький, щуплый парнишка в донельзя грязных лохмотьях, с бурым от пыли лицом, вот кого выбрал Господь! Любой из защитников Антиохии предпочел бы, пожалуй, чтобы Бог почтил своей милостью кого-нибудь другого. Юноша казался ужасно перепуганным и совсем не выглядел бойцом, а ведь, как известно, в городе хронически не хватало мужей, искусных в военном деле. Собственно говоря, настоящих рыцарей набралось бы едва ли более трех десятков. В основном это были те, кому чудом посчастливилось уцелеть в страшном побоище под Инабом, и те, что не пошли с князем из-за болезни, но попадались и оказавшиеся в Антиохии совершенно случайно. Их, как говориться, послал сам Бог.

Впрочем относительно того, кто именно послал некоторых из них, у патриарха Эмери, сделавшегося вследствие гибели князя признанным главой обороны, имелось иное, вполне определенное мнение. В то время как счастливо спасенный христианин отправился на поиски пристанища, а Кармино с товарищами строили догадки относительно личности неизвестного стрелка, патриарх велел призвать к себе в покои возмутителя спокойствия для приватной беседы.

Эмери не удивился, когда узнал его имя. Как скажали бы мы теперь, знакомые все лица. Однако, несмот-

ря на то что его святейшество пребывал в весьма сильном раздражении, он все-таки старался говорить не повышая тона. По крайней мере вначале.

— Известно ли вам, сын мой, какие меры я уполномочен принимать к нарушителям? — спросил он и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Я имею все основания заключить вас под стражу до суда, шевалье Ренольд.

Патриарх никак не ждал того, что услышал.

— Да, монсеньер,— без всякого почтения произнес рыцарь.— Заприте в башне еще и тех, кому оказалось невыносимо смотреть на страдания несчастного и кто своими действиями показал язычникам, что намерен драться! Драться, черт их подери!.. Извините, монсеньер, вырвалось. Драться, а не сидеть и ждать, когда нечестивые псы переберутся через стены на глазах у тех, кого вы поставили держать оборону, запретив пользоваться оружием...

Глаза молодого человека пылали огнем, который Эмери скорее назвал бы дьявольским, чем ниспосланным Богом. Затылок младшего сына графа Годфруа Жъенского, был по обычаю многих европейцев коротко подстрижен, впереди же прическа его напоминала копну соломы. Светло-русые пряди падали на лоб. Чтобы хоть как-то придать шевелюре форму, рыцарь стянул волосы на лбу ремешком.

Молодой кавалларий стоял, гордо подняв бритый подбородок, но кончики его длинных пшеничных усов гневно подрагивали, когда он говорил, тонкие губы то и дело кривились в неприязненной ухмылке — Ренольду едва хватало сил скрывать свое отношение к собеседнику. Забияка невзлюбил главного пастыря Антиохии сразу, патриарх испытывал к чужаку похожие чувства.

«И вот опять эти пришельцы, гости из-за моря! Век бы их не видел!» — думал святитель, как-то забывая, что и сам отнюдь не родился на Востоке, поскольку происходил из Лиможа.

— Вы... вы... — патриарх все же сумел сдержаться и не закричать. — Вы не понимаете, что происходит! У меня нет людей! Если Нур ед-Дин осмелится предпринять штурм, нам не выстоять!..

— Поэтому вы и решили, что и пробовать не стоит? — ухмыльнулся Ренольд и добавил: — *Ваше* святейшество.

Полное тщательно выбритое лицо патриарха пошло красными пятнами.

— Вы не понимаете, что говорите, сын мой, — твердо проговорил святитель. — Нур ед-Дин встал лагерем под стенами, сколько времени понадобится ему, чтобы привести из Алеппо осадную технику? До его столицы всего-то каких-нибудь два десятка лье. То, что сделали вы, — провокация. В то время как я послал гонцов к язычнику с просьбой принять дань и не трогать города, обещав, что мои люди не будут проявлять враждебности, вы убиваете его солдат...

Ренольд слушал патриарха, не скрывая презрительной гримасы, и с каждым следующим словом Эмери только больше кривился.

Сказать по правде, молодой человек и сам дивился своей меткости. Вот уж не даром говорят, что новичкам везет! Он никогда не убивал людей из арбалета. Почти никогда. Рыцарское оружие — копье, меч и секира, а не чанкра⁵⁹ и лук. Хотя Ренольд, как и полагалось доброму воину, умел метко стрелять, он всегда помнил, что проявлять таланты в искусстве поражения мишеней дворянину уместно только на охоте.

Если бы турки (не конкретно те, которых они с Ангерраном подстрелили, а вообще все их чертово племя) так сильно не разозлили его, храбрый кельт возможно досмотрел бы спектакль до конца. Однако он никак не мог забыть того, что по милости проклятых язычников лишился возможности получить пусть и не слишком большой (лиха беда начало!), но все же фьеф. Принесло же нехристей под Арайму! Какой теперь фьеф?! Последних двух солдат потерял по дороге. Один-единственный конь да верный оруженосец — вот и все, что осталось у Ренольда. А как радовался он, что удалось добраться до Антиохии?! И вот на тебе! Пришел, а тут язычники, куда ни посмотри! Но более всего было жалко лошадей.

Рыцаря в общем-то мало волновала судьба жалкого беглеца, болтавшегося на веревке. Пилигрим и сам не

знал, что заставило его взять у воина заряженный самострел. Ренольд подмигнул оруженосцу (тот в последнее время постоянно носил с собой охотничий лук), и оба, прицелившись, разом отпустили тетиву. Получилось недурно, и теперь многие из тех, кто знал про случай на стене, поглядывали на чужаков с уважением. Так или иначе, но Ренольд немного отвел душу.

Именно немного, потому-то он едва сдерживался, чтобы не сказать отчитывавшему его мерзкому попу все, что о нем думал.

Молодой человек знал, что многие недовольны политикой патриарха, но не смеют высказаться открыто, понимая, что сейчас не время для разногласий и надо выполнять волю стоящих у власти. Высшая же Курия княжества приняла решение любой ценой добиться мира с Нур ед-Дином. Председательствовать в ней полагалось князю, по смерти его — княгине, та же еще не оправилась от родов, значит, фактически оставался только Эмери. Получалось, как ни поверни, а главный именно он.

«Вообразил себя командиром,— со злостью думал Ренольд, понимая, что патриарх — хозяин положения.— Проклятый святоша! Жалкий трус!»

Между тем святитель продолжал:

— Мы побеждены! У нас нет войска. Все, что мы можем,— уповать на милость Господа и делать все от нас зависящее, чтобы язычник ушел, удовлетворившись данью. Погиб князь, погибли все главные его вассалы, у меня лишь кучка рыцарей и городская стража. О жителях я не говорю, они торговцы и ремесленники, а не... солдаты!

«Точно! Они такие же воины, как ты — полководец!»

— Мы разбиты, но *не* побеждены,— воспользовавшись маленькой паузой, сделанной патриархом, заявил Ренольд.— У нас двадцать тысяч народу. Если дать всем оружие и выставить на стены, турки не сунутся. Их не больше пяти тысяч, и у них нет никакой осадной техники, даже лестниц. Если бы они на самом деле ждали прибытия катапульта из Алеппо, то начали бы

расчищать площадки для их установки, строить хотя бы лестницы. Думаю, неверные просто пугают нас. Но и мы могли бы напугать их. Например, если выжечь степь вокруг города, им вообще будет не до осады. Они постараются унести подальше ноги. А тем временем подойдет с войском его величество король Бальдуэн. Тогда чертов язычник призадумается, стоит ли в ближайшее время вообще соваться сюда...

— Вы одержимы! — взвизгнул Эмери. — Вы даже не понимаете, какой непотребный бред изрыгает ваш рот! О каких двадцати тысячах идет речь? Мужчин, способных носить оружие, всего-то *две* тысячи! Две, да большинство из них как раз только и могут, что *носить* его, и понятия не имеют, как сражаться.

— Монсеньер, а кто говорит, что они должны сражаться? — усмехнулся Ренольд. — Пусть неприятель видит их с оружием, и того довольно. Выгоните на стены всех, ваше святейшество! У тех, кто не захочет идти, возьмите в заложники детей. Повесьте десяток-другой грифонов для острастки. Если они *не способны* драться, так, может быть, окажутся *способны* повисеть в назидание другим?..

Патриарх, глава обороны Антиохии, менее всего нуждался в советах какого-то выскочки, которого призвал только для того, чтобы прочесть ему нотацию. Он хотел объяснить ретивому юнцу всю степень его заблуждения и вредность, даже пагубность непродуманных поступков.

— Я сам знаю, что нужно делать, шевалье, — очень жестко проговорил Эмери. — Если сделать так, как вы говорите, эти самые грифоны чего доброго тайком откроют ворота язычникам. Вы приехали недавно и не понимаете, что нас тут меньшинство: на десять горожан придется едва ли два латинянина, часть из которых полукровки, столько же или немногим больше — армян и сирийцев, а половина — схизматики-ромей. Иные ненавидят нас больше, чем неверных. Церковь тратит уйму сил, чтобы примирить их, заставить слушаться наших клириков, а вы хотите устроить в городе бунт в то время, когда за стенами его стоит грозный неприятель...

Поскольку рыцарь молчал в задумчивости, патриарх, решив уже, что сумел хоть как-то вразумить не в меру горячего молодого человека (Эмери был едва ли не вдвое старше своего двадцатитрехлетнего собеседника), продолжал:

— Сын мой, я имею право заключить вас в подвал цитадели, но не хочу делать этого. Вас, несмотря на возраст, многие характеризуют как храброго и умелого воина. Город нуждается в таких, но... я *прошу* вас воздержаться от подобных действий в дальнейшем. Завтра или послезавтра язычник, Бог даст, примет наше посольство, а там...

— Я ошибся, — очень тихо произнес Ренольд, — тут даже тремя десятками не отделаешься! Вешать надо сотнями... И что до меня, то я бы начал с попов. С самого главного...

— Что? — вскинул голову патриарх, отвлеченный собственными мыслями. — Что вы сказали, сын мой?

— Я сожалею о своем поступке, ваше святейшество, — с искусно разыгранным смирением начал рыцарь. — Просто мне, как христианину, тяжело смотреть, как гибнут мои единоверцы... Благословите меня, пусть Бог пошлет мне терпение.

Эмери едва скрывал радость:

«Ну слава тебе, Господи! Осознал!»

Ренольд опустил на колено и приложился к руке патриарха. Ох, если бы Эмери видел выражение лица «смирненного раба Божьего»!

— Я рад, что ты раскаялся, сын мой, — уже совсем примирительным тоном проговорил патриарх. — Отправляйся выполнять свой долг воина. Ступай.

Едва рыцарь ушел, в комнату, где патриарху только что пришлось вести малоприятную беседу, вошла высокая светловолосая молодая дама в очень красивом платье.

Полное лицо святителя преобразилось, осветившись радостной улыбкой. Груз забот и тяжкие думы разом отступили.

— Клара! — воскликнул Эмери. — Клариссима!

Женщина заключила патриарха в объятия; чтобы поцеловать его в губы, ей пришлось чуть-чуть нагнуться.

— Мой маленький апостолик,— произнесла блондинка медоточивым голосом и рассмеялась.— Мой святой Аймерайх...

Говорила женщина с сильным немецким акцентом. Он и была немкой, дочерью тюрингского барона. Выйдя замуж за набожного лотарингского рыцаря, Клара, как и полагается верной жене, отправилась с ним в Святую Землю. В пути паломница успела сделаться матерью. Однако счастье ее продлилось недолго, дитя умерло, как, впрочем, и его отец, последним пристанищем обом стало кладбище в Антиохии. Женщина нуждалась в утешении, которое и нашла у высшего церковного иерарха Северной Сирии⁶⁰, где по воле Божьей ей было суждено обрести новый дом.

Южанин Эмери и северянка Клара (пылкий любовник называл ее Клариссима, что значит наичистейшая) очень подходили друг другу. Они оба, он — приземистый и полный брюнет, она — высокая и худощавая (по сравнению с большинством женщин своего времени) блондинка, прекрасно дополняли один другого. И не только внешне; патриарх испытывал потребность в Кларе не только как в сексуальной партнерше, готовой исполнять все его прихоти, но и как в советчице, он, и не безосновательно, считал ее женщиной очень неглупой.

— О Клариссима! — воскликнул Эмери.— Не гневи Господа, моя белиссима, нельзя называть меня апостоликом.

— Господу это все равно, мой несравненный Аймерайх,— вздохнула блондинка.— Ему нет дела не только до того, как люди называют друг друга, но и до того...— она вздохнула и закончила: — Разве бы он допускал кого попало на папский престол, если бы хоть чуточку заботился о нас?

Эмери принялся испуганно вращать головой. Немного успокоившись, он сказал:

— Господу, Клариссима, может, и все равно, но не людям. Папа Евгений весьма достойный, более того, крайне благочестивый человек...

— Тут нам нечего бояться, мой Аймерайх,— успокаивающим, точно журчание речки или плеск прибоя голоском произнесла блондинка.— Тут ты, мой Бог, мой Аймерайх.

Имя патриарха на германский манер звучало Аймерих (или Адемарих)⁶¹. Корректируя произнесение последнего слога, изменяя его с «rich» на «reich», вдова лотарингца существенно меняла смысл слова, превращая своего покровителя из человека по имени Эмери в Эмери-властителя. Такая «оговорка» необыкновенно льстила патриарху, хотя внешне он, как и подобает особе высокого духовного звания, старался не показывать вида. Но кому, как не Кларе де Бренни, было знать о том, что творится на душе у честолюбивого святоши?

Когда обмен любезностями завершился, блондинка сказала:

— Этот человек опасен, мой повелитель.

— Ты говоришь о том наглеце, что только что ушел отсюда?

— Да, мой Аймерайх,— кивнула Клара.— Он очень опасен.

— Но он всего лишь простой рыцарь,— неуверенно возразил патриарх.— У него даже нет здесь никакой собственности. Кончится осада, и он уедет куда-нибудь еще...

Говоря это, святитель искренне надеялся, что именно так и произойдет, но все же на душе у него скребли кошки, он чувствовал, что в чем-то подруга права.

А она продолжала:

— Ох-хо, мой Аймерайх, ты очень мягкосердечен. Он очень опасен. Такие, как он, любят только воевать, они не дают людям жить спокойно. Умножая число таких, как он, в городе, ты подвергаешь опасности не только свою мудрую, продуманную политику, но и жизнь. А собственность? Собственность — не проблема. Ее недолго и дать, тем более сейчас, когда многие уделы лишились своих господ. Наверняка найдутся лица, заинтересованные в этом смутьяне, твои противники, ведь их немало...

Эмери молча кивал, обдумывая слова подруги, и, когда та, заметив, что он почти не слушает ее, сделала

паузу, произнес тоном, исполненным напускного спокойствия:

— Нет, моя прекрасная Клара. Этот человек опасен не больше, чем муха. Если он попытается зайти слишком далеко, мне придется просто раздавить его. В подвалах цитадели место для таких, как он, всегда найдется. Никто не станет поддерживать нарушителя приказов Высшей Курии, особенно теперь, когда идет война. Пусть только попробует! Пусть только попробует выкинуть еще что-нибудь подобное... Нет. Нет. Главное сейчас не он, а нехристь и его орды, которые угрожают городу.

— Язычник уйдет,— уверенно сказала она.— У него нет ни достаточных сил, ни необходимой техники, чтобы штурмовать город. Если только кому-нибудь не придет в голову попытаться помочь ему и тайно открыть ворота... А о том, что будет *после того*, как он уйдет, следует позаботиться уже сейчас. И *это* куда важнее.

— Хорошо, хорошо,— закивал Эмери,— я позабочусь, Клариссима, я обязательно позабочусь, любовь моя. А сейчас,— патриарх указал рукой в сторону портьеры, за которой скрывался вход в маленькую спальню,— мне бы так хотелось ненадолго забыть обо всем...

— О мой Аймерайх,— лукаво и кокетливо улыбнулась Клара,— я так рада помочь тебе отвлечься от трудов и раздумий... Идем же скорее, мой апостолик, мой повелитель!

Патриарх вовсе не чувствовал себя таким уверенным, каким хотел казаться, успокаивая Клару. Ему и правда очень хотелось забыть о многом, в том числе и едва ли не в первую очередь о заморском смутьяне. Однако последнее оказалось самым сложным — именно в эту жаркую июльскую ночь Эмери впервые приснился тот ужасный сон, что нет-нет да и виделся ему потом больше двадцати лет, заставляя всякий раз просыпаться с криками и в холодном поту.

Начиналось сновидение вполне пристойно. Стоя в соборе святого Петра, Эмери вел службу, все находилось на своих местах, всё шло как подобает. Вот только в какой-то момент святитель заметил, что исчезла паства, еще минуту назад заполнявшая собой весь огромный храм, потом пропали певчие, потом служки, потом дьяконы, и вот, наконец, он остался один. Однако, как ни парадоксально это звучит, служба, несмотря ни на что, продолжалась. Но недолго.

Внезапно где-то под самым куполом раздался треск, потом грохот, затем оттуда стали падать куски кирпичей и облицовки. Эмери понимал, что началось что-то страшное, возможно землетрясение, хотя сколь-либо серьезных толчков, как уверяли старожилы, не происходило уже пятьдесят лет. Нужно было немедленно бежать прочь из собора на улицу, но... ноги патриарха словно бы приросли к полу, святитель не мог сделать ни шагу и продолжал стоять под каменным дождем.

Однако Господь, видимо, желал лишь испытать его, поскольку, когда ужас закончился, оказалось, что ни один кирпич, ни один камень не задел монсеньера Эмери. Он совершенно не пострадал, только красные и синие ризы его, расшитые яркими изображениями диковинных животных и сказочных существ, покрыл толстый слой пыли и извести, а святительский омофор⁶² из белого сделался серым.

Патриарх стоял, ожидая, когда рассеется поднявшаяся пыль и когда Господь подаст ему какой-нибудь знак; ибо как еще расценить случившееся чудо, если не как желание Бога говорить со смиренным слугой своим? Тем не менее время шло, а ничего не происходило. И вот наконец святитель услышал шум, быстро приближавшийся, правда не с Небес, а с... улицы. Через несколько секунд сделалось возможным различить, что это точно не дыхание Святого Духа, а грохот лошадиных копыт. И вот уже звонкое цоканье подков по мозаичному полу собора гулом отдается под самым его куполом, точнее там, где он еще недавно находился.

Всадники ворвались в храм Божий. Кто они? Конечно, варвары! Язычники! Неверные! Кто же еще

осмелится на такое святотатство?! Но о ужас! Патриарх увидел перед собой западных рыцарей, католических воинов, как именовал своих солдат герцог Гвискар. Дальше — хуже.

Внезапно Эмери разглядел лицо первого из рыцарей, его длинные пшеничные усы, спускавшиеся ниже бритого подбородка, и непослушную светло-русую прядь, выбивавшуюся из-под шлема.

— Вы? — в удивлении прошептал патриарх, но не услышал звуков своего голоса.— Опомнитесь, сын мой! Вы в храме Божьем!

Ренольд лишь хищно улыбнулся и сжал шенкелями бока великолепного белого жеребца. Конь подался вперед, наезжая грудью на святителя. Последний все еще чувствовал, что будто прирос к полу, и потому не мог сделать ни шага назад.

— Ну? — спросил рыцарь.— Может, хватит трясти рясой?

— Сы-ын м-м-м... — только и промычал Эмери.

Всадник засмеялся:

— Хватит, я говорю, рясой трясти! Пора потрясти мощной!

Смех его превратился в хохот, который немедленно подхватили дружинники Ренольда. Казалось, заходили ходуном стены храма, и патриарх, в голове которого все перемешалось, подумал, что именно благодаря дьявольскому смеху рыцарей и обрушился купол собора.

— Ну? Чего же ты медлишь, старик? — поинтересовался всадник и, не дожидаясь ответа, потянулся, наклоняясь из седла, и схватил Эмери за епитрахиль⁶³, а затем рванул вверх, напрочь лишая легкие святителя доступа кислорода.

О чудо! Тяжелый патриарх взлетел в воздух словно пушинка. Однако рыцарь не дал ему испытать прелестей свободного парения. Перебросив Эмери через шею коня перед седлом, Ренольд ударил животное по крупу ладонью и ловко развернул к выходу, не прибегая к помощи уздечки.

Дружина почтительно расступилась, и предводитель ее со своим пленником промчался мимо солдат на улицу.

— Клара! Клара! — захрипел патриарх, вскакивая в постели и хватаясь за горло. Он спешил избавиться от превратившейся в удавку детали костюма, не осознавая еще, что на нем нет никакой одежды, за исключением камизы⁶⁴. — О Боже! Спаси меня!

Кроме перепуганного спросонья лица подруги, Эмери увидел также и уставившегося на него слугу, который осмелился явиться в спальню господина без зова. Это означает, что случилось нечто очень важное. Может быть, действительно собор рухнул?

— Что тебе?! — рывкнул на него патриарх.

— Беда, ваше святейшество! — проговорил тот громким шепотом. — Беда! Измена!

II

Когда Ренольда вызвали к патриарху, стражу из горожан, которыми командовал рыцарь, сменили. Им велели завтра к первому часу утра заступить на вахту в одной из башен на юго-восточном участке стены между расположенной на горе Сильфиус цитаделью и Железными воротами.

Место это считалось спокойным. Хотя кочевники и рыскали в горах в поисках случайной добычи, все-таки столь глубоко они предпочитали не забираться, к стенам же не приближались вовсе. Основное их скопление наблюдалось в районе Собачьих ворот, ворот Дуки и ворот Святого Павла, то есть как раз там, откуда Ренольду велели убраться от греха подальше.

Покинув покои патриарха и обнаружив, что его отряд исчез, рыцарь отправился в гостиницу и нашел там своего оруженосца. Оба спустились в корчму, где, велев подать им вина и закуски, завели скучный разговор. Вернее, завел его Ангерран, так как сеньору вообще не хотелось ни о чем разговаривать. Ренольд машинально отрезал кинжалом куски окорока, щипал хлеб и почти без аппетита, так же механически, жевал и глотал пищу, время от времени запивая ее вином.

— Как мне здесь не нравится, мессир, — вздохнул оруженосец, молочный брат и товарищ господина по

буйным забавам.— Ведь это же надо, какая жуткая дороговизна? Такой и в прошлом году не было. Просто кошмар!

Обоим впервые довелось оказаться в осажденном сарацинами городе. Прежде они нападали, оборонялись, убегали, терпели все возможные лишения длительных изнуряющих переходов, но ни разу не бывали заперты в столь громадном и, что хуже всего, многонаселенном каменном мешке. Многолюдие естественным образом и обуславливало цены на продукты. Не зная, как долго продлится осада, трактирщики старались припрятать побольше провизии про запас, а на ту, что шла в продажу, вздували цены до небес. И хотя осада не была, конечно, полной — для этого Нур ед-Дину понадобилось бы раз в десять больше войска,— все равно, смельчаков, желавших рисковать жизнью и выходить в поисках еды за стены, находилось немного. Как мало их оказывалось и среди крестьян, прежде привозивших в город все необходимое.

— И что ж не сиделось нам в Святом Граде Господнем? — сокрушался Ангерран, забывая о том, что сам же уговаривал сеньора поскорее покинуть столицу королевства.— Ведь как жили, как жили?! А здесь?..

Наконец Ренольд, долго молча сносивший стенания слуги, не выдержал.

— Да замолчишь ты или нет, Мудрец?! — рассердился он, используя в обращении к слуге укрепившееся в последнее время за тем прозвище.— Тошно слушать твое нытье! Сам же кричал, что надо бежать из этого вертепа, не так ли?

Ангерран все время строил какие-то теории относительно шпионов и изменников, которые развелись повсюду и якобы преследовали сеньора (ну и его слугу, конечно) на каждом шагу. Впрочем, Ренольд не мог не признать, что иной раз подозрительность оруженосца имела под собой более или менее веские основания.

— Так ведь и правда! — воскликнул Ангерран, действительно не раз называвший Святой Город вертепом и пристанищем бесов.— Вас же там чуть не зарезали! И где?! В королевском дворце! А король-то Бальдуэн хорош! Какой подарок вы ему сделали! Где еще

найдешь такую кобылу? Чистых кровей животное, хотя, конечно, и языческих! Одно такое стоит целого состояния! А он? Отдарился, скажете? Да и в треть цены не выйдут его щедроты! Мог бы не припоминать вам долг прежнему сюзерену! Сам бы заплатил королю Луи, не велика потрава. А то-де не по христиански и не по благородному вы, мессир, содеяли! А сам?!..

И верно. Не раз уж думал Ренольд, почему так переменялось его счастье?

Так уж получалось, что, едва избежав одной беды, они оказывались лицом к лицу со второй, а вырвавшись из ее цепких объятий, сталкивались с третьей. А разве в поисках спокойной жизни прибыли они на Восток? Впрочем, им вне сомнения повезло, ведь Ангерран и его сеньор оказались едва ли не единственными участниками похода Бертрана Тулузского, сумевшими сохранить свободу.

Хотя они и потеряли имущество, но зато остались живы, и единственной настоящей угрозой являлась для них в данный момент дороговизна, с невероятной скоростью опустошавшая кошельки, да еще оскорбительное бездействие, вызванное трусливой политикой патриарха и руководимой им Высшей Курии.

Да, если разобраться, Бог бы с ними, с Курией этой и с патриархом, жизнь продолжается! У тех, кому всего чуть за двадцать, не в обычае грустить долго. А как же там обстоят дела на любовном фронте?

Тут, прямо скажем, уроженцам Жъена похвастаться было нечем. Ни господин, ни оруженосец не завели в нынешний свой визит в Антиохию ни одной интрижки; да и до утех ли, когда дамы так напуганы, что прячутся по домам? В то же время розы прекрасного цветника, над опылением которых так трудился Ренольд весной прошлого года, то есть обретавшиеся при дворе фрейлины и камеристки, уже давно переехали из города — лучшие женщины княжества скучали за толстенными стенами цитадели.

Говоря честно, наш благородный пилигрим не очень думал о них, он был разочарован, так как надеялся увидеться с княгиней, ведь именно из-за нее, как сам думал, он и поскакал в Антиохию. Хотя, сказать по

правде, больше-то ему на Востоке и деваться было некуда. Разве что к базилевсу Мануилу податься, записаться в наемники — miles gregarius, но это, пока силы есть, всегда успеется. А пока мысли Ренольда все чаще возвращались к Констанс.

«Неужели она забыла нашу встречу? — спрашивал себя рыцарь. Ему вспоминались слова служанки княгини, сладострастной Марго, и он подумал: — Нет, не могла, не могла княгиня забыть меня!»

Он терял надежду, но вместе с тем все чаще и чаще, будто даже и не по собственной воле, предавался мыслям о том, сколь многое изменилось с того дня, когда он последний раз разговаривал с Констанс.

Все верно, пока они с Ангерраном, так лихо умчавшись из-под Араймы, теряли силы и надежду на спасение, ночью плутая горными тропами, а с восходом солнца прячась в пещерах, изо всех сил стремясь избежать встречи с победителями-язычниками, товарищи последних существенно изменили статус княгини Антиохии. Теперь не достигшая даже еще двадцатидвухлетия Констанс из просто красивой знатной дамы превратилась в *очень* красивую и *очень* знатную... вдову!

— Эх, не везет нам, мессир, не везет... — вздыхал Ангерран. — А что, государь мой, не выпить ли нам еще?.. Ох, не нравится мне все это. Как бы изменники грифоны не открыли ночью ворот. С них станется, такие мерзавцы, прости Господи! Может, выпьем чего? — снова повторил оруженосец и преданно посмотрел на сеньора. — Хоть малую квартиру... Беспокойно мне на душе...

— Выпьем, — кивнул тот, — только с одним условием. Ты заткнешься.

— Как скажете, мессир, — вновь вздохнул Ангерран, опасаясь просидеть остаток вечера на сухую. — Как скажете.

Рыцарь подозвал трактирщика и велел ему подать еще вина; но, несмотря на данное господину обещание, Ангерран недолго хранил молчание.

— Простите меня, мессир, — несмело начал он, — но только у меня все из головы не идет тот наш трактир-

щик, помните? Аршоком или Ашраком его звали, вы еще в его корчме двух грифонов прикончили?

— Ну? — буркнул сеньор.

Почувствовав, что господин настроен более или менее благодушно, слуга осмелился пойти дальше.

— А вы так и не узнали, что было на той пластинке,— поинтересовался он.

Ренольд пожал плечами.

— Я не стал спрашивать... Какое мне дело? Да и некогда было...— проговорил он едва ли не виновато — следовало, конечно, поинтересоваться, что означали арабские письмена на свинцовой пластинке, обнаруженной в старом винном мехе.— Да нам-то какая разница?

— Мессир,— осторожно начал Ангерран,— я позволил себе потратить немного мелочи из той суммы, что вы любезно пожаловали лично мне на покупку одежды, и нанял мальчишку, нищего попрошайку, дабы он и его дружки, такие же оборванцы, как он, целыми днями следили за домом того корчмаря, я имею в виду Аршока или Аршака, богомерзкое имя, прости меня Господи! — Оруженосец перекрестился и продолжал: — Пока ничего интересного он мне не сказал...

— Когда это ты успел? — строго спросил Ренольд.— Мы тут всего-то четыре дня.

— А третьего дня, можно сказать сразу, как пришли мы сюда,— признался оруженосец.— Мне это дело не дает покоя. Помните, я говорил, что и он, и его сыновья, и та баба, что приходила на конюшню, пока вы сидели в башне, скорее всего, соглядатаи язычников?

— Помню,— согласился рыцарь.— Эту чушь я уже от тебя слыхивал...

Понимая, что сеньор ворчит лишь из-за скверного настроения, последний продолжил:

— Так вот. Пока я лишь узнал, что хозяин в лавке один, вернее вдвоем с сыном, Нарсиз его зовут...

— Ну и что? — Ренольд даже и предположить не мог, куда клонит оруженосец, но догадывался, что, скорее всего, это окажется интересным.

— Так вот я и думаю, куда девался младший? Рубен?

— Может, подох или уехал куда-нибудь? Какая разница?

Ангерран всем своим видом показал, что думает иначе.

— Вопрос — куда? — глубокомысленно изрек он. — Разве не странно, что его нет в городе во время осады? И та дама, что я у него видел, она тоже исчезла. И, говорят, давно...

— Да плевать мне на него и на нее тоже! — разозлился Ренольд. — Это все, что тебе удалось узнать? Немного же! Похоже, ты зря тратишь деньги, что я даю тебе. Может, я излишне щедр? Клянусь святым Райнальдом, да!

— Помилуйте, мессир! — взмолился Ангерран. — Уж и так не жирно живу, помилуйте!

— Не жирно? — заворчал сеньор. — Вино лакаешь чуть не каждый день, жрешь то же, что и я... да и все прочее! К тому же серебро...

— Здесь ведь не Европа, мессир, — заныл оруженосец. — Тут все привыкли к золоту... куда богаче живут. А за харч и вино — спаси вас Господь, да благословит он щедрость вашу. По мне, так жаловаться грех... Дурак бы я был, если бы жаловался! Такого господина, как вы, мессир, не сыщешь не то что тут, на Востоке, но и у нас, во Франции.

— Ладно, — махнул рукой пилигрим, — не стони. Допивай, да пойдём... куда-нибудь в кости перекинуться? Может, хоть в этом повезет? Говорят, те, которым... — Он не закончил, выразительно махнул рукой.

— Я с вашего позволения посижу еще, — виновато улыбнулся слуга, всем своим видом демонстрируя, как ему неловко возражать. — Жду этого паразита. Если сегодня он не принесет мне новостей, прогоню к дьяволу!

Упомянув имя врага рода человеческого, Ангерран опять небрежно перекрестился. Ренольд поднялся и, бросив на прощанье: «Не надерись до зеленых чертей, образина», не оглядываясь, вышел на улицу.

Шагая по улице, он вдруг подумал о словах, сказанных Ангерраном. «Тут не Европа... Все привыкли к золоту... Живут куда богаче...»

Первой реакцией, которую вызвал у Ренольда Восток, была смесь восхищения и... раздражения, нет, скорее негодования. Ренольд и до сих пор не научился нормально относиться к рыцарям в платье язычников и в тюрбанах, хотя в походах и сам уже обматывал голову белым плащом, чтобы она не лопнула под шлемом, раскаленным от палящих солнечных лучей. Местным фрайкам для предохранения от солнца и пыли служил специальный четырехугольный кусок белой материи, которая, сложенная определенным способом и повязанная шнурком, закрывала и лицо и голову. Такой убор назывался кеффе; его и очень многое другое христиане позаимствовали у местных жителей.

Но некоторые «восточные штучки» Ренольду понравились. К примеру, бани.

Дома, в Жьенском замке, да и в других местах мылись лишь летом, и то не мылись, купались в речке. Иногда, правда, когда уж и вовсе насекомые допекут, грели воду в котле и мылись по старшинству: заставляя слуг без жалости скрести кожу скребком. Ему, как самому младшему, вода доставалась совсем холодная и грязная. Толку от такого мытья было немного. Тут же все иначе. Все как будто только для тебя одного, и вода, и даже благовония. Лежишь, а банщик мнет тебе спину, чешет пятки — неописуемое удовольствие.

Ренольд не мог не признать, что как раз в удовольствиях проклятые сарадины толк знали. Не отставали от них и эпикурейцы грифоны. Как-то еще в Иерусалиме Ренольд забрел в одно такое место, где кроме мытья хозяин-араб предоставлял клиентам широкий комплекс услуг, в том числе предлагал попробовать женщин, искушенных в любовных утехах.

Одна очень запомнилась рыцарю, говорили, что она, гречанка по происхождению, несколько лет прожила в гареме одного шейха. Потом во время налета на караван, в котором женщина ехала к мужу из Египта в Аравию, попала в руки франкам из далекого Монреаля. Ренольд только слышал об этом замке, расположенном где-то очень далеко к юго-востоку от Мертвого моря. (Молодой рыцарь и представить себе не мог, что одна-

жды побывает там и даже не просто побывает... Впрочем, не будем забегать вперед.)

Хозяин уверял, что заплатил за Жемчужинку, как он сам называл рабыню, серебром чуть ли не по весу. Судя по тому, что дамочка была вполне во вкусе Ренольда, он, как мы знаем, не любил тощих, араб бесовестно преувеличивал. Так или иначе, пилигрим не поверил, чтобы кто-нибудь отсчитал за женщину двадцать пять тысяч дирхемов, больше двухсот двадцати фунтов серебра⁶⁵! Наверное, говоря о серебре, льстивый торговец имел в виду бронзу. Впрочем, что до храброго кельта, сам он по своему обыкновению скупиться не стал и щедро расплатился за проведенное в обществе Жемчужины время. Тогда Ренольд мог кое-что себе позволить.

Воспоминания об упущенных возможностях бередили душу. Даже мысли о вахте не радовали. Проклятый святоша устроил все так, чтобы лишить рыцаря последнего развлечения. Теперь день-деньской сиди и смотри на гору, сторожи пустоту. Одно утешение — ехать близко. Жили Ренольд с Ангерраном неподалеку от цитадели.

От нечего делать пилигрим намеревался пешком прогуляться к месту, которое ему предстояло завтра охранять, однако скоро передумал — решил взять коня — и, не спеша, глядя себе под ноги, побрел обратно к гостинице. Он уже почти совсем дошел до нее, как вдруг услышал знакомый женский голос:

— Рыцарь, мессир Ренольд!

Он поднял голову и, увидев ту, которая звала его, невольно улыбнулся. У него еще с прошлого приезда в Антиохию осталось здесь немало знакомых дам, однако Марго он обрадовался искренне, и, признаться, не только из-за того, что она служила княгине. Ренольд был просто рад очаровательной толстушке. И раньше вспоминая о Марго, он порой не без усмешки думал: «Если бы кому-нибудь в Европе пришло в голову отсыпать за нее по весу хотя бы и серебром, этот человек должен был бы быть очень богатым! Три таланта с половиной, двести пятьдесят фунтов, а меньше никак не обойдется, — хорошая сумма! Целое состояние по тамошним меркам!»

— Здравствуй, красавица! — улыбнулся он. Марго и правда прекрасно выглядела. Полное круглое лицо, красные щеки и губы (не пожалела румян и помады), черные, ярко подведенные глаза и черные волосы, спрятанные под белым платком. (Вуали ей не полагалось, если можно так выразиться, по статусу.)

Одевалась она, как и все женщины на Востоке, просто, но далеко не бедно: в длинную белую камизу, с украшенными вышивкой воротом и рукавами и расшитую серебряной нитью легкую блузу без рукавов. Плащ, обычно надеваемый весной и осенью, по жаркой летней поре отсутствовал. Серебряные и, хоть и маленькие, золотые колечки на пальцах — вот это да! Цепочки на шее, да все сплошь золотые, да не тонкие! Ни дать ни взять невеста на выданье. В окрестностях Жьена и Шатийона, в городах по берегам Сены, Луары и Йонны, в самом Орлеане или даже Париже не всякая купеческая жена, не то что служанка, могла бы позволить себе роскошь так вырядиться к воскресной мессе.

Правда, моду таскать на себе как можно больше украшений латинянки переняли от дочерей мусульманского Востока. И хотя христианке муж «талак» не скажет, а значит, выходя на улицу, она не рискует по возвращении домой оказаться нищей, все равно, как не показать язычникам, что и мы не лыком шиты, у самих богатств хватает?

— Ой, как я рада, что это вы, мессир,— затараторила толстушка.— Я насилу узнала, где вы остановились, прибежала, а Ангерран, ваш оруженосец, сказал мне, что вы ушли... Я так расстроилась! Госпожа послала меня...— Рыцарь обратился в слух, но, как оказалось зря,— ...купить фруктов.

Конечно, фруктов, а чего же еще? Об этом говорила и довольно внушительная корзинка, которую служанка держала в левой руке.

— Госпожа еще не оправилась после рождения дитя... А какой милый мальчик, если бы вы видели! Такой хорошенький! — продолжала Марго, словно совсем не замечая того, что Ренольд на глазах мрачнеет и совершенно очевидно не разделяет ее восторгов. Многозначительно, как будто даже с гордостью, она

добавила: — У меня теперь тоже есть ребеночек. Только девочка, родилась еще зимой после Крещения. Я назвала ее Эльвирой. Сама не знаю отчего, просто так, наверное? Подумалось, что здорово будет, если бы девочку звали так... Мне кажется, это счастливое имя. А я хочу, чтобы малышке повезло. Вам оно нравится?..

Слушая женщину и машинально кивая, Ренольд извлек из здорово похудевшего кошелька несколько золотых и протянул их Марго:

— Возьми, у меня сейчас немного, но... пусть ей и правда повезет. Эльвира — отличное имя.

Женщина умолкла, в глазах ее появились слезы.

— Спасибо вам, мессир,— проговорила она, принимая дар и отводя взгляд.— Господь воздаст вам за вашу доброту. Сторицей воздаст.— Вздохнув, Марго добавила: — Я так мечтала, чтобы был мальчик, но старуха Эксиния сказала, что будет девка. Я даже заругалась на нее тогда, но она — ведьма и все-все знает про это. Вышло по ее. А я так мечтала, чтобы был мальчик, чтобы он вырос настоящим героем. Я сохраню ваш подарок для Эльвиры. Сейчас-то мы, хвала Господу и благодаря щедрости нашей госпожи, ни в чем не нуждаемся, хотя, признаться, и помираем от скуки в этой ужасной крепости.

Ренольд тоже умел считать, он понял, что имела в виду Марго, говоря: «после Крещения». Но соображал он все же не очень быстро, потому что первое, о чем следовало бы подумать рыцарю, так это о том, что торг давно закончился, а значит, едва ли княгиня послала служанку только за фруктами. Не успел пилигрим подумать об этом, как собеседница его, точно только что вспомнив о чем-то, воскликнула:

— Ой, какая же я дура, мессир, ведь госпожа послала меня справиться о вас! Она только сегодня узнала, что вы в городе, и так обрадовалась! Я впервые видела, что она улыбается, с того самого страшного дня, как погиб наш государь, его сиятельство князь Раймунд. Она даже и ребенку не улыбается, хотя и довольна, что родила мальчика. Теперь у нее уже два мальчика, случись что со старшим, Бозмундом,— служанка закрестилась,— упаси Господи от беды, младший примет кня-

жество. Только бы нам отбиться от нехристей... Она нарекла малыша в честь его величества короля Бальдуэна. Мы все уповаем на его помощь...

— Что сказала тебе госпожа?

— Как? — захлопала глазами служанка. — Она... она велела узнать, как вы? В добром ли здравии пребываете?

— И все?!

— Да, — Марго почувствовала, что чем-то страшно расстроила рыцаря, но чем именно, не понимала. — Госпожа сказала, что надеется на встречу, но понимает, что сейчас вам некогда, так как вы целыми днями сторожите стену...

— Нет! — в запальчивости воскликнул Ренольд. — Я... я... — он хотел сказать: «Плевать мне на эту стену!», но удержался, сообразив, что такой ответ как минимум удивит Марго. — Я... я... хочу сказать, что... что у меня есть для нее сведения... сведения особой важности... м-м-м... секретные! Только для нее, и ни для кого больше!

— О-о-о! — только и протянула Марго. — Тогда... тогда мне надо скорее бежать, чтобы успеть сообщить госпоже!

— Да, да! Беги скорее!

Несмотря на мешавшую ей корзинку, Марго ловко приподняла подол камизы, но, сделав несколько шагов, остановилась, чтобы сказать:

— Ждите меня в гостинице, мессир. Хотя нет... Когда совсем стемнеет и прозвонят третью ночную стражу, приходите к цитадели, встаньте с той стороны, что ближе к морю, и ждите, я помашу вам из окна белым платком.

Сказав это, служанка убежала, так и не дав Ренольду открыть рта. Рыцарю не осталось ничего другого, как отправиться обратно в гостинцу, чтобы, хорошенько поразмыслив, придумать, что за *секретные* известия он будет поверять княгине Констанс во время тайного свидания, при том условии, что оно действительно состоится.

Впрочем, относительно того, что говорить их сиятельству при встрече, он уже имел кое-какие соображе-

ния. Нужно было только найти Ангеррана. Последнего же, как назло, ни внизу в корчме, ни в комнате наверху не оказалось.

Какое-то время Ренольд провел в темной комнате, где поджидал нерадивого слугу, изобретая пытку, которой подвергнет оруженосца, так некстати покинувшего своего господина. Конечно, Ангерран не мог знать о новых обстоятельствах, но что это меняло?

Сперва рыцарь предположил, что слуга, привлеченный жеманством и откровенным кокетством девиц, увивавшихся возле посетителей трактира, впал в соблазн и уединился с одной из них. Однако позже пилигрим подумал, что дамочкам этим (они ведь не просто время провести пришли) полагалось платить, а как раз платить-то Ангерран и не любил, предпочитая, как выяснилось, тратить излишки хозяйских субсидий на развлечения другого рода.

И вот тут-то рыцарь и сообразил, что ему надлежит делать. Он спустился вниз и принялся допрашивать трактирщика. Тот осмелился намекнуть, что не худо бы получить часть кредита, а то пьем и едим, а ни за что не платим. И хотя корчмарь не принадлежал к гнусному племени грифонов, Ренольд, схватив его за грудки, в свою очередь *намекнул* трактирщику, что разрушит его вертеп, а самого упрячет в подземелье за измену или вывесит на стене в качестве пугала для неверных, чтобы драпали без оглядки в свой Алеппо, а то и куда подальше.

— Какая измена, мессир? — захолопал глазами владелец постоянного двора. — Я не говорю ни о чем, кроме платы... — Он неожиданно икнул, потому что, услышав последнее слово, рыцарь встряхнул беднягу и так выразительно посмотрел ему в глаза, что у трактирщика забурлило в животе. — Ча... части платы... разум-меется, когда вы, мессир, соблаговоли... те ее предложить.

— Ты получил задаток?! — прорычал в ответ Ренольд. — Получил?

— Всего два порченных безанта, мессир! Клянусь, ваш слуга... я хотел бы пожаловаться на не...

— Ангерран?! Ангерран дал тебе всего *два* безанта? *Порченных* безанта?! — Трактирщик уже пожалел о своей откровенности. Не на шутку расвирепевший постоялец выволок его из-за стойки.— Врешь, собака!

Ну, что касается качества золотых, тут особенно кипятиться не стоило, такие монеты попадались довольно часто⁶⁶. Ренольд, хотя и давно уже свалил всю «*нерыцарскую премудрость*» на ловкача оруженосца, все же не мог не знать, что таких безантов у них немало. Так нечего и кричать.

Впрочем, взбесило скорого на расправу кельта совсем другое. Самым страшным для Ренольда было открытие, что слуга его — вор. То, что проклятый корчмарь не врет, не вызывало никакого сомнения, он действительно получил только два безанта.

— Клянусь вам, мессир! — взмолился тот.

— Я заплачу тебе, скотина! — Ренольд сорвал у себя с пояса изрядно отощавший кожаный мешочек с последними безантами и серебром и бросил его под ноги хозяину гостиницы.— Бери, презренный раб! Бери и попробуй только еще раз напомнить мне об оплате, удавлю!

Поскольку рыцарь наконец отпустил корчмаря, тот поспешно нагнулся и схватил с пола кошель, пока кто-нибудь из посетителей, «равнодушно» наблюдавших за сценой со стороны, не успел прикарманить чужие деньги.

— Благодарю, мессир,— залезбил корчмарь,— благодарю. Да благословит Госп...

Ренольду было недосуг слушать, какое из его качеств должен, по мнению стоявшего перед ним муравья ничтожного, благословлять Господь Бог. Рыцарь так оскалился, что хозяин мигом умолк.

— Где эта скотина?! — прорычал пилигрим.— Где мой чертов оруженосец? Куда пошла эта каналья?!

— Сюда заходил мальчик-побирушка и с ним человек Тафюра,— отводя глаза, проговорил хозяин гостиницы.— Он перебросился с вашим слугой парой слов, и они все ушли.

Кроме того, что Тафюр заправляет всей нечестью в городе, Ренольд ничего о нем не знал. Рыцарь не раз

слышал невероятные истории про короля нечисти и князя воров. Больше того, молодой кельт, предводительствовавший под Дамаском шайкой отребья, едва сам не удостоился такого прозвища⁶⁷.

Но кем бы ни оказался легендарный Тафюр, Ренольд не мог, не желал поверить, будто Ангерран впал в такое безумие, что решился обворовать законного господина, а потом оставить его ради какого-то предводителя оборванцев.

И тем не менее гнусный червь сомнения все же ощутимо покусывал душу рыцаря.

«А вдруг он хорошенько накрал у меня еще в Иерусалиме? — невольно подумал Ренольд. — То-то я вспоминаю, как быстро кончились деньги! Небось закопал мои кровные безанты где-нибудь во дворе дома, где мы жили, и теперь только и ждет удобного случая добратся до них!»

Приговор оруженосцу мог быть только один — смерть! Однако Запад потому так славится справедливостью своих законов, что там даже благородный господин выслушает объяснения самого презренного из свободнорожденных, прежде чем прикончить его.

Сказать правду, Ренольд вовсе не помышлял в тот момент о правах слуги, думая лишь о мести. Об изощренной мести. В голове его родилась весьма смелая идея, которая очень быстро приобрела конкретную форму.

«Я скажу княгине, что мой оруженосец вместе с Тафюром замыслили открыть ворота! — вдруг решил он, но тут же мысли его перекинулись к трактирщику. Нет, не к тому, который только что получил плату, а к другому, богомерзкое имя которого все время поминал Ангерран. — Трактирщик — это то, что нужно! Вот вместе с ним Тафюр и Ангерран и замыслили сотворить измену! Как же его зовут этого чертового корчмаря? Артишот? Или Атишора?.. Тьфу! Мерзость! Ну что за собачьи клички у этих грифонов?!»

Окрыленный решением, явно ниспосланным к нему Небом, Ренольд не поленился возблагодарить Бога. Рыцарь моментально поверил в то, что все *секретные* сведения, которыми одарил его Господь (надо полагать,

в награду, как истинно верующему христианину), есть не что иное, как только чистая правда. А самое веселое, что ему самому не придется заниматься поисками Ангеррана, это станет заботой городской стражи, Орlando или кого-нибудь из его товарищей!

Преисполненный праведного гнева и самых благородных чувств рыцарь стал собираться на свидание, тем более что как раз стемнело.

Мало того, что из-за отсутствия Ангеррана Ренольду пришлось самому облачаться в кольчугу, так еще и, надев ее, он вдруг вспомнил, что сделал это совершенно напрасно. Ведь он все же собирался нанести визит даме, хотя и предполагалось, что встреча эта будет носить чисто деловой характер.

Снимать кольчугу страшно не хотелось.

— Дьявол! — рассердился рыцарь. — Черт! Клянусь святым Райнальдом, сейчас война! Мне надлежит все время находиться при доспехах и оружии!

С этой мыслью он прихватил оба меча и, спустившись в конюшню, где самостоятельно оседлал коня, чего не делал уже очень давно. Нахлобучив на голову шлем и прикрепив его кожаными завязками к капюшону кольчуги, Ренольд вскочил в седло и выехал на улицу.

III

Кармино, так сочувствовавшему поступку стрелка, который днем нес стражу в соседней башне, повезло меньше. Ему, как человеку происхождения неблагородного, в отличие от Ренольда не пришлось удостоиться чести встретиться с самим патриархом Эмери. Солдата, не дав положенного отдыха, просто перевели на другую стену. Нетрудно догадаться, ему, так же как и задиристому кельту, достался пост с видом на гору Сильфиус.

Впрочем, в непроглядной темноте сирийской летней ночи Кармино, конечно, никакой горы видеть не мог. Разгуливая между разведенных на стене костров, он время от времени бросал взгляд в черную мглу.

Она жила. Время от времени до горожан, сделавшихся по воле случая стражниками, долетали крики койотов и гиен, уханье филинов. Несмотря на то что многие из христиан жили в Антиохии с детства или пришли сюда достаточно давно, чтобы привыкнуть к этим звукам, все же напряженное ожидание — какую каверзу предпримет многочисленный, злобный и беспощадный враг? — наводило на защитников города немалый страх. Мерещились им сказочные чудовища, что жили в горах. Неверные, которые, конечно же, не чурались колдовства (на то они и язычники, чтобы знать-ся с бесами), могли призвать себе на помощь дьявольских тварей. Может стать, сарадины именно сейчас седлали в горах страшных крылатых коней, чтобы, поднявшись в черное небо, перелететь на их спинах через стену.

Мрак густел всего в нескольких туазах от города. Отблески пламени костров падали в полную враждебных звуков темноту и таяли там, едва достигнув каменистой почвы. Страхи, будоражившие умы шорников, красильщиков, сукноделов (только оружейников не найти, они день и ночь в кузницах), выглядели вполне обоснованными.

Ремесленники обычно приходили артелями, в городе они жили на одной улице, и умирать, если уж не доведется выстоять, собирались среди своих родичей и соседей. Мирные труженики, они не привыкли нести сторожевую вахту, не ведали искусства обращения с оружием⁶⁸. Они трепетали от ужаса при одной мысли о возможной сватке с победоносным противником — как же, ведь язычники разбили рыцарей, убили даже самого князя, обезглавленное тело которого прибыло в город вскоре после известия о поражении.

Вместе с тем, что бы там ни думали новоиспеченные воины, многие профессионалы ратного дела имели о сложившейся ситуации собственное мнение. Положение конников Нур ед-Дина под стенами города представлялось иным бывалым солдатам ненамного более выигрышным, чем ситуация, в которой около пятидесяти одного года назад оказались пилигримы Первого похода. Не пади тогда город в результате предательства,

крестоносцы неминуемо погибли бы, оказавшись между молотом и наковальней: собственно турецким гарнизоном Антиохии и несметными ордами тогдашнего атабека Мосула, Кербоги.

Именно об этом и напомнил Кармино командир поста, находившегося в соседней башне. Охраняли ее тамплиеры, один рыцарь и несколько сержанов, оруженосцев, членов ордена, происходивших из семей горожан и не имевших в своих жилах благородной крови. Их всегда легко можно было узнать по облачению, — в отличие от рыцарей они носили черные, а не белые сюрко и плащи⁶⁹.

Вальтер[†], так звали командира храмовников, оказался человеком словоохотливым, но, по счастью, не пустобрехом. Напротив, рыцаря отличала широкая эрудиция, и он охотно делился с другими знаниями, которыми обладал. Так как Вальтер довольно долго не мог найти подходящего собеседника, то даже и не скрывал, что обрадовался возможности обрести его. Выражаясь точнее, храмовник нуждался в слушателе, какового и нашел в молчаливом Кармино.

— Я ведь здешний, моим отцом был сам Роберт Кантабриус⁷⁰, в битве с Кербогой он нес знамя князя Боэмунда Отрантского, — задирая нос к усыпанному мириадами звезд сирийскому небу, заявил Вальтер для начала. — Много лет носило меня по свету, и не думал я, что вернусь сюда. Я ведь родился еще при Танкреде. Как неверные страшились его, ты бы только видел! Просто трепетали от ужаса! Что ни год огромные дани слали, тогда в Антиохии вообще не было меди, за мелкие покупки рассчитывались серебром. Да, да, ты уж мне поверь. Ты, я гляжу, тоже тутошний. Угадал?

— Угадали, мессир, — согласился Кармино. — Отец мой торговал здесь. Сам он был из Бари, что в Пулье. Мать здешняя. Когда он умер, все имение старшие поделили. Мне только придел к дому достался, так себе домишко, но жить можно. Сначала думал тоже по торговой части пойти, да денег не было. Пристроился

[†] Gauthiers (*стар. фр.*).

помощником купца. Помыкался малость, постранствовал: Иерусалим посмотрел, в Заиорданье побывал, в Каире. Да и в Сицилию ездил, и в Bizантиум. Потом поступил на службу. Воевал в пехоте, после в стражи городские подался.

И хотя отвечал послушный Кармино кратко, Вальтер, чувствовалось по всему, никак не мог дожидаться, когда он договорит, и в дальнейшем уже старался никаких вопросов, кроме риторических, не задавать.

— Мой отец пришел сюда с Боэмундом, штурмовал этот город. Потом служил у Танкреда,— с гордостью сообщил храмовник.— Потом у Рутгера. Лег с князем на Поле Крови. Слышал, поди, про это место?

Удовлетворившись лишь кивком собеседника, рыцарь принялся излагать долгую историю своих предков. Не обошлось без хвастовства (а как же без него?), однако Кармино слушал со вниманием, и Вальтер, постепенно исчерпав тему, перешел к другой, потом к третьей.

Так к тому самому моменту, когда солнце, провалившись за горизонт, утонуло в бухте Сен-Симеона, а Сильфиус за стенами сделался совсем черным, рыцарь братства Храма рассказывал о днях далекой старины. Он коснулся одной истории, которую так или иначе знали все жители Антиохии. Однако Вальтер говорил как сын очевидца, что по понятиям тех лет зачастую давало рассказчику в глазах слушателей право отождествлять себя со своим предком.

Вальтер вспомнил ту ночь, когда славный князь Отрантский Боэмунд, покинув расположения войск, тайно двинулся в условленное место.

С тех пор минуло пятьдесят один год, один месяц и пять дней.

— У нас было всего немногим больше полусотни рыцарей,— вспоминал Вальтер.— Когда князь Боэмунд вышел из лагеря, вон там,— он указал в направлении немного левее цитадели. Там, за несколько миль от того места, где несли свою вахту защитники, некогда находилась построенная пилигримами деревянная осадная башня, называемая «замок Мальрегард».— Турки увидели это, ибо было еще светло. Они возликовали, пото-

му что слышали, что Боэмунд пригрозил своим товарищам по походу, что уйдет, если они не сделают его князем города, когда возьмут его.

Храмовник сделал паузу, со значением посмотрел на собеседника и, убедившись, что тот внимательно слушает, продолжал:

— Никто во всем войске, кроме самых знатных графов, не знал истинной причины его ухода, даже Этьенн Блуаский⁷¹. Боэмунд не велел говорить ему, потому что не доверял изменнику, и, как выяснилось, правильно делал, граф позорно бежал в ту же ночь, в которую наш славный государь поднял свой маленький отряд. Князь шел тайными тропами вон туда,— Вальтер указал в противоположном направлении,— к башне Двух Сестер. Ты, конечно, слышал об этом, а я, считай, видел сам, так как мой отец был среди избранных. Ему едва исполнилось двадцать лет и еще четыре, на два года больше, чем сиру Танкреду. Князь Боэмунд взял с собой только самых сильных и лучших из молодых. Ему самому тогда сорок и еще четыре сравнялось. Они подошли туда только перед самым рассветом. А в башне их уже ждал Фируз. Сперва он не увидел князя, мы специально закрыли его своими спинами и щитами, опасаясь какой-нибудь измены,— храмовник качнул головой в сторону города,— с этим народишком только и жди каверзы. Потом поняли, что грифон не врет... А еще бы ему врать, когда у нас в заложниках был его сын? Мы сказали тому Фирузу, что снимем с парня кожу, с живого, конечно. Фируза сам Господь вразумил помочь нам, он, Фируз, так и говорил, мол, Господь прислал мне ангела и сказал: «Поди и возврати город этот тем, кто верует в меня». И тогда он со своими зарезал в башне всех, кто не знал о деле. Они сбросили нам веревочную лестницу, и мы полезли. Она оборвалась, многие покалечились, но большая часть все же перелезла через стену. Тогда поднялся сам князь и принялся трубить в рог. А мы побежали к воротам святого Георгия, открыли их и впустили рыцарей Танкреда!

Наконец Вальтер перешел к самому интересному. Глаза его вспыхнули огнем.

— Что тут началось, друг ты мой Кармино! Пилигримы резали сарацин три дня! Да и грифонов заодно, тех, что попадались под руку! Так уж угодно было Господу, чтобы неверный народ пострадал! Скоро весь город заполнился телами мертвецов, так что никто не мог пройти по улицам, иначе как по трупам. Да и, сказать по правде, никто там и не ходил, так как в иных местах уже скоро никто не был в состоянии находиться из-за сильного зловония...

Внезапно Вальтер помрачнел. Оглядевшись по сторонам — нет ли лишних ушей? — он негромко и на сей раз без тени восторга проговорил:

— Не нравится мне все это, так-то! Что, если какая-нибудь сволочь удумает измену?

Замечательный слушатель не мог, разумеется, не опасаться того же.

— Ну так у нас вся стража — христиане, — возразил он. — У язычников тогда просто не хватало солдат, чтобы везде поставить своих.

— Не скажи, — покачал головой Вальтер. — Тот человек тоже был христианином. Он принял магометанство, как говорят, для виду. Так или нет, но мне кажется, среди схизматиков и прочих грифонов найдется немало таких, кто с радостью предал бы нас в руки неверных. Хотя бы уж потому, что они сами неверные. И потом, тут полно купцов из того же Алеппо и Дамаска, есть и такие, что приехали из Багдада. Уж они-то хотели бы, чтобы неверные агаряне ворвались сюда!

Оба замолчали, обдумывая, что будет, если мрачные подозрения подтвердятся, как вдруг внимание командиров стражи привлек какой-то шум, доносившийся снизу, правда, не с внешней, а с внутренней стороны стены. Как тут же выяснилось, оснований для беспокойства в данном случае не было ровным счетом никаких. Приехала маркитантка, она вышла из возка и вместе с кучером достала оттуда бочонок вина.

— Эй, храбрецы! — закричала она, обращаясь к «гвардейцам» Кармино. — Небось надоело куковать на сухую? Охота, поди, промочить горло?! У меня дешево да и с доставкой, дешевле не купите и на торгу! Налетай! Один дирхем за кружку!

Некоторые из стражников — цена и правда неслышанная — поспешили откликнуться на зов, но Кармино одернул их:

— Ну-ка назад! Вы не дома и не в корчме! Не смей покидать стены!

Затем он обратился к женщине:

— Если хочешь продать, иди сюда.

— Пойду, храбрый командир, пойду! — закричала маркитантка. — Только ты, любезный, заплати за весь бочонок, чтобы мне не ждать зря! Я прошу лишь два полных безанта. А если у вас сыщется сарацинский динар, да будут вовек прокляты язычники, но деньги у них добрые, то я уступлю вам бочонок всего за один золотой. Такой дешевизны, герой, не сыщешь в городе. Идет?

— Не откажетесь разделить со мной расходы, месьир Вальтер? — спросил Кармино храмовника. — Возьмем пополам? У нее и правда недорого.

Рыцарь нахмурился и пробормотал, но как-то не слишком уверенно:

— Мы все-таки слуги Божьи...

Однако он, видимо, нашел, что беседа изрядно иссушила его язык и гортань. Так или иначе, мысль о кружечке-другой вина за хорошим разговором пришлась ему по душе. Как не выпить стражнику? Ему, как, скажем, и путнику, без вина совершенно невозможно.

— Вот дьявол! — как-то забывая о своем священном поприще, махнул рукой рыцарь. — Ты, друг мой Кармино, напрасно не пошел по торговой части. Так умеешь подойти к человеку! Зови сюда эту ведьму!

С нетерпением ожидавшая ответа маркитантка решила напомнить о себе:

— Ну так что, бравый командир? Или ты думаешь, что я еще уступлю? Ну уж нет! И так себе в разор! Просто его святейшество патриарх обещал после сделать облегчение налогов тем, кто торгует со скидкой, вот мы и рады стараться.

— Ладно! — прокричал в ответ солдат. — Будь по твоему! Только ничего, если я дам тебе цену серебром?

— Не хотелось бы, — прокричала маркитантка, но начала подниматься. — Да что ж поделаешь? Если при-

бавишь одну-две монетки сверх того, что идет за золото, я согласна!

— Не давай ей лишнего, — напутствовал направлявшегося навстречу торговке Кармино тамплиер. — Пусть берет твердую цену или проваливает! И вот что... — Подозрительность не оставляла рыцаря, он поспешил добавить: — Пусть прежде сама при тебе попробует, как бы не было яда!

Так как на последние слова воин не отреагировал, Вальтер решил, что он и не слышал их, а потому, поколебавшись немного, не спеша пошел следом, бросив на ходу своим:

— Смотрите тут в оба!

Маркитантка и кучер — она впереди, он с бочонком на спине на два шага позади — двинулись по каменным ступенькам. Оба закончили подъем несколько раньше, чем Кармино успел дойти до площадки лестницы. Кучер поставил свою ношу, а маркитантка оглядела собравшихся вокруг стражников. Она весело подмигнула им, но не многие ответили на приветствие. Уж очень тощей да некрасивой оказалась женщина, а человек, который воюет, предпочитает принимать пищу и питье из рук красавиц. То ли дело дородная румяная бабища, какую и не обхватишь враз! У такой в вине живет добрый дух, а у костлявой непременно бес заведется.

Однако и женщина, видимо, почувствовала что-то. Улыбка моментально сползла с лица маркитантки, что, по правде говоря, не сделало ее много хуже. Она внимательно посмотрела на лица воинов, но тут же перевела взгляд на подошедшего Кармино.

Последний мог бы поклясться, что в глазах торговки на мгновение вспыхнул искорками и тут же погас нешуточный страх. Но солдата в тот момент волновало совсем другое.

«Откуда же она знакома мне? — спрашивал он себя. — А ведь я знаю, определенно знаю ее!»

Маркитантка воскликнула весело:

— Ну что, храбрецы? Дождались манны небесной? Какой солдат без чарки? Налетай! Уж коли командир ваш обещал раскошелиться, так не жалейте глоток! Веселей, молодцы!

Как ни бодро звучали ее слова, стражники не решились сделать первый шаг, видимо потому, что слова торговли предназначались для ушей настоящих солдат, а не для таких, как они, — горе-вояк. Видя их нерешительность, женщина сделал знак кучеру, тот протянул руку к секире стоявшего ближе других стражника и, заметив его недоумение и даже испуг, предложил:

— Ну так открывай сам?

Парень покорно отдал оружие. Кучер сделал знак другим стражникам, чтобы те взяли бочонок. Тут в голове Кармино завершился наконец мучительный мыслительный процесс — воин вспомнил, где видел маркитантку.

— Ты? — спросил он и потянулся за мечом. Кармино не мог ошибиться, а если так, то... она не могла быть женщиной. Ведь именно она, то есть он болтался сегодня на оборвавшейся веревке, изо всех сил стараясь вскарабкаться наверх. — Но зачем?

Еще не веря себе, еще надеясь, что открытие его окажется ошибочным, Кармино вновь повторил:

— Зачем?

— Мразь! — прошипела маркитантка. — Тебя не должно было здесь быть! Ну так получай!

С этими словами она очень быстрым, едва заметным движением выхватила длинный, тонкий кинжал и, резко выбросив вперед руку, ударила Кармино прямо в грудь. Воин захрипел, ноги его начали подкашиваться, но прежде, чем он успел рухнуть в пыль, безжалостный убийца выдернул свое оружие из тела умирающего. На одежду «маркитантки» брызнула кровь, однако та не обратила на это никакого внимания, ее кинжал, словно клюв хищной птицы, уже искал следующую добычу.

Кучер тоже не терял времени даром.

Он очень своевременно успел без особых усилий обезоружить сразу трех «храбрецов»: двое, не понимая, что происходит, продолжали держать бочонок, оружие третьего, такого же олуха, находилось в руках подручника убийцы. Он взмахнул секирой, и молодой ремесленник замертво упал поблизости от командира.

И снова топор вновь взлетел в черное как смоль сирийское небо. С гулким грохотом разбился бочонок, темно-красное вино смыло алую кровь с древнего камня стены. Но вот еще один несчастный скорняк или плотник рухнул в винное озерцо. Не шить ему больше кожаного гамбезона или котты, не сработать доброго стола или изузоренного сложной резьбой кресла.

Раньше всех опомнился Вальтер, хотя и наблюдал за происходившим издаലെка. Он выхватил меч и, бросаясь к месту схватки, завопил:

— *Le Baussant! Le Baussant!*⁷² Смерть предателям!

Однако храбрый храмовник совершенно забыл о возке, стоявшем внизу у стены, из которого, едва слышав крики первых жертв, выкатились отнюдь не кругленькие бочонки, родные братья только что разбившегося, а выскочили довольно крепкие мужчины. Часть из них натянули тетивы луков, а прочие, обнажив мечи, кинулись на помощь «маркитантке» и кучеру. Одна из стрел ударила в шлем тамплиера, две других пролетели рядом, но четвертая вонзилась прямо в бок храброму воину. Он зарычал от боли, громко помянул дьявола и, сломав стрелу, поспешил продолжить путь. Однако двигался он теперь куда медленнее и уже не подбадривал себя и не устрашал врагов своим зычным «*Le Baussant!*».

Приблизительно в этот момент пал последний из шестерых помощников Кармино, которые подошли к «маркитантке», другие трое, увидев, что происходит, не думая ни о чем, кроме собственного спасения, помчались вдоль стены к башне, где находились еще двое их товарищей.

— Снимите их! — закричала «торговка», указывая на бегущих. — И позаботьтесь о псах-храмовниках!

Тамплиеры-оруженосцы бросились на помощь своему раненому господину.

Часть лучников начала стрелять в них, а другие перенесли огонь на улепетывавших со всех ног «бойцов» несчастного Кармино. Кроме того, полку заговорщиков прибыло. Почти сразу же, как началась схватка, к первому возку подкатил второй. Из него тоже выско-

чило до дюжины лучников и мечников. Они бросились к лестнице. В руках у некоторых из них были мотки веревок. И это еще полбеды! Хуже было другое. Защитники стены, оставшиеся в явном меньшинстве (раненый рыцарь и несколько сержанов), даже и не заметили, что темнота со стороны Сильфиуса начала оживать. В ней уже явно слышались голоса и тихое ржание коней.

— Пстой, Жюль,— здоровяк кучер отодвинул в сторону миниатюрную «маркитанку».— Тебе с ним не справиться.

— Ты тоже будь осторожен, Кристон,— предупредила она.

И верно, храмовник, по-звериному оскалившись, поднял над головой обоюдоострый кавалерийский меч и обрушил клинок на выступившего вперед кучера. Тот отразил удар секирой, но рыцарь, несмотря на рану, стеснявшую его движения и причинявшую ему сильную боль, уже в следующее мгновение вновь изготовился для удара.

Хотя Вальтер и Кристон были одного роста, храмовник весил намного больше. Кучер сумел защититься, но не устоял на ногах. Упав в винную лужу, он выронил свое оружие. Последнее, что увидел в своей жизни Кристон,— взлетевший в небо клинок храмовника, разрубивший пополам серебряный «диржем» равнодушной к людским горестям луны. Продолжалось это видение не больше мгновения, меч Вальтера рассек голову противника от лба до подбородка. Однако товарищ погибшего не дремал. Уж коли он не смог спасти напарника в лихом деле, так должен был хотя бы отомстить его убийце.

Жюль сделал выпад, однако тамплиер успел вытащить меч из черепа трупа и отскочить на шаг назад. Острие кинжала лишь царапнуло по металлу кольчуги. Однако для Вальтера время торжествовать победу еще не настало. На стену вбежали один за другим с полдюжины вооруженных мечами молодцов. Храмовник отступил на несколько шагов и оглянулся. Первые из бросившихся ему на выручку оруженосцев пали, сраженные стрелами лучников.

Жюль сделал знак своим, чтобы не спешили. Сознательная сила, он злорадно улыбнулся и указал головой в сторону Сильфиуса:

— Ну что, пес? Прыгай!

Вальтер зарычал, точно барс.

— Или беги! — предложил победитель. — Теперь это уже не имеет значения. Пришел конец франкской Антиохии! Посмотри туда!

И правда, всего в нескольких туазах от стены появились восседавшие на маленьких лошадках всадники в войлочных куртках и тюрбанах. Жюльен что-то крикнул одному из них по-арабски, тот ответил.

— Они согласны подождать, пока ты не соберешься с мыслями, — пояснила «маркитантка». Но храмовник и без того все понял.

— Предатель! — прохрипел он, поднял меч над головой и, превозмогая боль, закричал: — *Le Baussant! Le Baussant!*

Боевой клич подействовал точно заклинание, он, казалось, вернул Вальтеру силы. Воин бросился на врагов. Некоторые от неожиданности попятились. Зазвенело железо, вспыхнули и сразу же погасли маленькие, брызнувшие во все стороны огненно-желтые искорки.

— *Le Baussant!* — рычал рыцарь, стремясь лишь к одному — подороже продать свою жизнь в последний ее миг. — *Le Baussant!*

— *En avant! En avant Vive li rois! Par gonfanons de Saint-Denys⁷³!* — точно эхом отозвалось снизу с внутренней стороны стены. — *Châtillon! Châtillon!*

Ренольду сегодня определенно не было суждено добраться до цитадели.

Сначала он решил ехать по запутанным кривым улочкам города, но заблудился, забравшись в какой-то тупик, и, проклиная все на свете, принялся искать выход к стене, чтобы уж впредь держаться ее — так точно с пути не собьешься.

Едва он, переполненный думами, воодушевлявшими и в то же время тревожившими душу в предвкушении

долгожданной встречи, выбрался из какого-то грязного вонючего проулка, как увидел вдалеке страшную картину. На мгновение он подумал, что каким-нибудь немислимым образом выехал из города и оказался с противоположной стороны стены, на которую совершили ночной примет язычники. Однако тут же сообразил, что такого просто не может быть и, следовательно, он все еще находится в городе.

Что же случилось? Конечно, измена!

Недолго думая, рыцарь выхватил меч и прищипил сытого, хорошо отдохнувшего коня. Жеребец, завидев сражавшихся, понял, чего от него хочет хозяин. Он и сам уже соскучился по настоящему бою. Ренольд атаковал с такой стремительностью, что лучники, слишком поздно увидевшие нового противника, не успели толком прицелиться. Давя изменников конем, разя мечом, рыцарь в одно мгновение рассеял их, принудив тех, кто не стал жертвой его бешеного напора, спасаться бегством. Это обстоятельство дало возможность нескольким сержанам беспрепятственно пробежать по стене и оказать помощь господину. Раненый, но еще способный сражаться, Вальтер получил поддержку.

Турки за стеной вмешиваться не спешили, очевидно, они хотели дождаться исхода схватки. Вмешательство Ренольда переломило ее ход, но лишь ненадолго. Заговорщики так же имели в запасе кое-какой резерв. Из ближайших проулков появились вооруженные мечами всадники на небольших лошадях и пехотинцы с пиками, всех вместе их, как мгновенно прикинул рыцарь, набралось не меньше десятка.

«Эх! — мысленно посетовал кавалларий.— Копье бы мне сейчас!»

Впрочем, для настоящей рыцарской атаки не хватало не только копья, но и пространства, возможности должным образом разогнаться. До ближайшего из всадников оставалось не больше двух десятков туазов.

И все-таки могучему, специально выезженному жеребцу не понадобилось набирать нужную для хорошей сшибки скорость. Он без труда опрокинул первую оказавшуюся на его пути лошадь и ее наездника. Тот

упал так быстро, что Ренольд даже и не успел почтить его ударом своего клинка. Зато второму пришлось изведать на собственной шкуре, что такое настоящий рыцарский меч. Молодой кельт так постарался, что развалил всадника от плеча до седла. Третий и четвертый противники погибли менее эффектно.

Как бы быстро и как бы храбро ни действовал Ренольд, он все же оказался в меньшинстве. Рассеянные им заговорщики опомнились, и уже более дюжины конных и пеших воинов устремилось к нему. Поскольку щита и ножных доспехов у рыцаря не было, наибольшую опасность для него представляли копейщики. Между тем те, видевшие, что стало с их товарищами конниками, старались держаться на расстоянии, норовили зайти со спины. Пилигрим, управляя дестриером с помощью одних только шенкелей, отбивался от окруживших его врагов сразу двумя мечами. Однако он не мог не понимать, что рано или поздно до него доберутся. Сбросят с коня и, не дав подняться, прикончат на земле.

Еще один из противников слишком приблизился (видно, не привык к рыцарской тактике ведения боя), за что немедленно и поплатился. Жеребец только и ждал ошибки человека, которому немедленно изловчился заехать в живот передним копытом. А когда несчастный согнулся пополам от страшной боли, молнией пронзившей все тело, разъяренное животное добило его ударом другого копыта, угодив им в голову.

— Ну что, псы поганые! — возликовал Ренольд. — Кто следующий?!

— Все равно мы тебя прикончим! — пообещал один из заговорщиков и дал знак товарищу. Тот сделал выпад копьём, целясь в пах грозному коню. Однако рыцарь не собирався за здорово живешь позволять какому-то грязному грифону посягать на гордость своего жеребца. Ренольд отбил выпад мечом.

Тем временем израненный храмовник и пятеро его оруженосцев вели неравный бой с заговорщиками на стене. Воинская выучка тамплиеров значительно превосходила умение противников, только это и позволяло франкам держаться так долго. Это и еще то, что сара-

цины за стеной продолжали хранить нейтралитет, несмотря на то что «маркитантка» не раз призывала их подниматься — веревки для них давно уже были сброшены. Однако турки явно не хотели рисковать.

Заговорщики, окружившие Ренольда, тоже предпочитали не лезть на рожон. Однако Жюль, отчаявшись дожидаться решительных действий от осторожных союзников, принялся понуждать к активности своих.

— Кончайте с ним! — кричал он резким визгливым фальцетом. — Убейте лошадь и прирежьте ублюдка!

Один из предателей сделал удачный выпад, ударив коня в грудь. Тот, ошалев от подобной наглости, взвился на дыбы, и всаднику, чтобы не упасть, пришлось, уронив короткий меч, вцепиться в гриву животного. В следующее мгновение кто-то, воспользовавшись тем, что оружие выпало из левой руки рыцаря, попытался схватиться за уздечку. Но Ренольд, как раз успевший справиться с конем, так сильно пнул смельчака сапогом, что тот отлетел в сторону.

«Сейчас или никогда! — мелькнуло в голове рыцаря. Он вновь сжал шенкелями бока жеребца. — Пробываться!»

Как раз в этот момент что-то очень сильно ударило его в незащищенное левое бедро, а в следующую секунду и несколькими вершками выше, в бок. Боль раскаленным металлом обожгла тело Ренольда. Дестриер, перестав чувствовать власть хозяина, немедленно вздыбился, теперь уже ничто не могло помочь рыцарю удержаться в седле. Однако прежде, чем рухнуть наземь, он увидел вдруг, что враги исчезли, а потом до его сознания донесся собственный боевой клич.

Оказавшись на земле, Ренольд подумал, что умер. Он закрыл глаза, потом открыл их и снова смежил отяжелевшие веки. Это не помогло, потому что среди множества воплей, раздававшихся вокруг, он неизменно слышал то и дело повторявшееся название родного замка. Наверное, следовало закрывать и открывать уши, но сделать этого храбрый кельт, как часто случается с покойниками, не мог.

Не мог он понять и сколько времени прошло, прежде чем кто-то... лизнул его лицо. Рыцарь заставил

себя разлепить веки, и увидел очень внимательно уставившегося на него... жеребца.

— Вы в порядке, мессир? — заботливо осведомился конь.

Пилигрим застонал и закрыл глаза, немедленно сообразив, что он далеко *не* в порядке. Поэтому, когда вопрос прозвучал вновь, рыцарь, только еле слышно произнес:

— Изыди, сатано!

— Не ругайтесь, мессир,— попросил конь.

Нет, этому было необходимо положить решительный конец. Ренольд открыл глаза и увидел... испуганную физиономию Ангеррана.

— Мессир, мессир, вы живы?! Мы победили! Вы в порядке?

— Не очень,— прошептал рыцарь одними губами и потерял сознание.

IV

Как узнал Ренольд несколькими днями позже, когда окончательно пришел в себя, подозрения оруженосца в отношении трактирщика полностью подтвердились.

Разумеется, Ангерран и в мыслях не держал злоумышлять на своего господина, а золотые, утаенные оруженосцем, понадобились, чтобы заинтересовать некоего человека, имевшего влияние среди городской бедноты, а именно, князя Тафюра. Действовать официально Ангерран не решился, да и кто бы стал слушать слугу, которого даже и собственный сеньор грозился поколотить при очередной попытке открыть ему глаза на козни изменников?

Теперь и в правду многое открылось. Оставшиеся в живых предатели спознались с заплечных дел мастерами в подвалах цитадели, отчего быстро сделались весьма откровенными.

К сожалению, самым главным заговорщикам удалось бежать, спустившись со стен по веревкам, приготовленным для передовой сотни всадников Нур ед-

Дина. С ними и ушли младший сын корчмаря, Рубен, и его патрон или патронесса... Вот тут-то и возникал вопрос, какого пола была «прачка Жоветт», «оруженосец Жюль», «божественная Юлианна» и безымянная «маркитантка»? Едва ли кто-нибудь смог бы ответить на него с полной уверенностью. Больше того, никто так же не сумел бы сказать, кому служила, служил или служило сие многоликое человеческое существо.

Становилось даже как-то страшновато, если подумать, что одно и тот же лицо могло действовать от имени как минимум трех властителей, поскольку это просто невозможно. И в самом деле, ведь интересы правителей мусульман, ортодоксов-ромеев и латинян невозможно совместить, ибо все они хотят получить одно и то же в одно и то же время. А раз так, то значит... *оно* работало на себя, всего лишь используя в *своих целях* всех могущественных владык.

Впрочем, ни один из уроженцев Жъена не думал об этом — к чему ломать голову над подобными вещами? Мало ли других забот? И слуга и господин мгновенно сделались в Антиохии людьми знаменитыми. И по заслугам — оба отличились, предотвратили катастрофу, можно сказать, спасли город.

Ангерран, кроме того, спас господина от гибели. Опоздай оруженосец и Тафюр со своими молодцами к месту схватки хоть на несколько секунд, заговорщики с превеликим удовольствием зарезали бы беспомощно распростершегося на земле тяжело раненого Ренольда, который в свою очередь своевременным вмешательством выручил из беды Вальтера.

Правда, храмовник пострадал куда сильнее. Изменники нанесли ему шесть серьезных ран, которые, несомненно, оказались бы куда более тяжелыми, если бы не кольчуга. Однако даже и при всем при этом казалось удивительным, что тамплиеру удалось уцелеть. Сам он приписывал свое чудесное спасение вмешательству божественных сил и еще тому, что происходил от одного из героев Первого похода, их-де Господь любил и отмечал особо. Так или иначе, нельзя не признать, что здоровье у потомка одного из славных пилигримов

Первого похода оказалось отменным, иной бы на месте Вальтера и вправду скончался.

Собственно говоря, и сеньор Шатийона остался жив благодаря в первую очередь именно доспехам. Первая рана, нанесенная попавшей в бедро стрелой, была не слишком опасной, а вот вторая... Если бы не добротная кольчуга, копьё, брошенное одним из заговорщиков, неизбежно пронзило бы Ренольда насквозь. А так врач-ромей промыл раны, смазал их какой-то мазью, отчего жар вскоре спал, и рыцарь постепенно начал поправляться.

Едва он очнулся, как его навестила верная Марго. Позже выяснилось, что она приходила и раньше, когда он лежал без сознания. Не слушая никаких возражений, добрая женщина заявила, что будет согревать своего героя в постели. Подобная самоотверженность не могла не дать результатов. Уже на третью ночь Ренольд и Марго предались столь страстной любви, что утром рыцарю потребовалась помощь врача — открылась только было начавшая затягиваться нанесенная копьем рана. Тогда Ангерран заявил служанке, что пропустит ее к господину, только если умрет. Правда, уже через неделю, отзывчивое сердце оруженосца смягчилось, и он разрешил Марго свидание с сеньором.

Надо ли говорить, чем закончился разговор рыцаря и посетительницы? Рана на сей раз не открылась, вероятно, лишь из-за одного весьма интересного обстоятельства, о котором мы скажем несколько позже.

Ангерран, вернувшийся, чтобы объявить Марго об окончании свидания, уже в коридоре услышал страстные стоны женщины, доносившиеся из комнаты господина, и, махнув рукой, отправился в корчму, где хозяин, сделавшийся с некоторых пор очень любезным, немедленно предложил ему вина.

Тем временем в горячих ласках наступил небольшой перерыв.

— О мессир! — воскликнула Марго, прижимаясь к любовнику большой горячей грудью и топя его в водопаде черных густых волос.— Вы прекрасны! Я верю, что наша встреча не пройдет даром, теперь я обязательно рожу мальчика!

Так впоследствии и получилось, через девять месяцев у служанки княгини Констанс родился здоровенький бутузик. Марго была на седьмом небе от счастья, но уже спустя полгода неутешно рыдала, оплакивая внезапно скончавшееся дитя. Марго, разумеется, и мечтать не могла о том, чтобы выйти за замуж за возлюбленного, и честно призналась, что не имела мужчин с тех пор, как простилась с ним уже больше года назад в дальних закоулках княжеского дворца. Правда, при этом добавила:

— Если я и позволяла кому-нибудь взять меня, то только за деньги. Это ведь совсем другое, правда?

— Правда,— не стал спорить рыцарь. Он далеко еще не пришел в норму и потому не чувствовал в себе сил осведомиться о здоровье и благополучии княгини.

Ренольд уже знал, что Нур ед-Дин принял посольство и дары Эмери и дал франкам десять дней, взяв взамен обещание, что, если за это время король не придет к латинянам на помощь, они добровольно сдадут ему город. Впрочем, как уверял Ангерран, язычник сразу после переговоров с патриархом, взяв часть войска, ушел в Алеппо, что произошло исключительно по причине провала ночного штурма, в котором так отличился младший сын Годфруа Жьенского.

Так это или нет, но еще до прихода дружины Бальдуэна осада была фактически снята. Молодой король даже предпринял наступательные действия, он сумел изрядно потрепать остатки войска Нур ед-Дина, но попытка вернуть хотя бы Гарен провалилась. Видимо, все же из-за того, что с Бальдуэном прибыли всего лишь полторы сотни рыцарей, хотя и самых дисциплинированных,— дружина короля состояла главным образом из тамплиеров.

О княгине Марго заговорила первой.

— Госпожа так восхищена вами,— начала она.— Она сама велела мне услужать вам...

«Знала бы она, как ты тут служишь! — подумал Ренольд и вдруг испугался: — А что, если княгиня знает? Получается, что ей все равно?»

Марго между тем продолжала:

— Она велела передать вам денег, чтобы храбрейший из рыцарей Антиохии ни в чем не нуждался... Ох, нет-нет, — спохватилась служанка, увидев, что рыцарь хмурится. — Она сказала, что это в долг, вы отдадите его, когда вступите во владение своим фьефом, который она вам пожалует, если вы того захотите. Если нет, она скажет своему кузену, королю Бальдуэну, и он примет вас к себе на службу. Он, конечно, также даст вам землю и рабов, и вы сможете вернуть эти деньги моей госпоже...

Служанка сделала паузу, а потом закончила:

— Хотя, сказать по правде, моя госпожа надеется, что вы примете ее предложение...

— Ну разумеется, — произнес Ренольд, — я понимаю, у Антиохии почти не осталось защитников. Поэтому ее сиятельство государыня княгиня и считает, что мне предпочтительнее остаться здесь...

— О нет! — Марго лукаво улыбнулась. — Нет и нет! Моя госпожа, конечно, нуждается в таких храбрых рыцарях, но... вас она особенно выделяет и хочет видеть при своем дворе.

«Особенно выделяет? Хочет видеть при дворе! — в душе рыцаря боролись противоречивые чувства. — Только и всего?!»

Тут пилигриму очень кстати вспомнились слова мудрого Ангеррана, который изрек: «А чего бы вы хотели, мессир? Чтобы она указала вам на кровать и сказала бы: “Милости прошу в мою постель, мессир рыцарь, а наутро раструбите всем про то, как легко отдалась вам сиятельная княгиня!”? Фьеф? — спросил себя он без всякого энтузиазма. — Конечно, теперь и король охотно примет меня на службу, даст замок и землю с крестьянами, хотя бы уже чтобы не обижать овдовевшую кузину».

Заметив, что любовник загрустил, Марго, тихо как мышка лежавшая рядом, решила развеять его печаль доступными женщине средствами. Она принялась поглаживать бедра и живот Ренольда, что уже скоро дало ей право прошептать:

— Мессир, по-моему, аппетит у вас снова проснулся.

Пилигрим, разумеется, не мог не признать подобно-го факта и притянул Марго к себе.

— О нет, о нет, мессир, — мягко отстранилась та. — Вам нельзя... так много. Вы же ранены!.. — Впрочем, через несколько секунд любовница сдалась. — Ну, если это приказ... я с удовольствием выполню его. Утолять ваш голод для меня большая честь и удовольствие.

Не успели рыцарь и его партнерша завершить «утоление голода», как в дверь постучали.

— Входи! — крикнул Ренольд, решив, что это, скорее всего, Ангерран.

Дверь распахнулась и в комнату вошел... сам король Иерусалимский, Бальдуэн.

— О шевалье! — воскликнул он. — Вы заняты? Может быть, мне зайти попозже?

Надо ли говорить, что пилигрим «не позволил» сиятельному гостю «зайти попозже»? Осознав важность момента, Марго схватила одежду и выскользнула в коридор. Едва она удалилась, Ренольд попытался встать, но король строго-настрого запретил ему это.

— Лежите, шевалье, вы ранены. Княгиня Констанс рассказала мне об обстоятельствах, при которых вы получили рану. Я рад снова видеть вас и знать, что теперь ваша жизнь вне опасности.

Слушая слова короля, Ренольд мог бы поклясться, что звучат они не вполне искренне. Бальдуэн не слишком-то умел скрывать свои истинные чувства. Что-то беспокоило его, и говорил он, стараясь не смотреть в глаза собеседнику. Однако, задав все приличествовавшие случаю вопросы, король все же собрался с духом и попросил:

— Ее сиятельство, княгиня Констанс, и члены Высшей Курии княжества Антиохийского просили меня временно взять на себя заботу об этом государстве. Как регент, я от своего имени и от имени моей кузины прошу вас принять приглашение переехать во дворец. По крайней мере до вашего выздоровления...

Он сделал паузу, и рыцарь, решив, что ему следует

ответить, хотел уже раскрыть рот, но король сделал ему знак помолчать и продолжал:

— Я специально пришел сюда, шевалье Ренольд, чтобы поговорить с вами без посторонних и... случайных свидетелей...

По тому, как Бальдуэн произнес слово «случайных», пилигрим понял, что ни о какой случайности речь не идет. Молодой правитель Иерусалима почесал светлую бородку:

— Скажите, мессир, вернее, расскажите мне все о той пластинке, что ваш слуга нашел в мехе из-под вина. Пожалуйста, не упустите ничего, мне важно все, каждая мелочь!

— Но, государь...— начал Ренольд.— Что тут рассказывать? Мне бы не хотелось передавать досужую болтовню слуг... Моему оруженосцу вечно что-нибудь мерещится. То заговоры, то... да вообще чушь всякая. Он, видите ли, вдолбил себе в голову, что именно из-за этой дурацкой пластинки меня чуть и не зарезали во дворце вашей матушки... то есть, конечно, в вашем дворце...

— Не зарезали во дворце? — удивился Бальдуэн.— О чем вы, шевалье?

— Да мне, право, и неловко, сир,— смутился пилигрим.— После того как вы уехали в Яффу в гости к вашему братцу, его сиятельству Аморику, ее величество королева Мелисанда, ваша матушка, призвала меня к себе...

Увидев выражение, появившееся на лице короля, Ренольд замолчал и спросил:

— Что-то не так, государь?

— Говорите, говорите.

— Мы так хорошо побеседовали! Ее величество даже обещала походатайствовать за меня перед вашим величеством... Я понимаю, что не совсем хорошо повел себя по отношению к своему сюзерену, без спросу оставив его и не заплатив долга, но...

Короля явно не интересовали объяснения рыцаря.

— Вернемся к вашему визиту во дворец, шевалье,— перебил его Бальдуэн.— Когда вы там были?

Ренольд наморщил лоб:

— Да пожалуй, в конце мая, а то даже и в начале июня... — Ему вдруг очень захотелось покончить с этим нелепым рассказом: — Когда я возвращался от вашей матушки, то ненароком заблудился во дворце, и какие-то два сукиных сына напали на меня и чуть не прирежали. Благо, на мне под камзолом оказалась специальная кольчуга... Что-нибудь не так, сир?

Король, не глядя на рыцаря, покачал головой, однако дальнейшие слова его свидетельствовали об обратном.

— Но меня не было в это время в Яффе, — задумчиво проговорил Бальдуэн. — Может, я и покидал Иерусалим на день-два, но... я не ездил к графу! Это-то уж я точно помню. Во всяком случае в июне.

Бальдуэн на какое-то время умолк, но и также не говорил ни слова, дожидаясь, пока гость сам не прервет паузу.

— Все это странно, мой дорогой шевалье Ренольд, — произнес тот наконец. — Однако теперь я понимаю причины вашего скорого отъезда. Признаюсь, я рассердился на вас, даже негодовал, сочтя такое поведение дерзостью. Простите меня. Теперь все разъяснилось... По крайней мере в отношении вас и этого обстоятельства... И все же, мессир, вы не помните, чтобы было на той пластинке?

— Нет, государь. Пластинка как пластинка, — пожал плечами пилигрим. — Ясно, что там было какое-то послание, наверное, очень важное и секретное, но я не понимаю языка неверных, а уж слуги мои и тем более. Почему бы вам не велеть какому-нибудь грамотею просто прочесть то, что на ней написано?

— Она пропала, — мрачно отозвался король.

— Из канцелярии? — искренне удивился Ренольд. Он и представить себе не мог, что из такого важного учреждения, каким, вне всякого сомнения, являлась королевская канцелярия, могло что-то пропасть. — Но каким образом?

— Я бы сам хотел узнать каким, — не без легкого раздражения признался Бальдуэн. — Она была, мне говорили, что какой-то рыцарь нашел ее где-то среди своих вещей и принес. Даже не сказали, что это были

вы. Я хотел посмотреть, но... нахлынули другие дела, а потом... ну, в общем, не важно...

Его величеству не хотелось признаваться собеседнику в том, что нахлынувшие дела на самом деле означали выезд на охоту, после которой он, первое лицо государства Иерусалимского, напрочь забыл про какую-то там пластинку с какими-то там письменами. Он даже не мог припомнить, отчего вообще спросил о ней канцлера. Кажется тот сам о ней заговорил, начали искать и не нашли. Тогда это, конечно, не порадовало, но и, если уж откровенно, не насторожило Бальдуэна. Теперь же, после допроса участников ночной схватки на городской стене в виду Сильфиуса, а особенно в свете показаний Ангеррана, выслеживавшего вместе с людьми Тафюра трактирщика Аршака, многое изменилось.

Вместе с патриархом король бывал и в пыточных подвалах, где в надлежащей обстановке побеседовал с корчмарем-армянином и кое с кем из его окружения. Однако они являлись лишь мелкой рыбешкой, крупная же ушла. Хозяин постоялого двора рассказал все, что знал, но знал он немного. Его младший сын, а особенно *божественная* (сделавшаяся теперь *проклятой Господом*) Юлианна могли бы сообщить куда больше подробностей, но увы.

Король напрасно надеялся, что рыцарь добавит что-нибудь к тому, что уже стало известно относительно пластинки. Сияясь хоть чем-нибудь помочь расстроенному властителю Утремера, пилигрим сказал:

— Сир, там на обороте пластинки я видел какой-то знак, что-то вроде их богомерзкого серпа. Вернее, двух серпов в круге... Хотя, может, то были вовсе и не серпы.

Король кивнул и, сняв с пояса, развязал небольшой шелковый кошель. Достав оттуда единственный хранившийся там предмет, Бальдуэн показал его рыцарю.

— Точно такой, государь! Точно такой! — воскликнул Ренольд, глядя на лежавший на ладони гостя серебряный круг с вписанными в нем двумя арабскими девятками, положенными одна напротив другой. — Очень похожая штука! Что это?

— Эту штуковину здешняя городская стража обнаружила на стене после той схватки с заговорщиками, в которой вы так отличились. Этот предмет, наверное, обронил в пылу сражения кто-то из вожаков, — проговорил Бальдуэн. — Она называется «саратан» и является знаком четвертого месяца в календаре, которым пользуются некоторые из язычников. Еще, как говорят их маги, рисунок этот символизирует посланца.

Ренольд не скрывал того, что оказался просто погребен под грузом нежданно-негаданно свалившейся на него информации.

— Откуда вы все это знаете, сир? — спросил он наконец, глядя на гостя с самым настоящим суеверным страхом. — Вы, наверное, тратите на чтение и всякие там науки страшно много времени?

Король пожал плечами.

— Надо знать, с кем воюешь, — сказал он. — Вам придется усвоить это и еще многое, если хотите остаться на Востоке... Кстати, кузина и сама сказала бы вам, но уж, коль скоро я здесь, то скажу я. Мы предлагаем вам небольшое земельное владение на склоне Черной Горы, у дороги, что ведет к гавани Сен-Симеон. Там, насколько я помню, есть три небольшие деревеньки, населенные преимущественно схизматиками и язычниками, они не пострадали от налетов варварской конницы. Рабы, жившие там, всегда исправно платили дань своим бывшим хозяевам, последний из которых пал вместе с князем Раймундом в той несчастной битве под Инабом... — Бальдуэн вздохнул и продолжал: — Там стоит башня... Вернее сказать, стояла, потому что, как нам доносят, неверные разрушили ее. Она называлась Калат Баланк, так язычники на своем варварском языке произносят благозвучное французское «Белый замок». Речь идет не о Сафите, которую тоже иногда называют Кастель Блан...

Король сделал паузу, наверное подумав, что не следует продолжать, ведь вышеупомянутая Сафита находилась менее чем в трех лье от памятной Ренольду Араймы. Несколько натянуто улыбнувшись, государь Иерусалимский продолжал:

— Кузина сама расскажет вам. Она знает лучше... Впрочем, если хотите, можете поступить на службу ко мне, я в данном случае говорю не как байи, а как король.

— Благодарю вас, сир,— воскликнул Ренольд.— Благодарю и вас и вашу кузи... и ее сиятельство княгиню Констанс. Мне очень лестно ваше предложение, государь... я имею в виду последнее, то, где вы выступаете как правитель Иерусалимского королевства. Я бы с радостью принял его, но... у вас много добрых рыцарей, а у ее сиятельства почти никого не осталось. Кто-то должен охранять эту землю? Поэтому, хотя я и с большим удовольствием последовал бы за вами, мне представляется более правильным принять предложение вдовствующей княгини.

Бальдуэн просиял:

— Другого ответа я и не ждал!

На сей раз король радовался искренне. Ему очень не хотелось, чтобы человек, ведавший о каких-то неприглядных делах, творившихся при иерусалимском дворе, да к тому же еще и связанных с королевой-матерью, находился рядом. Бальдуэн знал куда больше, чем сказал Ренолду, короля гораздо сильнее волновало не то, что было написано на злополучной пластинке, а то, кто стоял за ее исчезновением из канцелярии.

Впрочем, в том, кто именно находился на самом дальнем конце этой ниточки, молодой правитель Утремера уже не сомневался.

Теперь осталось только завершить беседу.

— Надеюсь, мессир,— продолжал он,— надеюсь, все, о чем мы с вами говорили, останется между мной и вами? Я имею ввиду ту пластинку. Мне не хотелось бы, чтобы начались какие-нибудь пересуды. Вы понимаете меня?

В какой мере совершенно не искушенный в интригах пилигрим уразумел, что имел в виду его гость, сказать трудно. Одно ясно, он почувствовал, не мог не почувствовать, что куда умнее будет раз и на всегда забыть о существовании той чертовой пластинки.

— Даже и не сомневайтесь, сир! — воскликнул он.— Я не только сам никогда не упомяну о находке моего

слуги, но и его заставлю сделаться немым. Будьте уверены, у меня очень неглупый оруженосец. Он, вне сомнения, сообразит сразу, что лучше держать язык за зубами, чем вовсе лишиться его. Вам нет нужды беспокоиться.

— Замечательно,— король поднялся.— И хотя я только что потерял вассала,— проговорил он со вздохом — нет, не огорчения, а скорее облегчения,— я рад, что вторично обрел в вас друга.

Уже уходя, Бальдуэн, задержавшись у двери, сказал:

— Хотя годами вы и старше меня, мессир, но я родился здесь... Поверьте, тут многое не так, как в Европе, если хотите прожить в Утремере свой век, вам придется кое-чему научиться.

— Спасибо, государь,— ответил рыцарь, не слишком-то понимая, за что благодарит гостя.

Король кивнул:

— До свиданья.

— До свиданья, сир.

V

Несмотря на то что Ренольд принял предложение и переехал жить во дворец, прошло не меньше трех месяцев, прежде чем состоялась его столь желанная приватная встреча с вдовствующей княгиней. Разумеется, на людях они виделись, и не раз, однако остаться наедине не получалось. На торжественных приемах или на советах княгиня обращала на рыцаря из Шатийона внимания не больше и не меньше, чем на прочих своих ленников. Среди придворных даже пошел слухок, что с одним или двумя из них вдова завела интрижки.

Если бы не Марго, пилигрим решил бы, пожалуй, что Констанс им больше не интересуется. Однако служанка уверяла любовника, что это не так, а главное, клялась всеми святыми, что разговоры о якобы имевших место романах княгини — не что иное, как пустая болтовня. Он же не знал, верить Марго или нет. Ренольд грустил, не чувствуя на себе больше полного

призыва взгляда, который не раз бросала княгиня на него, молодого варвара из-за моря, на той ассамблее, где французские рыцари своим упрямым: «На Дамаск!», по сути дела, подписали смертный приговор князю Антиохии.

Впрочем, особенно скучать новоиспеченному землевладельцу не приходилось. Ждала его нелегкая рыцарская работа. Выздоровев, он с Ангерраном, слугами и двумя дюжинами воинов, что нанялись служить ему, новому сеньору Калат Баланка, отправился вступить в права владения.

Сказать по правде, фьеф поначалу разочаровал хозяина. Начать уже с того, что никакого Белого Замка пилигрим не обнаружил, найдя вместо него, как и предупреждал король, одну лишь грудку камней, из которых то тут то там торчали изрядно обглоданные койотами, исклеванные коршунами и воронами человеческие конечности. Попадались и покинутые все теми же любителями мертвечинки черепа с волосами и остатками плоти.

Едва Ренольд подъехал к своему «замку», как оттуда выпрыгнул огромный кролик и тупо уставился на людей, как бы желая сказать им: «Вам-то чего тут надо? Да-да, я — кролик... плотоядный. Что, не видели таких? Говорили же вам, мессир, для того, чтобы прожить свой век на Востоке, надо многому научиться. Эти вот, что лежат тут, не научились, хотя век, почитай, прожили, правда недлинный. Так-то вот! Впрочем, не зря говорят, что, мол, каждому свое!»

Конечно, утверждать с точностью, что именно было на уме у грызуна, нарушившего, по мнению пришельцев, законы природы, едва ли представлялось возможным даже тогда и уж, тем более теперь, спустя почти восемь с половиной веков. Но, так и или иначе, доподлинно известно — Ренольд де Шатийон немедленно понял, что просто обязан переименовать столицу своего первого в Святой Земле фьефа.

Кролик произвел неизгладимое впечатление на весь отряд. Никому из воинов не пришло в голову подстрелить животное, хотя арбалеты и луки имелись едва ли не у половины. «Никак, в него нечистый вселился», —

пробурчал кто-то, и по шепотку, прошелестевшему по колонне, стало понятно, что предположение это встретило понимание. «Ты видел? — обратился Ренольд к Ангеррану. — Такое впечатление, что он весь раздулся от дерьма. Предлагаю назвать это гаденькое местечко, этот проклятый Белый замок на Черной горе — Ле Клапьер».

С тех пор никто здесь, кроме местных жителей, больше не называл фьеф Ренольда иначе, чем Кроличьей Норой.

Далее последовало знакомство с местными жителями. Всего в населенных пунктах, пожалованных французскому рыцарю, проживало не более двухсот человек⁷⁴.

Едва ли можно утверждать, что встреча прошла в атмосфере дружбы и взаимопонимания. Первой сеньору попалась деревня, населенная мусульманами. Раис⁷⁵ делал вид, будто плохо понимает, что от него хотят. Он, очень энергично жестикулируя, объяснил новому господину, что *проклятые захватчики* (надо думать, единовержцы старосты, которые побывали тут последними и превратили в груды камней Калат Баланк) обобрали всех до нитки, что единственное, чем питаются жители — прошлогодняя солома и кора с деревьев, а также камни со склонов Амана, так называли они на своем языке Черную гору.

Раис, постоянно поминая то Аллаха, то Аримана, используя всего несколько франкских слов и изъясняясь главным образом на языке жестов, обрисовал картину страшнейшего разорения, пережитого жителями селения. Ренольду немедленно захотелось вздернуть старосту и еще парочку-другую гнусных язычников, однако Ангерран, продемонстрировав в очередной раз поразительную мудрость, предложил взять в заложники сына раиса. Что и сделали.

Ввиду отсутствия дрогомана*, суть требования сеньора все тот же Ангерран втолковал крестьянам на родном наречии с использованием все тех же жестов и на удивление успешно. Как бы там ни было, но раис и

* Д р о г о м а н — переводчик.

другие старейшины прекрасно поняли, что новый господин шутить не будет, и на утро, едва взошло солнце, к лагерю Ренольда, разбитому у Кроличьей Норы, пришло две дюжины молодых парней. Они привели с собой мулов и осликов, на которых привезли все требуемые для войска припасы и инструменты, необходимые для восстановления укрепления.

Другие деревни, куда меньшие по размеру и населенные греками-ортодоксами, также прислали все, что обещали. Беседы, проведенные накануне со старейшинами и крестьянами, мало чем отличались от задушевного разговора с их соседями мусульманами. Общение происходило на языке франков, хотя в отряде Ренольда нашлось бы как минимум десятков воинов способных вполне сносно изъясняться по-гречески. «Нечего баловать! — заявил сеньор. — Все понимают собаки схизматики, когда хотят!»

Подход Ангеррана оказался эффективен во всех трех случаях. Чадолубие раисов неизменно играло положительную роль.

В начале осени строительство завершилось. Сеньор нашел уместным временно покинуть свой фьеф, оставив за главного самого опытного из солдат, Индольфа Чаккобуса⁷⁶, прозванного так из-за шлема, напоминавшего по форме кастрюльку и оттого казавшегося другим воинам смешным. (Сам владелец забавного головного убора никак не реагировал на остроты и скоро шутники умолкли, прозвище же, как часто случается, осталось.)

В сопровождении сколь же мудрого, столь и верного Ангеррана и еще полудюжины солдат Ренольд отбыл в столицу. Наступало время поговорить с молодой вдовой наедине.

Свидание, которого так добивался рыцарь, состоялось в спальне княгини.

— Довольны ли вы своим новым фьефом, мессир Ренольд? — спросила Констанс после обычных приветствий. — Присядьте, не стойте, вы, верно, устали с дороги?

— Ну что вы, государыня,— с поклоном ответил новоиспеченный феодал, но опустил в кресло напротив хозяйки.— А что до моих скромных владений, то я как раз и хотел доложить вам, что башня восстановлена и даже окружена невысокой стеной. Зимой я рассчитываю продолжить работы. Думается мне, что Ле Клапьер сможет стать неплохим фортом. Если я сумею сделать все так, как задумал, то для разбойников язычников мое укрепление сделается неприступной крепостью. Ну конечно, о том, чтобы отражать там натиск более серьезного неприятеля, говорить едва ли уместно, хотя при должном мужестве защитников, возможно, удастся выдержать не один приступ.

Княгиня изобразила на своем лице живейшее участие.

— То, что вы говорите, мессир, просто замечательно! — воскликнула она.— Теперь, когда неверные покинули пределы нашего многострадального княжества, мне представляется особенно важным как можно скорее восстановить все, что они разрушили. Как доносят мне отовсюду, масштабы разорения просто катастрофические.

Ренольду не хотелось расстраивать хозяйку, и он сказал:

— Нет, ваше сиятельство, нет. Разрушения и правда большие, но на то и существуют рабы, чтобы трудиться не покладая рук. Они прекрасно справляются со всем, что им поручишь, когда берешь в заложники их старших сыновей. Ангерран, мой оруженосец, предложил мне поступить так. Мы с ним одногодки, вместе росли в Жьене. Его мать выкормила меня грудью...

— Как интересно...

«Дьявол! Что я несу?! При чем тут Ангерран?! Хотя, раз уж зашла речь...»

— Он не раз спасал мне жизнь, государыня,— продолжал Ренольд.— Я полагаю, что он вполне заслуживает шпор.

— М-м-м...

— Да, ваше сиятельство, я потеряю доброго слугу,— с искренним сожалением произнес пилигрим.— Но я надеюсь, что другом он мне останется.

— Хорошо, мессир,— Констанс кивнула и с явным безразличием произнесла: — Мы подумаем, что можно для него сделать. Что у вас еще?

Ренольд оторопел. От княгини словно бы повеяло холодком.

— Ваше сиятельство...— начал он.— Я... у меня...

— Называйте меня мадам, сир Ренольд,— недовольно скривив капризные губы, проговорила хозяйка и еле слышно добавила: — Если уж у вас нет для меня иного имени... Ну так, что дальше? — закончила она громко.— Я вас слушаю!

Пилигрим и сам не понял, что случилось, его словно бы обдало жарким дыханием вулкана. Какое-то необъяснимое чувство охватило его — наитие, наваждение...

— Мадам! — воскликнул рыцарь и вдруг опустился перед княгиней на правое колено.— Я больше не могу выносить разлуки с вами. Больше того, даже и когда мы встречаемся, и тогда не наступает облегчения! Будь я проклят! Пусть лучше война, пусть я погибну, сгину в бою! Пропаду в плену у неверных! Только пусть кончится эта мука!

Он схватил пухлые ручки Констанс и принялся страстно целовать их. Женщина не отстранилась, и Ренольд, уловив в ней молчаливый призыв, привлек ее к себе. Рыцарь без милости сжал даму в объятиях. Тончайший шелк ее красной, вышитой золотой нитью, украшенной драгоценными камнями камизы заструился под грубым пальцам воина. Какой же должна была быть кожа на ее мягком, но в то же время и упругом теле? Жаркое, страстное, ненасытное, полное жизненной силы и неукротимой энергии, это тело дало жизнь четверем прекрасным детишкам, и оно могло произвести на свет еще столько же или даже больше малышей, его, Ренольда Шатийонского, наследников! Оба часто дышали. Рыцарь целовал ее полное раскрасневшееся лицо, сделавшееся от сильной страсти, охватившей даму, еще более прекрасным.

Тем временем руки его проникли под красный шелк камизы Констанс и, отдав дань атласным круглым коленям, начали подниматься выше и выше, не встре-

чая ни оборонительных сооружений (панталончиков на Констанс отчего-то не оказалось), ни сопротивления, точно победоносное рыцарское войско. Пальцы Ренольда гладили, мяли, сжимали налитые бедра, и вот они уже приблизились к заветному лону.

— Нет,— прошептала княгиня,— нет, милый мой, нет!

— Ну почему? — спросил Ренольд, не приостанавливая победоносной атаки.— Ну почему, почему любовь моя?!

Поведение сиятельной наследницы Антиохии мало чем отличалось от поведения служанок, горожанок и придворных дамочек. Каждое следующее ее «нет» звучало все более похожим на «да». Вместо ответа Констанс вскрикнула и тихонько застонала, но то был не стон боли.

— Что ты делаешь? — прошептала она.— Ну зачем?

Рыцарь решил, что лучшим ответом станут не слова, а действия. Примерно через полчаса после начала штурма жизнь полностью подтвердила правильность избранной им тактики.

Государыне пришлось признать правоту ленника. Крепость сдалась на милость победителя и с ликованием впустила его войска в свои ворота. Любовники не дали себе труда даже переместиться на более удобное место, хотя широкая кровать, укрытая полупрозрачной тканью балдахина, находилась рядом.

Дама не скрывала восхищения.

— Я в жизни не знала ничего подобного,— призналась она.— Мне ведь и девяти не исполнилось, когда меня выдали замуж за князя. Я вошла в возраст только через четыре года. Все это время он не слишком-то соблюдал супружескую верность, но Эксиния сказала, что я не должна ревновать. Она мудрая, когда у дам или служанок возникают какие-нибудь беды или просто не с кем поделиться и попросить совета или помощи, мы все к ней бежим без чина. Я и не ревновала... Как могла. Однако после того, как я стала женщиной, мало что изменилось. Со мной он лишь выполнял супружеский долг. Но и я ведь живая, правда?

— Ты — моя императрица! — воскликнул Ренольд. — Я бы ни за что не стал заставлять тебя делить меня с другой!

— Не клянись, — посмотрев на него с укоризной, покачала головой Констанс. — Я велела Марго ни в чем тебе не отказывать. По-моему, для нее это не тягостная обязанность? Не делай вид, что ничего не понимаешь. Я не сержусь, наоборот, пусть она заставит тебя забыть о других в мое отсутствие. Я не хочу, чтобы он, — княгиня многозначительно скосила глаза, — голодал. Нам не часто придется видеться. Если ты хочешь получать меня не от случая к случаю, тайком и урывками, как сейчас, ты должен помнить, что неосторожность может стоить нам больших неприятностей.

«Возможно ли? — рыцарь не верил своим ушам. — Она хочет, чтобы я стал ее мужем?!»

— Кузен предложил мне выгодную партию, — продолжала Констанс с усмешкой. — Даже не одного, а целых трех женихов на выбор. Один другого краше, богаче и знатней. Ив де Несль, граф Суассонский. Ты знаешь его, этот замухрышка много о себе воображает. — Княгиня брезгливо поморщилась и вдруг добавила: — И мой кузен тоже! Не нравится, говорит, возьми Вальтера де Фоконбера. Этот остолоп только тем и кичится, что его семье когда-то принадлежало княжество Галилейское. Точно не знает, что оно и основано было для троюродного брата моего отца, Танкреда д'Отвилля. Он-то был князем, а они...

Констанс махнула рукой.

Занервничавший было Ренольд немного успокоился, тон, которым она давала характеристики личным качествам женихов, не допускал благоприятного исхода сватовства.

— А третий, — наследница надула губы, — я его, правда, не видела, но он — какой-то там барон из Триполи! Представляешь? Я даже имя его забыла... нет, подожди, вспомню, Рауль, Рауль де Мерль! Я сказала кузену, чтобы и думать не смел ни про какие свадьбы. У меня траур! А этому Раулю я велела передать, чтобы и вовсе не беспокоился!

— Триполи,— подхватил Ренольд,— в Триполи никто не умеет как следует драться. Эх и надрали же мы им загривки под Араймой! Гнали этих жеребят⁷⁷ до самых ворот их столицы. Ей-Богу, имей я сотню добрых рыцарей, взял бы ее штурмом и преподнес бы тебе, моя любимая!

Оба задумались: а не плохо бы! Вот и вотчина для старшего сына Раймунда, Боэмунда, когда придет время. Малышу Бальдуэну — Тортосу. Вот бы славно?! А самим здесь править без хлопот!⁷⁸

Никто из них, ни княгиня Антиохии, ни ее новоиспеченный вассал и любовник, ни о чем не спрашивал другого, не строил никаких планов. Оба раз и навсегда уверились в мысли, что они неизбежно, неминуемо должны быть вместе.

Словно проникнув в тайные думы Ренольда, Констанс сказала:

— Но если кузен узнает что-нибудь про нас раньше времени, он придет сюда с дружиной и заставит меня покориться. Потому-то, любимый мой, нам и придется вести себя очень-очень осмотрительно.

— Но сколько же нам ждать?!

— Не знаю, верю лишь, что момент такой настанет,— твердо произнесла Констанс.— И мы его не упустим!

Ренольд промолчал, ему вдруг показалось, что, произнося последние слова, княгиня мысленно погрозила кому-то кулаком.

VI

Томительно тянулось ожидание.

Чтобы как-то забыться, Ренольд погрузился в труды. Всю зиму он занимался строительством. Получив от княгини щедрое вспомоществование, рыцарь нанял мастеров-ромеев, стараниями которых Ле Клапьер превратилась в довольно крепкий орешек. Тот, кто решил бы расколоть его с налету, мог riskовать сломать свои зубы, какими бы острыми они ни были.

С трех сторон перед сравнительно невысокой, сложенной из дикого камня стеной выкопали глубокий

ров. С четвертой крепость защищал глубокий овраг. Пользуясь тем, что башня стояла на пригорке, специалисты повысили обороноспособность укрепления, сделав часть склона и сделав его почти вертикальным. Стены смыкались с донжоном, благодаря чему замок тут делался практически неприступен для войск, использовавших легкие осадные средства. Из-за сравнительно малых размеров едва ли кому-нибудь пришло бы в голову штурмовать Ле Клапьер с помощью катапульта. (Для этого пришлось бы по-настоящему разозлиться на его владельца.)

Мастера углубили и расширили имевшиеся под башней подвалы, теперь там могло храниться такое количество провизии, которого нынешней дружине Ренольда хватило бы на целый год. Не забыли и о конюшнях для лошадей. По распоряжению княгини-покровительницы сенешаль Антиохии открыл крышки сундуков Секрета⁷⁹ и ссудил нового вассала деньгами, на которые он приобрел несколько коней и вьючных животных.

Количество же воинов рыцарь пока увеличивать не стал, так как вследствие этого автоматически возросло бы количество едоков. Однако обзавелся несколькими конюхами и грумом. Взял себе и нового оруженосца. Ангерран, который пока продолжал оставаться слугой, все чаще выполнял особые поручения сеньора.

По причине весьма сжатого, как мы бы сейчас сказали, штатного расписания молочный брат объединял в своем лице одновременно сенешаля и коннетабля двора сеньора Кроличьей Норы. Последний называл Ангеррана мажордомом. Впрочем, замок мало походил на жилище барона или даже обычного кастелэна в Европе, это был самый настоящий форт, в котором практически отсутствовали женщины, за исключением, конечно, прачек и стряпух.

Даже если бы владелец имел жену или дочь, те, вне всякого сомнения, предпочли бы обменять комнаты в угрюмой башне на уютный домик в цветущей, полной жизни Антиохии. Никогда еще с самого основания своего город этот не переживал такого подъема, как во времена владычества пришельцев с Запада. Увы, Жемчужина Сирии, не в пример нынешней своей госпоже, пережи-

вала последний приступ молодости, веселилась, точно знала, пройдет еще чуть больше столетия (а это не так уж много, если учесть, что город к описываемому нами моменту просуществовал на свете уже почти полтора тысячелетия), и женихи позабудут ее, оставив красотку доживать век в нищете и забвении.

Тем временем старательно хранившим свою тайну влюбленным пришлось пережить немало неприятностей и неудобств, связанных с необходимостью преодолевать неожиданные препятствия и избегать осложнений. К таким досадным обстоятельствам безусловно следовало отнести настойчивые попытки родственника и сюзерена (Бальдуэна и Мануила) выдать Констанс замуж.

Летом 1150 года король Иерусалима вновь посетил Антиохию и, отчаявшись склонить строптивную кузину к браку с кем-нибудь из нобилитета Утремера, пригрозил, что полностью переложит сватовство на плечи базилевса. Как-никак последний являлся сюзереном Констанс и, хотя находился далеко, имел полное право сказать свое веское слово в решение проблемы регентства Антиохии.

Короли держат слово. Сказал — сделал, и вот из Второго Рима прибыл жених.

Власть Мануила над подданными не ограничивали никакие высшие курии или парламенты, так любезные франкам, — приказы божественного базилевса не смел оспорить никто. Конечно, империя имела свой свод законов, но наипервейшим из них являлась воля боговенчанного императора Второго Рима, которому не требовалось, подобно иерусалимским королям, издавать ассизы только для того, чтобы заставить своих вельмож слушаться.

Очевидно, Бальдуэн надеялся, что самодержец просто топнет ножкой, стукнет об пол посохом, и донельзя распустившаяся вдова придет в ум и, как и полагается женщине на Востоке, покорится мужской воле. Молодой король несомненно хорошо разбирался в тонкостях политики (уже через два года он продемонстрирует это с полным блеском), но еще очень плохо знал женщин. Он не учел, что в жилах его непокорной кузины течет та же кровь, что и у его собственной матери. К тому

же Констанс Антиохийская являлась внучкой самого Боэмунда Отрантского и французской принцессы (бабушку также звали Констанс). Такие предки что-то да значат!

Кроме того, Мануил в роли свата проявил еще большую близорукость, чем Бальдуэн, и вскоре кандидат базилевса, кесарь Иоанн-Рутгер, вслед за графом Суасонским и другими предложенными Бальдуэном женихами, получил от ворот поворот и отбыл из Сен-Симеона в Константинополь⁸⁰.

Капризной же невесте пришлось ехать в Триполи, поскольку кузен ее решил на последнее средство. Он бросил в бой... женщин, рассчитывая, что королева Мелисанда и ее сестра, графиня Триполи Одьерн, сумеют убедить племянницу в необходимости нового брака. Тут как раз и случай представился. Дело вновь заключалось в кипевшей страстями крови, что текла в жилах непокорных и своенравных дочерей короля Бальдуэна Второго.

Граф Триполи Раймунд Второй нашел, что поведение его супруги вышло за рамки всяческих приличий: она, как небезосновательно поговаривали, любила пошалить. Граф тоже не чурался развлечений на стороне. Однако тут он вспомнил, что он, черт возьми, мужчина, и решил указать Одьерн ее место. При этом Раймунд совершенно не подумал о том, что он не мусульманский эмир, а христианский рыцарь, и устроил жене некое подобие сераля, что называется, прямо на дому.

Графиня и не думала терпеть ущемление своих прав. Она принялась устраивать мужу скандалы. В частности, напомнила о том, *кто* спас его графство от посягательства дальнего родича из Тулузы всего три года назад.

Графу же в свете вышеизложенных событий подобное обстоятельство вовсе не казалось важным; при чем тут то, что было? Было, оно, как говорится, было и прошло!

«Ах так! — сказала Одьерн. — Ну погоди же у меня!» Сказала и тайно послала за помощью к сестре

в Иерусалим. Вскоре в Триполи встречали короля и королеву-мать, а также и вдовствующую княгиню Антиохии.

Констанс приехала, она не осмелилась проигнорировать приглашение родственников. Однако теткам так и не удалось добиться от нее обещания одобрить одну из кандидатур, предложенных королем или императором. Ренольд, по известным причинам, воздержался от поездки в Триполи (едва ли у него имелись основания думать, что Раймунд забыл лицо того, кто грозил ему кулаком, требуя очистить столицу в пользу узурпатора).

Так или иначе, вернувшись, Констанс, не на шутку рассерженная из-за попусту потраченного времени, послала за любовником.

Они не настолько часто оказывались вместе, чтобы говорить о чем-нибудь прежде, чем предаться страстной любви. Кресло в спальне княгини, то самое, где они впервые насладились близостью, стало их постоянным «ложем греха». Ни в одну из встреч наедине она не осмелилась предложить Ренольду взять ее на постели. Происходило это из-за того, что кровать стала символом брака, то есть цели, достигнув которую они заполучили бы легальное право пользоваться ею. Кроме того, очень скоро обоим стало нравиться «воровать любовь». Констанс, находившаяся в курсе подробностей интимной жизни любимой служанки (та охотно делилась ими с госпожой), однажды и сама призналась Марго в том, что ей хочется, чтобы ее брали не как даму, а как простолюдинку. Откровенная (в строго определенных ситуациях) Марго при первой же встрече поведала об этом Ренольду, который и принял ее слова к сведению.

Итак, любовники, утолив первый голод, расположились в креслах за столиком и занялись беседой.

— Как они надоели мне! — призналась Констанс. — Зудят и зудят: выходи да выходи! Выходи за графа, не нравится, пойдешь за барона или за кесаря! Тоже мне кесарь! Жук навозный! Довольно с меня перестарков! Я сама решу! — Она сделала паузу. — Я так им и сказала! Ну их к черту, старух этих!

— Bravo, моя императрица! — похвалил Ренольд.

Глаза Констанс вспыхнули; пожалуй, называя ее императрицей, любовник, как сказали бы мы, понижал возлюбленную в звании, сейчас перед ним была сама Беллона, сестра древнеримского Марса, богиня войны.

— Думаешь, их волнуют интересы государства? Как бы не так! Они требуют от меня, чтобы я вышла замуж, потому что завидуют мне. Я молода, и у меня есть тот, кого я люблю. Тот, кто достоин трона моего отца и деда куда больше, чем какой-то граф Суассонский!

Ренольд, как и прочие мужчины во всех делах, кроме ратных, часто демонстрировал непроходимую, как самые дремучие дебри, глупость.

— Ты сказала им? — опешил он.

— Нет, конечно, — фыркнула Констанс. — Думаешь, они не поняли? Ты плохо знаешь женщин. Одной из нас достаточно посмотреть в лицо другой, чтобы узнать очень многое. Их бы устроило, если бы я спала со слугами, как тетя Одьерн, или со святошами, как тетя Мелисс. Они бы не беспокоились, если бы я вышла за кого попало, а потом принимала бы в спальне тебя или другого рыцаря. Они и сами так поступали и поступают. Им противна мысль, что я лелею мечту выйти за того, кого люблю. Я не хочу другого мужчины, только тебя!

Расценив эти слова как призыв, Ренольд бросился к княгине и, встав на колени, как в первый раз уже два с половиной года назад, принялся целовать и ласкать ее.

— Подожди, милый, — попросила она. — Подожди. Дай просто посмотреть на тебя, дай рассказать тебе! Позволь снять груз с сердца! У меня душа кипит от злости на них! Впрочем, у них на меня тоже, ведь они так и не узнали от меня твоего имени! Я просто задыхаюсь от бешенства, как вспомню!

И верно, негодование княгини искало выхода и должно было получить его.

— Тетя Мелисс особенно усердствовала, — продолжала Констанс. — Благочестивая вдова! Точно никто не знает, отчего она овдовела! Когда-нибудь до этого глу-

пенького мальчугана, моего кузена Бальдуэна, дойдет, кто помог ему в тринадцать лет лишиться отца. Хотя не думаю, что милая тетушка признается в этом. А поскольку чернецы-летописцы подчиняются высшему духовенству, а отцы церкви в свою очередь — ее величеству королеве-матери, все, случившееся под Акрой девять лет назад в ноябре, так навсегда и останется несчастным случаем на охоте!

— А что, разве это не так? — удивился рыцарь.

— Конечно, так! — нехорошо усмехнулась княгиня. — И любимая сестрица тетушки Мелисс, тетушка Одьерн тоже мечтает, чтобы ее Раймунд поехал куда-нибудь *поохотиться*. Но он, как назло, никуда не едет. Все стережет ее, выжидает, чтобы накрыть с очередным заморским гостем или, за неимением такового, с грумом или помощником дворецкого. Бедняжка очень утеснена... Я так и не дождалась слез раскаяния и объятий примирения. Однако я не завидую этому туповатому горе-вояке Раймунду. Они насыдут на него втроем с новой силой. Он долго не продержится после моего отъезда. В конце концов махнет рукой и помирится с ней... И они всерьез думали уговорить меня?! Дуры! Если ко мне еще кто-нибудь приедет свататься, я велю затворить ворота города, а сама пошлю гонцов к Нур ед-Дину. Думаю, у него в Алеппо найдется место в башне для очередного моего женишка!

— Не стоит так горячиться, любовь моя, — ласково попросил Ренольд. — Продержись еще немного. Король сделал большую ошибку. Многие рыцари настроены против грифонов. Когда они узнали, что его величество сам послал к императору за женихом для тебя, они возмутились до глубины души.

— Как же они узнали?

Рыцарь улыбнулся, давая понять, что и он не сидит сложа руки:

— Вы рассказали мне, государыня, что он пригрозил вам сделать это... Ну и... среди народа пошел слух, что скоро сюда придет сам Мануил устанавливать свое прямое правление. У всех рыцарей есть слуги, вот так слухи и поднялись снизу вверх.

— Здорово придумано, мессир! — воскликнула Констанс.— Ничто так не пугает, как слухи, которые исходят от черни. Ведь никогда нельзя узнать, кто их распространяет. Можно казнить хоть дюжину болтунов, но что толку? На завтра их сыщется еще две...

Она о чем-то задумалась, от волнения кусая губы, и тихо произнесла:

— Главное, не пропустить момент. Я чувствую, скоро он настанет! На кого же нам опереться?! Монсеньер Эмери костыми ляжет, но не даст нам пожениться. Он пойдет на все, призовет патриарха Фульке, тот обратится к тете Мелисс, она заставит кузена прийти сюда с войском. Он велит тебе покинуть пределы Утремера под страхом смерти. Я не хочу этого!

— Может быть, взбаламутить чернь? — предложил Ренольд.— Пусть народ потребует защитника, и немедленно!

Констанс покачала головой.

— Нет,— сказала она твердо и, лишний раз продемонстрировав близость своего родства с Боэмундом Отрантским, продолжала: — Это станет лишь поводом подавить смуту и заставить меня согласиться на предложение кузена. Пусть чернь приветствует тебя, когда ты станешь князем, тогда они нам понадобятся, но не сейчас...

«Князем? Князем?! Черт побери! — Младший сын графа Годфруа Жьенского чуть не подпрыгнул. Он почему-то абсолютно упускал из виду тот совершенно не подлежащий сомнению факт, что, став мужем Констанс, он, он, а не кто-то там еще, сделается князем Антиохийским. А ведь именно об этом он и мечтал! Именно князем (уж точно не меньше!) виделся себе во снах.— Князем! Князем!»

— ...на кого же еще мы можем опереться?

— Храмовники! — воскликнул Ренольд.— Вот сила, которая неподвластна никому в Утремере! Их магистр — вассал самого апостолика Римского! Ни король Бальдуэн, ни королева Мелисанда, ни патриарх Иерусалимский не указ им!

Любовники как-то даже и не заметили, что, говоря

о правителях Леванта, пилигрим забыл именовать последних «их величествами».

— Верно! — подхватила княгиня. — Но как привлечь их на нашу сторону?

— Тот рыцарь, что бился на стене с заговорщиками, его зовут Вальтер! — продолжал Ренольд. — Он считает меня своим спасителем, что, конечно, правда, но главное, он в чести у своей братии. Я поговорю с ним. Я скажу ему, что, если его орден поможет мне взойти на престол, я немедленно отправлюсь воевать с Нур ед-Дином и все крепости, которые отвоюю у него, отдам им!

— Хватит с них и половины! — сказала Констанс, но тут же добавила: — Поговори с ним предварительно. Прощупай его, но ничего не обещай...

Она не успела договорить, как в комнату вбежала Марго. Служанка была явно чем-то очень взволнована.

— Скорее, мессир! — она бесцеремонно схватила Ренольда за рукав. — Прячьтесь! Сюда идет посыльный от патриарха! Случилось что-то страшное! Что-то ужасное!

Стоя за портьерой и слушая слугу Эмери, рыцарь чуть не закричал от удивления. Он едва сдержался, чтобы не перекреститься — опасался выдать себя неосторожным движением. Как тут было не прийти в смятение?! Уж верно не обошлось без дьявола! Констанс оказалась ясновидящей.

Когда посыльный удалился, Ренольд вышел из своего укрытия, а его возлюбленная, переполняемая эмоциями, вскочив с кресла, бросилась к нему на шею.

— Что я говорила! Что я говорила! — только и повторяла она. — Я как знала! Как знала!

Примирение правящей в Триполи четы, как и предсказывала Констанс, состоялось сразу же после ее отъезда. «Непослушная девочка» уехала, и все «осадные орудия» обрушили мощь на «супруга-деспота». Потеряв союзника, граф очень скоро капитулировал под натиском превосходящих сил противника. Чтобы поражение

его не выглядело таким уж позорным, сестры подсластили пилюлю.

Раймунд прощал жену, она в свою очередь прощала ему «необоснованные» подозрения. А чтобы немного забыться и подождать, пока страсти окончательно улягутся, супруги решили провести какое-то время порознь. Договорились, что Одьерн поедет погостить в Иерусалим к Мелисанде, а Раймунд останется дома. А чтобы он не скучал, племянник покамест погостит у него. Тем более что слухи о грозившем графству набеге орд Нур ед-Дина получили все больше и больше подтверждений.

Итак, король остался во дворце дяди и от нечего делать забавлялся игрой в кости с дружиной, сам же Раймунд поехал проводить Одьерн и королеву за ворота, чтобы подданные (они, разумеется, знали о скандале не меньше, чем сами его участники), чего доброго, не решили, что господин выгнал жену из дому. Граф в сопровождении Рауля де Мерля (неудачливо-го претендента на руку и сердце Констанс) и еще одного рыцаря эскортировали поезд сестер по южной дороге.

Проехав милью, Раймунд решил, что приличия соблюдены и он может возвращаться. Супруги простились, и граф с обоими рыцарями отправились в обратный путь. Они уже въезжали в городские ворота, когда сверху, сзади, спереди, со всех сторон к ним бросились какие-то люди.

Все произошло так быстро, что Раймунд едва выхватив меч, выронил его из слабеющей руки. Рауль и его напарник также не успели ничего сделать. Они пали, защищая своего господина, уже не нуждавшегося ни в какой защите.

Граф Раймунд Второй Триполийский умер мгновенно.

Убийство было организовано настолько хорошо, что никто потом не мог с точностью сказать, каким образом довольно большой группе ассасинов удалось проникнуть в город и оставаться в нем незамеченными какое-то время? Как они смогли так ловко обезвредить охрану у ворот? Ответа так никогда и не нашли. Завершив черное дело, убийцы вскочили на заранее

приготовленных лошадей и были таковы, прежде чем кто-нибудь успел что-либо предпринять для их поимки.

Узнав об этом, король послал гонца вдогонку графине и велел ей вернуться, чтобы принять управление владениями мужа от имени наследника — двенадцатилетнего Раймунда Третьего. Кроме всего прочего, это означало, что головной боли у Бальдуэна прибавится. Верховное регентство все равно переходило к нему, как к сюзерену и ближайшему по крови родственнику еще не вошедшего в лета графа.

Нур ед-Дин оказался тут как тут, он захватил Тортосу, но цитадель устояла, и вскоре войско Помощника Аллаха было изгнано вон из города.

Дабы передать важный стратегический пункт в крепкие руки, Бальдуэн с согласия Одьерн вручил ключи от крепости рыцарям Храма.

— О дьявол! — воскликнул Ренольд, обнимая дрожащую от возбуждения княгиню. — Я не верю своим ушам!

— Пусть теперь кузен поищет мужа нашей милой тетушке! — проговорила она. — Де Мерль убит? А жаль! Вот бы парочка была! Может, их величество предложит ей графа Суассонского?!

Констанс резко отстранилась и буквально прожгла рыцаря пламенным взглядом, в котором явственно поблескивали искорки озорства.

— Жаль, базилевс не имеет никакого отношения к Триполи, — с притворным огорчением продолжала она. — А то, может, его кесарь сгодился бы? Для этой старухи в самый раз! Даже еще слишком хорош будет! Так и вдовствовать ей, бедняжке! Хотя... нет худа без добра, теперь уж тетушке Одьерн никто не сможет помешать тешить беса!

Слушая ее, Ренольд думал, и, когда княгиня умолкла, он предложил:

— Может быть, сейчас?

— Нет, — покачала головой княгиня. — Не успеем, скоро пост. Да к тому же... Нет... пока тетушка Мелисс

всем распоряжается в Иерусалиме, она не допустит. К тому же, если ей станет известно, *кто* мой избранник, она постарается уничтожить тебя. В тот раз ее наймитам не удалось зарезать тебя во дворце, как видишь, она извлекла из этого урок...

— Что ты хочешь этим сказать?

— Что? — удивилась Констанс. — Да ничего, просто на сей раз она обратилась к профессионалам. Их услуги стоят больших денег, но зато деньги эти никогда не бывают потрачены зря. Ведь известно, что ассасины всегда добиваются своего. Не в первый, так во второй, не во второй, так в третий раз.

Тут Ренольд в очередной раз продемонстрировал, что он настоящий рыцарь, сын своего народа и времени.

— Пусть только сунутся! — закричал он. — Я пройду через Носайрийские горы и приведу их в чувство!

— О милый мой Рено! — воскликнула Констанс. — Ты еще так мало живешь на Востоке! Ассасинов невозможно уничтожить. Они спрячутся, если ты придешь с большим войском. Если же дружина твоя окажется недостаточно сильной, они нападут из-за угла и разгромят тебя. Если же тебе удастся убить всех их, из Вавилонии пришлют новых. И те станут ненавидеть франков, как нынешние ненавидят своих...

Пилигрим никак не мог взять в толк, зачем неверным убивать неверных? Ему даже и не приходило в голову, что для суннитского халифа Багдада, а значит, и для мусульманских правителей Сирии ассасины еще большие неверные, чем лично он, Ренольд Шатийонский⁸¹.

Констанс, разумеется, также не видела разницы между различными доктринами ислама. Однако она родилась и выросла на Востоке, и это научило ее смотреть на вещи под иным углом, чем привыкли прямолинейные заморские пилигримы. Словом, она по крайней мере понимала, что не все так просто.

— Когда я была еще совсем маленькая, — объясняла княгиня, — не кто иной, как мой дед, король Бальдуэн Второй, спас их вождя. Неверные выгнали их из Алеппо, а князь Дамаска послал войско к их крепости

Баниас. Король пришел с большой дружиной и взял Баниас себе, а Исмаэлю, так звали их предводителя, дал нынешнее место, замки Каф и Кадмус, а уж после они захватили Масьяф и обосновались в нем. Мой дед понимал, что они будут большей угрозой для своих, чем для христиан.

Ренольд не спешил соглашаться.

— Ничего себе! — воскликнул он. — А если они воткнут нож в спину...

Он хотел закончить: «...и мне?!», но не сделал этого, не желая выглядеть трусом. Именно трусостью франки частенько называли элементарную осторожность.

— Давай-ка лучше подумаем о другом, — предложила Констанс. — Ты можешь вспомнить, как выглядела та пластинка, которую твой слуга нашел в мехе из-под вина?

— Да... разумеется... — ответил пилигрим. Он решительно не мог понять, что задумала княгиня.

— У нас во дворце есть человек, который умеет хорошо рисовать и резать по кости, дереву и даже металлу, — продолжала Констанс. — Ты расскажешь ему, как выглядела пластинка, а он сделает копию...

— Но я же не знаю, что было на ней написано? — воскликнул Ренольд. — Я хорошо помню ее форму и еще тот значок, что я видел на обратной стороне. Его величество показывал мне такой же, только серебряный...

— Прекрасно! — просияла княгиня. — Просто прекрасно! Большого и не нужно!

— Как это?

— Очень просто! — Перед Ренольдом вновь предстала Беллона. Молодой сеньор из Шатийона не слишком-то усердствовал в молениях, но тут ему волею-неволей второй раз за вечер захотелось перекреститься, увидев дьявольский огонь в глазах своей возлюбленной. — Что написать, я подумаю... Да и думать нечего! Нет, тетушка Мелисс еще очень пожалеет, что позвала меня в Триполи. Я слышала краем уха, как она говорила тетушке Одыерн про коронацию... Воображаешь, милый, она задумала короноваться вместе со своим сыночком?!⁸²

Ренольд пожал плечами:

— Ну... а почему бы им...

— Что ты такое говоришь? — В голове Констанс зазвучали металлические нотки.— Ты сам хотел бы, чтобы кроме меня и тебя в Антиохии правила бы, ну, скажем... моя матушка? Можешь не отвечать, я догадалась по твоим глазам.

— Но... но... он же король в конце-то концов?! — не сдавался Ренольд.— Он может поступить как пожелает...

Почувствовав на себе пристальный взгляд княгини, рыцарь умолк, он понял, что женщина собирается сказать ему что-то важное.

— Может,— согласилась она.— Но для этого его, пожалуй, стоит немного подтолкнуть.

— Как?!

— А вот это будет зависеть от того, что будет в письме Нур ед-Дина к королеве...— На губах Констанс заиграла хищная улыбка.— Да, да! Я теперь уже точно знаю, что было написано на *той* пластинке! Я даже знаю, для чего тетушка Мелисс хочет короноваться вместе с сыном!

— Для чего? — Ренольд решительно не понимал, что задумала возлюбленная.— Наверное, чтобы держать его в узде? Но зачем ей для этого Нур ед-Дин?

— Держать в узде? — переспросила Констанс.— Хорошо замечено! Но не только для того. Королева, я уверена в этом, пожелает уведомить короля язычников, что ей потребуется его помощь на случай, если... если ей вздумается заменить на престоле одного сына другим! Как королева она ведь может править и одна, например от имени Аморика. Ему уже пятнадцать. Она вполне может попытаться сделать королем его!

— Но бароны...

— Часть их, в основном южане, за нее.— Констанс оказалась неплохо осведомленной в вопросах внутренней политики королевства.— Другая, те, у которых имения в Галилее, против. Но у нее — патриарх. Монсеньер Фульке... Фульке... хм... благочестивая и христианнейшая королева протолкнула его на этот пост, наверное, чтобы не попутать в постели с мужем! Он

встанет за нее горой. А он кое-что может, например отлучить от церкви правителя. Закрывать храмы в его владениях...

Подумав о том, что до такого вряд ли дойдет, потому что Папе Евгению не нужен раскол между светской и духовной властью в Утремере, Констанс медленно покачала головой из стороны в сторону⁸³.

— Впрочем, это уже дело моего кузена,— продолжала она.— Но я не думаю, что он придет в восторг, если сумеет перехватить такое письмо.

— Но как все устроить?

— Об этом мы подумаем позже,— сказала княгиня.— Главное не то, *как* оно попадет к нему, а то, что оно к нему *попадет*.

— А если король не поверит?

— Поверит! — усмехнулась Констанс.— *Захочет* поверить! Я видела, что матушкина опека ему поперек горла. Если он не полный дурак, то поймет, что это его шанс. Главное для моего кузена найти повод, чтобы не допустить совместной коронации... Ох и пожалеет же тетушка Мелисс, что пригласила меня в Триполи! Недолго ей и милейшей тетушке Одьерн праздновать победу. Впрочем, на графиню нам наплевать. Главное, что Мелисанда не простит сыну такой подлости, как отрешение ее от власти. Они никогда уже не будут близки, и он никогда уж не станет выполнять ее пожелания. И поверь, его величеству очень скоро станет не до нас, и вот тогда наступит наш час!

Сказав это, Констанс бросила взгляд на кровать. Рыцарь перехватил его.

— Пойдем туда? — спросил он.

— Нет,— покачала головой княгиня,— мы еще не сделали всего, что должны сделать. Я хочу, чтобы в постель мы легли, когда получим на то право.

Произнося свои слова, Констанс вспоминала о торопливых и неистовых ласках любовника. Она подумала вдруг о том, что ей еще предстоит пожалеть об этих временах, когда он и она, наконец заслужив постель, постепенно потеряют кресло. Впрочем, не получив постели, они неминуемо потеряли бы все.

Ренольд привлек возлюбленную к себе, но она, бросив встревоженный взгляд куда-то за его спину, резко отстранила рыцаря от себя. Он обернулся. Опасность оказалось невелика, как и тот, кто послужил причиной беспокойства княгини. В комнату вошел семилетний мальчик, первенец Констанс и Раймунда де Пуатье, княжич Боэмунд, названный так в честь отца и прадеда.

Его появление оказалось в общем-то своевременным: не хватало ребенку вбежать сюда, к примеру, полчаса назад в самый разгар любовных игр матери и ее гостя. Теперь же все выглядело почти прилично. Ребенок повел себя вполне естественно, так, как было, есть и будет во все времена. Он проснулся, обнаружил храпевшую поодаль няньку и отправился к матери.

— Мама,— сказал мальчик,— мне стало страшно.

— Что такое, миленький? — спросила княгиня.— Тебе приснился дурной сон?

— Да...

— Ну не бойся,— ласково проговорила Констанс и, прижав мальчика к себе, погладила по головке.— Мы с тобой, твоя мама и сир Ренольд. Ты знаешь его?

— Да,— пробурчал Боэмунд.— Он — злой.

— Это почему это злой? — удивилась мать.

— С чего же ты взял? — так же спросил Ренольд.— А ну-ка иди сюда. Объясни, почему я злой?

Рыцарь хотел привлечь мальчика к себе, но тот схватился за подол пурпурного платья матери и закричал:

— Мама, мамочка, не отдавай меня ему!

— Ну хорошо, не отдам,— пообещала та.— Но ты должен объяснить, почему ты называешь сира Ренольда злым?

— Потому что мне приснился сон, что ты вышла замуж! — заявил отпрыск.

— Вот те на! — невольно воскликнула княгиня.— За кого?

— За того злого дядьку, что приезжал сюда на тебе жениться!

— Так,— покачала головой Констанс.— И он злой? Он-то почему? Он же давно уехал?

Боэмунд совершенно игнорировал это очевидное обстоятельство и заявил:

— Потому что он на тебе женился, а нас с Филиппой и Мари и с малышом Бальдуэном продали вот ему!

Мальчик указал на Ренольда и продолжал:

— А он отвез нас и продал язычникам. Они мучили нас. Пытали.

Взрослые засмеялись, поняв, что страхи ребенка обусловлены дурным сновидением, сюжет которого не имел ничего общего с реальностью, а все персонажи оказались перепутаны.

— Это же все тебе приснилось, правда? — скорее с утвердительной чем с вопросительной интонацией проговорила княгиня. — Приснилось! А на самом деле тот дядька уплыл к себе в Бизантиум и больше здесь не появится...

— Но этот-то не уплыл, — буркнул мальчик, явно невзлюбивший гостя матери.

— Сир Ренольд — храбрый рыцарь, — строго начала Констанс. — Я была бы очень рада, если бы ты брал с него пример и вырос бы таким, как он.

— Я лучше буду брать пример с папы! — огрызнулся Боэмунд. — Мой *papa* — настоящий рыцарь! Он герой! Он мученик, потому что пострадал за христиан от рук неверных! А этот дядька злой!

— А ну-ка извинись! — рассердилась княгиня.

— Да бросьте вы, ваше сиятельство, — примирительным тоном проговорил Ренольд. — Он еще маленький...

— Я не маленький!

— Маленький, — махнул рукой рыцарь. — Взрослые мужчины не боятся злодеев, они убивают их. Вот и все!

— И я вырасту. Вырасту и убью тебя! — заявил ребенок.

— Боэмон! — закричала Констанс, она схватила сына за ухо, но тут же отпустила и с раздражением прозвала: — Нянька! Где ты, безмозглая курица?! Живо ко мне, кто-нибудь!

Ренольд между тем ничуть не обиделся на мальчика.

— Только ты сначала вырасти, — предложил он Боэмунду и добродушно улыбнулся. Тот в свою очередь

успел сказать «злому дядьке» еще несколько гадостей, пока не примчалась перепуганная нянька и не увела ребенка спать.

— Извини его... — начала Констанс.

— Конечно, — ответил рыцарь. — Он же малыш.

Когда инцидент таким образом оказался исчерпан, настроение немедленно заниматься любовью у обоих уже прошло, и Констанс вновь вернулась к теме письма.

— Ты говорил, что твой оруженосец водит дружбу с кем-то из голытьбы? — спросила она и, когда Ренольд кивнул, продолжала: — Надо найти среди них кого-нибудь потолковее. Наверное, даже двоих или троих. Посулим хорошее вознаграждение. Пусть поедут в Иерусалим и вяжутся там в перепалку. Когда стража заберет их, пусть проговорятся, что они гонцы от язычников к королеве. Пусть потребуют свидания с Бальдуэном и скажут ему про пластинку... Детали, я думаю, можно еще обсудить... Поручи это своему Ангеррану, он, кажется, толковый слуга... И вот еще что, пусть сам поедет с ними и проследит, чтобы все прошло как надо. Скажи, что наградой ему будут шпоры. Ты сам дашь их ему, когда станешь князем Антиохийским. Надо поспешить, коронация назначена на пасху!

Марго вывела Ренольда из дворца только под утро. По привычке она прижалась к нему и со вздохом сказала:

— Я вижу, для меня уже ничего не осталось, мес-сир?

— Приходи завтра ко мне, — пригласил он.

Однако завтра им встретиться не удалось. Большую часть ночи отняли неотложные дела, Ренольд с Ангерраном провели некоторое время в гостях у самого Тафюра. Через несколько дней они встретились вновь, и на сей раз рыцарь передал князю мрази несколько увесистых кошель с золотыми монетами, но не с подмочившими свою репутацию безантами, а полновесными динарами багдадского халифа. Тогда же в Иерусалим отправились трое подданных короля нечисти, а следом выехал и Ангерран.

Обратно в Антиохию вернулся только он один. Оруженосец доложил сеньору о том, что задание выполнено. По крайней мере, посылка достигла адресата.

— Ну что ж, Безунчик,— проговорил Ренольд, услышав известие. К нему снова вернулась в последнее время почти совсем забытая привычка юности давать слугам разнообразные прозвища.— Глядишь, скоро поздравлю тебя? Ангерран дю Клапьер! Звучит, да?

— Спасибо, мессир,— просиял оруженосец.— Я и так готов отдать за вашу милость жизнь, но если... о!..— он перекрестился.— Лучше и не мечтать. Помогите вам Господь!

— Он поможет нам,— твердо проговорил Ренольд.

Констанс не ошиблась.

За несколько дней до коронации, назначенной на Великое Воскресенье Христово, тридцатое марта 1152 года, Бальдуэн вдруг заявил, что ему нездоровится и лучше будет отложить церемонию.

Королева, не ожидая подвоха, уехала в Наплуз, богатый и красивый город, который мусульмане называли Маленьким Дамаском. Однако не успела она добраться до места, как молодой король, собрав верных вассалов, находившихся в столице, предъявил им неопровержимое доказательство двурушничества своей матери — перехваченное письмо злейшего врага Утремера, Нур ед-Дина к королеве.

Затем Бальдуэн и его свита направились в церковь святого Гроба Господня и угрозами вынудили патриарха Фульке короновать молодого короля. Расстановка сил оказалась именно такой, какой и представлялась княгине Антиохии. Бароны Самарии и Иудеи во главе с коннетаблем Манассом д'Йержем встали на сторону королевы. Галилея полностью поддержала короля.

Эта была репетиция гражданской войны (вторая, если уж заботиться о точности). Однако во время первой, двадцать лет назад, в оппозиции оказался лишь один человек и его подданные. Граф Яффы, Юго де Пьюзе (мы еще обязательно поговорим о нем) хотя и являлся родственником только что скончавшегося ко-

роля Бальдуэна Второго, был на Востоке чужаком, пришельцем. Теперь ситуация выглядела совершенно по-иному. Впервые бароны Утремера готовились скрестить мечи со своими соседями единоверцами, не просто соседями, а вчерашними соратниками по борьбе за дело римской церкви, такими же латинскими магнатами Востока.

Страна оказалась расколотой надвое. Странники королевы захватили Иерусалим и Наплуз.

Неизвестно, чем закончилось бы в тот раз противостояние, если бы храбрый, славный и мудрый Онфруа де Торон и другой приверженец короля, Гвильом де Фоконбер, со своими дружинами неожиданным маневром не окружили замок Мирабель⁸⁴ и не вынудили бы к скорой сдаче его хозяина, Манасса д'Йержа. Пленив коннетабля, они вскоре освободили его, взяв, однако же, клятвенное обещание, что он раз и навсегда уберется из пределов Левантийского царства.

Услышав об этом, в Наплузе прекратили оборону. Хотя в самой столице Мелисанда еще могла рассчитывать на поддержку, прежде всего со стороны патриарха и клира, этого оказалось недостаточно. Жители отказались сражаться против своего законного властителя.

Королева сдалась. Вместо власти она получила вдовий удел — все тот же Наплуз с пригородами. Тем не менее, хотя Мелисанда и утратила возможность вмешиваться в государственные дела светской власти, она, уже только как королева-мать, все же сохранила некоторую часть своего влияния при дворе, прежде всего потому, что духовная власть над Утремером так и оставалась в ее руках до самой смерти.

Мелисанда не получила достоверных сведений относительно того, кто подтолкнул ее сына к решительным действиям. Впрочем, она догадывалась, догадывалась и не собиралась оставлять долги неоплаченными.

Но это уже другая история. Следующая.

Часть четвертая
ВОЛЕЮ БОЖЬЕЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Если повнимательнее присмотреться к людям, жившим в эпоху средневековья, дать себе труд задуматься над тем, какой образ мыслей и поведения был им свойственен, порой создается ощущение, будто им казалось, что до них истории не существовало вовсе. А между тем, взять хотя бы древних римлян, на обломках полутора-тысячелетней державы которых и основывалась вся культура варварских королевств готов, франков и алеманов.

Всякий раз, потерпев поражение в войне или проиграв битву на поле дипломатии, безбожные язычники прошлого подвергали анализу собственные действия, доискивались причины, спрашивали себя: «Почему? Почему вышло так, что не я, а он одержал верх? В чем я ошибался?»

Правители Утремера, похоже, никогда не задавались подобным вопросом. Да и не только они одни. Не утруждали себя анализом происходящего в большинстве своем и прочие властители. Ни повелители Второго Рима, ни, как можно заподозрить, духовные владыки христиан Запада, обосновавшиеся в Риме Первом.

Впрочем, нет, конечно, спрашивали, спрашивали они о том и себя и Бога, да только подтекст выходил у них совсем иной: «Почему не я, Господи? Почему он?! Ведь я, я хочу властвовать и владеть всем! Я хочу победить! Разве я недостаточно верую в Тебя?.. (Что? Я не расслышал, повторите, пожалуйста!) А, Ты молчишь, значит, достаточно? Тогда почему же тогда Ты не даешь мне победы?!» И совсем не важным казалось претенденту наличие у него способностей властвовать разумно по справедливости, умения управлять строптивыми подданными. Спросил бы он лучше Господа: «Смогу ли, осилю ли? Удастся ли мне добиться того, чтобы слушались свои и побаивались чужие?»

Со времен Карла Великого до Наполеона Первого на престоле Франции, да и на тронах других королевств, герцогств и княжеств старушки Европы сживали и полные ничтожества, и мужи, воистину достойные называться великими отцами наций.

Из тех, кто поближе к Утремеру и особенно к Антиохии, можно вспомнить и герцога южноиталийских норманнов, повелителя Апулии, Калабрии и Сицилии Роберта Гвискара, отца Боэмунда Отрантского и двоюродного деда Танкреда и их извечного противника — Алексея Комнина, деда нынешнего императора Византии Мануила. Не стоит забывать и короля Иерусалимского Бальдуэна Первого. Любили его подданные, трепетали перед ним враги — значит, хороший был государь.

Достоин особого внимания и сам Танкред, именно он, а не его дядя, прославленный крестоносец Боэмунд Первый — тот славы сполна получил при жизни, и хотя обделил его отец владениями, зато щедро компенсировал свою несправедливость переданными по наследству военными талантами. Жаль, что основатель княжества Антиохийского потратил слишком много сил, ума и души на ненависть к Алексею, сопернику отца, и в бесцельной борьбе с евразийский колоссом зря погубил множество добрых воинов, куда более потребных для усиления вновь приобретенных восточных владений.

Какое место отвести среди них Ренольду Шатийонскому?

Он, по мнению большинства историков, фигура одиозная. Они, точно присяжные на процессе банального грабителя и убийцы, не учитывая смягчающих вину обстоятельств — век-то, господа, двенадцатый, а не двадцватый! — единодушно произнесли: «Виновен!» — и как отрезало.

Да, убивал. Да, грабил. Да, ни в грош не ставил церковников, не соблюдал клятв, данных неверным. Так ведь что ни монарх в ту пору, что ни властитель, царь, князь, король или граф — то тиран, мучитель и палач. Сам же Ренольд после битвы при Хаттине в споре с Саладином прекрасно ответил последнему. Султан Юсуф среди всего прочего сказал что-то вроде: «Ты клялся и изменял клятвам, давал слово и нарушал его!» А Ренольд: «Таков обычай владык, и моя нога лишь ступала по еще теплomu следу того, кто шел впереди меня». Эпизоды этой беседы сохранили для нас хронисты-современники, они могли спросить у прямых свидетелей, у того же Онфруа Четвертого де Торона или даже у самого короля Гюи.

У наших же историков получалось, что, если бы не Ренольд, не сделалось бы с Левантийским царством той страшной беды. Полноте, а спустя сто лет, когда уж и кости Князя-Волка истлели, тогда кто виноват был, что Бейбарс и ближайшие его последователи как орешки щелкали неприступные замки франков? Случилось бы. Ибо дело не в одном человеке, будь он хоть дважды князь, хоть трижды граф.

Всю свою жизнь Ренольд сражался с сарацинами, в которых видел язычников, неисправимых безбожников. А разве не для того с оружием в руках отправлялись латиняне в Святую Землю? Разве не в войне с неверными состоял христианский подвиг воинственных паломников?

Ренольд никогда не имел достаточного количества войск для ведения настоящей широкомасштабной войны, он делал что мог — перерезал артерии, соединявшие мусульманскую Сирию и Египет, нападал на караваны, даже совершил рейд в Аравию, его солдаты опустошали земли всего в нескольких десятках миль от Мекки. Одно имя князя Арнаута наводило ужас на

магометан. Получается, что Ренольд как раз и виноват в том, что выполнял... свой долг. За это современные пацифисты от истории, можно сказать, утопили его в волнах презрения. Они договариваются иной раз до того, что воевать с мусульманами потомкам первых крестоносцев и вовсе не следовало: мол, торговали бы себе, да и ладно! Торговля — дело хорошее, только не надо забывать, что исламские лидеры объявили против франков джихад, священную войну, конечной целью которой как раз и являлось уничтожение всех кафиров, то есть в данном случае латинян, потому что других христиан на Востоке роль рабов, похоже так или иначе устраивала. Ренольда же и подобных ему — нет.

Все-таки думается, господа историки ошибаются, не должны они столь однобоко подходить к проблеме: ученые все же. Ей-Богу, Ренольд заслуживает того, чтобы взглянуть на него с иной точки зрения, ведь он до конца своих дней сохранил верность себе, остался таким, каким приехал на Восток, — храбрым и благородным рыцарем, человеком, который без страха смотрел в глаза смерти. Чего стоит уже его ответ Саладину после той роковой для всего латинского королевства битвы. *Prince Penaut, par vostre loi, se vos me tenies en vostre prison, si com je faz vos a la moie, que feries vos de moi?* — спросил султан-победитель. — «Князь Ренольд, если бы не вы были моим пленником, а я вашим, что бы вы сделали со мной?» *Se Dieu m'ait, je vos coperoie la teste,* — ответил Ренольд. — «Если бы Господь помог мне, я отрубил бы вам голову».

Однако автор данной работы — не ученый, а романист. Романист же в определенной ситуации все же имеет ряд преимуществ перед ученым, у него куда больше прав пользоваться собственной фантазией в описании деятельности той или иной исторической личности. Иными словами, *ему можно*, его версии, его высказывания *могут быть* несколько более тенденциозным.

Как бы там ни было, поскольку на «суде историков» по делу обвиняемого сира Ренольда из Шатийона отсутствовал «адвокат», это *маленькое* обстоятельство делает справедливость приговора сомнительной⁸⁵. Поэтому позвольте автору этих строк взять на себя труд ходатай-

ствовать о пересмотре дела. А также разрешите, проведя следствие по делу обвиняемого, представить к рассмотрению «гран жури» некоторые прежде оставляемые без должного внимания факты из биографии младшего сына Годфруа, графа Жьенского, сеньора Шатийонского, вернее так — иной взгляд на проблему.

A.D. MCLIII—MCLX

I

Проведя на сказочном Востоке всего шесть лет, молодой пилигрим из Шатийона сделался наконец тем, кем виделся себе во снах: всадником, сидевшим верхом на прекрасном белом жеребце, копыта которого попирали гору драгоценностей. Ну, точности ради, заметим, что в жизни все получилось куда, куда скромнее. Однако для бедного искателя приключений, пальцы которого еще совсем недавно гоняли в потертом кошельке последний (да еще и порченный) золотой, скажем прямо, неплохо.

Да, да, а вы еще сомневались? Разумеется, Ренольд и Констанс добились своего, он стал ее супругом и, что само собой разумеется, принцепсом Антиохии.

Думала ли Констанс об интересах княжества, которым после гибели мужа продолжала владеть по праву рождения? Разумеется. Но прежде всего она стремилась обеспечить власть тому, кто, сняв с ее женских плеч основное бремя княжеского труда — рыцарскую работу, — согласился бы оставить ей часть обязанностей, преимущественно приятных. Она хотела, в сущности, не так уж многого, быть и женой и любовницей одного единственного мужчины. Мудрая старуха Эксиния с юности научила княгиню (как, впрочем, и многих из живших во дворце женщин) смотреть сквозь пальцы на мужские шалости (если те, конечно, не перехлестывали через край; причем край этот устанавливала, разумеется, сама дама).

Констанс была готова терпеть маленькие грешки любовника и мужа, лишь бы это не затрагивало ее

собственных интересов. Постоянная Марго и еще две-три другие женщины от случая к случаю, ну что ж, пусть так.

Впрочем, для любовных утех на стороне, а уж тем более для романчиков у Ренольда оставалось не так уж много времени. Забот у князя Антиохийского куда больше, чем у мелкого вассала княжества.

Как же удалось Ренольду и его сиятельной любовнице достигнуть своих целей?

Нанеся сокрушительное поражение Мелисанде руками ее же собственного сына, отмстив за смерть первого мужа (Констанс никогда не питала иллюзий относительно того, кто надувал паруса лодки, медленно, но верно несшей к гибели Раймунда де Пуатье), княгиня расчистила своему избраннику дорогу к престолу Антиохии.

Страсти бушевали на протяжении всего 1152 года. Констанс и Ренольд выжидали, они готовили общественное мнение (а оно в Антиохии имело немалый вес, вспомните, даже базилевс Иоанн, предводитель огромной армии, и тот был напуган бунтом горожан), раздавали обещания, подкупали нужных людей. Им чудом удалось обвести вокруг пальца патриарха Эмери. Сколько вреда их святейшеству нанесла и еще нанесет собственная мягкотелость и нежелание внять мольбам умной птички клариссимы и белиссимы Клары!

Хотя справедливости ради заметим, монсеньор Эмери, глава оппозиции, составившейся княгине и Ренольду, оказался в меньшинстве. Народ все громче и громче требовал защитника. Чернь начинала бурлить. Храмовники не скрывали своего недовольства тем, что их благодетельница до сих пор не нашла себе супруга. Многие из довольно многочисленных подданных-нелатинян усматривали в этом... вредное влияние западной церкви: поговаривали даже, что патриарх нарочно старается повернуть дело в свою пользу и обеспечить за собой регентство до совершеннолетия старшего из княжичей.

Население Антиохии не хотело ждать еще как минимум восемь или девять лет, остававшихся до достижения княжичем Боэмундом совершеннолетия.

Несмотря на то что Нур ед-Дин продолжал соблюдать соглашения о перемирии, достигнутые им с Бальдуэном Третьим — у атабека хватало дел на севере⁸⁶, — обстановка на границах княжества оставляла желать лучшего. В горах Киликии «прорезался» непокорный и пакостливый Торос Рубенян своим «мудрым» правлением превративший перевалы Тавра в настоящий ад, кишевший бандитами и разбойниками всех мастей и вероисповеданий.

Иной раз и сам армянский князь не мог без опаски высунуть нос из Вахи, крепости, издавна принадлежавшей роду Рубенянов и недавно возвращенной им силой оружия. Впрочем, Торос редко ездил по дорогам, иначе как во главе сильной дружины из нищих, жадных до чужого и потому готовых на все ради приобретения богатства соотечественников.

Не на шутку разбушевавшийся киликиец, пользуясь отсутствием в Антиохии правителя-мужчины, начал все смелее безобразничать в пределах многострадального княжества. Злокозненный грифон, не находя отпора, скоро совсем осмелел. Его более походившие на банды дружины, пройдя Сирийскими воротами, опустошали окрестности Александретты, добирались едва ли не до самого Сен-Симеона.

Земля, не успевшая опомниться от нашествия ордынчиков, подвергалась новому разорению, теперь уже со стороны христиан. Один из подручников Тороса едва не захватил Ле Клапьер: он так неожиданно появился перед крепостью, что гарнизон, расслабившийся в отсутствии господина, едва успел захлопнуть ворота. Ренольд не стерпел подобного оскорбления и во главе небольшого отряда ударил в тыл уходившим с богатой добычей армянам. Те шли медленно и отстали от своих на несколько часов пешего пути. Их уроженцу Жьена оказалось вполне достаточно.

Перебив всех захватчиков, освободив пленников и конфисковав большую часть награбленного, Ренольд вновь, как и три года назад на стенах Антиохии, по-

крыл себя славой и заслужил едва ли не единодушное восхищение жителей.

Тем временем на юге молодой король Бальдуэн, теперь уже полновластный правитель Иерусалимского королевства, силой оружия смирив властолюбивую родительницу, решил наконец покончить с раздражавшим всех его предшественников осиным гнездом у себя под боком.

Пятьдесят лет Аскалон, одна из самых северных крепостей египетских Фатимидов на побережье, оставался бельмом на глазу Иерусалимской короны. Оттуда язычники не раз совершали грабительские рейды к стенам самой столицы Утремера. Наступил момент положить конец бесчинствам неверных.

Двадцать пятого января 1153 года соединенная армия королевства с обозом и осадной техникой появилась в окрестностях Аскалона. В экспедиции Бальдуэна приняли участие не только практически все бароны (включая и тех, кто недавно отшатнулся от короля, сохранив верность Мелисанде), но и большой отряд храмовников во главе с великим магистром, Бернаром де Трелелэ. Соперники последних, госпитальеры, решили не отставать и так же выступили под предводительством главы своего братства, Раймунда дю Пюи.

Духовенство Утремера, представленное верхушкой клира, самым патриархом Фульке, архиепископами Тира, Кесарии и Назарета, а также епископами Вифлиема и Акры, не забыло о душах верующих. Чтобы им было не так жалко своих ничтожных жизней, отданных за великое дело, князя латинской церкви на Востоке захватили с собой самую дорогую для паствы реликвию, Святой Крест, на котором за грехи человеческие претерпел сам Спаситель.

В общем, собрались все, кто мог. Антиохия и Триполи не в счет, там у власти остались женщины да отроки. Вдовам да сиротам перебиться бы кое-как, где уж тут воевать?

Именно тут Констанс и Ренольд решили, что их час пробил.

Понимая, что более удобного случая не представится (вот уж теперь-то королю никто не позволит бросить войско и отправиться на север, разбираться с делами в Антиохии, которая, к слову, уже переставала занимать кого-либо из христиан к югу от Джабалы и Апамеи), Констанс сменила цвет одежд с черного вдовьего на белый — невесты. Повенчались они тайно и отпраздновали торжество в узком кругу, можно сказать, вдвоем.

Между тем франкам, собравшимся под Аскалоном, довольно скоро стало ясно, что осада может продлиться вечность. Если не считать двадцати галер Жерара Сидонского, у христиан практически отсутствовал флот, и проклятые Богом вавилоняне преспокойно подвозили в город провизию и все необходимое из Каира. (Их транспорты с «гуманитарной помощью» составляли от семидесяти до ста кораблей.)

После бракосочетания Ренольд решил съездить в лагерь под Аскалоном, хотя бы для того, чтобы зря не злить Бальдуэна. Почему бы не проветриться? К тому же, приличия ради, стоило попросить у короля официального разрешения на брак с княгиней.

Ход был избран абсолютно верный. Если бы молодой властитель Утремера вздумал взять наглеца под стражу, то вскоре открылось бы, что с Ренольдом все равно ничего сделать нельзя, так как он теперь родственник, законный муж двоюродной сестры короля перед самим Господом Богом. Пришлось бы не голову ему рубить или выпроваживать на веки вечные из Заморской Франции, а отпускать с миром, да еще и с подарками. (А то не по-христиански как-то получается, да и вообще не по-людски, Бальдуэн король все-таки, а у кузины такая радость!)

Однако кое в чем Констанс и Ренольд просчитались. Вернее, перестарались. Узнав о решении строптивицы, король едва мог скрыть радость: наконец-то сваливалось с шеи хоть одно ярмо! Прозябавшая в отсутствии твердой руки правителя-мужчины Антиохия и лишившееся государя графство Триполи, да и у самого на границах беспокойно, а тут еще и под Аскалоном застряли! Словом, Бальдуэн, который знал Ренольда как

человека знатного и доброго рыцаря, вполне искренне благословил своего старого знакомого, и тот поскакал обратно, чтобы возложить на свои широкие плечи тяжелый груз власти.

Он возвратился Антиохию в конце апреля, где после брачной церемонии (теперь уже официальной) принял в сильные, а порой и грубые руки бразды правления княжеством, которым начал управлять с такой же прямоотой и бескомпромиссностью, как и собственным дестриером.

А у короля Иерусалимского дела чем дальше, тем больше не клеились. Ну не везет, и все тут, хоть плачь! А ведь чуть было не взяли город! И все храмовники, черти жадные! Поразвел венценосный дед божьих дворян на горе венценосному же внуку!

Случилось это в самом конце шестого месяца осады.

Великий магистр ордена Бедных Рыцарей Христа и Храма Соломонова Бернар де Трелелэ, как и полагалось доброму воину во время осады, находясь под стенами вражеской крепости, спал, не раздеваясь и даже не снимая кольчуги. Ничего непривычного в этом для себя магистр не видел, он был рыцарем-монахом, служившим Господу прежде всего мечом, а потом уже молитвой. С самого момента основания братства Храма первоочередной задачей Юго де Пайена, первого магистра ордена, и его товарищей сделалось обеспечение безопасности паломников на территории Палестины. Это представлялось им куда более важным, нежели труд иоаннитов, построивших в Иерусалиме и прочих местах странноприимные дома.

Конечно, пилигриму нужен кров над головой и пища, а иные так ослабевали в пути, что им требовалась также и помощь лекарей. Однако для того, чтобы христианин из далекой Европы мог достигнуть Святого Города и вкусить от милости и щедрот человеколюбивых госпитальеров, было необходимо во что бы то ни стало очистить дороги от разбойников мусульман и прочего сбро-

да, любителей пограбить незащищенных людей. Королю Бальдуэну Первому затея рыцаря из Шампани пришлась по душе. Правда вскоре король скончался, но его преемник, Бальдуэн Второй, человек безусловно мудрый и дальновидный, также понял и оценил важность предприятия и оказал ему всяческую поддержку. Юго с товарищами не только получили в распоряжение целое крыло королевского дворца, где основали свою резиденцию, но Бальдуэн и многие его бароны поддержали братство также и деньгами.

Авторитет первого магистра так вырос, что не прошло и десяти лет, как король отправил его в Европу в качестве своего эмиссара. Юго Пайенский оправдал доверие, он привел Бальдуэну множество добрых рыцарей. Часть из них обосновалась на Востоке, многие вступили в орден Храма, численность которого и богатства постоянно росли, и неудивительно, ведь на Восток из своего европейского вояжа первый магистр Тампля возвратился с уставом, составленным для ордена самим святым Бернаром.

Все бы хорошо, если бы не соперники, госпитальеры. Они начали свою деятельность в Святом Городе еще до крестовых походов и представляли собой чисто монашескую организацию, как бы филиал ордена бенедиктинцев. Однако, прослышав об инициативе Юго Пайенского, их новый магистр, хитрец Раймунд дю Пюи, сразу же заявил королю, что и его иоанниты готовы одной рукой держать крест, а другой — меч.

Король приветствовал намерения Раймунда. Оно и понятно, ведь если братство Храма еще только создавалось, госпитальеры являлись уже мощной организацией, а магистр ее был человеком не только честолюбивым, но и мудрым. Он заметил, что идея Юго не нова, поскольку дружины вооруженных монахов существовали уже во времена Первого похода, ибо и сам легат Папы Урбана Второго, знаменитый Адемар дю Пюи и его клирики на протяжении всей экспедиции не снимали с себя доспехов и сражались ничуть не хуже любого из светских рыцарей.

Итак, узнав о том, что тамплиеры собираются принять участие в походе на Аскалон, Раймунд дю Пюи

заявил, что и госпитальеры не покинут короля в богоугодном, можно сказать, святом деле.

«Как же! — злорадно ухмыльнулся Бернар де Трелмелэ, услышав об этом. — Старая лиса! Так тебя и волнует святость! Просто ты знаешь, что дело верное, и не хочешь отстать от нас, когда будут делить добычу! Там, где настоящая опасность, твоей братии не сыскать днем с огнем! Где были вы, когда благочестивые рыцари храма вели дружины короля Луи горными перевалами, кишевшими лучниками-сарацинами? То-то! Так что ж говорить о богоугодности? То был поход, благословленный самим папой и святым Бернаром из Клерво!»

Нелюбие между двумя орденами возникло практически с самого основания братства Храма. Если высшие иерархи: магистры, сенешали, маршалы и комендуры вели себя внешне дружелюбно по отношению к соперникам, то простые рыцари и их слуги не скрывали враждебности. Оттого-то король и отвел для стоянки обоим орденам места в разных концах лагеря. Как и полагалось в те времена, стены осажденного (как, впрочем, и обороняемого) города делились на сектора, каждый из которых поручался командиру достаточно большого отряда, например дружине какого-нибудь барона или графа или, как в данном случае, магистру ордена.

Господь ясно продемонстрировал, кому выказывает он свое расположение; язычникам удалось уничтожить осадные сооружения, выросшие на участках других вождей христиан, а вот огромная башня, так называемая беффруа, построенная храмовниками, уцелела. Бернар де Трелмелэ едва скрывал обуревавшую его гордость. Он как-то забыл о том, что возводили башню франки все вместе, не обошлось, конечно, и без применения рабского труда.

Неверным псам, язычникам, захваченным в плен, и схизматикам, жившим в ближайших деревнях, пришлось попотеть, строя ее. Их не жалели, заставляя работать от зари до зари, и никуда не отпускали с территории лагеря, где они кормились, чем могли, и спали прямо на земле, для них не нашлось даже самых жалких палаток, а ведь, когда началось строительство,

стояла зима. Они умирали десятками и сотнями, но рыцарей мало волновало это, рабов хватало, хотя с каждым разом приходилось отправляться для их набора во все более дальние рейды.

Куда хуже обстояло дело со строительным материалом, осаждающие испытывали острый недостаток дерева, и башни, сожженные осажденными, к середине весны восстановить не удалось. Хвала Господу, неверным не удалось добраться до требюшэ, исправно бросавших в город камни и производивших этим страшные разрушения. Однако наибольший вред язычникам наносила, конечно, грозная беффруа тамплиеров. Магистр велел стеречь ее, беречь пуще чем зеницу ока.

Вчера расположение ордена посетил король Бальдуэн со свитой, в которой, разумеется, находился и главный ненавистник великого магистра Храма, магистр Госпиталя. Молодой иерусалимский правитель остался доволен тем, какой ущерб наносит осажденным башня. Он произнес немало лесных слов в адрес храмовников и их вождя; прочие нобли так же хвалили, особенно усердствовал Раймунд дю Пюи, он буквально до небес превозносил Бернара де Тремелэ, но любой внимательный наблюдатель мог бы поклясться, что старик кипел от злобы и ненависти к сопернику, от зависти к его успеху.

Славословия короля, баронов и особенно вождя ионнитов так убаюкали Бернара, что он совсем утратил бдительность, решив на минуту, что Раймунд искренне признал превосходство тамплиеров, и в особенности их магистра, над госпитальерами. Все же Раймунд дю Пюи был уже очень немолодым человеком, наверное, с возрастом дух соперничества в нем уже изрядно поугас. Как-никак уже почти тридцать пять лет бессменно управлял он своим реформированным орденом, за это время Храм сменил не одного магистра⁸⁷.

Однако эйфория продолжалась недолго, всего на краткий миг поймал Бернар взгляд соперника, обращенный в сторону беффруа. Увидев жгучую ненависть в глазах Раймунда, глава братства Бедных Рыцарей подумал:

«Сглазит! Сглазит башню, черт проклятый! Гляди-ка ты, а?! Помирать пора, а он?!»

Проводив высоких гостей, Бернар де Трелелэ долго не мог найти себе места, едва он успокаивался, как перед мысленным взором его возникали глаза старика госпитальера. Магистр Храма долго не мог заснуть: только сон начинал охватывать его, как мысль о том, что проклятый Раймунд сглазил башню, пронизывала сознание огненным клинком, точно мгновение назад вынутым из горнила кузнецом.

«Для чего? Для чего королю понадобилось перемещать иоаннитов? — спрашивал себя Бернар.— Для чего Раймунд перебрался ко мне под бок? Что он задумал?!»

Магистр Храма не находил ответа на столь сильно тревоживший его вопрос. Три дня назад в лагере произошли перемены, прибыло подкрепление из Европы, а вслед за ним коннетабль Онфруа де Торон привел только что набранный отряд наемников. Последние заняли место госпитальеров, пилигримы с Запада встали по правую руку от тамплиеров, а следом за ними разместились... иоанниты, сменив прежнюю дружину, которая отправилась на усиление наемников. Все как будто бы было сделано правильно: рядом с новичками ставили опытных, бывалых воинов. Однако после вчерашнего визита Бернар изменил свое мнение. Он думал лишь о том, что теперь его рыцарей и госпитальеров разделяют всего несколько десятков шатров, в которых разместились свежие силы из Европы.

Не проспав и часу, магистр Храма проснулся в холодном поту.

«Он хочет быть поближе к башне! — мысленно воскликнул Бернар де Трелелэ.— Он понимает, что у нас, храмовников, шансов первыми ворваться в город больше, чем у кого-либо другого!..— Эта мысль вызвала у магистра зубной скрежет.— Ну нет же, Раймунд дю Пюи, нет! Тебе не удастся запустить руки в богатства язычников Аскалона раньше меня!»

Разбудив спавших в углу оруженосцев, Бернар лично отправился осматривать посты возле башни. Все было в полном порядке, и магистр возвратился к себе с чувством глубокого удовлетворения. Он помолился, выпил горячего вина и немедленно заснул. Господь

внял его мольбам, сподобив счастья увидеть чудесный сон — магистра Госпиталя, старика Раймунда дю Пюи по приказу Папы Евгения... сожгли на костре, как еретика.

Происходила сия угодная Господу церемония где-то в Европе, в Италии или даже на юге Франции в самый разгар зимы, было холодно и зябко, выпал снег. Бернар стоял среди почетных гостей на возвышении, расположенном на некотором удалении от костра, так, чтобы искры пламени не летели в лицо, но в то же время смотреть оттуда было удобно — чернь специально отеснили в сторону.

Герольд прочитал папскую буллу, согласно которой престол святого Петра упразднял орден святого Иоанна Евангелиста. Все движимое и недвижимое имущество принадлежавшее братству передавалось... ордену Бедных Рыцарей Христа и Храма Соломонова, госпитальерам предлагалось на выбор два варианта: они могли стать храмовниками или... сложить голову на плахе...

Проклятый еретик вспыхнул, как сухая береста, Бернар даже пожалел, что ненавистный ему Раймунд так мало промучился. Пламя костра оказалось таким высоким, таким жарким, что магистр Храма вполне согрелся. Щеки его покраснели, приятное тепло разлилось по телу. Бернар чувствовал себя просто замечательно, он принялся мысленно прикидывать, сколько и где припрятано у госпитальеров сокровищ и как лучше распорядиться переданным его ордену имуществом соперников.

Магистр задумался и не заметил, как что-то случилось. Все окружающие буквально ахнули, потому что из пламени костра к возвышению для почетных гостей потянулась огромная страшная рука — кости с отваливавшимися от них кусками обгоревшей плоти. Бернар не успел даже подумать о том, кому принадлежала рука, как страшные пальцы вцепились ему в глотку, лишая возможности дышать. Магистр почувствовал, что почва уходит у него из-под ног. Он услышал громкий дьявольский смех, доносившийся из самого центра пламени, оттуда, где находился казнимый госпитальер.

В то же мгновение Бернар де Трелелэ понял, что, сгорев, Раймунд превратился в призрака, и призрак этот тянул теперь своего врага за собой в костер.

«Что? Не вышло?! — давясь от демонического хохота, спрашивал своего врага призрак магистра братства Иоанна. — Не получилось?! Хотел все, все себе забастать?! Думал на горе чужом пожить? Так на же, поживись!»

С этими словами призрак бросил Бернара в костер.

— А-а-а! А-а-а! — закричал магистр Храма, вскакивая. — Изыди, сатан... — Он начал размашисто осенять крестным знаменем себя и какое-то темное существо, стоявшее перед ним, но рука наткнулась на нечто твердое. — Прочь! Прочь! Изыди...

Существо в страхе перед крестом попятилось, однако оно не зашипело, не захрипело, не стало биться в конвульсиях, как полагалось бы адской твари, а с неподдельной тревогой в голосе заговорило:

— Мессир! Мессир! Это — я, я, ваш оруженосец Паскуаль!

— Что?! — Бернар оторопело уставился на говорившего. Несмотря на плохое освещение — он сам выбил из рук слуги свечу, — сомневаться не приходилось, тот не врал, он действительно был оруженосцем Паскуалем. — Какого дьявола ты тут делаешь?! Какого черта ты разбудил меня?!

— Беда, мессир, — упавшим голосом проговорил оруженосец. — Беда...

— Как? Что? Что случилось? — спросил магистр, оглядываясь и понимая, что и в самом деле произошло нечто из ряда вон выходящее. Шелк палатки словно бы стал прозрачным, сделался тоньше самого тонкого газа, в который так любят облачаться восточные танцовщицы. Но самое главное заключалось не в этом, голубая материя окрасилась в красный цвет, а на улице раздавались заплешивающие крики. Создавалось впечатление, что на лагерь напал огнедышащий дракон.

Надо отдать должное магистру, он очень быстро вернулся из своего кошмарного сна в еще более кошмарную реальность. Он мгновенно осознал, что все привидевшееся ему, каким бы ужасным ни казалось

оно еще несколько мгновений назад, все равно куда менее ужасно, чем то, что происходит на самом деле. Нет, конечно, Раймунда дю Пюи не сожгли по приказу Папы, и орден госпитальеров остается орденом госпитальеров. Так что же случилось?

— Башня?! — спросил магистр, вскакивая так легко, словно бы и не было на нем тяжелой двойной кольчуги. — Башня?!

— Да...

— Проклятый старик!

Ничего страшнее и помыслить себе было нельзя. Вскоре после того, как магистр тамплиеров, лично проверив посты, уснул сном праведника, две дюжины смельчаков мусульман подобралась к несшей смерть горожанам проклятой Аллахом беффруа. Смертники — они понимали, что шанса уцелеть у них нет, — несли с собой по несколько полных мехов для вина, но не вино находилось внутри, а страшная смесь, именуемая повсюду греческим огнем.

Добравшись до цели, некоторые из мусульман передали ношу товарищам и, выхватив мечи и кинжалы, бросились на ничего не подозревавших франков. Пробив брешь в кордоне, они дали возможность своим прорваться к башне. Те же, оказавшись на месте, принялись быстро испарывать кожу бурдюков и плескать греческий огонь на основание беффруа. Прежде чем стража, находившаяся наверху, успела понять, что происходит, сооружение занялось. Некоторые из христиан попрыгали вниз и принялись резать смельчаков, но тем было уже все равно, они умирали с улыбками на устах, как и подобает героям, свершившим праведное дело во имя единоверцев.

Пока одни франки уничтожали врагов, другие пытались потушить башню. Однако поскольку стояло лето, была обычная для этих мест сушь, когда за многие месяцы не выпадает ни капли дождя, конструкция успела достаточно подсохнуть и горела замечательно. Многие латиняне, ночевавшие наверху, погибли в дыму

и пламени, другие разбились, прыгнув вниз со слишком большой высоты.

Когда магистр вышел на улицу, его взору открылся гигантский факел, вздымавшийся до небес. Несмотря на то что еще не рассвело, черная сирийская ночь казалась ясным летним полуднем. Бернар де Тремелэ даже не думал о том, что погода, по счастью, стояла безветренная. А вот если бы, упаси Господи, ветер дул от города, сгорела бы половина лагеря и прежде всего, конечно, та его часть, которую занимали тамплиеры.

Рыцари, выбежав из палаток, собрались вокруг своего предводителя. Он не мог не отметить, что среди его воинов паники не было, почти не было, не то что у пилигримов справа, там творился настоящий бедлам.

«Проклятый старик! — мысленно повторял Бернар, раздавая приказания.— Дьявол! Дьявол! Сатана! Погоди, я еще увижу, как черти потащат тебя в ад! Ничего, что башня сгорела. Мы построим новую! Мы построим ее! А вот ты... сторицей воздастся тебе за тот огонь, что зажег ты сегодня своей злобой и ненавистью!»

Между тем никаких оснований обвинять Раймунда дю Пюи или кого-либо из его братства в поджоге не было. В том, чьих рук это дело, сомневаться не приходилось. Как ни старались смельчаки погибнуть, не попавшись в лапы храмовников, все равно двоих из смертников удалось захватить живыми. Их привели к магистру, который знаком велел палачу приготовиться.

Магистр долго не мигая всматривался в окровавленные лица коленопреклоненных пленников, и взгляд его заставлял цепенеть от холода души тех из рыцарей, кто оказался за спинами обреченных на страшную пытку людей. Всего их было трое, судьбу смертников-магометан предстояло разделить одному христианину, помощнику начальника караула, позволившего врагу свершить свое черное дело. Сам начальник погиб в сражении. Лицо Простака Анри, так звали несчастного воина, так же как и лица плененных врагов, покрывала кровь, перемешанная с грязью и потом.

Бернар де Тремелэ наконец нарушил молчание.

— Как тебя зовут? — спросил он старшего из мусульман через переводчика, Вальтера Антиохийского,

находившегося под Аскалоном с отрядом рыцарей.— Чем ты занимаешься?

— Джамаль,— гордо вскидывая голову, ответил мужчина. Выглядел он лет на сорок или даже старше, его спутник казался едва ли не вдвое моложе.— Я — шорник.

— Это твой родич? — магистр вновь обратился к Джамалю.

— Сын. Мой первенец,— произнес тот все тем же тоном, в котором помимо гордости чувствовался вызов.— Его зовут Фарнак, он помогает мне.

— Хочешь умереть, Фарнак? — Бернар перевел свой немигающий взгляд на младшего.

— Да! — воскликнул тот звонким юношеским голосом и, без страха глядя в глаза магистру, продолжал: — Мы пришли сюда умереть. Нам повезло больше, чем нашим товарищам, мы увидели, как Аллах покарал кафиров! Посмотри, сколько ваших погибло! И сколько еще погибнет, потому что без этой башни вы не сможете причинить вреда защитникам города!

Когда он договорил, недвижимый прежде воздух вдруг всколыхнулся, резкий порыв ветра, точно дыхание великана, поднял вверх пыль и швырнул ее в лицо Бернару и его рыцарям, стоявшим по правую и по левую руку от магистра. От его внимания не укрылось, сколь восторженный взгляд бросил Фарнак в направлении пожарщика.

— Ты говоришь, вам повезло? — еле слышно спросил Бернар.— Что ж, ты даже и не знаешь насколько тебе повезло... Эрве! — Услышав свое имя, палач напрягся, весь обратившись в слух в ожидании команды сеньора.— Есть у тебя проволока, из которой делают кольчуги?

— Му-у-у, му-у-у... — палач энергично закивал, он потому и звался Молчаливый Эрвэ, что не мог говорить по причине отсутствия языка. Только орденские ветераны помнили, что некогда палача называли по-другому, Эрве-Трещотка. Юному помощнику прежнего палача, его родичу, привезенному из Франции еще Юго де Пайеном четверть века назад, очень нравились звуки собственного голоса. Все бы хорошо, но они не нрави-

лись палачу, который и решил проблему доступными ему средствами.

— Принеси,— приказал магистр,— сделаешь им ежа. Всем троим,— добавил он, указывая на помощника начальника караула.

— За что?! За что, мессир! — воскликнул тот.— Я честно сражался. За что же мне теперь такая мука?

— Честно? — переспросил Бернар де Трелел.— Тогда почему же... почему же мы видим это?

Как раз видеть пламени магистр и не мог, так как намерено стоял спиной к нему. Он лишь, повернувшись вполоборота, сделал вялый жест рукой.

— Пощадите меня, мессир! — взмолился Простак Анри.— Ведь я честно, верой и правдой служил ордену всю свою жизнь!

Несмотря на то что последние слова солдата потонули в новом, более сильном и продолжительном порыве ветра, магистр все прекрасно понял.

— Это ли твоя служба?! — спросил он, делая легкое движение головой в сторону гигантского факела.— Ты погубил надежды братьев, а теперь просишь пощады? Презренный червь!

— Сжальтесь, мессир! — проговорил Анри. Каждому, кто знал, что собой представляет казнь, выбранная магистром, нетрудно догадаться, как не хотелось несчастному солдату, чтобы Молчаливый Эрве загнал ему под кожу куски проволоки, превратив тем самым в «ежа», концы «иголок» которого станут поджаривать с помощью факелов помощники заплочных дел мастера.— Не допустите, чтобы христианина пытали рядом с неверными псами!

Египтяне-пленники не владели языком врагов и не знали, какую пытку им уготовили, однако скромных познаний старшего, Джамалы, в северофранцузском⁸⁸ наречии хватило, чтобы понять смысл фразы Анри. А может быть, шорник просто по-своему истолковал униженный тон солдата, которым тот молил магистра о пощаде.

— Сами вы собаки! — воскликнул старший из пленников.— Вас прогонят от Аскалона! Придет день, когда вас сбросят в море, и от вашего пребывания здесь не останется следа!

— Что он сказал, брат Вальтер? — обратился Бернар к антиохийцу, не спешившему переводить.

— Он грозит нам, мессир, — произнес наконец Вальтер. — Говорит, что нам всем крышка. Они нас разобьют, прогонят, сбросят в море... Жалкий червь... Объяснить ему, что их ждет?

— Будь добр, скажи ему, брат Вальтер.

Антиохиец довольно долго собирался с мыслями, подбирая слова, дабы короче и доходчивее объяснить пленникам, какую пытку приготовили для них франки. И вот он заговорил. Как ни кратка была речь Вальтера, не успел он договорить, как уже третий, на сей раз длившийся не меньше минуты, порыв ветра, заставил его умолкнуть. Едва ветер стих, Вальтер хотел продолжить, но оказалось, что стихия сделала паузу лишь для того, чтобы собраться с силами и показать людишкам, на что она способна.

Ветер заставлял людей щурить глаза, прикрывать лица и пригибаться. Он оказался столь сильным, что срывал с шестов шатры богатых рыцарей, уносил, точно игрушечные, палатки слуг и воинов победнее, взметывал в небо их жалкие пожитки.

Джамаль торжествовал. «Великан» дышал ему в спину, давая прекрасную возможность видеть смятение врагов.

— Эй, железный шейх! — обратился шорник к Вальтеру. — Скажи своим кафирам, придет день, и вот так же поднимется ветер в пустыне! Он сметет не только ваши шатры, но и самих вас унесет далеко за море, туда, откуда пришли вы. А потом он понесет пустыню к вам, и песок ее покроет толстым слоем вашу землю, чтобы перестала она родить, чтобы оскудела, чтобы никогда...

— Мессир! — закричал вдруг кто-то из рыцарей, обращаясь к Бернару. — Смотрите, мессир! Смотрите, что происходит!

Великий магистр Храма не собирался поворачиваться, что бы ни случилось, однако поведение собравшихся не могло не озадачить его. Те, кто находился перед ним, за спиной у мусульман, все как один принялись энергично креститься и кричать:

— Господь с нами! Знак свыше! Божья воля!

— Что там, брат Вальтер? — не выдержал Бернар. Антиохиец стоял между магистром и пленниками как бы вполоборота к пожарищу.

— Вам лучше взглянуть самому, мессир, — твердо ответил он.

Магистр повернулся и увидел то, на что ему и правда следовало посмотреть самому. Огромный факел, в который превратилась беффруа от *сглаза* ненавистного Раймунда дю Пюи, сам без чьей-либо помощи двинулся по деревянному настилу к городу. Ветер был настолько силен, что едва не срывал огонь. Пляшущее острие языка пламени указывало прямо на стену, защитники которой в ужасе разбежались кто куда, дабы не стать жертвами разбушевавшегося огня.

Башня доехала до конца настила и стала медленно крениться. Вот она легла на стену да так и осталась догорать там.

— Саламандра! — сокрушенно прошептал Джамаль. — О, проклятье!

Гримаса дьявольского торжества исказила лицо великого магистра Храма.

— Молитесь! Молитесь, братья! — воскликнул он. — Просите Господа сделать ветер сильнее, а огонь жарче!

Тут появился Молчаливый Эрве и его помощники, которые с неторопливой деловитостью волокли необходимый инструментарий. Они опоздали, обстоятельства изменились, и магистр отдал другой приказ.

— Слушайте меня, братья! Поможем же Господу помочь нам! Прикажите солдатам собрать все дерево и бросить его в огонь! Пусть разгорится сильнее! А ты, Эрве, оставь то, что принес! Вздень этих псов на шесты, дабы им было лучше видно, что произойдет!

— Му-у-у... му-у-у... — закивал палач и красноречивым жестом указал на раненого помощника начальника караула. — Му-у-у? Му-у-у?

Нетрудно понять, что таким образом Молчаливый Эрве пытался выяснить у сеньора, что предпринять относительно Простака Анри. Бернар де Трелелэ уже не думал о нем. Ведь вполне могло поучиться так, что роковая оплошность караула пойдет на пользу франкам. Не всякая кладка выдержит такой огонь.

— Что же...— начал магистр и, немного помедлив, продолжал: — Пожалуй, он заслуживает награды не меньше, чем наказания? Отруби ему правую руку, Эрве... Да, и выколи правый глаз, а ты, брат казначей,— обратился он к одному из немногих рыцарей (остальные немедленно отправились выполнять приказ),— проследи, чтобы солдату дали достаточно золота... впрочем, погоди... Пусть прежде упадет стена! Пусть он истовее молится, чтобы она упала! Я покажу тебе, проклятый Раймунд дю Пюи!

— Что вы сказали, мессир? — спросил казначей, думая, что последние свои слова — они были почти неслышны из-за порывов ветра — магистр так же обращал к нему.

— Ничего, брат казначей, ничего,— Бернар сделал нетерпеливый жест.— И ты молись.

Он немного помолчал, как видно обдумывая что-то важное, а потом добавил:

— А ты, брат Вальтер, вели своим антиохийцам быть наготове. Пусть подойдут поближе к стене и ждут. Если она рухнет, не подпускай к ней никого, прежде чем услышишь звук моего рога.

— Слушаюсь, мессир.

— Надеюсь на тебя,— Бернар коротко кивнул и продолжал, обращаясь уже к другому рыцарю: — А ты, брат маршал, собери-ка с полсотни храбрецов и держи их наготове.

Нет, не зря оказали храмовники в свое время брату Бернару из Тремелэ честь, избрав его своим великим магистром, не напрасно вверили ему верховную, безраздельную власть над всем братством. Мессир Бернар лишней раз продемонстрировал им, что просто рожден для того, чтобы командовать.

Едва только рухнул участок стены, как лишенный кисти правой руки и правого же глаза Простак Анри уполз подальше из лагеря, прижимая к груди кошель с серебром. Не успели антиохийцы занять свои позиции, а уже смельчаки-мусульмане, вздетые на длинные шесты, своими свежеотесанными остриями пронзившие

их внутренности, получили возможность перед смертью волю насладиться последствиями своего подвига. Еще не остыли камни разрушенной огнем кладки, еще догорал остов башни, а великий магистр ордена Бедных Рыцарей Храста и Храма Соломонова уже повел четыре десятка своих братьев на приступ.

От добровольцев не было отбоя, только среди благородных рыцарей нашлось чуть ли не полторы сотни желающих первыми запустить руки в сокровищницы богачей Аскалона. Словом, половина всех принимавших участие в осаде тамплиеров, носивших белый плащ с красным восьмиконечным крестом, рвалась в бой. Из них Бернар де Трелелэ отобрал лишь самых достойных.

Видя обиду, написанную на лицах своих антиохийцев — их взгляды, казалось, говорили: «Почему не мы? Почему нас не взяли? Почему заставили стоять тут на посту?» — Вальтер крепился как мог, а когда последний из сорока отобранных братьев скрылся в маленькой брешу, произнес:

— Великий магистр Бернар обещал мне подать знак. Мы будем следующими, кто войдет в город. — Поскольку рыцари, насупясь, молчали, их предводитель добавил: — Брешь слишком мала, чтобы лезть в нее очертя голову сразу всем. Для начала надлежит все как следует разведать. Мусульмане хитры, как бы не изобрели какую каверзу, не устроили бы какую-нибудь ловушку.

Рыцари, казалось, вняли голосу разума, их напряженные лица немного просветлели. Однако, когда с внутренней стороны стены послышалось родное «Le Baussant!», а следом за ним в не меньшей степени радующее сердце и веселящее кровь «a l'asalt!»⁸⁹, антиохийцы вновь погрузились — другие резали врагов, захватывали их имущество, а тут стой и сторожи — что, право, за собачья служба?!

Вальтер ошибался, враг не готовил рыцарям западни. Впрочем, как знать, возможно предводитель антиохийских храмовников намеренно сгущал краски, делал хорошую мину при плохой игре, он так же, как и его рыцари, предпочел бы оказаться внутри, а не сна-

ружи. Однако приказ магистра есть приказ, за слушание могут и казнить; дисциплина — один из китов, на котором покоится фундамент могущества братства. Вальтер мог бы напомнить своим солдатам об этом, но он заслуженно считал себя мудрым человеком и в тех случаях, когда это было возможно, предпочитал давать заблуждавшимся самим осознавать собственную неправоту. Тем более что никто из рыцарей не сказал ни слова — они негодовали молча.

Бернар де Трелелэ справедливо считался человеком предусмотрительным, он знал, что делал, устанавливая пост перед образовавшейся брешью. Весть о пожаре в один миг облетела лагерь христиан, повергая франков в смятение. Однако скоро распространилось новое известие: храмовники пробили в стене брешь, они ворвались в город и всю грабят, а при их феноменальной жадности и известной всем «любви делиться с ближними» очень скоро может получиться так, что никому другому ничего просто не останется, все растащат проклятые Божьи дворяне!

Первыми стали роптать европейцы, они находились ближе других к стоянке тамплиеров и, что очень важно, не имели единого предводителя, номинально подчиняясь коннетаблю королевства, Онфруа де Торону, которого в тот момент, как назло, не оказалось в лагере: срочные государственные дела заставили барона временно отбыть в Иерусалим. Незнакомые с дисциплиной пилигримы начали требовать от своих многочисленных вождей, чтобы те скорее вели их на приступ.

Причиной всплеска страстей стала оброненная кем-то из соседей-госпитальеров фраза относительно того, что пришельцев с Запада вообще постараются обойти при дележе добычи. Тем не менее в расположении самих госпитальеров паники не наблюдалось. Словоохотливый иоаннит пояснил, что ордена ссорятся лишь для виду, на самом же деле они всегда делятся добычей, вот иоанниты и не волнуются, так как все нарочно затеяно, чтобы половчее провести простофиль паломников.

Кто и что сказал, забылось довольно скоро, главное, пилигримам открыли глаза, и благочестивые странники не собирались закрывать их, прежде чем не увидят

богатств проклятых язычников и не запустят рук в их сундуки. Одним словом, не прошло и получаса, как печаль покинула сердца рыцарей Вальтера, им стало просто не до того, чтобы иссушать свои умы и души размышлениями о том, сколько уже успели награть братья под предводительством магистра, — к ним быстро приближалась огромная, воинственно настроенная толпа рыцарей и пехотинцев с Запада.

Вальтер построил свой отряд. Ряды антиохийцев оцетинились копьями, демонстрируя смутьянам решимость драться. Те тем временем также не спешили отказываться от своего намерения. Они бросились было в атаку, однако были вынуждены отойти, понеся потери, что, впрочем, не слишком охладило их боевой пыл. Не достигнув успеха силой оружия, они принялись требовать, чтобы им дали возможность войти в брешь. Некоторые выкрикивали в адрес храмовников оскорбления, желая не столько задеть последних, сколько подзадорить товарищей, поднять их на новую атаку.

Она также захлебнулась, кроме того остальные храмовники, собранные маршалом ордена, зашли смутьянам в тыл и принялись оттеснять их в сторону. Все эти действия сопровождалось, разумеется, страшным шумом и дикой руганью.

Как бы там ни было, тамплиеры выполнили приказ магистра, никто, кроме него и его сорока добровольцев, не вошел в город, но... никто оттуда и не вышел. В пылу потасовки ни один из антиохийцев, находившихся ближе всех к брешу, не услышал рога Бернара де Трелелэ, звавшего их на помощь. Хотя кто знает, может быть, он, как знаменитый Роланд, не трубил до тех пор, пока уже не стало поздно?

Как уже говорилось, египтяне не готовили западни. Увидев, что происходит, они в ужасе бросились спасаться бегством. Толпы детей и женщин запрудили улицы, и некоторым защитникам стены, оставившим свои посты и не помышлявшим уже о сопротивлении, оказалось просто некуда бежать. Они заметались, в ужасе оглядываясь на приближавшихся храмовников. Те же,

прирезав несколько десятков жителей, попавшихся им на пути, начали врываться в ближайшие дома, стремясь поскорее насладиться возможностью беспрепятственно пограбить.

Солдаты великого визиря Египта, никогда не отличавшиеся храбростью, пришли в ужас, поняв, что прятаться в брошенных жителями зданиях нет смысла, франки прикончат любого, кто попадетсЯ им там. Многие мусульмане бросали оружие, благодаря чему у них не осталось даже шанса железом проложить себе дорогу сквозь толпы сгрудившихся впереди, давивших друг друга без жалости горожан. Египтяне попадали на колени и принялись молить Аллаха спасти их.

И тут они услышали глас... с небес.

— Что вы, жалкие рабы, молитесь Всевышнего?! Что зываете к нему, жалкие трусы?! Что так трясетесь за свои несчастные жизни?! Того ли хочет Он, чтобы вы, недостойные, жили?! Не того! Он хочет, чтобы вы умерли, сражаясь с именем Его на устах против кафиrow!

Тут многие солдаты в замешательстве повернули головы туда, откуда раздавался голос. Шел он, как выяснилось, вовсе не с неба и принадлежал не Всевышнему, а всего лишь неизвестному седому, с непокрытой головой, белобородому старцу в простой холщовой рубахе. В руке старик держал посох, не посох даже, простую суковатую палку. Вероятно, старец был одинок или же его близкие бросили его, стремясь побыстрее спастись бегством. Возможно, дед и сам не пожелал идти с ними, предпочитая встретить смерть от меча, чем на старости лет пить горькое вино позора.

— Что бежите вы?! Разве не ведаете, что бегущему нет спасения?

— Что же делать нам? — начали вопрошать некоторые. — Неверные прорвались, сейчас они всей силой вольются в город и убьют нас, если мы не убежим! Их тьма под стенами, наверное, по десятку на каждого из наших! И это при том, что в бою их железные шейхи неуязвимы и порой надо десять наших, чтобы одолеть одного! О горе нам, мы все умрем сегодня!

— Если бы в подданных великого халифа Каира была хоть капля того мужества, что нашлась в сердцах

немногих смельчаков, отдавших свою жизнь за веру, не стояли бы нынче франки под стенами Аскалона. Не оскорбляли бы своим нечестивым присутствием святынь эль-Кудса! Подумайте только, мечеть аль-Акса в Священном Городе, откуда пророк Моххамед вознесся на Небеса, чтобы беседовать с самим Аллахом, отдана кафирам, что носят красный крест с концами в виде ласточкиного хвоста! Они, железные шейхи, оскверняющие святыню ислама, нынче ворвались в наш город и ищут крови правоверных! Возьмите же мечи и убейте их всех!

— Но их великое множество... — начал кто-то, но старик перебил его. Казалось чудом, что такой немощный старец обладает столь сильным, столь зычным голосом: — Их лишь горстка! По одному на десятерых из вас! Смотрите сами, если не видите!

И верно, на улице почти никого не осталось, все храмовники скрылись в домах, и лишь время от времени кто-нибудь из них выходил наружу, выволакивая тюки добра, из которых прямо на землю падала дорогая посуда и прочая утварь, все то, что граждане Аскалона, в спешке бросившие свои жилища, не успели утащить с собой. Больше никто на противоположном конце улицы не появлялся, получалось, что старик говорил правду.

— Братья! Правоверные! Идемте же и убьем кафи-ров! — закричал кто-то. — Посмотрите, как грабят они, как делят богатства наших единоверцев, даже еще и не победив нас, их защитников. Разве для этого великий визирь послал нас оборонять этот город, чтобы мы бежали, как трусливые овцы?! Возьмите же свои клинки и обратите гнев на осквернителей святынь!

Часть воинов сохранила оружие, другие подобрали то, что бросили, иным же не досталось ничего, кроме камня или палки, но и они последовали за товарищами. Несмотря на то что мусульман набралось не меньше трех сотен и количество их все время прибывало, а храмовников было лишь сорок, сражались рыцари храбро, без усталости рубя в капусту своих врагов.

Однако численное превосходство язычников в сочтении с упорством в конечном счете сделали свое дело —

тамплиеры пали все до одного. Одним из последних погиб сам великий магистр ордена, Бернар де Тремелэ. Он умер, как и подобает настоящему рыцарю, в бою, чтобы предстать перед Господом с улыбкой праведника на устах.

Разя врагов и изрыгая в их адрес хулы и проклятия, храмовник не забывал и о магистре Госпиталя.

«Ну что, сир Раймунд?! Не удалось вам обойти тамплиеров?! Мы, только мы везде первые! Только мы! — мысленно повторял Бернар. — Только мы!»

В то же самое время седой старик с непокрытой головой, плача, шептал:

— О Аллах! Спасибо тебе! Спасибо тебе за то, что отомстил за сына моего шорника Джамала и внука моего, юного Фарнака!

Трудно сказать, сколь широкое распространение получила в ту пору известная мудрость, согласно которой никогда не следует спешить делить шкуру неубитого медведя, и существовала ли она вообще, или, может быть, в Палестине для этих целей использовалась львиная шкура, только король очень разозлился на тамплиеров. Он совсем не скорбел при виде обнаженных тел сорока «мучеников за веру», выставленных приободренными горожанами на стенах для всеобщего обозрения в назидание франкам, а также в качестве корма для стервятников.

Король решил, что пора снимать осаду, однако патриарх и магистр Госпиталя, старый Раймунд дю Пюи так страстно убеждали Бальдуэна и его баронов, что те устыдились своего малодушия. Осада возобновилась, а когда в один из жарких и солнечных августовских дней огромный камень, выпущенный из гигантского требюшэ, убил на месте сразу сорок защитников, несших к стене большую балку, терпение осажденных иссякло. Двадцать второго августа 1153 года Аскалон наконец-то сдался на милость победителей.

Жителям разрешили в трехдневный срок покинуть город с движимым имуществом. Сеньором Сирийской

Невесты или Сирийской Девы (так называли Аскалон на Востоке) стал брат короля, граф Яффы Аморик. Главная мечеть превратилась в собор Святого Павла.

Взятие Аскалона стало, по сути дела, последним настоящим триумфом Иерусалимской короны. И достижения Бальдуэна меркли перед свершениями главного врага Утремера неутомимого Нур ед-Дина. Спустя менее чем через год после победы короля франков Звезда Ислама практически без боя ввел свои войска в Дамаск⁹⁰.

Не трудно предположить, что, занятый всем этим, Нур ед-Дин совершенно забыл об Антиохии и ее новом князе. Зато о нем вспомнил базилевс Мануил. Занятый войной с сельджуками и норманнами, он мог только выразить свое неудовольствие — как-никак, следовало бы Констанс посоветоваться с сюзереном, прежде чем идти под венец с кем попало. В обмен на признание Ренольда князем Мануил потребовал от вассала военной помощи. Более того, он пообещал за нее щедрые денежные субсидии. Золото грифонов очень бы не помешало новоиспеченному князю Антиохии, поскольку они с супругой изрядно порастратились в связи со свадьбой.

Ренольд чуть не свалился с кресла... то есть, простите, с трона, когда узнал, с кем надо воевать! Ему предлагали деньги за то, чтобы как следует всыпать беспокойному северному соседу!

Князь стал собираться в дорогу.

II

Торосу действительно не жилось спокойно. Он, ничего не зная про переговоры базилевса с новым правителем Антиохии и точно напрочь забыв прошлогодний урок, преподанный ему Ренольдом, вновь заявил о себе.

Ровно через год горцы вернулись. Пришли они несколько раньше, чем князь Антиохии смог собрать все силы. Однако ждать он не стал и выступил с теми, кто имелся в наличии. Его отряд из девятиста четырех рыцарей и конных оруженосцев усилили две сотни

пехоты и сорок восемь храмовников (рыцарей и конных сержанов) под командованием старого приятеля Ренольда, Вальтера.

Около Калат Баланка к ним присоединился и маленький гарнизон крепости под командованием ее нового господина Ангеррана дю Клапьер — около двух десятков копейщиков, арбалетчиков и шестеро конных.

Соединенный корпус сил княжества направился к Александретте, в окрестностях которой вновь отметилась повышенная активность киликийцев. Силы последних, по разным оценкам, составляли от семисот до девятисот конных и около тысячи или полутора пехоты. Таким образом получалось, что войско Тороса превосходило дружину Ренольда и храмовников примерно в пять раз, превосходство в пехоте оказалось и того выше — от пяти до семи киликийцев на одного франка⁹¹.

Вечером четвертого дня похода рыцари Вальтера, составлявшие авангард отряда, сообщили о том, что в нескольких милях впереди за холмом они заметили стоянку неприятеля.

Не обошлось без стычки. Часть тамплиеров атаковала небольшую группу всадников и пехоты противника, отправившуюся грабить близлежащую деревню. Так как атаковали рыцари неожиданно, то одержали полную победу, не потеряв ни одного человека убитыми или тяжело ранеными. Храмовники полностью перебили киликийцев (никому даже и в голову не пришло захватить хоть одного живым, взять языка⁹²), а потом отобрали и поделили всю их добычу (не отдавать же обратно крестьянам?).

Другому отряду братьев Храма повезло меньше, рыцари столкнулись лоб в лоб со значительно превосходившими их численно всадниками Тороса и понесли потери. Правда, несмотря на то что армяне оказались в явном большинстве, поле боя осталось за тамплиерами. Они преследовали убежавшего противника едва ли не до самого его лагеря и чувствовали себя победителями. Шум у их палаток не умолкал до глубокой ночи.

После столь удачного начала никто уже не сомневался в полном успехе экспедиции. Затрашний день обещал стать днем славы оружия франков. Пока же князь дал команду разбить лагерь, и воины, не спеша развернув шатры, начали разводить огонь и готовить пищу.

Стояла осень, и как латинянам, так и их противникам предстояла долгая и холодная ночь. Солдаты сытно поели и мало-помалу все, кроме дозорных, улеглись спать. Тех из рыцарей, кто командовал отрядами, князь собрал на совет в своем шатре. Главное во взаимоотношениях с вассалами — не задеть чьей-нибудь чести. Новоиспеченный сюзерен и сам недавно мог на многое пойти, чтобы поквитаться с любым, кто покушался на его права. Словом, надлежало дипломатией добиться от рыцарей единодушного согласия и принять план князя.

План этот выглядел просто.

Ввиду явного численного превосходства противника князь предложил применить прием, так удачно использованный им в битве при Арайме, когда, обратившись в притворное бегство, он покинул поле боя, а потом с несколькими всадниками зашел в тыл одолевавшему уже противнику и украл у него победу.

Ренольд знал, что и теперь не все поддержат его. А потому понимал, что начать лучше всего с похвал и славословий в адрес самой дисциплинированной части войска, возглавляемой, кроме все прочего, и весьма доброжелательно настроенным лично к князю человеком.

— Еще раз поздравляю с победой, мессир,— проговорил Ренольд, обращаясь к предводителю храмовников.— Доброе начало — всегда полдела.

— Спасибо, государь,— приложив руку к груди, ответил Вальтер.— Дай Господь, чтобы смерть брата Тибальта и двух оруженосцев, а также тяжелые раны брата Реньера и увечья, нанесенные злодеями четверем сержанам, не остались неотомщенными. Что же касается сегодняшних стычек с грифонами, то, похоже, Господь наш и правда не гневается на нас. Станем же уповать на милость Его. Я буду молиться за то, чтобы Иисус Христос даровал победу нашему малочисленному, но храброму воинству.

— Молитвы — это хорошо, мессир. Да услышит их Господь, ибо мы как нельзя более нуждаемся в Его поддержке.— Ренольд кивнул и, чтобы не выглядело так, будто он разговаривает с одним лишь Вальтером, обвел взглядом собравшихся: — Но я хотел бы выслушать соображения моих храбрых рыцарей и вместе подумать о том, как нам завтра разбить неприятеля.

Вышло именно так, как предполагал князь: мнения в отношении того, как вести завтра бой, разделились. Франки не привыкли к хитростям. Обычно они нападали на неприятеля, едва завидев его, как правило не слишком-то считаясь с численным перевесом врага⁹³.

Такая тактика зачастую очень ловко использовалась опытным противником во вред рыцарям. Именно об этом и напомнил собравшимся Вальтер. Ренольд знал, кому расточал похвалы. Предводитель храмовников никогда не упускал случая похвастаться своими предками и мудростью их предводителей. Авторитет баронов-завоевателей был для всех в Утремере непререкаем.

— Мой отец,— начал храмовник, дождавшись, когда страсти немного улягутся,— мой отец взял крест еще очень молодым человеком. Трудное, я вам скажу, было дело идти через враждебные страны. Всюду на пути паломников попадались злобные язычники, которые не давали воинству Христову покоя. С зари и до зари нападали они *на нас* целыми стаями, осыпали стрелами и вновь убегали, так что мы порой не успевали даже и отмстить им за своих убитых и раненых.

То, что в своих рассказах потомок славных крестоносцев Первого похода частенько отождествлял свою собственную персону с личностью отца, вовсе не являлось предосудительным в глазах слушателей.

— Когда же мы пришли к тому богоспасаемому граду, что нынче есть столица этого христианского княжества,— продолжал Вальтер,— турки затворились в нем и при всяком удобном случае делали вылазки, нападали на нас, так что многим приходилось не сладко, иных убивали, прочих уволакивали к себе и казнили на стенах, чтобы все христиане видели, как страдают их братья и товарищи. Мы же, те, кто служил прославленному Бозмунду Отрантскому и племяннику

его доблестному Танкреду, никогда не упускали возможности и частенько наносили язычникам ответные удары. Так что после их вылазок у нас едва хватало копий для насаживания отрубленных сарацинских голов.

Храмовник сделал паузу и окинул взглядом притихших рыцарей. Те уже совсем забыли, что слушают не самого Роберта Кантабриуса, а его сына, не принимавшего участия ни в одном из описываемых им предприятий.

Оценив эффект, произведенный его словами, Вальтер заговорил вновь:

— Когда наш князь и граф Фландрии, Роберт, разбили войско из Дамаска и Хомса, турки приуныли. Но вскоре вновь воспрянули духом, так как стало им известно, что князь Радван из Алеппо ведет на помощь к ним несметное войско. Всего неверных шло больше ста тысяч...

Не моргнув глазом, рассказчик увеличил силы неприятеля в пять, если не в шесть раз. Впрочем, реальный расклад сил все равно выглядел впечатляюще. Дело происходило в феврале, в едва ли не самый тяжелый момент осады, когда голод косил франков сотнями. Животным также приходилось нелегко, даже драгоценные дистриеры гибли, лишая боеспособности кавалерию — цвет крестоносного воинства. Для того чтобы отразить атаку, Боэмунду удалось собрать всего семьсот рыцарей.

Это число и назвал Вальтер:

— Во всем войске нашлось только семь сотен годных к бою коней. Когда стало известно, что враг рядом и находится уже возле Арты, наш князь с рыцарями ночью выехали им навстречу. Едва забрезжил рассвет, франки и язычники оказались напротив друг друга. Те опешили, не ожидая увидеть нас так скоро. Однако, разглядев, как нас мало, неверные смело атаковали. Князь же заранее условился со своими людьми, что, когда он подаст им знак, они, как бы ни складывалась битва, обратятся в бегство...

— Благородные рыцари из Буанотта никогда не поворачиваются к неприятелю спиной! — прервал рас-

сказчика молодой безземельный пилигрим, недавно прибывший на Восток и державший вместе с младшим братом денежный фьеф в самой Антиохии, ранее принадлежавший погибшим в битве с мусульманами старшим братьям.— Никто и ничто не заставит меня поступиться честью!

Некоторые, такие же, как он, молодцы, не унаследовавшие от отцов ничего, кроме имени, горячо поддерживали его. Но прочие зашикали на крикунов, требуя, чтобы им не мешали слушать старшего и несомненно бывалого воина.

— Среди людей князя было немало таких, кто считал отступление позором,— продолжал Вальтер.— Но... но все же они прислушались к нему и, когда он дал сигнал, рыцари повернули коней и бросились спасаться притворным бегством. Неприятель устремился в погоню и оказался зажатым на маленьком участке ровной земли между Оронтом с одной стороны и озером — с другой. Все вы, конечно, знаете это место, его еще называют Чертовым Денарием. Вот уж точно! Для язычников оно именно и стало таковым! Тогда всю зиму шли страшные дожди, каких старожилы не помнили уже много лет, и берега озера сделались хуже болота, превратившись в ловушку, как для человека, так и для зверя. Убедившись, что неверные клюнули на его уловку, князь снова подал знак своим рыцарям, и те, дружно ударив на язычников, заставили их ряды смешаться. Сарацины теперь не могли по своему обыкновению убежать, выпустив во франков тучи стрел. Дело в том, что турки, скакавшие сзади, не понимали причины смятения своих товарищей и продолжали мчаться вперед, все еще мня себя победителями. Нашим мечам досталось тогда работы. После оруженосцы замучились точить их, так железо с обеих сторон затупилось о головы неверных. Их легло до половины, а оставшихся мы гнали до Гарена, где взяли большой обоз с продовольствием и множеством коней, со всем, что так было необходимо в ту пору франкам, ибо они, да простит их Господь, оказались так сильно утеснены голодом, что иной раз, обезумев от страданий, не брезговали есть тела мертвых врагов...⁹⁴

Вальтер со вздохом умолк, а потом подвел итог своей речи:

— Я поведал вам все это не только затем, чтобы показать, как славно поступали первые пилигримы, но и дабы дать пример того, что не стоит бояться покрыть себя ложным бесчестьем, если оно дает возможность избежать бесчестья настоящего. Не согласись рыцари на предложение своего князя, они, скорее всего, были бы раздавлены ордами неверных. Спору нет, они умерли бы с честью, но как знать, не стала бы их забота о чести причиной гибели всего дела пилигримов? Как знать, не вышло ли бы большего позора всем воинам Христа, если бы часть их не поступилась принципами и не пошла на хитрость, использовать которую вполне допустимо в войне со злыми и коварными язычниками?.. Вот я рассказал вам, как поступали деды ваши и отцы, а теперь решайте, как должно сделать вам.

Когда храмовник закончил, рыцари долго хранили молчание. Горячие молодцы, которые громче всех кричали о том, что никогда не показывали неприятелю спины, не находили возражений. Кто они такие, чтобы тягаться славой с героическими предками — святыми людьми, не щадившими живота своего во имя Господне? Нет, им не следовало подвергать сомнению правильность предложения своего князя. Как-никак именно он, Ренольд Шатийонский, сидит на троне Боэмунда Отрантского и Танкреда д'Отвилля, вслед им он теперь *Per Dei Gratiam Dux et Princeps Antiochenus*⁹⁵.

Князь, наблюдавший за своими вассалами, не мог не заметить, как сильно менялось выражение их глаз на протяжении длинной речи Вальтера. Рыцари еще не знали, какую награду предназначал их сюзерен велеречивому слуге Господнему, представителю Святого Братства Бедных Рыцарей Христа и Храма Соломонова, тот же, напротив, хорошо представлял себе, за что борется. Однако, рассматривая физиономии своих подданных, Ренольд нет-нет да и морщился:

«Почему я должен убеждать их? Почему я вынужден уговаривать всю эту чертову шайку? Князь я или не князь? Черт бы побрал этих глупцов!»

К сожалению, маневр, использованный Ренольдом под Араймой, был единственной военной хитростью, известной ему. О том, что к такой тактике часто прибегают турки, поведал ему на привале один старый рыцарь-храмовник, который еще мальчишкой-оруженосцем принял участие в Первом походе. Уроженец Жьена просто хотел проверить — сработает или не сработает. В сражении с дружиной Раймунда Триполлийского сработало.

Впрочем, сработало и другое. Рассказ Вальтера также сделал свое дело. Наконец гнетущее молчание прервали первые возгласы одобрения и даже восхищения. Раздор был немедленно забыт, рыцари, как один, хотели повторить подвиг войска Боэмунда Отрантского. Они горели желанием драться.

Когда бестолковый галдеж закончился и все разошлись (пример подал Ангерран, он с разрешения князя первым покинул его шатер), Ренольд попросил Вальтера задержаться.

— Я хочу поздравить вас с очередной победой, мессир,— сказал князь.— Должен признаться, вы привели меня в восхищение своим рассказом.

— Не стоит благодарности, государь,— заскромничал храмовник, хотя по самодовольному выражению его лица нетрудно было догадаться, что скромность к числу добродетелей Вальтера не принадлежала.— Просто, ваше сиятельство, надо иногда напоминать молодежи о славных деяниях стариков. Учить ее уму-разуму.

— Вы очень помогли мне,— вполне искренне признался Ренольд.— И, как я и говорил вам, если Господь пошлет нам завтра победу над киликийскими грифонами, город Александретта отойдет вашему братству. Вообще вся эта часть княжества будет передана под контроль ордена Храма. Вы получите также замки Гастун и Бахрас⁹⁶. Крепости сейчас стоят разрушенные язычниками, вам придется восстановить их, но теперь они станут принадлежать только вашему братству, и никому иному⁹⁷.

— О ваше сиятельство! — воскликнул польщенный Вальтер. — Это очень щедрый дар. Он как нельзя более кстати теперь, когда вся братия наша оплакивает мучеников — великого магистра Бернара и лучших рыцарей Тампля, принявших смерть за веру Христову. Обещаю вам от имени ордена, что братья не забудут ваших благодеяний!

Ренольд улыбнулся. В глазах его блеснули дьявольские искры.

— Нам осталось немного, — сказал он весело. — Разбить Тороса Рубеняна и выкинуть отсюда всю эту сволочь!

Говоря это, князь даже и не думал, что, подобно оружейнику, выковывает лишь первые звенья в длинной и прочной цепи, связавшей его с орденом Храма. Как ни далеко до конца истории взаимоотношений Ренольда де Шатийона с орденом Бедных Рыцарей Христа и Храма Соломонова, все же начало им было положено именно здесь, на побережье, у стен Александретты.

III

Оба войска, как это обычно случалось в те времена, построились с рассветом. Дабы неприятель не заподозрил неладного, Ренольд хотел разделить отряд тамплиеров надвое, чтобы часть из них оставить при себе, а другую, усилив отрядом Ангеррана и еще двух рыцарей, отправить в засаду. Однако предводитель храмовников отсоветовал ему делать это, предложив другое — сделать засадной всю дружину тамплиеров.

— Но грифоны решат, что мы что-то замыслили, сир Вальтер, — возразил князь. — Они подумают, куда делись те, кто так доблестно сражался с ними вчера?

— Ваше сиятельство, если бы у них была хотя бы капелька ума, — ответил на это тамплиер, — они подумали бы о другом. Например, о том, что им вообще не стоило приходить сюда, зная, что в Антиохии теперь появился законный суверен. Ведь свое умение не прощать обид вы уже продемонстрировали захватчикам изрядно наказав их в прошлом году. Теперь, учитывая

исход вчерашних столкновений с братьями ордена, грифонам следовало понять, что численное превосходство не спасет их. Да вы посмотрите только, какие у них кони!

Ренольд и сам видел, что для настоящего *mêlée*⁹⁸, по обычаю западных всадников, лошади противника не годились. Лишь немногие из горцев имели под седлом настоящих боевых коней. Маленькие лошадки прочих очень хорошо подходили для езды по узким горным тропам Тавра и Амана, но в битве на равнине подобные животные — не помеха для рыцарских жеребцов, которые просто сомнут противника, опрокинув на землю вместе с конями.

— Все так, мессир,— согласился Ренольд. Он уже начинал подумывать о том, что вчера зря тратил время, используя красноречие Вальтера для убеждения вассалов. Конницы у Тороса оказалось куда меньше, чем доносили те же тамплиеры.— Но грифоны же не слепые? Они увидят, что ваших братьев тут нет, и настожатся... Пожалуй, нам вообще не следует разделять силы. Ударим-ка все вместе прямо на них. Нас почти полторы сотни, а их всего-то пятьсот. Они не выдержат.

— Верно, государь,— согласился Вальтер и, протянув руку, указал направо.— Но посмотрите вон туда на их фланг. Видите, там туркоманы?

— Разумеется,— ответил князь, он хотел добавить: «Или вы думаете, я более слепой, чем грифоны?» — однако вовремя не сделал этого, потому что храмовник продолжал:

— Вчера, как говорят, их было четыре сотни, а нынче едва ли полторы. А теперь обратите внимание на холм, за которым мы с братьями намеревались разместиться. Тот, который слева от их позиций.

Ренольд нахмурился.

— Вы хотите сказать, что они избрали ту же хитрость, которую собирались использовать и мы?

— Вы блестяще проникательны, ваше сиятельство! — воскликнул Вальтер.— Клянусь всеми святыми, язычники спрятались там и намереваются ударить нам во фланг, как только мы сомнем их нечестивых соплеменников. Ни они сами, ни Торос не настолько глупы,

чтобы не понимать: им не выдержать нашей атаки. Это самое слабое звено в их порядках. Оно, на мой взгляд, слишком слабое, чтобы не вызвать подозрений.

Князь кивнул:

— Вы правы, мессир Вальтер. Похоже, вам придется ударить на них одновременно с нами.

— Вот поэтому-то, ваше сиятельство, я и не хочу делить свой отряд! — воскликнул тамплиер. — Проклятые грифоны и язычники уверены в победе, они не знают, что мы разгадали их план. Поэтому, увидев, что рыцари Храма отсутствуют, этот нечестивец Торос решит, будто мы и вовсе ушли в результате какой-нибудь ссоры с прочими рыцарями из-за того, что те позавидовали нашему вчерашнему успеху и хорошей добыче. Мы же ударим на тех, кто спрятался в засаде. Посмотрим, что смогут сделать две с половиной сотни турок против сорока храмовников!

— Ваша правда! — Ренольд взмахнул внушительным кулаком. — Проклятый Торос осмелился на союз с неверными, таким образом, он сам стал хуже, чем они! Разве мыслимо такое, сир Вальтер, чтобы христианин принял помощь язычника? Не запятнал ли он себя подобным союзом в глазах Господа и всех правоверных христиан?

— О да! — подхватил храмовник. — Любой, кто обращается к неверным за подмогой, будь то князь или простой рыцарь, становится врагом каждого истинного христианина. Такое было неслыханно в старые времена! Ни одному из пилигримов Первого похода никогда в жизни не пришлось бы в голову ничего подобного!

Благочестивый брат Вальтер безусловно знал историю предков. Мог, как мы сами не раз убеждались, довольно складно и даже увлекательно рассказывать про подвиги князя Боэмунда Отрантского и его племянника Танкреда, однако почему-то упустил из виду то обстоятельство, что как раз последний, ничуть не смущаясь, заключил союз с Радваном Алеппским (да, да, тем самым, орды которого в рассказе самого же Вальтера так хитро разгромил Боэмунд под Антиохией)⁹⁹.

Надо думать, храмовник решил, что обращать внимание на столь маловажные факты — вещь неблагоприятная.

— Будь по вашему, мессир Вальтер, уезжайте, — подвел князь итог совещанию. — Как услышите, что мы трубим в рога, атакуйте тех, в засаде. Перебейте их всех, а мы сделаем свое дело!

Оставив пехоту под началом Ангеррана и дав ему напутствие не слишком отставать от рыцарей в атаке, Ренольд велел коннице изготавиться. И вот снова загрохотало над равниной знаменитое еще со времен Первого похода «Deus le voit!», и франки тронули коней. Пехота затрусилась следом, подбадриваемая своим предводителем (он-то сидел в седле) и его постоянно раздававшимися возгласами: «Прибавьте шаг, шлюхины дети!», «Шевелите своими жирными задницам, безмозглые скоты!», «Думайте о добыче, что припрятали у себя в шатрах нечестивые грифоны и их друзья язычники!».

Неприятельская конница тоже начала набирать скорость.

В нескольких десятках туазов от линии противника, рыцари, вслед за возглавлявшим их колонну Ренольдом, с пронзительным криками принялись опускать копья. Сарацины на левом фланге порядков Тороса, выпустив в наступавших тучу стрел, обратились в бегство, и франки немедленно устремились за ними, забыв обо всем на свете. Они уже чувствовали запах победы, в их глазах пылала алчность, рыцари предвкушали мгновение, когда запустят пальцы в сокровища врагов, — неизменную награду победителей. Разве они не заслужили ее?

В то время как всадники на правом фланге антиохийского войска, утратив всякое подобие порядка, не думали ни о чем другом, как о преследовании и добыче, центр и левый фланг франков, смяв конницу киликийцев, натолкнулся на лес копий, которыми оцетинилась неприятельская пехота. Она не побежала, как ожидали рыцари, а, пропустив своих, изрядно потрепанных конников сквозь собственные ряды, сомкнулась и оказала наступавшим достойный отпор. Позже франки поняли, с кем имели дело. Перед ними оказались наемники из германских княжеств центра Европы, обученные ведению боя в сомкнутом строю¹⁰⁰.

Пока копейщики продолжали сдерживать франков, киликийские лучники и пращники, укрывшиеся за спинами своих товарищей, обильно осыпали рыцарей стрелами и камнями, точно молодоженов на свадьбе крупной.

Однако длилось смятение недолго. Антиохийская пехота подросла вовремя. Воины, закрываясь щитами и отпихивая от себя древка копий, прокладывали себе путь в порядки врагов и прорубались дальше. Наемники дрогнули, они попятились, но еще держались.

В горячке боя Ренольд как-то утратил ощущение времени и совершенно забыл дать командиру отряда храмовников сигнал начать атаку на засадный отряд Тороса.

Внезапно по рядам неприятеля, точно неожиданно резкий порыв ветра, пронеслось волнение. В единый миг только что еще стройные, сохранившие боеспособность отряды германцев и армян обратились в бегство. Казалось, вода прорвала плотину, хотя на первый взгляд ничего особенного как будто бы и не произошло. Однако уже в следующую секунду стало понятно, что же случилось. Некоторые из киликийских всадников поспешили, посчитав себя победителями до срока. Заметив появившихся из-за укрытия союзников туркоманов, они ринулись окружать франков, смявших левый фланг войск Тороса. Армяне надеялись на легкую добычу, но, когда увидели, что туркоманы не атакуют, а спасаются бегством, по пятам преследуемые храмовниками, сами в страхе кинулись бежать в направлении, противоположном тому, в котором собирались двигаться.

Первыми отреагировали свои, горцы. Бросая бесполезные теперь луки, они в ужасе устремились за конниками. Последними поняли, что происходит, твердолюбые германцы. Одни из них обратились в бегство, но другие вовремя сообразили, что так их просто изрубят в капусту, и принялись, становясь на колени и поднимая руки над головами, просить о пощаде.

Отдав своим приказание не убивать понапрасну хороших воинов, Ренольд, хотя и с явным опозданием, затрубил в рог. Подхватив сигнал предводителя, рыца-

ри пришпоривали коней и, сметая все и вся на своем пути, устремились к лагерю Тороса.

Все имущество врагов попало в руки победителей. Только их алчность и спасла князя Киликии, который, укрывшись плащом простого воина, бежал с поля битвы с несколькими своими приближенными. И никому, кстати, не пришлось «поворачиваться спиной к неприятелю», даже достославным «рыцарям из Буанотта»¹⁰¹.

Опережая ветер, весть о победе над врагами помчалась в столицу княжества, чтобы наполнить сердце Констанс радостью и гордостью за любимого. Княгиня уже знала, что скоро сумеет достойным образом вознаградить своего героя за храбрость и доблесть в битве с врагами. Старуха Эксиния (она, как мы знаем, никогда не ошибалась в подобных делах) сказала, что после Крещения у госпожи родится мальчик.

Констанс была вне себя от счастья, она уже знала, что назовет дитя Ренольдом.

IV

На севере поменялся расклад сил.

В тысяча сто пятьдесят пятом году умер Иконийский султан Масуд, оставив двоих сыновей — претендентов на престол отца. Старший, Килидж Арслан Второй, нашел поддержку у представителей одной ветви соседей, князей Даншмендов, младший, Шахиншах — у другой, старшей, в частности у Ягизьяни¹⁰², эмира Себастии. Последний пригласил в союзники Нур ед-Дина¹⁰³. Одним словом, в лагере неверных вспыхнула война, обещавшая передышку христианам.

Тем временем там уже почти достигший двадцатипятилетия король Бальдуэн Третий, снискав себе славу и уважение современников вследствие взятия Аскалона, окончательно утвердился на троне.

Мелисанда же, как уже говорилось, подчинившись решению нобилитета Иерусалимского государства, удалась во вдовый удел, которым для нее стал богатый город Наплуз и прилегавшие к нему окрестности. В 1155 году вдовствующая королева вела частную жизнь, не касаясь более дел государственных¹⁰⁴.

Годы, а вернее всего, тяжелый стресс, связанный с понесенным поражением, все настойчивее давали о себе знать: и Мелисанда нередко недомогаала и, конечно же, находясь вдали от светских забот и милой сердцу круговерти большого Иерусалимского двора, довольно часто скучала.

Формально примирившись с венценосным отпрыском, в душе она не простила Бальдуэна, просто не могла сделать этого. Не избыло сердце обиды и на многих баронов, что столь легко отшатнулись от нее. Она так до конца и не извинила патриарха Фульке за то, что он, пусть и под давлением обстоятельств, повенчал Бальдуэна на царство одного. Мог, мог монсеньер выстоять ради интересов той, благодаря милости которой удостоился столь высокого поста. Грозили зарезать, если послушается? Полно, ваше святейшество! Не посмели бы!

По-настоящему простила она лишь коннетабля д'Йержа. Знала ведь, что не ловил звезд с неба, потому и протащила его так высоко, подняла на высоты недостижимые. То, что сир Манасс уступил свою должность Онфруа Торонскому — правильно и честно, последний не просто рыцарь, стратиг, только скромнен сверх обыкновения и на удивление нечестолюбив.

И все же... обидно!

Сама не раз легко отваживавшаяся на подлость, обман, клятвопреступление и даже убийство, Мелисанда не могла примириться с мыслью, что стала жертвой хитрости врагов или трусости людей, которым доверяла¹⁰⁵.

Теперь, как и совсем недавно, враг вновь жил в Антиохии. На сей раз он персонифицировался не в постороннего человека, не в мужчину, что принесли столько горя дочерям короля Бальдуэна Второго и армянской княжны Морфии, а в близкого по крови человека. Нет, не Ренольда Шатийонского так ненавидела

вдовствующая королева — его жена, племянница Констанс, дочь Алис, еще несмышленищем невольно причинившая матери столько горя, теперь уже сознательно вмешалась в сферу интересов Мелисанды. Решаясь на такое, следовало помнить: тетушка не прощала подобных вещей никому.

Вполне понятно, что королева несказанно обрадовалась, когда ей доложили о прибытии в Наплуз человека, который несомненно мог рассказать ей много интересного. Несмотря на поздний час, королева велела не мешкая звать его к себе. Гостя проводили в спальню, где королева приняла его, лежа в постели.

Неофициальная обстановка как нельзя лучше способствовала теплой, дружеской, как раз именно *неофициальной* беседе. Неофициальность эта распространялась до таких пределов, что гостю, человеку, вне всякого сомнения, куда более низкого происхождения, чем хозяйка, было позволено даже поглаживать ноги королевы. Впрочем, подобная вольность, казавшаяся на первый взгляд непростительной и несовместимой с королевским достоинством, легко извинялась по крайней мере тем, что гостем была женщина. Во всяком случае, она так выглядела, но...

— Прости меня, Жюльен, что я все время называю тебя Аспазией, — проговорила Мелисанда. — Уже прошло двенадцать лет, а мне часто снятся их лица. Твоя сестра, которая предпочла стать мальчиком, и тот юноша словно бы не просто поменялись ролями: мне порой кажется, что вы трое — она, тот, кто заменил ей тебя, назвавшись Жюльеном, и ты сам — воплощены в двоих... Хотя за все эти годы, что минули после их гибели, мне следовало бы усвоить, что теперь все трое — в одном или в одной тебе. Ты не представляешь себе, что такое терять навсегда...

Отношения, когда-то сложившиеся между Аспазией, сестрой Жюльена, и самой теперешней хозяйкой Наплузского дворца, позволяли гостю говорить с властной женщиной едва ли не на равных.

— Я представляю себе это, ваше величество, — тихо проговорил он или, если угодно, она (поскольку гость был одет в женское платье). — Мне приходилось терять.

Даже месть не может заставить забыть утрату, она не в состоянии возратить душе похищенное. Пролитая кровь злодеев не способна уравновесить боль страданий, ставших следствием их гнусных деяний. Я не когда не забуду Аспазию и вашу сестру Алис. Никогда, ваше величество.

— Спасибо тебе, Аспазия,— поблагодарила королева.— Я также никогда не забуду того, что ты сделала для меня. Наконец-то проклятый гиензец пострадал.— Мелисанда не хотела произносить имени Раймунда, словно опасаясь потревожить призрак врага.— Тринадцать лет я ждала этого дня. И я и душа Алис... Но я говорю не о том. Ты молода и потому не можешь понять, что значит чувствовать приближение холода...

Хозяйка, задумавшись, умолкла на какое-то время, но, поскольку гостя из вежливости и глубочайшего уважения к королеве не осмелилась нарушить ход ее мыслей, продолжала.

— О Боже,— вздохнула Мелисанда и, зажмурившись, несколько раз осенила себя крестным знаменем.— О Господи, прости мне мои мысли...— Открыв глаза, она посмотрела на Жюльена-Аспазию и тихо проговорила: — Порой мне кажется, что ни там ни тут,— взгляд королевы скользнул от потолка к полу,— ничего нет. Ничего, кроме пустоты, страшной бесконечной бездны, в которую проваливаются после смерти души всех, и праведников и грешников. Они летят и летят куда-то... не вверх или вниз, а... в никуда, в ничто, в небытие, во мрак, такой же бесконечно глубокий, как океан. Они исчезают там, откуда никто никогда не находит дороги к свету. Порой я чувствую, как приближается холод. Страшный холод... неведомый, непонятный.— Она перекрестилась.— Господь накажет меня за такие мысли... Если он есть, Господь?.. О Боже, что я говорю?!

Она вновь закрестилась и умолкла, теперь уже на более долгое время. Однако гостя хранила почтительное молчание, и королева заговорила опять:

— Я все чаще и чаще чувствую это с тех пор, как все предали меня. Покинули сначала здесь, в Наплузе, а потом и в столице...

Жюльен-Аспазия вскрикнула и принялась целовать ноги Мелисанды, приговаривая:

— Я знаю, я знаю эту боль! Я видела это, когда моя госпожа, ваша сестра Алис плакала в Латтакийском дворце, преданная всеми, всеми покинутая. Она была так молода, разве она заслужила такую долю? Чем, чем провинилась она перед Господом?! Зачем так обошлись с ней люди?! Видно, и верно, нет ему дела на Небесах до нас, сущих на земле!

Жюльен-Аспазия заплакала, а королева, сняв с головы гостьи платок, погладила разметавшиеся по плечам волосы.

— Не надо плакать, моя милая. Тех, кто ушел, не вернуть.

— Но нельзя, нельзя, чтобы те, кто причинил другим такие страдания, оставались безнаказанными! — воскликнула Жюльен-Аспазия.

— Господь сказал: «Аз воздам», — напомнила Мелисанда, забывая, что сама только что усомнилась в существовании Бога. — Не наше дело брать на себя бремя забот Его.

— Нет, ваше величество! — Гостья резко вскинула голову и посмотрела на королеву мокрыми от слез, безумными глазами. — Он, если Он есть, всегда медлит! И верно, что Ему? Что наша жизнь по сравнению с вечностью? Мы не должны ждать, по крайней мере тогда, когда бремя забот Его касается нас. Отчего же нам не взять на себя хоть часть этого груза? Разве мы плохо управлялись прежде? Разве не отомстили мы за страдания моей госпожи, вашей сестры? Теперь я вижу, что и ваш черед настал, и нынче вы страдаете так же! Я знаю точно потому уже, что те слова, что слышу я сейчас от вашего величества, говорила мне и она. Это чувствуют все преданные все покинутые! Раз Господь допускает такое, так и правда, есть ли Он?!

— Не говори так! — поспешила возразить королева. — Не произноси слов столь страшных! Нам неведомы пути Его, и не нам поэтому подвергать сомнению Божественную сущность... Я лишь сказала, что порой мне кажется, будто нет ни рая, ни ада, да и вообще, там,

за пределами этого мира, все иначе, чем привыкли думать мы...

Мелисанда вновь на секунду другую умолкла, отвлеченная собственными мыслями, и, круто меняя тему разговора, сказала:

— Довольно об этом, лучше расскажи мне, что происходит в мире? Да... и не называй меня здесь вашим величеством... говори мне просто мадам, как бывало. И... ложись рядом, чтобы я могла лучше слышать тебя.

Когда Жюльен-Аспазия исполнила распоряжения, королева спросила:

— Ну, и как обстоят дела на Севере?

На вопрос следовало дать ответ, и он прозвучал.

— Они правят, — с плохо затаенным негодованием проговорила Жюльен-Аспазия, — наслаждаются властью. *Их сиятельство князь* — теперь герой. Он дважды разгромил киликийцев, потом в союзе с последними потрепал на границах иконийских язычников, а теперь, как говорят, ладит с ними и с Торосом союз против Нур ед-Дина. Больно видеть *их* возвышение. *Их сиятельство княгиня* родила второго ребенка, Агнессу. Говорят, дитя здоровое, как и мальчик, которого *она* назвала Ренольдом в честь отца.

От чуткого уха королевы, разумеется, не могли укрыться желчь и горечь, прозвучавшие в голосе госты, однако до поры Мелисанда делала вид, что ничего такого не замечает.

— Ренольдом? — переспросила королева. Она, разумеется не могла об этом не знать, хотя о рождении девочки услышала впервые. Мелисанда вздохнула: — Ренольдом. Значит, она влюблена в этого красавчика, и еще как влюблена! Кто бы сомневался? Когда мы с Одьерн уговаривали нашу молодую вдовушку взять себе нового мужа, тихоня давным-давно сделала выбор. Уже тогда наша скромница пускала своего красавчика в постель. Если бы мой сын не поступил со мной столь низко, проявив черную неблагодарность, им никогда бы не стоять перед алтарем... Нет, ей и в голову не пришло назвать хоть одного мальчика именем Раймунда! А теперь... Ренольд... Ренольд...

— О ваше велич... О мадам! Я так ненавижу их!

— Он здесь ни при чем, — возразила королева. — Я говорила с ним. Храбрый, благородный и не лишенный талантов молодой человек, но самое главное — красавец. Эти светлые непослушные волосы, что никак не желают прятаться под шлемом или под шапочкой! Голубые или даже зеленые глаза!.. Клянусь, я не могу не понять нашу Кон. Нам, черноволосым и смуглокожим, всегда нравились такие мужчины. Ох уж эти галлы, прекрасные ликом, благородные сердцем, стройные станом, неутомимые и в битве и в любви. О, эти храбрецы и безрассудные удалыцы...

Мелисанда сделала паузу, но тут же вновь заговорила, предаваясь воспоминаниям о днях давно прошедших:

— Это у нас от матери. Вот уж кому повезло в браке! Граф Эдесский Бальдуэн Второй сразил ее своей красотой... Она мечтала, чтобы ее отдали за него, не слушая рассказов про соплеменницу, которая досталась в жены Бальдуэну Первому. Моей матушке повезло, она не стала соломенной вдовой, как Арда, дочь Тотула. Граф любил нашу маму и не покинул, даже когда стал королем Иерусалимским. И мы выросли в любви и ласке. Она научила и нас беззаветно любить друг друга. Она воспитала нас такими, потому что, познав, что есть настоящая верность и преданность, сама была счастлива.

Королева надолго умолкла. Она все время гладила волосы гостыи, а та, не стеснясь, ласкала свою повелительницу, запустив пальцы под толстое одеяло, сшитое из меховых шкур, привезенных купцами издалека, из страны куда более холодной, чем даже земля живущих среди вечных снегов норманнов и фризов.

Нарушить тишину осмелилась Жюльен-Аспазия.

— Расскажите мне о нем, мадам, — попросила она. — Мне так нравится слушать. Когда вы говорите о нем, вы становитесь такой... такой... словно бы совсем юной.

Несмотря на годы (королева-мать «разменяла» пятый десяток, в Утремере это считалось для женщины почтенным возрастом), в облике Мелисанды еще присутствовали следы былой красоты. Когда-то старшая дочь короля Иерусалимского по праву считалась на-

стоящей красавицей, впрочем, она и теперь сохранила свой особенный шарм.

Обе собеседницы знали, кого имела в виду гостья, но все же королева переспросила:

— Ты говоришь о Юго?

Жюльен-Аспазия в подтверждение только молча опустила и подняла ресницы. Разумеется речь шла о первом настоящем увлечении, — да что уж там?! — о настоящей первой (да, к слову заметить, и последней) любви юной Мелисанды.

— Изволь, — начала она, мысленно обращаясь к событиям двадцатилетней давности. Несмотря на то что гостья знала всю историю чуть ли не наизусть, так как не раз слышала ее из уст рассказчицы, та говорила так, точно впервые решилась поведать сердечную тайну подруге. — Он чем-то напоминал того молодца, что вскружил голову Кон. Высокий, светловолосый и ясноглазый. Правда, Юго носил бороду, а тот, насколько я помню, только усы. В остальном же они во многом походили друг на друга. Ну и, конечно, — такого уточнения королева не могла бы не сделать, — Юго был родом куда знатнее ее Ренольда. А как же? Сын Юго дю Пьюзе, первого тамошнего барона, носившего это имя. Вместе с другими сеньорами Людовика Шестого Французского старик составил оппозицию своему сюзерену и... проиграл. Король велел разрушить Ле Пьюзе и навсегда лишил Юго Первого фьефа в своей земле...

Мелисанда вдруг нехорошо усмехнулась, лицо ее исказила гримаса злости.

— Как жаль, что сынок Луи Шестого, Луи Седьмой, так и не совершил на Востоке подвигов во имя христианства. Получилось, зря проездил маленький король! — фыркнула рассказчица, заставив замереть в удивлении благодарную слушательницу. — А ведь именно Толстячку Людовику¹⁰⁶ я была обязана своим браком. Именно он сосватал меня за графа Фульке! Как я благодарна ему за это!

Гостье как-то даже и не приходило в голову, какими мотивами руководствовалась королева во время Второго похода, зачем она делала все, чтобы он провалился? А ведь стоило подумать! Кто, как не отец Людовика Седь-

мого, заставил ее возлюбленного Юго еще маленьким мальчиком претерпеть столько горя и лишений?

Хотя, не проявил бы отец неудачливого короля-крестоносца жестокость в отношении своего вассала, сохранил бы ему его Ле-Пьюзе, как знать, отправился бы сын Юго Первого на Восток? А так ему пришлось сделать это, поскольку его родители оказались вынуждены туда отбыть. (Впрочем, женщины, даже если они настоящие королевы, даже если умны и прозорливы, редко думают о подобных вещах.)

— Когда это случилось, — как ни в чем ни бывало продолжала Мелисанда, — Юго был еще отроком. Поскольку отец его приходился моему отцу двоюродным братом, то неудивительно, что Юго Первый приехал сюда. Когда мой отец — граф Эдесский получил корону Иерусалима, он отдал своему кузену Яффу. Однако здоровье Юго Первого оказалось так сильно подорвано войной и переживаниями, что он скончался, а вскоре за ним бранный мир покинула и мать моего Юго, благородная, христоролюбивая дама Мабилла. Сам же Юго рос при Сицилийском дворе. Его родителям пришлось оставить сына там, ибо, когда они проезжали через Апулию, Юго очень сильно захворал. Они не хотели вести сына в неизвестность, ведь они еще не знали, что ожидает их на Востоке... Никто не знал. Бедный Юго, если бы только *он* знал, что ждет его на новой родине!

На глаза королевы навернулись слезы, тем временем дрожь охватила пальцы гостьи, ласкавшей Мелисанду. Жюльен-Аспазия словно бы кожей чувствовал бурю, бушевавшую в душе сиятельной хозяйки.

Та же наконец справилась с собой.

— Я была совсем девчонкой, когда впервые увидела его, — вспоминала Мелисанда. — Когда я повзросле- ла и стала соображать, что к чему во взрослых делах, то поняла, что влюблена в него... Я не могла дожидаться встречи с ним. А он, словно почувствовал, начал часто бывать при дворе. Еще бы, ведь его женили на женщи- не куда старше его, матери двух взрослых сыновей, которые были едва ли не его ровесниками... Я так трепетала при виде Юго, что стеснялась заговорить с ним, а когда все же решилась, поняла, какой душой

была. Очень скоро оказалось, что и он любит меня. Я не помнила себя от счастья! Но... я знала, что отец и слышать не захочет о нашем браке — развод Юго с женой, Эммой, задел бы патриарха Арнульфа, которому она приходилась племянницей. Уж кто-кто, а он тут же бы вспомнил бы о том, что я и Юго троюродные брат и сестра. Я не знала, что делать? Ведь Юго был взрослым мужчиной, я не могла заставлять его страдать, но... я не могла также опозорить отца и потерять невинность до свадьбы с тем, кому надлежало бы наследовать королевство вместе со мной... О, почему батюшке моему Господь не дал сына?! Тогда я часто зывала к Небесам, умоляя Бога что-нибудь изменить. Но ничего не могло измениться. Одна мудрая старая служанка, такие ведь есть при каждом дворе, подсказала мне, как угодить тому, которого я любила, и не подвести родителей. Она также сказала мне, что надлежит делать Юго, чтобы и мне было хорошо с ним. Но мне ничего не требовалось, я только хотела, чтобы он испытывал блаженство...

Королева на секунду прервала рассказ, чтобы подкорректировать действия гости:

— Нет, нет, помедленней, Аспазия... Вот так... Мне было столь хорошо, что я согласилась бы, чтобы так продолжалось всегда. Однако... наступил самый черный день в моей жизни. Батюшка сообщил мне, что из-за моря едет ко мне жених... Граф Анжу, Фульке, он уже побывал на Востоке за десять лет до того... О! О! О Аспазия! Разве этот угрюмый старик мог сравниться с моим красавцем Юго? Но не ему, а графу судьба судила мне принадлежать. Одно было хорошо, после свадьбы я могла отдаться моему Юго полностью, так, как если бы он был моим мужем. Но не он был им! Не он!.. Не останавливайся, Аспазия!

Граф Фульке был слишком стар и опытен, чтобы не заметить, какие взгляды я бросала на Юго. Я, оставаясь холодной в супружеской постели, отдавала весь пыл моему избраннику. О Боже, что это были за встречи! Вскоре после нашего брака отец мой скончался, и патриарх увенчал рыжую лысеющую голову Фульке Иерусалимской короной. Теперь свою ненависть к Юго мой

муж мог облечь в совсем иные формы. Сыновья Эммы также питали глубокую неприязнь к своему отчиму. Однако немалая часть баронов сплотилась вокруг Юго, в том числе и такой могущественный, как Роман дю Пюи, сеньор Трансиордании. Видя, что не просто сломить Юго, пасынок его, Вальтер Гарнье, сеньор Кесарии, в открытую бросил ему обвинение в заговоре против короля и вызвал его на смертельный поединок.

— И что, что случилось потом?! — воскликнула гостья.

— Я умолила моего возлюбленного не подвергать себя Божьему суду! — простонала Мелисанда, погруженная ласками Жюльена-Аспазии в какой-то ирреальный мир оживших миражей далекого прошлого. — А потом все, все отвернулись от него! Все предали его! Предали!

Королева забыла упомянуть о том, что не она одна умоляла Юго дю Пьюзе не являться на вызов Вальтера Гарнье. Мать последнего, Эмма, оказавшись перед неизбежным выбором потерять сына или мужа, также уговаривала графа Яффы отказаться от схватки. Однако существовало и еще одно обстоятельство: любовник Мелисанды, сознавая свою вину, опасался Божьего суда, ведь, как считалось тогда, всевидящий Господь мог даровать победу только правому.

Дальнейшее поведение Юго дю Пьюзе трудно одобрить. Поскольку трусость графа Яффы (а как иначе расценить его отказ от поединка?), по понятиям того времени, естественным образом указывала на его вину, многочисленные сторонники отвернулись от Юго. Он, не зная, как поступить, не придумал ничего лучше, чем бежать в Аскалон, в ту пору, как известно, принадлежавший еще правившему в Египте Фатимидскому халифу. Граф привел в Яффу мусульманское войско, которое не стеснялось грабить окрестности. Тут Юго покинул даже главнейший из вассалов и коннетабль его собственного двора, Балиан, сеньор Ибелина. Когда королевская армия выступила из Иерусалима, египтяне бросили Юго и разграбленную Яффу. Город

сдался без боя, Юго же предстал перед Высшей Курией Утремера.

Не надо думать, что наказание, несмотря на явный факт совершения графом государственной измены, оказалось строгим. Подсудимого приговорили всего к трем годам изгнания. (Члены Курии не могли не сочувствовать ему, понимая, что завтра любой из них мог оказаться на его месте.) Король — председатель суда не оспаривал решения баронов. Почему? Вероятно, Фульке надеялся, что Юго не вернется обратно.

Трудно сказать, вернулся бы он или нет, но... В ожидании корабля, который направлялся бы в Италию, Юго ненадолго заехал в Иерусалим попрощаться с теми немногими, кто, несмотря ни на что, сохранил к нему доброе отношение. Едва ли приходится сомневаться, что он надеялся на встречу со своей роковой возлюбленной. Свидание не состоялось. Теплым зимним вечером, когда Юго беззаботно играл в кости, сидя подле лавки купца на улице Меховщиков, один рыцарь-бретонец подкрался к нему сзади и нанес несколько страшных ударов кинжалом в голову, в шею и в спину. Графа унесли истекающим кровью.

— Он убил его! Убил! Убил! Убил! — Возглас Мелисанды прозвучал, как крик раненой чайки.— Убил... Убил...— повторила затем королева совсем другим, почти отрешенным тоном.— Убил... А я так и не увиделась с ним. Никогда не прощу себе этого. Никогда... Но я поклялась, что отомщу, и отмстила...

Хозяйка Наплузского дворца, вдовствующая королева Мелисанда и ее гостя долго еще лежали молча, словно в забытьи. Могло показаться, что Жюльен-Аспазия вместе со своей госпожой побывала в том далеком времени, где отцвело короткое счастье юной наследницы Утремера, куда ненадолго перенеслась она, женщина, стоявшая у конца своего жизненного пути.

Немногим менее двадцати трех лет отделяло королеву от дня, когда слуга с поспешностью принес ей страшную весть о гибели¹⁰⁷ единственного мужчины, которого она любила не только больше прочих мужчин, но и

больше самой себя, а себя Мелисанда любила как никого на свете. Двадцать три года... Королева, разумеется, не могла знать, сколько еще уготовила ей судьба, однако предчувствовала, что, сколько бы времени ни оставалось у нее впереди, она успеет отомстить Констанс за ее... счастье.

Прошел час или даже больше. Хозяйка продолжала лежать, а ее гостья сидела подле кровати госпожи. Обе пили вино с пряностями, принесенное служанкой в покои королевы.

— Мы подождем,— сказала Мелисанда, возвращаясь к разговору, прерванному ее собственным рассказом.— Подождем, когда они совершат ошибку. Когда те, кто нынче поет осанну ее красавчику из Шатийона, станут проклинать его, придет наш час.

— Но сколько же ждать, госпожа?! — воскликнула Жюльен-Аспазия.— Я не решаюсь показаться в Антиохии иначе как в одежде монаха. Да и то, как на грех меня чуть не узнал один солдат, когда я скинула капюшон, чтобы умыться. С тех пор в город я посылаю только Расула...

— Расул? Кто это?

— Тот молодой человек, мадам, сын корчмаря Аршака.

Королева на какой-то миг задумалась, а потом спросила:

— Не тот ли, что так мечтает получить шпоры? Помнится мне, его звали как-то по-другому?

— Да, мадам,— подтвердила гостья.— Его настоящее имя Рубен. Нынешнее же ему дали из-за того, что он не раз ездил посланником к...

— Я знаю,— Мелисанда жестом остановила говорившую и поинтересовалась: — Он служит верно? — Получив молчаливое подтверждение, королева заключила: — Пусть пока послужит. Скажи ему, что он получит желаемое в свой час.

— Как велите, ваше вел... мадам.

Не обращая внимания на слова гостьи, Мелисанда продолжала:

— А ждать? Думаю, ждать нам придется недолго. Ни за что не поверю, чтобы они не сделали какой-

нибудь глупости. Эти красавчики галлы так безрассудны и при этом так уверены в себе... Да и племянница моя, Кон, не слишком-то умна...

Мелисанда хотела еще что-то сказать, когда в дверь постучали.

— Войдите, кто там? — бросила королева и, выслушав доклад дворецкого, приказала: — Гонца ко мне. Немедленно.

Когда воин, принесший весть, закончил рассказ и удалился, Мелисанда, обратив вспыхнувшее жаром лицо к госте, воскликнула:

— Вот видишь, Аспазия?! Они уже начали совершать роковые ошибки! Это знак!

V

Два года княжения Ренольда в Антиохии стали периодом побед молодого правителя и торжества проводимой им политики. После впечатляющего разгрома под Александреттой Торос и его разбойники больше не рисковали предпринимать сколь-либо серьезные действия против своих южных соседей. Тем более что князь сдержал обещание, данное Вальтеру, и орден получил все обещанные накануне битвы территории и замки. Тамплиеры быстро отстроили Гастун и Бахрас, этих часовых Сирийских Ворот. Теперь пройти незамеченным на земли княжества с севера не мог уже никто. Отдельные шайки киликийцев и турок несколько раз пытались сделать это, но всегда либо терпели поражение, либо с поспешностью отступали в горы. В конечном итоге князь Антиохии и Киликии, вспомнив о том, что они христиане, заключили между собой союз против сельджуков.

Отношений с Нур ед-Дином Ренольд старался пока не обострять, однако не питал иллюзий относительно намерений Помощника Аллаха, который медленно, но верно продолжал прибирать к рукам земли единоверцев¹⁰⁸.

Князь Антиохии, невзирая на свою молодость и неопытность в столь непростом деле, как управление государством, уже проявлял определенную дальновидность.

Едва ли простой рыцарь-рубака из темной и отсталой Европы двенадцатого века слышал когда-нибудь древнеримскую мудрость: «*Si vis pacem para bellum*»¹⁰⁹, однако нутром чувствовал, что нельзя давать мечам своих рыцарей ржаветь в ножнах. Да и что умел на пороге своего тридцатилетия младший сын графа Годфруа Жьенского? Только воевать... воевать и любить.

Констанс пребывала в состоянии эйфории. За здоровеньким бутузом Ренольдом на свет появилась Агнесса. Пожалуй, супруги могли позволить себе завести еще парочку малышей. Не отставала от госпожи и верная Марго, счастливая оттого, что у князя находились для нее силы и время. Вслед за Эльвирой на свет появился Марис, потом Эскива, потом Реньер. Мальчики не выживали, но Марго не отчаивалась.

Князь же умел не только работать, но и веселиться. В этом он также вел себя в соответствии с традициями своего века. Празднества устраивались в Антиохии по поводу и без повода. Кроме того, раз уж не находилось реального противника, чтобы подраться, следовало найти выход дурной энергии — нельзя позволять здоровым воинственным мужчинам изнывать от скуки, покрываться жирком.

Ренольд любил устраивать состязания. Турниры для рыцарей, кулачные бои для престолярства, поединки между животными — все это происходило днем, а вечером... вечером все предавались буйному веселью. Пиршества, зачастую более похожие на гнусные пьянки и разнузданные оргии, становились делом обычным. Ничего или почти ничего не менялось ни в рекомендованные для воздержания дни, ни в посты, если и не игнорировались вовсе, то соблюдались без должного рвения. Вино из подвалов и золото из сундуков лились рекой, и Ренольд довольно скоро стал замечать, что денег катастрофически не хватает. Похоже, судьба обманула его. Казалось, она сделала явью сон, так часто сновившийся бедному пилигриму, но...

Да, теперь молодой кельт получил и титул, и прекрасного белого жеребца. Были у него и власть, и почет, и уважение нобилитета (пусть зачастую вынужденное), и страх подданных (вполне искренний; многие,

уже почувствовав по-кошачьи мягкую, но тяжелую руку Ренольда, с тревогой на сердце ждали, что же такое еще выкинет их владыка?). Однако никто не спешил нести ему, восседавшему на спине дестриера, злата и серебра, алмазов и смарагдов, дабы рыцарский конь мог попить их копытами.

Во сне все складывалось куда удачнее. В жизни же все норовили припрятать деньгу, шустрые дельцы уводили барыши из-под носа у князя. Льстивые венецианцы и пизанцы, чуть не даром получив торговые привилегии¹¹⁰, забыли, кто хозяин в городе. Все старались соблюсти свою выгоду, даже самые ближние, своим положением и достатком обязанные только ему.

Базилевс и тот обманул. Когда Ренольд написал ему о том сражении под Александреттой, Мануил, подтолкнувший князя к войне, кажется, испугался: уж не чересчур ли решительно расправился правитель Антиохии с армянами Киликии, не слишком ли он силен? А ну как не захочет принести вассальной присяги? Ренольд попросил у императора обещанных денег — не на пиры, а на продолжение войны! — но лукавый ромей завел долгую рутинную переписку относительно того, что вот хорошо бы, если бы... вассал сначала нанес решительное поражение Торосу на Севере, то есть собственно на территориях Малой Армении.

Ренольд по молодости готов был уже ринуться в горы Тавра, однако менее горячие головы из его окружения тактично объяснили князю, что, не набрав хорошего войска, нечего и думать ни о каких экспедициях. Тягаться с коварным Торосом на горных перевалах, имея полторы-две сотни конников и максимум тысячу пехотинцев, — совсем не то, что громить его на холмистой равнине в окрестностях Александретты.

Никто не говорил Ренольду, но до него и да самого дошло вдруг, что хитрый Мануил просто подталкивал его к краю пропасти.

Итак, спустя два года после решительной победы над Торосом принцепс Антиохии начал вдруг понимать, что последний куда меньший враг ему, чем далекий покровитель, отец родной, восседавший на золотом троне Второго Рима.

Как бы там ни было, главной целью князя стало укрепление и увеличение собственной дружины, создание хорошего боеспособного войска, куда направить его — второй вопрос. Для осуществления подобных намерений прежде всего требовались деньги. Их не хватало не только на покупку коней и вооружения, но и на беспрестанные пиры. Так уж повелось у людей, добрый правитель, настоящий сеньор не садится за стол один. Не стойно князю скупиться на угощение, на то и князь! Кто знает, может, мельком и вспоминал Ренольд Людовика Французского, у которого немало занимал безантов, да не отдал. Теперь так же, без отдачи, брали в долг у него.

Главный источник доходов князь видел в ромеях, наступала пора для подлых грифонов, подданных вероломного базилевса, пострадать за нерадение святому делу. На этот счет у Ренольда имелись определенные планы, столь же дерзкие и опасные, как и те, которые еще под Араймой вынашивал он в отношении Ла-Шамелли.

Великий полководец и политик, Гай Юлий Цезарь как-то сказал, что если бы его плащ знал планы хозяина, то последний сжег бы его. Князь Антиохии также не спешил никому открывать своих замыслов. Смелые и на первый взгляд безрассудные проекты Ренольда сводились, в сущности, к тому, что не имея большого войска, добыть хорошие деньги можно только там, где тебя никто не ждет, а значит, никто не заботится о должной обороне и, что главное, не прячет имущества. Мы еще увидим, сколько богатой добычи и сколько крупных неприятностей принесет уроженцу Жъена его политика. Однако... все по порядку.

Однако даже и на небольшую экспедицию требовались деньги. Где взять их? Не долго думая, князь обратился к наблюдениям, сделанным еще во времена своего паломничества.

«Кто богаче всех?» — спросил он себя и сам же ответил: «Попы!» Затем следовал новый вопрос: «Кто вечно мешает жить? Кто путается под ногами? Кто строит козни?» И новый ответ: «Они же!»

Итак, к концу лета одна тысяча сто пятьдесят пяти того года программа минимум окончательно сложилась, оставалось лишь привести в действие механизм ее выполнения, что Ренольд и сделал, несказанно порадовав королеву Мелисанду!

Княгиня обычно не присутствовала до конца на «званных ужинах», которые устраивал супруг. Скажем прямо, это зрелище для людей впечатлительных не предназначалось. Вообще-то дамы, даже если в начале вечера они находились рядом с мужьями, как правило, довольно скоро покидали их. Обычно они не просиживали дольше особ духовного звания, те также удалялись, едва оказав хозяину положенное внимание. Однако нормальный мужчина не может долго оставаться без женского общества. Тут как по волшебству откуда-то появлялись дамы с совсем другими манерами.

Даже став князем, властителем города и княжества, где жило больше двухсот тысяч человек, Ренольд Шатийонский сохранил привычки удалого бродяги и любителя приключений. Теперь его окружало множество народу. Не всем и не всегда был рад его сиятельство, но если одних он только терпел, общество других, напротив, приходилось по нраву озорному гуляке. Они как будто напоминали ему о временах бесшабашной юности.

К их числу относился и грум Ангеррана дю Клапфера, Фернан Тонно, весьма своеобразная личность. Это был довольно высокий и необычайно широкий в плечах звероподобный краснорожий мужик с невысоким (едва ли шире, чем в толщину пальца) лбом, с густой всклокоченной черной лопатообразной бородой и длинными, торчавшими в разные стороны пегими волосами. Прозвище свое Фернан, как уверял он сам, получил из-за огромного живота, в который, как опять же клялся его обладатель, могло вместиться за вечер не менее половины барана, от пяти до семи фунтов хлеба, голова сыра, а если повезет с выпивкой, то и до двух мехов доброго вина. Ангерран заявлял, что грум скромничает, так как на самом деле может съесть или, точнее, сожрать куда

больше. Ренольд лично убедился, что его бывший оруженосец прав.

Ко всему прочему, Фернан никогда не говорил, как большинство нормальных людей, а всегда орал или, если требовали обстоятельства, шептал, также громко, со свистом и придыханием, при этом неизменно тараща выпученные, точно груму вечно не хватало воздуха, полусумасшедшие карие глазищи.

Никто ни разу не видел, чтобы Тонно снимал надетую поверх простой холщовой рубахи длинную, почти до колен, кожаную безрукавку с нашитыми на нее металлическими кольцами. Местами они были оторваны, кое-где частично заменены новыми. С собой Фернан обычно носил самый обычный обоюдоострый средних размеров меч в простых ножнах, ну и, конечно, длинный, острый как бритва старый нож, доставшийся ему от деда. На войну или на охоту Тонно брал с собой небольшой самострел. И, хотя Фернану не полагалось сидеть в присутствии господ, Ангерран с молчаливого согласия сюзерена позволял слуге находиться за одним столом с господами, разумеется, уже в неофициальной обстановке.

Обратить на себя внимание и завоевать симпатии князя груму удалось несколько необычным подарком.

У Фернана имелся пес. Животное во всем, начиная с габаритов, напоминало хозяина: оно громко лаяло, скаля при этом громадные желтые клыки, оно могло поглотить совершенно невообразимое количество мяса да и любой другой еды (никто никогда не видел собаку сытой). Единственно, что отличало пса от Фернана — животное не имело сильного пристрастия к вину и утолщений в области живота. Тонно рассказывал, что подобрал собаку еще щеночком, и клялся, будто отцом пса был самый настоящий волк. Впрочем, и челюсти и взгляд зверя, а особенно широченная грудь и неповорачивавшаяся шея говорили сами за себе.

Однако самым примечательным из достоинств пса несомненно являлось имя. Да, да, страшную зверюгу и звали страшно, иные, услышав кличку собаки, начинали креститься. Lucas de Fers, что, хотя и переводилось

как Железный Лука, или Лука Фера (то есть Фернана), однако по звучанию больше напоминало одно из имен врага рода человеческого — Люцифер.

— Эй, страхолудина! — как-то обратился к Фернану князь, впервые увидев слугу своего бывшего оруженосца. — Я с тобой говорю, дьяволово отродье! Что это за тварь крутится около тебя?

— Железный Лука, ваше сиятельство, — прошептал грум, склоняясь в почтительном поклоне. — Умный песик, совсем не злой.

— Как-как? — Ренольд не поверил своим ушам. — Он что, откликается на это имя? — Когда выяснилось, что все на самом деле не шутка, князь неожиданно попросил: — Продай мне его!

— Зачем вашему сиятельству этот дармоед? — удивился Фернан. — Такому неблагодарному, такому гнусному псу не место возле такого высокородного господина, как ваша светлость. К чему он вам?

— Я хочу подарить его нашему святейшему, нашему любезному монсеньеру, патриарху Эмери, — признался Ренольд. — Ну как, продашь?

Реакция грума приятно удивила князя.

— Раз такое дело, ваше сиятельство, — сказал он со вздохом, — тогда берите его даром. Только вот что, мне также придется пойти на службу к его святейшеству, а то как бы песик не зажрал его. Говорят, наш монсеньер порядочная жадина, а Лука не переносит голода. Только я и смогу удержать моего Железенького от столь жуткого святотатства — полакомиться мясом его святейшества! Я так и холодею от ужаса, как подумаю об этом. Если бы я не знал Луку, то и в жизни не поверил бы, что какая-нибудь тварь может осмелиться на такое. Поднять руку или, простите, лапу на самого патриарха, это кем же надо быть?!

— Ты и правда так думаешь? — спросил князь строго, внимательно вглядываясь в нарочито серьезную физиономию грума.

— Да! — заорал Фернан и заявил: — Я люблю нашего монсеньера пуще самого Господа!

Ренольд уже готов был решить, что мужик или непроходимо глуп, или труслив, как вдруг заметил

промелькнувшую в глазах владельца пса глумливую усмешку. Князь понял, что Фернан любит святош ничуть не больше, чем он сам.

— Меня радует твое благочестие, раб,— похвалил грума Ренольд.— Я передумал, если ты и правда хочешь уступить мне своего зверя, я возьму его себе, а для патриарха... я не забуду о том, что ты сказал мне! Думается, если у собаки такое имя, она должна крепко любить попов!

— О ваше сиятельство,— зашептал Фернан и глаза его наполнились притворной скорбью.— Он их точно любит, но пока, увы, не попробовал ни одного.

— У него еще все впереди,— пообещал князь.

Через некоторое время после этой встречи Фернан, оставаясь слугой Ангеррана, фактически на довольно длительное время перебрался в дворцовую псарню, где пребывал до тех пор, пока не добился от пса безоговорочного послушания и преданности новому хозяину. Правда, нескольким псам пришлось поплатиться жизнью за попытки оспорить право чужака на власть в собачьем княжестве, ну так что за беда? Вскоре Железный Лука стал бесспорным лидером на псарне.

Как и предполагал Ренольд, собака невзлюбила патриарха с первого взгляда, вернее возненавидела его с первой встречи на пиру, где оба занимали, конечно, разные, сообразные с положением в обществе, места. Эмери не мог не знать про отношение к нему княжеского любимчика и не мог прийти в восторг от соседства с ним. Виделись же они, когда князь находился в городе, едва ли не ежевечерне, поскольку Ренольд непременно требовал от патриарха посещения своих пиров.

В тот летний вечер монсеньер, получив приглашение князя принять участие в очередном празднестве, словно предчувствуя недоброе, хотел отказаться, но, подумав немного, не решился на такой шаг. Испытывая на пиру необъяснимо сильное беспокойство, он с трудом дождался момента, когда княгиня покинула пиршественную залу. Едва это случилось, Эмери тотчас же начал подниматься, но князь остановил его.

— Не спешите, ваше святейшество,— проговорил он с подчеркнуто просительными интонациями, что сразу

же очень не понравилось патриарху. — Побудьте с нами еще немного. Не обижайте меня и моих гостей.

Ренольд обвел рукой собравшихся, и святитель заметил вдруг, что среди пировавших нет ни одного из тех, кто явно или тайно не одобрял дворцовых оргий да и вообще тяготился правлением избранника Констанс.

— Я пробыл достаточно, чтобы никого не обидеть, — твердо произнес Эмери. — А теперь, ваше сиятельство, позвольте откланяться.

— Не покидайте нас, — вновь попросил Ренольд. — Может, вам не нравится кухня? Слишком постная на ваш вкус? То-то я смотрю, вы за весь вечер ничего не съели.

Патриарх почувствовал насмешку, ибо несмотря на то, что была пятница, к столу без стеснения подавали не что-нибудь, а поросят, да и большинство прочих блюд трудно было назвать постными. Эмери, который на людях всегда пекся о соблюдении приличий, не решился указать на это князю сразу, однако промолчать теперь монсеньер просто не мог.

— Не подобает доброму христианину, а уж особенно служителю Божию в день, когда Господь наш Иисус Христос претерпел за грехи наши, вкушать скоромное, — возвышая голос, произнес патриарх, но все-таки сел.

— А что за день сегодня? — с наигранным удивлением поинтересовался Ренольд. — Не помню, чтобы он был отмечен каким-то особенным событием, кроме разве что одного, это день памяти святого мученика Райнальда, моего покровителя. Если вам, ваше святейшество, это неизвестно, то я, так и быть, открою вам секрет, меня как раз и назвали в его честь. Так что и я в какой-то мере тоже святой.

Рыцари и некоторые из их изрядно подгулявшие подружки засмеялись. Они хохотали долго и заливисто, пока наконец сеньор, видя, что Эмери хочет высказаться, прервал их жестом.

— Позвольте, ваше сиятельство напомнить вам, что сегодня пятница, — с нажимом произнес патриарх. Он понимал всю тщетность, более того, опасность завязавшегося спора, но сдержаться уже не мог. — А это...

— Это день памяти *мученика* Райнальда,— перебил гостя хозяин.

— Церкви неизвестен такой мученик,— возразил Эмери.— Среди святых, принявших смерть во имя Христа, он не значится!

— Какое умаление чести моего святого, а он, бедняга, так чтит все заповеди! — вздохнул князь.— Если мне не изменяет память, именно от этого он и умер. Постился, постился, а в день Воскресенья Господня разговелся и умер от заворота кишок. Говорят — страшно мученическая смерть. Так что он-то как раз и есть самый что ни на есть настоящий мученик! За что ж ему такое забвение?.. Но это не страшно, мы его канонизируем. Правда, ваше святейшество? Напишем в Рим апостолику, так?

— Вы пьяны, ваше сиятельство! — с возмущением воскликнул патриарх.

Ренольд не стал возражать.

— Пьян,— признался он,— пьян. А кто тут трезв? Впрочем, как бы я ни был пьян, я еще не забыл, что за хорошие деньги *ваше святейшество* канонизирует даже моего пса, причем без всякого там апостолика!.. Лука, где ты?!

Пес с радостным лаем подбежал к хозяину и завилял хвостом. Появление собаки означало и появление Фернана, все это время сидевшего с Железным Лукой в дальнем углу зала, где у стен прямо на набросанной на полу соломе расположились слуги, готовые по первому зову предстать перед господами, чтобы выполнить их поручения.

Тонно сделал несколько шагов в направлении стола, но близко к его святейшеству не подходил.

В это время возмущение, охватившее патриарха, перелилось через край.

— Вы спятили, ваше сиятельство! — закричал он, вновь вставая.— Кем вы себя вообразили? Господом Богом?! Кто вы, чтобы сметь безнаказанно возводить хулу на Него, чернить слуг Его! Кто дал вам право обсуждать...

Он не договорил. Вся наигранная веселость князя мигом исчезла. Глаза Ренольда вспыхнули дьявольским

огнем, пальцы сжались, сминая стенки золотого кубка, точно листки пергамента.

— Обсуждать?! — громко произнес Ренольд поднявшись, и в зале мгновенно наступила гробовая тишина.— Чернить?! Возводить хулу?! Полноте, ваше святейшество! Вы — тот, кто должен являть собою образец благочестия, оскверняете чувства верующих, открыто содержа любовницу. Но это не самый большой ваш грех...

Князь повернулся и сделал кому-то знак:

— Канцлер, подай сюда! — Получив в руки свиток, Ренольд скользнул по нему беглым взглядом и, вернув обратно, вновь обратился к лишившему дара речи Эмери: — Шесть лет назад, возглавляя Высшую Курию княжества, ваше святейшество пожаловало право беспошлинной торговли купцам с Кипра. На три года. По истечении этих лет привилегии были подтверждены еще на три года. Итого: шесть лет. Таким образом казна недополучила в виде налогов сто тысяч старых золотых безантов. Такие же льготы получила и Генуя — еще сто тысяч! И это в то время, когда княжеская сокровищница пуста!

С этими словами Ренольд обвел присутствующих полным негодования взглядом и собрался продолжить, но патриарх, обретя дар речи, воскликнул:

— Это ложь! Купцы-киприоты действительно получили льготы за то, что в критический момент, когда Нур ед-Дин шел к стенам Антиохии, поставили в город продовольствие по низким ценам. Они не переставали делать этого и потом, когда язычники ушли, ведь разоренное крестьянство княжества все равно не могло удовлетворить потребности горожан в продовольствии. Если бы не они, большинству жителей Антиохии грозил бы голод. Что касается права беспошлинной торговли, они никогда не получали его, как и генуэзцы, которые...

— Я еще не закончил! — Голос Ренольда загремел под сводчатым потолком.— Но спасибо вам за то, что напомнили нам про князя язычников! Если бы не ваша трусость и явное попустительство врагу, мы могли бы нанести ему если не решительное поражение, то нема-

лый урон и заставить снять осаду без каких бы то ни было условий. Условий позорных для христианина! Мы не просто живем здесь, мы живем здесь для того, чтобы вести бесконечную войну с неверными! Священную войну! И все мы обязаны сражаться, не жалея не только средств, но и самих наших жизней. Но что же видим мы? Отец нашей церкви, пастырь наш заботится о том, чтобы, упаси Господь, не съесть куска скоромной пищи, но совершенно не радеет при этом делу наших отцов и дедов, которые пришли сюда, чтобы исполнить свой христианский долг! Наш долг не набивать карманы, а воевать. Но как, скажите мне, воевать, если стараниями нашего святейшего патриарха казна пуста. Где взять средства для ведения войны? Священной войны против язычников?!

В глазах собравшихся пылало возмущение. Многие не стесняясь требовали призвать Эмери к ответу. «Изменник! — летело со всех сторон. — Предатель!», «Сарацинский наймит!», «На плаху его!». Страсти закипели, и вот наконец патриарх, побелевший лицом и покрывшийся потом от макушки лысой головы до пят, услышал: «Смерть предателю!»

— Смерть! Смерть предателю! Казнить изменника! — кричали рыцари, пока Ренольд, перехвативший хитрый взгляд Вальтера, не крикнул:

— Тихо! Да не поднимется и в помыслах ваших рука ваша на слугу Господа нашего! Что было, то было! Ограничимся компенсацией, уплатой долга городу. Пусть его святейшество снарядит за свой счет армию, потребную для того чтобы раздавить паучьи гнезда, Алеппо и Дамаск, сровнять их с землей!

Несколько десятков глоток принялись дружно поддерживать своего князя. Едва ли кто-нибудь из присутствовавших сомневался в тот момент в выполнении намерений Ренольда. Однако его меньше всего волновала иллюзорность возможного успеха предприятия, он вовсе не собирался начинать решительную и глобальную войну с Нур ед-Дином, по крайней мере в ближайшем будущем. Где уж там штурмовать Алеппо и тем более Дамаск, вернуть бы хоть часть отобранного язычниками у Раймунда! Главное заключалось в

том, чтобы припереть Эмери к стенке и заставить платить.

Князь не очень-то надеялся, что удастся обойтись без крови, и он был готов пролить ее.

— Это вздор! Это поклеп! Клевета! — темнея лицом, завизжал тучный патриарх. — Вы — безумны?!

— Вздор? — Ренольд не кричал, все и без того прекрасно слышали его зычный голос. — Долг христианина — вздор? Так, ваше святейшество? Мы не ошиблись? А наше безумие, это, верно, желание воевать с язычниками?! — Князь обратился к гостям: — Не сомневаюсь, сеньоры, что примером здравого ума является сам глава нашей церкви. Да он, похоже, забыл не только стыд!

— Безбожник! Еретик! — завопил Эмери. — Я прок...

— Стража! — Громоподобный голос князя заглушил крик патриарха. — Взять его святейшество!

Однако прежде, чем стоявшие в дальнем углу войны успели подбежать к монсеньеру, слуги его устремились на защиту господина, обнажив мечи. Стражники остановились, бросая вопросительные взгляды на князя. Тот криво усмехнулся и, потрепав пса за загривок, прошептал ему что-то, указывая в центр образовавшегося вокруг Эмери живого круга:

— Возьми!

Глаза патриарха расширились от ужаса, он даже и не заметил, как по ногам его побежала теплая струйка. Слуги попятились, но один из них, до конца преданный господину, осмелился встать на пути страшного зверя. Меч не мог остановить Железного Луку, тот не зря носил прозвище, похожее на имя князя тьмы. Пес прыгнул, сбив на пол человека. Не прошло и секунды, как клыки собаки вонзились в его мягкую беззащитную плоть.

— Взять его святейшество! — повторил свой приказ Ренольд. — Перебейте бунтовщиков!

Стражники, словно очнувшись от оцепенения, принялись с дьявольским рвением исполнять распоряжение господина. Часть их, орудуя секирами, мечами и кинжалами, быстро расправилась со слугами патриар-

ха, другие схватили за руки его самого. Эмери почти не сопротивлялся, он никак не мог отвести взгляда от ужасного зрелища: никем не останавливаемый Железный Лука в упоении рвал горло несчастного смельчака.

— В цитадель его! — бросил Ренольд и, не глядя на солдат, которые поволокли прочь мешком повисшего у них на руках патриарха, обратился к гостям: — Праздник продолжается, дамы и господа.

VI

Праздник и верно удался на славу.

Небольшая часть собравшихся постаралась потихоньку покинуть пиршественную залу, зато оставшиеся веселились от души. Они произносили здравицы в честь князя, а тот в ответ не скупился на угощение.

О патриархе, казалось, забыли все. Эмери предоставили возможность сколько угодно упражнять голосовые связки в холодном и сыром подвале цитадели. Его святейшество мог кричать и ругаться хоть целую ночь напролет. Равнодушные стражники привыкли ко всему, даже необычайно высокое положение узника не изменило их обычного, мрачно-философского отношения к жизни.

Патриарха подвела самоуверенность. Он неверно оценил расстановку сил. Положение вчерашнего кастелэна заметно укрепилось, а заслуги самого монсеньера благодарные сограждане успели подзабыть, тем более, что за шесть лет, прошедшие с момента гибели Раймунда де Пуатье, Эмери успел наделать немало такого, что трудно сочеталось с его высоким духовным званием. Что уж и говорить, не беспочвенны, ох как не беспочвенны были обвинения, которые бросал в лицо патриарху князь; верно ведь, немало погрел руки святейший в период всеобщего смятения.

Горожане, разумеется, знали обо всем этом.

Так или иначе, пока Эмери гневно изливал душевные обиды каменным проплесневевшим стенам своего узилища, ни народ, ни нобли княжества не устроили под стенами цитадели демонстраций с требованием дать

свободу патриарху. Ренольд же, прежде чем забыть обо всем, кроме веселья, строго-настрого запретил страже допускать к себе любого, кто вздумал бы докучать ему просьбами.

Белокурая Клариссима не спала почти всю ночь, чего нельзя сказать об утеснителе ее бесценного Аймерайха.

Князь, утомившись пиром, уснул задолго до наступления утра. Зато и пробудился он как раз приблизительно тогда же, когда прекрасная, но неутешная метресса, неустанно бившая поклоны Господу, послушавшись уговоров служанок, прилегла и, совершенно обесиленная, сдалась на милость Морфея.

Впрочем, долго пробыть в его ласковых объятиях госпоже Кларе не удалось: в полдень горничная принесла весть, заставившую подругу патриарха забыть о сне.

Увидев, что князь поднял голову, Фернан осмелился на неслыханную дерзость. Он подобрался к сеньору и, протянув ему кубок с вином, коснулся пальцами колени Ренольда. Тот посмотрел на Тонно сверху вниз затуманенными глазами и, облизывая пересохшие губы, прошептал:

— Что за дьявол?

— Выпейте, ваше сиятельство, — попросил Фернан, — вот же и Лука вас просит.

Пес действительно напомнил о себе, он заурчал, переводя взгляд с бывшего хозяина на нынешнего.

— Полюбил вас мой Железенький, — с явным удовольствием проговорил Тонно, качая головой и прищелкивая языком. — Ах как полюбил. А все запах. Дада, ваше сиятельство, запах. Для зверя нюх, что для нас глаза...

— Чего ты плетешь, образина? — заворчал Ренольд, и пес покосился на говорившего. — Не проспался еще? Вот велю содрать с тебя кожу! Небось в миг справишься?!.. Ладно, давай сюда!

Ренольд принял кубок из рук грума и, запрокинув

голову, принялся жадно пить. Когда все вино до капли исчезло в глотке князя, он швырнул чашу, и она со звоном покатилась по каменному полу. Кто-то из бражников, заснувших там, где сон поборол их, прямо за дубовым столом хлебосольного хозяина, в недоумении поднял голову.

— Тревога! — хватаясь спросонья за меч, заорал один из молодчиков Вальтера. — Язычни... ни... ки...

Он громко икнул и потянулся к чаше, но, сделав неловкое движение, уронил ее, отчего вино разлилось по столу. Ренольд захохотал и, крикнув слуг, велел им позаботиться о бдительном тамплиере. Фернан понял, что гнев князя (впрочем, более притворный, чем настоящий) растаял, и продолжал:

— Да. Это уж точно. Лука мой признал вас и любит больше, чем меня. — Тонно вздохнул: — А не я ли кормил эту тварь?... Вы только поглядите, как смотрит?! Ей-Богу, прикажете вы, он и меня сожрет, не поморщится. Не помнит добра, вас полюбил. Вас...

— Добрая псина, — Ренольд погладил пса. Тот заурчал. Тогда рыцарь протянул руку и взял со стола не доглоданный кем-то из гостей окорок и сунул его в морду Луке. — Ешь, дружище.

Пес, однако, не спешил принимать угощения.

— Что это он? — удивился Ренольд. — Обожрался, что ли?

— Да уж, — хохотнул Фернан, — ужин ему достался отменный.

Князь нахмурился. Трупы слуг патриарха, разумеется, убрали, да и сам Ренольд, казалось, забыл о некоторых событиях прошедшего вечера. Теперь в памяти князя одна за другой начинали воскрешаться картины, предшествовавшие аресту Эмери.

— А вы положите мясо на пол, ваше сиятельство, он ведь не берет из рук, — напомнил Тонно.

— Дай-ка мне еще вина, образина, — приказал князь, бросил остатки окорока перед собакой и, обращаясь уже к ней, добавил с напускной сердитостью: — Скажите пожалуйста, какие мы гордые?

Выпив еще вина, Ренольд, совершенно обрел ясность мыслей и спросил:

— Что ты такое говорил насчет запаха?

— Ничего особенного, ваше сиятельство, — прошептал Фернан, тараща глаза. — Просто этот зверь ненавидит всех людей, а вас сразу полюбил. Унюхал в вас хозяина...

— Ты что, урод? Хочешь сказать, что от меня несет псиной?!

— Совсем не то, государь, совсем не то! — поспешил объяснить Тонно. — Он чует нечто особое, неуловимое, недоступное человеческому нюху. Учужал он в вас природного вожака, предводителя людей, такого же, как он сам среди собак... — Не будучи в силах сдержать своего восхищения вчерашним поступком князя, Фернан воскликнул: — Задали, ох задали вы трепку их святейшеству! Я потому, как узнал, что вы хотите подарить Луку монсеньеру, согласился отдать его вам даром. Чаял я, что мой Железенький подерет его. Ах, если б не тот смельчак вчера, наш святоша... — Тонно выразительно повел длинным сломанным черным от грязи ногтем большого пальца по своему горлу и закончил: — Разговаривал бы наш молитвенник с чертом.

— Я бы велел Луке не трогать монсеньера, — проговорил Ренольд хмуро, подумав о том, что, пожалуй, чуть не переусердствовал вчера. Патриарх нужен был ему живым.

Фернан закивал и поспешил заверить:

— Уж вас-то бы он послушался, ваше сиятельство. Уж так полюбил вас зверюга, так полюбил. Признал, признал вас...

— Хватит причитать! — оборвал грума князь. Несмотря на заверения бывшего хозяина Железного Луки, он не испытывал уверенности в том, что зверь послушался бы его и отказал себе в удовольствии полакомиться жирным мясом патриарха. — Скажи-ка лучше, чем тебе не люб монсеньер? Ведь за что-то же ты его ненавидишь?

Не нужно было быть провидцем, чтобы понять: чувства, питаемые грумом к Эмери, носят сугубо личный характер. При упоминании имени патриарха в глазах Тонно появлялись искорки злобы, что делало его еще более похожим на подаренного им князю пса.

— Эх, ваше сиятельство,— Фернан вздохнул,— шесть лет прошло, а как вспоминаю я, так сердце мое заходится от тоски и горя. Были у меня жена и дочка. Как раз когда выступили мы с князем Раймундом к Инабу, я при одном рыцаре служил, Бернаром его звали... Упокой Господи его душу. Так вот, как выступили мы, я жене перед тем наказал, чтобы она из города не ездила никуда... Как чувствовал я...

Произнося эти слова, Тонно смотрел куда-то в сторону, и голос его едва заметно дрожал.

— А они не послушались,— продолжал он.— Поехали в деревню, помочь тестю с тещей в поле. Лето, страда для крестьянина, сами знаете. Ну, как узнали они, что содеялось с нами и с князем, побежали в город. Да не успели, совсем чуть-чуть не успели. После сказывали мне, что если бы наш святейший не трусил так, не спешил закрывать ворота, а дал бы еще хоть несколькими сотням несчастных войти в город, мои бы спаслись!

Тонно на секунду повернулся к князю, и тот заметил, как в глазах звероподобного чудовища блеснули слезы. В следующий момент грум опять отвернулся и тоном, не обещавшим патриарху ничего хорошего, закончил:

— С тех пор я и поклялся, что отомщу проклятому святоше!

Будь на месте Ренольда какой-нибудь теоретик власти, например Юстиниан Первый, он, выслушав признание Фернана, скорее всего, велел бы немедленно удавить дерзкого раба. Ибо не пристало людям столь подлого происхождения даже помышлять о мести такой высокой особе, какой несомненно являлся патриарх. Однако молодой князь Антиохии принадлежал к людям с иным образом мышления. Ренольда тронуло горе слуги, ему казалось странным, что столь напоминавшее зверя существо могло кого-то преданно любить.

— Но как удалось спастись тебе? — удивился князь.— Я слышал, почти никто не смог уцелеть в том бою?

— Это верно,— согласился Тонно и продолжал: — Видно, сам Господь уготовил мне жизнь в муках. Луч-

ше мне было умереть, чем жить и знать, что жена моя и дочка страдают в неволе у неверных. Где они теперь?..

— Ты не ответил,— напомнил Ренольд.

— Что ж,— пожал плечами Тонно,— я и сам не ведаю, как спастся. Когда их сиятельство прежний князь решили, что надо прорываться, мы, те у кого не было коней, бежали, пока сил хватало, держась за стремяна рыцарей. Потом мы мало-помалу отстали, а наши сеньоры так удачно ударили на язычников, что мы уж подумали, будто Господь смилостивился над нами. Не ведали мы воли его. А он насрал на христиан страшную бурю и погубил наши надежды... Если бы не Лука мой, мне бы не спастись. Он учуял неладное и стал как-то странно вести себя, все норовил свернуть с прямого пути, а там как раз была рощица или лесок. Поскольку мы уже сильно отстали, я решил, что, пожалуй, можно свернуть туда. Там мы и схоронились...

Князь покачал головой.

— И турки не пытались схватить тебя? — спросил он.— Разве они не поискали, не посмотрели — не затаился ли кто-нибудь в том леске?

— Пытались,— Тонно усмехнулся.— Да вы видели, что делает с человеком Лука. Тот турок ни за лук схватиться не успел, ни за саблю. Да он и не пикнул! Второго же я сам успел благополучно прирезать. Взял я их коней, да и ушли мы потихоньку. А больше нам неверных повстречать не привелось. Думал, повезло мне, думал: вот всем Бог не привел спастись, а мне счастье привалило: сам живой, не раненый, да и добыча при мне! Да вон оно какое, счастье мое!

Грум замолчал, и Ренольд так же довольно долго не произносил ни слова, а потом сказал:

— Ладно, иди позови своего господина. Нам пора навестить монсеньера.

Ангерран в пиршестве участия не принимал. На случай возникновения волнений князю требовался отряд абсолютно преданных воинов. Разумеется, было бы предпочтительнее, чтобы их начальник крепко держался на ногах.

Хотя солнце еще не успело подняться высоко, но палило уже довольно сильно, когда Ренольд возвращался после визита к патриарху. Тот, устав кричать и ругаться, заснул лишь к утру, примерно тогда же, когда забылась сном его верная подруга.

Князь ушел, ничего от Эмери не добившись: светский властитель требовал от духовного пастыря денег, тот, все еще не понимая расстановки сил, платить упорно отказывался.

Фернан с Железным Лукой среди прочих воинов сопровождал Ренольда и Ангеррана к цитадели. Уже отъехав от нее довольно далеко, князь вдруг обернулся и посмотрел в сторону крепости, мрачной громадой нависавшей над городом, а затем опустил глаза и увидел Тонно. В глазах грума появился какой-то особенный блеск, и Ренольд вдруг сказал, обращаясь к Ангеррану:

— Слушай-ка, а не простудится ли наш монсеньер в подвале?

— Полноте, ваше сиятельство, — фыркнул тот. — Да на нем столько жира, что холод ему не страшен.

— Не страшен, — повторил князь, — не страшен... Холод-то ему не страшен, но жара, наверное, дело другое? Как мыслишь?

Сообразив теперь, что означал многозначительный взгляд, который бросил на крепость Ренольд, его бывший слуга произнес:

— Вы допустили страшную несправедливость, ваше сиятельство, когда поместили его святейшество так *низко*. Он и сам вам все время говорил о том, сколь *высок* его сан. Согласитесь, что теперь звание нашего любезного Эмери мало соответствует его положению. Во имя справедливости, государь, вы просто обязаны исправить свою оплошку.

— Ты серьезно так считаешь? — переспросил Ренольд.

Уж кто-кто, а Ангерран дю Клапьер знал, что таится за торжественностью, которую напустил на себя его молочный брат. И верно, Эмери на пиру, да и вообще

при каждом подходящем случае слишком часто распространялся относительно собственного высокого положения. Ангерран, как и его господин, прекрасно понимал, что продержаться в камере патриарха долго не удастся. Весть о происшествии на пиру и о заточении святейшего рано или поздно достигнет ушей Фульке, патриарха Иерусалимского, тот обратится к королю...

— Да,— твердо ответил бывший оруженосец.— Я считаю, что под страхом кары Господней вам надлежит немедленно поднять монсеньера до заслуженных им высот.

Ренольд кивнул, он хотел уже отдать распоряжение, как вдруг заметил движение Фернана, внимательно прислушивавшегося к разговору Ангеррана и князя.

— Что тебе? — строго спросил последний Тонно.

— Дозвольте сказать, ваше сиятельство? — В его голосе слышалась мольба. Мягкосердечный уроженец Жьена просто не мог отказать слуге, тем более что чувствовал — тот хочет предложить нечто дельное.

— Ну говори.

— Я знаю верный способ сделать монсеньера поговорчивее, государь,— проговорил Фернан, ободренный разрешением князя.— Чело их святейшества не богато волосами. Если бы на челе этом появились бы ранки... ну как, к примеру, удумай милейший наш патриарх биться головой о стену подвала? Хорошо бы потом помазать ранки эти медом...

— Ты что несешь?! — рассердился Ренольд.— Каким еще медом?!

— Простите меня за глупость, ваше сиятельство,— залебезил Фернан.— Я путано выражаюсь, но я точно знаю, что если человека с такими ранками, намазанными медом, выставить на солнцепек, они, я имею в виду их святейшество, если уж не нынче же вечером, то завтра к утру перестанут гневить вас своим ненужным упорством.

— То есть ты хочешь сказать, если немного разбить ему его тупую лысую башку, а потом намазать ее медом,— князь указал на цитадель,— потом посадить его на крышу, он перестанет упрямиться и вернет украденное?

Говорил Ренольд таким тоном, что, несмотря на выражения, которыми он пользовался, никто не сомневался, князь сейчас скажет: «Да как ты смеешь предлагать мне такое, презренный раб?!» — и прикажет посадить на место Эмери грума своего вассала, но...

— Слушай, Ангерран, а идея недурна? Что скажешь? — просиял Ренольд. — Их святейшество устроил себе тут довольно сладкую жизнь... за счет моей казны. Но мы не вправе лишать его заслуженного, так ведь?

— Верно, — кивнул Ангерран. — Никто не давал нам права обижать благочестивого слугу Божьего.

— Но у нас нет другого достаточно высокого места для него! — воскликнул князь.

— И я, ваше сиятельство, не знаю ничего, что было бы слаще меда! — подхватил молочный брат, точно речь шла о какой-нибудь проказе, что приходили им на ум в родном Жъене лет этак двадцать назад.

— Ты предложил, — начал Ренольд, обращаясь к Тонно. — Тебе и исполнять. Возьми людей и займись его святейшеством. Смотри только, чтобы у него последние мозги из башки не вылетели!

Солдаты Ангеррана дружно захохотали. Они, конечно же, слышали разговор господ, обсуждавших предложение грума (оно, безусловно, никого не оставило равнодушным). Едва ли кто-нибудь из воинов сочувствовал Эмери, эти суровые люди, побывавшие не в одном сражении, целиком поддерживали князя. К тому же все искренне желали насладиться зрелищем и, чего греха таить, побиться об заклад: насколько хватит упрямства у патриарха.

Впрочем, не только они, но и все жители Антиохии скоро смогли насладиться чудесным спектаклем. К полудню обработанного святошу подняли на раскаленный свинец крепостной кровли. Мед, которым смазали раны на голове Эмери, не мог, конечно, оставить равнодушным окрестных насекомых. Они стали проявлять к монсеньеру самое назойливое внимание. Он вполне обошелся бы без них, отсутствие воды и несусветная жара (Сирия, прямо скажем, не Фландрия и даже не Лимож) и без того доставляли строптивцу немало мучений.

Звероподобный грум оказался прав, к утру патриарх согласился заплатить. Он сдался бы и раньше, но вечером, когда его святейшество притащили с крыши обратно в подвал, показавшийся Эмери райским уголком, монсеньер временно утратил способность здраво смотреть на мир. Он то блеял овцой, то кричал петухом, то лаял собакой. На святейшего вылили немало воды, прежде чем сошли на нет признаки сумасшествия.

С рассветом князь вновь посетил патриарха, и сделка была заключена. Поскольку на то, чтобы собрать деньги на выкуп, требовалось время, до уплаты оговоренной суммы Эмери оставался в темнице. Сколько удалось получить от него Ренольду, сказать трудно, история не сохранила банковских документов, где бы отразились условия этого кабального договора.

Разумеется, что двести, как, впрочем, и сто тысяч безантов представляются едва ли реальной цифрой. Так или иначе, доподлинно известно только то, что патриарху пришлось раскошелиться, кроме того, он просидел в цитадели достаточно долго, чтобы весть о самоуправстве молодого властителя Антиохии достигла ушей как его царственного родственника, так и патриарха Иерусалимского. Посланные на выручку Эмери канцлер двора Рауль и епископ Акры Фредерик поспешили на север. Ренольд сделал широкий жест, он позволил им себя уговорить и, немного поупрямившись, выпустил святителя, предварительно выкачав из его мошны все до последнего обола. Князь оказался настолько любезен, что даже разрешил патриарху обратиться ко всем чертям из города.

Надо ли говорить, что Эмери нашел у своего коллеги из Иерусалима и у покровительницы духовников Мелисанды самый сердечный прием?

Поступок князя не мог не порадовать королеву, ведь теперь Эмери из недоброжелателя Ренольда превратился в его заклятого врага, и нельзя сказать, чтобы все в Антиохии сочувствовали князю. Кроме того, Папа Адриан Четвертый также не пришел в восторг от самоуправления Ренольда и даже хотел отлучить его от церкви, однако благодаря заступничеству доброхотов князя из числа клира (некоторые духовные вельможи доволь-

но сильно недолюбливали своего патриарха), а так же подаркам не сделал этого.

Впрочем, молодого правителя Антиохии мало волновали теперь дела церковные. У него наконец-то появилась возможность осуществить первую часть задуманного плана. Денег патриарха не хватало, чтобы нанять достаточно сильную армию для войны с Нур ед-Дином, однако они давали возможность добыть недостающую сумму, но не на Востоке, а... на Западе.

К весне Ренольд был готов претворить свои планы в жизнь.

VII

Получив свежие и буквально ошеломляющие известия с Севера, молодой король Иерусалима вызвал к себе для приватной беседы благородного галилейского магната, доблестного коннетабля Онфруа де Торона.

Да уж, не муженек кузины Констанс не давал Бальдуэну скучать. Не успели в Иерусалиме прийти в себя от истории с патриархом, как случилась новая беда. Впрочем, беды не случилось, пока не случилось. Теперешние деяния князя задевали интересы базилевса Мануила, и король не мог не понимать, что Bizантиум не потерпит безобразий франков на своих исконных территориях. Бальдуэн как нельзя более ощущал сейчас потребность в совете мудрого мужа.

— Я до сих не понимаю, кто, кто надумил его на это? — в сердцах воскликнул король. Он так нервничал, что даже не предложил посетителю сесть. Впрочем, и сам Бальдуэн продолжал стоять. Вернее, нервно расхаживать по комнате, служившей ему чем-то вроде кабинета. — Ладно уж патриарх, грешен сверх всякой меры, но... нет, я просто не знаю, что делать?! Посоветуйте что-нибудь, мессир!

Говоря так с коннетаблем, Бальдуэн совершенно не ощущал смущения, так как годился барону едва ли не во внуки¹¹¹.

Выслушав короля, сир Онфруа нахмурился, вероятно воскрешая в памяти уже давние теперь события: бездарное стояние под Дамаском, стычка шайки местных бродяг и ватаги, собранной молодым, смелым и,

конечно же, горячим рыцарем из Шатийона... Может быть, взяв сторону забияки Ренольда, он, Онфруа, ошибся? Полно, а не ошибся ли он, поддержав вот этого мальчишку в борьбе против собственной матери? Нет, уже тогда созрели противоречия между Тороном (представлявшим магнатов Утремера) и д'Йержем, гостем из-за моря. Странно только, что Онфруа поддержал такого же чужака, рыцаря из Шатийона. Было тут что-то неподвластное политическим соображениям, не соображающееся с доводами разума; все-таки рыцарь остается прежде всего рыцарем, а рыцарь просто не может не понимать такого же рыцаря.

И все же... теперь совета Онфруа спрашивал не кто-нибудь, а сам король, который, видя, что коннетабль не спешит с ответом, не мог сдержаться:

— Да что же это такое? Воевал бы с армянами! Так нет, на Кипр замахнулся! На Кипр! Кто только надумил его?!

Кипр — вот лакомый кусочек. Кипр! Во время Первого похода поставки продуктов с острова пришлись как нельзя кстати крестоносцам, погибавшим от голода под стенами осажденной Антиохии. Теперь правитель этой самой Антиохии собирался ограбить внуков и правнуков тех, кто помог его предшественникам утвердиться на севере Сирии. Подло? Да, но полвека — это срок, частенько о благодеяниях забывают едва ли не на следующий день.

— Сир,— начал Онфруа,— я ни в коем случае не одобряю действий его сиятельства. Однако позволю себе заметить, что если князь Антиохии хочет удержать власть и защитить, а буде окажется возможным, и расширить пределы своих владений, что может идти лишь на пользу христианству, то ему надлежит первым делом как можно сильнее укрепить армию. А это, как вам хорошо известно, невозможно без денег...

— Вот и воевал бы с Торосом! — воскликнул Бальдуэн, но тут же вспомнил, что сам желал выслушать мнение коннетабля, и, резко меняя тон, добавил: — Прошу простить меня, мессир, продолжайте... И вот что... Давайте-ка присядем, я хочу все как следует обсудить с вами.

Онфруа поблагодарил. Он опустился в предложенное королем кресло и продолжал:

— Воевать с киликийскими грифонами бессмысленно, государь. В открытом бою им не выстоять против франков, что уже не раз доказал нам и князь Ренольд и его предшественник, покойный Раймунд де Пуатье. К тому же, даже если правителю Антиохии удастся пройти огнем и мечом всю Киликию, капитала он на этом не наживет. Но, вернее всего, он в конце концов попадет где-нибудь в горах в засаду и погибнет. Базилевс Мануил понимает это, потому-то он и обещает деньги на ведение войны, зная, что, скорее всего, ему не придется раскошелиться.

— Но это низость! — воскликнул Бальдуэн.— Это недостойно владыки!

Коннетабль вздохнул и развел руками.

— Базилевс Мануил всего лишь продолжатель политики своего отца и деда,— сказал он.— А они также ничего нового не выдумали. Константинополь веками жил за счет того, что стравливал соседей, воевал руками Востока против Запада и руками Запада против Востока. Что и теперь успешно проделывает нынешний император. Когда-то Византиум в ужасе перед сельджуками призвал на помощь Рим¹¹², что повлекло за собой великий поход наших предков. Однако уже тогда Алексей Комнин, дед нынешнего базилевса, искал путей получить наибольшую выгоду от благородного порыва наших отцов и дедов.

— Но это... это...— Бальдуэн не находил слов.— Это же все равно, что пытаться сидеть в двух седлах сразу? Не так ли, мессир?

Барон улыбнулся.

— Лучше никто бы и не сказал, сир,— похвалил он.— Рано или поздно сыну или внуку нынешнего базилевса придется дорого заплатить за столь бесчестную политику...

Понимая, что король ждет от него совета, коннетабль подумал о возмутителе спокойствия и нахмурился:

— Однако теперь мы имеем то, что имеем. Мы не можем помешать князю Ренольду, да нам и не стоит

мешать ему. Кипром правит племянник базилевса Иоанн Комнин, у него есть войско, вот пусть и померяется силами с князем, а когда последний разобьет грифонов или, лучше, как только он отправится в поход, можно будет послать на Кипр человека с уведомлением о грозящей беде, чтобы ни с кем не ссориться. Ослабление Кипра не вредит делу латинян, а усиление Антиохии, наоборот, поспособствует укреплению всего Утремера.

— Но базилевс не простит нам этого! — воскликнул король. — У него огромное войско, он придет сюда и...

Увидев выражение, появившееся на лице барона, Бальдуэн умолк и знаком попросил его продолжать.

— Мануил сейчас занят в Апулии, — напомнил коннетабль. — Надеется, что кончина короля Рутгера, безусловно ослабившая обороноспособность его дружин, позволит империи вернуть ее бывшие владения в Италии. Ему не до Кипра. Если Господь будет благосклонен к базилевсу — а это вряд ли — лангобарды умеют держать меч в руках! — в этом случае у Мануила еще лет пять не дойдут руки до Антиохии. За это время многое изменится. Глядишь, его сиятельству удастся с умом распорядиться тем, что он добудет на Кипре.

— А если нет?

Надо признать, что вопрос Бальдуэна поставил собеседника в сложное положение. И в самом-то деле, что значит это: «А если нет?» Разделив решение задачи на две части, барон ответил:

— Если грифонов в Апулии разобьют, что, как мне кажется, наиболее вероятно, то у князя Ренольда окажется меньше времени — года два, три. Впрочем, и тут он кое-чего может добиться. В том, конечно, случае, если будет проявлять благоразумие.

— Но император может вывести в поле до пятидесяти тысяч хорошо подготовленного войска! — воскликнул король. — Антиохии не устоять, какую бы армию Ренольд ни набрал, она окажется как минимум в десять раз меньше! Что помешает Мануилу, разделившись с князем, двинуться на нас?

Вопрос повис в воздухе, барону требовалось время, чтобы обдумать, как вразумительно объяснить королю, что Византиум не сможет стать реальной угрозой Иерусалиму.

— Сир,— проговорил коннетабль после длительной паузы.— Насколько я могу судить о владыке Константинополя, он во многом похож на людей Запада. Для него вопросы чести и престижа зачастую становятся наиглавнейшими. Он, конечно, захочет приструнить князя, но... нет, я не могу себе представить, чтобы базилевс отважился на поход сюда. Да и что ему делать тут? Многого ли добился в свое время его отец от князя Раймунда? Попугал его, попугал турок и ушел. Ни один импегатор не может надолго покидать свою столицу, чтобы в ней не началось какое-нибудь брожение. То же будет и в этот раз. Мануил, хотя он и боговенчанное величество, не Бог и при всем желании не сможет находиться в двух местах одновременно. Можно, конечно, попробовать назначить в Антиохию наместника, но... что, если среди горожан начнутся волнения. К тому же чем наместник лучше законного князя?

Барон сделал небольшую паузу и продолжал:

— Государь, несомненно, рано или поздно базилевс предъявит свои права на Антиохию, независимо от того, нападет князь Ренольд на Кипр или нет. Однако грифоны придут и уйдут и все останется как прежде. Если, конечно, его сиятельство проявит достаточно дальновидности и благоразумия...

Бальдуэн вновь не смог удержаться.

— Благоразумия?! О каком благоразумии может идти речь?! Какого благоразумия ждать от князя?!

Однако коннетабль не согласился.

— Его сиятельство далеко не так глуп, как иной раз может показаться,— качая головой, заявил барон.— Он умеет прислушиваться к полезным советам.

После этих слов надолго воцарилось молчание. Молодой король обдумывал слова своего мудрого коннетабля. Как ни крути, получалось, что определенный резон в его речах наличествовал. И все же тревога не давала Бальдуэну покоя.

«Неужели все так просто? — спрашивал он себя.— А если Мануил думает совсем по-другому? Если он воспользуется предлогом и захочет завладеть всем Ут-ремером?»¹¹³»

Видимо, Онфруа Торонский прочитал мысли своего сюзерена, заметив нескрываемое беспокойство в глазах молодого человека, потому что сказал:

— Позвольте дать вам один совет, государь?

— Да, да, конечно, я с удовольствием выслушаю его, мессир! — воскликнул король.— Говорите!

— Возможно, это не мое дело,— осторожно начал барон и, видя нетерпение Бальдуэна, поспешил продолжить: — Отчего бы вам не поискать себе невесту в кругу родственниц базилевса? Говорят, среди ромейских женщин встречаются настоящие красавицы?

Король несколько удивленно уставился на коннетабля, а потом произнес:

— Я как-то и не думал об этом... А ведь верно, мне уже почти двадцать шесть, пора позаботиться о наследниках.

— Тем более, сир, что ваша матушка ладит свадьбу графа Яффского. Негоже, чтобы младший брат ваш был женатым, а вы нет. Ведь именно вы — гарант престола, вашему сыну надлежит занять трон Святого Города.

— Я могу и запретить ему жениться! — воскликнул Бальдуэн.— Матушка, кажется, вновь забыла, что я король!

— Едва ли стоит поступать так, сир,— возразил барон.— Если бы вы уже были женаты и у вас уже были бы сыновья, тогда, возможно, стоило бы воспретить графу вступать в брак, но теперь... К тому же, если вы послушаетесь моего совета, ваши дети будут и детьми византийской принцессы, а дети вашего брата всего лишь детьми Агнесс де Куртенэ, дочери несчастного узника неверных, графа Жослена Второго. Несомненно, их мать не сможет тягаться родовитостью с представительницами Византийского правящего дома. Тут даже и сравнивать нечего. Следовательно, никто не осмелится оспорить приоритета прав вашего потомства на Иерусалимскую корону.

Бальдуэн, видимо, успокоился. Теперь он и сам видел, что мать не собирается чинить ему козней, устраивая этот брак, а просто по-женски заботится о младшем сыне¹¹⁴.

— Да, мессир,— король кивнул.— Вы правы. Дети Агнессы никогда не получают достаточных оснований, чтобы оспаривать трон у моих детей. К тому же она ведь вдова... Нет, матушка королева делает все правильно. Похоже, она образумилась. Теперь о сватовстве, мессир. Я хотел бы, чтобы вы лично занялись этим делом. Будьте моим сватом.

— Благодарю вас, государь,— коннетабль поднялся и отвесил королю поклон.— Это честь для меня. Но... позвольте мне дать вам и еще один совет относительно как раз того самого дела, которое вы мне только что поручили.

— Какой же? — удивился Бальдуэн, совершенно не представляя себе, что еще может ему сказать барон.

— Не стоит спешить с этим, сир,— проговорил тот.

— То есть как? Вы же только что сами сказали, что... Объяснитесь, пожалуйста... Присаживайтесь, не стойте.

— Благодарю вас.— Онфруа сел и продолжал: — Извольте, ваше величество. Я бы посоветовал вам лишь немного повременить. Представляется резонным дожидаться окончания по крайней мере двух кампаний, предприятия князя Антиохии и итальянского похода базилевса Мануила. Кто знает, как повернется дело? Может быть, окажется более разумным поискать вам невесту среди наследниц Европы?

После этих слов в кабинете короля в который уже раз наступила тишина. Бальдуэн покачал головой и, не скрывая восхищения, произнес:

— Поистине, вы незаменимы. Что я стану делать, пока вас тут не будет, ума не приложу? Решим так: сватовство все равно дело ваше. Как только вы найдете нужным отправиться в путь, дайте мне знать.

— Благодарю, мессир,— вновь поднявшись, сказал Онфруа де Торон с поклоном¹¹⁵.

VIII

Мудрецы не раз предупреждали, что годы «тучные» неизбежно сменяются годами «тощими», периоды веселья и радости заканчиваются и вчерашним счастливицам приходится проливать потоки горьких слез, оплакивая свой жалкий жребий.

Остров Кипр второй половины одиннадцатого и первой двенадцатого столетия можно было с полным правом причислить к одному из самых благодатных уголков на Земле. Посудите сами, в то время как Малая Азия, Северная Сирия и Левант подвергались чуть ли не ежегодным набегам орд диких кочевников и нашествиям воинов Христовых, жестокость которых порой ничем не уступала жестокости язычников, Кипр оказался как бы в стороне от всего этого кошмара. Не следует, конечно, думать, что на Кипре царила любовь и всеобщее ликование, как-никак управлялся остров византийским губернатором, а уж кто-кто, а имперская бюрократия умела выжать у подданных все положенное до последнего обола, но ведь и в других местах, разоряемых войнами и усобицами, господа и правители не переставали требовать податей. Так или иначе, будучи избавленными от вторжений, киприоты очень скоро забыли, что такое ужасы войны.

Они и не подозревали, куда собирался князь Антиохии, для чего он нанял войска, для чего в гавани Сен-Симеона собрались все эти суда? Может быть, смелый воитель собрался ударить по Каиру? Если жители Кипра думали так, то несомненно ошибались: зачем плыть неведомо куда, когда главную гавань княжества и ближайшую к материку точку острова разделяют всего каких-нибудь двадцать пять — тридцать лье?

Однако островитян предупредили; вскоре после приватной беседы короля Бальдуэна со своим коннетаблем к Иоанну Комнину, правителю Кипра, явился посланник, сообщивший, что не сегодня завтра вчерашние противники, Ренольд Антиохийский и Торос Рубенян, высадутся на острове. Новость показалась Иоанну совершенной дичью, он даже не стал посылать гонца в Константинополь, чтобы не тревожить понапрасну вен-

ценосного дядюшку, занятого экспедицией против норманнов в Италии.

Правда, поразмыслив, губернатор созвал на совет лучших мужей острова, и они порешили, что благоразумнее будет все же отрядить человека с известием в столицу. Михаил Врана, известный своими полководческими талантами, получил приказ немедленно собрать и поставить под знамена всех способных носить оружие мужчин.

В соответствии с традициями того времени участники экспедиции Ренольда следовали к цели тремя колоннами (киликійцы, храмовники и собственный отряд удалого кельта). Командиры первых двух отрядов лишь номинально подчинялись главному организатору предприятия, князю Антиохии, при желании они могли бы не согласиться с его решением.

Высадка на остров также осуществлялась не в одной, заранее обговоренной точке, а где придется, то есть в местах, которые сочтут наиболее удобными капитаны судов. Это безусловно делало захватчиков особенно уязвимыми. Внезапное нападение ромеев на находников могло решить дело. Тому, как известно, существует немало примеров¹¹⁶. Однако Михаил Врана упустил удобную возможность, вероятно, он не успел собрать достаточно войск, а может быть, разведка не точно или несвоевременно информировала его о местонахождении неприятеля. Как бы там ни было, упустив первый шанс, ромейский стратиг решил использовать второй, предоставленный ему беспечностью франков.

В оправдание Ренольду скажем, что он и понятия не имел, что *кипрские грифоны* вообще имели вождя, способного организовать сопротивление его дружине. Несмотря на то что специального разведотдела князь, конечно, не держал, все же он знал о том, что после смерти Рутгера Сицилийского Мануил, воспользовавшись моментом, направил свои лучшие войска и флот в Южную Италию против короля Гульгельмо Злого. Не случайно поэтому, князь избрал для нападения именно весну 1156 года¹¹⁷.

Так или иначе, получив от тамплиеров известие о том, что они благополучно закончили высадку, Ренольд согласился с предложением Вальтера произвести силами храмовников разведку боем в глубь острова или вдоль побережья, не дожидаясь подхода остальных сил. Итак, рыцари Храма, воодушевленные милостью руководителя похода, ушли и тем ослабили силы экспедиции, киликийцы (их было больше других) еще не полностью выгрузились со своих галер. Поэтому Ренольд решил, что нет смысла терять время и со своими двумя сотнями рыцарей и конных оруженосцев и несколькими сотнями пехоты, спустя некоторое время после ухода Вальтера также повел своих жадных до дела молодцов на грабеж заживревших кипрских грифонов.

Ополченцы Враны накрыли франков как раз за их любимым занятием, когда, рассеявшись по равнине, рыцари, слегка ошалевшие от обилия добычи, разоряли богатые деревни. Все происходило так, как и полагалось на войне. Солдаты убивали мужчин, насиловали девушек и молодых женщин, топтали конями младенцев, обдирали оклады с икон, сами доски за ненадобностью и из баловства рубили мечами и секирами.

Посреди всего этого кровавого разгула нескольким юношам удалось своевременно вскочить в седла и бежать с места побоища. Некоторые из этих парней достигли расположения отрядов Враны. Стратиг поднял конницу и, не дожидаясь пехоты, ударил на пьяных от крови и вина захватчиков. Силы были слишком неравны, и, прежде чем Ренольду доложили, что происходит, большая часть его войска бежала, охваченная паникой. Только ночь спасла князя от преследования и возможного плена.

Собрав остатки войска, князь действовал решительно. Еще до рассвета он отправил сразу нескольких гонцов к тамплиерам и к Торосу с призывом немедленно выступить на помощь. К утру положение начало становиться и вовсе угрожающим. Кипрская пехота соединилась с кавалерией, и силы ополченцев таким образом стали превосходить противника в несколько раз.

Тем не менее Ренольд принял решение атаковать ромеев. В его распоряжении имелось около ста восьми-

десяти рыцарей и до пятисот человек пешего войска, часть из которых составляли захваченные три года назад под Александреттой германские наемники. Князь выкупил их у своих солдат и поселил в Антиохии. Теперь эти хорошо обученные византийцами копейщики составляли ядро его пехоты. Однако Ренольд, как и любой благородный французский рыцарь той эпохи, делал ставку на кавалерийскую атаку.

Как обычно, он решил воспользоваться приемом, приносившим ему победы в прошлом. В засадный отряд, который разместился в лесу слева от расположения франков, кроме Ангеррана с остатками его потрепанной грифонами дружины князь определил и рыцарей из Буанотта, братьев Серлона и Роберта с их тремя дюжинами конников.

Не успел назначенный командиром сеньор Ле Клапфера послать к князю вестового с сообщением о том, что все в порядке и вверенные ему силы заняли надлежащую позицию, как выяснилось, что в порядке далеко не все.

— Почему это вы тут распоряжаетесь? — спросил Серлон, старший из «рыцарей из Буанотта».

Вообще-то старшим он был только для Роберта. Их батюшка, имея весьма маленькое имение в Калабрии, оказался в то же время чрезвычайно плодовитым, и две жены его, каждая в свой черед, дали жизнь шести сыновьям. Некоторые из двенадцати братьев умерли, самый старший из уцелевших унаследовал родительский удел, остальные разбрелись по миру. Трое осели в Антиохии, из них двое погибли под Инабом с князем Раймундом, один отдал Богу душу в сражении еще раньше.

Узнав о гибели братьев, самые младшие, ошивавшиеся среди безземельного рыцарства Сицилийского королевства, поспешили в Антиохию, очевидно полагая, что количество «рыцарей из Буанотта» там должно непременно поддерживаться на некоем стабильном уровне. Они получили денежные фьефы, которыми владели погибшие братья, что обязывало ленников нанимать за свой счет определенную часть солдат.

Кроме доблести, молодых людей, как слишком час-

то случалось среди рыцарей крови на самом разном уровне (от королевских братьев до отпрысков самых зашудалых дворянских родов)¹¹⁸, отличало еще и необузданное безрассудство и неукротимое зазнайство. Особенно недолюбливали такие господа выходцев из черни, то есть тех немногих, кто получил шпоры не по праву рождения, а за собственные заслуги на службе у сеньора. Поставив над ними Ангеррана, Ренольд допустил явную ошибку. Впрочем, храбрым братьям из Буанотта, кроме всех прочих «достоинств», была присуща также и фантастическая глупость, доверить им командование засадным отрядом — означало изначально погубить все дело. Князь надеялся, что часа, который предстоит провести вместе калабрийцам и его бывшему оруженосцу, окажется недостаточно, чтобы братья могли устроить бузу. Он явно недооценил их или слишком понадеялся на благоразумие Ангеррана.

Последний начал с того, что, не услышав в обращении своего имени, сделал вид, что вопрос вообще относился не к нему. Однако Серлон повторил:

— Почему это вы распоряжаетесь тут?

— Вы забыли мое имя, шевалье Серлон де Буанотт? — спросил Ангерран.

— Что же это у вас за имя такое? — поинтересовался норманн. — Мессир Кроличья Нора? Так ведь, кажется, зовется груда камней, которую вы именуете своим замком?

Ангерран продолжал внешне сохранять спокойствие, хотя ему от всей души хотелось залепить выскочке по физиономии.

— Мой замок или груда камней зовется так с недавних пор. Раньше она называлась Калат Баланк, Белый замок, но его сиятельству больше пришлось по душе теперешнее название.

— Его сиятельству? — многозначительно покивал Серлон. — Его сиятельству? Ах вон оно что!

— Его сиятельству князю Антиохии, — делая вид, что его совершенно не раздражает ернический тон собеседника, продолжал бывший оруженосец. — *Вашему* и моему сюзерену. Это на случай, если вы забыли, кто *вы* и кто *он*. А команду я здесь потому, что получил

на то *его* приказ. Наше дело стоять тут и ждать сигнала к атаке...

— С какой это стати?! — перебил Ангеррана калабриец.— Настоящие рыцари бьются на поле сражения, а не отсиживаются в рощицах. Это на случай, если вы забыли, кто *вы*!

Серлон скривил рот в усмешке. Внимание всех всадников и их пеших помощников, грумов и конюхов, было привлечено к назревавшему скандалу. Намек норманна выходил за рамки приличий. Не ответить на него означало для Ангеррана бесчестье.

— Если вы, шевалье Серлон де Буанотт, решили напомнить мне о том, чего я добился верной службой моему господину, своим собственным мечом и храбростью,— произнес бывший слуга,— то благодарю вас за заботу. Однако огорчу вас, вы трудились напрасно, я никогда не забываю об этом. Как, кстати и о том, какие обязанности налагает на рыцаря его звание. Первейший долг мой, так же как и ваш, верно служить господину, которому мы принесли присягу. И если он велел нам ждать в засаде удобного момента, чтобы вернее разгромить превосходящего нас числом неприятеля, то так тому и быть. Не вижу смысла спорить и выяснять, кто и почему командует здесь. Я все сказал. Надеюсь, что нам нет нужды разговаривать до тех пор, пока не поступит сигнал начать дело? А тогда, даст Бог, нам станет и вовсе не до разговоров. У нас в Жьене и Шатийоне не в обычае тратить слова понапрасну, хотя, возможно, в Буанотте дело обстоит иначе?

Ангеррану стоило немало труда и выдержки сохранить спокойствие и красноречие. Наглый щенок из южноиталийского захолустья выводил из себя бывшего оруженосца. Между тем старался он напрасно, Серлон упорно искал повода для драки.

— Вы оскорбили меня! Своим тоном и тем, что вы своим поганым ртом осмелились произнести с презрением название города, где я родился! — ни с того ни с сего заявил Серлон.— Я требую, чтобы вы извинились! Немедленно!

— Города? Даже как? — удивился Ангерран.— Вы, верно, желаете сразиться со мной? С удовольствием убью вас, но только после боя.

— Нет! Я убью вас сейчас! — закричал калабриец.— Извольте дать мне удовлетворение, или я буду считать вас трусом! И я, и все мои люди.

— Может, не надо, братец? — попытался вмешаться не в пример старшему брату угрюмый и неразговорчивый Роберт.— Сделаем дело, и уж тогда...

— Замолкни! У батюшки не нашлось для тебя даже имени. Так тебя вроде как и нет!

Как ни удивительно, но это было до известной степени правдой, отец мальчиков под старость стал путать их и забывать, как кого зовут. Потому-то и, не слушая никого, назвал последнего, так же как первого, Робертом, в честь знаменитого герцога Гвискара¹¹⁹.

— Сам заткнись, недомерок! — закричал оскорбленный «лишний» Роберт. Он, как ближайший родственник, также лучше всего знал, чем задеть брата. Старший из «рыцарей из Буанотта» и вправду высоким ростом не отличался.

— Ах ты дрянь! — взвизгнул Серлон, направил коня на лошадь брата и выхватил из ножен меч, намереваясь нанести Роберту удар клинком плашмя. Тот вздыбил коня и, ловко перехватив меч рыцарской перчаткой, неожиданно легко вырвал оружие из руки Серлона. Старшему просто ничего другого не оставалось: если бы он не выпустил клинок, то упал бы сам.

Тут все забыли о грозившей скандалом ситуации и дружно заржали. Темное от загара лицо Серлона потемнело и стало не намного светлее физиономии суданского мамелюка.

— Подними меч! — завопил он оруженосцу и, изловчившись, заехал тому сапогом в голову. Несчастный упал, но тут же поднялся и протянул господину оружие, за что вновь получил по физиономии.

Все всадники приготовились к худшему, но, понимая, что теперь он останется в меньшинстве, старший де Буанотт неожиданно крикнул:

— Я не собираюсь тут оставаться! Я собираюсь драться с грифонами! Кто со мной, поехали!

— Вы не можете сделать этого! — закричал Ангеран.— Князь приказал нам ждать сигнала.

— А я его уже слышал! — бросил через плечо Сер-

лон, и не думая останавливаться. — С вами, драгоценный сир Кроличья Нора, я скрещу свой меч после дела. Пока вы будете отсиживаться тут, мы разобьем грифонов и возьмем себе лучшую часть добычи.

Ангерран не без досады заметил, что последние слова Серлона возымели действие. Едва ли не треть засадного отряда покинула рожицу.

Ренольд как раз собирался дать своим воинам сигнал к атаке. Он выехал перед построившимися для схватки рыцарями и пехотинцами. Однако не успел князь произнести перед ними краткую речь, как понял, что все их внимание приковано к чему-то, происходившему у него за спиной. Судя по выражению лиц всадников переднего ряда, зрелище заслуживало того, чтобы оценить его самому. Ренольд развернул коня и увидел полтора десятка всадников, мчавшихся на полном скаку прямо на позиции киприотов.

— Что это за психи? — обратившись к одному из подъехавших к нему рыцарей, спросил князь. — Откуда они взялись?

— Из рожицы, государь, — сообщил тот. — По моему, это часть нашего засадного отряда...

Впрочем, спросил Ренольд машинально, он и сам, едва увидев всадников, догадался, откуда они появились.

— Что они делают? — Князь не мог скрыть негодования. — Уж если атакуете, так атакуйте!

Наткнувшись на копыта пехоты, рыцари попятились, а минутой позже, опасаясь бросившихся с двух сторон на охват ромейских всадников, повернулись и поскакали обратно к лесу.

— Скоты, — сквозь зубы процедил Ренольд. — Кто это?! Хотя я и сам вижу! Это *рыцари из Буанотта*, которые *никогда не поворачиваются спиной к неприятелю!* Сволочи! Там же Ангерран! Атакуем! Сокрушим грифонов, мессеры!

Весь план летел к чертям. Врана, конечно же, тоже понял, откуда взялись рыцари, и отправил за ними добрых две сотни своих конников.

И все же франки атаковали.

Натиск ста тридцати рыцарей и пехотинцев поколебал порядки киприотов и заставил их в замешательстве отступить. Однако, несмотря на это, победа чуть не обернулась поражением, если бы, как позднее выяснилось, не доблесть Ангеррана и его засадного отряда. В панике убегавшая дружина Серлона де Буанотта сначала чуть не увлекла за собой дожидавшихся в лесу рыцарей. К счастью, беглецы опамятовались, пристыженные товарищами, и вместе с ними принялись яростно сражаться с грифонами, которые, утратив за годы спокойной жизни привычку к настоящему бою, вскоре выдохлись.

Несмотря на численное превосходство неприятеля, франки, частью изрубив ополченцев, преследовавших норманнов Серлона, обратили остальных в беспорядочное бегство. Это спасло ситуацию. Если бы в схватке с засадным отрядом одолели киприоты, основная дружина князя серьезно рисковала угодить в окружение.

Наказывать за бесчинство и ослушание между тем оказалось некого. Серлон де Буанотт погиб, его брат, на этом единодушно сходились все, сражался, как и подобает рыцарю, который никогда не поворачивается спиной к неприятелю. Роберт получил ранение, как, впрочем, и кличку Лишний. Прозвище не обижало последнего из двенадцати братьев де Буанотт, поскольку, несмотря ни на что, произносили его теперь с уважением.

Как бы там ни было, утром Михаил Врана снялся со стоянки и увел свое многочисленное, но не очень-то боеспособное воинство на другую позицию. Ренольд не решился преследовать стратига, видя, что храбрая и доблестная, но совершенно недисциплинированная дружина Антиохии понесла немалые потери.

Врана же отрядил гонцов к правителю с требованием выслать подкрепление. Михаил весьма обрадовался тому, что вскоре к нему присоединились ранее собранные, но не успевшие к битве отряды ополченцев. Теперь он не только совершенно восполнил потери, но даже усилил свое войско и мог вновь подумать о наступательных действиях против захватчиков, тем более что ни

храмовники, ни армяне Тороса как будто не спешили на помощь главе экспедиции.

Однако стартиг ошибался, пока он дожидался подкреплений, два других предводителя похода получили известия от князя и соединились с ним как раз накануне новой битвы.

Франки и киликийцы атаковали, едва завидев неприятеля. Ополченцы, напуганные количеством противника (они-то ждали встречи лишь с потрепанной дружиной антиохийцев), побежали при первом же натиске тяжелой конницы. Только что поднявшееся солнце еще не успело толком согреть землю, а большое, но бестолковое войско киприотов перестало существовать. Ромеи рушились под ударами мечей захватчиков, точно спелые колосья, срезаемые серпами жнецов. Франки не щадили никого. Они не собирались брать пленных и без усталости рубили, топтали, кололи, резали, словом, уничтожали побежденных.

Те немногие, кому удалось избежать кошмара и посчастливилось ускользнуть, бежали в глубь острова и на юго-запад к Лимасолу, а молва об ужасах, творимых захватчиками, мчалась, обгоняя их.

Самому Вране едва удалось избежать гибели и плена. Стратиг с несколькими десятками самых приближенных помощников успели укрыться за толстыми стенами женского монастыря. Это была едва ли не одна из самых внушительных крепостей, до сих пор попадавших захватчикам на острове. Надо сказать, что, по всей видимости, многие десятилетия спокойной жизни отучили киприотов от мысли, что им вообще когда-нибудь понадобятся крепости. Вместо того чтобы расходовать немалые средства, силы и время на возведение новых замков и ремонт старых, они предпочитали тратиться на развлечения и предметы роскоши. Теперь Кипру предстояло полной мерой заплатить за свою беспечность.

Однако пока у островитян оставался славный полководец Михаил Врана, пока у них имелось еще не разгромленное ополчение под командованием самого ки-

приарха Иоанна Комнина, они не теряли надежды на то, что страшный кошмар кончится. Священники усердно молились, оружейники ковали мечи и копья, ратники снаряжались на битву. Женщины собирали мужьям и старшим сыновьям узлы со снедью, пряча мокрые от слез глаза и прижимая к себе младших детей. И несмышленыши, хватавшиеся за материнские подолы, словно мелкие зверьки, раньше все прочих чувствовали животный страх, охватывавший остров. Даже домашний скот начал, казалось, тревожнее мычать и блеять в стойлах и на пастбищах. Собаки и те оставили свои обычные ссоры.

Победоносное воинство франков и их союзников рассыпалось по окрестностям, предавая огню и мечу все вокруг. Пылали деревни, реками лилась кровь беззащитных крестьян. А засевшие в монастыре воины (с высоты им были особенно хорошо видны разорения, производимые захватчиками) лишь беспомощно взирали на все это из-за толстых стен. Бране оставалось надеяться лишь на помощь дуки Иоанна.

Тот, едва весть о разгроме ополченцев достигла его дворца, не мешкая выступил на помощь стратегу с большим отрядом ополченцев и дружиной личных телохранителей. Гвардию свою киприарх называл «бесмертными» (так именовалась отборная конница в армии базилевса). Они должны были во что бы то ни стало разбить латинян, в противном случае всему острову грозило невиданное разорение.

Тем временем прошли три дня, которые Ренольд дал солдатам на удовлетворение своих звериных инстинктов. По завершении этих дней кончилось и время, отведенное Бране для размышления.

Пока войско отдыхало привычным и любезным ему образом, сам князь со своими приближенными, не страшась стрел, время от времени едва ли не вплотную подъезжал к стенам монастыря и заводил разговор с перепуганными монахинями. На исходе последнего дня, отпущенного ромеям для принятия решения о добровольной сдаче, он вместе с Ангерраном, Фернаном и

переживавшим пик своего собачьего счастья Железным Лукой, и вовсе забыв об опасности, подскакал к стене на расстояние всего в несколько туазов, сложил ладони рупором и закричал:

— Как живется, красавицы?

Несколько любопытных мордашек высунулось из-за края стены. Дежурившие там мужчины зашикали на женщин, и те спрятались.

— Да не бойтесь вы этих меринов! — подбодрил монашек князь. Он очень плохо говорил по-гречески и пересыпал свою речь латинскими и франкскими словечками. Тем не менее женщины неплохо понимали его. — Им вас ни поугасть ни потешить нечем. А у меня для вас запасены настоящие жеребцы! Вы небось стосковались по этому делу? Да, да, монастырская жизнь не сладкая штука! Меня самого хотели отдать в монахи, но я не пошел. Может, зря? Как, курочки, мог бы я быть у вас аббатом?

— Только аббатисой, петушок! — раздалось в ответ на довольно сносной латыни. — У нас ведь женский монастырь!

Женщина, произнесшая эти слова, без страха поднялась из-за укрытия и, встав во весь рост, с вызовом уставилась на князя. Какой-то воин постарался схватить ее за руку и заставить спрятаться, но женщина отпихнула его:

— Прочь руки!

— Матушка! Матушка! — запричитали монашки. — Схоронитесь! Как еще стрельнут в вас эти безбожники! Пожалейте нас, матушка! Идите сюда!

Настоятельница, однако же, не спешила выполнить просьбу сестер. Оба уроженца Жъена достаточно долго прожили в Антиохии, чтобы понимать слова монашек. Однако, дабы доходчивее изложить собственные мысли, князь использовал Фернана.

— Эй ты, чертов ублюдок! — обратился к нему Ренольд. — Слышишь, нас хулят? Что сказать им?

Грум построил фразу и растолковал ее значение князю, тот захохотал и, коверкая слова, громко крикнул:

— В таких, как вы, мы стреляем без промаха. Через девять месяцев вы все убедитесь в этом! Сам Господь

помогает нам в таких делах! Он, да простят меня Небеса, сам натягивает наши луки!

— Знаешь, прекрасный витязь,— усмехнулась настоятельница,— почему я ушла от мира? Надоело мне хвастовство мужчин. У вашего брата слов больше, чем дела. Послушать вас, так каждый такой жеребец, что и табуна ему мало, а на поверку...

Она не закончила и, махнув рукой, спряталась за стеной.

— Вот это да, государь! — ошарашено проговорил Фернан.— Вот это сказала! Клянусь спасением, грифонам там не худо живется!

— Похоже на вызов, ваше сиятельство? — покачал головой Ангерран, и не пытавшийся скрыть улыбку.— Однако я, прежде чем отважиться поднять перчатку, как следует проверил бы сбрую и загодя накормил коня.

— И меч не худо было бы заточить,— добавил грум.

— Я бы предпочел положиться на копье,— покачал головой бывший оруженосец.

Даже и Лука не утерпел, вставил свое слово в разговор людей: несколько раз громко гавкнул.

— Эй вы, там! — на плохой латыни крикнул воин в высоком шлеме, который в верхней своей части в отличие от франкского больше напоминал по форме колпак.— Вы, франки! Перестаньте оскорблять женщин, если вы мужчины!

— Не помню, чтобы кого-нибудь оскорбил,— возразил Ренольд.— А что до того, кто из нас мужчины, так я бы на твоём месте помолчал. Видите, до чего довели вы ваших дам? Они, бедняжки, попрятались от вас по монастырям. Не мудрено, если вы и с ними такие же удалцы, как в сече!

— Как ты смеешь, грязный варвар! — закричал воин поднимаясь во весь рост и натягивая тетиву лука.

Ангерран сжал шенкелями бока коня, тот подался вперед. Бывшему оруженосцу вовек не забыть науки — он и подумать не успел, как бросился закрывать господина своим телом. Так же машинально Ангерран поднял и щит. Стрела ударила в него и, пробив толстую кожу и войлок подкладки, чиркнула наконечником о кольчужное плетение рукава. Но у

каждого свое оружие. Рыцари услышали, как рядом чавкнула еще одна тетива, другая стрела, свистнув, помчалась к цели. Ромей-лучник схватился за лицо и рухнул со стены вниз, а Фернан, не мешкая, перезарядил свой арбалет.

Ангерран поспешил сказать князю, что надо поскорее уезжать в безопасное место. Ренольд же отпихнул от себя не в меру заботливого вассала и прокричал:

— Каждому свое. Для *чистых* грифонов у *грязных варваров* также стрел хватит.

Сделав знак Тонно, чтобы тот унял зашедшегося лаем Луку, князь продолжал:

— А для вас, матушка, у меня есть специальный колчан. Клянусь, он не опустеет с заката до рассвета!

В это время за стенами раздался какой-то шум. До франков долетали лишь обрывки фраз. Ренольд отчего-то ждал появления настоятельницы, но кто-то замахал над стеной белым лоскутом материи и вместо матушки перед князем и его маленькой свитой предстал сам Михаил Врана — типичный византийский вельможа, благородный муж средних лет с довольно длинной аккуратно завитой черной бородой.

— Кир Ренольдо,— начал он и продолжал на привычной уху франка разговорной латыни: — Великий дука Иоанн даст вам откуп за нас. Назовите цену и освободите наших людей, дайте им уйти из сей богоспаваемой обители. Я, если вам угодно, останусь вашим пленником. Нет нужды подвергать опасности жизнь служительниц Божьих.

— Кир Микаэль,— в тон стратегу отвечал князь.— Великому дуке Иоанну придется раскошелиться. Боюсь, ему не хватит всей его тугой мошны, чтобы расплатиться за зло, причиненное грифонами христианам. Мы пришли сюда, чтобы отомстить за гнусные деяния схизматиков. Поэтому, если завтра с восходом солнца мои католические войны обнаружат ворота этой крепости запертыми, мы возьмем ее приступом. То, что случится потом, будет лишь деянием, угодным Господу.

Врана попробовал было возразить, но очень скоро понял, сколь бессмысленны его попытки. На прощанье Ренольд спросил Михаила:

— Что мы все говорим о деньгах, кир Микаэль? Мы же не купцы, а солдаты. Мы не делаем ничего особенного, просто воюем. Если желаете, я отпущу вас всех без всякого выкупа.

— Без выкупа, но с условием? — переспросил стратег, понимая, что никто даром не отпустит такую добычу.— Так ведь, кир Ренольдо?

— Разумеется, кир Микаэль,— кивнул князь.— Условие плевое... Во всяком случае для нас, франков. Решим все поединком. Любой ваш солдат против любого из моих рыцарей, пеший или конный по вашему выбору. Если ваш боец одержит верх, вы все уйдете свободными, куда захотите. Если нет, вы безоговорочно сдаетесь на нашу милость. По-моему, это честно. Вы, грифоны, как природные торгаши, должны оценить преимущества такой сделки.

— Хорошо, мы подумаем, кир Ренольдо,— кивнул Врана.

— Думайте, думайте, кир Микаэль,— любезно улыбнулся князь.— До заката еще есть время. Утром его у вас уже не будет.

Наступила ночь, но никто так и не пришел с известием о том, что вызов франков принят.

Князь не сомневался в таком исходе дела. Никто из ромеев не осмелился рискнуть своей жизнью. Лукавил князь, когда говорил, что предлагает выгодную сделку. И верно, для франков решить дело поединком — явление обычное, но не для осторожных византийских вельмож и тем более изнеженных граждан Кипра. Михаил Врана также не стал пытаться счастья, резонно полагая, что на его вызов может откликнуться сам предводитель варваров.

Однако Ренольд ошибся. Несмотря ни на что, в монастыре все же нашелся некто, готовый сразиться в поединке, и не с кем-нибудь, а с самим командиром экспедиции. Правда, смельчак этот на случай своей победы выдвинул собственное условие. И, как это ни удивительно, князь принял вызов.

Была уже полночь, когда в шатер Ренольда явился необычный посетитель, точнее посетительница. Она желала говорить с вождем франков только наедине.

— Что привело вас ко мне, матушка? — проговорил удалой кельт, даже и не стараясь скрыть того, что приятно удивлен. Он не раз вспоминал о настоятельнице за несколько часов, что прошли после их разговора. — Позвольте же узнать это и то, как вас зовут.

— Гельвеция мое имя. Мне будет приятнее, если вы, мессир, так и станете называть меня. А привело меня к вам вот что. Я хочу сразиться с вами...

— Со мной?!

— Да.

— И каким же оружием станем мы биться?

Ответ настоятельницы в немалой степени поразил князя.

— Тем, которым вы так старательно похвалялись передо мной, — высокомерно и в то же время лукаво улыбаясь, проговорила Гельвеция. — Вот свеча, — женщина извлекла из складок одежды тонкую свечку не более чем в палец длиной, — если она догорит раньше, чем ваш лук пошлет стрелу, я проиграла, если же наоборот, — победа за мной, и вы принимаете мои условия.

Ренольд засмеялся.

— Что ж, — сказал он, — я выслушаю ваши условия, матушка Гельвеция. Можете выдвигать любые, так как мне все равно не придется их выполнять. Мой лук полностью послушен стрелку. Однако любопытство есть любопытство, что же такое вы хотели бы получить взамен?

— Не многое. Раньше всего, я помогу вам пробраться в крепость.

— Даже так?! — с жаром воскликнул Ренольд.

— Вы не слишком-то терпеливы, мессир, — пожурив матушка князя. — Пожалуй, мне стоит изменить условия поединка, чтобы он выглядел честным. Я укорочу время состязания ровно в половину.

С этими словами Гельвеция переломила свечку пополам и, как ни в чем не бывало, продолжала:

— Я помогу вам проникнуть в монастырь сегодня

же ночью. Но вы должны пообещать мне, что ни одна из сестер не пострадает. Я говорю не об их жизнях, а об их целомудрии. Ни один из ваших солдат не посмеет прикоснуться к ним даже пальцем. Для пущей уверенности я запрю их в подвале, но не век же им там сидеть? Пообещайте мне это, и уже на рассвете вы сможете двинуться дальше. Помните, дука Иоанн еще не побежден.

Князь свел брови и от волнения принялся теревить ус, а потом сказал:

— Я готов принять такие условия. Хотя, сказать по правде, если бы вы не выставляли их, я бы и без того согласился не трогать ваших сестер. К чему мне терять солдат и тратить время на бессмысленный штурм? Вы откроете ворота?

— Нет,— покачала головой Гельвеция.— Я проведу ваших людей через подземный ход.

— Идет,— Ренольд ударил себя по коленке.— Однако, если вы проиграете, а вы проиграете, то я свободен от каких-либо обязательств в отношении целомудрия сестер... А они что, действительно целомудренны?

— В некотором смысле,— загадочно улыбнулась настоятельница.— Близость с грубым мужчиной для многих из них — тяжкое испытание. Не нужно заставлять их страдать без нужды. Это все равно, что топтать копытами коней прекрасные цветы... Ну так начнем?

Как протекал поединок и чем он закончился, можно лишь предполагать. Известно одно: ночью рыцарям удалось проникнуть в монастырь, и наутро единственным живым мужчиной-ромеем там оставался сам Михаил Врана, убивать которого князь запретил под страхом сурового наказания. Пожалуй, не будет преувеличением также утверждать, что сами монахини оказались среди тех редких счастливиц, которым на Кипре в те на века памятные дни не пришлось испытать сомнительного удовольствия объятий пьяной от крови и вина солдатни. Монастырь, если можно так выразиться, удостоился статуса заповедника, где разрешалось

«охотиться» только самому князю и лишь немногим из его приближенных.

Случай с прекрасными почитательницами Киприды¹²⁰, милостиво пощажеными победоносными франками и их союзниками, сделался единственным идиллическим эпизодом в цепи событий, из которых составилась Кипрский поход Ренольда и Тороса. По единодушному утверждению историков, воины князей Антиохии и Киликии творили на острове такое, что могли бы претендовать на право занять место рядом с прославившимися своими зверствами гуннами и монголами. Трудно что-либо возразить. Хотя думается, что не многие войны проходили без грабежей, убийств мирных жителей, изнасилований женщин.

После того как франки и их союзники разгромили войско Иоанна Комнина, а самого киприарха захватили в плен, ничто уже не могло помешать им взять Левкозию*. Скот и людей гнали к берегу, чтобы грузить на корабли; стариков, слабых и больных, короче говоря, тех, кто не мог идти, убивали.

Кошмар продолжался три недели. Корабли захватчиков ломались от добычи. Всех знатных мужей Кипра, включая Врану и Иоанна, Ренольд увез в Антиохию, кроме тех из них, кого с укороченными носами отослали в Константинополь, дабы подвигнуть базилевса к решительным действиям в отношении уплаты выкупа.

Мануил мог только топтать ногами и грозить кулаком своему нахальному вассалу. Экспедиция базилевса в Апулию с треском провалилась. Соединенные силы норманнов и германцев разгромили ромеев при Брундизии. Это была последняя попытка Бизантиума вернуть свои земли на Западе. С тех пор Константинополь лишь с большим или меньшим успехом оборонялся от наступавших латинян.

На Востоке у базилевса дела обстояли не намного лучше. Турки в свою очередь также упорно не желали считаться с мечтами Комнинов об империи с границами времен Юстиниана Первого. Однако междоусобицы, начавшиеся в Малой Азии сразу же после кончи-

* Л е в к о з и я — Никозия (совр.).

ны султана Икониума, Масуда, все же давали Мануилу надежду. Вместе с тем о немедленных и решительных действиях против князя Антиохии не могло быть и речи.

А у победоносного Ренольда появились совершенно неожиданные проблемы. Уже осенью 1156 года большинству правителей Леванта и Вавилонии стало не до войны.

Казалось, сама Земля взбунтовалась против людшек, не умеющих жить без войны и ценить прелести мирной жизни. От сильных подземных толчков пострадали несколько городов от Алеппо до Хамы. В Апамее рухнул целый бастион. В ноябре и декабре, а также и летом следующего года досталось многострадальному Кипру, христианскому Триполи и мусульманскому Шайзару. В последнем как раз устраивали той в честь обрезания маленького принца. Чем не угодили Аллаху правившие в Шайзаре Мункидиты, сказать трудно, только все представители династии, включая и виновника торжества, оказались погребенными под обломками дворца. Уцелела лишь принцесса и известный на весь Восток дипломат Узама, который, как всегда, находился в отъезде.

В том же тысяча 1157 тяжело заболел Нур ед-Дин. Воспользовавшись этим, король Бальдуэн вместе с гостем из-за моря, графом Фландрии Тьерри Эльзасским, и Ренольдом Антиохийским в конце года пришли к Шайзару. Оказалось, что место, как говорится, занято. Шайка ассасинов-отщепенцев захватила полуразрушенный город. Началась осада. Нижний замок, впрочем, сдался легко, скорее всего не устояла бы и цитадель, однако тут вспыхнула ссора, отдаленно напоминавшая перепалку покойного Серлона де Буанотта и Ангеррана. Мотивы подобного рода конфликтов на удивление просты, суть их сводится к так знакомому всем: «А ты кто такой?!» — «Нет! Это *ты* кто такой?!»

Обе стороны, как и полагается, были абсолютно правы. Никто не возражал, чтобы завоеванный Шайзар достался графу Фландрии, однако существовал один маленький нюанс, о котором и напомнил Ренольд. Он

считал, что поскольку Мункидиты в свое время (еще при Танкреде) являлись данниками Антиохии, то значит, и новоявленному властителю их бывшего владения, то есть графу Тьерри придется, хочешь не хочешь, принести ленную присягу нынешнему князю Антиохии за свой фьеф¹²¹.

Тьерри немедленно заявил, что он — граф Фландрии, наследник древнего рода, а потому не станет преклонять колена перед каким-то там незнатным выскочкой. Бальдуэну не осталось ничего другого, как снять осаду. Однако распускать войско было жалко (зря что ли собрались?), и все трое, захватив попутно руины Апамеи, направились к Гарену, который сдался после мощного обстрела из катапульта в феврале 1158 года.

Город получил один из рыцарей Тьерри, Ренольд де Сен-Валери, который и сделался вассалом князя Антиохии.

IX

— О мой Аймерайх! — воскликнула Клара, бросаясь на шею своему повелителю. Далеко не юный монсеньер вовсе не казался блондинке некрасивым или уродливым, как могли бы оценить святителя Антиохии другие женщины. — О мой милый, мой великий Аймерайх! Теперь, теперь настает наш час! Кончатся наши страдания, и по воле Всевышнего боговенчаный владыка призовет наконец к ответу виновника наших бед!

Все верно. Им немало пришлось перенести в то ужасное лето, когда прямо с пира стражники утащили патриарха в темницу. Неутешная Клариссима пробудилась от короткого, беспокойного, полного кошмаров сна лишь для того, чтобы узнать — явь еще страшнее. Мало того, что князя церкви подвергли непереносимым мучениям, досталось и его метрессе. На долю Клары выпали не только презрительные насмешки толпы, но и вполне реальные побои и унижения, от которых нельзя было укрыться нигде.

Князь Антиохии послал в дом Эмери своих прислужников, и те без милости били и волочили Кларис-

симу и ее служанок. Последним пришлось изведать на себе буйство плоти бесчинствовавшей солдатни. Лишь саму метрессу минула чаша сия. Не князь, рыцарь, что привел стражников, пощадил немку. За это она сама отдала ему береженные драгоценности. Всё остальное брали без счета княжеским именем. Не гнушались даже с мясом рвать из ушей серьги у всех дворовых девиц и женщин. словно бы везде шел праздник, и только здесь, в доме патриарха, на который Господь за какие-то грехи наслал древних язычников, гонителей христиан, царило горе.

Впрочем, подобные вещи в ту пору творились повсеместно. Не то чтобы каждый день, но, например, проезжавшие воины могли ни с того ни с сего ограбить повстречавшихся им путников. Нередко промышляли откровенным грабежом в собственных землях и бароны и графы. Не следует думать, что происходило это лишь на «диком» Западе или в созданных латинянами на Святой Земле государствах. Напротив, даже хронисты-сарацины, отдавая дань системе отправления правосудия в Утремере, отмечали справедливость выносимых судами решений. (Кстати, устройство Haute Cours и Cours des Bourgeois в Иерусалимском королевстве и Антиохии очень напоминало то, как организованы сегодня «гран-жюри» в большинстве стран Запада.)

Вместе с тем то, что сотворил с патриархом Ренольд, — явный произвол. Однако подобное случалось не только в Антиохии¹²².

Какие бы безобразия ни творили христианские владыки, они непременно при этом поминали Господа Бога, как бы ссылаясь на него, мол, не я тут главный, а Бог, следовательно, он во всем и виноват, с него и спрос, а не с меня! Ренольд, безусловно, являлся сыном своего времени, Бога он так же, как и все другие, не забывал, по крайней мере на словах — *se Dieu plaist, se Dieu m'ait*, то есть если Богу будет угодно, если Бог поможет мне, милостью, волею Божьей... и так далее и тому подобное. И вот этот самый Бог решил, что пришло время наказать Ренольда. Во всяком случае, когда Кларисси-ма восклицала свое: «О Аймерайх! О Аймерайх!», она,

так же, как, впрочем, и сам патриарх, надеялась, что не только власти Ренольда Шатийонского в Антиохии пришел конец, но и для самого неукротимого варвара настал час подлинного возмездия.

— Надо скорее ехать к императору Бизантиума! — восклицала блондинка. — Вот кто самый великий правитель из всех живущих на земле! Кайзер Мануил! Он — настоящий мужчина. Такой понимает толк в женщинах. Такой мог взять себе в жены только немецкий женщина!

За десять лет жизни в Заморской Франции уроженка Тюрингии почти совсем утратила германский акцент. Но, когда Клара волновалась, он немедленно напоминал о себе. Сама же женщина в свою очередь не упускала случая напомнить избраннику о том, что он сделал правильный выбор, взяв ее (в невенчаные, конечно) жены. Ведь у самого императора Мануила супруга была не кто иная, как Берта Зульцбахская (в ортодоксальном крещении Ирина)¹²³.

— Да, моя милая Клара, — проговорил патриарх тихо, но не менее взволнованно. — Да. Наступает наш час. Кошмар заканчивается. Скоро, наверное, можно будет ехать...

Это вот «наверное» ни в коем случае не могло устроить обычно благоразумную и предусмотрительную Клариссиму.

— Уже сегодня! Сей день можно ехать! Я ходила к гадалке, она сказала, что проходят три года, три месяца и три дня, а с ними исполняется мера страданий твоих! Мера *наш* страданий! О, мой Аймерайх, ты опять будешь править в Антиохии!

Не следует думать, что мудрая Клара повредилась от счастья умом. Удаление и, как они могли бы надеяться в своем христианском человеколюбии, казнь Ренольда вновь привела бы к ситуации девятилетней давности с той лишь разницей, что наследнику престола, княжичу Бозмунду исполнилось уже тринадцать. Еще три года, и он станет рыцарем; теперь нет больше никакой нужды выдавать замуж своевольную княгиню! Если Бог поможет своему верному слуге, Констанс скорее всего придется отправиться в Латтакию, куда уже

двадцать два года назад отбыла честолюбивая Алис Антиохийская.

История повторяется!

История повторяется и ничему, почти ничему не учит нас. Впрочем, не всегда. Многолетний опыт правителя и знатного вельможи, князя церкви, научил Эмери Лиможского тому, что никогда не стоит спешить. Патриарху даже не пришло в голову отчитать метрессу за общение с гадалкой, а ведь это, как никак, грех. (Еще бы не грех! А на что же тогда священники, если каждый шарлатан будет по своему трактовать волю Божью? Тут людей с улицы допускать никак нельзя, это все равно, что разбойника в дом приглашать! Конкуренция — дело тонкое, понимать надо!)

Простим монсеньеру, не до того ему было, куда более важные мысли занимали воспаленное сознание:

«Что предпринять? Как поступить? Как сделать так, чтобы извлечь максимальную выгоду из ситуации?»

Патриарх уж нет-нет да и подумывал, что Господь и вовсе отступился от него. Все, что ни происходило на свете, обращалось на пользу его ненавистнику. Не говоря уж о пошатнувшемся престиже (тут не все так плохо, можно даже попробовать поиграть в мученика), Ренольд безжалостно растряс святительскую мощну. Спасибо христианнейшей королеве Мелисанде, помогла подняться, поправить положение. Сколько бесчестий нанес патриарху князь, и что же? Выгнал святителя и в ус не дует, живет себе припеваючи, точно ему и вовсе никакие попы не нужны. Да и паства, похоже, не скупается по монсеньеру!

«Где же, где твое: “И аз воздам”?! Где же оно, Господи?!» — не раз роптал Эмери. И вот наконец Бог услышал молитвы!

И все же...

— Подождем, что скажет королева,— заключил патриарх и, улыбаясь не скрывавшей своего огорчения Кларе, добавил: — Обними меня, моя милая. Теперь все будет хорошо.

Чтобы обеспечить это «хорошо», Эмери решил, что не лишним будет для начала отписать базилевсу. Патриарх знал, о чем попросить Мануила.

Пиры, пограничные стычки с неверными, дела городские, суд промеж вассалов, походы с королем против язычников — все это требует немало времени. Так или иначе, за решением насущных проблем князь Антиохийский совсем забыл о существовании базилевса Мануила. И совершенно напрасно, потому что тот не забыл Ренольда, а в особенности его подвигов на Кипре.

Однако, кроме князя Антиохии, у императора Второго Рима имелся и еще один видный деятель, который также весьма насолил Константинополю. Поскольку на пути в Сирию находилась Киликия, сам Господь велел самодержцу начать с Тороса. Последний вскоре на личном примере убедился, насколько сильно преувеличенными оказались слухи о гибели армии империи.

Со времен Юстиниана Первого базилевсы предпочитали брать на службу наемников. Вчерашние враги Константинополя становились его солдатами. Рослые рыжеволосые северяне, сильные, мужественные и благородные; маленькие, но неутомимые степняки-печенеги, из Бог весть где расположенных земель, выносливые, как их неприхотливые лошадки; те же турки, соседи болгары, норманны, франки и другие «кельты» — все они охотно вставали под знамена Бизантиума.

Потеряв одну армию в Апулии, Мануил начал собирать другую. Два года ушло на подготовку, и никто не знал, куда собирается направиться базилевс.

В конце осени 1158 года несметное по тем временам войско двинулось в Киликию¹²⁴. Сам император с шестью сотнями «бессмертных» скакал впереди, не дожидаясь пехоты и огромного обоза. Мануил настроился на серьезную войну, он прихватил даже самые тяжелые осадные приспособления.

Для Тороса приход ромеев оказался полной неожиданностью, в конце октября один латинский паломник предупредил князя, что передовые отряды императорской армии всего в двух днях пути от Тарсуса. Князь, собрав самых приближенных, прихватил казну и, не теряя времени, бежал в горы. Через день родственник Мануила, Федор Ватац, захватил только что оставленный армянами Тарсус. Понадобилось всего две недели

для того, чтобы все города вплоть до Аназарбуса оказались в руках ромеев.

Торос же как сквозь землю провалился. Точнее, наоборот, он вознесся ввысь, найдя убежище в столетиями не обитаемых людьми развалинах старинной крепости. Только двое самых верных слуг знали, где скрывается князь.

Византийское войско осталось зимовать в благодатной Киликийской равнине. Сам базилевс разбил лагерь под стенами Мамистры, древней Мопусуэстии. Город этот располагался по обоим берегам реки Пирам, так что путнику, впервые оказывавшемуся тут, казалось, будто он видит целых два города.

Антиохию от стоянки Мануила отделяло около двухсот миль узких горных перевалов, но, несмотря на это, было ясно, что ромеев подобные трудности не остановят и весной победоносная армия продолжит движение. О размерах императорского войска красноречивее всего говорят такие факты. Зимой лагерь Мануила посетили мирные посольства от Нур ед-Дина, Данишмендов и даже от царя Грузии, никто не хотел воевать с владыкой Константинополя.

Отправил посланников и Ренольд. Он предлагал принять в городе императорский гарнизон. Базилевс отослал посольство обратно.

Князь понимал, что мериться силами с ромеями в поле — безумие. Не говоря о том, что на каждого его солдата Мануил имел возможность выставить как минимум полсотни своих, да и этому, ничтожному в масштабах кампании базилевса войску могли ударить в спину орды Нур ед-Дина. Возможность сражения князю пришлось отместить сразу. Затвориться в городе? Свои же воткнул нож в спину, откроют ворота, а то и что-нибудь похуже сотворят.

Править оказалось куда труднее, чем воевать. Огромная доля добычи, доставшаяся лично князю, как-то уж очень быстро растаяла, частью осела в карманах оборотистых купцов, частью ушла все на те же празднества.

Кое-кого из вельмож Антиохии пришлось и прижать. Кое-кого лишить имущества и выгнать. Иные

угомонились лишь на плахе. Все бы хорошо, да для того, чтобы прозываться Твердой Рукой князю не хватало последовательности. Число недовольных росло если и не день ото дня, то из месяца в месяц. Скептики, не принимавшие участия в кипрской экспедиции, теперь косились на разом разбогатевших везунчиков. А те требовали к своему достатку и достойных владений. Как же так? Весь в шелку и в злате, а без замка и рабов?! Но где на всех земель напасть?!

— Посмотрю я, как им всем Мануил землю даст! — в сердцах воскликнул Ренольд. — Посмотрю я, как они при нем заживут!

— Ну что вы, что вы, ваше сиятельство, — ласково проговорила Констанс. — Все не так уж плохо. Не стоит без нужды гневаться. Епископ Жерар мудрый человек, он уверен, что все обойдется. Все будет, как раньше, как в старые времена.

Княгиня старалась успокоить супруга, которого принимала у себя в спальне. Они любили обсуждать тут государственные дела. И все чаще из уст княгини раздавалась фразы вроде: «как раньше», «как в старые времена». Точно прошла уже вечность с тех пор, как они вместе.

Как много порой вкладывают люди в эти слова — «старые времена». И теперь, как раньше, как в те самые *старые времена*, Констанс иногда, затаив дыхание, ждала, что... муж возьмет ее в кресле, как тогда, когда они еще не имели права на то, чтобы разделить постель.

Боже мой, как давно уже они добились своего?! Как давно они начали делить не только ложе, но и трон, что всегда означало для них одно и то же. Правда, теперь моменты близости между ними становились все более редкими.

Констанс не боялась соперниц в любви. Она знала, что к ней Ренольд всегда относился особенно. Ни одна женщина не могла занять ее место в сердце супруга, в нем так и осталось восхищение молодого честолюбивого бедняка красотой высокородной дамы. Констанс олице-

творяла для мужа роскошь и богатство Востока, а ведь именно ради обладания ими он и пришел сюда.

Дело заключалось в другом. Князь день ото дня становился все мрачнее.

Началось это еще до того, как пришла весточка из Киликии о страшном разорении, учиненном там армянам ромеями. Проблемы Тороса нашего бравого кельта волновали мало, то есть совсем не волновали. Куда больше заботило Ренольда иное. Он чувствовал, что теряет то, что неизменно окружало его всеобщую любовь, и не понимал почему.

Нет, разумеется, с самого первого своего дня на троне Антиохии молодой правитель не был окружен исключительно доброжелателями, ненавистниками и тогда хватало. Их, возможно, даже и не стало больше, просто... словно бы из кушанья убрали любимую приправу или добавили какой-то дряни в вино, отчего оно скисло, и не скисло даже, а приобрело какой-то непонятный, но определенно неприятный вкус. Можно, пожалуй, сказать, что Антиохия надоела ему, а он прискучил ей.

С каким удовольствием отправился бы сейчас Ренольд на настоящую большую войну, в крестовый поход, наконец. Но, чтобы отправиться в этот самый поход, нужно было жить в Европе. Сам не отдавая себе отчета в том, князь завидовал рыцарям, приехавшим на Восток впервые. Чего, спрашивается, он уперся? Ведь оставалось только руку протянуть и Шайзар бы пал! Бог с ним, с графом Тьерри! Ну держал бы он этот чертов город под кородем, так что с того?

«Граф! Фландрии! — с затаенной усмешкой подумал вдруг Ренольд, машинально кивая в ответ на слова супруги. — Тут тебе не Европа. Тут первое дело — не кому омаж приносить, коленку преклонять, а к кому за помощью бежать, когда турки тебя со всех сторон обложат! Повластвовал бы, а я бы посмотрел!»

И верно, жизнь рыцаря на Востоке вовсе не походила на ту, что вел его собрат в Европе. Там и войны казались какими-то шутейными, больше напоминавшими затянувшиеся турниры. Сосед брал в плен соседа, об этом становилось известно королю или герцогу, и узника отпускали за выкуп или за обещание заплатить его.

Тут другое, злобный враг вел войну по своим правилам, называя ее не просто войной, а джихадом, то есть Священной Войной с неверными. И вот ведь что интересно, и вооруженные пилигримы с Запада пришли сюда за тем же, как раз ради... *Священной Войны с неверными*. Наследники первых крестоносцев, казалось, совершенно забыли об этом, а вот сарацины, напротив. Боевой дух их с каждым годом набирал силу, единство их рядов возрастало. Они горели решимостью вести свою войну не на жизнь, а на смерть. Захватив в плен рыцаря, *такой враг* мог и не пожелать принять деньги. Ведь гнил же несчастный, ослепленный Жослен Второй в башне в Алеппо. Ясно же, что Нур ед-Дин никогда не обменяет его даже и на целый караван верблюдов, груженых золотом.

Ренольд не думал о том, что и самого его, попади он в лапы Помощника Аллаха, ждет не более завидная участь. Князь воевал, сражался, он, как выразился один из хронистов, «с тех пор как стал князем, не носил ни ярких шелков, ни дорогих мехов, а лишь *la cotte de mailles et li jastaucorps dou cuirs* — кольчугу и кожаный камзол», но это была столь же бесконечная, сколь и безнадежная война... Он захватывал какую-нибудь крепость, на следующий год Магреддин или кто-нибудь из других подручников Нур ед-Дина отбивал ее у него. Ренольд захватывал другую, безжалостно вырезал гарнизон, но вскоре магометане возвращали ее обратно, а места убитых занимали их собратья и единоверцы. Однажды он совершил удачный рейд к столице Защитника Правоверных, пришел под самые стены Алеппо. О том, чтобы штурмовать город, не могло быть и речи, однако князь и его дружина вдоволь натешились, нагнав на сарацин страху, опустошив окрестности, от души пограбив и пролив кровушки врагов, но... Те сделали ответную вылазку. Правда самой столице не угрожали, но напакостить сумели изрядно. Невозможность собрать достаточно сил для решительной битвы с врагом раздражала, пожалуй, больше всего.

— Что там Жерар? — спросил князь, чувствуя на себе вопросительный взгляд жены. — Говорите, говорите, я все слышу, государыня.

— Он говорит, что надо послать к базилевсу,— сказала Констанс, не добавив привычного обращения.

— Посылали уже,— без раздражения, но подчеркнуто устало и безнадежно ответил Ренольд.— Он требует безоговорочной сдачи. Никаких условий.

Оба понимали, что означает на дипломатическом языке Константинополя эта формулировка. Безоговорочная сдача — это то, чего требовал от первого мужа княгини отец Мануила. Базилевс Иоанн хотя бы не лукавил, он открыто заявил Раймунду: «Отдашь Антиохию, получишь в замен Алеппо... когда мы с тобой его завоеем».

— Поставит здесь своего дуку, этого, как по их будет? — антиохарха,— продолжал князь, невесело усмехаясь.— А меня... нас с тобой в цитадель посадит. В подвал.

— Нет, милый, нет,— очень нежно проговорила Констанс.— Он не может поступить так. Его дед, Алексей, признал моего деда Боэмунда своим вассалом. А раз так, его внук не может менять обычай. Мы правим здесь по закону. Если только Мануил вознамерится сделать такое, все жители, даже те, что из грифонов, возмутятся. Не в его власти преступать закон предков. Все под Богом, и базилевс тоже, как ни высоко стоит трон его.

Ренольд все это также знал. Он понимал, что Мануилу нелегко будет убрать с престола Антиохийского князя, не имея для его смещения законных оснований. Был бы первенец Констанс постарше, тогда другое дело, заменить им Ренольда — и дело с концом. Старший сын покойного Раймунда де Пуатье, подрастающий Боэмунд,— законный претендент в будущем, камешек в сапоге. Он и без того уже в немалой степени тревожил и мать и отчима. С каждым годом мальчишка становился все несноснее. Дерзил княгине, вел себя вызывающе, хотя некоторых из сверстников, с которыми играл и постигал рыцарскую науку, побаивался. В общем, рос подлым и трусоватым, но при этом заносчивым сверх всякой меры. Едва ли покойный отец пришел бы в восторг, увидев своего подросткового первенца.

Однако такой возможности у Раймунда не имелось. Его преемнику на престоле и в постели Сирийской Наследницы, по счастью, также не приходилось часто видаться с княжичем Боэмундом, который чем-то очень напоминал Ренольду одиннадцатого «рыцаря из Буанотта».

Пару раз князь лично отстегал наглеца плеткой по мягкому месту. Впервые, когда княжич избил младшего брата Бальдуэна, второй раз, когда на рукоприкладство пожаловалась Филиппа. В дальнейшем князь поручал исполнение наказаний рыцарям, ведавшим воспитанием мальчиков. Внушение помогало, но ненадолго.

Более всего злила Ренольда бесцеремонность, с которой Боэмунд позволял себе врываться в спальню Констанс. Он не раз делал это с того времени, когда маленьким застал тут мать и ее будущего мужа, по счастью, за разговором. Тогда вина за поведение мальчика полностью ложилась на няnek, но теперь он вырос, сделался отроком и уже прекрасно разбирался в делах взрослых. Тем не менее это не мешало княжичу входить к матери, когда заблагорассудится, и без всяких предисловий чего-либо требовать.

— Епископ Жерар человек мудрый, — ласковым, убаюкивающим голосом проговорила Констанс. — Он говорит, что для базилевса весь вопрос заключается в престиже. Он потерял его в Апулии и на Кипре, теперь постарается отыгратья здесь.

Княгиня взяла широкую, жилистую, покрытую мозолями, коричневую от загара кисть мужа в свои белые пухлые ладошки и, поднеся к губам, нежно поцеловала.

— Езжайте к Мануилу сами, государь, — продолжала она. — Принесите ему извинения. Покайтесь перед ним. Он будет рад принять вашу покорность без боя. Он уже удовлетворил свое честолюбие полководца, наказав киликийских грифонов. Он с радостью примет вас и простит, ведь ему не хочется славы погубителя великого христианского города. Ваши завистники и недруги умолкнут, увидев, что гроза прошла над вашей головой, ни мало не повредив вам.

Ренольд посмотрел в большие, глубокие карие глаза жены и погладил ее по черным волосам. Он привлек ее к себе, и княгиня сама не поняла, как оказалась сидящей у него на колене, так легко, так быстро это случилось. Нельзя сказать, что она не знала, отчего сегодня надела красную шелковую рубаху, ту самую, в которой была в тот день, когда молодой красавец пилигрим овладел ею на кресле, как простой служанкой.

Именно *этого* она и ждала, именно *это* и произошло. Оба вдруг сделались такими же, как раньше, как в старые времена, точно ушли назад в прошлое на целых десять лет. Потом супруг отнес ее на кровать, и там они вновь и вновь ласкали друг друга со страстью юнцов и с искусством опытных любовников. Утром они поднялись хотя и совершенно не выспавшимися, но с отличным настроением.

Княгиня еще лежала под одеялом, а Ренольд, решив не звать слугу, принялся одеваться сам. Он уже натягивал сапоги, когда из-за двери спальни донесся какой-то грохот, крики и даже, как показалось князю, плач.

Бравый кельт бросил взгляд в сторону, туда, где остался лежать боевой меч в ножнах. Другой клинок, покорооче, уже висел на поясе. На обдумывание ситуации ушло не больше секунды. Сообразив, что схватить оружие он еще успеет, князь решил пока остаться на месте. Выражение лица Ренольда не сулило возмутителям спокойствия ничего хорошего. Кто бы ни собирался ворваться в комнату, ему придется здорово пожалеть об этом. Князь не сомневался, что некто, пока еще неизвестный, бежит именно сюда, так и случилось. Дверь распахнулась, и в спальню влетела растрепанная молодая служанка.

— Ваше сиятельство! Государыня! — заполошно закричала она, бросаясь на ковер возле кровати. — Матушка княгиня! Ваше сиятельство! Спасите! Спасите! Убивают! Убивают!

Девушка оказалась настолько перепуганной, что не могла вполне адекватно оценивать окружающее. Она не сразу даже заметила, что в комнате находится сам князь.

— Что случилось, Анна? — растерянно проговорила княгиня, стремясь высвободить из цепких пальцев

служанки свою руку.— Что произошло? Турки напали?! Пожар?! Восстание?!

— Нет! Нет! — девушка отчаянно замотала головой.— Нет! Ваш сын! Ваш сын, ваше сиятельство!

— Что? Что с Рено, подлая?! Что с ним?!

Княгиня вырвала руку и замахнулась, чтобы ударить служанку, как-то и не подумав при этом, что если бы что-то и правда произошло с младшим сыном, то сюда прибежали бы его няньки, а не эта девица, которая ловко увернулась от руки госпожи, успев крикнуть:

— Не с ним, ваше сиятельство! Не с ним! Ваш сын Бозмон! Он... то есть их светлость, зарезали лакея и его жену!...

— Что ты несешь?! — громко спросил Ренольд.— Зачем он их зарезал?!

— Ой, государь! — Анна отшатнулась от кровати и, сложив ладони как для молитвы, захлопала глазами.— Они обезумели, схватили меч и ударили Никитора за то, что тот хотел спасти свою жену...

Ренольд находился за кроватью с другой стороны, однако с высоты своего роста прекрасно видел глупое, перепуганное лицо девицы. Князь хотел прогнать ее прочь, но передумал.

— ...а потом опять ударили! И еще и еще! Били, пока тот не упал! Крови, крови-то сколько, как будто свињью зарезали!

— А жена что же? — спросил князь, прикидывая, как это из такого небольшого человека, как лакей Никифор, могло вытечь так много крови? Хотя, возможно, Никофором звали другого, наоборот, большого? Их только черт разберет!

— Княжич и ее зарезали! А теперь меня ищут! Спасите, ваше сиятельство! Они в злобе! Зарежут меня!

— На кой черт ты ему нужна?! — рассердился Ренольд.— Что это значит, зарежет? Он кем себя вообразил?!

В этот момент из-за двери вновь послышался шум и ругань:

— Где эта сука?! Где потаскушка Анна?! — кричал кто-то. Голос то давал «петуха», то, наоборот, произносил какие-то слова или даже части слов басом.— Вы все заодно, скоты! Проклятые рабы!

Гадать по поводу того, кому принадлежал голос, не приходилось. Похоже, служанка была права, и *они* действительно обезумели.

— Спрячься куда-нибудь, — Ренольд, неприязненно поморщившись, выразительно взмахнул рукой. — Под кровать, что ли, заберись.

Едва служанка выполнила указание, как дверь с шумом распахнулась.

— Где эта шлюха?! — закричал с порога Боэмунд, сжимавший в руке длинный, больше похожий на меч, окровавленный кинжал. — У вас, матушка, спряталась?!!

— Боэмон! — воскликнула княгиня, оглядываясь на мужа. — Что ты себе позволяешь?! Что вообще происходит, сын?

— Не ваше дело, матушка! У вас эта дрянь?!

— Объяснитесь, ваша светлость! — потребовала Констанс. — Я ваша мать, государыня, или вы совсем утратили разум?! Не понимаете, с кем говорите?!

Княгиня вновь повернулась к мужу, ища у него поддержки, но Ренольд упорно молчал. Он лишь подал стражнику, перепуганная физиономия которого появилась в дверях, знак убраться, что воин и сделал с превеликим удовольствием.

— Ах простите, матушка! — кривя рот в язвительной усмешке, фальцетом пропел княжич. — Я совсем забыл. Извольте, потаскуха Милитена пролила воду из кувшина прямо на меня. Я начал ее учить, а тут подвернулся ее муженек... Где Анна? Я что, не волен в своих слугах? Я что, не князь здесь?

— Вы — княжич, наследник, — напомнила Констанс. — А князь, государь наш, его сиятельство сир Ренольд.

Боэмунд, до сих пор делавший вид, что кроме него и матери в спальне никого нет, с притворным удивлением уставился на отчима и произнес:

— О, простите, *ваше сиятельство*, я вас не заметил... *государь*.

Поскольку князь молчал, Боэмунд, не глядя на него, продолжал, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Надеюсь, Господь положит конец этому!

— Что ты хочешь сказать?! — прямо спросила княгиня. — Чему Господь должен положить конец?!

— Произволу, матушка, — гнусенько усмехнулся отрок и поспешил добавить: — Слуг, *ваше сиятельство*, слуг... Которых вы прячете! — закричал он и затопал ногами. — Это *мои* рабы! Мои! Я волен делать с ними, что хочу. Захочу, перережу всех!

Повернув голову к Ренольду, Боэмунд изобразил что-то вроде поклона:

— *Его сиятельство* пригонят новых. Ведь правда, *ваше сиятельство*? Если только его самого не упечет в башню базилевс, — добавил он очень тихо и, не дав никому опомниться, обратился к матери: — Где Анна?! Где сучка?! Здесь?! — Подбежав к шторе, княжич ткнул в нее кинжалом. — Нет! Может, здесь?!

Он проделал то же самое с другой портьерой, потом еще с одной. Затем подошел и перевернул столик, за которым часто сиживал бедный пилигрим из Шатийона во время визитов к даме своего сердца.

— Где она?! — взвизгнул отрок, хотя и прекрасно видел, что под столиком человек спрятаться не мог. — Ах вот она где, наверное?!

Разбушевавшийся юнец поспешил обратно к кровати и, встав на колени, заглянул под нее. Не увидев ничего там, он принялся тыкать в темноту кинжалом.

Это для Анны оказалось слишком. Девушка выбралась из-под кровати и с мольбами о помощи бросилась в угол. Чтобы настигнуть ее, торжествующему княжицу надо было пересечь комнату, но на пути его стоял князь.

— Пусти! — потребовал Боэмунд, оказавшись перед ним. — Пропустите, *ваше сиятельство*!

Ренольд и не думал двигаться. Вообще-то отрок мог и обойти князя, но...

— Дайте мне пройти! — закричал Боэмунд, и голос его, проделав все возможные модуляции, завершил в сущности очень короткую фразу самой высокой нотой, на которую только оказались способны связки княжича. — Дайте мне пройти! Пустите меня! — Затопал он ногами. — Дайте мне пройти!

Слово «пройти» упорно не давалось ему, всякий раз оно получалось отвратительно, потому что голос неизменно «киксовал» на нем.

Тогда Боэмунд решил ужесточить форму своего требования и закричал:

— С дороги, сволочь!

Лицо Ренольда скривилось в нехорошей усмешке.

— Ну подожди! Доберется до тебя базилевс. Посмотрим, как ты запоешь! — княжич развернулся и сделал шаг-другой назад, когда услышал у себя за спиной:

— А ты мне сейчас еще что-нибудь спой... птенчик. Кукареку, например.

Резко повернувшись на месте, Боэмунд шагнул вперед и сделал выпад кинжалом, целясь в грудь князя.

Обе женщины, и служанка и княгиня, дружно ахнули. Острие клинка устремилось в грудь Ренольду. Он отступил на два шага, уходя от смертоносного кинжала. Однако, промахнувшись, Боэмунд сумел сохранить равновесие и немедленно, сменив тактику, попытался ударить с размаху, как мечом.

На сей раз Ренольд, видимо, решил, что с него хватит и пора положить безобразию конец. Запястье отрока захрустело в могучих пальцах. Меч выпал из ослабевшей руки. Глаза пасынка и отчима встретились на секунду. В следующий момент он, сложив в кулак правую руку, коротко ударил по мерзкой физиономии княжича.

Ренольд разжал пальцы, и Боэмунд, не издав ни звука, рухнул на ковер.

— Боже,— прошептала Анна,— что с ним?

— Ты убил его? — с испугом спросила Констанс.

Князь покачал головой и, крикнув стражника, велел ему унести лишившегося сознания пасынка¹²⁵.

Оставшись вдвоем с княгиней, Ренольд заключил мрачно:

— Он не посмел бы так вести себя, если бы не чувствовал поддержки.

— Вы правы,— согласилась Констанс.— Это сторонники патриарха. Это они настраивают его против нас... Послушайте мудрого Жерара Латтакийского, ваше сиятельство. Езжайте к Мануилу.

Ехать к Мануилу? Ехать к Мануилу. Ехать к Мануилу!

То же самое говорил Ренольду и Ангерран, и другие приближенные, особенно те, кто был обязан своим благосостоянием и положением лично князю. В искренности их сомневаться не приходилось. Они советовали от души, не лукавя.

Что ж, славный коннетабль Иерусалимский Онфруа де Торон не зря указывал своему сюзерену на то, что Ренольд Антиохийский умеет слушаться добрых советов. В начале 1159 года Ренольд Антиохийский с дружиной, пройдя через Сирийские ворота, отправился к разбитому подле стен Мамистры лагерю базилевса.

Х

Говоря об императорах Византии, невольно представляешь себе долгобородых, седовласых старцев с мудрыми, но строгими глазами. Одного взгляда достаточно, чтобы понять, уж эти-то ребята знают, что делают, как никак, у них за спиной жизнь!

Что до мудрости, то, наверно, так оно и было. Константинополь всегда славился своей дипломатией. Двор любого из базилевсов мало походил на дворы тогдашней Европы, где все было устроено этак по-деревенски просто: народу немного, все на глазах. Все знали, кто любит посплетничать, посудачить, а то и шепнуть на ушко самому монарху про то да про се. Скорее уж если и сравнивать христианский Бизантиум, то не с Парижем или Лондоном, а с мусульманскими Багдадом или Каиром.

Пожалуй, именно в Константинополе и начиналась та самая Вавилония, завоевывать которую отправлялось на Восток уже не одно поколение рыцарей и простолюдинов из Франции и Англии, Германии и Италии. Наверное, поэтому они подсознательно чувствовали, где их настоящий враг. Мудрый, хитрый, более дальновидный, более, что ли, отесанный в жизни, точь-в-точь как ушлый горожанин в сравнении с деревенским недотепой, которого, как ни лезь он из кожи вон, все равно

обдурят, обведут вокруг пальца на рынке ли, в корчме ли, в суде или во дворце правителя. Ясно же, что попользуют они селянина, которому только и охота подражаться один на один, силушку показать.

Византия — совсем другая, Византия — Восток, а он, как известно, дело тонкое. Тут все — песчинки в ладони правителя, а потому нет здесь места для личной доблести. То есть есть, конечно, только служить она должна не для восхваления героя, а для возвеличивания божественной персоны базилевса. Тут никто не сражается на турнирах, не совершает подвигов во имя прекрасных дам. (Какие еще дамы?! Известно, где бабе место!) Разумеется, взаимоотношения Константинополя с Западом не могли не оказывать известного влияния на менталитет части нобилитета, однако по сути дела мало что менялось. Восток оставался Востоком, Запад Западом.

Впрочем, пытаясь представить себе Мануила Комнина в начале 1159 года, мы окажемся вынуждены существенно пересмотреть свой взгляд на облик и повадки византийских самодержцев. Прежде всего, в описываемый период времени базилевс еще не достиг даже сорокалетия. Он был всего на четыре года старше своего антиохийского вассала и на одиннадцать — новоиспеченного родственника, совсем еще молодого короля Бальдуэна Третьего.

В официальной обстановке дворцовых церемониалов Мануил вел себя как и полагалось помазаннику Божьему, однако «за кулисами» проявлял склонность к несвойственным византийской знати забавам. Он ценил личную доблесть, даже устраивал при дворе рыцарские турниры, благо западного дворянства при его особе всегда находилось немало. Латиняне любили Мануила за щедрость и за оказываемое им покровительство. Не раз случалось баронам Утремера, угодив в плен к сарацинам и получив свободу под обещание заплатить выкуп, направиться в Константинополь и попросить у базилевса помощи. Он редко обманывал ожидания просителей.

Наверное, в сердце Мануила жила страсть к вольной жизни, как-никак Коломан, отец его матери, венгерской принцессы Пирошки, был королем недавних кочевников-унгров. Может быть, он тяготился дворцовой

рутиной и мечтал в битвах врезаться во вражеские полки во главе отряда таких же бесшабашных удальцов?¹²⁶ Кто знает, возможно, в глубине души его гнездилась легкая зависть к таким, как Ренольд, способным запросто отправиться в набег куда захочется, а не продолжать завещанную отцом и дедом вековую войну с норманнами и турками, с болгарами и сербами.

Как бы там ни было, когда князь прибыл в лагерь под Мамистрой, базилевс, несмотря на письма патриарха Эмери, лишь напустил на себя строгий вид. Императору представлялось куда более целесообразным получить в лице Ренольда покорного (до поры, конечно) вассала, чем отдавать бразды правления княжеством в руки патриарха-схизматика, каковым, конечно, считал Эмери Мануил. Император также побаивался, как бы муженек племянницы Теодоры, не попросил Антиохию для себя, мол, для деток будущих.

Одним словом, как князь Антиохийский некогда наказал монсеньера Эмери к собственной выгоде, так же собирался поступить с самим Ренольдом и Мануил. Нет-нет, базилевс вовсе не собирался выставить князя на раскаленную крышу — занять Антиохию и вывернуть в свой карман княжескую казну император мог и так, тем более когда сам Ренольд находился в его власти. Нет, князя надлежало потыкать носом в... в пыль, вернув себе если уж не деньги, то престиж. Престиж, его поддержание — вот какую цель, как правильно считали добрые советчики князя, преследовал базилевс в сложившейся ситуации.

Зная об этом, наш кельт захватил с собой подходящий гардеробчик — костюм кающегося грешника. В таком вот облачении вместе со своими придворными он, уткнувшись лицом в землю перед помостом, на котором возвышался трон Мануила, и пролежал до тех пор, пока базилевс не сообразовал «заметить» его.

Происходило все это при большом скоплении народа, при иностранных послах, при собственном византийском нобилитете. В общем все было обставлено с надлежавшей помпой. Для начала, чтобы никто ничего не пропустил, вся антиохийская компания прошагала босиком и с непокрытыми головами по городу, а уж

потом только двинулась к лагерю. Базилевс безусловно достиг успеха. По мнению современников, латиняне в лице князя Антиохии *buvant une grande honte* — то есть, как выразился Гвильом Тирский, испили горькую чашу позора: «*Summa ignominie et populi nostri confusione*»¹²⁷.

Трудно поручиться, что именно сказал Ренольд в свое оправдание, однако можно не сомневаться, преданно глядя в глаза «отцу» (а как же, сюзерен для вассала все равно что отец или уж в крайнем случае старший брат), он обещал, что, конечно же, *больше так не будет*. При этом наверняка держал пальцы перекрещенными (в том случае, если подобный обычай тогда существовал).

Мануил выдвинул три условия. Первое: цитадель занимает византийский гарнизон. Второе: сам Ренольд в свою очередь направляет воинское соединение в императорскую армию (это, надо думать, затем, чтобы франки не вырезали ромеев, как только базилевс уберется восвояси). И наконец, третье: латинский патриарх в Антиохии заменяется греческим. (Выслушав последнее условие, князь, что вполне резонно предположить, внутренне трясся от смеха — то-то Эмери обрадуется!)

Однако не только патриарх, но и сам король Бальдуэн были в немалой степени ошарашены, когда, прибыв весной в Антиохию, обнаружили там улыбающегося и довольного жизнью Ренольда.

Правда он весьма скоро перестал улыбаться.

Бальдуэн вместе с братом Амориком и патриархом направились в лагерь базилевса перед Антиохией. Король, оставив графа с императором, вернулся оттуда нагруженный подарками. Взаимопонимание между родственниками явно упрочилось.

Видимо пользуясь благорасположением Мануила, Бальдуэн и Эмери убедили его, что он перегнул или (в зависимости от того, как посмотреть) недогнул палку. Так или иначе, состоялся акт формального примирения князя с монсеньером, после чего последний получил назад свою патриаршую кафедру.

Но даже и столь значительный факт оказался отнесенным из внимания горожан. События следовали одно

за другим с ошеломляющей быстротой, город буквально бурлил.

Не успел король вернуться в Антиохию и водворить патриарха в его собственные покои, как все узнали новость — базилевс намерен войти в город.

Несмотря на многочисленные предупреждения, что чернь умышляет заговор против божественной особы императора, Мануил не изменил желанию и торжественно въехал в Антиохию на Пасху 12 апреля 1159 года.

Византийские штандарты развевались на крыше цитадели, где всего четыре года назад принимал солнечные ванны благочестивый монсеньер Эмери Лиможский.

Открывали шествие этерии — императорские телохранители, варяжская стража, за ними верхом на прекрасном фессалийском жеребце в пурпурной мантии следовал сам базилевс, увенчанный диадемой. (Мало кто знал о том, что под роскошными одеяниями Мануила скрывалась очень плотная кольчуга, выполненная искусными мастерами, наподобие той, что некогда спасла Ренольду жизнь в коридорах королевского дворца в Иерусалиме.) Князь шел рядом, держа в руках уздечку коня Мануила, ему тем самым отводилась как бы роль грума, а следовавшим позади, также, разумеется, пешим, ноблям Антиохии и того хуже — конюхов. Следом верхом ехал Бальдуэн без оружия и короны, дальше приближенные базилевса. В воротах процессию встречал монсеньер Эмери в полном патриаршем облачении, а с ним и весь цвет клира. От ворот по улицам, устланным коврами, засыпанными множеством цветов, дорогого гостя и всю его свиту проводили сначала к собору святого Петра, а затем и во дворец.

Восемь дней не стихали пиршества, и все это время базилевс поражал воображение подданных, без устали раздавая щедрые подарки, как благородным рыцарям и знатым горожанам, так и черни.

Чтобы показать свое уважение к западным обычаям, Мануил устроил турнир, где восхитил франков, продемонстрировав им мастерство настоящего рыцаря.

Свитским базилевса также пришлось принять участие в состязаниях и пережить немало неприятных минут и даже позора, соревнуясь на ристалище с рыцарями. Тут византийским вельможам пришлось действовать на «чужом поле» — мастерство владения конем почиталось между ними куда меньше, чем искусство интриги.

Ренольд веселился со всеми, но на душе его скребли кошки. Дело было даже не в унижениях, не в том, что обстоятельства вынудили его признать сюзеренитет Мануила, не в том, что ему пришлось исполнять незавидную роль грума в императорской процессии. Все это отчасти компенсировалось участием в турнире, где князь не без удовольствия вышиб из седел нескольких увальней грифонов. Он даже самому базилевсу хотел предложить помериться силами в индивидуальном поединке, но тут уж враги были начеку, и ромеи и свои постарались сделать все, чтобы не допустить боя. Они хорошо понимали, чем это могло закончиться.

Особенно усердствовал Бальдуэн. Князь не без горечи обнаружил, как сильно изменился Иерусалимский король. Победенная сыном Мелисанда словно бы все равно брала верх, сын все более походил на нее, если не внешне, то внутренне. К тому же его, казалось, пленил блеск императорской диадемы, он как будто бы полностью подпал под обаяние своего порфирородного родственника. Впрочем, последний также благоволил мужу племянницы. Дошло до того, что, когда король на охоте, упав с лошади, сломал руку, Мануил вызвался на роль лекаря, уверив Бальдуэна, что превосходным образом знаком с медициной и даже лечил одно время заболевшего в Константинополе Конрада Германского.

Однако дружба кузена Констанс и базилевса, как все прочие вышеперечисленные неприятности, лишь углубляли горечь, наполнявшую сердце Ренольда, сама же она имела под собой иные основания. Тот старый сон, казалось уж ставший явью на Кипре, так и остался сном. Будто случилось так, что всадник, восседавший на белом коне, который попирал копытами горы драгоценностей, всадник, принимавший как должное подношения поданных, повернул свое лицо, и князь увидел... Мануила.

Да! Ему, ему, младшему сыну базилевса Иоанна, а не младшему сыну графа Жьена и сеньора Шатийона возносили хвалы и отдавали почести подданные государя Антиохийского, словно бы забыв о существовании своего князя¹²⁸.

* * *

Мануил ушел, и в Антиохию прибыли счастливые, отпущенные по его договору с Нур ед-Дином узники, которые лишь благодаря базилевсу обрели не чаемую уже свободу.

Казалось, на какое-то время все, даже князь и патриарх, по-настоящему примирились. Надо было принимать и как-то устраивать несчастных. Одни уезжали домой в Европу, иные оставались в Северной Сирии, другие отправлялись искать счастья южнее, в землях баронов королевства или даже в самом Иерусалиме. За кем-то приезжали близкие и родные, но у большинства не осталось никого, родственники поделили их имущество, а самих давно забыли.

Попадались среди пленников и видные особы, например великий магистр братства Бедных Рыцарей Храма Бертран де Бланфор.

Не успел князь и антиохийские тамплиеры проводить столь важную персону, как пришла весть о приезде старого знакомого Ренольда, Бертрана Тулузского, с ним вместе, к большой радости Ангеррана и удовольствию его молочного брата, пришел и Пьер, бывший грум бедного пилигрима из Шатийона.

В честь Бертрана князь дал несколько пиров, а когда отшумело веселье, принял графа приватно в маленьком зале, предназначенном для обедов в узком кругу. Все присутствовавшие на трапезе, включая и княгиню, вскоре удалились, и Ренольд остался с Бертраном в компании Ангеррана и нескольких слуг, которые ожидали распоряжений, сидя у стен поодаль, на набросанной на полу соломе.

— За ваше доброе здравье, сир Бертран,— проговорил князь, поднимая очередную чашу.

— Благодарю, ваше сиятельство,— ответил граф и, отпив немного, поставил кубок на стол.— Здоровье, это

как раз то, чего у меня больше нет,— добавил он с едва заметной горькой усмешкой.— Я уже не тот, что прежде.

— Ну, это вы бросьте, мессир! — стукнув по столешнице кулаком, нахмурился Ренольд. Он в отличие от гостя пил вволю.— Что значит, не такой? Я вас помню добрым рыцарем, а кто был таковым, не может стать другим! Правильно я говорю, Ангерран?.. Черт, все время забываю, что ты теперь рыцарь, извините, шевалье, вы ведь теперь мой маршалъ...

Молочный брат и правда уже три года носил звание маршала. Во избежании повторения ситуации, подобной той, что имела место в первом сражении с Враной на Кипре, князь, в дополнение к двум уже имевшимся маршалам, назначил Ангеррана на вторую по важности должность в военной иерархии княжества. Явление по тем временам обычное, тот же Нур ед-Дин, например, сделал своего молочного брата Маджд ед-Дина ни много ни мало правителем Алеппо.

Маршалъ? Князь? Граф? Нет, хозяин не желал чиниться, ему хотелось оказаться в этом пресловутом «как раньше».

— Давайте-ка запросто, как в старые времена?! — предложил он.— Ого! Вот за это и выпьем! За старые времена, идет?!

— Идет, ваше сиятельство,— согласился Бертран.— За старые времена я выпью.

— Вина! — закричал Ангерран. И слуги, моментально примчавшись, наполнили кубки господ.

— Ваш тост, мессир Бертран! — воскликнул князь.— И перестаньте называть меня сиятельством, а то я вас обратно к туркам отправлю!

Лангедокец встрепенулся, губы его задрожали, в потухших глазах вспыхнул огонь. Заметив его волнение, хозяин поспешил с извинениями.

— Простите меня, мессир! — в искреннем порыве воскликнул он.— Клянусь муками Господними, я не думал, что говорил! Я знаю, как несладко вам пришлось, и корю себя за то, что не остался сражаться с вами,— признался он, стараясь не смотреть в глаза гостю.— Ей-богу, сколько лет прошло, а я все вспоминаю об этом...

— Бросьте, ваше сиятельство,— примирительным тоном проговорил Бертран.— Что толку, если бы вы

тогда остались? Только и было бы у неверных, что на одного знатного пленника больше. К тому же, спасаясь от них, вы подали нам сигнал, и неверные не смогли застать нас врасплох. Только что это изменило? Ведь их были тьмы... Пожалуй, ваш тост мы еще выпьем, а теперь я предлагаю поднять чашу за то, чтобы добрым христианам никогда не бывать в плену у язычников и не терпеть того, что претерпел я и прочие, томившиеся в узилищах у Нур ед-Дина.

Князь и маршал Антиохии единодушно поддержали предложение лангедокца, потом все вместе отдали дань *старым временам*, а затем вновь вернулись к теме плена.

— Будь они прокляты, язычники,— проговорил Бертран.— Будь они прокляты. Хотя и их понять можно... Сидишь, сидишь у них годами. Нет, лучше уж не попадаться.

— Да, мессир,— покачал головой Ангерран,— вы изрядно претерпели. Шутка ли сказать, сколько лет?

— Десять лет,— устало произнес граф.— Почитай, одиннадцать. Благодаренье Богу, все кончилось.

— Выпьем за это! — предложил Ренольд.— Эй, вы там! Вина!

Вино было налито, вино было выпито. И еще и еще налито, и снова и снова выпито.

— Послушайте, мессир! — вдруг воскликнул князь, как будто трезвея на глазах, точно каждый новый кубок умалял крепость выпитого ранее.— А отчего бы нам с вами не взгреть кое-кого? Что скажете, если я предложу вам вернуть дедово графство?

Гость удивленно уставился на хозяина. Лангедокец не лукавил, здоровье он и в самом деле подрастерял, наверное, оставил в подземелье одной из башен Алеппо. Вино пьянило Бертрана сильнее, чем двух других участников пирушки.

— Отчего же? — Он кивнул и повторил: — Отчего же?! Если сумеем собраться так, чтобы никто не заподозрил наших планов? Ведь отсюда до Монпельрена, где родился мой отец, много ближе, чем до Иерусалима?

Увидев радостный блеск в глазах гостя, Ренольд подхватил:

— От Латтакии меньше двадцати лье! Можно договориться с храмовниками, они держат Тортосу! Я сегодня же перешлюсь с сиром Вальтером, мы с ним старые друзья. А оттуда всего десять лье. Если идти ночью с хорошим проводником, меняя коней, утром можно захватить город врасплох! Главное, чтобы они не успели закрыть ворота!..— Однако, как ни увлечен был князь идеей, он все же осознавал, что выдает желаемое за действительное, в чем и признался: — Нет... по сути скрытно подобраться к ним нам не удастся, но... А почему бы нам не отобрать несколько десятков самых храбрых воинов и не сесть с ними на торговые суда, нарядившись купцами? Мы вошли бы в гавань и в подходящий момент, достав мечи, проложили бы себе путь во дворец, а захватив узурпатора и графиню Одьерн, заперлись бы в цитадели! Тем временем дружина Антиохии ударила бы на город!

При всей своей дикости, план мог и сработать. Если бы он удался, Ренольд имел бы полное право считать, что подложил хорошую свинью королю и особенно Мелисанде. Пусть бы попробовали оспорить права умудренного годами страдальца, сына основателя графства перед его же девятнадцатилетним правнуком?

— А тамплиеры и правда могут поддержать нас? — не веря удаче, спросил лангедокец.— Впрочем, что я говорю? Ведь я беседовал с их магистром, сиром Бертраном де Бланфором, он был возмущен тем, как поступил со мной узурпатор Раймунд! Клянусь, может быть это и грех, может это не по-христиански, но я радовался его смерти!

— Раймунд? — переспросил князь, испытующе глядя на гостя.— Полноте, мессир, кто он? Жалкий узурпатор, как вы сами только что сказали!

Бертран насупился, он свел брови, и его лоб покрылся множеством морщин:

— Не хотите ли вы сказать, мессир, что...

— Вы догадались? — спросил Ренольд. Некоторое время он смотрел на лангедокца, не сводя глаз с его усталого лица, а потом кивнул: — Впрочем, я и сам вижу, что мои разъяснения ни к чему.

— Королева Мелисанда? — проговорил Бертран, будто не веря самому себе, и добавил с горечью: — Да,

я слышал об этом. Даже великий магистр Бертран намекнул мне как-то раз, но очень уклончиво... Я не хотел верить. Одно дело узурпатор, другое... Я был уверен, что он послал гонца к туркам, после того как мы его так славно разбили, но если не он...

Гость все еще не желал верить, что обязан своим пленением не сопернику, давно уже покойному графу Раймунду, которого называл или «он» или «узурпатор», а самой королеве Утремера.

— Так чего же ждать в этой стране? — неожиданно спросил Бертран. — На что надеяться?

Заметив резкую перемену в настроении гостя, Ренольд спросил его:

— Так как вам мое предложение, мессир? Стоило оно того, чтобы выслушать его?

Князь ожидал, что лангедодец воскликнет что-то вроде: «Конечно, мессир! Я рад, что нашел в вас поддержку! Как прекрасно, что теперь мы снова вместе! Ну уж нынче-то мы ни за что не попадем впросак! Теперь мы покажем им!»

Однако Бертран молчал, точно обдумывая что-то. Если бы Ренольд не был так весел и захвачен собственной идеей, он по тому, как быстро и необратимо менялось выражение лица лангедокца, возможно бы понял, какого ответа ему стоит ожидать. Но князь не желал ничего понимать, мысль взять Триполи и тем самым восстановить справедливость полностью захватила его одурманенное сознание. Как здорово, одним ударом компенсировать симпатичному человеку ущерб, взять реванш за потерянные им годы, а заодно и отомстить Бальдуэну за его альянс с базилевсом и дружбу с Эмери. Но самое главное — наказать «христоробивую» старую лису, лицемерку, покровительницу святош, королеву-мать!

— Пусть подадут еще вина, Ангерран, — не находя в себе сил ждать, когда гость соберется с мыслями для ответа, приказал князь. — Мессиру Бертрану надо все как следует обдумать! Тут не обойтись без чарки!

Бывший оруженосец, разумеется, передал распоряжение сеньора, однако в отличие от последнего он видел, что происходит нечто неожиданное, и опасался, как бы отказ гостя не взбесил хозяина.

Приказывая слугам, Ангерран вдруг с удивлением заметил среди них Пьера и, подозревая его, спросил тихо:

— А ты что тут делаешь?

— Хочу наглядеться на господина, да и на тебя, то есть на вас, мессир. Раз уж Господь даровал мне счастье видеть вас в богатстве и почете,— проговорил грум. Бывший оруженосец, по воле господина перешагнувший барьер, отделявший людей знатных от черни, и высоко поднявшийся по иерархической лестнице, заметил, что лицо вернувшегося из плена Пьера приобрело новое, слово бы приклеившееся к нему виноватое выражение, какого Ангерран раньше не замечал.— Спасибо Всевышнему, что так все повернулось, я уж и не чаял, совсем не чаял. Благословен сеньор наш, что не прогнал меня, сирого, приютил, пригрел беднягу. И вы мессир, и вы будьте благословенны за вашу доброту. Уж как натерпелся я от неверных, как натерпелся...

Ангеррану вдруг стало неловко.

— Брось ты, Пьер,— сказал он с укором.— Князь наш — это да, а я... Перестань, какой я тебе сеньор? Помнишь старые времена? Помнишь Жьен? А Шатийон? Помнишь?..

— Эй вы там? — Ренольд, не знавший куда себя деть из-за молчания гостя, погрозил Ангеррану и Пьеру пальцем и проговорил: — Мы с сиром Бертраном собираемся кое-кого поприжать... Как это у язычников зовется?.. — он защелкал пальцами.— Разъя, так? Разъя! Тебе, Пьер, нельзя ничего знать раньше времени. Ты иди... ступай отсюда... — Ренольд вытащил из кошелька золотой и, бросив его груму, сказал: — На, купи себе что-нибудь или найди какую-нибудь шлюшку попокладистее. А теперь ступай, не мешай нам с сеньорами обсуждать важные планы.

Напрасно князь прогонял грума, напрасно распалаял себя, напрасно томился ожиданием. Годы плена сделали Бертрана Тулузского медлительным человеком. Но все когда-нибудь кончается, кончилось и его молчание и он наконец открыл рот.

— Благодарю вас, ваше сиятельство,— проговорил гость негромко.— За то, что хотели помочь тогда, за то, что остались другом и теперь...

— Так ведь за правое дело! — воскликнул Ренольд. Лангедокец кивнул, он слово бы даже и не заметил, что его перебили, и продолжал:

— Я был бы рад принять ваше предложение. Более того, если бы дело удалось, я стал бы считать себя обязанным вам на всю жизнь, и вы не нашли бы лучшего друга во всей здешней земле, друга, готового придти к вам на помощь по первому зову. Клянусь всеми святыми, клянусь муками Господними, что так бы оно и было, но... я отвечу — нет. И прошу вас, ваше сиятельство, не держите на меня обиды за это.

— Но почему?! — недоумевал Ренольд. — Вы не верите в успех?!

Ангерран напрягся. Однако Бертран покачал головой и сказал:

— Верю, потому-то и отвергаю ваше предложение.

— Как это? — хором спросили князь и его бывший оруженосец.

Бертран посмотрел на обоих взглядом, полным неведомой им тоски, и вдруг, глубоко вздохнув, неожиданно спросил:

— Помните Оргвиллозу, мессир?

Пожалуй, ничего неожиданного в этом вопросе не было, ведь Оргвиллозой¹²⁹ звали сестру Бертрана, не очень красивую, но безусловно умную и добросердечную девушку, которой в том роковом сорок девятом году пришла уже пора входить замуж.

— Да... — Ренольд нахмурился. Он, признаться, забыл о бедняжке, она, по его мнению, не принадлежала к числу дам, которых следует помнить. — Что с ней? Я слышал, что она стала женой Магреддина?

Лангедокец покачал головой и, вновь тяжело вздохнув, произнес:

— Нет. Гордую мою Оргвиллозу продали в рабство...

— Но люди говорят... — начал было Ренольд, но умолк.

— Люди просто хотят верить в лучшее. Если благородную даму продают, как простую крестьянку и дочь ремесленника, то на что надеяться последним? — спросил Бертран. Ответа он не ждал. — Язычник и верно хотел взять ее в свой гарем, но она сказала, что скорее

предпочтет смерть, чем станет его женой. Гордая моя Оргвиллоза так и осталась гордой... Я знаю, что она не вынесла тягот рабства и умерла, а люди... люди всегда хотят верить в лучшее.

Помолчав немного, он продолжал:

— И я всегда хотел верить, что... что именно узурпатор, убийца моего отца, навел на нас турок. Хотя теперь и понимаю, что никогда на самом деле не верил в это. Во всяком случае, последние годы. Если бы он один был виновником моих несчастий, тогда бы я принял ваше предложение, чтобы отомстить его сыну за злодеяния отца, хотя бы за то, что пришлось претерпеть моей сестре. Но я не хочу быть вассалом короля, мать которого предает христиан в руки неверных... Кроме того, я все это время мечтал о Лангедоке, мне снилась Тулуза... Франция. Я не хочу оставаться здесь... Давайте выпьем за вас, ваше сиятельство, за ваше храброе и отзывчивое сердце. И не приведи вам Господь угодить в плен к неверным!

С этими словами Бертран поднял кубок и, еще раз повторив: «За вас, мессир!», выпил все до капли. Ренольду и Ангеррану не оставалось ничего другого, как последовать примеру гостя.

Через несколько дней Бертран Тулузский и несколько десятков лангедокцев, вернувшихся с ним из Алеппо, отправились в Сен-Симеон, чтобы отплыть на родину.

Ренольд и его бывший оруженосец не раз и не два потом вспоминали слова брата гордой Оргвиллозы, пытаясь понять глубоко затаившийся в них смысл. Они знали, что он есть, но никак не могли уловить его.

XI

В тот год с начала ноября погода на побережье стала необычайно быстро портиться: жаркие солнечные дни все чаще сменялись дождливыми, задували холодные ветры, заставляя теплолюбивых жителей Заморского Лангедока искать убежища в полумраке жилищ у очага.

Очаг. Камин или просто костер, разведенный прямо на земляном полу нищей лачуги. Благословен же будь в веках, Господь, даровавший людям огонь. Именно около него и рождаются великие цивилизации, именно он и пожирает их — сотворенное человеком непрочно и недолговечно. То ли дело Бог?!

Несмотря на то что еще не рассвело и до первого часа утра оставалось немало времени, двое обитателей (хозяин и гость) небольшой, но довольно уютной гостиной в домике неподалеку от триполисской цитадели уже пробудились. Хозяин позвал слугу, велел ему растопить погасшую жаровню и подать господам подогретого вина с пряностями, а также разнообразных мясных и рыбных кушаний, вареных яиц, сыра и хлеба. Всю эту снедь, способную насытить по меньшей мере полдюжины крепких мужчин, оба едока поглощали с завидным аппетитом. Особенно усердствовал младший из них, гость.

Поневоле возникала мысль: «В чем причина такого голода? Может, следовало бы заглянуть в спальню, где, надо думать, нежились в постели ленивые феи любви? Или же она одна — не редко ведь рыцарям доводится делить случайную подружку, — но столь жадна до ласк, что так опустошила молодого человека, который все никак не мог восстановить потраченную энергию?»

Нет нужды беспокоиться, поскольку кровать пуста, но не потому, что любвеобильная пташка выпорхнула, стремясь поскорее возвратиться домой, пока там, пробудившись по утрам, муж или отец не заметил исчезновения блудодеицы. Откроем секрет, молодые люди не приятели, их связывают, как сказали бы мы сегодня, деловые отношения. Однако, помимо этого есть и нечто другое, что объединяет их, они — любовники. Ничего особенного, такое случалось, случается и будет случаться, пока стоит свет, пока живут в нем люди.

Однополая любовь, что влечет в ней мужчин и женщин? Есть разные точки зрения, но мы лишь пожмем плечами и пойдем дальше, потому что нас интересует другое. Прежде всего — кто они?

Несколько раз казалось, что гость уже насытился, он рыгал, откидываясь на высокую спинку резного дубового стула, и смотрел на еду едва ли не с отвращением. Однако, уже скоро выражение его глаз менялось, и он вновь протягивал руку к яствам, столь вкусны они были. Хозяин утолил голод гораздо раньше и потому задумчиво смотрел на пламя камина, лишь изредка бросая взгляды на молодого человека. Впрочем, определение «молодой» не вполне подходило здесь, так как хозяину скоро исполнялось тридцать три года, а его любовнику было двадцать восемь. Правда, поскольку выглядели оба, не слишком высокие и широкие в плечах, довольно молодо, мы, пожалуй, оставим в силе это определение.

— Будешь еще? — спросил хозяин, в очередной раз взглянув на гостя, чтобы определить по его лицу, сыт ли он.

Так и оказалось, хозяин позвал слугу, который убрал еду, оставив, однако, кувшин с вином и наполнив небольшие серебряные кубки, из которых пили господа.

— Как дела в Наплузе? — спросил младший из двоих.— Ты так и не успел толком рассказать мне, Жюльен.

Они не виделись довольно долго. Хозяин только вчера возвратился из города королевы Мелисанды, и они, как и полагается страстным любовникам, немедленно бросились друг другу в объятия, потом надо было подкрепиться, и вот, наконец, пришло время поговорить о делах.

— Королева плоха, мой друг, — со вздохом проговорил Жюльен. Он потрогал завязки камзола и, улыбнувшись, неожиданно сказал: — Странно, я уже отвык от мужского костюма... Она больше не воспринимает меня как Жюльена, я для нее только Аспазия. Впрочем, при дворе я не могу появляться иначе, как в женском платье, скрывая лицо под вуалью. Меня там многие знают...

Говоря об окружении Мелисанды, он совершенно естественно произнес слово «двор», несмотря на то что настоящий двор находился в Иерусалиме. Трудно сказать почему, но гость занервничал, услышав о том, что здоровье королевы ухудшилось. Может быть он очень

любил ту, которой служил? Хозяин между тем продолжал:

— Думаю я, что до следующей осени она не дотянет. Печально, она так хотела дожидаться рождения внука...

— Но, говорят, графиня Агнесса снова беременна? — с некоторым удивлением проронил гость, он точно хотел сказать: «Уж если я об этом знаю, так ты-то и подавно!»

Однако Жюльен покачал головой.

— Речь не о графине, — внимательно глядя в лицо любовнику, проговорил он. — Никто не принимает их всерьез. Королева хотела бы видеть на троне внука того, кого любила, а не...

— Что? Что? — гость даже открыл рот. — Я поверить не могу! Неужели это правда?

— Это не такой уж большой секрет, — усмехнулся Жюльен. — Впрочем, оттого-то, наверное, многие и не верят в то, что своего первенца королева зачала от Юго дю Пьюзе. Если бы тайна тщательно охранялась, все население Утремера поголовно только бы об этом и судачило, а так... Ох люди, люди...

— Так это правда?

— Да, — кивнул хозяин. — Конечно. Королева сама говорила мне. Она не раз рассказывала о их романе. Поверь, я плакал, настолько это душераздирающая история...

— Но ведь она уже года полтора была тогда замужем за королем Фульке? — все еще не желая верить, спросил гость. — Как же она может сказать, от кого из них родился король?

Жюльен покровительственно улыбнулся и, точно взрослый ребенку, ответил:

— Поверь, Расул, женщины знают, от кого беременеют. Особенно если речь идет не о заезжем молодце, а о том, кого они любят. Для женщины нет выше счастья, чем родить ребенка от возлюбленного, подарить ему сына, даже если тот никогда не сможет назвать дитя своим. Такая уж у них доля...

— Откуда ты все это знаешь? — Молодому человеку не понравились и тон Жюльена, и смысл сказанного им. — Ты-то родился мужчиной.

— Мальчиком, — поправил хозяин. — Но жизнь обошлась со мной... Господь Бог дал мне счастье, впрочем получая его, я проклинал свою долю, наивно полагая, что Он наказал меня за какие-то страшные грехи, как видно совершенные моими родителями. Никогда не знаешь, где твое счастье. Только Всевышнему ведомо это...

— О чем ты говоришь?! — оборвал любовника Расул. — Мне надоели эти туманные разговоры! Где мои шпоры?! Я думал, ты скажешь, что королева призовет меня теперь, но ты лишь повторяешь всякие сплетни! Какое мне дело до, того, от кого она родила своего ублюдка!

Жюльен предостерегающе поднял руку:

— Осторожно! Ты говоришь о короле!

— Эка невидаль?! О графе Раймунде, папаше нынешнего щенка, что правит здесь, тоже нельзя было сказать плохого слова. Упаси Господи! Немедленно окажешься в подвале, а то и на плахе! И что же? Твои приятели из Масьяфа зарезали его, как свинью в воротах собственного города! Честь?! Благородство?! Кровь?! Высокородная дама Одьерн не брезговала спариваться со слугами. Так что и черт теперь не поймет, чей сын граф Раймунд и чья дочь его сестра! Может быть, конюха? Или лакея? Или проезжего рыцаря?..

Расул смотрел на любовника победителем. Мол, попробуй возразить мне?! Проснувшись в нем задиристость делала молодого человека похожим на горного орла, что напоминало Жюльену о происхождении приятеля, вообразившего себя незаконнорожденным сыном какого-то армянского нобля. Парень, еще будучи отроком, уверился в этом и упорно не желал считать себя тем, кем на деле являлся, вторым сыном корчмаря Аршака, замученного в подвалах Антиохийской цитадели одиннадцать с лишним лет назад.

С тех пор Рубен, так прежде звали Расула, не раз ездил гонцом к Нур ед-Дину, бывал он и в Дамаске, и в Каире, и в Константинополе. Прозвище молодого человека говорило само за себя, ведь «расул» по-арабски и значит «посланник». Мечтой Рубена-Расула являлись рыцарские шпоры, иначе говоря, он хотел стать дворянином. Однако исполнение страстного желания все от-

кладывалось, порой он даже чувствовал себя ослом, перед носом которого махали торбой с овсом.

— Ты сам себе противоречишь, мой мальчик,— с некоторой укоризной в голосе проговорил Жюльен.— Неужели ты не понимаешь, что быть простым рыцарем, владеть клочком земли или даже небольшим замком, а это максимум, на что ты можешь рассчитывать, куда хуже, чем быть тем, кем ты стал. Любой из рыцарей погибнет, и его фьеф перейдет к сыну, а если такового не окажется, обратно к сюзерену. Так-то! И никто не вспомнит о кавалларии Рубена.

Хозяин сделал паузу и не без удовольствия отметил, как изменилось выражение лица гостя. Уздечка, которую Жюльен надел на Рубена много лет назад, не нуждалась в починке. Всадник мог смело натягивать и отпускать по своему желанию поводья, конь станет слушаться его, как прежде.

Доверенное лицо королевы Мелисанды и еще доброй дюжины правителей разного ранга и вероисповедания, как светских, так и духовных; человек без определенного пола и имени считал себя выше всех тех, кому служил, и внушал это же своему любовнику. Впрочем, уложить уже познавшего женщину Рубена в постель и убедить его в том, что однополая любовь много сильнее и выше традиционной, оказалось куда проще, чем заставить его забыть о мечте. Хотя здесь Жюльену не следовало добиваться полного успеха, куда вернее было держать Рубена между небом и землей.

— Некогда и я мечтал стать рыцарем,— продолжал хозяин.— У меня имелись на то основания. Ведь мой отец служил князю Боэмунду Второму и сложил голову вместе с ним на реке Пирам. Мне тогда едва исполнилось два года, как и дочери Боэмунда, Констанс. Спустя шесть лет умерла и мать. Сестру отдали на воспитание в монастырь. Именно там обнаружила ее королева Мелисанда, но не об этом сейчас речь...

Жюльен сделал небольшую паузу, чтобы промочить горло. Он отпил несколько глотков и, поставив кубок на место, повел рассказ дальше:

— Меня определили на службу к рыцарю Бруно, как и полагается, в качестве дамуазо. Он приехал в

город из Калабрии уже после гибели князя и, как говорили, водил весьма близкую дружбу с молодой вдовой, Алис Антиохийской. Потом-то я точно узнал, что это правда. Однако, несмотря на внимание столь высокой особы, Бруно не брезговал ни служанками, ни горничными, ни оруженосцами, ни пажами... У него было большое и любвеобильное сердце. Но дело не в его сердце, во всяком случае княгиня любила Бруно не за это. Ее, я уверен, привлекали размеры его клинка.

Сделав многозначительную паузу, хозяин продолжал:

— Тогда я ничего не понимал в этом, но скоро мне представился шанс расширить свои познания в данном вопросе. Как-то летом стояла жара, и мы купали коней в реке. Тут же развели костер и устроили хорошую трапезу, поесть Бруно тоже любил. Он мог за один присест слопать половину барана.

Произнося эти слова, Жюльен посмотрел на гостя с нежностью, несмотря на то что тот продолжал сидеть насупившись. Наконец Расул не выдержал и, пожав плечами, произнес:

— Ты мне никогда не рассказывал про этого Бруно. Да и про княгиню Алис тоже. И я даже не знал, что твой отец — рыцарь, что он погиб вместе с князем Бозмундом.

В голосе гостя чувствовалось какое-то особенное уважение.

«Господи, — усмехнулся про себя хозяин, — ну почему люди так глупы? Почему они так благоговеют перед громкими именами и титулами?»

Вслух он сказал нечто другое.

— Алис страшно не нравилось собственное имя. Например, Бруно называл ее Аделаидой, ей это было куда больше по вкусу.

— Ну так и что с этим Бруно? — поинтересовался Расул, чувствуя, что услышит нечто интересное и уж во всяком случае новое. Получалось, что, несмотря на двенадцать лет сотрудничества с Жюльеном, Рубен практически ничего не знал о прошлом человека, чьи опасные поручения выполнял. — Что же случилось в тот день?

— Тот день чуть не стал последним в моей жизни,— ответил рассказчик.— Я был довольно крупным для своих лет. Многие считали, что мне десять, а иные думали даже, что одиннадцать. Но я точно знал, что родился в один год с княжной, стало быть, мне недавно сравнялось восемь. Пока мы купали коней, Бруно очень внимательно разглядывал меня, а потом, когда все начали есть, дал мне целый кубок неразбавленного вина. Таким мальчикам, как я, обычно доливали воды до половины или даже на две трети чаши. Я выпил его с жадностью, потому что Бруно любил, чтобы к еде подавали всякие приправы. У меня внутри все просто горело, и я был рад залить огонь жажды...

— А потом?

— Потом Бруно сказал, что покажет мне что-то очень интересное и отвел меня в сторону, где росли кедры и еще какой-то кустарник. Я, конечно, кричал от страха и от боли, но никто не посмел помешать ему, ведь он был хотя и не слишком знатного рода, но господин, к тому же друг княгини, а я ничтожество, жалкий сирота, жалобы которого никто не стал бы и слушать. Бруно недооценил мощи своего клинка, и я чуть не умер. Спасибо Омелии, фрейлине княгини Алис, которая спасла меня, вылечила мазями и отварами из трав. Она знала их великое множество...

— Налить? — спросил Рубен, видя, что Жюльен остановился. Хозяин кивнул, и гость наполнил кубки. Оба выпили, после чего рассказ продолжился.

— Когда я оправился, что-то во мне изменилось, я начал чувствовать себя как-то иначе. Во-первых, я стал худеть, и рост мой замедлился. Во-вторых, я перестал быть тем, кем казался себе и окружающим. Я больше не ощущал себя мальчиком, хотя, оставшись во дворце, продолжал делать все, что полагалось отрокам из дворянских семей, готовился стать рыцарем, постигал воинскую науку. Об этом нет нужды распространяться, обычное дело. Я очень привязался к своей спасительнице и не слишком-то удивлялся некоторым странностям ее поведения. Когда мы оставались одни, она заставляла меня наряжаться девочкой. Она тискала и ласкала меня. Говорила, что хотела бы иметь такую дочку...

— А у нее были дети? — перебил Расул.

Жюльен покачал головой:

— Нет. Она не могла родить. Иные говорили, что это порча, а другие, что все дело в колдовстве, которым будто занималась Омелия. Мол, Бог наказал ее за грехи. Я-то знаю, что никакое колдовство тут не причем. Просто у нее практически не было возможности забеременеть. Она отгоняла от себя мужчин, предпочитая им... меня и других молоденьких девушек.

Рубен опорожнил кубок и жестом попросил хозяина остановиться.

— Погоди-ка, Жюльен, — сказал он. — Что ты имел в виду, говоря «меня и других молоденьких девушек»? Ты ведь не девушка. Я хочу сказать, ты... м-м-м... не женщина...

— Разве? — лукаво улыбнулся хозяин. — Верно, я лучше!

— М-м-м... — снова замычал Расул. — Я не это хотел сказать...

— Я знаю, — Жюльен кивнул, — знаю, что ты хотел сказать. Просто Омелия считала, что настоящее удовольствие женщина способна получить только от женщины. Потому что, как она полагала, мужчины — животные, жеребцы и свиньи, неспособные на чувства. И все же в природе этой милой дамы сохранилась какая-то тяга к противоположному полу. В общем, я устраивал ее более других. Между тем очень скоро в нашей мирной жизни наступили перемены. Началось все с того, что погиб доблестный Бруно. Он очень неудачно упал с лошади, говорят, она взбесилась, хотя прежде считалась одной из самых покладистых кобыл...

Сказав это, Жюльен как-то по-особенному посмотрел на своего гостя, отчего тот спросил:

— Ее в тот день поили отдельно?

— Молодец, — похвалил любовник. — Ты многому научился... Но то было лишь начало. Княгиня очень жалела о потере, но вскоре пришло известие о том, что в Антиохию едет претендент на руку и сердце княжны Констанс. Красавец Раймунд де Пуатье более подходил для вдовы. Но он обманул бедняжку Алис... Впрочем, эту историю ты знаешь. Нам пришлось удалиться в Лат-

такию, во вдовый удел. Я приехал туда уже девочкой Иветтой, так сразу стала звать меня Омелия. Через шесть лет в Акре по приказу короля Фульке мученически умертвили мою сестру, и королева Мелисанда призвала меня к себе. Аспазия, так звали мою сестру, рассказывала обо мне своей госпоже. Это произошло летом, а осенью охотничья лошадь короля неожиданно понесла... Он упал так неудачно, что седло проломило ему голову.

— Говорили, будто все было не так? — с недоверием проговорил Расул.

Жюльен рассмеялся.

— Ты мне не веришь, мой мальчик? — с искренним удивлением спросил он. — Полно, уж ты-то знаешь едва ли не больше всех. Тебе известно, что я кое-что понимаю в травах, ведь Омелия научила меня не только ласкам амазонок.

— Я говорю не об этом, — замотал головой Рубен. — Говорили, будто это колдовство? Будто королева продала душу Бафомету?

Задав этот вопрос, гость наскоро перекрестился и выжидающе уставился на любовника.

Тот молчал довольно долго, а потом, пожав плечами, сказал:

— Аспазия тоже хорошо разбиралась в травах, как, впрочем, и сама королева, которая как-то обмолвилась мне о том, что не раз бывала в аду и в раю. Может быть, она где-нибудь встречалась и с дьяволом. Есть снадобья, вызывающие ощущения сродни тем, которые появляются, когда вдыхаешь аромат ашшиса...

— Это зелье, которое в большой чести у твоих друзей, живущих в Носайрийских горах?

— Верно, — согласился Жюльен. — Они даже и прозвище свое получили из-за него¹³⁰. Ты пробовал это снадобье и знаешь, какое блаженство можно испытать благодаря ему.

Расул кивнул, и любовники надолго умолкли.

Молчание прервал старший.

— Теперь, надеюсь, ты не будешь так злиться, — проговорил он, поднимая глаза на товарища. — Ты получишь то, к чему стремишься. Но подожди немного, нам нужно еще завершить два дела.

— Два? — переспросил Рубен. — Какое же второе?

— Я бы спросил, какое первое? — улыбнулся Жюльен.

— Разве это не то дело, известий о котором мы ожидаемся?

— Верно, — подтвердил хозяин.

Гость знал по опыту, что любовник не любит бросать слов на ветер, но все же поинтересовался:

— Но кто сказал, что он непременно отправится на восток этой осенью?

— Тому есть с десяток причин, — начал Жюльен. — Возьмем хотя бы ту, что казна князя вновь опустела. Щедрый базилевс не скупился на дары, однако ж мощну своего вассала порастряс. Припомнил ему геройства на Кипре...

— Я вообще поразился, что *его сиятельство* так легко отделался, — покачал головой Рубен. — Все думали, божественный Мануил сотрет его в порошок.

— Не говори за всех, — хозяин поднял указательный палец. — Я так не думал. Но не будем отвлекаться. Есть еще причина — князь терпеть не может сидеть на одном месте. Как донес мне мой человек из Антиохии, в прошлом году он предлагал Бертрану Тулузскому захватить этот город. Тот отказался, вот *его сиятельство* и стали думать, куда же ему податься? На юге — Триполи, а повод порезвиться здесь утратился вместе с отъездом Бертрана. На севере — Киликия, там теперь правит византийский дука. На западе Кипр, соваться туда даже Ренольду не захочется еще лет по крайней мере пять. Как видишь, остается только восток.

— Но это же безумие! — воскликнул Рубен. — Нур ед-Дин отрастил теперь такие зубы, что он сожрет князя вместе с потрохами, если тот только сунется к Алеппо.

— А кто сказал, что наш красавчик собирается в Алеппо?

— Ты же сам говорил, что ему больше некуда деваться? — проговорил Рубен с искренним удивлением. — Разве нет?

Жюльен взял кинжал и принялся чертить им прямо по столешнице.

— Вот Черная Гора, Аман, как называют его агаряне, или по-гречески Маврон Орос. Тут Сирийские ворота,— пояснял он свой нехитрый чертеж.— Вот Алеппо, южнее Хама и Хомс. Севернее и западнее, вот здесь, центральный Тавр, или Анти-Тавр, а тут восточный, его еще называют армянским...

— Ну и что?

— Ничего. Думаю, скорее всего князь пойдет к Айнтабу и Дулуку, замки штурмовать не станет. Ему нет нужды в этом. Все куда проще, пастухи-язычники, живущие там, на зиму уводят свой скот в долину Евфрата, так как в горах становится недостаточно корма. Они кочуют с семьями и всем своим добром. Так как животным требуется определенный простор, на каждое большое стадо приходится всего несколько семей. Людей там не много, а чем поживиться найдется. Понимаешь, что это значит?

Рубен медленно кивнул и произнес:

— Если налететь на них даже с малой дружиной, можно взять хорошую добычу. Но... ведь Нур ед-Дин не спустит ему этого?

— Если захочет, спустит.

— Едва ли он захочет,— покачал головой гость.— Бальдуэну три года назад дорого обошелся подобный же трюк в окрестностях Баниаса. Потерял всю дружину и сам чуть не угодил в плен.

— Правильно,— согласился Жюльен,— но это было до прихода базилевса. Нур ед-Дин не захочет портить с ним отношения из-за каких-то пастухов. Просто пожалуется Мануилу, тот напишет в Антиохию. Что-нибудь, возможно, князь и вернет, но думаю не многое... Впрочем, мы как раз и не должны допустить, чтобы предприятие удалось.

Расул поднял голову и внимательно уставился на любовника, как поступал довольно часто, пытаясь угадать, что он скажет дальше.

— Надо предупредить Магреддина, так?

— Так. Как только мы узнаем, что князь выступил в поход, ты поедешь в Алеппо к молочному брату Надежды Правоверных. А уж остальное — их дело.

— Хорошо,— согласился Рубен, однако спросил: —

А отчего бы нам не обратиться к твоим приятелям? Это ведь куда ближе, не так ли?

— Самый короткий путь не всегда самый верный, — усмехнулся Жюльен. — Так, кажется, говорят мудрецы?

Он не мог не радоваться несообразительности Расула, век тому оставаться в гонцах. Никогда не научится он двум вещам: хорошо играть в шахматы и проникать в суть проблем.

Однако при наличии этих двух недостатков, у Рубена имелись и неоспоримые достоинства. Во-первых, он был прекрасным любовником, во-вторых... прирожденным посланцем. Сколь короткой ни оказывалась дорога Расула, ее неизменно хватало, чтобы он начал считать своими мысли, которые вкладывал ему в голову более умный партнер. Одним словом, оказываясь там, куда его посылали, бастард армянского нобля прекрасно справлялся с ролью Юлианны. Он как бы говорил ее языком. Таким образом Жюльен с его помощью совершал своего рода телепортацию собственного разума, не подвергая опасности тело. Ничего удобнее и придумать было нельзя.

«Эх, сделал бы я тебя рыцарем, — не раз думал старший из любовников, глядя на младшего. — Да ты ведь сразу нос задерешь и работать откажешься. Так что уж погоди».

— Не знаю, — нервно пожал плечами Расул, почувствовав затаенную насмешку в тоне партнера. — Почему, если это оказалось хорошо для Раймунда Триполийского, то же самое не подойдет Ренольду Антиохийскому?

— Потому что, не *он* наша цель, а *она*, — спокойно возразил Жюльен. — Овдовев, княгиня одним глазом станет лить слезы, а вторым воззрится на Константинополь. Она пошлет к Мануилу и попросит его дать ей нового мужа. Тот как раз спит и видит, куда бы подевать своего кузена Андроника. Воин из него никудышный, а вот соблазнитель первостатейный. Византийские вельможи не могут спать спокойно, пока он в столице, потому что не знают, у кого назавтра прорастут рога. Базилевсу страсть как хочется пристроить родича. От-

правив его в Антиохию и таким образом навсегда удалив от двора, порфирородный вздохнет с облегчением.

Хозяин негромко рассмеялся и закончил сквозь смех:

— А если князь... хм... *задержится в гостях* у Магреддина, бедняжке Констанс придется отправиться туда, куда в свое время отбыла ее матушка. Княгиня приложила руку, чтобы королева Мелисанда сменила Иерусалим на Наплуз, что ж, и мы поможем милой Констанс переехать. Зря что ли Латтакия двадцать с лишним лет ждет новую госпожу?!

— Здорово придумано! — не сдержался Рубен.— Мастера вы с ее величеством на такие штучки! А какое же второе дело?

Хозяин приложил руку к груди в знак признательности за похвалу, которая, впрочем, не слишком-то ему польстила. Услышав же вопрос, он сделался серьезен:

— Даст Бог, ее величество дождется дня отмщения, и вероломная племянница пострадает за свои грехи еще при жизни королевы. Однако... кровь Юго дю Пьюзе так и умрет с его сыном. Король Бальдуэн не может иметь детей. Увы, и очаровательная Теодора тут не при чем. У короля случались интрижки с дамами при дворе, не говоря уж о служанках. Какой добрый рыцарь по младости лет не задирает подолов девицам подлого звания?

Чувствительный к вопросам чистоты крови Рубен напрягся. Однако смысл речи хозяина настолько поразил гостя, что он слушал едва ли не с открытым ртом.

— Ее величество многое простила сыну в память о том, чья кровь течет в его жилах,— продолжал Жюльен.— Однако... беда в том, что королевство нуждается в наследниках... Ты понимаешь меня?

— Да... то есть не совсем.

— Если на сей раз жена графа Аморики, Агнесса, разродится мальчиком... Мои приятели из Масьяфа и Кадмуса здесь не годятся. От них слишком много шума. Это дело целиком ложится на нас. Нам надо готовиться. Ты понял меня?

— Понял,— задумчиво кивнул Рубен.— Так вот зачем ты велел мне подружиться с лекарем Раймунда, Баракком?

— Поверь, я делал это просто так, на всякий случай,— ответил Жюльен.— Лекари и знахари — такие люди, дружба с которыми никогда не повредит. Главное не обращаться к их услугам, если занедужишь.

Гость посмотрел на хозяина с удивлением, а тот, вновь сделавшись серьезным, продолжал:

— Если первое дело наше удастся, Бальдуэну придется ехать в Антиохию. На обратном пути ему, как ни крути, не миновать Триполи... Посмотрим, может, лекаришка и пригодится.

Еще несколько дней они провели в ожиданиях весточки из Антиохии. И вот наконец слуга принес Жюльену почтового голубя. В мешочке, привязанном к лапке птицы, находилось короткое сообщение, в котором говорилось о том, что князь с небольшой дружиной отправился в неизвестном пока направлении.

— Неизвестном? — усмехнулся Жюльен.— Как бы не так! Собирайся, Расул, поедешь в Алеппо.

— Может, все же подождать подтверждения? — предложил Рубен.

— Езжай, не будем терять времени.

Рубен уехал, а спустя несколько часов после его отъезда прибыл гонец от патриарха Эмери. Известие полностью подтвердило догадку Жюльена относительно маршрута, выбранного Ренольдом.

XII

Спустя ровно год после отъезда Бертрана, когда хмурым ноябрьским утром небольшая дружина из ста двадцати конников и пятисот пехотинцев, возглавляемых князем, без особого шума и без какой-либо помпы выехала из ворот Антиохии, он вдруг понял, что имел в виду граф, или это лишь показалось Ренольду. Как бы там ни было, князь окликнул бывшего оруженосца и вдруг спросил:

— А ты хотел бы оказаться в Шатийоне? Или в Жьене?

— Не знаю, государь,— пожал плечами Ангерран. Он, привыкший за многие проведенные рядом годы чувствовать настроения молочного брата, насторожился, ощутив в его словах нечто совершенно непривычное. И, желая поскорее прогнать неприятные предчувствия, внезапно нахлынувшие на него, улыбнулся: — Если только с вами вместе, ваше сиятельство.

— Мне сегодня снилась Луара и наша река и замок, что заложил я брату,— сказал князь.— И отец. Он никогда не снился мне за все эти годы. И еще лебеди, много-много лебедей. Я был там и видел, как они улетали на юг. К чему бы это?

Он умолк. Не дожидаясь ответа и не произнося больше ни слова, князь пришпорил коня и, не оглядываясь, поскакал вперед. Никто, включая Ангеррана, не осмелился последовать за сеньором, только один Железный Лука побежал за его конем...

Началось предприятие успешно, если не считать некоторых частностей. Например, Пьер и вслед за ним, один за другим, еще трое или четверо солдат, почувствовавших, что не в силах идти дальше, повернули обратно. Хорошо, что не успели уйти далеко, а то этих бедолаг можно было бы считать покойниками: передвигаться в одиночестве по враждебным территориям — вернее способа угодить на тот свет и не придумаешь.

Отпустили их без возражений, особенно Пьера — большие в деле не нужны никому.

Откровенно говоря, князь вообще не хотел брать в набег своего старого груга. Почти одиннадцать лет, проведенные в Алеппо, не пошли ему на пользу. Старик (а именно таковым теперь казался ровесник князя) не повезло, хозяин, на которого он работал (уже второй или третий), заподозрил христианина в умышленной порче лошадей и велел забить насмерть. Пьера спасло лишь чудо. Какой-то человек, заезжий-купец христианин, пожалел его и полумертвого уже выкупил у хозяина, вернее, обменял на пару сапог.

Новый хозяин не слишком-то обременял слугу, так как вообще много путешествовал по торговым делам и

в Алеппо приезжал лишь изредка. Покалеченному конюху жилось в общем-то неплохо, однако, когда объявили, что атабек дает волю всем пленникам христианам, Пьер попросил хозяина отпустить и его. Тот не возражал, сказав, что и без того хотел предложить рабу свободу, и намекнув, что он больше проедает, чем приносит пользы. Во всяком случае так выглядела история в изложении самого Пьера. Он, как уже говорилось, сильно изменился, сделался плаксивым, а с лица его не сходило жалостное выражение.

Оказавшись при дворе князя, бывший грум не скрывал своей радости и не забывал благословлять господина за то, что тот не прогнал его. Пьер получил настоящую синекуру. Князь взял его во дворец, слуг там хватало, и бывшему груму не приходилось особенно надрываться. Он по большей части спал и ел, что, несомненно раздражало прочую челядь, однако, зная о благосклонном отношении господина к лентяю, того не трогали, хотя и сильно недолюбливали. Впрочем, как всегда, находились и такие (в основном, конечно, набожные женщины), кто почитал Пьера как мученика. Ведь он, как никак, претерпел от рук неверных.

Узнав о готовившейся экспедиции, Пьер сам напросился в нее, что никого не удивляло — хотелось ему быть при господине. Тот возражать не стал, предупредив однако: «Отстанешь, ждать не будем». Грум просто не рассчитал своих сил.

Впрочем, о невезучих товарищах очень скоро все забыли, не до них было.

Бог привел удачно пограбить несколько небольших селений и становищ. Никому не удавалось убежать, так стремительно нападала на ничего не подозревавших кочевников дружина князя Антиохии.

Рубили и резали без жалости всех от стариков до младенцев: таковы уж законы разъя, безжалостная это штука, pillage. Тех, кому посчастливилось избежать смертоносных клинков свирепых франков, вскочив в седла быстроногих лошадок, догоняли стрелы арбалетов. Разбойникам не нужны были свидетели,

способные рассказать об их численности и направлении движения.

Однако настоящее дело ждало участников рейда впереди. Они добрались к намеченной цели в конце седьмого дня пути. Авангардный отряд маленького войска Ренольда сообщил о появлении на отлогих горных склонах в нескольких милях впереди большого количества животных.

«Святой» Виталиус, монах, служивший князю и исполнявший в походе роль священника, сказал, что сие знак от Господа. Он-де одобряет замысел и благословляет поход, благородную миссию против неверных. Оставалось выполнить три традиционных пункта намеченной программы: неожиданно напасть на врага, захватить добычу и как можно быстрее вернуться в пределы княжества. Дело, отлично знакомое большинству участников рейда.

С первыми двумя задачами справились как нельзя лучше, видно, не лукавил служитель Божий, а и вправду ведал пути Всевышнего. Турок перебили практически сразу, не понеся серьезных потерь, язычникам удалось убить лишь одного пехотинца да нескольких ранить.

Добычу взяли огромную, даже, пожалуй, чересчур огромную. Это и подвело. Кроме жалких пожитков да малого количества золота и серебра, что обнаружилось в шатрах кочевников, победителям досталось главное достояние пастухов — их стада. Теперь и всадники и пехота двигались со скоростью ленивых и глупых овец, коров и верблюдов. Кроме того, отряд постоянно растягивался на перевалах, благодаря чему практически утрачивал боеспособность.

Нельзя сказать, что князю это нравилось, да и многим из бывалых воинов ситуация, в которую они угодили, становилась все больше и больше не по душе. С наступлением декабря Ренольд предполагал уже пировать в Антиохии, однако ноябрь заканчивался, приближался день памяти святой Цецилии*, а они не прошли и половины обратного пути. Идти ночью они не могли из-

* Девятый день от календарного декабря: 23 ноября.

за овец, а дни стали очень короткими. Да еще верный пес, Люк де Фер, начал вести себя довольно странно.

— Что он все воет и воет? — с раздражением спросил Ренольд, подзывая к себе Тонно, когда отряд в очередной раз остановился для ночевки.— Чего этому старому образине не хватает?

Псу и верно чего-то не хватало. Впрочем, ничего особенно непривычного не было, он и прежде частенько любил повыть на луну, но теперь это наводило участников набега на неприятные размышления, будило тревогу. Однако никто из рыцарей ни за что бы не признался, сколь сильная тоска охватывает его при вое Луки. «И правда, что он не Лука, а Люцифер», — сказал как-то один из воинов, а другой добавил: «Люцифер не Люцифер, но точно дьяволово отродье!» И правда, все кто знал этого страшного зверя давно, удивлялись: несмотря на то что ему исполнилось не меньше двенадцати лет — солидный возраст для собаки, — он, казалось, оставался таким же, каким был тогда, когда прежний хозяин подарил его князю. А ведь известное дело, не старятся ангелы да еще кое-кто, о ком на ночь и вспоминать страшно.

Несмотря на то что и прочие псы, а немало их в надежде на добрую поживу увязалось за солдатами, также любили принять участие в «собачьих мессах», Лука «молился» отдельно, забравшись обычно на какой-нибудь высокий холм. И ничей вой так не смущал души храбрых, но суеверных воинов. К тому же стоило Луке завести свою песню, как немедленно то там, то тут ему отвечали голоса диких собратьев.

— Тоскует он, государь, — со вздохом ответил Фернан, точно и сам разделял настроение зверя. — Братья его вокруг, он же волк. По крайней мере наполовину. А если уж кто хоть частью волк, так это навсегда. Для волка главное свобода. Он не может, как собака, жить в неволе. А Железенькому-то вдвойне тяжело, он и уйти не может, вам предан, и хочет на волю. Такая уж судьба, не приведи Господь.

Князь пожал плечами — что тут скажешь? — и, жестом показав Фернану, что тот свободен, обратился к Ангеррану:

— Что думаешь, мессир марешаль?

Убедившись, что слуга отошел достаточно далеко, бывший оруженосец произнес:

— Нам бы разделиться, ваше сиятельство.

— Разделиться, говоришь?

— Идем мы слишком медленно. Если турки в Алеппо пронюхают, смогут легко окружить нас.

— Так ты предлагаешь разделиться? — повторил Ренольд.

Марешаль кивнул.

— Именно так, ваше сиятельство, — сказал он. — Оставьте с обозом половину конницы или даже чуть больше, а сами с прочими скачите к Оронту. Как бы не вышло беды. Мы еле тащимся. Эти проклятые овцы и верблюды словно спят на ходу.

Столь разумная идея имела один изъян. Всегда существовала опасность натолкнуться на шайку туркоманов, промышлявшую грабежом. Они обычно не служили никакому конкретному господину, шейху или эмиру, просто делились частью добычи с тем, кто давал им приют на своих землях. Размеры шайки могли достигать полутора сотен и более человек.

Сейчас с Ренольдом, не считая пехоты, шло более ста двадцать рыцарей и конных оруженосцев, едва ли туркоманы-искатели удачи осмелились бы напасть на них на марше. Проще ограбить тех же кочевников-пастухов, чем отбивать добычу у сильного противника. Разделив отряд, князь выигрывал в скорости, зато терял в силе. Поскольку сам Ренольд представлял завидную добычу (и покупатель есть, Нур ед-Дин, например, заплатил бы хорошую цену), опасность угодить в засаду и в этом случае была вполне реальной.

Как раз в этот момент Лука, на минутку-другую умолкнувший, вновь завел свою песню. Ренольд не мог отделаться от ощущения, что это — молитва.

— Пожалуй, ты прав, мой марешаль, — сказал он, когда вой ненадолго утих. — Завтра мы так и поступим. Я возьму дюжины три-четыре из тех, у кого кони лучше, а сейчас давай-ка поспим как следует. Распорядись, чтобы все отправлялись на боковую. А стражникам накажи смотреть в оба.

Он хотел добавить еще: «Не нравится мне эта тишина», но передумал. Отсутствие каких-либо сведений о неприятеле настораживало его. И не то чтобы турки никак о себе не заявляли, вообще все исчезли. Окрестности словно вымерли, дружина Ренольда не встречала уже несколько дней ни крупного зверя, ни человека. Впрочем, и не мудрено, и те и другие словно бы чувствовали: не попадайся, прирежут. И только волки с ближних и дальних холмов вторили молитве Железного Луки.

Заметив, что маршал не спешит выполнять распоряжение, Ренольд вопросительно посмотрел на него. Не трудно было заметить, что Ангерран хочет что-то сказать.

— Простите, ваше сиятельство,— начал он, поняв по глазам сеньора, что тот готов выслушать своего вассала.— Когда мы только выезжали, вы сказали, что вам снился отец...

— Ну и что?

Бывший оруженосец вздохнул, понимая, что лучше промолчать, однако не смог сдержаться.

— А мне и тогда и сегодня снилась мать,— признался он.— В тот раз она велела мне беречь вас...

— Ну и что тут особенного? — Ренольд уже начал сердиться. Недомолвки маршала злили его.— Что тут такого? Мне самому она недавно снилась,— признался он неохотно.

— А что она вам говорила?

— Ничего.

— Тогда ладно...

— Слушай-ка, братец, хватит вилять? Говори начистоту?

— Она правда ничего не говорила вам? — настойчиво переспросил бывший оруженосец.

— Да нет же, черт возьми! Что ты все?... — Ренольд с досады махнул рукой.

— Она звала меня,— признался Ангерран, как казалось, с некоторым облегчением.— Я еще спросил: «Матушка, а на кого же я оставлю сеньора? Ведь вы сами в прошлый раз велели мне заботиться о нем?»

— А она? — Князь не послал его ко всем чертям просто из любопытства, он никак не мог понять, куда

клонил маршал. — Что значит — звала? Куда? Обрат-
но в Жьен или в Шатийон?

Ангерран покачал головой.

— Нет, государь, — сказал он. — Вы верно не знае-
те? Она умерла в позапрошлом году. Не так давно я
встречал двух купцов из Орлеана, они заезжали к ва-
шему брату в Жьен, а другой торговый человек, его я
видел перед самым нашим отъездом, побывал у ваших
родичей в Монфоконе, у них все в порядке, все здоровы
и счастливы...

— Ты нечего не сказал мне, — с какой-то странной
интонацией произнес Ренольд. — Сабина была добрая
женщина. Я всегда считал ее почти что матерью. Моя-
то мать умерла давно. Я и не помню ее... Ладно, рас-
порядись и давай-ка присядем, помянем ее.

Они еще долго не спали, хотя и почти не разговари-
вали. Шум в лагере уже давно стих, даже Железный
Лука оставил свои песни и, улегшись возле ног госпо-
дина, искоса посматривал на него и его молочного бра-
та. Те же просто молча сидели возле догоравшего кост-
ра, угли которого Ангерран время от времени шевелил
коротким мечом. Искры взлетали в холодное ноябрь-
ское небо, и отблески язычков пламени заводили свой
непродолжительный танец в глазах обоих рыцарей и
свирепого пса, создавая между ними троими какое-то
неповторимое единение.

Ах, если бы собаки могли говорить! Или люди умели
понимать язык зверей! Им так многое сказала бы мо-
литва Железного Луки.

Едва начало светать, князь дал команду выступать.
Ренольд уже хотел было объявить дружине, что остав-
ляет ее под началом Ангеррана, а сам, чтобы не терять
времени, с передовым отрядом ускоренным маршем
направляется в Антиохию, как вдруг передумал. В от-
вет на вопрос недоумевавшего маршала он лишь по-
жал плечами, давая понять, что не желает ничего об-
суждать.

С утра выглянуло солнце, но к середине дня погода
начала портиться, как, впрочем, и поведение Железно-

го Луки. Пес то убегал далеко вперед, то во весь дух несся обратно и начинал кружить возле коня хозяина. Это напоминало игру, она даже забавляла воинов. Они качали головами и с усмешками обращались к восседавшему на муле Фернану:

— Похоже, Железный и впрямь чует дьявола?

— Вот-вот, своего он чует,— добавил какой-то остряк, вызвав всеобщий смех.

Но задор и веселость, звучавшие в словах рыцарей, словно приобретали иной, скрытый смысл, как бы отражая удаль отчаяния. Точно они хотели сказать: «Ну где уже этот дьявол?! Где он, черт этот?! Пусть пожалует сюда. А там и поглядим!»

Довольно рослый мул, на котором ехал Тонно, выглядел под ним маленьким осликом.

— Сами вы дьяволы,— шептал себе в усы Фернан. Все слышали его слова, но никто не ставил на место слугу марешала, а грум уже громко, во весь голос окликал пса: — Ну что ты разбежался? Что? Вот скажу их сиятельству, а он и велит не давать тебе жрать денька три, чтобы поостыл маленько. А то вон как жируешь со свежатинки-то, точно щенок годовалый.

Баранов и телят по пути резали без жалости на каждом привале, казалось даже с каким-то злобным остервенением, но их не становилось меньше. Собакам, и особенно Луке, первенства которого в стае никто не осмеливался оспаривать, еды перепало, как костей в разговение. Однако Фернан напрасно пугал пса едва ли не самым страшным для него наказанием, вчера Лука даже не притронулся к еде. Энергия, будоражившая собаку, имела иной источник, и уж кто-кто, а Тонно знал это.

— Пес чует дьявола, мессир,— тихонько шепнул он Ангеррану.— Что-то неладно. Что-то очень нехорошо.

В этот момент Лука опять умчался вперед, сопровождаемый свитой из нескольких собак. Когда животные почти скрылись из виду, из того места, куда они убежали, донесся залиvistый злобный лай.

— Скликайте рыцарей, ваше сиятельство! — забывая о субординации, закричал Тонно и подъехал ближе к Ренольду.— Будь я проклят, но он чует безбожников!

— Марешаль! — крикнул князь. — Труби!

Не дожидаясь, пока Ангерран выполнит приказание, князь схватил висевший у него на груди рог, и низкий утробный зов его рассек влажный воздух, точно рыцарский меч грешную плоть. Труба марешаля подхватила призыв его молочного брата, и спустя секунду голоса труб других рыцарей слились в единый рев.

Ответом им стало пронзительное «Ал-л-л-л-ла-а-а-а!» тысяч сарацинских глоток. Язычники, словно вынырнув из преисподней, покрыли собой все окружающие холмы. Казалось, те в один миг поросли лесом. Но деревья в нем, как и полагается тем, что росли в заколдованных рощах Апулии, Анжу или Иль-де-Франса, шевелились под порывами дыхания дьявола, размахивая тусклым серебром веток. Тот же сатанинский ветер, сорвал с них листья, которые, вытянувшись, превратились в длинные смертоносные жала — наконечники стрел, — впивавшиеся в не защищенные кольчугами тела людей и коней.

Победоносное «Ал-л-л-л-ла-а-а-а!» скоро заглушило крики сражавшихся, вопли раненых и стоны умиравших воинов.

— А ну давай! — рычал брызгая слюной Ренольд. — А ну подходи! — Меч его, красный от крови, без устали разил врагов. — Пожалте, сволочи! Я вам покажу, как в Бога Живаго не верить! Вот вам Алла ваш! Вот вам, мерзавцы!

— Получай! Получай! Получай, мразь неверная! — разя наседавших турок, ревел Ангерран. — Вот так! В ад! В ад прямехонько отсюда!

Несколько раз сарацины протягивали жадные пальцы к поводу княжеского коня, но всякий раз клинки франков рубили их, разваливая не защищенные бронью тела пополам от плеча до седла, пробивая шлемы, снося головы. Турки обращались в бегство, и рыцари, ликуя, грозили им мечами. Но всякий раз неверные возвращались, и на место одного павшего вставали двое.

Христиан же тем временем становилось все меньше и меньше. И вот уже Ренольд увидел, что рядом с ним только марешаль и не более полутора дюжин окровавленных, но еще способных драться рыцарей. Куда ни

кинь взгляд, всюду лежали трупы врагов вперемешку с телами франков.

Увидев, как мало осталось христиан, язычники с воодушевлением атаковали. И опять затрубил князь, созывая воинов к последней схватке, и вновь ответили ему трубы товарищей, не желавших сдаваться на милость врага.

— *En avant! En avant!* — закричал Ренольд и прищипил коня, врезаясь в гущу сарацин.— Прорвемся, братья!

Точно жало стрелы, вонзившейся в толщу войлока, застрял в лавине атакующих турок маленький клин. И вот рядом с князем не осталось уже никого, исчез даже и Ангерран. Неверные расступились, давая дорогу невысокому всаднику в белоснежной чалме и прекрасном, расшитом золотом, изукрашенном драгоценными камнями халате зеленого шелка. Не мерялся этот человек силой с франками — у тех, кто сразился с ними, вид был иной.

— Ви май плененик! — воскликнул он, коверкая язык франков.— Ваш клинак, эмир Арно!

Князь огляделся вокруг и не нашел ни одного знакомого лица.

— Великий наместник губернатор Алеппо Маджд ед-Дин велит тебе отдать твой меч, князь неверных! — на привычном уху жителя Антиохии диалекте французского пояснил другой турок слова молочного брата самого Нур ед-Дина.— Живо!

— Дьявол тебя возьми! — прохрипел Ренольд.

Не Господа Бога, а проклятого им ангела, сделавшегося Князем Тьмы, призвал в свой страшный час князь христиан, и тот, к кому обращался он, ответил. Никто и не сообразил, что произошло, так быстро все случилось. Видно, не ввали суеверные люди при дворе князя, будто пригрел он самого Люцифера в обличии пса.

Откуда только взялся Железный Лука?! Ни сам рыцарь, ни его торжествовавшие враги не поняли, почему вдруг вздыбился под Маджд ед-Дином тонконогий, изящный, как лютня, конь? Отчего так страшно, так испуганно заржал он, отчего сбросил без жалости любимого господина?

Люцифер знал что делал, он вцепился своими дьявольскими челюстями прямо в пах арабского скакуна. Никогда уж тому не радовать больше кобылиц, не обогащать конюшни хозяина, давая начало новым изысканным коням, которые для любого наездника ценнее золота.

Сделав свое дело, пес во весь опор помчался прочь, ловко лавируя между ногами сарацинских кобыл. Да и те, чувствуя волка, сами спешили дать дорогу чудовищу, почтительно расступаясь перед злобным монстром. Даже и могучие дромоны пустыни, верблюды, пятились, опасаясь его клыков. Что говорить о людях? Многие потом клялись, что видели самого Аримана, облаченного в волчью шкуру.

Князь натянул поводья, сжал шенкелями бока жеребца. Но — о ужас! — конь жалобно заржал, как бы прося прощения у хозяина, и начал заваливаться на бок; с хрустом ломались оперенья стрел, засевших в измученном схваткой теле. Верное животное, как и бывший оруженосец маршал Ангерран, до последнего вздоха служило господину. Однако силы оставили коня, и, упав на землю, он придавил ногу князя.

Железный Лука обернулся, ожидая найти позади своего сеньора, но, увидев, как строй турок вновь сомкнулся, будто вода над головой утопавшего, завыл и закрутился на месте, точно обдумывая, на наброситься ли ему на врагов и не попробовать ли вновь выручить князя. Словно поняв, что ничего уже не изменить, пес, никем не преследуемый, затрусил прочь, размышляя, верно, своей дьявольской башкой, чем же теперь он сможет послужить своему возлюбленному хозяину?

Железный Лука без сна и отдыха спешил туда, куда его господину более никогда не было суждено вернуться. Дьявол показывал собаке путь, и она шла и шла, зная, что в конце пути ее рано или поздно ждет награда.

ЭПИЛОГ

A.D. MCLXVII

Здесь мы прощаемся с нашим молодым (а по правде говоря, и не очень-то молодым) кельтом, двенадцать лет назад впервые оказавшимся на Востоке и сделавшим, как можно с уверенностью сказать, неплохую карьеру. Триумф его, как нередко случается, завершился сокрушительным падением и торжеством злорадствовавших врагов.

Пленение Ренольда круто меняло расстановку политических сил в граде Сирийской Наследницы. Констанс попыталась собрать выкуп для мужа, однако храмовник Вальтер, старавшийся помочь ей и проявивший сугубую активность (он даже ездил к самому Нур ед-Дину), привез княгине худые вести.

Атабек не пожелал принять его, так как был занят молитвами и подготовкой к паломничеству в Мекку. «Я знаю, с каких гор дует ветер,— мрачно поведал Констанс храмовник, указывая в сторону Тавра и дальше, туда, где на стыке двух континентов, на семи холмах раскинулся Второй Рим.— Базилевса настроили против вас, ваше сиятельство. Все, что я смог, это получить разрешение передать сумму, собранную вами и пожертвованную орденом для нужд вашего супруга и немногих уцелевших рыцарей, что были с ним¹³¹. Турки заверили меня, что их сиятельство будет содержаться сообразно его высокому званию».

«Спасибо вам за все, мессир, но я никогда не поверю, что тут не приложила руку моя тетушка Мелисс!» — с непоколебимой уверенностью заявила Констанс. «Обещаю вам, ваше сиятельство, — не подтверждая и не опровергая справедливости утверждения княгини, произнес Вальтер, — я лично займусь расследованием всех подробностей этого дела. Разумеется, тайно».

Сдержатъ своего обещания храбрый рыцарь не смог. Слишком много ран получил он на своем веку, в том числе и на стенах Антиохии. Тамплиер все сильнее недомогал. Не прошло и двух месяцев, как Вальтер слег и, промучившись в полузабытьи в течение недели, умер.

Впрочем, для Констанс неожиданная кончина верного храмовника прошла почти незамеченной, так как произошла практически одновременно со смертью едва ли не самого дорогого ей существа, семилетнего Ренольда. Но даже это не сломило Констанс; перенеся сильнейший стресс, она тем не менее постаралась приложить все силы для того, чтобы удержаться у власти, понимая, что в противном случае никогда не сможет помочь мужу обрести свободу и отомстить. Речь, разумеется, не шла о конкретных исполнителях, княгиню волновали равные или близкие ей по положению и по крови люди. Вышло же так, что мстить вскоре оказалось некому. Но об этом несколько позже.

Вместе с тем Бог не привел нашему герою, плох он или хорош, погибнуть в 1160 году. Милостью Его Ренольду Шатийонскому предстоит прожить еще почти двадцать семь лет, около шестнадцати из которых он по воле Господней — а как же без нее? — проведет в тюрьме. Через нее пройдут и Раймунд Третий, и его сосед с севера, Бозмунд Третий, и Жослен... также Третий. Видно, незавидная доля — быть третьим. Что-то есть в этом, правда?

Ренольд Шатийонский до конца дней своих останется таким, каким и пришел на Восток почти сорок лет назад. Годы мало изменяют его, сохранив в шестидесятилетнем старце, который отправится на свою последнюю битву, дух юнца, одержавшего первую решитель-

ную победу над противником в убогой корчме киликийца Аршака.

Впрочем, это уже другая история. Следующая...¹³² Так, по крайней мере, хотелось бы закончить.

Однако осталось у нас еще в шестидесятых годах двенадцатого столетия одно важное дело, и оно, как думается, требует завершения, прежде чем будет поставлена точка в череде событий, связанных с первой половиной жизни и славных деяний Ренольда де Шатийона.

Закончился 1166 год от Рождества Христова, начался новый — 67-й. Над тихой, как и положено вдовьему уделу, Латткией сгущались тучи. Нет, не те, которые имеем в виду мы, говоря о кознях врагов, происках всевозможных недоброжелателей или просто о невозвращенных долгах, что все чаще напоминают о себе. Речь о другом, над городом собиралась гроза, самая обычная гроза, всем с детства хорошо знакомое явление природы.

В спальне княгини, где сама она лежала не вставая с Крещения до начала Великого Поста, находилась, кроме хозяйки, всего одна женщина, верная служанка Марго.

— Плохо мне, Марго, милая, — проговорила Констанс тихим голосом, почти шепотом. — Давит... Будто душит меня кто-то... Умру я сегодня. Умру...

— Ну что вы, государыня? Что вы, матушка княгиня? — постаралась утешить госпожу служанка. — Да как такое может быть? Вы такая молодая еще. Нет, это просто гроза, вот прольется, отгремит и полегчает вам. Увидите, все будет хорошо.

— Ты такая добрая, Марго, — с неподдельной теплотой в голосе сказала Констанс. — Но я знаю, пришел мой черед. За грехи мои пойду я в ад... Позови-ка священника. Впрочем, нет! Постой! Не зови. Дай мне исповедаться перед тобой, моя хорошая. Ибо ты и есть та, перед которой грешна я более всех, если простишь, может, и помилует Господь, возьмет к себе. Не хочу я огня вечного, страшусь. Прости меня, милая, прости меня!

На глазах Констанс выступили слезы, Марго тотчас же бросилась обнимать госпожу, приговаривая:

— Ну что вы, государыня, что вы, моя добрая?! Что вы, моя милая, успокойтесь. Все переменится, все еще устроится, даст Бог, выпустят нехристи князя, все еще хорошо будет, поверьте!

Трудно сказать, верила ли служанка в то, что говорила, уж очень сдала княгиня в Латтакии, первый год еще держалась, а потом, особенно в последние месяцы, стала угасать, не быстро даже, стремительно. Она таяла, как снег в горах Амана под лучами жаркого весеннего солнышка. И следа не осталось от прежней дородности, которая так нравилась в княгине мужчинам. Круглое лицо вытянулось, даже скулы проступили, кожа пожелтела, стала дряблой, глаза ввалились, зубов выпало больше половины. Пухленькие белые ручки также потемнели, хотя какие уж тут ручки? — паучьи лапки! — ничего, почитай, не осталось от красавицы Констанс, не человек — пугало.

Ровесницу же ее, Марго (она даже старше на год), время щадило, словно бы и не старилась она — ни за что не скажешь, что женщине сорок, хотя она, как и госпожа ее, родила шестерых детей. Старшую, Эльвиру, даже выдала замуж, в купеческий дом просватала. Второй, Эмме, повезло меньше, она умерла от какого-то неизвестного заболевания. Младшей, Луизе, еще рано думать о замужестве, ей всего восемь. Мальчики же, все трое, скончались в младенчестве. Последний родился уже после несчастья, постигшего господина, которого Марго считала отцом всех своих детей.

Констанс, услышав слова служанки, попыталась улыбнуться и вновь попросила:

— Ты прости, прости меня, умираю я, милая моя Марго...

Не дав ей возразить, княгиня продолжала:

— Сон мне был. Выпустят князя неверные...

— И мне, и мне то же снилось, ваше сиятельство! — воскликнула служанка. — Князя я видела молодым да красивым, на белом коне... Такой же красавец, как был, точно святой Георгий. С мечом, в дорогой кольчуге, в плаще пурпуровом, в золоченом шлеме! Чудо какое-то!

Добросердечная Марго даже и не заметила, какую боль причинили угасающей госпоже ее восторженные слова. Однако Констанс не стала ругать служанку, а лишь напомнила:

— Ты уж говорила мне... Мне другое снилось. Не встретиться нам в этой жизни, да это и к лучшему. Не хочу я, чтобы он видел меня такой. Пусть помнит красивой да сильной, а такую, как нынче, в самый раз в гроб класть... И не спорь! Умру я ночью, точно умру. Не доживу до утра.

Марго не стала возражать, уловив в голосе госпожи былую властность и уверенность. Служанка поняла, что так и случится.

Некоторое время обе молчали. Тишину нарушила Констанс.

— Прости меня,— повторила она.— Грешна перед тобой, более всего грешна...

— Да что вы, ваше выс...

— Мальчиков твоих я... по моей воле убили их,— не глядя на Марго, произнесла княгиня.— Нет, не простишь... А простишь, все равно Господь не простит. Тяжек грех... Боялась я, что князь мальчиков твоих полюбит и отмечать станет, а от моего отвернется... Да толку что? Вот ведь как вышло. Ни их, ни его, никого у него не осталось... Ведь Всевышнему все ведомо! — воскликнула она с болью в голосе.— Так почему? Почему не укрыл хоть последнего? Того, что ты носила, когда... Господи, Боже ты мой!

Крик оборвался вдруг, слезы полились из глаз умиравшей княгини, и Марго, схватив руку госпожи, беззвучно заплакала вместе с ней.

Так прошло минут пятнадцать или полчаса, а может и больше, наконец Констанс прошептала:

— А ведь ты знала... Ты поняла... поняла и не возненавидела меня. Почему?

Служанка подняла заплаканное лицо и пристально посмотрела на госпожу, а потом ответила:

— На все воля Божья, ваше сиятельство. Я прощаю вас. Пусть ангелы в раю поют для вас. Я не желаю вам вечного огня. И молю Господа о прощении для вас.

Пусть же Он откликнется на эту мою просьбу, как откликнулся на иную...

— Спасибо тебе, Марго. Спасибо,— искренне поблагодарила княгиня. Что-то в тоне служанки заставило Констанс поинтересоваться: — Но скажи же, что за просьба, с которой ты обращалась к Господу и Он уважил ее?

— Их сиятельство, государь наш, не одинок,— ответила служанка.— У него есть сын.

— Как? — удивилась Констанс.— Но Бернар же умер, я помню... Тогда мой маленький Ренольд еще был жив, я надеялась... О Господи! Почему ты не пощадил хоть одно дитя несчастного мужа моего?!

— Да, ваше сиятельство. Бернар и правда умер, зато Жослен жив.

— Жослен? Какой Жослен?!

— Отравленный Бернар — не сын их сиятельства, он восьмой ребенок в семье бедного ремесленника, простого горожанина,— начала Марго.— Он родился на два дня позже моего дитя. Я купила ребенка у родителей, а им отдала своего и все эти годы давала им денег, чтобы они могли содержать сына столь высокородного сеньора достойным образом.

— Они знали, кто он?

— Нет. Они нарекли своего сына Жосленом, потому что дед мальчика служил солдатом еще самому графу Эдесскому, Жослену Тель-Баширскому. Так же, Жосленом, я велела им называть и моего сына.

— Так значит, ты уже тогда поняла? — пораженная внезапной догадкой, княгиня обратила на служанку взгляд глубоко запавших глаз.— Поняла, почему они умирали... Значит, и ты грешна, ведь, покупая мальчика, ты знала, что его ждет?

— Да,— твердо произнесла Марго.— Мне бы, государыня, только устроить Луизу и тогда... Тогда я уйду от мира и буду молиться до конца дней своих, чтобы Господь простил мне мой грех.

— А как же мальчик?! — встrepенулась княгиня.— Кто же позаботится о нем?! Нет, ты не должна думать о себе! Сначала устрой его судьбу! Я требую, я приказываю тебе!

Голос Констанс зазвенел, словно бы болезненная немощь вмиг оставила ее.

— Загляни под кровать, — вдруг приказала княгиня. — Достань то, что там лежит.

Марго исполнила распоряжение и вытащила покрытый пылью маленький сундучок.

— Открой.

Служанка выполнила и это повеление и, едва приподняв крышку, увидела ни с чем не сравнимый блеск монет, доверху заполнявших сундучок. На первый взгляд в нем содержалось не меньше восьми фунтов золота.

— Это динары язычников, они полновесные, — сказала Констанс. — Если считать в старых безантах, здесь их было бы больше полтысячи. Эти деньги предназначались тебе в любом случае. Теперь же я прошу тебя употребить их на пользу Жослену.

С этими словами княгиня сняла с пальца один из перстней (о, как легко теперь снимались они, ранее сидевшие столь туго) и протянула его служанке:

— Вот что я решила. Ты возьмешь сына князя у этих ремесленников и отвезешь его в Тортосу к тамошнему коментуру Храма, Роланду, ты видела его, он раньше служил вместе с покойным Вальтером. Они с князем были дружны. Отдашь Роланду мой перстень и часть этих денег. Пусть велит надежному рыцарю лично надзирать за мальчиком. Ведь ему уже пора учиться быть воином.

Марго кинулась благодарить госпожу, но та оборвала ее.

— Нет времени, и сил совсем не осталось, — с трудом проговорила Констанс. — Тут хватит и чтобы дать Луизе такое приданое, что она сможет выйти даже за рыцаря. Останется и на вклад, потому что тебе придется замаливать грех не только за погубленного ребенка ремесленника...

— Ваше выс...

— Слушай и не перебивай. Мне также снился сон. Я видела князя. Но больным, без коня и в рваной одежде. Я знаю, что это не так, его содержат достойно, хотя письма мои к нему перехватывают люди Боэмунда.

Так вот, князь пришел ко мне и сказал: «Видишь это рубище на мне? Это все из-за одного человека. Он предал меня, если вы заставите его говорить, он многое расскажет, назовет имена, моим потомкам не хватит жизни, чтобы мстить тем людям, что разлучили нас». Я тогда не поняла, что он хотел сказать этим. О каких потомках идет речь? Ведь маленького Ренольда прибрал Господь, а единственную нашу дочь, Агнессу, взяли ко двору Мануила вместе с Бальдуэном. Теперь мне ясно, что он хотел сказать, говоря «моим потомкам». Теперь я знаю, кто осуществит месть. Месть! Месть!

Глаза княгини в последний раз вспыхнули огнем и померкли, как угольки в костре, возле которого грелся перед последней своей схваткой ее муж.

— Жаль, не увижу его... Жослена... А может, и к лучшему...

Констанс сглотнула комок и откинулась на подушку.

— Ваше сиятельство, ваше сиятельство, — засуетилась Марго. — Имя?! Кто, кто предал господина?!

— Иди сюда... — Губы княгини едва шевельнулись.

Служанка ухом прильнула к ним. Констанс сказала ей имя и прибавила:

— Выйди через черный ход. Спрячь золото. Я еще поживу немного... Мне стало полегче.

Едва умиравшая произнесла эти слова, как в небе вспыхнула молния, и раздался первый раскат грома. За окном зашумела листва вечнозеленых дубов. Начинаясь дождь. Он лил всю ночь и прекратился лишь на рассвете.

Констанс сдержала обещание, она умерла в первом часу утра.

Спустя несколько дней после похорон княгини Марго прямо из Антиохии, где состоялась церемония, уехала в замок Бакас Шокр (так сказала она дворецкому) и вернулась оттуда в Латтакию с русоволосым шестилетним мальчиком и старым свирепым псом.

Животное очень напоминало Железного Луку, сгнувшегося вместе с хозяином. Однако характером облада-

ло куда более покладистым, потому что ребенок обращался с собакой, как с игрушкой. Пес позволял ему все, даже использовать себя в качестве коня, хотя конь у мальчика был. Вернее не конь, а молодой мул, на нем служанка покойной привезла нехитрую поклажу, вещи ребенка.

Другим слугам Марго объяснила, что это сирота, сын ее покойной сестры, жившей в деревне неподалеку от Бакас Шокра. Теперь, когда госпожа умерла, она, Марго, возьмет дочку и племянника и поедет в Святой Город, чтобы помолиться за упокой души их сиятельства. Никого не удивило такое намерение, как не взволновало и странное событие, случившееся утром, на следующий день после ухода Марго. Конюха Пьера, единственного уцелевшего из отправившихся в набег с князем слугу, нашли мертвым на заднем дворе какой-то пивной.

Бедняга перебрал — он в последнее время частенько позволял себе выпить лишнего — и чем-то рассердил свору бродячих псов, один из которых, видимо, и загрыз конюха. В открытых глазах Пьера навсегда застыл ужас, точно перед смертью он заглянул в глаза самому дьяволу.

Когда караван, с которым вдоль побережья следовала Марго с детьми, достиг Маргата, что в сорока милях к югу от Латтакии, маленький Жослен перенес большое потрясение — пропал пес. Мальчик плакал неутешно, он наотрез отказывался идти дальше, требуя, чтобы тетя (таковой он считал Марго) вернулась обратно. Ребенок считал, что его собака заблудилась и не может найти пути к своему хозяину.

— Пойди погуляй, Луиза, — сказала женщина. — Мне и Жослену надо кое о чем поговорить.

Когда девочка ушла, Марго, внимательно глядя в глаза сыну, ласково сказала:

— Он не потерялся, мой мальчик. Он ушел, потому что исполнил свой долг. Ты родился мужчиной, но, чтобы стать им по-настоящему, тебе предстоит твердо усвоить, что такое долг. Ты станешь рыцарем...

— Рыцарем, тетя? — удивился ребенок, но плакать перестал, продолжал только всхлипывать. — Я никогда и не думал, что...

— Помолчи, — попросила Марго и погладила Жослена по темно-русой головке. — Тебе предстоит узнать, что такое долг и... тебе многое придется узнать... Тебе надо поскорее вырасти, чтобы многое сделать. Наступит время, и я расскажу тебе всю правду, а сейчас не плачь.

А мальчик и не плакал, даже всхлипывания прекратились.

— А я правда стану рыцарем? — спросил он, и в глазах его вспыхнул огонек надежды. — Я и мечтать не мог...

— Обязательно станешь, — заверила его Марго и отвернулась, чтобы скрыть навернувшиеся на глаза слезы. — Как твой отец, — добавила она очень тихо, и мальчик не услышал этих слов.

Как раз в этот момент, с ног до головы облаченный в кольчужные брони, Жослен садился в седло ослепительно прекрасного белого жеребца. Конь помчал его на вершину горы, сложенной из золотых монет и драгоценных камней, а со всех сторон к князю или императору (мальчик еще точно не знал, кто же он) спешили придворные. Сгибаясь в угодливых поклонах, они протягивали сеньору все новые и новые сокровища, и гора их росла и росла, пока голова всадника не поднялась выше облаков и в глаза ему не хлынули лучи яркого весеннего солнца. Так оно и было, ведь зима кончилась.

Да, зима кончилась, наступила весна.

КОММЕНТАРИИ

¹ Командор.

² В 1229 г. западные христиане вторично завладели Иерусалимом в результате соглашения между императором Фридрихом Вторым и султаном Египта. Однако в 1244 г. Святой Город был потерян ими уже навсегда.

³ Имеется в виду Антиохия.

⁴ Дополнительную информацию об исторических деятелях, имена которых упомянуты в данном произведении, см. в приложении 1.

⁵ Речь идет о битве на Рогах Хаттина. «Karneatin» от арабского «карней» — рога.

⁶ Длиннополая полотняная или льняная безрукавка.

⁷ С армянами Киликии латиняне часто враждовали, но иногда заключали военные союзы против мусульман или ромеев и даже вступали в династические браки. Упомянутый здесь Раймунд-Рубен как раз и появился на свет в результате такого союза. Он имел вполне законные основания претендовать на трон в Антиохии, поскольку был сыном убитого асасинами Раймунда, старшего брата Боэмунда Четвертого, узурпировавшего власть в городе, пользуясь состоянием умиравшего отца — Боэмунда Третьего.

⁸ Outremer, или Заморская Франция, — одно из названий земель, завоеванных в результате крестовых походов на Ближнем Востоке в период с 1097 по 1291 г.

⁹ Так довольно часто называли южноитальянских норманнов, уроженцев Лонгивардии, бывшей византийской провинции.

¹⁰ Байи или бальи (bailli) — в данном случае синоним слова «регент».

¹¹ В X в. Византийской короне удалось вернуть часть земель

в Северной Сирии, потерянных еще в VII в., во время арабской экспансии. В частности, Антиохия оставалась под властью Константина до 1085 г., когда ее захватили турки.

¹² Для более подробной информации о деньгах, ходивших на Востоке в XII—XIII вв., см. комментарий 11 к настоящей работе.

¹³ *Serjans* (*sergeant*) à cheval или à pie, — конный или пеший оруженосец, одним словом, не рыцарь.

¹⁴ *Sœur de Lion*. — Сердце Льва, то есть Ричард Первый, король Англии.

¹⁵ «Деяния Райнальда».

¹⁶ Малая Армения, располагавшаяся в те времена в горах Киликийского Тавра, обрела статус царства в 1198 г. В 1375 г. оно навсегда прекратило свое существование.

¹⁷ Для более подробной информации об ассасинах см. комментарий 16.

¹⁸ Мера длины в шесть стоп (или шесть английских футов), то есть около одного метра восьмидесяти сантиметров.

¹⁹ Лье — мера длины, равная примерно 2—3 милям. (Здесь и дальше речь пойдет о трехмильном лье.) Миля (здесь и далее имеются в виду римские мили) равна приблизительно 1,5 км.

²⁰ В данном случае это синонимы, так в средние века звали пришельцев с Запада как на христианском, так и на мусульманском Востоке.

²¹ Дабы исключить путаницу с именами, следует пояснить, что отца Роберта Гвискара так же звали Танкредом, он как раз и был основателем рода Готвиллей (Отвиллей).

²² Для получения дополнительной информации относительно ситуации, сложившейся в Антиохии к моменту бракосочетания Констанса и Раймунда, см. комментарий 1.

²³ Для получения дополнительной информации о злоключениях, выпавших на долю участников Второго похода на пути в Левант, см. комментарий 2.

²⁴ Буквально: конь правой руки, то есть специально обученный для битвы рыцарский жеребец.

²⁵ *Langue d'oïl* или *langue d'œil*.

²⁶ *Langue d'oc*.

²⁷ Время в средние века измерялось иначе, чем сейчас, первым часом дня условно можно считать начало нашего седьмого часа утра.

²⁸ Городская курия. Такие курии существовали во всех городах Утремера. Они состояли из двенадцати наиболее уважаемых свободнорожденных граждан, отобранных сеньором (князем), как правило, из числа латинян или же, как в данном случае, частично из аборигенов, армян и греков и функ-

ционировавших под председательством виконта или, поскольку речь идет об Антиохии, дуки. Дука — председатель курии и одновременно некто вроде городского головы. Дуки назначались князем: в Джабале и Латтакии из представителей местной знати. В Антиохии эту должность занимал кто-либо из франкских ноблей, однако, учитывая местную специфику, в помощь ему назначался также виконт из числа аборигенов. Дука Антиохии принимал участие в заседаниях Haute Cours — Высшей Курии.

²⁹ Для получения дополнительной информации о событиях, имевших место в Антиохии на протяжении двенадцати предшествующих лет, см. комментарий 3.

³⁰ Для получения дополнительной информации об истории графства Эдесского см. комментарий 4.

³¹ Одевания тех времен назвались несколько иначе. Однако же, как я полагаю, читателю нет нужды пробиваться сквозь все эти дебри терминов, встречающихся лишь в специальной литературе: chainse, braie, да b্লাud в купе с chausses, потому, где возможно, пользуюсь более привычными нам названиями.

³² Так иногда называли северян, наемников ромейских базилисов из Скандинавии и Древней Руси.

³³ Наемный убийца. Для более полной информации относительно секты ассасинов см. комментарий 17.

³⁴ Этот мусульманский титул означает что-то вроде регента или наставника. В системе понятий тогдашнего Востока он свидетельствовал о весьма высоком положении лица, носившего его.

³⁵ Для получения дополнительной информации о Нур ед-Дине см. комментарий 5.

³⁶ Для дополнительной информации о дальнейшей судьбе Алиеноры Аквитанской см. комментарий 6, а так же приложение 1 к настоящему повествованию.

³⁷ Туркменских.

³⁸ Напомним, что графы Эдесские также происходили из рода Куртенэ.

³⁹ Miles — одно из синонимов слова «рыцарь».

⁴⁰ В современном французском это слово звучит как «шатлэн» (châtelain), уже поэтому нетрудно догадаться, что означает оно — владелец замка, châteaux.

⁴¹ Конрада часто именуют не только королем, но и императором Священной Римской империи германской нации. Однако официально он никогда не был коронован как император.

⁴² Родившемуся на Востоке и увезенному оттуда в нежном возрасте, Альфонсо-Журдену, сыну *благородного графа де Сен-Жилля*, вождя провансальских пилигримов Первого похода,

не терпелось помолиться у Гроба Господня, однако Бог и судьба решили иначе. Осиротевший Бертран горел праведной мезтью, считая виновником гибели отца вовсе не Бога и не судьбу, а тайных наймитов Раймунда Триполийского. Рассуждал молодой человек верно, памятуя латинскую формулу: «Cui pro-
fuit?» — «Кому выгдно?». А тут уж, как ни крути, самым заинтересованным лицом оказывался, разумеется, граф Триполи, правнук все того же легендарного графа де Сен-Жилля. Сам осиротевший Бертран был его внуком. Он, безусловно, пылал праведной мезтью, тем паче что обидчик не присоединился к походу под предлогом опасности активных действий со стороны Нур ед-Дина против графства.

Вместе с тем в своей непримиримой злобе против Раймунда Триполийского (жалко папу-то!) Бертран как-то упускал из виду, что супруга графа — сестра христианнейшей королевы Мелисанды, а это могло значить куда больше, чем кровное родство. Если бы Бертран спросил другого Раймунда, того, который остался у себя Антиохии, тот бы, возможно, подсказал молодому человеку, что убийцу отца ему следует искать не за стенами Триполи, а среди хозяев Акрской ассамблеи. Но сирота не спрашивал, да и сделай он это, ему вряд ли понравились бы намеки князя, с Мелисанды не спросишь, а вот с родственничком можно и потягаться за кусок милого сердцу Лангедока в Леванте. Надо только дожидаться своего часа.

⁴³ Старосты (*арабск.*).

⁴⁴ Юный варвар и понятия не имел, что среди ноблей самого Иерусалимского королевства наметился раскол, грозивший вскоре превратиться в трещину, ничуть не менее серьезную, чем та, что со дня на день разделит баронов земли, как величали они себя сами, и пришельцев с Запада. Едва ли Ренольд мог предположить, даже подумать о том, что очень скоро политические пристрастия разведут двух магнатов Утремера по разным сторонам арены, на которой развернутся боевые действия между повзрослевшим королем и его властолюбивой матушкой. Они тоже еще не знали этого, но уже чувствовали приближение грядущих событий. Но при всем при этом Онфруа Торонский был честнее, храбрее и умнее будущего своего противника. Спустя много лет, уже будучи коннетаблем, состарившийся, но не утративший своих лучших качеств Онфруа с горсткой храбрецов, мужественно сражаясь, спасет своего короля и его армию от поражения. Но то будет уже другой король и другая армия.

⁴⁵ Речь идет о римском фунте, равном 12 унциям. В данном случае это примерно 330 граммов.

⁴⁶ В феврале 1149 г. германцы и австрийцы покинули столицу Восточной империи лучшими друзьями базилевса. Это означало начало нового этапа войны между Западом,

представляемым королем Обеих Сицилий и многочисленными норманнами Франции и Англии, и Востоком, у которого теперь появился новый союзник. Впрочем, называть его новым едва ли правильно. Подобная расстановка сил существовала с тех пор, как папство нашло в оккупировавших юг Италии норманнах Роберта Гвискара надежных и, главное, очень сильных союзников против своего извечного врага — германского императора Генриха Четвертого.

⁴⁷ Юиссье — военно-транспортные корабли, в силу своей конструкции они были очень удобны для перевозки коней, которых можно было вводить через перекидной мостик прямо с причала в трюм через специальную дверку, называвшуюся «huis». Галиоты или дромоны — так в XII в. назывались грузовые суда.

В данном случае путь венценосной французской четы на родину оказался весьма непростым. Сицилийский морской дивизион, на кораблях которого они покидали Святую Землю, был вынужден *прорываться* в Италию с боями. Корабль, на котором ехала Алиенора, угодил в плен к византийцам. Правда, королеву немедленно вернули супругу с самыми горячими извинениями, но, как нетрудно догадаться, улучшению отношений между Парижем и Константинополем данный эпизод способствовать не мог.

⁴⁸ Возможно ей уже было сорок, скорее всего, Мелисанда родилась около 1010 г., может быть, в 1109 или 1108 г. Однако возможно также, что и в 1111 г., едва ли позже. Поскольку вторая дочь короля Бальдуэна Второго, Алис, в 1126 г. уже была замужем, а в 1128 г. стала матерью Констанс, значит скорее всего, появилась на свет не позднее 1112 или 1113 г., так как раньше тринадцати—четырнадцатилетнего возраста без крайней необходимости династические браки, как правило, не совершались. Саму Мелисанду выдали замуж только в 1129 г., то есть после сестры. Отец ее, конечно, ждал, пока найдется подходящий кандидат, ведь мужу Мелисанды предстояло стать королем. Но что заставило Бальдуэна поспешить? Он решил пресечь любовные похождения наследницы престола? Или же почувствовал, что жить ему осталось недолго?

⁴⁹ Более подробно о стычках христиан с мусульманами в описываемый период см. комментарий 7.

⁵⁰ Для получения более подробной информации об оружии, применявшемся в описываемую в романе эпоху, см. комментарий 8.

⁵¹ Для более подробной информации о предках Бертрама Тулузского см. комментарий 9.

⁵² Основной силой любой средневековой европейской армии являлась кавалерия. Специально выезженные кони, дестриеры, становились как бы продолжением своих всадников. Норовистый жеребец не признавал никого, кроме хозяина, в

бою такое животное кусало, било передними копытами (порой даже и разбивало черепа), без жалости давило противников своего седока. Богатые нобли имели по несколько коней, в переходах рыцари обычно пользовались более покладистыми меринами или кобылами, жеребцов старались держать свежими для боя.

Тяжелая кавалерия оправдывала себя против пехоты и такой же латной конницы, но на Востоке, как мы уже говорили, франкам пришлось столкнуться с куда менее крупными, чем они сами, кочевниками из глубин Азии, разъезжавшими на маленьких, но быстроногих и очень выносливых лошадках. Как правило, догнать их дестриеры не могли; вот, кстати, одна из причин, по которой предводители часто битых особенно первыми крестоносцами турок почти никогда не попадали в плен. Другая же заключается в том, что по обычаям Востока полководцу полагалось находиться позади своей армии. Так что, если ей случалось не сдержать натиска неприятеля, эмир, шейх или даже султан, как, впрочем, и византийский стратиг, возглавлял толпу убегающих.

Однако в приведенном выше случае франки сражались с франками, у рыцарей все по большей части зависело от личной удали предводителя и других командиров. Если фланг обращался в бегство — это, как правило, означало и немедленное бегство всех остальных. А это в свой черед означало поражение. В таких случаях никто уже не думал ни о чем ином, кроме спасения собственной жизни. Самым опасным было тогда и остается по сей день окружение, и те, кому не хватило мужества выстоять, изо все сил стремились не дать неприятелю загнать себя в кольцо.

⁵³ Трюк старый как мир даже для Запада: притворное бегство использовали еще викинги, а рыцари герцога Нормандии Вильгельма таким образом выманили из укрепленного лагеря англичан Гарольда Английского. На Востоке такая тактика также была прекрасно известна. Турки частенько пользовались ей. Крестоносцы Первого похода тоже. Боэмунд Отрантский с семью сотнями рыцарей разбил шедшую на помощь осажденной Антиохии двадцатитысячную орду из Алеппо. На марше из Лаодикеи в Адалию, среди участников которого, как мы уже знаем, оказался и Ренольд, тамплиеры постоянно твердили не искушенным в тактических премудростях рыцарям, чтобы те не вздумали поддаваться на удочку мусульман и не бросались в погоню, забыв обо всем на свете.

⁵⁴ Для получения дополнительной информации об обстоятельствах, сложившихся вокруг престолонаследования в Триполи в период правления там первых наследников графа де Сен-Жилля, см. комментарий 10.

⁵⁵ Дело тут не в глупости или какой-то особенной беспечности латинян. Это как раз тот случай, когда давало себя

знать различие взгляда на стратегию ведения войны на Западе и Востоке. Подход франков в двенадцатом веке предполагал, как это ни смешно звучит в веке двадцатом, *честную* схватку, в этом случае побеждал тот, кто оказывался сильнее, храбрее, самоотверженнее.

Это как раз то, что в нашем понимании соответствует понятию рыцарского поведения. Хотя оговоримся все же, что те рыцари, каваллории, кабальеро или шевалье, о которых идет речь в этом повествовании, были обычными конниками, не мывшимися порой месяцами и вынужденными спать иной раз чуть ли не на голой земле. Они мало походили на надутых и расфуфыренных в пух и прах *кавалеров*, салонных *рыцарей*, дамских угодников, розовых воздыхателей и рифмоплетов, чей образ, надо думать, всплывает в сознании некоторых дамочек, когда они произносят свое: «Ну где же мужчины? Где настоящие рыцари?!» Так вот же они, милые барышни, вот ваши рыцари, Раймунд де Пуатье и Ренольд де Шатийон, типичные представители этого вида самцов *homo sapiens*. Бароны-грабители. Замечательные ребята! Ах как порой бывает! Сколько всего, «произросло» из римской «кобылы», ведь слово «*caballus*» в переводе с латинского означает просто лошадь?!

Так или иначе, получается, что для Запада главная прелесть войны заключалась в самой войне, Востоку же требовалась победа любой ценой. Для этого годилось все: и шпионаж, и хитрость, и предательство. Норманны Вильгельма Норманнского и Гвискара потому и побеждали, что всего лишь два-три поколения отделяли их от дикарей викингов, сохранивших в своей Скандинавии, как в некоем заповеднике, психологию сынов Азии, из которой они вышли. Как, впрочем, и все прочие европейские народы.

⁵⁶ В данном случае под стадием понимается расстояние в сотню туазов (см. сноску 16 к части I), то есть около одной восьмой мили.

⁵⁷ Так хочет Бог! (*средневековая латынь*). Излюбленный клич крестоносцев.

⁵⁸ Прежде чем самому сделаться достойным права опоясаться мечом и принести омаж даже графское дитя, даже сын герцога обязан пройти воинскую науку с самых азов. То есть, как сказали бы мы теперь, начать сначала, с чистки коня, ухода за сбруей и содержания в порядке вооружения взрослого рыцаря. И не важно даже, если тому потом придется сделаться вассалом того, кто служит ему сегодня (всякое бывало). Пока не принесен омаж, мальчик, так называемый дамуазо, еще не человек, не мужчина, никто. Слово «*homagium*», «*hommage*», собственно, и происходит от «*homo*», «*homme*» — человек.

⁵⁹ Арбалет, или чанкра (*chancra* — *стар. фр.*), — типично европейское изобретение. Он вошел в широкое употребление еще до Первого похода. Даже и дамы на Западе не гнушались поупражняться в стрельбе из подобного оружия. Иные из них достигли такого мастерства, что могли утереть нос многим мужчинам. Правда, натягивать тетиву женщины (они, как известно, создания хрупкие) в большинстве случаев предпочитали руками мужчин, тех же самых оруженосцев или грумов, хотя встречались, конечно же, и исключения из правил.

Примечателен тот факт, что Латеранский собор 1139 г. признал арбалет антигуманным оружием и запретил его использование, по крайней мере, против христиан.

⁶⁰ Согласно традиции духовная власть Антиохийской церкви распространялась на территорию графств Триполийского и Эдесского.

⁶¹ Густав Шлумбергер вообще называет патриарха Аморик. (*герм.* — Амальрих).

⁶² Паллий (см. сноски к комментарию 3 настоящего повествования).

⁶³ Епитрахиль (или стола) — длинная льняная лента с вышивкой, которую высшие иерархи церкви носили под далматику, обернув вокруг шеи, опускали концы так, что те ниспадали свободно вниз.

⁶⁴ Рубаха, которую надевали на голое тело, носили ее как мужчины, так и женщины. Однако это не нижнее белье, которого тогда просто не было.

⁶⁵ Около 70 кг.

⁶⁶ Для получения дополнительной информации о том, какими деньгами пользовались на Востоке в эпоху владычества крестоносцев, см. комментарий 11.

⁶⁷ Для более подробных сведений о Тафюре см. комментарий 12.

⁶⁸ Для уточнения ситуации, сложившейся вокруг Антиохии, см. комментарий 13.

⁶⁹ Для получения информации о монашеских орденах Ближнего Востока, тамплиеров и иоаннитов, см. комментарий 14.

⁷⁰ Искаженное латинское слово «*santabrarius*» — знаменосец.

⁷¹ Речь идет об участнике Первого похода, отце будущего английского короля Стефана Блуаского. Супруг благочестивой Адели, дочери Вильгельма Завоевателя, граф Блуа и Шартра Стефан был вынужден отправиться в крестовый поход. Никаких иных целей, кроме совершения богоугодного паломничества в Иерусалим, Стефан преследовать не мог. Про него говорили, что замков у него было больше, чем дней в году, следовательно, к территориальным приобретениям граф

особенно не стремился. Неудивительно, что поход весьма скоро наскучил Стефану. Когда же слухи о приближении несметных орд атабека Кербоги стали все более настойчивыми, Стефан с дружиной дезертировал из лагеря крестоносцев, осаждавших Антиохию.

Нечего и говорить, что Адель такого поступка не одобрила, и вскоре графу вновь пришлось ехать на Восток. Иерусалим в тому времени уже был *освобожден*, однако подходящий случай, чтобы смыть позор собственной кровью, для Стефана скоро нашелся. В 1102 г. он погиб в битве с египтянами под Рамлой.

⁷² Le Baussant — так называлось знамя тамплиеров (отсюда и боевой клич). Буквально это означает двухцветный (белый и черный): первый, как символ любви к христианам, второй — как символ ненависти к язычникам, врагам веры Христовой*.

⁷³ Вперед! Да здравствует король! За знамя Сен-Дени! — один из довольно распространенных у рыцарей боевых кличей.

⁷⁴ В те времена на Востоке чаще случалось, наоборот, деревни были большими, до четырехсот крестьян, так что иной раз одной владели сразу несколько сеньоров. Это, как нетрудно догадаться, усложняло сбор налогов, поскольку взимать их посланцы каждого из господ приходили каждый в свой черед.

Как уже говорилось, землю в Левантийском царстве обрабатывали исконные обитатели: по всему Утремеру крестьяне обычно были арабами или сирийцами, за исключением графства Эдесского, где жило большое количество армян, и Антиохии, в окрестностях которой преобладало греческое население.

Встречались и тут и там поселения колонистов из Европы, их села отличались правильностью планировки, дома стояли не кучно, как у арабов и сирийцев, а располагались преимущественно вдоль главной улицы, которая вела к площади, где находилась церковь.

⁷⁵ Староста (*арабск*). Латиняне пользовались термином «регул».

⁷⁶ От латинского *saccabulus* — кастрюлька.

⁷⁷ Les poulains — жеребятки, так прозвали французские рыцари Второго похода своих союзников, местных баронов за нежелание сражаться с противником.

⁷⁸ А ведь так и будет потом! Ровно в год гибели Ренольда сын Бозмунда Третьего, двенадцатилетний княжич Бозмунд (будущий Бозмунд Четвертый), унаследует графство Триполи от его бездетного владыки, графа Раймунда Третьего, а после смерти узурпирует и власть в Антиохии. Так государства злейших врагов, самых знаменитых из крестоносцев Раймун-

да де Сен-Жилля и Боэмунда Отрантского, объединятся под скипетром одного правителя.

⁷⁹ *Secrète* — чиновники, в чьи обязанности входил прием денежных сумм и драгоценностей, которые шли на нужды княжества. Иначе — казна, за сохранность которой отвечало лицо, занимавшее высшую должность при дворе, то есть сешаль.

⁸⁰ Для уточнения ситуации с Иоанном Рутгером см. комментарий 15.

⁸¹ Для более подробной информации об ассасинах см. комментарий 16.

⁸² После смерти Фульке Мелисанда короновалась вместе с тринадцатилетним сыном и все эти годы и формально и фактически являлась соправительницей. Теперь отрок вошел в возраст, когда вполне мог править самостоятельно. Если бы матери удалось осуществить совместную коронацию, Мелисанда закрепила бы свое положение и на будущее.

⁸³ В 1127 г. во время ссоры между отцом Констанс, князем Боэмундом Вторым, и графом Эдессы, Жосленом Первым, последний совершил ряд рейдов на пограничные деревни княжества, за что патриарх Бернар, под чьим духовным патронажем находилась не только Антиохия, но так же Триполи и Эдесса, наложил интердикт на все графство Жослена. Тем не менее это не помогло. Понадобилось личное вмешательство короля Бальдуэна Второго для того, чтобы помирить властителей Антиохии и Эдессы.

⁸⁴ Крепость, расположенная в десяти милях от города Лидда, который европейцы в описываемый период времени называли Сен-Жорж.

⁸⁵ В конце прошлого века Густав Шлумбергер в своей работе «*Repaud de Châtillon*» дал несколько иную, отличную от современной, оценку деятельности нашего героя, однако, несмотря на все свои достоинства, его работа имеет ряд досадных неточностей.

⁸⁶ Для более подробной информации о том, куда в описываемый момент времени направлял свои силы Нур ед-Дин, см. комментарий 17.

⁸⁷ Подробнее о годах правления магистров военных орденов см. приложение 1 к настоящей работе.

⁸⁸ Магистр, родившийся в Бургундии (восток центральной Франции) в 50 милях к востоку от монастыря Кюни, скорее всего, говорил на ланг д'эль.

⁸⁹ На штурм (*фр*). Подробнее об устройстве ордена см. комментарий 14.

⁹⁰ Онур скончался в августе 1149 г. Сменивший его Муджир потерял доверие единоверцев, согласившись допустить в город франов — сборщиков налогов. Благодаря рвению иеру-

салимских мытарей даже и самые большие противники Нур ед-Дина задумались: а не лучше ли заменить слабого правителя сильным? Что и было ими с успехом проделано в конце апреля 1154 г.

⁹¹ Никто не знал точно, разведка, как мы уже говорили ранее, в те века у франков практически отсутствовала, они полностью полагались на свидетельства крестьян и просто случайных очевидцев, убегавших от творивших произвол захватчиков. А у страха, как известно, глаза велики.

⁹² Именно так это и называлось в те времена. (См. комментарии к русскому изданию «Алексиады».)

⁹³ О рыцарской тактике ведения боя см. комментарий 18.

⁹⁴ Осада Антиохии участниками Первого крестового похода началась 21 октября 1097 г. и закончилась в ночь со 2 на 3 июня 1098 г. Середина и конец зимы, то есть как раз тот момент, о котором повествует Вальтер, стал самым тяжелым за все время осады, так как голод и болезни в лагере франков достигли катастрофических размеров.

⁹⁵ «Милостью Божьей правитель и принцепс Антиохии». Так на латинском языке писался официальный титул латинских князей Антиохии.

⁹⁶ Местонахождение замка Гастун точно неизвестно. Возможно, это просто другое название Бахраса.

⁹⁷ Подробнее о передаче земельных владений и замков от светских владык орденам см. комментарий 19.

⁹⁸ Так называлась всеобщая шпибка рыцарей на турнире и вообще в сражении.

⁹⁹ Более полный рассказ о военных союзах Танкреда, Бальдуэна Второго Эдесского и Жослена де Тель-Башира с мусульманами см. в комментарии 20.

¹⁰⁰ Эти воины составляли часть войска бездарного полководца, кузена базилевса Мануила, Андроника Комнина и попали в плен к Торосу, который предложил им служить ему и участвовать в дележе добычи наравне с армянами. В прошлый раз германцы неплохо пограбили, и как жизнь, так и служба новому господину, показали им привлекательными.

¹⁰¹ Мнения хронистов на сей счет расходятся, Михаил Сириец, соплеменник Тороса, говорит о том, что победу одержал последний. Он-де принудил Ренольда с позором отступить, а замки, впоследствии ставшие собственностью ордена, якобы передал им князь Малой Армении, поскольку его брат, Млех, был в ту пору тамплиером. Вообще Млех личность безусловно замечательная, за свою жизнь он успел побыть не только храмовником, но и... правоверным мусульманином.

Не надо думать, что язычники принудили его к этому пытками, просто Млех нашел, что в какой-то момент его жизни принятие ислама принесет ему больше выгоды. Одним сло-

вом, Млех, как выразились бы мы теперь, был человеком беспринципным.

¹⁰² Не следует путать этого Ягизьяни с турецким правителем Антиохии, погибшим во время штурма в ночь со 2 на 3 июня 1098 г. Его иногда также называют не Аги-Азьяном, а Яги-Зьяни или Ягизьяни. (См. предисловие к части II данного повествования).

¹⁰³ Надежда Правоверных с радостью откликнулся; он весьма своеобразно понял союзнический долг и употребил силы и время для того, чтобы прибрать к рукам ранее захваченные сельджуками города из Эдесского наследства графа Жослена Второго. Несмотря на то что Килидж Арслан в итоге нанес своему брату решительное поражение, города Айнтаб, Дукук и также Самосата (приобретения базилевса Мануила) остались в собственности предприимчивого аль малик аль-адила. Занятый всем этим Нур ед-Дин, похоже, совсем забыл про своих неправоверных соседей с запада.

¹⁰⁴ Тем не менее, как нам известно, она до конца дней своих сохранила контроль за делами церковными, строго следя за делами государственными и не выпуская из своих рук бразды правления клиром. В течение почти восемнадцати лет, что отделяли момент смерти супруга Мелисанды, короля Фульке и час кончины самой королевы, ни одно более или менее значительное церковное поставление не обошлось без участия благочестивой вдовы.

¹⁰⁵ Можно возразить: из чего это следует, что королева и правда была замешана во всех тех событиях совершала сама или руками своих помощников те поступки, в которых не раз прямо или косвенно обвиняли ее современники?

Все хроники тенденциозны, ибо пишущие их люди либо находятся под властью очарования отдельных личностей, чьи жизни и деяния избрали предметом своего рассказа, либо стараются угодить правящим в их государствах монархам. Вот почему, несмотря ни на что, образ одной из самых знаменитых властителей Левантийского царства дошел до нас обряженным в белые одежды непорочности. Вместе с тем, как бы ни старались историки поддержать имидж королевы, сияющий порой чуть ли не ангельской чистотой, все же частенько в своих историях и жизнеописаниях они проговаривались, заставляя всерьез усомниться в том, что белое и правда было белым, а черное и на самом деле столь уже черным.

Кроме того, известная римская формула «*cui profuit*» (уж очень знакомая) не может вновь и вновь не заставлять и спустя века указывать в сторону Мелисанды в поисках ответа на вопросы: «Кому же мешал если уж не сам король Фульке, то по крайней мере муж Одьерн и первый супруг Констанс?» — а также: «Какие чувства могла испытывать Мелисанда к

сирийской наследнице и ее второму мужу?» Не станем забывать, что в пору, когда жили герои нашего повествования, тайно организовать убийство человека могла только очень высокопоставленная особа. Людям попроще приходилось довольствоваться обыкновенными разборками, иногда дуэлями, иногда просто поножовщиной.

Что же касается фиаско, которое потерпели пилигримы Второго похода, тоже ясно, кому на деле оказался выгоден их провал. Другого способа выпустить пар благочестия, расправивший их христианские души, не представлялось возможным. Если бы не ненависть к Раймунду Антиохийскому, можно было бы вообще оставить заморских гостей ему.

¹⁰⁶ Отец Луи Седьмой носил прозвище «Le Gros» — Толстый. (См. приложение 1 к данному повествованию.)

¹⁰⁷ Нужно уточнить, что, несмотря на смертельные раны, полученные Юго от кинжала убийцы, любовник Мелисанды выжил. Однако это был уже совсем не тот Юго. Сломленный калека, едва оправившись, удалился в изгнание ко двору Рутгера Сицилийского, получил от последнего богатый удел, но во владение им вступить практически не успел, поскольку умер вскоре после того, как приехал в свой новый замок, Гаргано. Смерть эта несомненно являлась следствием ран, полученных от кинжала бретонца в Иерусалиме.

Поведение же Мелисанды можно было сравнить с яростью разъяренной фурии. Несмотря на то что убийца, по приказу Высшей Курии подвергнутый казни, даже после того, как ему отрубили обе ноги и обе руки, продолжал утверждать, что напал на графа по собственной воле, а не вследствие сговора с королем, Мелисанда не поверила в правдивость признания испытуемого.

Страх перед местью королевы охватил противников Юго. Их признанный глава Раурт де Наплуз в течение долгого времени боялся выходить на улицу. Поговаривали, что сам король всерьез опасался нападения нанятых супругой убийц, носил под светским платьем кольчугу, дабы защититься от удара кинжалом в спину.

¹⁰⁸ О политике Нур э-Дина в описываемый период времени см. комментарий 21.

¹⁰⁹ Хочешь мира — готовься к войне (*лат.*).

¹¹⁰ Первые за поддержку получили от молодого властителя снижение пошлин на торговлю шелком и другими тканями с 5 до 4%, а на торговлю другими товарами с 7 до 5%. Вторые выторговали себе помимо земельных и имущественных уступок снижение подорожного налога.

¹¹¹ Кто же знает, кому что уготовил Бог? Вот и Онфруа Торонскому или Онфруа Старому (второму из четырех правителю Торона, носившему это имя) Всевышний судил пережить

своего молодого сюзерена на семнадцать лет и скончаться не от старости или болезни, а от ран, полученных в битве за племянника Бальдуэна Третьего, сына короля Амори́ка, несчастного короля Бальдуэна Четвертого. Честный человек, рыцарь и мудрец (соединение этих качеств — ужасная редкость), он вполне заслужил такую благородную смерть. Впрочем, сейчас речь не об этом и даже не о том, что судьба внука барона Онфруа, также Онфруа, но уже Четвертого, спустя двадцать лет странным образом пересечется с судьбой Ренольда Шатийонского, чьи деяния так взволновали сегодня иерусалимского короля. Не будем забегать вперед, скажем лишь, что Онфруа Четвертый не унаследует и десятой части всех тех качеств, что были присущи его знаменитому деду.

¹¹² «Я сам, облеченный саном императора, не вижу никакого исхода и не нахожу спасения; я принужден постоянно бегать перед лицом турок и печенегов, оставаясь в одном городе, пока их приближение не заставит меня искать убежища в другом. Итак, спешите со всем вашим народом...» (Из письма базилевса Алексея Первого Комнина графу Фландрии Роберту. *Цитируется по работе П. В. Безобразова «Бозмунд Тарентский».*)

¹¹³ Подробнее о политике проводимой Комнинами в отношении государств крестоносцев, см. комментарий 22.

¹¹⁴ Уже скоро мы увидим во что обойдется Левантийскому царству забота Мелисанды. Вместе с тем едва ли стоит высказывать злой умысел в ее действиях. Никто ведь не думал, что жизнь вознесет к власти недостойных внуков Тель-Баширского Волка, славного Жослена Первого — Агнессу и Жослена Третьего, графа без графства.

Венчание Амори́ка Яффского и Агнессы де Куртенэ состоялось в следующем, после описываемого, году. Тогда никто (включая и королеву Мелисанду) не мог себе и представить, сколь сокрушительными для королевства окажутся последствия этого союза спустя ровно тридцать лет. Через пять лет после бракосочетания Амори́к станет королем иерусалимским, что, однако, не сделает королевой Агнессу, магнаты Утремера, в обмен на избрание Амори́ка, заставят его развестись с женой. Она никогда не сможет простить этого баронам. Когда умышленно, когда невольно, просто преследуя свои сиюминутные интересы, графиня (ее так и будут называть графиней) Агнесса будет подтачивать основы Левантийского царства.

¹¹⁵ Как бы там ни было, но посольство коннетабля иерусалимского и его товарища по предприятию, архиепископа Назаретского Аршара (последний скончался по пути), ко двору базилевса Мануила состоялось только летом 1157 г. Император принял предложение.

Коннетабль Иерусалимский оказался не только храбрым

воином, мудрым политиком, но и прекрасным сватом. Он высватал у базилевса племянницу, красавицу Теодору. Венценосный дядюшка раскошелился на сто тысяч золотых приданого, не считая еще десяти тысяч на свадебные расходы. Он также послал будущему родственнику на тридцать тысяч золотых подарков.

Брачный поезд прибыл в Акру в сентябре 1158 г. Молодых венчал хорошо знакомый нам патриарх Эмери, так как его иерусалимский коллега, монсеньер Фульке, скончался, преемник же, Аморик де Несль, еще не получил из Рима официального утверждения в должности.

Впрочем, еще задолго до отбытия делегации в Константинополь на севере Сирии (равно как мусульманской, так и христианской) произошли события, заставившие многих склонных к суевериям людей заговорить о близком конце света. Хотя на Кипре основания полагать так появились едва ли не у всего населения.

¹¹⁶ Из нашей российской истории мы знаем, что в 1240 г. князь новгородский Александр Ярославич, впоследствии прозванный Невским, за то и получил в веках оставшееся славное прозвище, что с малой дружиной своевременно ударил по высаживавшимся в устье Невы шведам, чем прекратил их поход на корню.

¹¹⁷ По одним данным, события эти происходили в 1155 г. Однако арабские хроники датируют поход Ренольда 551 г. лунной хиджры, то есть 1156 г.

¹¹⁸ Вот яркий пример такой отваги. Во время первого крестового похода короля Франции, Людовика Девятого в феврале 1250 г., его брат, граф Артуа, командовавший авангардом, нанес чувствительное поражение мамелюкам и решил довершить успех — захватить город Мансуру. Брат Луи немедленно забыл об обещании не предпринимать ничего, не посоветовавшись с королем. Бывшие с графом эрл Солсбери и гранмэтр тамплиеров не рекомендовали входить в город. (Как мы видим, на сей раз во главе ордена Храма оказался человек более предусмотрительный, чем хорошо знакомый нам Бернар де Тремелэ.) Тогда граф обозвал эрла Солсбери жалким англичанишкой, который держится за хвост французской кобылы, на это эрл ответил, что первым ворвется в Мансуру, и кое-кому из французов придется держаться за хвост его лошади.

Исход, думаю, понятен. Рыцари рассеялись по городу и очень скоро попали в приготовленные для них мамелюками ловушки. И эрл Солсбери и граф Артуа погибли.

¹¹⁹ Интересно, что отец самого легендарного Гвискара, Танкред д'Отвилль, имел двенадцать сыновей (пятерых от первой и еще семерых от второй жены), среди них было два Вильгельма (Гвильома) и два Гумфреда (Онфруа), что, правда,

дает исследователям основания предполагать, что у Тарнреда было не двенадцать, а десять сыновей.

Кстати, доведись кому-нибудь из рыцарей Гвискара устроить такую вот перепалку на позициях, старик Роберт просто приказал бы вздернуть смутьянов. Хотя подобный способ наказания для рыцарей и в XI и XII вв. применялся только в исключительных случаях. В не столь уж далеком прошлом остались времена, когда благородство крови давало право любому рыцарю произвести в рыцари любого молодого человека, если только тот давал честное слово, что его отец принадлежал к дворянскому сословию. И не в столь уж далеком будущем были времена совсем другие, когда в начале XIII в. руководители Четвертого похода, невзирая на «цвет крови» бунтовщиков, смутьянов и мародеров, без жалости вздергивали их на раскидистых ветках дубов и вязов, при этом не гнушались повесить на шею казненному щит с его собственным родовым гербом, чтобы другим неповадно было. Впрочем, уже в Третьем походе германский император Фридрих Барбаросса наводил дисциплину среди своих вассалов самymi что ни на есть решительными методами. Тут же ни о чем подобном не могло идти и речи.

¹²⁰ Монастырь, настоятельница которого, гордая Гельвеция, бросила вызов Ренольду, несомненно был христианским, но есть основания предполагать, что сестры почитали не только Христа, а и древнюю покровительницу своего острова Афродиту, или Киприду.

¹²¹ Ничего необычного, знаменитый король Львиное Сердце, как герцог Нормандии, Аквитании и других фьефов на континенте, был вассалом своего соперника, Филипа Второго Августа, короля Франции, хотя Лондон контролировал большую часть французских земель, чем Париж.

¹²² Чтобы не ходить далеко, вспомним, что великий князь Владимирский, князь Московский Иоанн Первый по прозвищу Калита (собиратель земли Русской) не погнушался ограбить Ростов, где княжил его собственный зять, ни слова худого тестюшке не сказавший. Просто нужны были князю деньги, хану в Орду послать, земли опять же собирать.

А ведь Иоанн считался весьма набожным человеком. И Бог наказал князя, ему пришлось прожить тяжелую жизнь, он частенько ездил в Орду, каждый раз при этом оставляя своим боярам и княгине распоряжения на тот случай, если... Богу не будет угодно, чтобы он вернулся к родимому порогу. (Так, впрочем, частенько поступали многие властители, например перед началом походов.) Умер Иоанн совсем еще не старым человеком. Если бы не нервные стрессы, он мог бы прожить куда дольше.

¹²³ Раз уж пришлось к слову, скажем, что на следующий год бедняжка скончается, а спустя еще два года Мануилу

просватают Марию Антиохийскую, дочь Констанс и Раймунда де Пуатье.

Другая претендентка на освободившееся в императорской спальне место, Мелисанда Триполийская (дочь Одьерн, племянница Мелисанды Иерусалимской и сестра двадцатипятилетнего Раймунда Третьего Триполийского), окажется обойденной. Впрочем, «претендентка» не совсем, на мой взгляд, верное слово. Ни на что эта девочка-подросток, скорее всего, не претендовала, сказали брат и мать: «Выпала тебе честь великая. Пойдешь замуж за императора» — она и начала собираться. Да вот не задалось сватовство. Как частенько случается, поводов отказаться от брака с юной Мелисандой нашлось два, один официальный — невеста слабовата здоровьем, а другой неофициальный, но куда более весомый — поговаривали, что на самом деле Мелисанда не дочь Раймунда Второго, мол, мамаша нагуляла ее, а с кем, то, конечно, неизвестно.

Молодой граф Раймунд III воспримет отставку, данную сестре константинопольским двором, очень близко к сердцу. Со злости он использует приготовленные для свадебного поезда сестры корабли, чтобы ограбить... Кипр.

О Мелисанде все забудут, бедняжка зачахнет в девицах, точно принцесса Луантэнн из средневекового рыцарского романа.

¹²⁴ Согласно некоторым арабским источникам в месяц зуль-хиджжа 553 г., то есть в период с 24 декабря 1158 г. по 23 января 1159 г. Численность армии называется всеми историками различная, у архиепископа Тирского говорится о 50 тысячах воинов.

¹²⁵ На все сорок три года, которые еще предстояло прожить Бозмунду, у него осталась память об этом разговоре. Даже если бы Бозмунд Le Vaube (Малыш) и захотел забыть об укороте, полученном им от отчима, то не смог бы из-за приклеившейся к нему новой клички «Le Bègue» (Заика).

¹²⁶ Трудно, конечно, что-либо утверждать. Однако несколько необычные для боговенчанного византийского владыки особенности поведения Мануила дают право делать такого рода предположения, ибо кому же в жизни не хотелось испытать себя? Как бы там ни было, когда жизнь потребовала от базилевса проявить именно подобные качества в битве при Микрокефалоне, спустя семнадцать с лишним лет после описываемых событий, Мануил струсил и... потерял армию. Он думал лишь о собственной безопасности, хотя его персональное вмешательство в сражение могло спасти ромейское войско от разгрома. Впрочем, ему было уже пятьдесят четыре, возможно, судьба просто опоздала. Ведь подобное случается так часто.

¹²⁷ К покаянию в те времена прибегали довольно часто, один из известнейших случаев — это история, связанная с

германским императором Генрихом Четвертым, тот примерно в такой же вот обстановке просил прощения у папы Григория Седьмого. Последний долго не хотел миловать грешника, но в конце концов сдался — целый день простоял император босой на снегу в одной рубашоночке.

Думаете, это помешало Генриху спустя несколько лет выгнать апостолика из Рима? Ни в коем случае. Спасибо герцогу Гвискару, вернул старика обратно при помощи своей несокрушимой конницы.

И наши владимирские да и московские князья немало пыли поглотали, ползая перед престолами ордынских ханов. Не любим мы этого вспоминать, а ведь правда. Может, потому и не любим? Напрасно, такие уж в те поры царили порядки. Одно слово — варварское средневековье.

¹²⁸ Для получения более подробной информации о дальнейших действиях Мануила см. комментарий 23.

¹²⁹ Имя Оргвиллоза в переводе с французского и означает Гордая.

¹³⁰ Речь идет об ассасинах, живших по соседству с владениями князей Антиохии и графов Триполи. Столицей их земель являлся замок Масьяф в Носайрийских горах. Фидаи, или посвятившие свою жизнь убийству, как известно, употребляли гашиш (хассис). См. комментарий 16.

¹³¹ Из ста двадцати рыцарей и конных оруженосцев уцелели только тридцать человек, пехотинцев осталось не более сотни.

¹³² Подробнее о дальнейших событиях, имевших место после пленения князя Ренольда, см. комментарий 24.

¹³³ Речь идет об Антиохии, расположенной в Писидии, в Малой Азии, через которую шли участники как Первого, так и Второго походов.

¹³⁴ Подробнее о содержании хрисовула, данного Боэмунду Первому Алексеем в связи с Девольским миром (1108), можно узнать из произведения Анны Комнины, «Алексиада». Также см. комментарий 22 к настоящему повествованию.

¹³⁵ Например, еще с детских лет так хорошо известный всем любителям исторического жанра король Англии Ричард Первый принесил омаж королю Франции Филиппу Второму за земли (Нормандию, Аквитанию и прочие), которыми владел на территории Франции как вассал французского короля.

¹³⁶ Паллий (или омофор) — белый шерстяной круг, к которому подшивались две ниспадавшие вниз ленты. Украшали его пять изображениями креста, вышитые красным или черным.

¹³⁷ Самостоятельным орденом братство госпитальеров стало уже в 1113 г.

¹³⁸ Интересно, что к титулу магистров Госпиталя определение «великий» стало прибавляться только с 1430 г.

¹³⁹ Например, в 1166 г. Андроник прославится соблазнением племянницы Мануила Евдокии.

¹⁴⁰ Безусловно подавляющее большинство в дружине Танкреда составляли сержанты. Такого гигантского количества тяжелой конницы у него просто быть не могло.

¹⁴¹ Просьба не путать с Каноссой — замком графини Матильды.

¹⁴² Некоторые хронисты утверждают, что Танкред вообще не приносил омажа Алексею, специально проехав через Константинополь ночью.

¹⁴³ 13 апреля 1204 г.

¹⁴⁴ Маршал Болдуин (Marshall W. Baldwin) из Нью-Йоркского университета, ссылаясь на Августа Крея и его работу «William of Tyre», оспаривает год смерти Бальдуэна Третьего, перенося ее с 1162 на 1163 г.

¹⁴⁵ Эмери умер в 1196 г. (По другим сведениям, в 1193 г.).

¹⁴⁶ Деньги Боэмунду Третьему дал Мануил, но за это потребовал заменить Эмери Анастасием.

¹⁴⁷ Графу свобода обошлась в 80 тысяч сарацинских динаров. Жослену Третьему, захваченному в плен примерно в одно время с Ренольдом, в 50 тысяч, самого же Ренольда уже после смерти Нур ед-Дина выкупили за 120 тысяч.

КОММЕНТАРИЙ 1

Поздний брак Боэмунда Первого (1106 г.) создал ситуацию, в которой наследник его, малолетний Боэмунд Второй, не мог реально возглавить государство, находившееся в состоянии непрерывной войны с соседями. На семь лет престол перешел к родичу князя, Рутгеру Салернскому. Этот правитель Антиохии, хотя в легендарном Первом походе и не участвовал, был уже далеко не новичком на Востоке. Он прославился как храбрый рыцарь, не раз громивший язычников. В 1115 г. он напал на турок возле горы Тель-Данит близ города Сирмин и одержал над ними решительную победу, вследствие чего совершенно, казалось, забыл об осторожности.

В конце июня 1119 г., ровно через двадцать один год после того, как небольшая армия крестоносцев разгромила под стенами Антиохии полчища атабека Мосула Кербоги, Рутгер легкомысленно выступил навстречу несметным полчищам туркоманов Ильгази. Орда последнего насчитывала до сорока тысяч всадников, у князя же было всего семьсот рыцарей и около четырех тысяч пехотинцев (армян и греков), мало дисциплинированных, как практически любая пехота в те времена, кроме разве что византийской.

С 28 июня 1119 г. престол Антиохии освобожден еще на семь лет до прибытия на Восток в 1126 г. девятнадцатилетнего Боэмунда Второго.

Он не успел покрыть себя и малой толикой славы великого отца и знаменитого двоюродного брата, поскольку ничем особенным, кроме пограничных стычек с неверными и склок с соседями-христианами, отличиться не успел. В феврале 1130 г. с малочисленной дружиной Боэмунд Второй отправился в северные пределы своего княжества отбивать у киликийских армян захваченный ими город. Армянский князь обратился за помощью к Данишмендскому эмиру Гази (не путать с Ильгази). На реке Пирам (ныне Джайхан) князя Боэмунда ожидала засада. Его убили по недоразумению, турки клялись впоследствии, что не хотели этого.

Им можно верить, за мертвого богатого выкупа не возьмешь.

В сложившейся ситуации главная беда для франков Антиохии заключалась не только в том, что они лишились защитника, а в том, что единственной наследницей молодого князя оказалась двухлетняя дочь Констанс.

Примечательно, что матерью девочки была Алис, вторая из четырех дочерей короля Бальдуэна Второго. Он, как и его родственник, Бальдуэн Первый, в свое время прошел, если можно так выразиться, крещение Эдессой, а именно в течении восемнадцати лет в качестве графа управлял самым дальним форпостом христиан на Востоке. К середине XII в. (то есть, ко временам Второго крестового похода) некогда могущественное графство (вернее, то, что осталось от него после падения столицы) напоминало полуостров, с трех сторон, подобно бурлящему морю, окруженный территориями, населенными враждебными мусульманскими народами. «Материком», «большой землей» «полуострову» служило княжество Антиохийское.

Поговорим немного об отце Алис и деде Констанс, третьем (включая и Годфруа Бульонского, носившего титул не короля, а Защитника Гроба Господня) правителе Утремера.

В поры молодости своей славный граф Бальдуэн Эдесский, Бальдуэн Буржский, будущий король Иерусалима, в отличие от своего родственника и тезки, Бальдуэна Первого, являлся примером христианского благочестия, по крайней мере в том, что касалось семьи и брака. Женившись на Морфии, дочери армянского князя, он не в пример своему родичу и предшественнику (тоже, кстати, сочетавшему узамы брака со знантой армянкой), всю жизнь прожил с ней душа в душу, произведя на свет четырех дочерей: Мелисанду, Алис, Одьерн (Годиерну) и Жоветту (Иветту).

Последняя появилась на свет, когда отец уже принял королевский титул. Но, как это ни парадоксально, именно урожденной принцессе и не суждено было познать супружеского и материнского счастья, ей предстояла карьера духовной особы. Жоветта стала настоятельницей монастыря, специально основанного для нее старшей сестрой, Мелисандой, в свой черед сделавшейся королевой. Третья сестра, Одьерн, вышла замуж за графа Триполи Раймунда Второго. Алис, как мы уже говорили, стала княгиней Антиохии и вскоре, как это ни печально, вдовой.

После необходимых пояснений вернемся же к проблеме престолонаследования во втором по значению и территории государстве латинян. Итак, последний норманнский правитель Антиохии погиб, и трон вновь освободился, занять его полагалось... увы, не Алис, а будущему мужу ее дочери. Самой же молодой вдове полагалось довольствоваться ролью счастливой мамыши и, с течением времени, бабушки. Ни того ни другого властолюбивая и жизнелюбивая Алис не хотела. (Не станем спешить осуждать ее за это, кому охота раньше срока прощаться с молодостью?)

Она начала интриговать, даже послала гонцов в Алеппо к Зенги, предлагая ему сюзеренитет над Антиохией в обмен на военную помощь лично ей, вдовствующей княгине, княгине матери, княгине-регентше. Оговоримся сразу, после смерти князя Боэмунда Второго подобные неприятные поползновения уже имели место, тогда конфликт улаживал отец мятежной вдовы. Теперь же мужу королевы Мелисанды, старшей сестры Алис, графу Фульке Анжуйскому, королю Фульке Первому, как и несколько лет назад Бальдуэну Второму, пришлось отправиться на север с войском, чтобы привести строптивцу в ум. Однако тогда, при Бальдуэне, ситуация выглядела иначе, теперь наследница выросла достаточно — пусть не для того, чтобы ложиться в постель в качестве новобрачной, так для того, чтобы, стоя перед алтарем, произнести: «Да» в ответ на вопрос священника: «Согласна ли ты, Констанс... стать женой...» Женой кого? А вот тут-то и возникает вопрос!

Если первое многоочие в данном случае заменяет титул сирийской наследницы, то чье же имя скрывает второе?

Княжну замуж выдают, а не крепостную девку, тут сваты серьезные, все короли, да не местные, а из Европы: один французский, другой английский. Тем временем, пока Фульке смирял непокорную свояченицу, один из рыцарей братства Госпиталя святого Иоанна, Жерар Жебарр, в большой тайне от княгини Алис отправился в Лондон, где при дворе короля

Генриха находился подходящий претендент на руку малютки наследницы Констанс, сын герцога Аквинатского Вильгельма (иначе Гвильгельма, Гвильома или Гийома — от латинского *Guilelmus*) Девятого, Раймунд де Пуатье.

Нетрудно дать согласие принять власть в Антиохии и обвенчаться с семилетней девочкой (пока доехал, ей уже и восемь стукнуло), даже если самому тебе уже тридцать шесть. Но как добраться в далекую Сирию, если на Средиземном море едва ли не безраздельно властвуют корабли ромеев да, что еще хуже, Рутгера Сицилийского?

Ну и что ж с того, что он свой? Ну и что, что радетель римской церкви и родич европейских монархов? Ну что ж с того, что не раз силами своего флота помогал воинству Христову в Палестине да и иных населенных язычниками местах? Рутгер в марьяжном вопросе не друг, а скорее враг властителям Утремера.

Заглянем ненадолго в прошлое, ибо там и скрывается корень зла, заставляющей сицилийского короля не желать сирийской наследнице поскорее обрести мужа. «Рутгеру-то какое дело? — возможно спросите вы. — У самого земли полно и хлопот, как у каждого властителя со своими непослушными вассалами, хватает! Чего ему надо в Сирии, что он там забыл?»

Не спешите, тут дела родственные. Впрочем, это одно, а предлог для обиды у Рутгера имелся и, как ни крути, довольно весомый. Вот скажите, вольно ли было королю Бальдуэну Первому на старости лет жениться на вдовствовавшей графине Аделаиде, матери графа Рутгера, будущего короля Обеих Сицилий? (Так иногда называлось новообразованное королевство, включавшее в себя кроме острова еще и юг Италии, Калабрию и Апулию, — Норманнское Королевство Сицилия.) А коли женился, так будь добр уважать достоинство и права супруги, вести себя как подобает, делать все честь по чести! А то... богатое приданое истратил и... разонравилась жена.

Впрочем, и властителя иерусалимского понять нетрудно, ему деньги позарез понадобились, потому что у королей так всегда — всем дай, будто под треном сундук, а в нем сокровищ не меряно!

Да и то сказать, всегда Бальдуэну не хватало, когда еще и королем-то он не был, наверное и не мечтал даже! В юности еще в Эдессе пригрозил первому своему тестю, что сбреет бороду. А для армянина или грека безбородый зять — позор хуже нет, пришлось старику раскошелиться на тридцать тысяч золотых, но и он не дурак оказался, взял с зятя клятву, что тот навсегда останется при бороде. Клятва — Бог с ней, только вот и без нее второго покупателя на растительность на лице

Бальдуэна в году от Рождества Христова 1113 не находилось, может, потому, что поседела?

Случилось так, что спустя четыре года после свадьбы Бальдуэн, двадцать лет без устали сражавшийся с неверными, заболел на обратном пути из Египетского похода. Подданные стали поговаривать, что это Божья кара за двоеженство. А патриарх так прямо и заявил: «Не отошлешь сицилийку домой — умрешь нынче же!» Тут бы королю и спросить что-нибудь вроде: «Скажи-ка пожалуйста! Ты-то что понимаешь? Тоже мне, врач выискался!», но... годы берут свое.

Бывшая супруга армянка, хоть и давно уже предавалась безудержному веселью при константинопольском дворе, где вела жизнь, прямо скажем, не добродетельной дамы и никак не мужниной жены, брачные узы, связывавшие ее с супругом королем, расторгать не спешила (еще бы, дуру нашли, с таким мужем разводиться!). Вот и получалось, что, как ни крути, а факт двоеженства налицо! Такое у неверных в обычае, а христианнейшему королю не пристало гаремы заводить. Словом, накинулись со всех сторон, и не выдержал воин, отослал Аделаиду домой, ну сынок и обиделся. Да так, что спустя двадцать лет (Бальдуэн-то на следующий год умер, хоть и послушался патриарха) все забыть не мог.

Однако рискнем не поверить в столь гипертрофированную, просто-таки болезненную злопамятность Рутгера, посмотрим на причины обиды под другим углом. Ну скажите-ка на милость, почему это судьбу сирийской наследницы решают Людовик Французский да Генрих Английский, если прадед Констанс, Роберт Гвискар и отец короля Рутгера граф Сицилии Рутгер д'Отвилль — родные братья? Ну и что, что оба давным-давно покойные? Его-то, короля Рутгера Второго, спросить все равно были обязаны! И не только спросить, у сицилийца имелись свои виды на антиохийское наследство, не мог он допустить, чтобы контроль, а то и вовсе прямая власть над ним досталась его злейшему врагу, базилевсу Иоанну Комнину.

Вот в какую глубь веков заглянули мы стараясь понять, почему знатному жениху княжны Констанс, Раймунду, пришлось прикидываться помощником купца, чтобы добраться по морю до невесты. (Посуху в ту пору всего вернее было вообще никуда, кроме турецкого плена, не добраться.)

Ну, главное, добрался все-таки, теперь уж все мытарства позади, все ясно, впереди свадьба, а за ней, как водится, веселье да пир горой, а потом уж дела государственные: война с врагом да суды княжеские, церковные устроения и опять-таки пир, а куда ж без этого?

Все так, да не спешите, сир Раймунд, расслабляться до поры до времени.

В общем, приехал жених, только, можно сказать, ногой сушу почувствовал, а тут новость, пострашнее, чем в море качка, — будущая теща видит себя совсем в иной роли. Да и то понятно, Раймунд мужчина, как говорится, видный, косая сажень в плечах, к тому же возраст, претенденту на престол тридцать семь, Алис лет на двенадцать меньше, чем не пара? К тому же она — мать, ну а какая же *мать* отдаст *единственную дочь* за человека чуть ли не на тридцать лет ее старше? Лучше уж самой!

О том, кто вскоре пожалует в Антиохию, Алис загодя узнала через шпионов. Все норманны вроде как родственники, и полно их не только в Антиохии, но и в Лондоне, и в Париже, и в Мессине, и в Салерно, и в Неаполе, вот новость и добежала сначала до Рутгера, а уж от него и до Алис.

Вдова имела все основания надеяться, что дело выгорит, тем более что патриарх Радульф, в то время ссорившийся со своими клириками, обещал помочь княгине. И вот ясным апрельским днем Алис дожидалась во дворце суженого, а тот все не ехал и не ехал. Она слишком поздно почувствовала подвох; служанка, обеспокоенная тем, что не может нигде найти ни без малого девятилетнюю Констанс, ни ее мамку, сказала об этом Алис. Но, в этот момент княгиня оказалась уже не в состоянии что-либо изменить: мамку скоро отыскали с перерезанным (чтобы не вопила дурью) горлом, а вот что касается девочки... Единственное чадо княгини Алис, еще утром игравшее в куклы, стояло перед алтарем в соборе Святого Петра, где предатель Радульф венчал наследницу и заморского жениха.

Алис поняла, что проиграла. Во второй, теперь уже в последний раз удалилась она в свое вдовье имение в Латтакию. На целых тринадцать лет княжество оказалось в крепких и порой жестких руках Раймунда де Пуатье.

Почему он не выбрал более подходившую ему по возрасту вдову? Понять не трудно, представим себе, что у Раймунда и Алис не оказалось бы потомства, а между тем через пять-шесть лет Констанс достигла бы брачного возраста, она вышла бы замуж и... куда тогда деваться отчиму, заморскому регенту? Именно так, всего лишь регенту, байи (bailli) или, как еще иногда называли, прокуратору, лицу с правами даже и не кровного родства. Представим на минуточку, что случилась бы трагедия, и Алис скончалась бы лет в тридцать? Раймунд оказался бы в этом случае за бортом, как выразились бы мы теперь. Ну и, конечно, как опять же *мы и теперь* сказали бы, жених из Пуатье *чувствовал разницу*.

КОММЕНТАРИЙ 2

Когда пала Эдесса, первая весть о страшном поражении христианства на Востоке, докатившаяся до Европы в начале 1145 г., показалась многим столь ужасной, что никто не хотел верить в это.

Некогда Эдесса стала первым приобретением крестоносного воинства и всегда оставалась его самым дальним форпостом, неким молотом, далеко врезавшимся в необъятное мусульманское «море», такое большое, что даже и вся Франция вместе с Нормандией, Аквитанией, Провансом и даже Лотарингией казались в сравнении с ним малозаметным «озерцом».

Населенная, как и прежде, преимущественно греческими и армянским христианами Эдесса никогда не располагала большой армией: собственные ее силы равнялись приблизительно двум, двум с половиной сотням всадников, наполовину франкского происхождения, наполовину местного, то есть рекрутированных из армян, воспринявших рыцарские правила западных христиан.

В конце ноября 1144 г. атабек Зенги, самый страшный в ту пору противник франков, подошел к Эдессе с большим войском. Граф Жослен Второй Эдесский, сын покойного Тель-Баширского Волка, поспешил отъехать в старинную отцовскую вотчину, предоставив гарнизону столицы самому постоять за себя. Армяне и франки мужественно сражались, но, когда из-за удачно подведенных подкопов рухнули стены, орды мусульман хлынули в город, и ничто уже не могло спасти защитников от резни. Попытка отбить город спустя некоторое время стоила жизни одному из франкских магнатов, Бальдуэну де Марашу. Самому Жослену удалось вырваться из турецкого кольца.

Не прошло и двух лет, как счастливый победитель, надежда правоверных, Имад ед-Дин Зенги пал от руки собственного внука, а сердца благородных мужей Запада уже кипели праведной мезтью. Бернар Клервоский призывал рыцарство в священный поход против турецких язычников. «Что вы, храбрецы, подельваете? Что, слуги Господни, вершите? — восклицал он перед толпами собравшихся. — Отдаете святыни на поругание псам и жемчуг в корм свиньям?»

Когда стало известно, что сам молодой король Франции, а вместе с ним и властитель Германии готовы возглавить новое крестоносное воинство, младшие сыновья баронов и графов Европы валом повалили под знамена столь значительных монархов. Бернар мог с чистой душой рапортовать папе Евгению о проделанной работе: «...где бы ни проповедовал я, там ряды крестоносцев множились, и несть им числа, города же и замки опустели...»

Вот тут-то для них, младших сыновей, лишенных надежды на достойную долю в отцовском наследстве, появлялся шанс, как некогда для лотарингца Бальдуэна, лангобардов Боэмунда и Танкреда. Теперь это снова был не только единственный выход для юных буянов и драчунов хоть как-то поправить собственные дела, теперь война против всех противников церкви Христовой становилась их священным долгом. Может быть, кто-нибудь из них станет новым королем Иерусалимским? Или князем Антиохийским? Или графом отвоеванной у неверных Эдессы? (Долго, что ли? Как ударим всей ватагой, кто устоит?!)

И не беда, что в Святом Городе правил под ревностным оком королевы-матери Мелисанды шестнадцатилетний Бальдуэн Третий, а сирийская наследница добрый десяток лет как сделалась супругой благородного красавца Раймунда де Пуатье. Что такое муж? Подумаешь, чушь какая?! Да и вообще, люди ведь умирают?

Танкред, вот кто более всего будоражил воображение молодых забияк. Как же, ведь племяннику великого Боэмунда не было даже двадцати, когда он вслед за дядей взял крест! Большинство из них совершенно не смущал тот факт, что в отличие от внука Роберта Гвискара, прославленного норманнского вождя, перед мечом которого трепетали сарадины-язычники и схизматики греки, они такого дяди не имеют. А ведь это очень важно.

Боэмунд Отрантский, как и другой знаменитый крестоносец и извечный соперник алчного лангобарда, престарелый Раймунд Тулузский, чьи потомки правят в графстве Триполи, прежде чем взять крест, не раз мерились силами с неверными: первый освобождая от язычников Сицилию, второй — Испанию. Они хорошо изучили тактику сарацин, извели коварство ромеев. Потому-то и смогли пилигримы Первого похода пройти узкими горными тропами Малой Азии, преодолеть безводные перевалы Тавра, сохранить боеспособность всего войска, разгромить султана Икониума, выстоять в страшной битве при Дорилеуме, рассеять основные силы турок и тем изрядно облегчить себе дальнейшую дорогу.

Германцы Конрада не выстояли, тот самый Дорилеум, что принес славу рыцарям Первого похода пятьдесят лет назад, стал могилой едва ли не девяти десятых королевского войска. Сохранив лишь лучших рыцарей ближней дружины, Конрад отступил в Никею, некогда отвоеванную для базилиевса ромеев у турок оружием западного воинства.

Французам повезло больше, но не намного. Дисциплина в войске Луи хромала, он сам едва не стал турецкой добычей из-за своеволия Годфруа де Ранкона, не выполнившего королевский приказ разбить лагерь на вершине горы. Строптивый

вассал спустился вниз, оставив своего сюзерена почти без защиты.

Бросившись с горсткой рыцарей на выручку безоружным слугам и женщинам, без счета истребляемым неверными, Луи так глубоко врезался в гущу вражеских всадников, что вскоре оказался окруженным ими. Конь под королем пал, однако он доказал всем, что по праву считался храбрым воином. Луи сумел проложить себе дорогу к огромному валуну и, стоя к нему спиной, один отражал атаки турок до тех пор пока не наступила ночь, заставившая неприятеля оставить свои попытки.

Трудно сказать, чем бы закончился поход французов, избравших другую дорогу, ту, что шла через Эфес, Антиохию¹³², Лаодикею и Адалию, если бы не тамплиеры. Рыцари Храма Соломонова за тридцать лет существования ордена прекрасно усвоили тактику, необходимую для того, чтобы одерживать победы над легкоконными турецкими воинами, по большей части лучниками, и, что особенно важно, меткими.

Во время напряженнейшего двенадцатидневного марша из Лаодикеи в Адалию большую часть рыцарей разделили на отряды по пятьдесят человек в каждом и поставили во главе опытного тамплиера, как, например Жильбера Храмовника.

Дабы превратить рыцарей из недисциплинированной толпы вооруженных сорвиголов в боеспособную армию, их заставили поклясться, что они будут *беспрекословно слушаться в бою командиров* и стойко держаться, отражая атаки неверных, что *не побегут*, как бы силен ни оказался натиск врага. (О распространенной в XII вю тактике боя см. также комментарий 18.) Тамплиеры научили их единственному возможному в условиях Востока способу ведения боевых действий — атаковать и отступать по единому для всех сигналу, не гнаться за убегающими, если нет уверенности, что их бегство не есть попытка заманить в западню. Рыцари-монахи заставили светских рыцарей поддерживать порядок на марше, как минимум занимать то место, куда поставил начальник. Пешие лучники и арбалетчики составляли арьергард, который особенно страдал от наскоков турецкой конницы. В этот замыкающий колонну отряд попали также и нобли, потерявшие или продавшие свое снаряжение.

В Адалию остатки вооруженных пилигримов пришли в феврале 1148 г., спустя почти два года после ассамблеи в Везеле и по прошествии восьми месяцев с того момента, как король Луи Седьмой торжественно выступил из Сен-Дени. Они рассчитывали отдохнуть и отъестся, но не тут-то было, жители города не спешили распахнуть свои набитые припасами подвалы перед освободителями.

Итальянец Ландольф, поставленный молодым базилевсом Мануилом наместником Адалии, оказался самым настоящим ромейским вельможей, льстивым, велеречивым и ненадежным. Оборванные и измученные походом пилигримы никак не могли уразуметь, почему им не рады, почему девицы не машут им платочками и отчего не летят в воздух головные уборы мужей ромейских? Почему им, освободителям, никто не рад, почему цены на рынках такие, что на потраченное за день в Адалии в родной Франции можно жить едва ли не месяц.

Тут вновь все заговорили о предательстве, как тогда, когда в самом начале января ромеи украли у франков победу, дав туркам убежище в стенах своей крепости, Антиохии, малоазиатской тетки вотчины сирийской наследницы. Ромеи явно играли на руку неприятелю.

Тогда-то большинство крестоносцев и поняли, что схизматики и есть едва ли не самые главные их враги. Они даже больше, чем враги, поскольку язычники нападали открыто, иногда устраивали засады, но на то и война, они — враги Христа и всего рода человеческого, но ромеи... Христиане греки ничуть не менее усердно, чем турки, старались погубить пилигримов. Злокозненные грифоны прятали хлеб, а когда не могли увести его полностью, жгли оставшееся. Они пускали своих овец и лошадей пастись впереди колонн франков, лишая тем самым еды коней и вьючных животных. Они грабили и убивали бедолаг, отстававших по дороге... Очень скоро исчезли последние крохи сомнений, стало окончательно ясно, что ни кто из франков не может доверять ни одному из местных жителей. Всех их начали называть грифонами, менялось только определение — киликийские грифоны, лаодийские грифоны, адалийские грифоны.

Ландольф, несмотря на свое явное западное происхождение, тоже оказался грифоном. Он, к взаимному удовольствию своего окружения и пилигримов, постарался сплавить последних в Сирию. Они погрузились на корабли, и уже в середине марта король и королева наконец причалили в Сен-Симеоне, в главной гавани княжества Антиохийского.

КОММЕНТАРИЙ 3

Как мы уже знаем, с прибытием Раймунда в Антиохию и разрешением брачного вопроса трудности не закончились. Пришлось, не страясь, собирать войска и идти на север через Сирийские Ворота усмирять строптивых горцев, которые, пользуясь поддержкой завистливого и пакостного соседа, графа Эдессы Жослена Второго, успели изрядно побезобразничать на территории княжества.

Едва покончили с ними антиохийцы, и года не прошло, как над только что обретенными владениями Раймунда зловещей тенью, закрывавшей безоблачное, глубокое, синее сирийское небо, встал базилевс Иоанн.

Уж тридцать лет минуло, как Боэмунд Первый, обложенный ромеями в Эпире, словно волк охониками, признал себя вассалом отца Иоанна, Алексея Комнина, каковой факт был засвидетельствован соответствующими актами¹²⁴. Через три года первый норманнский князь Антиохии умер, еще через семь лет почил в бозе и Комнин. Прошло целых девятнадцать лет, прежде чем его сын решил привести в повиновение старых отцовских вассалов.

Для начала Иоанн вторгся в Киликию и Малую Армерию. Города сдавались ему один за другим. Один Аназарбус, на мощные укрепления которого так полагался армянский князь Левон, попробовал сопротивляться, да не продержался и сорока дней. Именно столько времени понадобилось новым метательным машинам византийцев, чтобы пробить бреши в стенах. (У ромеев едва ли ни у одних в Европе имелись в ту пору тяжелые катапульты столь высокой мощности, что всего один снаряд, выпущенный из них, мог разрушить целый дом.) Гарнизон сдался, а Левон бежал в горы.

Наступила очередь Антиохии. Иоанн, пройдя мимо Александретты тропами Черных Гор через перевал, носивший название Сирийские Ворота, вторгся в пределы княжества и 29 августа 1137 г. встал лагерем на берегу Оронта.

Раймунда в городе не оказалось; когда началась осада, он как раз возвращался из Букайи, куда срочно отправился выручать короля Фульке, окруженного мусульманами в Монферране. Ходили, можно сказать, напрасно, Фульке поспешил сдать город Зенги, и тот милостиво позволил королю покинуть крепость со всей дружиной. По счастью, полное обложение Антиохии (дело это очень непростое даже для огромных и хорошо организованных ромейских полчищ) еще не завершилось. Раймунду удалось проникнуть внутрь через Железные ворота.

Катапульты обстреливали город в течение нескольких дней, и князь, опасаясь больше двурушничества доброхотов из числа соплеменников базилевса, чем его самого, начал переговоры. Чтобы исчерпать инцидент, Раймунд попросил у императора должность имперского викария (наместника), но Иоанн настаивал на безоговорочной сдаче.

Раймунд начал затягивать время, мотивируя свои действия тем, что должен как следует все взвесить. Получив передышку на раздумья, он тем временем отписал королю Фульке, но, как выяснилось, зря старался: тот в ответ прислал довольно странное письмо. Король предлагал своему вассалу

покориться неизбежному и... признать сюзеренитет Константинополя.

Возможно, причина такой беспомощности иерусалимского властителя объяснялась тем, что тот был бессилен помочь, так как сам оказался в довольно затруднительном положении, уступив важный стратегический пункт победоносному Зенги. Однако не следует сбрасывать со счетов еще одно довольно весомое обстоятельство. С самого момента заключения брака с графом Фульке Анжуйским в конце мая тысяча сто двадцать девятого года, и особенно по смерти отца, короля Бальдуэна Второго, Мелисанда проводила собственную политику, далеко не всегда согласовывавшуюся с интересами королевства, не говоря уже об интересах христианства в целом и западной церкви в частности. Разумеется, мстительная королева не забыла Раймунду того, как он обошелся с ее сестрой.

Так или иначе, но Фульке не подал помощи своему родичу и товарищу-крестоносцу. Ежедневно бывая на стенах, окидывая взглядом море шатров лагеря грифонов, князь довольно скоро уверился в мысли, что подмоги ждать не от кого. Тогда он, спрятав поглубже гордость, отправился в лагерь к базилевсу, где, встав на колени, принес вассальную присягу, как некогда сделали это все пилигримы Первого похода. Никакого позора тут нет, даже королям случается присягать другим королям и императорам, так уж устроен мир¹³⁵. Иоанн удовлетворил свою кровожадность. Он не стал входить в город, но снял осаду не раньше, чем увидел свой штандарт развевающимся над цитаделью.

На следующий год базилевс вернулся, и Раймунд с Жосленом Вторым Эдесским приняли участие в совместном рейде против Имад ед-Дина Зенги. Они осадили Шайзар. После мощной бомбардировки нижний замок сдался. Однако франки вовсе не хотели одолеть неверных; и у Раймунда и у Жослена имелись на то собственные причины. Первый опасался, что после завоевания Шайзара базилевс велит ему переселиться туда из Антиохии. Жослен же так ненавидел Раймунда, что больше всего на свете боялся не мусульман, а усиления соседа, что, если бы за Шайзаром настала очередь Алеппо? Что, если бы оба города Иоанн отдал Раймунду? Да Жослен охотнее позволил бы отрубить себе руку или выколоть глаз, чем допустил такое!

Поняв, что имеет дело с пятой колонной, базилевс очень разозлился, он снял осаду и повел войска в Антиохию. Состоялся торжественный въезд Иоанна в город, Раймунду и Жослену выпала роль императорских грумов или, если угодно, коннетаблей, ведь именно их обязанность вести под узды королевского коня.

Не имея возможности одолеть могущественного противника силами армии, князь начал, как бы мы сказали, мутить воду. Вот тут он нашел в пакостном соседе лучшего друга и помощника: Жослен не поленился сам явиться к императору, чтобы сообщить ему о готовившемся заговоре. Заговор не заговор, но только люди Раймунда и Жослена сумели подбить население города на открытый мятеж, что вынудило Иоанна поскорее оставить Антиохию.

Он, не вспоминая уже о прошлогодних планах, удовольствовался новым принесением Раймундом и Жосленом вассальной присяги, после чего ушел в Киликию.

Не успел, однако, князь проводить назойливого базилевса, как начались церковные нестроения и суета вокруг патриаршего престола. Очень непростой личностью оказался жизнелюбивый и безмерно красноречивый духовный владыка Сирийского наследства.

Ему бы сложить сан, облачиться в доспехи да на коне скакать, да не просто воодушевлять воинов на битвы, а самому вести их на врага, но он... нашел, что куда лучше плести интриги. К тому же стал чересчур часто напоминать князю о своих заслугах перед последним, мол, не я бы, княже, не видать тебе молодой жены со всем ее приданым.

Раймунд не скрывал радости, когда Радульфа по пути в Рим взяли под стражу люди короля Рутгера. Однако не тем человеком был патриарх, чтобы сидеть под замком, пусть даже и у короля. Всего несколько душевных бесед с глазу на глаз понадобилось Радульфу, чтобы превратить Рутгера из своего ненавистника в друга.

Но... это была лишь разминка, хотя удачное завершение ее так окрылило патриарха, что в Риме он показал все, на что способен. Папа, заваленный доносами светских властей и клира Антиохии на своего пастыря, считал вопрос о низложении Радульфа решенным заранее. Но не тут-то было! Патриарх оказался, что называется, в ударе, с апостоликом римским он не церемонился. В конце недолгой, но пылкой речи он швырнул на алтарь Святого Петра свой паллий¹³⁶, как оказалось, для того лишь, чтобы немедленно получить его обратно из рук... самого Папы.

Вернувшись домой, Радульф разыграл обиду и удалился в монастырь неподалеку от бухты Святого Симеона, где оставался, пока Жослен Второй, всегда готовый подгадить Раймунду, не пригласил к себе опального святителя в роли... верховного духовного сеньора. Этот ход графа Эдесского, войне с турками предпочитавшего ссоры с единоверцами, заставил Раймунда *попросить* патриарха возвратиться в Антиохию.

Враги Радульфа поджгли хвосты.

Однако князю удалось добиться того, чтобы из Рима прислали легата. Им оказался Альберик из Остии, один из недругов патриарха.

На четвертом году своего правления Раймунда в соборе святого Петра собрался синод, присутствовать на котором Радульфу не разрешили. Епископ Апамеи Серлон попытался сказать слово в защиту патриарха и был удален. (Это очень мягко сказано, на самом деле самоchinного адвоката вышвырнули из храма мало не взашей.) Три раза папский легат «призывал» Радульфа предстать перед членами синода, но тот по понятным причинам на зов не откликнулся. (А и откликнулся бы, его все равно туда бы не пустили.)

Как лицо, трижды отказавшееся явиться на призыв синода, патриарх подлежал низложению. Как это частенько бывает, место Радульфа занял его же собственный протеже Эмери де Лимож, вовремя сумевший подружиться с князем. Последний посадил Радульфа в темницу, но тот бежал в Рим, где вновь снискал расположение Папы и кардиналов.

Он успокоился только спустя еще три года. В 1142 г. Радульф умер, вероятно от яда.

Однако не успел Раймунд толком обрадоваться подобному обстоятельству, как вновь прослышал о приближении Иоанна. В конце сентября базилевс прибыл в Бахрас и потребовал от Раймунда ни много ни мало передать княжество ему.

Князь ответил, что должен посоветоваться с вассалами и клиром. Среди тех и других нашлись весьма искусные в казуистике люди. Совет баронов княжества вынес постановление, согласно которому выходило, что поскольку Раймунд правил ими как муж наследницы престола, то попросту не имел прав распоряжаться такими вопросами, как передача власти кому-либо.

Византийские базилевсы начиная с Алексея Комнина, первого из ромеев, всерьез столкнувшегося с таким чуждым восточной деспотии понятием, как взаимоотношения вассала и сюзерена, никогда не могли до конца понять законов, по которым жили франки. Иоанн не мог взять в толк, почему слуги его слуги не его слуги. А все эти любители подраться, спрятавшиеся от него за толстыми и высокими стенами города, веками принадлежавшего византийской короне, нисколько не смущаясь громадным численным преимуществом противника, заявили, что если даже их князь или княгиня согласятся передать Антиохию базилевсу, то попросту лишатся престола. Они же, бароны княжества, будут драться до последнего.

Иоанн уже и сам начинал жалеть, что связался со своевольными франками, он не решался начать открытую войну. Армия, состоявшая, разумеется, из наемников — по боль-

шей части все тех же латинян,— устала от длительных переходов и сражений, к тому же приближалась зима. Возвращаться в Константинополь в случае неудачи под стенами непокорной Антиохии базилевсу не хотелось, при неблагоприятном стечении обстоятельств он не шутейно рисковал потерять половину войска и весь обоз на перевалах Тавра. Нужен был кто-нибудь, кто смог бы *уговорить* Иоанна оставить все как есть. Такой человек нашелся, епископ Джабалы, отправившийся гонцом в лагерь базилевса, убедил его, что в любом случае, даже если баронов и удастся *образумить*, придется еще испрашивать согласия Папы.

Иоанн дал себя уговорить. Он ограничился тем, что позволил своим солдатам разграбить имущество франков в окрестностях города, после чего увел войско в Киликию.

Правда, навязчивая мысль, владевшая, видимо, еще его отцом, побудила Иоанна отправить посольство к королю Иерусалимскому Фульке. Император желал ни больше ни меньше, чем посетить Иерусалим. Просто чтобы поклониться Гробу Господню. Ехать базилевс, разумеется, собирался с приличествующей его особе охраной. Учитывая то обстоятельство, что от Святого Города до враждебного Дамаска всего каких-нибудь полтора ста миль, отряд не должен был превышать... пятидесяти тысяч воинов. (И всего-то? Какая мелочь!) Король отправил послов, очень искусственных в премудростях византийской дипломатии, дабы объяснить Иоанну, что Палестина настолько мала и скудна средствами, что просто не в состоянии прокормить такую охрану.

К большому удовольствию не столько мусульман-турок, сколько христиан Раймунда Антиохийского, Жослена Эдесского и Фульке Иерусалимского в марте следующего года, Иоанн, охотясь в диком бору в горах Тавра, был легко и не болезненно ранен стрелой и... умер от заражения крови.

Перед смертью базилевс своими слабеющими пальцами возложил корону на голову младшего сына Мануила и велел гранд-доместику Агзуху поддержать его права на трон. Приказ носил отнюдь не условный смысл. Претендентов на власть в империи всегда хватало. Новому владыке Второго Рима сразу же стало не до Антиохии и тем паче не до Иерусалима.

Для Раймунда настала пора некоторого облегчения, и несмотря на то, что Зенги по-прежнему представлял собой вполне реальную угрозу, по крайней мере исчезла опасность со стороны Константинополя и соседей христиан. После падения Эдессы Жослен, засевший в вотчине отца в Тель-Башире, сильно присмирел и стал доставлять Раймунду куда меньше хлопот (туркам-то граф вообще давно уже не мешал).

А еще через полтора года (в 1146 г.), после того как презренный раб, никому не известный очень пьяный евнух зарезал прославленного, но тоже очень пьяного Зенги в соб-

ственной спальне, а сыновья и наследники победителя франков, Нур ед-Дин Алеппский и Сайф ед-Дин Мосульский, занялись выяснением отношений друг с другом, для Раймунда наконец настали более или менее спокойные времена.

КОММЕНТАРИЙ 4

В 1118 г., покидая ради королевского престола свое Эдеское графство (еще целое и сильное), второй из Бальдуэнов оставил его в наследство двоюродному брату, Жослену де Куртенэ. Сей достолавный рыцарь, прежде державший под сюзеренитетом Эдессы город Тель-Башир с окрестностями, к моменту своего превращения в графы уже честно заслужил у местного населения и у врагов мусульман прозвище Тель-Баширский Волк. Одно только имя его наводило на турок необычайный страх.

Судите сами, уже будучи немолодым человеком, Жослен отправился осаждать небольшой замок к северо-востоку от Алеппо. Граф решил самолично проверить работу своих мастеров, саперов, как сказали бы мы теперь. Именно им принадлежала основная роль в разрушении укреплений. В те поры франки редко применяли катапульты и баллисты, считая их забавой греков, ромеев, которых недолюбливали. Кроме того, сооружение камнеметов, например довольно распространенного в более поздние времена требюшэ, требовало времени средств и, главное, привлечения людей, обладавших специальными знаниями.

Всем этим предводители малочисленных франкских дружин и их приближенные зачастую просто не располагали. Имевшиеся же в наличии небольшие метательные машины чаще служили не для разрушения стен, а для устрашения противника, поскольку с их помощью в города и крепости обычно перебрасывали головы или другие части тел соплеменников и единоверцев оборонявшихся. Подобные действия, помимо снижения морального духа защитников, подчас вызывали заразные болезни, косившие людей в те времена гораздо эффективнее, чем несовершенное оружие.

Куда чаще, как уже говорилось выше, применялся труд саперов, прокладывавших длинные галереи под неприятельские крепости. Если позволял грунт, осаждающие подкапывались под стены, подпирая их специальными сваями (чтобы кладка не обвалилась раньше времени им же на голову). Затем заливали в вырытые ниши масло или нефть и поджигали, дерево сгорало, и стены рушились, к большому удивлению и досаде осажденных. После этого крепости обычно уже легко брались штурмом.

Вот в один из таких подкопов или мин и провалился граф. Он сильно покалечился, изрядно обгорел и почувствовал себя так худо, что понял: настал его последний час.

В это время турок, данишменд Гази, сыгравший столь печальную роль в судьбе Бозмунда Второго и франкской Антиохии, прослышал о несчастье, постигшем графа Жослена, и обложил плотным кольцом город Кайсун. Понимая, что турки настроены очень серьезно, жители послали к графу гонцов с просьбой о незамедлительной помощи. Тот уже лежал на смертном одре, но, выслушав посланника, призвал своего сына и наследника, Жослена Второго, и велел ему отправляться на выручку Кайсуна. «Но дружина Эдессы мала, отец! — воскликнул молодой человек. — Да и захотят ли рыцари слушаться меня в столь опасном деле?»

Проклиная все на свете, пожилой воин поднялся и приказал вассалам собираться. Сесть на коня граф не мог, его несли в портшезе. Там же в портшезе он и получил известие: эмир Гази, узнав, что Тель-Баширский Волк жив и идет против него, велел зарезать гонцов, принесших худые новости, и, не мешкая, снял осаду с Кайсуна. Убедившись в том, что турки ушли, старый рыцарь попросил слуг положить себя на траву, где спустя недолгое время скончался с печальной улыбкой на устах.

Знал ли герой, мог ли предвидеть, сколь разрушительным спустя полвека окажется влияние его потомков при королевском дворе? А ведь в немалой степени именно Жослен Третий (граф без графства) и его сестра Агнесса, а также подобные им представители третьего поколения баронов Утремера нанесли Левантийскому царству и особенно королевству Иерусалимскому такой вред, такой удар, что даже и через многие годы оно не могло оправиться от его последствий.

Нет, конечно, тем или иным способом заглядывать в будущее — удел магов или величайших из мыслителей, а никак не добрых воинов. Однако думается, что ответ собственного сына не мог не огорчить старого графа: кому доверял он свое государство?

Уже через тринадцать лет после смерти отца сын потеряет его столицу, Эдессу, а несколько позднее собственную свободу, глаза и, наконец, жизнь. Да и в плен Жослен Второй угодил не сражаясь с врагом в неравной битве. Говорят, что он, находясь на марше, понуждаемый естественными потребностями организма, слишком далеко отъехал от своих воинов, где был схвачен обыкновенными разбойниками, следившими за передвижениями франков в надежде на какую-нибудь поживу.

Верна ли эта история, теперь сказать трудно, но Тель-Баширский Волк умер так, как и полагалось рыцарю. При-

близительно в то же самое время, в пятницу, 21 августа 1131 г., в далеком Иерусалиме скончался друг и соратник графа Жослена Первого Эдесского, двоюродный брат его, король Иерусалимский, Бальдуэн Второй. Так постепенно, один за одним уходили в прошлое пилигримы Великого похода и первые их преемники, вполне достойные славы предшественников.

Бальдуэна Второго и Жослена Первого объединяло очень многое.

В 1104 г. они на пару угодили в плен после неудачной битвы с турками. (Подробнее об этом см. комментарий 20.)

Спустя почти двадцать лет славным рыцарям вновь не повезло. 13 сентября 1122 г. Жослен с малой дружиной наткнулся на целое полчище турок, предводительствуемое эмиром из династии Ортокидов. Несмотря на огромное численное превосходство язычников, граф и его рыцари атаковали неприятеля.

На сей раз, казалось, сам Господь разгневался на христиан. Начался ужасный ливень, за считанные минуты превративший равнину в грязевое море. Тяжелые кони франков скользили и утопали в грязи, легкоконным мусульманам ничего не стоило окружить графа. Он с шестьюдесятью рыцарями оказался в плену.

Король немедленно поспешил на север. Нагнав страху на турок Алеппо и убедившись в том, что опасность для графства миновала, Бальдуэн отправился поохотиться. (Не все-то дела, нужен же и отдых?!) К несчастью, мусульмане узнали о намерениях короля и устроили на него засаду. Правитель Иерусалима со своей небольшой свитой очень скоро оказался в компании своего родственника.

Однако тут судьба дала латинянам убедительный пример того, как полезно жить в дружбе с соседями-христианами, пусть даже обряды их несколько отличаются от привычных тебе.

Замок Харпурт, где содержались франки, находился на территории, обитаемой в основном армянами, многие из которых уважили Жослена, женатого на их знатной соплеменнице. Один крестьянин передал письмо графа к друзьям, тогда с полсотни армян пришли в замок переодетые кто монахами, кто купцами под видом того, что будто бы желают принести правителю жалобы. Едва оказавшись в крепости, мнимые жалобщики достали мечи и перебили гарнизон. Узники оказались в странном положении, они как бы превратились в хозяев своей собственной тюрьмы. К несчастью, она находилась довольно далеко от границ владений латинян. Было решено, что Жослен отправится на поиски подмоги, а Бальдуэн останется в замке и будет держать оборону.

Проделав самую опасную часть пути, граф отослал одного из спутников обратно, дабы уведомить короля, что начало положено. Передвигаясь лишь ночью и прячась днем, шел Жослен с двумя другими спутниками по вражеской территории. Наконец они достигли Евфрата. Однако оказалось, что... графа в детстве забыли научить плавать. Не беда, в сумерках, надув мехи из-под вина, Жослен переправился через реку. На следующий день все трое встретили крестьянина, некогда благодетельствованного графом. (Прямо как в сказке. Так и хочется сказать: спешите делать добро!) С помощью крестьянина Жослен добрался до Тель-Башира, откуда поспешил в Антиохию.

Рутгера Салернского к тому времени уже не было в живых, а шестнадцатилетний Боэмунд Второй жил пока с матерью в Европе. Военные силы Антиохии оказались ничтожно малы, да к тому же патриарх ее, Бернар, взваливший на себя функции регента княжества, ни в какую не желал рисковать. Жослен прибыл в столицу королевства, где, дабы подчеркнуть сугубую остроту положения, в котором оказался Бальдуэн Второй, положил свои цепи на алтарь перед святым распятием в храме Гроба Господня.

Нельзя сказать, что это сильно помогло Бальдуэну. Так или иначе, когда благодаря усилиям Морфии, патриарха и коннетабля Иерусалима удалось наконец собрать войско, состоявшее в основном из армян-добровольцев, и Жослен форсированным маршем повел его к Тель-Баширу, было уже поздно. Эмир Балак Ортокид (иначе Артукид), пленивший короля и графа, только что удачно захватил Алеппо. Новость о происшествии в Харпуре застала победителя во время пира. Турок оказался на редкость проворным и прибыл под стены замка гораздо раньше, чем кто-нибудь мог рассчитывать.

Балак предложил королю свободный путь домой в обмен на замок. Бальдуэн очевидно не поверил в искренность язычника или же не захотел бросить друзей. Жест безусловно благородный, но бессмысленный. Последние могли надеяться только на чудо. Беда заключалась в том, что в замке находился гарем эмира, таким образом в отношении него было совершено святотатство. «Саперы» Балака подвели под стены мины, и укрепления рухнули. Крепость пала, и все защитники, включая женщин, были вырезаны.

Эмир пощадил только короля и еще двух знатных рыцарей. Всех троих увезли в более надежную тюрьму — в город Харран.

В следующем, 1124 г. победоносный Балак погиб. Шестого мая он пал, сраженный стрелой при осаде единоверцев в Менджибе. Эмир умер, бормоча что-то насчет того, что его смерть — страшная потеря для ислама.

Аллах ему судья. Не знаем, как для всего ислама, а что касается мощи Ортокидов, то она не надолго пережила Балака.

Бальдуэну, впрочем, не было до Балака никакого дела, так как король вскоре получил свободу, которая обошлась ему в восемьдесят тысяч динаров и несколько замков, постоянно на протяжении всей истории владычества франков в Сирии переходивших из рук в руки.

Не стоит думать, что королевство в период отсутствия своего правителя было погружено в глубокий и беспросветный траур. Пока Бальдуэн, как сказали бы мы теперь, отдыхал на нарах в Харране, франки наконец-то покончили с мусульманским владычеством в Тире. Город открыл свои ворота 7 июля 1124 г.

Спустя же еще почти год, в конце мая поблизости от Азаза, одной из тех крепостей, которые король должен был отдать неверным по условиям договора о своем освобождении, одиннадцать сотен рыцарей и две тысячи пехотинцев под предводительством Бальдуэна наголову разгромили огромную орду Аксонкора иль-Бурсуки, атабека Мосула и Алеппо (последним он овладел в конце января). Добыча оказалась столь громадной, что королю не стоило труда расплатиться по своим обязательствам.

КОММЕНТАРИЙ 5

Беликого Имад ед-Дина Зенги современники прозывали Мечом Веры, Звездой Ислама, Помощником Аллаха, Защитником Правоверных... У него накопилось столько высоких имен, что хронисты-единоверцы оказывались в затруднительном положении. Некоторым из них, современникам атабека, приходилось просить у него прощения за то, что они в своих летописях не именовали его полным титулом всякий раз, как только упоминали о нем. Они всерьез опасались, что в противном случае на все это не хватило бы никакого папируса или пергамента, а также и жизни обычного человека.

Второй сын его продолжил дело отца и достиг куда больших успехов в борьбе с врагами своей веры, однако оказался совершенно иным человеком в том, что касалось вопросов престижа. К концу своей жизни он сделался владельцем огромных территорий, получил от халифа Багдада титул аль-малик аль-адиль, что в переводе на язык христиан означало — справедливый король. Он заслужил уважение врагов и любовь своего народа, подданные присвоили ему множество

восторженных титулов из тех, которые носил его отец, и добавили к ним новые. Но Нур ед-Дин, в противоположность Зенги не любивший излишеств ни в чем, никогда не величался сверх меры, требуя от своих подручников лишь соблюдения обычного, привычного этикета. Его манеры отличал аскетизм, и двор не блистал роскошью, все силы, энергию и средства как подданным, так и их господину полагалось тратить не на роскошь и увеселения, а на джихад, священную войну против неверных.

Нур ед-Дин немало сделал для своего народа. У себя в Алеппо он основывал школы, мечети и суфии (духовные братства наподобие монастырей). Захватив Дамаск, он занялся тем же самым. Он основал госпиталь, прославившийся как одно из лучших медицинских учреждений своего времени. Также он создал дворец юстиции — дар аль-адль (как в Алеппо) и, бывая в Дамаске, дважды в неделю рассматривал жалобы, особенно поданные на шейхов и чиновников администрации.

КОММЕНТАРИЙ 6

Как иногда бывает в истории, человек, не слишком осмотнительное поведение которого служит причиной бедствий других людей, исправляет свою ошибку, порой не сам, а посредством кого-то из своих близких.

Спустя четыре года после описываемых событий Алиенора развелась со своим венценосным супругом, расставшись с сувереном Франции, она вскоре стала супругой Генриха Второго Плантагенета и королевой Англии. В этом браке ей суждено было произвести на свет одного из самых знаменитых и славных рыцарей средневековья, прозвище которого, звучавшее на десятках языков и сотнях наречий, означало одно — Сердце Льва.

Алиенора на много лет пережила своего великого сына и умерла за несколько дней до одного из самых значительных событий XIII в., когда крестоносцы Четвертого похода ворвались в Константинополь. Она заслужила прозвище Бабушка Европы за то, что дочери ее, Матильда, Эленора и Жанна, стали супругами разных европейских государей, а сыновья, каждый в свой черед, королями Англии и владыками половины Франции.

КОММЕНТАРИЙ 7

Убедившись, что опасность с Запада полностью миновала, Нур ед-Дин начал постепенно переходить от мелких пограничных стычек к более серьезным действиям.

Он всегда находился в курсе событий, происходивших при дворах христианских правителей побережья, его злейших врагов. Он знал, что храбрый Конрад отбыл в Европу, а король Людовик бесцельно расточал время и средства, теряя одного за другим покидавших его вассалов и утрачивая доверие единоверцев, испытывая на прочность гостеприимство молодого короля Иерусалима.

Впрочем, даже имея Луи мощное войско, он по хорошо известным причинам не мог представлять угрозы для осуществления замыслов Нур ед-Дина на севере Сирии, так как всего охотней двинул бы такую армию на Аскалон, Каир, куда угодно еще, только не на помощь своему обидчику, вероломному дяде жены.

Атабек не мог, конечно, дать последней решающей битвы войскам самого сильного из четырех государств латинян, Иерусалимскому королевству. Жослен Эдесский, потерявший свою столицу и не высывавший носа из-за прочных стен Тель-Башира, опасности не представлял. Он просил мира, но получил от Нур ед-Дина лишь отсрочку исполнения заранее подписанного приговора. Повелитель Алеппо и Эдессы не хотел, чтобы граф путался у него под ногами, пока сам он решит судьбу Антиохии. Она и стала главным объектом приложения сил Столпа Веры. Кривой сарацинский меч взлетел над головой Раймунда де Пуатье. Пятидесятилетнее пребывание города в руках нечестивцев с Запада должно было закончиться. Вотчине сирийской наследницы предстояло стать соседкой и товаркой Эдессы в гареме Помощника Аллаха. Оставался лишь один вопрос: когда?

Тем временем султан Икониума, Масуд, замирившись с базилевсом Мануилом, направил свои орды против Мараша, самого северного форпоста княжества Раймунда. Узнав о том, что последний настроен решительно и собирается дать ему бой, Масуд послал гонцов к Нур ед-Дину за помощью. Атабек с радостью откликнулся на зов султана, но Раймунд, лишившись помощи единоверцев, обратился к самому злейшему врагу повелителя Алеппо, вождю ассасинов. Али ибн Вафа, так прозывался предводитель сирийского отделения секты фидаев, вселявших страх в сердца многих венценосных современников из числа последователей учения Исмаила, нимало не смутившись тому, что обнажает меч против мусульманина на стороне *нечестивых псов Запада*, присоединился к дружине князя.

В ноябре 1148 г. Раймунд и Али разбили Нур ед-Дина на равнине Асвад возле крепости Фамийя у дороги, что вела из Антиохии в Мараш. Произошло это не только и не столько вследствие доблести союзников, но и в немалой мере из-за того, что честолюбивый нобль из Алеппо, молочный брат

атабека, Маджд ед-Дин ибн ад-Дая (Магретдин, как называли его франки), поссорился со знаменитым курдом Ширку. Последний отказался принимать участие в битве, и войско Надежды Правоверных, понеся сильные потери, в беспорядке отступило к Алеппо.

Однако уже в конце весны следующего года Нур ед-Дин нанес Раймунду (Али ибн Вафа со своей конницей опоздал на помощь союзнику) серьезное поражение при Бахрасе, поблизости от поля предыдущей битвы, а затем пошел на юг, где осадил замок Инаб.

КОММЕНТАРИЙ 8

Тут следует бросить взгляд в прошлое и постараться представить себе, каким оружием и доспехами пользовались в те дни воины.

Знаменитые рыцари Первого похода в массе своей имели то же вооружение, что и их отцы, принимавшие участие в знаменитой битве при Гастинге, или сражавшиеся с ромеями в Апулии и Эпире, или воевавшие с маврами в Сицилии и в Испании во второй половине XI в. Главной деталью доспехов в те времена являлась длинная, прикрывавшая колени, а порой и верхнюю часть икр, кожаная рубаха с нашитыми на нее как на основу стальными колечками.

Настоящие кольчуги, сплетенные из множества металлических колец, пока еще не получили широкого распространения, стоили они очень дорого, так как импортировались из стран Востока или добывались в бою, поскольку европейские мастера в период раннего средневековья почти совсем утратили навыки изготовления кольчуг, как считается, известного уже римлянам со второго века от Рождества Христова.

Надо ли говорить, что среди массы взявших крест бедных Голяков (*Sans Avoirs*) и Безземельных (*Sans Terre*) находилось немало таких, кто мог похвастаться дорогим доспехом. Даже если кольчуга и имелась у главы семейства, после его смерти ее обычно забирал себе старший наследник, младшему, как говорили на Руси (тут ничуть не меньше, чем у соседей с Запада ценили добрую бронь и любили показать удаль в бою), приходилось «промышлять собой», то есть самостоятельно искать удачи. Конечно, кольчугу можно было не только получить в наследство или купить, но и — этот путь становился самым традиционным для рыцарей-бедняков — добыть в бою или на турнире, где победитель, как правило, забирал оружие и коня побежденного.

Поскольку речь идет о кавалерии, понятно, почему рыцари пользовались обоюдоострыми мечами с закругленным

острием. Такие клинки не предназначались для того, чтобы наносить колющие удары, как кинжалы и короткие мечи, а так же вошедшие в моду гораздо позже длинные двуручные мечи, эспадроны и шпаги — оружие пешего боя.

Руководители похода, так называемые графы и их ближние дружины, конечно же, были вооружены лучше всех остальных, но даже и они носили простые конические шлемы с насадой (пластинкой, прикрывавшей переносицу от рубящих ударов).

Чтобы спасти себя от пыли, неизменной спутницы любого войска (особенно летом в Азии), солдаты очень часто обматывали голову короткими плащами, чем-то вроде появившихся куда позже башлыков. Подобная изобретательность предохраняла их также и от прямых солнечных лучей. С той же самой целью воины уже в Палестине начали носить специальные длиннополые безрукавки (табары, а позднее сюрко), надеваемые поверх доспехов. Не гнушались левантийские франки и мусульманского тюрбана и бурнуса, что, конечно, жутко шокировало пришельцев с Запада. Несмотря на это, даже знаменитый Танкред носил кеффе (одна из разновидностей восточного головного убора), на монете, которую чеканил титулярный князь Галилеи и первый регент Антиохии он как раз и изображен в тюрбане. (См. об этом так же в комментарии 11.)

Вообще же знакомый нам по фильму «Александр Невский» шлем-«горшок» вошел в употребление, видимо, благодаря любимой рыцарской забаве — турнирам — как раз в середине XII в. в Европе. Поскольку на турнире всадники зачастую целились концами своих длинных тупых копий не куда-нибудь, а в голову противника, появилась потребность лучше защитить ее. До изобретения кованых лат, а значит, и до внедрения во всеобщий обиход шлемов со сложными забралами оставалось еще целых сто лет, потому-то и появился простой и надежный «горшок». Однако он оказался страшно неудобен для того, чтобы находиться в нем долго, так как, облачившись в него, рыцарь лишался возможности, например, стереть пот с лица, протереть глаза, да просто высморкаться, наконец! Потому оруженосцы надевали «горшки» на головы сеньорам только перед самой битвой. И конечно же, он куда скорее получил распространение в более прохладном климате Европы, чем на жарком Востоке.

«Горшок» стал если и не главной, то одной из главных причин возникновения геральдики, получившей распространение не ранее второй половины все того же XII столетия, так как рыцарь, чье лицо скрывалось под железом шлема, не всегда мог быть узнан соперником, а в ту пору людям (по крайней мере родовитым) всегда хотелось знать, с кем им приходится скрецивать мечи.

По нижнему краю и вокруг смотровой щели такого головного убора оружейники частенько, особенно в расчете на богатого заказчика, пускали окантовку, выполненную из драгоценных металлов и камней. Гладкое доньшко «горшка» провоцировало хозяина на то, чтобы чем-нибудь украсить свой шлем также и сверху. Страусовые перья и тому подобные декорации, которые рыцари строили у себя на макушках, иной раз достигали в высоту более метра, что, как это ни удивительно, зачастую очень пугало врагов, впервые (а иной раз и не впервые) сталкивавшихся с западной кавалерией в бою.

Рыцари в свою очередь побаивались грохота барабанов, в которые мусульмане превращали свои походные котлы, натягивая на них кожу баранов и верблюдов.

В общем все стращали друг друга как могли.

КОММЕНТАРИЙ 9

В самом начале века, когда крестоносцы проложили себе путь в Святой Город, они, едва исполнив данный ими еще в Европе завет — помолиться у освобожденного Гроба Господня, принялись за завоевание прибрежных крепостей. Но для начала, как водится, выяснили отношения между своими.

Взаимная ненависть князя Боэмунда Отрантского и Раймунда Тулузского чуть не расколола пополам войско пилигримов еще на пути к Иерусалиму. Когда Боэмунд остался властвовать в завоеванной Антиохии, его недруг ушел на юг, выполнять христианский долг. Но вскоре пути Лангедока и Лангивардии пересеклись вновь. Боэмунд к тому времени уже «гостил» в замке одного из подданных Себастиийского эмира и, как мы уже говорили, от скуки строил шашни с девицами из числа родственниц постоянно отсутствовавшего хозяина.

Интересы дяди, как скоро смог убедиться Раймунд де Сен-Жиль, ревностно охранял неутомимый и не привыкший долго рассуждать Танкред. Он взял Раймунда в плен и отпустил только после многочисленных ходатайств других знатных крестоносцев за клятву не воевать земель севернее Латтакии. Последнему ничего не оставалось, как только отобрать у мусульман какой-нибудь город южнее оговоренного населенного пункта. Сен-Жиль решил, что Тортоса и Триполи ему вполне подойдут.

Первая, атакованная сразу с моря и с суши, несмотря на свои мощные укрепления, пала быстро. Оставалось «угговорить» правившего в Триполи Фахр аль-Мулька, убедить его в том, что ему лучше пока не поздно подыскать себе какие-нибудь другие владения. Последний, со всей искренностью и

красноречием, на которые только был способен, попытался уверить в том же самом Раймунда. Когда же эмир понял, что никакие посулы и дани не удовлетворят престарелого (граф Тулузский в ту пору разменял уже седьмой десяток), но очень бодрого франка, то послал за помощью в соседние Хомс и Дамаск. Фахр аль-Мульк не сомневался в успехе, ведь соединенное войско двух правителей и его собственное вместе превосходили дружину крестоносца в... двадцать раз.

Тем не менее Раймунд уклоняться от битвы не стал. Он разделил свою маленькую армию на четыре отряда, два по сто и два по пятьдесят человек. (Пехоты у графа не было вообще, по крайней мере о ней хронисты не упоминают.)

Атаку начало войско из Хомса, и, когда она не удалась, мусульманская конница внезапно впала в панику, скоро охватившую и дамаскцев. Раймунд обрушил на врага все силы и одержал полную победу, вырезав, как сообщают мусульманские источники, до половины турок. И все же сил захватить Триполи, расположенный на окруженном водой мысе, у него не хватило. Получив щедрый откуп, Сен-Жилль ушел, но в конце 1103 г. вернулся и принял за возводить близости от Триполи знаменитое осадное сооружение, замок, получивший название Монс Перегринус или Монпельрен (Гора Пилигримов).

Именно в нем и родился Альфонсо-Журден, отец Бертрана (того, о котором идет речь в нашем повествовании, см. комментарий 10). Именно здесь от ожогов, полученных в результате пожара, начавшегося во время вылазки, сделанной неверными из Триполи, и умер его легендарный дед, граф Тулузы и маркиз Прованса, Раймунд де Сен-Жилль, Раймунд Четвертый Тулузский, иначе называемый Раймундом Первым Триполийским.

Он скончался в феврале 1105 г. Формально граф никогда не владел столицей основанного им государства, так как Триполи пал только спустя четыре года, захваченный общими силами, куда входили и дружины Сен-Жилля, войска короля Иерусалима и контингент рыцарей вездесущего Танкреда.

В ту пору во Франции, в Тулузе, в вотчине славного пилигрима Раймунда, правил его бастард, именем (ну не изобретательны они были!) Бертран. Самое удивительное, что он, рожденный в законном браке (в отличие от сына Альфонсо-Журдена, так же Бертрана), сделался бастардом в результате того, что брак его отца и матери был признан недействительным из-за близости родства и аннулирован.

Истинная причина заключалась, конечно же, не в этом. (А то, когда сватались, о родословной ничего не знали?!) Тем не менее тот Бертран так и остался незаконнорожденным. Он правил в Тулузе все десять лет, что его пожилой родитель геройствовал во имя Божие. Однако, услышав о рождении

законного наследника, бароны Лангедока решили... «обменять» своего графа Бертрана на недавно отнятого от груди Альфонсо-Журдена, последнего (и по-видимому, единственного, которому удалось уцелеть) из детей Эммы, супруги, сопровождавшей мужа во время легендарного Первого похода.

Умнее и, главное, ловчее ничего и не придумаешь: пока дитя вырастет, то есть еще лет этак пятнадцать, а то и больше, можно не опасаться его своеволия. Бертран же привез с собой на Восток сына, Понтия. Последний и являлся отцом правившего в Триполи в описываемую нами эпоху Раймунда Второго. Таким образом получалось, что если сам Альфонсо-Журден и мог оспаривать права внука своего сводного брата, то у теперешнего Бертрана шансов было немного.

КОММЕНТАРИЙ 10

Когда Бертран, незаконнорожденный сын Раймунда де Сен-Жилля пожаловал в Левант, родственник и регент Гвильом-Журден, нанесший ряд поражений сарацинам, воспротивился бастарду и, дабы преградить тому дорогу к трону не завоеванного пока Триполи, призвал на помощь Танкреда. Бертран, чтобы трон этот получить, — короля Бальдуэна Первого. Дело было в июне 1109 г. Оба властителя Утremeра — один с юга, другой с севера — явились на зов.

Надо сказать, что при Танкреде королевство Иерусалимское, несмотря на почти постоянные победы над неверными, если и не уступало, то по крайней мере не превосходило силами княжество норманнов в Антиохии. Однако Танкред Бальдуэн Первый между собой воевать не стали, они пришли к выводу, что раз уж все так удачно собрались под стенами Триполи, то не худо бы захватить этот самый город, а уж потом решать, кому в нем властвовать. Сказано — сделано, 12 июля 1109 года Триполи стал христианским и оставался таковым на протяжении следующих ста восьмидесяти лет.

Тогда земли так и разделили: Гвильом-Журден получил Тортосу и сделался вассалом антиохийских князей, Бертрану отдали Триполи, и он признал сюзеренитет Иерусалимской короны. По смерти Гвильома-Журдена графство Триполи вновь объединилось под властью одного человека. В 1112 г. скончался и Бертран, и престол занял его сын, Понтий, который, как нам понятно, уже никаким бастардом не являлся.

Казалось бы, на сем можно было бы и поставить точку, однако, как это ни удивительно, спустя почти сорок лет сыскался в роду властителей Тулузы и Лангедока и еще один незаконнорожденный претендент на корону Триполи. Несмотря на возможную путаницу с именами, приходится лишь развести руками — ну что тут поделаешь? — и он оказался Бертра-

ном! Единственное, что мы можем сделать, это только начать величать его *нашим Бертраном*. (См. комментарий 9.)

Однако наш Бертран, нынешний сиятельный бастард из Тулузы, не учел одного факта: первым крестоносцам удалось так прославить свои имена не только силой и доблестью оружия, но и цельной, почти бескомпромиссной завоевательной политикой, которую они проводили по отношению к соседям. Возможно, получалось так, среди всего прочего, еще и потому, что, как мы уже отмечали, власть в только что обретенных землях принадлежала тем, кому она досталась не по наследству, а по праву сильного. И уж во всяком случае пилигримы Первого похода, принимая свои решения, не оглядывались ни на жен, ни на матерей, ни на сестер.

КОММЕНТАРИЙ 11

Более чем за полвека до описываемых событий, в начале своего правления базилевс Алексей Комнин, страшно нуждавшийся в деньгах для укрепления войска, пошел на очень рискованную и непопулярную меру. Он приказал своим логофетам выпустить «новые» безанты. Новизна эта только лишней раз доказывала, что все новое — хорошо забытое старое.

Безант, как и большинство его «собратьев», монет золотой чеканки, потомок древнеримского золотого денария. Преемник великого реформатора Юлия Цезаря, Цезарь Август, установил четкую пропорцию между золотыми и серебряными монетами: из одного фунта золота чеканили сорок два золотых, а из такого же веса серебра — восемьдесят четыре серебряных денария. Поскольку за один золотой полагалось давать двадцать пять денариев, получалось, что соотношение золота к серебру поддерживалось на уровне двенадцать к половине к одному.

На протяжении своей многовековой жизни древнеримский золотой пережил немало потрясений, однако даже в самые лучшие времена он так или иначе неизменно делался более «худым». Содержание золота в солидах императора Константина Великого в начале IV в. равнялось одной семьдесят второй фунта. Однако они, известные так же под названием безантов, до XIII в. служили основной расчетной единицей как в самой Византии, так и в Западной Европе и на Ближнем Востоке.

Здесь, правда, мощную конкуренцию ему составляли сарацинские динары. Правда, они к концу XII в. «опустились» до половинного уровня прежнего содержания золота (1/144 фунта), а дирхемы (наследники древнегреческой драхмы) до одной двухсотвосемнадцатой.

Ходили в те времена так же европейские денье (потомки

древнеримского серебряного денария), серебряные дукаты короля Сицилии Рутгера Второго и с 1075 по 1085 г. тари (четверть золотого), выпускаемые Робертом Гвискаром, отцом Боэмунда Первого.

Среди стран Западной Европы, одними из первых наладивших производство золотой монеты, необходимо упомянуть Португалию, где при первом короле, Афонсо Завоевателе (AFONSO O CONQUISTADOR король в 1139—1185 гг., до 1139 г. — граф Оporto), чеканился мораведис — копия золотого Альморавидов, на котором мусульманская символика была заменена христианской.

С 1188 г. Римский Сенат начал производство серебряных денег, где изображались фигуры святых Петра и Павла и в подражание древним стояла надпись *Senatus Populus Q.R.* На севере Италии также чеканили различную серебряную монету, в первую очередь, конечно, преуспели в этом богатые города, такие, как Флоренция, Генуя и Венеция — здесь в период правления дожа Энрике Дандоло (1192—1205) появились серебряные гроссо (*Grosso*) или матапаны (*Matapan*).

Однако во всех случаях шла речь о «чистых» (в смысле содержания драгметаллов) деньгах, но во все века существовали моменты, когда у правителей наступали трудные времена. Финансовые трудности заставляли царей, королей и князей идти на хитрости.

Как только порой ни уродовали ту или иную монету! Самым испытанным средством было обрезание, то есть уменьшение диаметра, ну и, разумеется, веса монеты. Однако тот, кто чеканил деньги, мог позволить себе добавить к золоту другие металлы в произвольном количестве. Внешне монета оставалась такой же, но стоимость ее падала. По вполне понятной причине особенно *доставалось* золотым деньгам.

Получив в наследство страну с пустой казной и расстроенными финансами, Алексей Комнин вынужден был дать ряд существенных торговых привилегий западным союзникам империи, венецианцам, а позднее так же генуэзцам и пизанцам. Чтобы поправить свои дела, он прибег к вышеуказанному средству — порче монеты, что в свою очередь привело к тому, что коммерческие партнеры Византии стали требовать платы в старых безантах, называвшихся также Михайловыми или просто Михайлами, то есть отчеканенными в правление Михаила Седьмого.

В дополнение скажем, что знаменитый регент Антиохии, номинальный князь Галилеи, Танкред д'Отвилль за двенадцать лет пребывания у власти также успел наладить выпуск собственной монеты, на которой, как нетрудно догадаться, приказал поместить собственный профиль.

Интересно, что на этом изображении голову крестоносца украшал тюрбан.

КОММЕНТАРИЙ 12

Впервые имя Тафюра прозвучало здесь, в Антиохии. Точнее не здесь, а за ее стенами. Только тогда там находились христиане, а язычники сидели запертыми в городе. Толпам нищих крестоносцев требовался вождь. Они обрели своего духовного лидера в Петре Пустыннике, но, как и раньше, нуждались в военном командире, чтобы добыть себе хлеб и вино. Тафюром называли то одного, то другого предводителя голытьбы. Иной раз оказывалось сразу несколько «королей нечисти», или «князей мрази» (roi truand или prince des gueux). У самого прозвища «Тафюр» также обнаруживалось немало толкований. В сущности это ничего не меняло, поскольку была бы «мразь», а вождь у нее найдется.

Впрочем, и отверженные порой не чурались богоугодных поступков. Поговаривали, что взять Антиохию Боэмунду Отрантскому помог как раз именно один из таких вот королей Тафюров. Якобы, проникнув в город, он сошелся довольно близко с неким Фирузом, ведавшим охраной двух башен, и убедил его помочь франкам завладеть Антиохией. И хотя многие добропорядочные горожане считали это легендой (по другим сведениям, нужного человека обрабатывал сам Иисус Христос, являвшийся ему в ночных видениях), они в то же время верили в благородство если уж не самой «нечисти», так хоть ее вождей.

КОММЕНТАРИЙ 13

Последний раз Антиохии приходилось видеть у своих стен по-настоящему опасного неприятеля ровно тридцать лет назад, когда доблестный князь Рутгер Салернский положил все свое войско возле крепости Акибрин. (Визиты императора Иоанна с войском за двенадцать и семь лет до нынешней беды не в счет. Иные, особенно некоторые из местных ромеев, приветствовали бы смену власти, им давно досаждали заведенные франками порядки, а особенно засилье латинских попов в высшей церковной иерархии. К тому же войско базилевса Византии не нанесло бы большого ущерба имуществу граждан, он ни при каких условиях не позволил бы солдатам разграбить дома подданных империи.)

Так или иначе, целое поколение жителей столицы княжества прожило здесь без войны. (Отдельные набеги турок угрожали только крестьянам и зазевавшимся путникам.) Вместе с тем старики и профессионалы, занимавшиеся одни вполне знакомым, а вторые просто обыденным для себя делом, не слишком-то робели. Они видели, что сарадины сравнительно немногочисленны. Часть турок, набрав пленников,

погнала их в Алеппо, другие отправились в рейды во все стороны осиротевшего княжества.

Конечно, никто и ничто не могло помешать Нур ед-Дину собрать все свои силы, привести из столицы осадные орудия, призвать на помощь против христиан своих соперников-единоверцев, северных соседей: сельджуков Икониума, Ортокидов и Данишмендов: Или, только замирившись с ними, попросить поддержки у старшего брата Сайф ед-Дина Гази Мосульского. Однако на все это потребовалось бы немало времени, куда больше, чем понадобится королю Иерусалимскому, чтобы придти на выручку осажденной Антиохии.

КОММЕНТАРИЙ 14

Незадолго до гибели князя Раймунда де Пуатье орден Бедных Рыцарей Христа и Храма Соломонова в Иерусалиме (*L'otroi des povres chevaliers de Crist dou Temple qui est en Jherusalem*) справил свое тридцатилетие. Основал его в самом конце царствования Бальдуэна Первого рыцарь из Шампани Гуго (Юго) Пайенский (*Hugues de Payens*). В 1118 г. король Бальдуэн Второй позволил ему и его товарищам* разместиться в крыле своего дворца, в бывшей мечети аль-Аска на территории Храма Соломона (отсюда и название). Спустя десять лет тамплиеры получили устав, а основатель братства титул великого магистра.

В 1139 г. орден уже представлял собой внушительную силу, и папа Иннокентий Второй поставил его в прямое подчинение Риму. Таким образом тамплиеры были выведены из-под действия юрисдикции светских и духовных владык Утремера или какого бы то ни было иного государства, каким бы могущественным оно не являлось.

Цель, которую преследовал первый магистр братства храмовников, была та же, что и у созданного за пятьдесят лет до того ордена госпитальеров, — оказание помощи христианским пилигримам, прибывшим помолиться у Гроба Господня. Однако магистр видел свою задачу не в устройении странноприимных домов, а в обеспечении безопасности паломников на пути в Иерусалим. Ибо даже спустя двадцать лет после освобождения Святого Города, путешествия по дорогам Утремера были отнюдь не безопасны. Напомним, что город Тир, например, впоследствии сыгравший решающую роль в спасении Левантийского царства от полного поражения, стал христианским только в 1124 г.

Все в том же 1118 г. братство Госпиталя, чьи страннопри-

* Godefroid de Saint-Omer, André de Montbard, Gundomar, Godofroy, Roral, Geoffroy Bisol, Payen de Montdésir и Archambaud de Saint-Aignan.

имные дома (госпитали) появились в Иерусалиме еще за четверть века до призыва папы Урбана поднять крест за правое дело, сделало последние шаги на пути превращения из сугубо монашеской в военно-монашескую организацию¹³⁷. Произошло это практически одновременно с основанием ордена Храма в результате того, что в 1120 г., по смерти магистра Госпиталья Жерара, его полномочия перешли к реформатору, Раймунду дю Пюи. Ввиду важности предприятия он предложил сменить святого покровителя: так святой Иоанн Милосточивый (Александрийский патриарх VII века) уступил место самому Иоанну Евангелисту.

Отличительным знаком рыцарства Госпиталья стал белый крест на красных плащах и красных же сюрко поверх доспехов, братья же впоследствии часто называли себя иоаннитами. Госпитальеры в скором будущем станут соперниками (порой непримиримыми) тамплиеров.

Ордену госпитальеров суждена была долгая жизнь, в конце XIII в. после падения Утремера он перебрался на Кипр, оттуда спустя немногим менее двадцати лет на Родос, в 1530 г. на остров Мальта. Под именем братства Мальтийских Рыцарей он существует и поныне, хотя более полтора столетия лет капитул ордена находится не на Мальте, а в Ватикане.

Тамплиеры же, как организация просуществовав всего немногим меньше двух столетий, остались в истории яркой звездой, сияющей демоническим светом, подобно золоту и алмазам, которые они любили куда больше, чем Господа Бога. Говорят, они поклонялись дьяволу. Что ж, может, и так, всякое бывает, хотя устав храмовники получили от одного из наисвятейших людей своего времени, виднейшего деятеля западной церкви, вдохновителя Второго похода, святого Бернара аббата монастыря Клерво.

Папа Иннокентий Второй одобрил устав Бернара Клервоского и оказывал ордену всяческое покровительство. Сделал он это не только и не столько из-за любви к магистрам Храма, а главным образом из опасения усиления Иерусалимской патриархии. Папам очень не хотелось бы, чтобы для верующих в части того, что касалось святости, сместились акценты: как никак Рим — святой город, а Иерусалим центр Святой Земли! Одним словом, римские апостолики всерьез побаивались, как бы патриархи Иерусалима не начали, как выразились бы мы сегодня, тянуть на себя одеяло, для чего было просто необходимо сразу же вырвать у них из рук такое мощное оружие, как военные ордена. Магистров¹³⁸, как нетрудно догадаться, Папа в качестве сюзерена устраивал куда больше, чем кто-либо другой — Рим-то далеко.

Закулисная часть деятельности ордена окутана мраком, о ней, как о связях Алиеноры Аквитанской с конюхами (главное, чтобы позабористее вышло), можно писать целые романы, благо к ответу никто не привлечет — все умерли. Зато

доподлинно известно, что братство Храма имело крупнейшую в тогдашнем мире банковскую сеть, члены его активно занимались ростовщичеством, что не только монахам, но и вообще христианам в ту эпоху строжайше запрещалось.

Возможно, жизнь ордена оказалась столь яркой, а сведения о деяниях его иерархов столь противоречивыми и, главное, полными тайны потому, что год его создания получил название «Год смерти царей».

Накануне, в 1117 г., 16 июня случилось лунное затмение, а затем, 11 декабря, второе. Пятью ночами спустя было в палестинском небе сияние (наподобие северного), что вкупе с предшествовавшими тому подземными толчками было истолковано астрологами как дурное предзнаменование. Не прошло и месяца от Рождества Христова (тогда именно эта дата являлась началом года), как умер в Риме папа Пасхалий. 16 апреля скончалась бывшая супруга Бальдуэна Первого Аделаида Сицилийская. 29-го того же месяца — патриарх Иерусалимский, Арнульф. Еще раньше, 5 апреля в Иране умер султан Мухаммед. 15 августа после долгой болезни почил в бозе базилевс Алексей Комнин.

Несколько раньше, 2 апреля, возвращаясь из египетского похода, не доезжая границ королевства, в форте аль-Ариш, куда своего любимого короля принесли на руках солдаты, в присутствии епископа Рамлы скончался Бальдуэн Первый.

Словом, опять-таки, *все умерли*. Правда кое-кто и родился, скрасил, если можно так выразиться, всеобщий траур. Впрочем, кому как, ведь родился-то как раз злейший враг франков, аль-мелик аль-адиль Нур ед-Дин.

КОММЕНТАРИЙ 15

Вероятно, Мануил считал, что главное в династическом браке не сам брак, то есть заключение и освящение союза двух любящих сердец, а то, как примет предложенную сюзереном кандидатуру нобилитет Антиохии.

Поскольку большинство рыцарей княжества имели норманнских предков, то, как решил император, им более всего окажется любезным видеть на престоле своего соплеменника. (Базилевс вовсе не хотел никому ничего навязывать, он, наверное, думал, что проявляет исключительную гибкость и страшно гордился собой.) У него как раз имелся подходящий человек, оплакивавший скоропостижную кончину жены — супруг недавно умершей сестры императора, Марии. Господин этот звался Иоанном-Рутгером или, на французский манер, Жаном-Рожером и носил громкий, но по сути реальной властью не подкрепленный титул кесаря.

Кесарь, как и большинство норманнов, отличался храбростью и воинственностью, не был чужд так же и тщеславия, как-то даже участвовал в заговоре, с целью получить императорский трон. Удаляя такого человека от двора и одновременно давая Антиохии хорошего защитника против сарацин, Мануил убил бы сразу двух зайцев.

Однако у базилевса существовала среди прочих проблем и еще одна — киликийские армяне. Эти горцы страшно раздражали императора своей непокорностью. Они никогда не упускали случая навредить или просто нагадить Константинополю. Стоило Мануилу хоть на минуту отвлечься, забыть о них, злополучные армяне сразу же давали о себе знать какой-нибудь пакостью.

Они делали дороги Тавра не просто опасными, а очень опасными, порой даже непроходимыми. Мало этого, они не стеснялись вырезать ромейские гарнизоны, убивать византийских наместников. Как раз в год смерти отца Мануила, базилевса Иоанна, во всей творившейся тогда в Византиуме неразберихе как-то не сразу заметили исчезновение Тороса Рубеняна, киликийского князя, жившего при дворе в качестве почетного пленника. Переодевшись в платье купца, он, надо думать, не иначе как под покровом ночной темноты, бежал в Киликию. С помощью франков и своих братьев Стефана и Млеха ему к описываемому нами моменту времени удалось прямо у ворот Мамистры разгромить и убить византийского наместника Киликии Фому.

Разобравшись с другими, не менее важными делами, базилевс решил раз и навсегда покончить с головной болью, которую представлял Торос, и послал против него войско.

Чтобы подчеркнуть важность предприятия, во главе армии Мануил поставил своего кузена, Андроника Комнина. Последний имел массу замечательных качеств, что пройти мимо их кладези и не остановиться, чтобы сказать хоть несколько слов относительно его личности, просто невозможно. Андроник прославился в ту пору несколькими скандальными любовными историями. Император снова подумал, что, отправив блудливого родственничка на войну (придворные сановники уже начинали жаловаться базилевсу на то, что совершенно невозможно оставить жен и дочерей без присмотра¹³⁹), тем самым убьет следующую пару пресловутых зайцев.

Казалось, он понимал, что делал. Через пятнадцать лет Андроник совершит целых два уже не просто скандальных, а грандиозно скандальных соблазна. Жертвой первого падет вошедшая в возраст дочь Констанс и Раймунда де Пуатье Филиппа. Бедняжка не устоит перед напором неотразимого кавалера, распевавшего под ее окном серенады.

У оступившейся княжны будут большие неприятности. Но не только у нее. Поскольку старший брат Филиппы, Боэмунд, не пожелает терпеть позора и укажет на недостойное поведение Андроника Мануилу, ловеласу придется сниматься с насиженного местечка и, спасаясь от гнева венценосного родича, искать убежища при дворе короля Аморика в Иерусалиме. (Скажем по секрету, Андроник ударится «в бега» не «пустым», он на всякий случай прихватит с собой казну вверенной ему базилевсом провинции.) Филиппу, лишившуюся пламенного обожателя, отдадут замуж подальше от греха и от Антиохии. Она станет супругой недавно овдовевшего благородного старца, уже знакомого нам храброго Онфруа де Торона.

А что же коварный сердцеед Андроник? Как никак он был уже не юн: сорок шесть (по другим сведениям сорок восемь) считалось немалым возрастом в те времена.

Король дал новому вассалу богатый фьеф — город Бейрут. Казалось бы, что еще надо — живи, наслаждайся морским воздухом и ласковым сирийским солнышком? Так нет же. Неподалеку, в Акре, жила юная вдова покойного короля Бальдуэна Третьего, красавица Теодора. Они, как это иногда бывает, влюбились друг в друга без памяти. Но Теодора приходилась Андронику близкой родственницей, следовательно, о том, чтобы им пожениться, и речи не могло идти. Однако, вдовствующая королева переехала в Бейрут, где, забыв стыд, открыто жила как метресса Андроника. (А что еще оставалось ей делать? Брак не удался, венценосный супруг скончался в возрасте тридцати двух лет, спустя три года после венчания. Обзавестись детьми королевская чета не успела.)

Мануил пришел в ярость и потребовал выдачи родственника. Андроник, узнав волю базилевса, объявил, что поедет в Константинополь по собственной воле. Теодора отправилась проводить его, чтобы сказать последнее прости. Однако вместо этого любовники, бросив весь обоз и свиту, бежали через границу в Дамаск. Оба, передохнув там годик-полтора, двинулись дальше и немало поколесили по мусульманским владениям, находя радушный прием то у одного, то у другого восточного владыки.

Что случилось впоследствии с прекрасной Теодорой, историкам неизвестно, а сладострастный Андроник получил от одного иконийского эмира небольшой замок на границе Пафлагонии. Там, отлученный от церкви, кузен базилевса Мануила с горя или от скуки предался разбоям и пьянству.

Он пережил своего родственника. Более того, в 1182 г. соотечественники призвали его на византийский трон. Вдове Мануила, Марии Антиохийской, и ее тринадцатилетнему сыну Алексею Второму воцарение Андроника стоило жизни. Впрочем, и сам он повластвовал недолго: спустя три года базилевс

Андроник был принародно пытан и разорван толпой все тех же соплеменников, совсем недавно бурно приветствовавших его приход к власти.

Между тем все это еще будет, а в те времена, о которых мы говорим, не только ветренная Филиппа и ее счастливица сестра Мария, будущая императрица Второго Рима, но и старший их брат, Боэмунд, еще, можно сказать, ходили под стол пешком. Дела же людей взрослых и очень серьезных складывались так: в 1151 г. базилевс Мануил, отсылая Иоанна Рутгера свататься к княгине Констанс, а Андроника подавлять мятеж в Киликии, собирался, как мы уже отмечали, убить сразу двух, точнее даже четырех зайцев. И, как это часто случается, не убил ни одного.

Тридцатилетний донжуан Андроник вполне мог бы помериться силами с двадцатипятилетним Ренольдом, даже несмотря на успехи, достигнутые последним на поприще покорения сердца вдовы. Бравый рубака, сорокапятилетний солдат Иоанн-Рутгер потерпел здесь полное поражение. Андроник же в свою очередь не только потерял всю армию в бездарной кампании против Тороса, но и сам угодил к нему в плен.

Одним словом, для Мануила было бы куда предпочтительнее послать норманна громить бунтовщиков в Киликию, а Андроника добиваться руки строптивой княгини.

КОММЕНТАРИЙ 16

Ассасины — последователи Хасана ас-Сабаха, мудреца, в 1090 г. обосновавшегося в Хорасане, в неприступной цитадели Аламут (Гнездо Орла), который довольно скоро стал настоящей костью в горле для аббасидского (суннитского) халифата с центром в Багдаде.

Первое свое крупное политическое убийство приверженцы Хасана совершили в 1092 г., через два года после основания секты. Их жертвой стал Низам аль-Мульк, основная опора сельджуков в Иране. Позднее легенда драматизировала содеянное: говорилось, будто Низам аль-Мульк, Хасан ас-Сабах и знаменитый поэт Омар Хайям, все трое, учились у Муваффака из Нишапура и поклялись помогать друг другу до самой смерти.

Для рыцаря-пилигрима из далекой Франции, да равно как из Германии или Англии, Вавилония представляла собой единое целое. Между тем единой она отнюдь не была, а ассасины, то есть исмаилиты, являли собой что-то вроде пятой колонны кайрских Фатимидов (шиитов) в Персии, то есть во владениях Аббасидов (суннитов или правоверных — почитателей сунны). Впрочем, сирийские предводители фидаев использовали эти превосходные одушевленные орудия убийст-

ва более в своих личных, чем в каких бы то ни было еще целях.

В Сирии ассасины появились в начале XII в. Они обосновались в Алеппо, но вскоре жители изгнали их. За дамаскскую колонию, напротив, взялись, если можно так сказать, сверху. Как выражаются в определенных кругах современной России, ассасинов самих *поставили на ножи*. Тадж аль-Мульк Бури, только что наследовавший владения отца, решил избавиться от них самым простым способом — уничтожить физически. В сентябре 1129 г. он приказал убить их покровителя, визиря аль-Маздахани, прямо в Розовом зале во дворце в Дамаске, а когда это было сделано, велел перерезать всех исмаилитов.

Их вождю, Исмаилу, пришлось искать защиты и содействия у... франков. Каковую они вскоре получили от короля Бальдуэна Второго.

Несмотря на то что сам Исмаил вскоре умер от дизентерии, а его люди разбежались кто куда, отделение секты не погибло. Известно, что в период с 1132 по 1141 г., уже в правление короля Фульке, ассасинами были приобретены (частью куплены, частью захвачены) замки Каф и Кадмус, а позднее Масьяф, ставший штаб-квартирой вождей сирийских фидаев.

Остальные их крепости: Аль-Хаваби, Ар-Русафах, Аль-Кулайях и Аль-Маниках — оказались в собственности секты приблизительно в то же самое время, однако о путях их приобретения практически ничего не известно.

Убийство Раймунда Второго Триполийского стало для ассасинов проявлением элемента некой новизны в их стратегии, что называется, заявкой о себе христианам: прежде предводители фидаев с большей охотой действовали против мусульман. Впрочем, по-настоящему серьезной угрозой для франков обитатели Носайрийских гор сделались только спустя почти двадцать лет, с конца 60-х годов XII в. Именно тогда из Аламута прислали нового властителя провинции Носайри Рашида ед-Дина Синана из Басры. Этот грозный шейх стал популярен у соседей как Старец Горы. Под этим именем он и вошел в историю.

КОММЕНТАРИЙ 17

В сентябре 1149 г. вслед за хитроумным Онуром скончался старший брат Нур ед-Дина, Сайф ед-Дин Гази. Скорбя об утрате, мелик аль-адиль, призвав в союзники Кара Арслана Ортокида, поспешил к Мосулу, но визирь Али Кюджук уже распорядился судьбой вотчины старшего из Зенгиидов, осво-

бодившееся место занял младший брат — Кутб ед-Дин Маудуд. Обошлось без решительных столкновений.

В апреле 1150 г. в плен к Нур ед-Дину наконец угодил граф Эдессы, поверженной за шесть лет до того. Теперь Оплоту Ислама приходилось доказывать единоверцам с севера, что наследие Жослена Второго, помещенного победителем в одну из башен Алеппо (ослепленный, граф проведет там, дожидаясь смерти, целых девять лет), принадлежит только одному ему.

Узнав о беде, постигшей мужа (Жослен ехал в Антиохию, когда банда разбойников туркоманов напала на него и увела в плен, фактически он был украден на глазах у дружины, см. комментарий 4), графиня Беатрис заперлась в бывшей вотчине тестя, в Тель-Башире, и организовала такое яростное, прямо-таки героическое сопротивление захватчикам, что тем пришлось отступить.

Воинственной даме повезло. Горожане не покинули ее. А тут еще и сыскался покупатель на шесть наиболее крупных из оставшихся у графини замков. Незадолго до своей трагической гибели Фома, византийский наместник Киликии, привез в Антиохию, куда отбыла Беатрис из Тель-Башира, тугие мешки с золотом из казны своего базилевса.

Божественный Мануил, от имени и по поручению которого действовал Фома, явно прогадал. За свои денежки он фактически не получил ничего. Ровным счетом через год после завершения удачной сделки наглые турки, бросившись со всех сторон на приобретение базилевса, точно голодные волки разорвали на куски выгодную покупку.

Нельзя сказать, чтобы Мануилу здорово везло в сирийских делах.

КОММЕНТАРИЙ 18

Зачастую, начав атаку, предводитель рыцарской конницы уже не мог остановить ее. Кроме того, он, находясь, как правило, в гуще битвы, не всегда имел возможность угадать, что замышляет неприятель, и вообще, вся картина происходящего по большей части оказывалась скрыта от полководца.

Возможность руководить войском с помощью звуковых сигналов практически отсутствовала, так как знаменитые туры рога, в которые так любили потрубить франки? в XII столетии редко выполняли ту же функцию, что кавалерийский рожок в последующие века. Можно было, конечно, заранее договориться об условном сигнале, но каждый рыцарь, приведший на поле хоть маленький отряд, мог просто проигнорировать указание командира, поскольку считал себя чуть ли не ровней последнего.

Таким образом, рассчитывать на то, что все «услышат» звук трубы, приходилось далеко не всегда. Даже и кавалларии военных орденов, безусловно самой дисциплинированной и наиболее приспособленной для ведения военных действий против сарацин части христианского воинства, не всегда оказывались на высоте. Впрочем, тут дело обычно заключалось не в простых войнах, а в амбициозности их предводителей.

На Востоке искони воевали по-другому. (Все, кроме франков, конечно.) Военачальник всегда находился позади войска, как правило на возвышенности, и, имея при себе посыльных, на протяжении всего сражения сохранял возможность контролировать его ход, направляя их в нужное место. Причем за ослушание частенько отрубали голову, что, несомненно, укрепляло дисциплину и личную ответственность как командиров, так и их солдат.

Секрет того, что пилигримы Первого похода столь часто выходили победителями из схваток с сильно превосходившим их численностью врагом, заключался, кроме всего прочего, и в том, что предводители франков (зачастую люди уже далеко не юные), такие, как Боэмунд Отрантский и Раймунд де Сен-Жилль, долгое время воевали с сарацинами и ромеями и многому научились у своих врагов.

КОММЕНТАРИЙ 19

Шаг не новый, многие светские сеньоры жертвовали в сокровищницы орденов денежные суммы, другие передавали воинствующим монахам замки и крепости, а порой даже и целые города.

На Востоке в описываемую нами пору подобные пожертвования стали особенно входить в моду. Несмотря на то что при этом землевладелец терял возможность получать выгоды от своей собственности, переданной во владение Храму или Госпиталю, невзирая на то, что он лишался светских вассалов, которые могли бы управлять фьефом и поставлять своему господину гарантированную военную помощь, сеньор получал для своих территорий самых лучших защитников, а для себя надежного союзника. Хотя госпитальеры и храмовники не подчинялись никому, кроме римского папы, они, как правило, не оставляли в беде барона, землями которого владели.

Главное заключалось в том, что братства всегда имели достаточное число хорошо обученных и дисциплинированных воинов, и, что вполне понятно, монашеские ордена не зависели от причуд природы в таком тонком деле, как наследование. Им, в отличие от светских феодалов, не приходилось пещься о том, чтобы произвести достаточное количество

сыновей, и в то же время у них не возникало проблем с тем, чем наделить детей, если тех оказывалось слишком много. *Защитников земли* всегда было столько, сколько нужно. Капитул решал подобные задачи легко, как любой бюрократический аппарат, существовавший как до, так и после него: командиры назначались и отзывались согласно принятым постановлениям.

Как мы уже знаем, король Бальдуэн, чтобы усилить графство Триполи после трагической гибели его правителя, по согласованию со Одьерн, вдовой Раймунда Второго, передал в руки храмовников город Тортосу. Госпитальеры не отставали от конкурентов, грозные башни и неприступные двойные стены их знаменитой крепости Крак де Шевалье, расположенной всего в каких-нибудь тридцати милях на восток от Тортосы, стоят и поныне. Сооружение это, как и многие постройки тех времен, не может не впечатлять своей грандиозностью.

В пределах Антиохии пока еще не случалось столь значительных передач земельной собственности. Если бы все получилось так, как обещал храмовнику князь, позиции тамплиеров здесь значительно усилились бы по сравнению с положением госпитальеров.

КОММЕНТАРИЙ 20

Получилось же все из-за того, что лет этак за сорок до описываемых событий доблестные потомки герцога Гвискара, достойные князья из славного рода д'Отвиллей, Боэмунд и Танкред, решили по тихому завладеть Эдессой, где правил граф Бальдуэн Второй (будущий король Иерусалимский Бальдуэн Второй). Его вместе с кузеном, знаменитым Жосленом Первым, Тель-Баширским Волком, постигла неудача. В 1104 г. они угодили в плен в битве под Харраном.

Это место знаменито в истории еще и тем, что Марк Лициний Красс, подавивший на исходе первой трети I в. дохристианской эры восстание Спартака, спустя двадцать лет после своей блистательной победы над взбунтовавшимися рабами погубил здесь в борьбе с парфянами римское войско и потерял жизнь.

Кстати, обратим внимание на то, что тактика парфян мало отличалась от той, которую применяли турки против крестоносцев — наскок, тучи стрел и немедленное отступление. (Разница только в том, что, как франки славились своей тяжелой конницей, так римляне гордились — и не без оснований — своей также тяжеловооруженной пехотой, знаменитыми легионами).

Тем временем Джавали, эмир, пленивший Бальдуэна, поссорился с Радваном Алеппским. Последний позвал на помощь Танкреда. Джавали же отпустил графа за половину выкупа и обещание в будущем заплатить остальное. Теперь Бальдуэн, как полагалось рыцарю, решил воздать благодарением за благодеяние. Граф Эдессы и Жослен Тель-Баширский привели несколько сотен рыцарей к Менджибу (крепость между Алеппо и Евфратом), куда подошло войско Джавали (пять сотен турок и до тысячи бедуинов). Таким образом, вся армия эдесситов и мусульман составляла до двух тысяч конницы.

Танкред привел пятнадцать сотен рыцарей и конных оруженосцев¹⁴⁰, Радван — шесть сотен всадников.

В битве христиан и мусульман против христиан и мусульман сначала одолевали Бальдуэн и его союзники, однако потом верх взял Танкред с Радваном Алеппским.

Хронисты сообщают о том, что произошло это из-за бедуинов Джавали. Они соблазнились запасными конями союзников-франков, которых те спрятали в укромном месте, и попытались их украсть. Разумеется, коней охраняли. Одна из главных особенностей средневековья состояла в том, что приходилось тратить огромное количество сил как раз на охрану имущества. Причем заботиться об этом должен был сам собственник, никакой такой полиции не существовало, и каждый, конечно, норовил что-нибудь стянуть под шумок — мол, война все спишет.

Как нетрудно догадаться, бесчестные намерения вороватых кочевников встретили бурные возражения со стороны франков: получился не шумок, а самый настоящий шум. Воины Джавали и Бальдуэна, которые, конечно, ничего не знали о замыслах горе-союзников, решили, что противник их обошел и вот-вот возьмет в клещи. Они обратились в беспорядочное бегство.

Вообще же в те времена частенько случались такие вот, как бы сказали мы теперь, непонятки.

Знаменитый султан Саладин, как-то сражаясь с крестоносцами под стенами Акры (1189 г.), оказался в глупейшем и опаснейшем положении. Эмир Таки, командовавший правым флангом сарацинского войска, начал притворное отступление, забыв предупредить о маневре своего господина. Делал он это так убедительно, что ввел в заблуждение... самого Саладина, который решил, что...

Трудно сказать, что именно решил султан, только доблестные тамплиеры опрокинули отряды Таки, и турки бежали аж до самого Дамаска. Что, впрочем, не помешало самому Саладину украсть у франков победу: когда они уже грабили его лагерь, султан вернулся и... в общем, получилась ничья, кровавая ничья, стоившая жизни печально известному гранд-мэтру Храма Жерару Ридфору.

Другой, не менее курьезный случай, произошел в 1101 г. под Рамлой.

Король Бальдуэн Первый вышел навстречу тридцатитысячному(!) египетскому войску (одиннадцать тысяч конных и двадцать одна тысяча пеших по сведениям из арабских источников), имея двести шестьдесят(!) рыцарей и около тысячи(!) человек пехоты. Несмотря на столь чудовищный численный перевес неприятеля, Бальдуэн разделил свое войско на несколько отрядов и атаковал.

Его рыцари один за другим гибли в гуще вражеских полчищ. Один из них, Юго де Сент-Омер, командир третьего отряда, видя, что все проиграно, с несколькими рыцарями обратился в бегство. Он прибыл в Яффу с вестью о поражении и гибели самого короля. Королева грохнулась в обморок.

Тем временем Бальдуэн, слухи о смерти которого оказались сильно преувеличены, решил что пора вмешаться самому. Истиво покаявшись в грехах — а уж кому-кому, а ему-то было в чем покаяться — перед истинным крестом, на котором пострадал сам Спаситель (фрагменты этой реликвии крестonosцы возили с собой на каждую важную битву), и вместе с остатками войска воодушевившись пламенной проповедью Арнульфа де Ро, Бальдуэн оседлал своего любимого коня и бросился на врага.

Трудно сказать, кто помогал королю Иерусалимскому, может и Бог, поскольку результаты атаки оказались впечатляющими. Впрочем, нет, какое там впечатляющими?! Сокрушительными! Огромное войско визиря аль-Афдала в панике бросилось бежать.

Однако самое удивительное тут не в этом, а в том, что Бальдуэну, ко всему прочему, каким-то невероятным способом удалось убедить своих рыцарей не останавливаться, чтобы разграбить лагерь противника, которого победители гнали аж до самого Аскалона!

Вот уж действительно, есть Бог или нет его, а повиниться, очистить душу иной раз отнюдь не помешает.

КОММЕНТАРИЙ 21

Укрепление своей собственной державы за счет подчинения в первую очередь мусульманских земель виделось Нур ед-Дину на данном этапе куда более важной задачей, чем попытки овладеть хорошо укрепленной и многолюдной Антиохией. Кроме того, Звезда Ислама знал, что, по крайней мере номинально, Ренольд — вассал византийской короны, и Нур ед-Дину вовсе не хотелось бы, чтобы Мануил, заключив мир с Икониумом, дал возможность султану направить свои орды для войны с Алеппо.

Вспомним про удачное обретение Дамаска. В любом случае политика атабека уже принесла ему грандиозную победу, с которой не могло идти ни в какое сравнение взятие Аскалона Иерусалимским королем. Не будем забывать, что, завладев этим городом, Бальдуэн нанес прежде всего ущерб египетским Фатимидам (то есть шиитам), что в общем-то также играло на руку глобальной политике сарацин-суннитов. Не столько даже Нур ед-Дина, сколько его знаменитого последователя, чье грозное имя навеки будет вписано в историю.

Впрочем, пока что племяннику победоносного Ширку, сыну Айюба, Салах ед-Дину Юсуфу всего лишь восемнадцать, и он ничем себя не проявил. Так что и мы не будем до поры вспоминать о нем, несмотря даже на ту фатальную роль, которую его возвышение сыграло в судьбе нашего героя.

КОММЕНТАРИЙ 22

Тут неплохо бы вновь вспомнить о делах давно минувших. Еще на втором этапе Первого похода, когда дружины крестоносцев одна за другой начали прибывать в Константинополь, Алексей попытался обеспечить за собой право в дальнейшем притязать на сюзеренитет над всеми землями, которые будут завоеваны рыцарями. Последние, кто охотно, кто нет, принесли вассальные присяги. Однако уже после взятия Nikeи, которую базилевс обманом оставил за собой, назначив в нее наместника из числа своих приближенных, все графы стали считать себя свободными от омажа, поскольку убедились в истинных намерениях Алексея.

Антиохия шла в договорах особой строкой. Ибо город этот империя потеряла уже в царствование Комнинов, кроме того, Боэмунд Отрантский, потерпев поражение под Диррахием в 1108 г., подписал знаменитое Девольское соглашение, по которому, как князь Антиохии, подтвердил свой безусловный вассалитет Алексею.

Боэмунд не был разбит в битве, так как Алексей просто не решался на генеральное сражение с норманнами, но князь оказался обложен со всех сторон византийцами и, лишившись кораблей, не смог продолжать борьбу. Он прибыл в ставку Алексея, где они составили довольно пространственный договор; о нем подробно рассказывает Анна Комнина в своей «Алексиаде».

Поскольку, как нам известно, Боэмунд Первый так больше и не возвращался на Восток (спустя три года великий крестоносец скончался в родной Апулии, в своем Каноссиуме, теперь Каноса-ди-Пулья¹⁴¹), а правивший в Северной Сирии Танкред¹⁴² попросту наплевал на дядины присяги, то и в дальнейшем норманнские князья чувствовали себя абсолютно

свободными от каких-либо обязательств по отношению к Византизму, что не могло, конечно, не злить Комнинов, переживавших в конце царствования Иоанна и особенно при Мануиле пик своего могущества.

Территории к югу от Антиохии были потеряны Константинополем очень давно, попытаться подчинить себе Иерусалимское королевство означало бы для Мануила неизбежное усиление конфронтации с Западом. В конце концов там уже не раз и не два раздавались мнения о том, что неплохо бы направить силы рыцарства на поход против схизматиков, которые, конечно же, ничуть не лучше неверных.

Впрочем, всему свое время, как знаем мы из школьных учебников истории, не прошло и пятидесяти лет со вторжения на Кипр дружин Ренольда Шатийонского и Тороса Киликийского, как соединенные силы французских графов и венецианцев штурмом взяли Второй Рим¹⁴³.

Однако это не тема нашего повествования. Скажем только, что логические выкладки коннетабля Иерусалимского выглядят вполне убедительно, едва ли у Бальдуэна Третьего могли возникнуть серьезные основания опасаться за свою власть вследствие самоуправства беспокойного родственника.

КОММЕНТАРИЙ 23

Впрочем, радость франков вскоре сменилась недоумением, а позже и разочарованием. Через недолгое время после того, как императорская армия двинулась на Восток, в Антиохию стали долетать слухи о том, что порфирородный сюзерен, славный защитник Утремера сначала повел переговоры с посланниками Нур ед-Дина, а позже и вовсе принял условия мира, предложенные князем язычников.

Христиане Левантийского царства почувствовали себя обманутыми, покинутыми и даже, более того, оплеванными. Их мало заботило, что Меч Веры, всерьез опасавшийся войны с базилевсом, в угоду ему отпускал шесть тысяч христианских пленников, подавляющее большинство которых оказались немцами, угодившими в плен во время Второго похода.

Смирив Тороса и Ренольда, припугнув Нур ед-Дина, базилевс ушел обратно в Константинополь, якобы обеспокоенный слухами о готовившемся заговоре в столице. Наконец-то даже самые недаленовидные из франков поняли, как на деле заботят Мануила судьбы христианства Востока. Он мало чем отличался от своего венценосного деда, который шестьдесят лет назад даже и не удосужился придти на помощь осажденным в Антиохии крестоносцам, предоставив их спасение судьбе.

Своих целей Мануил между тем, вне всякого сомнения,

достиг. После ухода императорского войска Нур ед-Дин, выполняя условия соглашения, не только сам ударил на Килидж Арслана Второго, но и склонил к участию в этом предприятии данишмендского князя Якуба Арслана. Тот атаковал сельджуков с северо-востока. Тем временем ромейский стратиг Иоанн Контостефан, собрав дружины Антиохии и Киликии, усилив их отрядом печенегов, одновременно с главной императорской армией начал успешное наступление на турок в Меандрской долине. Довольно скоро Килидж Арслан убедился, что продолжать войну бессмысленно.

Год тысяча сто шестьдесят первый стал годом триумфа для стоявшего на пороге своего сорокалетия Мануила Комнина и для всей Византии. Враг, сто лет терзавший малоазиатские владения ромейской державы, в лице своего сегодняшнего владыки явился ко двору базилевса, смиренно прося о мире. На целых пятнадцать лет вплоть до своей блестящей и сокрушительной победы при Мириокефалоне султан Килидж Арслан Второй стал вассалом Константинополя.

КОММЕНТАРИЙ 24

Дальнейшее развитие событий полностью подтвердило предположение тамплиера Вальтера. Взаимные симпатии короля Бальдуэна, императора Мануила Комнина и Эмери де Лиможа как нельзя лучше сработали в пользу последнего.

Узнав о том, что произошло с Ренольдом, иерусалимский правитель поспешил в Антиохию, чтобы утвердить на ее престоле шестнадцатилетнего Боэмунда Третьего, назначив регентом монсеньера патриарха.

Пока венценосный отпрыск Мелисанды улаживал дела на Севере, пришел черед и для его родительницы оставить сей суетный мир. Королева-мать скончалась в сентябре 1161 г. Наплуз, которым от ее имени владел Филип де Мийи, отошел к короне, Филип же получил взамен сеньорию Ультржурден или Трансиорданию с неприступными замками Керак и Крак де Монреаль.

Владения барона впоследствии достанутся его дочери Эстефании (или Этьении), вдове Онфруа Третьего де Торона (сына блистательного коннетабля) и матери Онфруа Четвертого, будущего кандидата на трон Иерусалима. Молодой человек весьма неприятно поразит партию баронов, сделавших его своим вождем. Случай с Онфруа — единственный известный в истории Утремера, а может быть и не только его, когда человек, избранный королем бежал от короны, как черт от ладана.

Однако все это произойдет в далеком пока будущем.

В нем, в будущем этом, судьбы Эстефании (*dame dou*

Крас), ее сына и Ренольда Шатийонского пересекутся. Произойдет это только в 1176 г. Ему еще предстоит битва под Монжисаром, где, как выразился летописец, доблесть Ренольда принесла франкам победу (*Renaut, sires dou Crac, fu cil qui le grignour proueece fist en la bataille de Mongisart*), и еще десять лет жизни и трагическое сражение на Роггах Хаттина.

Все в мире идет своим чередом. Один человек восходит на гору, другой уже спускается с нее, и ничто не останавливается, не прекращается в этом вечном всеобщем странствии. Один человек умер, другой появился на свет, так всегда.

В год смерти королевы у графа Яффы Аморика, младшего брата короля, и Агнессы де Куртенэ вновь случилось прибавление семейства — родился второй ребенок. Первой была девочка, Сибилла, на сей раз супруга графа осчастливила его наследником. Мальчика назвали Бальдуэном, в честь прадеда и дяди.

Тот вскоре, уладив дела на севере, устремился на юг.

Стояла самая середина зимы, не слишком приятное время на Левантском побережье Средиземного моря. Остановившись на несколько дней в Триполи, король вдруг почувствовал себя плохо. Бальдуэн сначала старался не обращать внимания на свое состояние, но недомогание усилилось, и он попросил двадцатидвухлетнего Раймунда Третьего прислать врача. Граф направил к кузену доктора сирийца Барака, но больному стало только хуже.

И все же Бальдуэн отправился дальше. Однако ему удалось добраться лишь до Бейрута, где 10 февраля 1162 г. король и скончался¹⁴⁴. Подданные искренне оплакивали властителя, даже мусульманские крестьяне, спустившись с гор, выражали свое соболезнование франкам. Атабек Нур ед-Дин, только что вернувшийся из паломничества в Мекку, отказался последовать совету своих придворных и напасть на христиан в момент, когда они понесли столь тяжкую утрату.

Бальдуэн навсегда остался в истории под именем «идеального короля».

Его кончина дала Констанс безумную надежду одолеть патриарха и его клику. Княгиня написала византийскому губернатору Киликии Константину Коломану, только что назначенному на место Андроника Комнина, с просьбой вмешаться. Мать ее в свое время не погнушалась вести переговоры с атабеком Зенги, дочь все же оказалась... м-м-м... порядочнее, что ли? Однако жители Антиохии расценили действия своей почти уже утратившей власть госпожи как самое элементарное предательство. В городе начались волнения.

Поскольку возраст старшего сына княгини уже достиг восемнадцати лет, Боэмунд мог теперь править самостоятельно-

но, а значит, шансов на победу у княгини не было, практически никто не поддержал ее. Она проиграла, на сей раз уже окончательно.

В следующем году после смерти короля Бальдуэна Третьего и восшествия на престол Иерусалима Аморики Первого Констанс отправилась в Латтакию. Это город наряду с другим, Джабалой, составлял некогда вдовый удел ее матери. (Все повторяется!)

Клара и ее *Эмери-Аймерайх* наслаждались победой, но не столь долго, сколько бы им хотелось. Через пять лет после пленения главного ненавистника монсеньера базилевс потребовал от князя Боэмунда Третьего возведения на главное святительское место ромея Анастасия, патриарха греческой католической (ортодоксальной) церкви.

Бедняге Эмери и его подруге вновь пришлось пережить немало неприятных моментов. Монсеньера вынудили удалиться в изгнание в замок Косаир, откуда патриарх вернулся на свою кафедру только в 1170 г. Тогда Антиохия сильно пострадала от землетрясения, и *неугодный Богу узурпатор Анастасий* погиб под обломками обвалившихся сводов собора святого Петра.

Эмери возвратился на свое место, и в течение следующих двадцати шести лет жизни, которые Бог отпустил своему слуге¹⁴⁵, ему ни разу не снился тот страшный сон, в котором купол храма рушился над *его* головой.

Вместе с этим кошмаром убрался из сновидений патриарха и свирепый князь Ренольд.

Короля Аморики в большей степени интересовал не север, а юг — Египет.

Когда король предпринял туда поход, Нур ед-Дин вторгся в графство Триполи в районе Букайи и начал осаду замка Крак де Шевалье. Раймунду Третьему удалось собрать сильное союзническое войско (пришел не только Боэмунд Третий со своими антиохийцами, но и Константин Коломан с ромейским отрядом), привлечь важных пилигримов из Европы с их дружинами и нанести атабеку серьезное поражение.

Однако последний уже на следующий год, так же испросив помощи у соседей, вернулся и осадил Гарен. Теперь Боэмунду пришлось просить Раймунда и Коломана о помощи. Те откликнулись, даже Торос с братом Млехом приняли участие в походе.

Нур ед-Дин снял осаду. Этим бы успехом христианам и ограничиться. Однако Боэмунд Третий, надеясь на богатую добычу, игнорировал совет Ренольда де Сен-Валери (барона Гарена) и предпринял преследование. Не послушавшись также и предостережения Тороса, молодой князь Антиохии 10 авгу-

ста 1164 г. атаковал язычников у города Арта в трех-четыре-милях от Гарена. (Скажем сразу, эта акция стала последним решительным сражением Боэмунда с мусульманами.) Остальным участникам кампании не оставалось ничего иного, как последовать за князем.

Рыцари угодили в засаду. Практически все руководители христианского войска были захвачены и увезены в Алеппо. Тороса и Боэмунда, как вассалов Мануила, скоро отпустили за обещание уплатить выкуп¹⁴⁶. Коломана так же освободили едва ли не сразу в обмен на сто пятьдесят шелковых халатов. Раймунду Триполийскому повезло куда меньше, он вернулся в свое графство лишь спустя восемь лет¹⁴⁷.

Опасаясь возможного вторжения в Сирию войск базилевса, атабек не решился захватить Антиохию. Кроме того, вскоре туда прибыл и король Иерусалимский с сильной дружиной. Город был спасен; однако далеко не все одинаково расценили благородный порыв Аморики. Например, послы Мануила, явившиеся к королю в Антиохию, без обиняков спросили его, что он, собственно говоря, делает в городе, принадлежащем базилевсу?

Тогда же король направил в Константинополь сватов с просьбой подыскать достойную партию, поскольку первый брак Аморики был аннулирован. Такое условие поставили королю бароны при избрании его на престол. Агнессу де Куртэнэ сочли слишком худородной для трона.

Спустя три года, в августе 1167 г., камергер двора Одо де Сент-Аман и архиепископ Кесарийский привезли в Тир внучатую племянницу императора Марию Комнину, будущую королеву Иерусалимскую.

Аморик надеялся укрепить свой альянс с Константинополем в борьбе за Египет. Но старания короля не дали ожидаемого результата. Несмотря на все усилия франков и ромеев, наследие агонизировавшей династии Фатимидов досталось не им: знаменитый Асад ед-Дин Ширку переиграл их и в 1169 г. подчинил Египет власти Нур ед-Дина. Смерть доблестного курдского полководца в том же году открыла дорогу к власти его племяннику, знаменитому Саладину.

В то же время новое супружество Аморики и рождение второй дочери Изабеллы, сводной сестры принца (будущего короля Бальдуэна Четвертого Прокаженного) и первой дочери Аморики, Сибиллы, привело в будущем к образованию в королевстве двух партий. Это означало, что в подкоп, подведенный судьбой под основы Утремера, налили масла. Оставалось лишь поднести к нему фитиль.

Тяжелейшая болезнь в 1185 г., унесшая в могилу двадцатичетырехлетнего короля Бальдуэна, открыла дорогу к трону мужу Сибиллы, Гюи де Лузиньяну. Слабость и нерешительность этого короля, не способного держать в узде своих вас-

салов и, что еще более печально, следовать принятым им самим решениям, прекрасно выполнили функцию запала.

Беда заключалась в том, что в сложившейся ситуации речь шла не о борьбе пришельцев с Запада и местных ноблей, похоронившей все усилия пилигримов Второго похода, а о расколе в самой знати Утремера. Политическая жизнь королевства поляризовалась: даже оказавшись перед лицом грозного неприятеля, умеренные и маргиналы не перестали грызться между собой на погибель всего дела латинян на Востоке.

По свидетельству современников, их взаимная непримиримая ненависть и послужила причиной потери королевства — *...Ceste haine et cest despit firent perdre le royaume de Jérusalem.*

Когда читаешь эти строчки, поневоле вспоминаются слова летописца XIV в., нашего соотечественника, оставшегося безымянным — не для того писал, чтобы прославиться. Повествовал он о начавшейся в 1307 г. войне Москвы с Тверью. Автор не делал анализа, не пытался определить, кто, Юрий Московский или Михаил Тверской, правее, а выражал, как сказали бы мы теперь, позицию рядового гражданина. Более всего запоминается одна фраза, в которой не меньше тоски и горечи, чем в приведенной выше цитате из латинской хроники XII в. *И гыняше жизнь наша в князех.* Вот уж действительно...

Впрочем, это — Русь, а у нас речь о другом. Более того, случится катастрофа, вернее, случилась она только в фатальном 1187 г.; нас от него отделяет еще целых двадцать лет, поскольку у нас сегодня год тысяча сто шестьдесят седьмой, больше того, он лишь начинается.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1 К РОМАНУ «КНЯЗЬ АРНАУТ»

ПРАВИТЕЛИ ИЕРУСАЛИМА

ГОДФРУА, или ГОДФРИД БУЛЬОНСКИЙ, (*фр.*) GODEFROI DE BOUILLON. (Родился в 1060 г., умер 18 июля 1100 г. в Иерусалиме). Герцог Нижней Лотарингии (как Годфруа IV, 1089—1100). Первый правитель вновь основанного государства латинян в Иерусалиме. Правил под титулом Защитника Святого Гроба Господня (*Advocatus Sancti Sepulchri*).

БАЛЬДУЭН I. БАЛЬДУЭН БУЛОНЬСКИЙ, (*фр.*) BAUDOUIN (БОДУЭН) DE BOULOGNE. (Родился приблизительно в 1168 г., умер 2 апреля 1118 г. в аль-Ариш, Египет). Граф Эдессы (1098—1100), король Иерусалима (1100—1118).

БАЛЬДУЭН II. БАЛЬДУЭН БУРЖСКИЙ, (*фр.*) BAUDOUIN DU BOURG. (Умер в августе 1131 г. в Иерусалиме), граф Эдессы (1100—1118), король Иерусалима (1118—1131).

ФУЛЬКЕ I. ФУЛЬКЕ МЛАДШИЙ, (фр.) FOULQUES LE JEUNE. (Родился в 1092 г., умер в ноябре 1143 г. в Акре, Палестина.) Граф Анжу и Мэна как Фульке V (1109—1131) и король Иерусалима (1131—1143).

БАЛЬДУЭН III. (Родился в 1131 г., умер 10 февраля 1162 г. в Бейруте.) Король Иерусалима (1143—1162), получивший прозвище «Идеальный король».

АМОРИК I, (фр.) AMAURY, или AMAURI (АМОРИ). (Родился не позднее 1137 г., умер 11 июля 1174 г.) Король Иерусалима с 1162 по 1174 г. От первого брака с Агнессой де Куртенэ кроме сына, правившего в Святом Городе под именем короля Бальдуэна IV, Аморик оставил двух дочерей, Сибиллу (родилась в 1160 г.), мать будущего короля Бальдуэна V и королеву Иерусалима (с 1186 г.), а также (от брака с Марией, племянницей Мануила I) Изабеллу (родилась в 1172 г.).

БАЛЬДУЭН IV. БАЛЬДУЭН ПРОКАЖЕННЫЙ, (фр.) BAUDOIN LE LÉPREUX (старинное LE MÉSEL). (Родился в 1161 г., умер в марте 1185 г. в Иерусалиме). Король Иерусалима (1174—1185). Сын Аморика I Агнессы де Куртенэ. Находился на воспитании у известного историка и государственного деятеля Утремера архиепископа Гвильона Тирского. Ввиду часто ухудшавшегося самочувствия короля в период его правления власть в стране в разное время принадлежала регентам, среди которых были Раймунд III Триполийский (см. «Правители Триполи») и Ренольд де Шатийон (1177 г.).

БАЛЬДУЭН V. (Родился в 1177 г., в Иерусалиме. Умер в августе 1186 г., в Акре). Номинальный король Иерусалима, правивший с марта 1185 г. до своей смерти. Сын Сибиллы от первого брака с Гвильоном Монферратским по прозвищу «Длинный меч» (Guilgelmus Longue Espée).

ГЮИ. ГЮИ (ГВИЙАРД) ЛУЗИНЬЯНСКИЙ, (фр.) GUY DE LUSIGNAN. (Родился в 1159 г., умер в 1194 г.) Король Иерусалима с 1186 г. Король, потерявший королевство. Первый король Кипра (с 1192 г.) из династии Лузиньянов.

АМОРИК II АМОРИК ЛУЗИНЬЯНСКИЙ, (фр.) AMAURY, или AMAURI, DE LUSIGNAN. (Родился в 1155 г., умер 1 апреля 1205 г.) Король Кипра (1194—1205) и Иерусалима* (1198—1205), весьма успешно управлявший обоими государствами.

ГВИЛЬОМ ТИРСКИЙ.** (Родился в 1130 г. в Сирии, умер между 1183 и 1185 г. в Риме.) Знаменитый духовный деятель Иерусалимского королевства, архидьякон, а с 1175 г. архиепископ Тира. Хронист, автор значительного труда об истории крестовых походов и жизни Утремера.

* Фактически в период его правления Иерусалим принадлежал мусульманам, а столица франкского королевства Иерусалим находилась в Акре.

** К числу правителей не относится, однако несомненно заслуживает упоминания

ПРАВИТЕЛИ ТРИПОЛИ

РАЙМУНД ТУЛУЗСКИЙ. РАЙМУНД де СЕН-ЖИЛЛЬ, (фр.) RAIMOND DESAINT-GILLES. (Родился в 1041 или 1042 г. в Тулузе, графство Тулузское, умер 28 февраля 1105 г. около Триполи.) Граф Тулузы (1093—1105) и маркиз Прованса (1066—1105). Также именуется Раймундом I Триполийским. Несмотря на то что Раймунд I самим Триполи никогда не владел, с 1102 по 1105 г. он завоевал территории и замки вокруг него.

БЕРТРАН ТУЛУЗСКИЙ, (фр.) BERTRAM DE TOULOUSE. Бастард Раймунда де Сен-Жилля (умер в 1112 г.). Граф Триполи (1109—1112).

ПОНТИЙ I ТРИПОЛИЙСКИЙ, (фр.) PONS DE TRIPOLI. (Умер в 1137 г.) Граф Триполи (1112—1137).

РАЙМУНД II ТРИПОЛИЙСКИЙ. (Умер в 1152 г.) Граф Триполи (1137—1152).

РАЙМУНД III. (Родился в 1140 г., умер в конце 1187 г. в графстве Триполи.) Граф Триполи (1152—1187), князь Галилеи (1174—1187) и регент королевства Иерусалимского в 1174—1177 и 1184—1185 гг.*

ПРАВИТЕЛИ ЭДЕССЫ

БАЛЬДУЭН I. (См. раздел «Правители Иерусалима».)

БАЛЬДУЭН II. (Также см. «Правители Иерусалима».)

ИОСЦЕЛИН I или **ЖОСЛЕН** де **КУРТЕНЭ,** (фр.) JOSSE-LINS DE COURTENAY. (Умер в сентябре 1131 г. на пути от Эдессы к Кайсуну.) Барон Тель-Башира с 1102 г., граф Эдессы (1118—1131). Он был младшим сыном сеньора Куртенэ и близким родственником тогдашнего графа Эдессы, Бальдуэна II (мать Иосцелина приходилась Бальдуэну теткой) и прибыл на Восток, вероятно, в компании одного из соседей, графа Невера.

ИОСЦЕЛИН II де **КУРТЕНЭ.** (Умер в 1159 г. в Алеппо.) Граф Эдессы с 1131 по 1150 г.

ИОСЦЕЛИН III де **КУРТЕНЭ.** (Родился в 1134 г., умер в 1199 г.) Титулярный граф Эдессы. Сенешаль Иерусалимского двора с 1176 по 1196 г.

* На том основании, что основатель правящего дома графов Заморского Лангедока формально никогда не правил в Триполи, некоторые исследователи называют Раймунда II Раймундом I, а его сына и наследника, соответственно, Раймундом II.

** О графах Триполи, правивших в графстве в следующие сто лет, см. в разделе «Правители Антиохии» настоящего приложения, начиная с Бозмунда IV.

ПРАВИТЕЛИ МАЛОЙ АРМЕНИИ

КОНСТАНТИН. 1092 — 1100*.

ТОРОС I. 1100 — 1129.

ЛЕВОН I. 1129 — 1137.

ТОРОС II. 1152 — 1168.

МЛЕХ. 1173 — 1175.

РУВЕН III. 1175 — 1187.

ПРАВИТЕЛИ АНТИОХИИ

БОЭМУНД I. БОЭМУНД ОТРАНТСКИЙ, (*фр.*) BONÉMOND DE TARENTE. Настоящее имя Марк. (Родился не ранее 1050 г., но не позднее 1158 г., умер 7 марта 1111 г., в Каноссе, Апулия (Canossa di Puglia).) Князь Отранто (1089—1111) и Антиохии (1098—1111). Руководитель штурма Антиохии 3 июня 1098 г.

ТАНКРЕД де ГОТВИЛЛЬ (д'ОТВИЛЛЬ), (*фр.*) TANCRÈDE DE HAUTEVILLE. (Родился в 1076 г., умер 12 декабря 1112 г. в Антиохии.) Князь Галилеи. Регент княжества Антиохийского (1101—1103 и 1105—1112) и графства Эдесского (1104—1108).

РУТГЕР (или РОЖЁР), сын князя Салерно, Рикхарда (Ришара, или Ричарда). (Погиб в сражении на территории княжества Антиохийского 28 июня 1119 г.) Последний норманнский правитель Антиохии (1112—1119).

БОЭМУНД II. Сын Боэмунда I и Констанс Французской. (Родился в 1107 г., умер в феврале 1130 г.) Князь Антиохии с 1119 по 1130 г. Фактически прибыл в Антиохию в 1126 г. Погиб, угодив в засаду на реке Пирам (ныне Джейхан).

РАЙМУНД. РАЙМУНД де ПУАТЬЕ, (*фр.*) RAIMOND DE ROITIERS. (Родился в 1099 г., погиб в сражении при Инабе 28 июня 1149 г.) Князь Антиохии (1136—1149).

РЕНОЛЬД де ШАТИЙОН, (*фр.*) RENAUD DE CHÂTILLON-SUR-LOING. (Родился приблизительно между 1125 и 1127 г. в Шатийоне-на-Луане (или в Жьене-на-Луаре), Франция. Умер 4 июля 1187 г. в Галилее.) Князь Антиохийский (1153—1160), сеньор Трансиордании (1177—1187). Казнен султаном Юсуфом (Саладином).

БОЭМУНД III. БОЭМУНД МАЛЫШ, или БОЭМУНД ЗАЙКА, (*фр.*) BONÉMOND LE BAMBE (также LE BAUBE), или BONÉMOND LE BÈGUE. (Родился в 1145 г., умер в апреле 1201 г.) Князь Антиохии (1163—1201).

* Даны только года правления.

БОЭМУНД IV. БОЭМУНД ОДНОГЛАЗЫЙ, (фр.) VONÉ-MOND LE BORGNE. (Родился в 1175 г., умер в марте 1233 г.). Граф Триполи (1187—1233) и князь Антиохии (1201—1216, 1220—1233). Младший сын Боэмунда III и Оргвиллозы Гаренской. В 1187 г., по смерти бездетного графа Триполи, Раймунда III (см. «Правители Триполи»), он по его воле унаследовал графство. В 1201 г., нарушив завещание отца, вокняжился в Антиохии, игнорировав права племянника Раймунда-Рубена, сына старшего брата Раймунда, зарезанного ассасинами в 1197 г. в Тортосе.

В 1216 г., выбрав момент, когда Боэмунда не было в Антиохии, Раймунд-Рубен захватил власть в городе, однако в 1221 г. был изгнан и спустя год умер. Боэмунд управлял Триполи и Антиохией вплоть до своей смерти.

БОЭМУНД V. (Родился в 1198 г., умер в январе 1252 г.) Князь Антиохии и граф Триполи (1233—1252).

БОЭМУНД VI. (Родился в 1237 г., умер в 1275 г.) Князь Антиохии (1252—1268), граф Триполи (1252—1275).

БОЭМУНД VII (Умер 19 октября 1287 г.) Граф Триполи с 1275 г.*

РУКОВОДИТЕЛИ ВОЕННО-МОНАШЕСКИХ ОРДЕНОВ

ОРДЕН ТАМПЛИЕРОВ

ЮГО де ПАЙЕН (HUGUES DE PAYNS). Основатель ордена. Великий магистр** с 1128 по 1136 г.

РОБЕРТ де КРАОН (ROBERT DE CRAON). Великий магистр с 1136 по 1148 г.

ЭВРАР де БАПП. (EVERARD DES BARRES). Великий магистр с 1148 по 1149 г.

БЕРНАР де ТРЕМЕЛЭ (BERNARD DE TREMELAY или DRAMELAY). Великий магистр с 1151 по 1153 г.

* Последние два правителя в данном повествовании не упоминаются, а Боэмунд VII, собственно говоря, и вообще князем Антиохии не являлся, поскольку она была захвачена мамелюками в мае 1268 года еще при жизни Боэмунда VI. Сам Триполи пал спустя два года после смерти своего последнего христианского правителя — в 1289 г.

** Сами тамплиеры называли главу своего ордена «Notre Maître, frère un tel»... — «Наш Магистр, брат такой-то»... Титул «Grand Maître» обычно значился в папской булле, когда речь шла о магистре Утремера (outré-mer), одновременно являвшегося магистром западных «филиалов», так называемого Десамера (deça-mer), то есть «земли по ту сторону моря». Несмотря на это все, исследователи как правило именуют магистров Святой Земли великими.

АНДРЭ де МОНБАР. Великий магистр с 1153 по 1156 г.
БЕРТРАН де БЛАН(К)ФОР (BERTRAND DE BLANQUEFORT). Великий магистр с 1156 по 1169 г.

ФИЛИП де МИЙИ (PHILIPPE DE MILLY). Великий магистр с 1169 по 1171 г.

ОДО де СЕНТ-АМАН. (ODON, или EUDES, DE SAINT-AMAND). Великий магистр с 1171 по 1179 г.

АРНОЛЬД де ТОРОЖ (ARNAUD DE TOROGE, или TOUR ROUGE). Великий магистр с 1180 по 1184 г.

ЖЕРАР де РИДФОР (GERARD DE RIDEFORT). Великий магистр с 1185 по 1189 г.

ОРДЕН ГОСПИТАЛЬЕРОВ

РАЙМУНД дю ПЮИ (RAIMOND DU PUY). Реформатор, он фактически преобразовал орден из монашеской в военномонашескую организацию. Магистр с 1119 по 1160 г.

* ОЖЕР де БАЛЬБАН (AUGER DE BALBEN). Магистр с 1160 по 1162 г.

* АРНОЛЬД де КОН (ARNAUD DE COMPS). Магистр в 1162 г.

ЖИЛЬБЕР д'АССАЙИ (GILBERT D'ASSAILLY). Магистр с 1162 по 1170 г.

* КАСТ де МЮРОЛЬ (CASTE DE MUROLS). Магистр с 1170 по 1172 г.

* ЖОБЕР (JOBERT) Магистр с 1172 по 1177 г.

РОЖЕР де МУЛЕН (ROGER DES MOULINS). Магистр с 1177 по 1187 г.

* АРМАНГАН д'АСП (ARMENGAND D'ASPE). Магистр с 1188 по 1190 г.

ДУХОВНЫЕ ВЛАДЫКИ УТРЕМЕРА

ПАТРИАРХИ ИЕРУСАЛИМСКИЕ

СИМЕОН II. Греческий патриарх по 1099 г.

ДАИМБЕРТ ПИЗАНСКИЙ. Латинский патриарх** с 1099 по 1102 г.

ЭВРЕМАР (EVREMAR DE CHOCQUES). С 1102 по 1108 г.

ЖИБЕЛИН (GIBELIN D'ARLES). С 1108 по 1112 г.

АРУЛЬФ (ARNOULF DE CHOCQUES). С 1112 по 1118 г.

* Отмечены магистры ордена Госпиталя, бывшие монахами, а не рыцарями.

** Начиная с Диамберта и до падения власти франков в Святом Городе все патриархи Иерусалима были, разумеется, латинянами.

ГОРМУНД (GORMOND DE PICQUIGNY). С 1118 по 1128 г.
СТЕФАН (ÉTIENNE DE LA FERTÉ). С 1128 по 1130 г.
ГВИЛЬГЕЛЬМУС (GUILLAUME DE MESSINES). С 1130 по
1147 г.

ФУЛЬКЕ (FOULQUES D'ANGOULÊME). С 1147 по 1157 г.
АМОРИК (AMOURY DE NESLE). С 1157 по 1180 г.
ИРАКЛИЙ. С 1180 по 1191 г.

ПАТРИАРХИ АНТИОХИИ

ИОАНН. Греческий патриарх по 1100 г.
БЕРНАР (BERNARD DE VALENCE). С 1100 по 1135 г.
РАДУЛЬФ (RAOUL DE DOMFRONT). С 1135 по 1139 г.
* ЭМЕРИ (AIMERY DE LIMOGES). С 1139 по 1196 г.

НОРМАННСКИЕ ПРАВИТЕЛИ АПУЛИИ, КАЛАБРИИ И СИЦИЛИИ

РОБЕРТ I. РОБЕРТ д'ОТВИЛЛЬ, или РОБЕРТ ГВИСКАР,
(*фр.*) ROBERT DE HAUTEVILLE, (*итал.*) ROBERTO GUI-
CARDO, или ROBERTO D'ALTAVILLA. (Родился в 1015 г. в
Нормандии, Франция. Умер 17 июля 1085 г. около Кефало-
нии, Византийская империя).

Французский рыцарь уроженец Нормандии, первый сын
от второго брака Танкреда д'Отвилля (нормандский барон, не
путать с правнуком и тезкой, знаменитым регентом Анти-
охии). В 1047 г. Роберт впервые появляется в Апулии, Южная
Италия, призванный туда сводными братьями, сыновьями
Танкреда от первого брака с Моризэлой, Гвильомом (Виль-
гельмом) Железнорукиком (Bras de Fer) и Дрогоном.

После смерти братьев — граф Апулии (1059) и вскоре
герцог. Он постепенно распространил норманнское правле-
ние на Неаполь, Калабрию и Сицилию.

РУТТЕР (или РОЖЕР) I. (Родился в 1031 г. в Нормандии,
Франция. Умер 22 июня 1101 г. в Милето, Калабрия.) Граф
Сицилии с 1072 г. Он был младшим из сыновей Танкреда
д'Отвилля (см. выше — Роберт I) от его второго брака с
Фредессиной.

РУТТЕР (или РОЖЕР) II. (Родился 22 декабря 1095 г.,
умер 26 февраля 1154 г. в Палермо, Сицилия.) Граф Сицилии

* С 1165 по 1170 г. во главе антиохийской патриархии стоял
грек, Анастасий. Эмери весь период правления Анастасия находился
в изгнании в замке Косаир.

(1105—1130) и король Норманнского Королевства Сицилия (1130—1154). В 1122 г. присоединил к своим островным владениям Калабрию, а в 1127 г. — Апулию.

ВИЛЬГЕЛЬМ I. ВИЛЬГЕЛЬМ ЗЛОЙ (*итал.*) GUGLIELMO IL MALO (Родился в 1120 г., умер 7 мая 1166 г. в Палермо, королевство Сицилия.) Сильный и умный правитель. Прозвище свое получил от баронов, чьи смуты и заговоры он неустанно подавлял.

ПРАВИТЕЛИ ФЛАНДРИИ

ТЬЕРРИ ЭЛЬЗАССКИЙ, (*фр.*) THIERRY D'ALSACE, (*дат.*) DIEDERIK VAN DEN ELZAS. (Родился в 1100 г., умер 4 января 1168 г. в Гревелингене, Фландрия.) Граф Фландрии (1128—1168). Принял участие во втором крестовом походе. В 1157 г. передал свои владения сыну Филиппу Эльзасскому и отправился на Восток, где со своей дружиной в союзе с королем Иерусалима и князем Антиохии помог последнему вернуть важную крепость Гарен. По возвращении домой удалился в монастырь, где и умер.

РОБЕРТ II. РОБЕРТ ИЕРУСАЛИМСКИЙ, (*фр.*) ROBERT LE HIÉROSOLYMITAIN, (*дат.*) ROBRECHT VAN JERUZALEM. (Родился около 1065 г., умер 5 октября 1111 г. поблизости от Мо во Франции.) Граф Фландрии (1093—1111). Один из самых прославленных крестоносцев.

По возвращении в Европу сражался на стороне Людовика Толстого против англичан. Утонул при переправе через реку из-за крушения моста.

ПРАВИТЕЛИ ФРАНЦИИ И АНГЛИИ, А ТАКЖЕ ЦЕРКОВНЫЕ ДЕЯТЕЛИ

ВИЛЬГЕЛЬМ I. ВИЛЬГЕЛЬМ ЗАВОЕВАТЕЛЬ, или **НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫЙ**, или **ВИЛЬГЕЛЬМ НОРМАНДСКИЙ**, (*фр.*) GUILLAUME LE CONQUÉRANT, или LE BÂTARD, или GUILLAUME DE NORMANDIE. (Родился в 1028 г. в Фалезе, Нормандия, умер 9 сентября 1087 г. в Руане.) Герцог Нормандии (как Вильгельм II) с 1035 г. и король Англии с 1066 г.

СТЕФАН I. Его также называют **СТЕФАН БЛУАССКИЙ** (не путать с отцом, участником Первого крестового похода графом Стефаном Блуасским). (Родился в 1097 г., умер 25 октября 1154 г. в Доузере, Кент, Англия.)

Стефан был третьим сыном графа Блуа и Шартра Этьенна (Стефана) и дочери Вильгельма Завоевателя Адель. Англий-

ский король по 1154 г. Стефан узурпировал трон в 1135 г., однако почти до самой своей смерти ему пришлось вести войну за власть в Англии с Матильдой, дочерью дяди, Генриха I Английского.

МАТИЛЬДА. Прозвище — **ИМПЕРАТРИЦА**, ее также называют **MAUD**, (*герм.*) **MATHILDE**. (Родилась в 1102 г. в Лондоне, умерла 10 сентября 1167 г. поблизости от Руана, Нормандия.) Она была единственной дочерью короля Генриха I Английского и его жены, шотландской принцессы Матильды. В 1114 г. она вышла замуж за германского императора Генриха V, который умер в 1125 г. бездетным. Спустя три года Матильда вышла за графа Анжу, Годфруа Плантагенета, сына Фульке Анжуйского (см. раздел «Правители Иерусалима» настоящего приложения).

С 1139 г. Матильда вела войну с королем Стефаном за обладание английской короной. Поначалу ее дела шли успешно, верным ей войскам даже удалось пленить короля и вынудить его пойти на уступки, но в 1148 г. ей пришлось удалиться в Нормандию, которая с 1144 г. принадлежала ее мужу. В 1150 г. сын Матильды от второго брака Генри (или Анри) стал герцогом Нормандии, а после смерти короля Стефана в 1154 г. и королем Англии, главным образом благодаря стараниям своей матери.

ГЕНРИХ II. АНРИ АНЖУЙСКИЙ, ГЕНРИ ПЛАНТАГЕНЕТ, ГЕНРИ ФИЦ-ЭМПРЕСС (сын императрицы), **АНРИ КОРОТКИЙ ПЛАЩ.** (Родился в 1133 г. в Мэне, умер 6 июля 1189 г. неподалеку от Тура.) Герцог Нормандии (с 1150 г.), граф Анжу (с 1151 г.), герцог Аквитании (с 1152 г.) и король Англии (с 1154 г.).

ЛЮДОВИК VI. ЛЮДОВИК ТОЛСТЫЙ, (*фр.*) **LOUIS LE GROS.** (Родился в 1081 г., умер 1 августа 1137 г.) Король Франции с 1108 по 1137 г.

ЛЮДОВИК VII. ЛЮДОВИК МЛАДШИЙ, (*фр.*) **LOUIS LE JEUNE.** (Родился в 1120 г., умер 18 сентября 1180 г. в Париже.) Один из руководителей Второго крестового похода.

АЛИЕНОРА, или ЭЛЕОНОРА, АКВИТАНСКАЯ, также называемая **АЛИЕНОРОЙ** или **ЭЛЕОНОРОЙ ГИЕНЬСКОЙ,** (*фр.*) **ALIÉNOR,** или **ÉLÉONORE, D'AQUITAINE,** или **DE GUYENNE.** (Родилась в 1122 г., умерла в 1 апреля 1204 г. в Фонтевро, Анжу, Франция). Супруга Людовика VII, королева Франции (1137—1152), и Генриха II Английского, королева Англии (1152—1204). Мать Ричарда Львиное Сердце. Ее, пожалуй, можно считать самой властной женщиной XII в. в Европе.

РИЧАРД I. РИЧАРД ЛЬВИНОЕ СЕРДЦЕ, (*фр.*) **RICHARD COEUR DE LION.** (Родился 8 сентября 1157 г. в Оксфорде, умер 6 апреля 1199 г. в Шалю, герцогство Аквитанское.)

Герцог Аквитании (с 1168 г.) и Пуатье (с 1172 г.), а также король Англии, герцог Нормандии и граф Анжу (1189—1199).

ФИЛИП II. ФИЛИП АВГУСТ, (*фр.*) PHILIPPE AUGUSTE. (Родился 21 августа 1165 г. в Париже, умер 14 июля 1223 г. в Манте.) Первый из великих королей-капетингов — правил Францией с 1179 по 1223 г., — кто смог отвоевать значительную часть французских территорий, находившуюся под властью английской короны, и расширить королевский домен от Лангедока на юге до Фландрии на севере.

ПЕТР ПУСТЫННИК (ОТШЕЛЬНИК), (*фр.*) PIERRE L'ERMITE. (Родился в 1050 г., вероятно в Амьене, умер 8 июля 1115 г. в Нефмустье около Юи во Фландрии.) Активный проповедник и участник Первого крестового похода. Весьма не однозначная, в чем-то комичная, в чем-то трагическая фигура. Петр разъезжал на ослике, который, по уверению злых языков, был как две капли воды похож на хозяина.

Являясь вождем бедноты, Петр не раз воодушевлял крестьян на подвиг. Один такой эпизод Первого похода окончился весьма плачевно, как-то проповедник перестарался, и возбужденные его призывами толпы устремились через Босфор на малоазиатский берег, где захватили и разграбили какие-то населенные пункты, где проживали в основном греческие христиане, а затем двинулись дальше. Практически ничем не вооруженных людей ждала неминуемая гибель при столкновении с армией сельджукского султана. Понимая это, Петр бросил своих подопечных и удалился в Константинополь. Вскоре после этого крестьяне угодили в засаду и были полностью уничтожены турками.

АДЕМАР де МОНТЕЙЛЬ, так же называемый **АДЕМАР ДЮ ПЮИ**, ADÈMAR, или ADÉMAR, или AIMAR DU PUY. (Умер 1 августа 1098 г. в Антиохии.) Французский епископ, папский легат, возглавлявший Первый крестовый поход. (См.: Урбан II в разделе «Римские понтифики» настоящего приложения.)

СУГЕРИЙ. (Родился в 1081 г. неподалеку от Парижа, умер 13 января 1151 г.) Аббат монастыря Сен-Дени, советник Луи VI, а потом и его сына. Отправляясь в крестовый поход, Луи VII сделал Сугерия фактическим правителем Франции.

СВЯТОЙ БЕРНАР КЛЕРВОСКИЙ (BERNARD DE CLAIRVAUX, SAINT). (Родился в 1090 г., вероятно в Фонтен-ле-Дижон близ Дижона, в Бургундии, Франция, умер 20 августа 1153 г. в Клерво в Шампани. Канонизирован 18 января 1174 г.; его день празднуется 20 августа.) Цистерцианский монах, основатель аббатства Клерво, один из наиболее влиятельных церковных деятелей своего времени. Вдохновитель Второго крестового похода.

ПРАВИТЕЛИ ВИЗАНТИИ

ЮСТИНИАН I. Полное имя в латинском варианте FLAVIUS JUSTINIANUS (ФЛАВИЙ ЮСТИНИАН), настоящее имя ПЕТР САББАТИЙ. (Родился в 483 г. на территории современной Сербии, умер 14 ноября 565 г. в Константинополе.) Император (527—565). Известен прежде всего проведенной им тотальной реорганизацией системы управления страной и созданием в 534 г. так называемого Кодекса Юстиниана. Вел успешные завоевательные войны, в том числе в Италии.

МИХАИЛ VII ДУКА, также именуемый **МИХАЙЛОМ VII ПАРАПИНАЦЕМ (ПАРАПИНАКОМ).** (Родился в 1059 г., в Константинополе, умер в 1078 г., в Эфесе на территории Византийской империи.) Младший сын Константина X Дуки, Михаил был отроком, когда 21 мая 1067 г. умер его отец. Ввиду сложной политической обстановки, постоянных войн с турками в Малой Азии регентство приняла его мать, Евдокия, которая вскоре вышла замуж за стратига Романа Диогена, коронованного императором-соправителем в январе 1068 г. Однако в результате поражения византийской армии при Манцикерте Роман попал в плен к туркам, и в 1071 г. Михаил 24 октября был объявлен единолично царствующим императором. Непопулярная политика Михаила настолько озлобила народ и знать, что 31 марта 1078 г. ему пришлось отречься от трона и постричься в монахи.

АЛЕКСЕЙ I КОМНИН. (Родился в 1048 г. в Константинополе, умер 15 августа 1118 г.) Император Византии (1081—1118), основатель династии Комнинов (1081—1185). Третий сын Иоанна Комнина и племянник Исаака Комнина (император Византии с 1057 по 1059 г.) пришел к власти в результате переворота, свергнув Никифора III (император Византии с 1078 по 1081 г.) Получил от предшественника истерзанную войнами страну, пустую казну и небоеспособную армию. По выражению собственной дочери и биографа Анны Комнины, (см. ниже в данном разделе) он *нашел империю при последнем дыхании*. В короткий срок Алексею удалось исправить положение. Он изыскал резервы, чтобы создать небольшое, но сильное войско, и в союзе с предводителями западных дружин, такими, как граф Фландрии Роберт, нанес ряд поражений туркам и печенегам.

Частично сумел вернуть Византии ее прежнее могущество. Ему удалось остановить норманнскую экспансию, а после смерти герцога Гвискара (см. раздел «Норманнские правители Апулии, Калабрии и Сицилии») вынудить князя Отранто Боэмунда I (см. раздел «Правители Антиохии») покинуть пределы Империи. Позднее, в 1108 г., Алексею удалось одержать победу над войском Боэмунда и заставить его со-

гласиться признать вассалитет Константинополя над Антиохией.

Дело Алексея с успехом продолжили сын, Иоанн Комнин, и внук, Мануил.

ИОАНН II КОМНИН. (Родился в 1088 г., умер в апреле 1143 г.). Сын императора Алексея I. Император Византии (1118—1143).

Совершил два похода в Сирию. Заставил князя Антиохии Раймунда де Пуатье (см. раздел «Правители Антиохии») и графа Эдессы, Иосцелина II (см. раздел «Правители Эдессы») признать вассалитет Византии.

МАНУИЛ I КОМНИН. (Родился в 1122 г., умер 24 сентября 1180 г.) Император Византии (1143—1180). Сын Иоанна Комнина и венгерской принцессы Ирины Пирошки. Продолжил дело отца. В 1155—1156 г. совершил неудачный поход в Италию с целью вернуть там потерянные к 1071 г. владения Византии. Началась экспедиция вполне успешно, но в 1156 г. войска базилевса были разбиты в Брундизии.

На Востоке базилевсу сопутствовала большая удача: он смирил князя Киликии, Тороса Рубеняна (см. раздел «Правители Малой Армении»), заставил его и князя Антиохии Ренольда Шатийонского (см. «Правители Антиохии») совершить акт публичного покаяния и принести вассальную присягу константинопольской короне. К 1161 г. нанес решительное поражение сұлтану Икониума Килидж Арслану II, заставил последнего явиться в Константинополь и там принести базилевсу вассальную присягу.

Однако в 1176 г. в битве при Микрокефалоне Мануил потерпел сокрушительное поражение от войск Килидж Арслана II. Армия Византии была практически полностью уничтожена, и могуществу империи в Малой Азии раз и навсегда положен конец.

АНДРОНИК I КОМНИН. (Родился в 1118 г. в Константинополе, умер 12 августа 1185 г. также в Константинополе.) Двоюродный брат Мануила I. Византийский император (1183—1185).

АННА КОМНИНА* (Родилась 1 декабря 1083 г., умерла вскоре после 1148 г.) Византийская писательница и историк, дочь императора Алексея I и его биограф. Автор «Алексиады», одного из замечательнейших литературных памятников своего времени.

* К числу правителей не относится, однако вполне заслуживает того, чтобы быть упомянутой рядом с ними.

ПРАВИТЕЛИ ГЕРМАНИИ И СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ ГЕРМАНСКОЙ НАЦИИ

ГЕНРИХ IV. (Родился 11 ноября 1050 г., вероятно в Госляре, в Саксонии, умер 7 августа 1106 г. в Льеже, Лотарингия). Герцог Баварии (как Генрих VIII, 1055—1161), король Германии (с 1054 г.) и император Священной Римской Империи (1084—1105/06).

КОНРАД III. (Родился в 1093 г., умер 15 февраля 1152 г. в Бамберге, Германия, Священная Римская Империя). Король Германии с 1138 по 1152 г., первый король из рода Гогенштауфенов.

ФРИДРИХ I. ФРИДРИХ БАРБАРОССА (*итал.* — Рыжебородый). (Родился в 1123 г., умер 10 июня 1190 г. в Малой Армении.) Герцог Швабии (как Фридрих III, 1147—1190), король Германии и император Священной Римской Империи (1152—1190).

ФРИДРИХ II. (Родился 26 декабря 1194 г. в Джеси, Анкона, Папское государство, умер 13 декабря 1250 г. в Капель-Фьоренцио, Апулия, Королевство Сицилия.) Король Сицилии (1197—1250), герцог Швабии (как Фридрих VI, 1228—1235). Германский король (1212—1250), император Священной Римской Империи (1220—1250).

МАТИЛЬДА КАНОССКАЯ. МАТИЛЬДА ВЕЛИКАЯ ГРАФИНЯ, (*итал.*) MATILDE DI CANOSSA, или MATILDE LA GRAN CONTESSA. (Родилась в 1046 г. в Лукке в Тоскании, умерла 24 июля 1115 г. в Бондено, Романья). Графиня Тоскании, хорошо известна своей пропагандой политикой и значительной ролью в конфликте между папским Римом и императорами Священной Римской Империи.

Один из острейших моментов этой борьбы — покаяние императора Генриха IV перед Папой Григорием VII — имел место как раз в замке Матильды в Каноссе (не путать с Каноссой Апулийской, владением Боэмунда I).

РИМСКИЕ ПОНТИФИКИ

ГРИГОРИЙ VII, СВЯТОЙ. Настоящее имя — ГИЛЬДЕБРАНД, (*итал.*) ILDEBRANDO (Родился около 1020 г., недалеко от Саоны, в Папском государстве, умер 25 мая 1085 г. в Салерно, княжество Салерно. Канонизирован в 1606; праздник 25 мая.) Римский Папа (1073—1085). Вел длительную борьбу с императором Генрихом IV (см. раздел «Правители Священной Римской Империи Германской Нации» настоящего приложения) в союзе с Матильдой Великой Графиней (см. в том же разделе).

Поначалу борьба эта шла успешно, но позднее император дважды выгонял Папу из Рима и даже назначил на папский престол своего человека антипапу. Несмотря на помощь герцога Роберта Гвискара (см. раздел «Норманнские правители Апулии, Калабрии и Сицилии» настоящего приложения), вернувшего Григория в Рим, скончался Папа в изгнании, в Салерно, на территории Гвискара.

УРБАН II. Настоящее имя — ОДО де ШАТИЙОН-СЮР-МАРН, или де ЛАЖЕРИ, или де ЛАНЬИ, (*фр.*) ODON, или EUDES DE CHÂTILLON-SUR-MARNE, или DE LAGERY, или DE LAGNY. (Родился в 1035 г. в Шатийоне-на-Марне, или в Лажери, или в Ланьи, Шампань, Франция, умер 29 июля 1099 г. в Риме.) Римский Папа (1088—1099).

Продолжатель политики Григория VII, Урбан провозгласил Первый крестовый поход.

ПАСХИЛИЙ II. Настоящее имя — РАНЬЕРО, (*лат.*) RANIERUS. (Родился в Бьеда ди Галеата, около Равенны. Умер 21 января 1118 г. в Риме.) Римский Папа (1099—1118).

ИННОКЕНТИЙ II. Настоящее имя — ГРЕГОРИО ПАПАРЕШИ. (Родился в Риме, умер также в Риме 24 сентября 1143 г.), Римский Папа (1130—1143). Среди прочих его деяний одним из важнейших является утверждение устава, данного Бернаром Клервоским (см.: «Правители Англии и Франции, а также церковные деятели») ордену Храма, и вывод последнего из подчинения Иерусалимскому патриарху.

ЕВГЕНИЙ III, БЛАГОСЛОВЕННЫЙ. Настоящее имя — БЕРНАРД ПИЗАНСКИЙ, (*итал.*) BERNARDO DI PISA, или BERNARDO PAGANELLI DI MONTEMAGNO. (Родился неподалеку от Пизы, умер 8 июля 1153 г. в Тиволи, в окрестностях Рима. Его день празднуется 8 июля с 1872 г.). Римский Папа (1145—1153). Провозгласил Второй крестовый поход.

АДРИАН IV. Настоящее имя — НИКОЛАС БРЕЙКСПИР. (Родился в 1100 г. в аббатстве Ленгли в Хердфордшире, Англия, умер 1 сентября 1159 г. в Ананьи, около Рима). Единственный англичанин, побывавший на папском престоле. Правил в 1154—1159.

АЛЕКСАНДР III. Настоящее имя — РОЛАНДО БАНДИНЕЛЛИ. (Родился около 1105 г. в Сьенне, умер 30 августа 1181 г. в Риме.) Римский папа (1159—1181).

ЛУЦИЙ III. Настоящее имя — УБАЛЬДО АЛЛУЧИНГОЛИ. (Родился в 1097 г., Лукка в Тоскании, умер 25 ноября 1185 г. в Вероне.) Римский папа (1181—1185).

УРБАН III. Настоящее имя — УБЕРТО КРИВЕЛЛИ. (Родился в Милане, умер 19/20 октября 1187 г. в Ферраре, Романья.) Римский папа (1185—1187).

ГРИГОРИЙ VIII. Настоящее имя — **АЛЬБЕРТО ДЕ МОР-РА.** (Родился в Беневенто на территории Папского государства, умер в 1187 г.) Римский папа (21.10—17.12 1187).

КЛЕМЕНТ III. Настоящее имя **ПАОЛО СКОРАРИ.** (Родился в Риме, умер также в Риме 20 марта 1191 г.) Римский папа (1187—1191).

ПРАВИТЕЛИ МУСУЛЬМАНСКОЙ СИРИИ И ЕГИПТА

ЗАНГИ (или **ЗЕНГИ**), полное имя — **ИМАД ЕД-ДИН ЗАНГИ ИБН АК СОНКУР.** (Родился в 1084 г., умер в 1146 г. в Мосуле, Ирак. По другим сведениям, во время рейда на территории эмира Дамаска.)

НУР ЕД-ДИН, полное имя — **НУР ЕД-ДИН АБУ АЛЬ-КАСИМ МАХМУД ИБН ИМАД ЕД-ДИН ЗАНГИ.** (Родился в феврале 1118 г., умер 15 мая 1174 г. в Дамаске, Сирия).

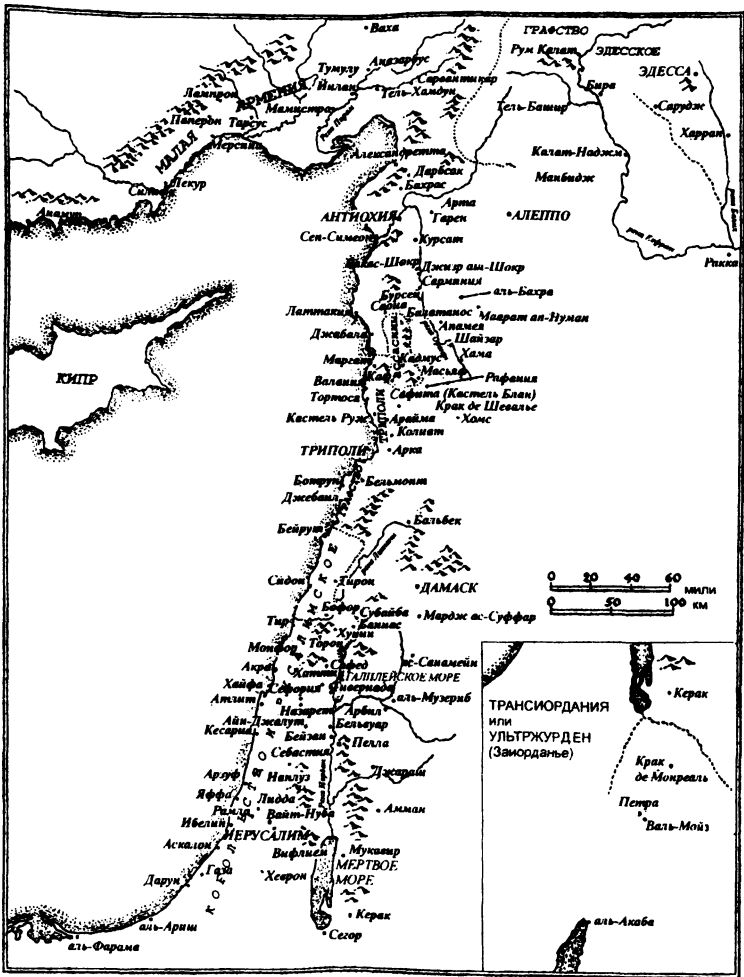
МУЙН ЕД-ДИН УНУР, или **ОНУР.** (Умер в августе 1149 г.) Эмир, правивший в Дамаске от имени династии Буридов с 1139 по 1149 г.

АСЕД ЕД-ДИН ШИРКУ. (Умер 23 марта 1169 г. в Каире.) Один из виднейших помощников атабека Нур ед Дина, брат Наджм ед-Дина.

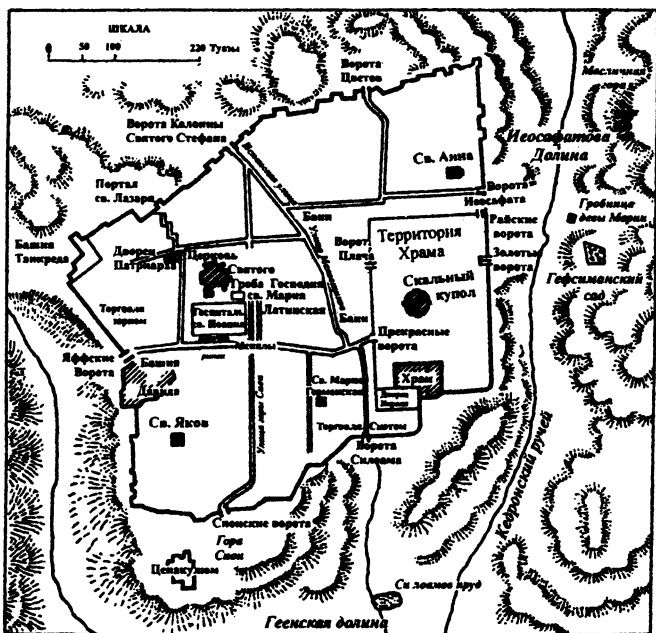
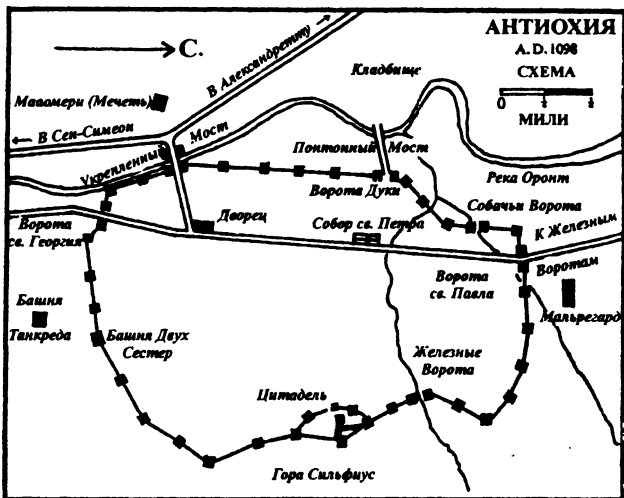
АЙЮБА. (Умер в августе 1173 г.) Великий визирь (январь 1169) и король Египта.

САЛАДИН, полное имя — **САЛАХ ЕД-ДИН ЮСУФ ИБН АЙЮБ**, иначе **АЛЬ-МАЛИК АН-НАЗИР САЛАХ ЕД-ДИН ЮСУФ I.** Выходец из курдской племенной знати. Сын Наджм ед-Дина Айюба, племянник Асад ед-Дина Ширку. (Родился в 1137/38 г. в Тикрите, Месопотамия, умер 4 марта 1193 г. в Дамаске.) Султан Египта, Сирии, Йемена и Палестины, основатель династии Айюбидов, просуществовавшей в упомянутых выше государствах до второй половины XIII века. Особенно прославился победой над армией франков у местечка Хаттин (4 июля 1187 г.) и тем, что сумел захватить Иерусалим (2 октября 1187 г.).

БЕЙБАРС I. Полное имя — **АЛЬ-МАЛИК АЗ-ЗАКИР РУКН ЕД-ДИН БЕЙБАРС АЛЬ-БУНДУКДАРИ**, или **АС-САЛИХИ.** (Родился в 1223 г. в «Половецкой степи», на северном побережье Черного моря. Умер 1 июля 1277 г. в Дамаске, Сирия.) Мамелюк, султан Египта и Сирии (1260—1277).

Сирия в период крестовых походов 1096 - 1291

Иерусалим под властью латинских королей. XII столетие.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Колин. КНЯЗЬ АРНАУТ. Роман	5
Комментарии	445

Колин А. Князь Арнаут: Роман; Оформление Ю. В. Станишевского — М.: ОСТО PRINT, 1998.— 527 с.— (Тамплиеры).

ISBN 5-85686-039-X

Повесть о большой беде царству Левантийскому, о баронах Утремера, пилигримах с Запада. О коварной королеве Мелисандре, прекрасной княгине Констанс и достославном рыцаре Ренольде из Шатийона.

Лицензия № 061697 от 13.02.98 г.

Сдано в набор 14.02.98 г. Подписано в печать 18.03.98 г.
Формат 84x108/32. Бумага типографская.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л.27,72. Тираж 5 000 экз. Заказ № 4053

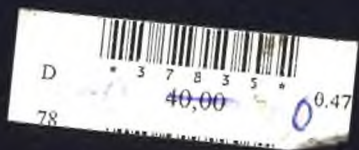
Компания «Octo Group Inc.»
Издательство «Octo Print»
125047, г. Москва
2-я Тверская-Ямская, 54-113
тел.: 202-84-01, 283-27-41

Компьютерная верстка
Куц-Жарко Ю. К.

OCR - Давид Титиевский, август 2017 г., Хайфа

Отпечатано в ОАО «Московской типографии № 5»
129243, Москва, Маломосковская, 21

MOCKBA OctoPrint